This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

3 2044 021 944 707

L Soc 3983.29

Harvard College Library

FROM

The Academy.

L Soc 3983.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

КНИГА VII.

ВЫПУСКЪ 1-й

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1861.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Редакторъ Ординарный Академикъ И. И. Срезневскій.

КНИГА VII.

ВЫПУСКЪ 1-й.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1861.

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE ACADEMY
OCT 17 1928

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 15-го сентября 1861 г.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ВЫПУСКА СЕДЬМОЙ КНИГИ

УЧЕНЫХЪ ЗАПИСОКЪ ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

I. ЛѢТОПИСИ ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1. Отчетъ Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1859 годъ, *П. А. Плетнева* . . . . . стр. I — XXI
2. Отчетъ за 1860 годъ. *П. А. Плетнева* . . . . . XXII — XL

II. РАЗСУЖДЕНІЯ, ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ОЧЕРКИ.

1. Русская митрополія въ ея переходный періодъ, Еписк. *Макарія* . . . . . 1 — 63
2. Дѣятельность и переписка Державина во время Пугачевскаго бунта, *Я. К. Грота* . . . . . 1 — 169
3. Сказанія Приска Панійскаго, *Г. С. Дестуниса* . . . . . 1 — 112

ЛѢТОПИСИ

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ОТЧЕТЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПО ОТДѢЛЕНІЮ

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ЗА 1859 ГОДЪ.

(ОРД. АКАД. П. А. ПЛЕТНЕВА).

I.

На основаніи Высочайше утвержденнаго Положенія, Отдѣленіе Русскаго языка и словесности состоитъ изъ двадцати Членовъ. Но никогда, въ продолженіе осьмнадцатилѣтняго существованія своего, не могло оно видѣть въ своихъ собраніяхъ полнаго числа этихъ избранныхъ дѣйствователей. Отсутствіе однихъ происходитъ отъ того, что они постоянно живутъ внѣ здѣшней столицы, а другихъ отъ того, что многотрудныя обязанности по занимаемымъ ими въ службѣ должностямъ не оставляютъ имъ времени для академическихъ трудовъ. Въ настоящее время не болѣе шести Академиковъ постоянно присутствуютъ въ засѣданіяхъ Отдѣленія и раздѣляютъ между собою академическія занятія. И въ этомъ небольшомъ числѣ, между нами, только одинъ Академикъ вполнѣ принадлежитъ Отдѣленію, не отвлекаемый отъ него никакою другою должностію.

До сихъ поръ Отдѣленіе успѣло изъ литературно-ученыхъ трудовъ своихъ напечатать тридцать два сочиненія. По части лексикографіи вышло семь книгъ, между которыми «Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка» состоитъ изъ четы-

рехъ томовъ. Два сочиненія изданы по отдѣлу грамматики, и одно изъ нихъ «Опытъ общесравнительной Грамматики Русскаго языка» вышло тремя изданіями. Наибольшее число сочиненій выдано Отдѣленіемъ въ свѣтъ по разряду Филологическихъ изслѣдованій. Ихъ напечатано двѣнадцать. Они преимущественно касаются стариннаго Русскаго языка и его литературы. Пособій къ изученію Исторіи отечественной словесности издано восемь. Наконецъ три сочиненія содержатъ изображенія отдѣльныхъ эпохъ Исторіи политической.

Постоянно издаются отъ Отдѣленія безсрочными выпусками «Извѣстія», продолжающіяся восемь лѣтъ. Тетради этого изданія нынѣ составили восемь томовъ in-4°. Они содержатъ въ себѣ не только Исторію занятій Отдѣленія, но и современную библіографію замѣчательнѣйшихъ явленій Русской словесности и прочихъ Славянскихъ литературъ. Спустя два года послѣ появленія «Извѣстій», началось печатаніе другаго повременнаго изданія, подъ названіемъ «Ученыя Записки». Ихъ вышло въ свѣтъ пять томовъ. Онѣ предназначены для подробнѣйшихъ изслѣдованій, нежели «Извѣстія». Филологія, Исторія и Критика составляютъ преимущественное содержаніе «Ученыхъ Записокъ».

III.

При небольшомъ числѣ постоянныхъ участниковъ въ занятіяхъ Отдѣленія, несправедливо было бы требовать отъ работъ ихъ замѣтнаго разширенія успѣховъ литературы, особенно при томъ соображеніи, что для Отдѣленія Русскаго языка и словесности предназначенъ путь чисто спеціальный. На этомъ пути оно не оказало медленности сравнительно съ другими, подобными ему, учрежденіями. Въ «Извѣстіяхъ» Отдѣленія прошлаго 1859 года напечатана была Записка Академика *Я. К. Грота*, подъ заглавіемъ: «Матеріалы къ обсужденію вопроса о новомъ изданіи академическаго Словаря». Въ ней приведено множество любопытныхъ указаній на учрежденія въ разныхъ государствахъ, однородныя съ нашимъ Отдѣленіемъ Русскаго языка и словесности. Эти указанія вполнѣ знакомятъ съ тѣми затрудне-

ніями, которыя повсюду встрѣчаемы были при изслѣдованіи состава и законовъ языка, и съ тѣми естественными препятствіями, съ которыми осуждены бороться литературныя совѣщательныя Общества.

III.

Въ числѣ исполняющихся нынѣ ученыхъ предположеній Отдѣленія, одно изъ первыхъ мѣстъ должно занять изданіе Славянскаго перевода «Хроники *Георгія Амартола*», изданіе въ возможно-полномъ и вѣрномъ видѣ. Извѣстно, что «Хроника Георгія Амартола», жившаго въ IX вѣкѣ, принадлежа къ числу замѣчательныхъ обще-историческихъ сочиненій Византійскихъ, очень рано, вѣроятно уже въ X-мъ вѣкѣ, сдѣлалась достояніемъ Славянской литературы. Въ спискахъ тогдашняго перевода она ходила не только въ томъ же видѣ, какой былъ и въ подлинникѣ, но и съ нѣкоторыми добавленіями. У насъ она имѣла тѣмъ болѣе значенія и успѣха, что заключаетъ въ себѣ сказанія и о Руси. Она даже служила руководствомъ и пособіемъ нашимъ лѣтописцамъ. Такъ между прочимъ и сочинитель «Повѣсти временныхъ лѣтъ» пользовался ею какъ источникомъ для припоминанія событій и обстоятельствъ, сходныхъ съ тѣми, о которыхъ онъ разсказываетъ въ своемъ повѣствованіи о Россіи. Это было причиною размноженія у насъ старинныхъ списковъ «Хроники Георгія Амартола».

Но сличеніе ихъ, большею частію дошедшихъ до насъ не изъ самой древности (древнѣйшіе принадлежатъ XIV вѣку), убѣдило, что не только ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть исключительно предпочтенъ прочимъ, но что нѣкоторыя мѣста даже не могутъ быть правильно прочтены при помощи всѣхъ списковъ вмѣстѣ безъ пособія Греческаго подлинника.

Къ счастію, въ то время, какъ Отдѣленіе приступало къ осуществленію своей мысли, Докторъ *Муральтъ* изучалъ древній списокъ той же Хроники на Греческомъ языкѣ, хранящійся въ Московской Синодальной Библіотекѣ. Онъ предполагалъ напечатать его съ дополненіями и разночтеніями по другимъ спи-

скамъ. Но изданіе этого новаго труда ученаго изыскателя могло замедлиться, и даже, по недостатку средствъ на покрытіе издержекъ печатанія, могло быть отложено на неопредѣленное время. Отдѣленіе, чтобы облегчить приготовленіе въ наилучшемъ видѣ изданія древняго Славянскаго перевода Хроники, рѣшилось всѣми способами содѣйствовать къ изданію полнаго и очищеннаго критикою подлинника. Это многосложное предпріятіе приходитъ нынѣ къ концу.

Докторъ *Муральтъ* воспользовался почти всѣми Греческими списками Хроники, хранящимися въ разныхъ библіотекахъ Европы. Кромѣ того, онъ обогатилъ свое изданіе сличеніями сказаній Амартола съ сказаніями другихъ Византійскихъ Хронографовъ. Это тѣмъ болѣе важно, что нѣкоторыя изъ сказаній повторяются въ нихъ отъ слова до слова. Такъ-какъ печатаніе подлинника достигаетъ окончанія, то и приготовленіе къ изданію Славянскаго перевода должно пойти безъ особенныхъ затрудненій.

IV.

Равнымъ образомъ приближается къ концу предпринятое Отдѣленіемъ въ прошедшемъ году изданіе «Словаря Церковно-Славянскаго языка». Это новый трудъ Академика *А. Х. Востокова*. По великой важности для отечественной литературы обоихъ предметовъ, то есть, и языка и труда, нельзя не коснуться здѣсь ихъ исторіи.

Церковно-Славянскій языкъ, какъ орудіе не только Церкви, но, въ продолженіе многихъ вѣковъ, и науки и вообще литературы для большей части Славянъ, долженъ былъ постепенно измѣняться въ разныхъ мѣстахъ сообразно съ мѣстными требованіями и всюду отклоняться отъ своего древняго первообраза. Самое важное изъ этихъ отклоненій, Русское, употребляемое въ нашихъ Церковныхъ книгахъ, пріобрѣло преимущественное значеніе довольно давно и у другихъ православныхъ Славянъ. Только этимъ языкомъ и ограничивались тѣ изъ нихъ, которые вообще изучали языкъ Церковно-Славянскій. Академикъ *А. Х. Востоковъ*, первый указалъ, что Русско-церковный

языкъ не есть первоначальный, чистый Славянско-церковный. Указанія его произвели переворотъ во всей Славянской филологіи. Переворотъ совершился сначала только въ уединенной сферѣ ученыхъ спеціалистовъ. На понятія прочаго общества, до послѣднихъ лѣтъ, онъ оставался вовсе безъ особеннаго вліянія. Вотъ почему замѣтно смѣшивалось значеніе Русскаго церковнаго языка, даже и просто стариннаго Русскаго, съ первоначальнымъ Церковно-Славянскимъ языкомъ. Слѣды этого смѣшенія остаются какъ въ «Общемъ Церковно-Славяно-Россійскомъ словарѣ» Непремѣннаго Секретаря бывшей Россійской Академіи *П. И. Соколова*, такъ и въ изданномъ 1847 года нашимъ Отдѣленіемъ «Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка», не говоря уже о «Церковномъ Словарѣ» Протоіерея *И. Алексѣева*, котораго 4-ое изданіе вышло въ то время, когда Академикъ А. Х. Востоковъ въ первый разъ представилъ новое свое на этотъ предметъ воззрѣніе. Несправедливо было бы сказать, что въ приведенныхъ Словаряхъ значеніе словъ опредѣлялось невѣрно; но тутъ руководствовались болѣе догадкою, или пособіемъ случайнымъ, нежели указаніемъ на изслѣдованные памятники.

Чѣмъ болѣе въ требованія науки и въ обязанности филологовъ проникалъ новый порядокъ изученія Славянскаго языка, тѣмъ необходимѣе становился новый Церковно-Славянскій Словарь, въ которомъ бы дано было объясненіе словамъ только изъ древнихъ памятниковъ со свидѣтельствами изъ нихъ, въ которомъ бы слова опредѣлены были не по догадкѣ, а посредствомъ сличенія съ тѣми Греческими, вмѣсто которыхъ они употреблены въ переводѣ. Начало такому Словарю положилъ самъ Академикъ *А. Х. Востоковъ* еще въ 1843 году, помѣстивъ обширный словоуказатель при изданномъ имъ Остромировомъ Евангеліи. Это изданіе, до послѣдней буквы свѣренное съ подлинникомъ 1057 года, содержитъ въ себѣ, сверхъ словоуказателя, сравненіе Славянскаго перевода съ Греческимъ подлинникомъ изъ строки въ строку, разныя критическія замѣчанія и наконецъ самую Грамматику, извлеченную изъ древнѣйшихъ памятниковъ. Оно сдѣлалось основаніемъ для новыхъ работъ по Церковно-Славянскому языку. Продолженіе съ должнымъ

успѣхомъ возможно было только въ Россіи, гдѣ каждому нынѣ доступны Императорская Публичная Библіотека, Румянцевскій Музеумъ и Московская Синодальная Библіотека. Но продолжать съ такими предварительными знаніями, съ такими усиліями и любовію, какія необходимы для успѣховъ несомнѣнныхъ, могъ едва ли нока не одинъ тотъ, кто и указалъ это новое поприще.

На Славянскомъ западѣ явились люди съ охотою къ этому дѣлу, между прочими въ Вѣнѣ, Профессоръ *Миклошичъ*, въ 1850 году напечатавшій свой «Lexicon linguae Slovenicae veteris dialecti». Но для него недоставало такихъ сокровищницъ, каковы наши; да и вообще древнихъ рукописей Славянскихъ у него было очень мало. Вотъ почему и *Миклошичъ* въ Словарѣ своемъ долженъ былъ итти по слѣдамъ *Алексѣева*, *Соколова* и прежняго опыта нашего Отдѣленія. Несправедливо отказать ему въ нѣсколькихъ важныхъ указаніяхъ на древніе памятники; но всѣ они составляютъ только добавленіе къ тому, что явилось прежде, а не были главнымъ основаніемъ словаря его. Только Академикъ *А. Х. Востоковъ* въ силахъ былъ заняться Словаремъ Церковно-Славянскимъ такъ, какъ требовала того новая наука. Онъ и занимался имъ многіе годы. Вотъ собственныя слова его изъ предисловія къ Словарю: «Предлагаемый здѣсь Словарь составлялся, въ продолженіе слишкомъ тридцати лѣтъ, собираніемъ словъ, какія встрѣчались мнѣ въ рукописяхъ и печатныхъ книгахъ, содержащихъ въ себѣ памятники древнѣйшаго Церковно-Словенскаго слова. При этомъ я захватывалъ и поздніе собственно Русскіе памятники, а также Сербскіе и Болгарскіе, доставлявшіе мнѣ какую-либо добычу словоизученія».

По приложенному авторомъ къ его книгѣ алфавитному указателю матеріаловъ, которыми онъ пользовался при составленіи Словаря, видно, что имъ перечитано болѣе ста тридцати памятниковъ, и критически составлены безчисленныя выписки, сопровождаемыя, гдѣ только возможно было, Греческимъ текстомъ. Эти выписки и вызывавшія ихъ частныя изслѣдованія составили основаніе нынѣшняго Словаря его. Къ нимъ оставалось прибавить то немногое, что открыто другими. Наконецъ, было бы нѣкотораго рода упущеніемъ, если бы не вошли сюда встрѣчающіяся въ тѣхъ же памятникахъ принятыя въ нашъ

новый языкъ слова, всѣмъ теперь понятныя, обыкновенныя и такъ сказать обыденныя, напримѣръ: благообразіе, безбожникъ, инокиня, и другія.

Послѣ всего сказаннаго, никто конечно не сочтетъ съ нашей стороны упрекомъ автору, если мы позволимъ себѣ замѣтить объ одномъ неудобствѣ, встрѣчающемся въ Словарѣ его. У Профессора Миклошича, собранныя имъ Старо-славянскія слова переведены только на Латинской, а нѣкоторыя на Греческой языкъ, такъ, какъ переводчикъ понималъ значеніе словъ Славянскихъ. Эти мѣста и Академикъ *А. Х. Востоковъ* оставилъ безъ прибавленія Русскаго перевода. Ежели понадобится воспользоваться драгоцѣннымъ трудомъ нашего Ученаго лицу, не обладающему знаніемъ древнихъ классическихъ языковъ, оно безъ сомнѣнія пожалѣетъ о явномъ для него неудобствѣ. Но обстоятельство это, предвидѣнное нашимъ Сочленомъ, объяснено имъ слѣдующими словами предисловія: «У Миклошича и у меня, при составленіи Словаря, были разные пріемы: у него не означено, къ какой части рѣчи слова принадлежатъ, не показаны ни роды, ни числа, ни падежи, въ какихъ слово встрѣчается. Отъ того я и не могъ принимать на себя отвѣтственность въ вѣрности толкованія словъ, имъ выставленныхъ, и ограничился просто принятіемъ этихъ словъ въ томъ видѣ, какъ они поставлены у Миклошича».

V.

Совершенно другаго рода предпріятіе овладѣло вниманіемъ Отдѣленія въ нынѣшнемъ году и потребовало много совѣщаній и соображеній для начертанія удовлетворительнѣйшаго плана въ исполненіи. Отдѣленіе, по предложенію новаго своего Предсѣдательствующаго, остановилось на изслѣдованіи вопроса, не чуждаго кругу общихъ занятій его: «Какъ составить изъ лучшихъ памятниковъ прошлой литературы нашей видимыя и несомнѣнныя пособія къ изученію ихъ времени, не только со стороны идей, языка, вкуса и художнической красоты, но и со стороны высшихъ предметовъ гражданственности, политики, словомъ,

той общественной жизни, которая для потомства такъ занимательна, такъ назидательна богатствомъ и разнообразіемъ явленій, оборотомъ общественныхъ событій и частными историческими отношеніями?» Прямой отвѣтъ не могъ быть другой, какъ предпріятіе изданій, приготовляемыхъ совершенно въ новомъ видѣ. Сочиненія каждаго избираемаго писателя, прежде всего, должны быть собраны въ возможной полнотѣ и размѣщены въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ. Варіанты, какіе только найдутся, непремѣнно должны занять принадлежащее имъ мѣсто. Объясненіямъ тѣхъ мѣстъ, которыя служатъ къ окончательному уразумѣнію историческихъ и біографическихъ особенностей, также надобно дать мѣсто въ такомъ изданіи. Наконецъ отдѣльная біографія каждаго писателя должна составить какъ бы руководство къ чтенію его произведеній.

При такомъ взглядѣ на изученіе и изданіе писателя, возникали новые вопросы, касавшіеся не однихъ литературныхъ его достоинствъ, но и характера эпохи его, его гражданскаго положенія въ обществѣ, связей его съ историческими дѣйствователями; возникали вопросы, касавшіеся личнаго его характера, свидѣтельствъ современниковъ и тѣхъ не открываемыхъ при жизни собственныхъ показаній автора, безъ которыхъ живѣйшія черты личности его пропадаютъ подъ покровомъ оффиціальной дѣятельности. Въ литературахъ древне-классическихъ, по которымъ наша Европа просвѣщалась и достигала высшаго своего назначенія во всемірной гражданственности, равно и въ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ литературъ, развившихъ всѣ стороны умственныхъ своихъ успѣховъ, есть нѣсколько изданій, снабженныхъ тѣми пособіями къ полному уразумѣнію великихъ писателей и ихъ эпохи, о которыхъ разсуждало Отдѣленіе наше. Но Русская словесность, рѣдко и безучастно возвращавшаяся къ изслѣдованію литературныхъ трудовъ, предшествовавшихъ нынѣшнимъ, немного раскрыла предъ нами значительныхъ показаній, которыя бы новымъ свѣтомъ озарили прошедшее. Труда, столь полнаго, разносторонняго и обильнаго выводами для эпохи, какимъ отличается изслѣдованіе о фонъ-Визинѣ Академика *Князя П. А. Вяземскаго*, напрасно мы будемъ искать въ другихъ изданіяхъ писателей Русскихъ. Это

обстоятельство служило Отдѣленію новымъ побужденіемъ къ осуществленію занимавшихъ его предположеній.

Для перваго опыта Отдѣленіе остановилось на изданіи *Державина*, какъ лица, по всѣмъ отношеніямъ представляющаго въ себѣ наиболѣе тѣхъ особенностей, которыя достойны изученія. Ближайшее завѣдываніе его редакціею принялъ на себя Академикъ *Я. К. Гротъ*. Когда о предпріятіи Отдѣленія доведено было до свѣдѣнія Г Президента Академіи, Его Сіятельство выразилъ не только полное свое согласіе на исполненіе, но и самое горячее сочувствіе къ дѣлу, столь общеполезному въ ученомъ отношеніи. Чтобы встрѣтить необходимое пособіе со стороны особъ, по семейнымъ связямъ сохраняющихъ какіе либо необнародованные доселѣ остатки умственной дѣятельности великаго Поэта, Отдѣленіе сообщило публикѣ нѣкоторыя подробности о своемъ предпріятіи. Это объявленіе вызвало столько участія въ родственникахъ *Державина*, что будущій успѣхъ нашъ представляется уже несомнѣннымъ. Отдѣленіе не можетъ не упомянуть здѣсь объ одномъ изъ важнѣйшихъ пособій, какимъ оно обязано внуку Державина, *Л. Л. Львову*, получившему образованіе въ С. Петербургскомъ Университетѣ. Въ Тверскомъ имѣніи его, селѣ Никольскомъ, хранилось множество рукописей Поэта. *Г. Львовъ* предложилъ Отдѣленію воспользоваться ими. Академикъ *Я. К. Гротъ*, по распоряженію Отдѣленія, отправился туда для разбора предлагаемыхъ сокровищъ. Окончивъ предварительную работу, онъ говоритъ, между прочимъ, въ письмѣ къ Предсѣдательствующему: «Эти 1200 листовъ, которые теперь выходятъ изъ-подъ спуда, вводятъ насъ въ самое святилище, или, говоря точнѣе, въ самую лабораторію творчества великаго Поэта, и открываютъ намъ всю исторію литературной дѣятельности, не въ книгопродавческомъ изданіи, а въ собственномъ его кабинетѣ. Тутъ не только всѣ уже извѣстныя его сочиненія въ постепенномъ ихъ развитіи, но и множество новыхъ. Изъ того, что до сихъ поръ мы знали только по имени, тутъ все оказывается въ цѣлости. Много и такого, чего существованія не подозрѣвали. Такъ, напримѣръ, тутъ до 280 мелкихъ стихотвореній, изъ которыхъ почти ничего еще не напечатано, нѣсколько шуточныхъ пьесъ

въ народномъ духѣ, всѣ Рѣчи *Державина*, и нѣкоторыя мелкія статьи въ прозѣ, также любопытныя. Не говорю о новыхъ драмахъ и баснях, въ которыхъ талантъ его является не безъ замѣчательнаго успѣха. Всѣ эти рукописи особенно важны для варіантовъ, и еще важнѣе для хронологіи произведеній Державина, которая здѣсь указана часто не только годомъ, но мѣсяцемъ и числомъ. Безъ этихъ тетрадей мы, въ этомъ отношеніи, часто бродили бы во тьмѣ. Въ библіографическомъ же смыслѣ онѣ неоцѣненны, потому что всѣ или носятъ на себѣ разныя замѣтки Державина, или написаны его рукою».

Такимъ образомъ, полагая начало труду, столь плодотворному, не только для литературы, но и для Исторіи Русской, Отдѣленіе находитъ въ немъ удовлетвореніе одной изъ существеннѣйшихъ своихъ обязанностей.

VII.

Изданные въ нынѣшнемъ году труды Отдѣленія находятся передъ судомъ публики и не требуютъ особыхъ съ нашей стороны указаній. Но есть между ними изслѣдованіе, которое предметомъ своимъ и служившими для обработки его источниками должно возбудить вниманіе исторической критики. Это сочиненіе представлено было на разсмотрѣніе Отдѣленія молодымъ Ученымъ, получившимъ образованіе въ С. Петербургскомъ Университетѣ, Кандидатомъ *В. И. Ламанскимъ*. Оно носитъ заглавіе: «О Славянахъ въ Малой Азіи, въ Африкѣ и въ Испаніи». Нѣсколько засѣданій посвящено было чтенію и разнымъ замѣчаніямъ со стороны Членовъ, которые не могли разсматривать безъ сочувствія занятій серьёзныхъ, обширныхъ и проникнутыхъ юношескою любовію ко всему отечественному. Какъ первый плодъ историческаго изученія судьбы Славянъ съ древнѣйшей ихъ эпохи, какъ первый отвѣтъ на трудные и рѣдко поднимавшіеся вопросы касательно ихъ развѣтвленія въ видѣ мелкихъ колоній въ трехъ частяхъ свѣта, сочиненіе *Ламанскаго* должно было представить въ себѣ немалую часть предположеній, болѣе-нежели гадательныхъ, сближеній, едва ли

не произвольныхъ, и выводовъ, не вполнѣ неопровержимыхъ. Но оно вызвало общее вниманіе полнотою своего объема, обширностію рамы, въ которую не усомнился вставить его авторъ, и преимущественно обиліемъ важныхъ источниковъ, на которые онъ ссылается въ своихъ изслѣдованіяхъ. Въ такомъ трудномъ дѣлѣ, если бы оно и представляло въ подробностяхъ слабыя стороны, никто не въ правѣ отказать сочинителю въ участіи и уваженіи.

Въ первой части изслѣдованія своего, О Славянахъ въ Малой Азіи, авторъ соединилъ свидѣтельства древнихъ и новыхъ писателей относительно разсматриваемаго имъ предмета, хронологически приводя ихъ съ VII вѣка по Р. Х. до позднѣйшихъ временъ. Въ слѣдъ за этою частію, онъ говоритъ: «По разсмотрѣніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ касательно Славянской стихіи въ Малой Азіи съ VII вѣка по настоящее время включительно, читатель, надѣюсь, не затруднится предпочесть отвѣтъ утвердительный на вопросъ: была ли непрерывность въ исторіи Славянской стихіи въ Малой Азіи? Дѣйствительно, прибавляетъ авторъ: въ долгій періодъ двѣнадцати вѣковъ, стихія Славянская въ Малой Азіи, хотя и пережила различныя фазы и подвергалась различнымъ превратностямъ, тѣмъ не менѣе съ VII вѣка продержалась до настоящаго времени, когда, съ наступленіемъ новыхъ, лучшихъ временъ для всего Славянскаго міра, она вступитъ, быть можетъ, въ новый періодъ, и съ теченіемъ времени, развиваясь все болѣе и болѣе, послужитъ безъ сомнѣнія однимъ изъ главнѣйшихъ элементовъ, имѣющихъ возродить къ новой, лучшей и разнообразной жизни эту богатую страну, способную къ развитію самой высшей человѣческой культуры?»

Не довольствуясь положительными свидѣтельствами столькихъ писателей о Славянской стихіи въ Малой Азіи въ продолженіе двѣнадцати послѣднихъ столѣтій, авторъ обращается къ изслѣдованію еще труднѣйшаго вопроса: не найдется ли доказательствъ касательно пребыванія тамъ Славянъ гораздо прежде разсмотрѣннаго имъ времени? И въ этой части онъ обнаружилъ замѣчательную начитанность и трудолюбіе. Въ концѣ своихъ изысканій, онъ раздѣляетъ исторію Мало-Азійскихъ

Славянъ на три періода: первый, съ древнѣйшихъ временъ, съ извѣстія, находящагося о Венетахъ у *Гомера*, до конца V или VI столѣтія по Р. Х., то есть до перехода Славянъ черезъ Дунай; второй до Турецкаго владычества, начавшагося въ XIV вѣкѣ; третій до нашего времени. Онъ съ какимъ-то особеннымъ участіемъ старается обратить общее вниманіе на этотъ край. «Малая Азія, говоритъ авторъ въ заключеніи: заслуживаетъ вниманія Русскихъ ученыхъ, какъ въ этнографическомъ, такъ и въ археологическомъ и даже въ экономическомъ отношеніяхъ; ибо эта классическая земля, столь справедливо и издавна привлекающая къ себѣ любознательныхъ ученыхъ, изъ числа коихъ каждый Русскій конечно вспомнитъ съ признательностію и своихъ замѣчательныхъ соотечественниковъ, *М. Вронченка* и *Чихачева*, эта классическая земля, столь тщательно изучаемая, напримѣръ, Англичанами, въ видахъ торговыхъ и экономическихъ, можетъ и даже должна вызывать и насъ Русскихъ на такія же старательныя изысканія, ибо неминучіе дальнѣйшіе наши успѣхи на Кавказѣ, и столь для насъ желанное и во всякомъ случаѣ необходимое нравственное и соціальное возрожденіе Славянъ Турецкихъ все болѣе и болѣе должны сближать Россію и весь міръ Славянскій съ Малою Азіею».

Съ такою же тщательностію обработаны и другіе два отдѣла изслѣдованій, относительно Славянъ въ Африкѣ и Испаніи. Конечно, можно бы посовѣтовать автору бережливѣе обращаться съ собранными имъ фактами и не допускать повтореній въ объясненіи однородныхъ обстоятельствъ. Но это художественное совершенство въ отдѣлкѣ каждой части произведенія пріобрѣтается навыкомъ и зрѣлостію въ трудѣ. Между тѣмъ нельзя не обратить вниманія на важность нѣкоторыхъ источниковъ, приводимыхъ имъ въ отдѣлѣ Испанскихъ Славянъ. Нашъ молодой Ученый отмѣтилъ любопытное и для изысканія его очень многозначительное извѣстіе въ сочиненіи Арабскаго писателя *аль-Макари*, которое Испанскій Ученый, *Гаянгосъ*, перевелъ и напечаталъ, подъ заглавіемъ «Исторія Мусульманъ въ Испаніи.» Тамъ, между прочимъ, положительно говорится, что въ концѣ X вѣка, при *аль-Мансорѣ*, литература и науки про-

цвѣтали въ Кордовѣ, что даже дворцовые тѣлохранители изъ Славянскаго племени занимались ими съ величайшимъ успѣхомъ, и что наконецъ одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ историковъ Испаніи, *Ибну-Гаянъ*, Арабскій писатель XI вѣка, сохранилъ имена многихъ Славянъ, отличавшихся своими произведеніями въ разныхъ родахъ литературы. Это новое и неподлежащее никакому сомнѣнію указаніе утвердило *Г. Ламанскаго* въ убѣжденіи, что Славянскіе переселенцы, достигнувшіе столь замѣчательной извѣстности на Пиренейскомъ полуостровѣ, составляли тамъ не случайно-заброшенную семью, а цѣлыя колоніи, прибывавшія какъ изъ Африки, такъ и черезъ Пиренеи.

Таковъ этотъ историческій трудъ, совершенно съ новой точки зрѣнія обнимающій судьбу Славянскихъ племенъ внѣ нынѣшняго ихъ главнаго мѣстопребыванія.

VIII.

Члены Отдѣленія Русскаго языка и словесности, въ теченіе 1859 года, сверхъ совѣщательныхъ занятій въ академическихъ засѣданіяхъ и учено-литературныхъ трудовъ, печатавшихся въ «Извѣстіяхъ» и «Ученыхъ Запискахъ», не переставали разными сочиненіями своими содѣйствовать успѣхамъ отечественной литературы.

Сочиненія духовныхъ лицъ, не только носящихъ званіе Академиковъ, но и призываемыхъ собственнымъ желаніемъ къ участію въ нашихъ трудахъ, не прошли конечно незамѣченными передъ любознательными чтителями всего назидательнаго, глубоко-обдуманнаго и краснорѣчиваго.

Отъ перваго появленія своего на церковной каѳедрѣ до нынѣшнихъ дней, Академикъ, Высокопреосвященный *Филаретъ*, Митрополитъ Московскій, не перестаетъ обогащать и украшать Русскую литературу высокими произведеніями Христіанскаго краснорѣчія. Они повсемѣстно пріемлются какъ завѣтъ мудрости и Вѣры, какъ голосъ мира и успокоенія. Въ нихъ все пред-

ставляетъ поучительный образецъ глубокомыслія, точности, силы и новости выраженій. Это неисчерпаемая сокровищница для изученія тайнъ языка, оборотовъ его, размѣщенія словъ и для образованія слога *).

Преосвященный *Филаретъ*, Архіепископъ Черниговскій, постоянно и съ полнымъ знаніемъ Церковной Исторіи занимающійся обработкою матеріаловъ ея, издавна сообщаетъ въ Отдѣленіе тѣ изъ ученыхъ трудовъ своихъ, которые входятъ въ кругъ нашихъ занятій. Въ нынѣшнемъ году онъ доставилъ намъ для «Извѣстій» Отдѣленія Записку, подъ названіемъ: «Библейскія книги 1507 года». Этотъ памятникъ старинной письменности, найденный въ Литвѣ Архимандритомъ Павломъ Доброхотовымъ, разсмотрѣнъ и описанъ Преосвященнымъ Филаретомъ въ подробности съ указаніемъ на тѣ отличія текста, которыя оказываются между этимъ и другими старинными списками библейскихъ книгъ. Въ послѣсловіи рукописи помѣщено любопытное сказаніе переписчика о судьбѣ семейства, къ которому онъ принадлежалъ: въ его разсказѣ особенно поразительны черты Русскихъ нравовъ XV столѣтія.

Филологическіе труды Академика Протоіерея *Г. П. Павскаго*, въ продолженіе 1859 года, не могли получить приращенія за слабостію здоровья досточтимаго автора. Это обстоятельство не отнимаетъ впрочемъ у насъ надежды пользоваться со временемъ плодами многолѣтняго изученія подлинниковъ Ветхаго Завѣта, которое доставило его уму столько новыхъ соображеній относительно состава и законовъ Симетическихъ и Индо-Европейскихъ языковъ.

---

*) Въ 1859 году, изъ сочиненій Его Высокопреосвященства, напечатаны: *Бесѣды*—1. Въ день тезоименитства Государя Наслѣдника; 2. По освященіи храма при Покровской богадѣльнѣ; 3. Въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы; 4. Въ пятокъ Пасхи и въ день рожденія Государя Императора; 5. По освященіи храма въ новосозданномъ Гуслицкомъ монастырѣ; *Рѣчи*—6. Государю Императору при вступленіи Его Величества въ Московскій Успенскій Соборъ; 7. Государю Императору по обновленіи возстановленнаго древняго Романовскаго дома; 8. Архимандриту Леониду при нареченіи его въ Епископа Дмитровскаго, и 9. ему же при рукоположеніи его въ Епископа Дмитровскаго.

Академикъ Преосвященный *Макарій*, Епископъ Харьковскій, издалъ въ двухъ томахъ всѣ свои проповѣди, которыя до 1859 года произнесены имъ были въ разное время. Не вошедшихъ въ это собраніе, новыхъ проповѣдей остается рукописными болѣе пятидесяти. Изъ нихъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» напечатано шесть. Сверхъ того въ нѣсколькихъ повременныхъ изданіяхъ являлись новые историческіе труды его, какъто: «О сочиненіяхъ Кіевскаго Митрополита *Кирилла II*», «О Новгородскихъ *Макарієвскихъ* Четіихъ Минеяхъ», «Успѣхи православной Церкви Русской въ періодъ Монгольскій», и наконецъ: «Біографическая записка о Преосвященномъ *Иннокентіи*, Архіепископѣ Херсонскомъ и Таврическомъ». Въ числѣ прочитанныхъ въ Отдѣленіи сочиненій и уже печатающихся, также есть новый трудъ Преосвященнаго *Макарія*, подъ заглавіемъ: «Русская митрополія въ ея переходный періодъ».

Настоятель Воскресенскаго Новоіерусалимскаго монастыря, Архимандритъ *Амфилохій*, извѣстный своимъ подробнымъ разсмотрѣніемъ одной драгоцѣнной рукописи XI вѣка, напечатанномъ въ «Извѣстіяхъ» Отдѣленія, составилъ описаніе всѣхъ рукописей Воскресенскихъ. Первая часть этого замѣчательнаго труда, описаніе рукописей на пергаменѣ, тоже вошла въ наши «Извѣстія». Другая часть печатается, и она тѣмъ важнѣе и любопытнѣе, что библіотека Новоіерусалимскаго монастыря, бывшаго любимою обителью Патріарха *Никона*, хотя и не осталась въ прежнемъ своемъ составѣ, но заключаетъ въ себѣ многіе любопытные памятники, даже и самой отдаленной древности, оставаясь доселѣ почти неизвѣстною. Вмѣстѣ съ описаніемъ рукописей, Архимандритъ *Амфилохій* приготовилъ и фотографическіе снимки со всѣхъ этихъ рукописей: въ своемъ родѣ здѣсь является первый опытъ примѣненія фотографіи къ палеографіи.

Архимандритъ Новгородскаго Юрьевскаго монастыря *Варлаамъ* сообщилъ въ «Ученыя Записки» Отдѣленія подробное и очень любопытное описаніе «Сборника XV столѣтія», который найденъ имъ между рукописями библіотеки Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Помѣщенныя въ немъ сочиненія выбраны преимущественно изъ Церковныхъ постановленій. Архимандритъ

Варлаамъ не ограничивается описаніемъ внѣшнихъ отличій каждаго сочиненія. Онъ внимательно сравниваетъ ихъ текстъ съ другими рукописями, или съ печатными изданіями, и отмѣчаетъ тѣ разнорѣчія, которыми отличается одинъ текстъ отъ другаго. Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ Сборникѣ часто указываются ошибочно тѣ источники, изъ которыхъ заимствованы помѣщенныя тамъ сочиненія. Ученый критикъ возстановляетъ своими отмѣтками эти неправильности переписчика, приводитъ названія подлинныхъ источниковъ. Этотъ способъ библіографическихъ изслѣдованій ощутительную приноситъ пользу правильному возстановленію нашей старинной литературы.

VIII.

Въ изданіяхъ Отдѣленія еще недавно помѣщаемы были въ высшей степени занимательныя біографіи нѣкоторыхъ государственныхъ лицъ изъ Русской исторіи, обработанныя Академикомъ *К. И. Арсеньевымъ*. Въ нынѣшнемъ году, въ продолженіе первой половины, мы еще видѣли его въ нашихъ собраніяхъ. Но слабость здоровья принудила его прекратить ученые труды, и намъ остается только желать, чтобы возстановленіе силъ позволило ему со временемъ снова приступить къ академическимъ занятіямъ.

Вышеприведенныя свѣдѣнія о Словарѣ Старо-Славянскаго языка, составленномъ Академикомъ *А. Х. Востоковымъ*, достаточно свидѣтельствуютъ о важности, пользѣ и постоянствѣ трудовъ его. Сверхъ этого безостановочнаго занятія, онъ продолжаетъ разсматривать доставляемые съ разныхъ концовъ Россіи матеріалы для новаго дополненія Областнаго Великорусскаго Словаря.

Академикъ *Князь П. А. Вяземскій*, для поправленія здоровья принужденный провести большую часть нынѣшняго года за границею, не измѣнилъ привязанности своей къ поэзіи, которая въ нашу эпоху составляетъ рѣдко показывающееся явленіе, едва ли не исключительную принадлежность истиннаго къ ней

призванія. Нѣкоторыя изъ новыхъ его стихотвореній, уже отпечатанныя, скоро должны явиться въ свѣтъ.

Во время послѣдняго конкурса для полученія Уваровскихъ премій, между Членами Отдѣленія, занимавшимися разборомъ драматическихъ сочиненій, принималъ участіе Академикъ *И. И. Давыдовъ*. Изъ прочихъ литературныхъ трудовъ его нынѣшняго года, въ «Извѣстіяхъ» Отдѣленія напечатано *четвертое* продолженіе составляемаго имъ «Словаря Русскихъ синонимъ». Этотъ трудъ, представляющій множество тонкостей отечественнаго языка, особенно замѣчателенъ разнообразіемъ прекрасныхъ примѣровъ, доказывающимъ, сколько пріобрѣтается умственныхъ сокровищъ постояннымъ и внимательнымъ чтеніемъ образцовыхъ писателей. Въ «Ученыхъ Запискахъ» напечатано обозрѣніе ученыхъ трудовъ покойнаго Академика *М. А. Коркунова*, составленное тоже Академикомъ *И. И. Давыдовымъ*.

Учено-литературная дѣятельность Академика *М. П. Погодина* обращена была съ одинаковымъ вниманіемъ и ревностію на самыя трудныя изслѣдованія какъ древнѣйшихъ эпохъ отечественной Исторіи, такъ и современныхъ событій. Исчисленіе напечатанныхъ имъ въ нынѣшнемъ году сочиненій справедливо показалось бы здѣсь неумѣстнымъ, потому-что, отличаясь энергіею и заманчивостію новизны, они пользуются всеобщею извѣстностію. Въ «Архивѣ», издаваемомъ Г. *Калачевымъ*, въ Русской Газетѣ» Г. Поля, и во многихъ другихъ періодическихъ изданіяхъ, онъ помѣстилъ разныя свои разысканія. Его Рѣчи въ собраніяхъ ученыхъ обществъ равнымъ образомъ всѣми были прочитаны. Особенное вниманіе должна привлечь къ себѣ книга его: «Норманскій періодъ Русской исторіи». Первая часть сочиненія содержитъ въ себѣ разсказъ событій обнимаемаго авторомъ періода. Изложеніе разсказа до такой степени просто, ясно и обращено единственно на необходимѣйшія стороны популярной исторіи, что нѣтъ читателя, который бы затруднился книгою. Другая часть ея состоитъ изъ «Приложеній». Здѣсь авторъ анализируетъ главнѣйшіе предметы періода, разсуждая: 1) объ образованіи государства (формаціи), 2) о состояніи общества и 3) проводя параллель Русской исторіи съ исторіей западныхъ Европейскихъ государствъ относительно

начала. Въ заключеніе помѣщены переводы: a) отрывковъ изъ писаній Иларіоновыхъ, b) Русской Правды, по Эверсу, c) Церковнаго Устава святаго Владиміра, d) Церковнаго Устава Ярослава и e) на Латинскомъ языкѣ Пѣсни Гаральдова.

Академикъ *А. С. Норовъ*, во время пребыванія своего въ 1858—1859 г. въ Парижѣ, занимался, по извѣстной любви своей къ изученію древностей, изслѣдованіемъ Греческихъ рукописей, въ большомъ количествѣ собранныхъ и хранящихся въ тамошней императорской библіотекѣ. Онъ въ нихъ открылъ, между прочимъ, драгоцѣнныя для Православной Церкви нашей, нѣкоторыя, не бывшія еще никогда въ печати, сочиненія Эфесскаго митрополита *Марка* и Константинопольскаго патріарха *Геннадія*, извѣстнаго подъ именемъ *Георгія Схоларія*. Предметъ ихъ относится къ состоянію Церкви послѣ Флорентинскаго Собора. Православные Архипастыри краснорѣчиво и убѣдительно защищаютъ неприкосновенность Греческой Церкви. Переводъ этихъ сочиненій, изданный нашимъ почтеннымъ Академикомъ вмѣстѣ съ подлинникомъ, не можетъ не обратить на себя общаго вниманія въ Россіи, а, можетъ быть, тѣмъ болѣе въ Римско-католическихъ государствахъ.

«Исторія Русской словесности» Академика *С. П. Шевырева* является въ нынѣшнемъ году вторымъ изданіемъ. Вышедшая первая часть заключаетъ въ себѣ введеніе и лекціи, относящіяся къ IX и X столѣтіямъ. Авторъ со всею добросовѣстностію и любовію къ наукѣ воспользовался пособіями, явившимися въ нашей литературѣ послѣ перваго изданія книги его въ 1846 г., чѣмъ она сдѣлалась еще полнѣе и удовлетворительнѣе для новѣйшихъ требованій.

Продолжая изслѣдованія о древностяхъ Русскаго языка, Академикъ *И. И. Срезневскій* въ 1859 году напечаталъ: 1. Замѣчанія о слѣдахъ глаголицы въ памятникахъ X вѣка; 2. Обозрѣніе написей Кіевской пещеры Ивана Грѣшнаго и Ѳеофила, которыя, судя по начертаніямъ буквъ, должны быть отнесены къ XI, или къ началу XII вѣка; 3. Разсмотрѣніе Новгородскихъ грамотъ XII вѣка съ опредѣленіемъ времени ихъ написанія; 4. Чтеніе древнихъ сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ по Сильвестров-

скому списку сравнительно съ другими, и при этомъ чтеніи приложено подробное описаніе всего Сборника (XVI в.), любопытнаго и потому, что въ немъ помѣщены многіе памятники, частію совсѣмъ неизвѣстные, и потому, что онъ входилъ когда-то въ составъ библіотеки знаменитаго священника Сильвестра.

Кромѣ этихъ изданій, Академикъ И. И. Срезневскій напечаталъ воспоминаніе объ оріенталистѣ *П. С. Савельевѣ*, и мысли свои о первоначальномъ курсѣ Русскаго языка. Въ «Извѣстіяхъ» же Отдѣленія постоянно были помѣщаемы его библіографическія Записки о замѣчательныхъ явленіяхъ въ области Славяно-Русской филологіи.

При обозрѣніи общесовѣщательныхъ занятій Членовъ Отдѣленія, уже представлено было, какіе труды принялъ на себя Академикъ *Я. К. Гротъ* по академическому изданію сочиненій *Державина*. Въ нынѣшнемъ году онъ напечаталъ: 1. планъ этого изданія въ хронологическомъ порядкѣ съ комментаріями, 2. разсмотрѣніе «Читалагайскихъ одъ» и 3. подробный отчетъ Отдѣленію о рукописяхъ Державина, найденныхъ имъ у *Г. Львова* въ Никольскомъ. Въ то же время онъ немедленно занялся необходимыми работами по предположенному изданію и приготовилъ къ печати стихотворенія Державина отъ 1767 до 1790 года.

Сверхъ того, какъ продолженіе матеріаловъ къ обсужденію вопроса о новомъ изданіи Словаря, онъ напечаталъ извлеченіе изъ вступленія *Я. Гримма* къ его Нѣмецкому Словарю, и дополнилъ его собственными примѣчаніями. Наконецъ, по случаю выпуска воспитанниковъ изъ Александровскаго Лицея, на актѣ онъ произнесъ Рѣчь, которая тоже напечатана.

Академикъ *П. П. Дубровскій* занимается приготовленіемъ къ изданію труда своего: «Очерки исторіи Польской литературы». Въ нихъ будутъ заключаться расположенныя по эпохамъ свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ главнѣйшихъ представителей литературы Польской, съ присовокупленіемъ отрывковъ изъ ихъ произведеній въ подлинникѣ и съ Русскимъ переводомъ. Вмѣстѣ съ этимъ, избранныя мѣста изъ писателей будутъ представлять образцы постепеннаго историческаго развитія Поль-

скаго языка, начиная съ XIV столѣтія. Къ отрывкамъ изъ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ уже составлены глоссарій и грамматическія замѣчанія, которыя по частямъ заключаются въ изслѣдованіяхъ Академика П. П. Дубровскаго, въ разное время помѣщавшихся въ «Извѣстіяхъ» Отдѣленія. Какъ образчикъ труда, Академикъ, въ одномъ изъ засѣданій, читалъ монографію *Себастіана Клёновича*, Польско-Латинскаго поэта XVI столѣтія. Въ ней представленъ отчетъ о лучшихъ его произведеніяхъ, и между прочимъ подробно изложено содержаніе его Латинской поэмы, подъ заглавіемъ: «Русскія Земли». Сверхъ того, въ «Отечественныхъ Запискахъ», Академикъ напечаталъ изложеніе автобіографіи *Лелевеля*, исключительно касающееся дѣятельности его на поприщѣ историческихъ изысканій, а въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія»: «о новомъ изслѣдованіи грамматическихъ формъ Польскаго языка.

IX.

Въ нынѣшнемъ году первая перемѣна въ составѣ Отдѣленія послѣдовала по случаю назначенія въ званіе Сенатора Академика *И. И. Давыдова*, бывшаго Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи. Призванный къ присутствованію по новой должности въ осьмый Департаментъ Правительствующаго Сената, онъ оставилъ здѣшнюю столицу и переѣхалъ на жительство въ Москву.

Другая потеря возвѣщена была Отдѣленію въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Академикъ *В. И. Панаевъ*, 20-го Ноября, скончался въ Харьковѣ на возвратномъ сюда пути съ Кавказа, гдѣ онъ искалъ облегченія отъ долговременной своей болѣзни. Обязанности послѣдней должности его лишали насъ его участія въ занятіяхъ Отдѣленія. Но въ прежніе годы онъ съ любовію занимался отечественной литературой, и эта теплая привязанность къ словесности не покидала его во всю жизнь. Онъ внимательно слѣдовалъ за успѣхами нашей литературы, радовался при появленіи новыхъ талантовъ, и душевно огорчался, когда замѣчалъ уклоненія отъ законовъ нашего прекраснаго языка. Первымъ юношескимъ опытомъ его собственной поэзіи были «Идилліи»,

напечатанныя имъ вскорѣ по прибытіи изъ Казанскаго Университета на службу въ Петербургъ. Не менѣе замѣчательны были и послѣдующія сочиненія его въ прозѣ, которую посвящалъ онъ особенно выраженію патріотическихъ чувствъ своихъ. Его Похвальное слово Князю Кутузову-Смоленскому, Державину, Разсужденіе о воспитаніи, Рѣчь о любви къ отечеству и много другихъ сочиненій свидѣтельствуютъ о постоянной наклонности его къ умственнымъ занятіямъ.

Оканчивая въ краткомъ очеркѣ обозрѣніе годичныхъ трудовъ своихъ, Отдѣленіе позволяетъ себѣ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобы выразить благодарность свою Г. Президенту Академіи за самое живое и всегдашнее участіе его во всѣхъ нашихъ начинаніяхъ. Это сочувствіе и готовность содѣйствія въ дѣлахъ мысли и науки естественно истекаютъ изъ благородныхъ привычекъ жизни, столь неизмѣнно посвящаемой и наукѣ и мысли.

ОТЧЕТЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

по отдѣленію

РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1860 годъ.

(ОРД. АКАД. П. А. ПЛЕТНЕВА).

I.

Общимъ собраніемъ Академіи, въ минѣшнемъ году, избранъ, въ числю Ординарныхъ Академиковъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности, Членъ-Корреспондентъ того жъ Отдѣленія, исправляющій должность Ординарнаго Профессора Русской словесности въ Московскомъ Университетѣ, Ѳ. И. Буслаевъ. Филологическіе труды по части Русскаго языка обратили общее вниманіе на новаго Сочлена нашего еще въ 1844 г. Онъ напечаталъ тогда столь извѣстную въ ученой литературѣ книгу свою: «О преподаваніи отечественнаго языка». Этимъ сочиненіемъ онъ указалъ педагогамъ и филологамъ новый и, по убѣжденію его, самый вѣрный путь изслѣдованія законовъ отечественнаго языка. Разнообразіе въ выраженіи однихъ и тѣхъ же понятій и частое видоизмѣненіе грамматическихъ формъ языка, по изслѣдованіямъ автора, не могутъ быть удовлетворительно объяснены безъ послѣдовательнаго изученія всѣхъ памятниковъ Русской литературы, начиная съ древнѣйшихъ временъ. Только на строгомъ историко-филологическомъ пути могутъ быть открываемы ясныя причины всѣхъ нововведеній, усматриваемыя въ обстоятельствахъ мѣстныхъ, гражданственныхъ, политическихъ, общежительныхъ, и т. п. Для подтвержденія теоріи своей Академикъ Буслаевъ особенно пользовался примѣрами

изъ старинныхъ Русскихъ лѣтописей и народныхъ пословицъ. По его указаніямъ, многое, что̀ почиталось произволомъ, или ошибкою, вышло явленіемъ логическимъ и законнымъ. Не останавливаясь на первомъ опытѣ, который раскрылъ передъ нимъ обширное поприще, онъ, въ продолженіе послѣдующихъ четырнадцати лѣтъ, ревностно изучалъ все, что относилось къ избранной имъ части. Народная поэзія, народная литература и искуство, самая жизнь, все вошло въ область изслѣдованій его. Число напечатанныхъ имъ сочиненій, то отдѣльными книгами, то въ періодическихъ изданіяхъ, болѣе двадцати. Въ 1858 г., между ними, важнѣйшее появилось подъ заглавіемъ: «Опытъ исторической грамматики Русскаго языка». Въ этомъ сочиненіи онъ представилъ выводы изслѣдованій своихъ, сообщивъ имъ систему науки. Странно было бы предполагать, что усиліями одного ученаго уже разрѣшены всѣ недоумѣнія, всѣ вопросы относительно языка нашего, столько же богатаго, сколько и своеобразнаго въ выраженіяхъ понятій и въ грамматическихъ формахъ. Только долговременные и совокупные труды изыскателей на этомъ поприщѣ могутъ приблизить подобное дѣло къ совершенному окончанію. Несомнѣнная заслуга Академика Буслаева заключается въ томъ, что своими трудами онъ въ Русской филологіи пробудилъ дѣятельность новую и обѣщающую наукѣ плоды несомнѣнные. Теперь, подъ заглавіемъ: «Историческіе очерки Русской народной словесности и искусства», вышло въ двухъ томахъ собраніе сочиненій его, которыя размѣщены были по журналамъ.

II.

Въ нынѣшнемъ же году, въ число Членовъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности, съ званіемъ Адъюнкта, Общее собраніе Академіи избрало П. С. Билярскаго, служащаго Членомъ Учебнаго Комитета при штабѣ Его Императорскаго Высочества Главнаго Начальника Военно-Учебныхъ Заведеній. Его филологическое изслѣдованіе: «О средне-Болгарскомъ вока-

лизмѣ», въ 1847 году, напечатано было Академіею Наукъ въ томъ отдѣлѣ мемуаровъ ея, гдѣ помѣщаются особенно замѣчательныя сочиненія постороннихъ Ученыхъ. Въ 1858 году вышло второе изданіе этого сочиненія съ нѣкоторыми дополненіями. Авторъ умѣлъ здѣсь указать правила употребленія гласныхъ буквъ, изучивъ переводъ лѣтописи Манассіи въ Синодальномъ спискѣ XIV вѣка. Выводомъ его изслѣдованія было убѣжденіе, что для Славянской филологіи необходимо изученіе языка Болгарскихъ рукописей упомянутаго вѣка, и что съ этимъ занятіемъ тѣсно связано изъясненіе судебъ не только Болгарскаго, но и Церковно-Славянскаго языка. Другой, еще болѣе самостоятельный, трудъ Адъюнкта Билярскаго есть историко-филологическая оцѣнка разныхъ изысканій о Реймскомъ Евангеліи и анализъ правописанія его рукописи. Этотъ вполнѣ замѣчательный трудъ вышелъ въ свѣтъ въ 1848 году и удостоенъ Академіею Наукъ Демидовской награды. Чаще всего являлись сочиненія его въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», гдѣ онъ постоянно завѣдывалъ отдѣлами исторіи, критики, біографіи и библіографіи. Между прочимъ, тамъ напечатаны его разборы сочиненій Ганки и Миклошича, столь полезные для изслѣдователей Славянской литературы. Нельзя также умолчать объ его критической оцѣнкѣ успѣховъ Русской грамматики. Это изслѣдованіе помѣщено въ томъ же журналѣ, подъ заглавіемъ: «Сколько главныхъ частей въ предложеніи?» Въ 1853 году онъ представилъ біографію Вильгельма Гумбольта и внесъ въ нее характеристику ученыхъ трудовъ этого великаго мыслителя. Редакція «Ученыхъ Записокъ I и III Отдѣленія Академіи Наукъ», отдавая полную справедливость разнообразію свѣдѣній и основательности сужденій Адъюнкта Билярскаго, съ 1853 года начавъ свое изданіе на Русскомъ языкѣ, включила его въ число постоянныхъ своихъ сотрудниковъ. Наконецъ въ 1859 году имъ оконченъ и напечатанъ переводъ: «О различіи организма человѣческаго языка». Это первоклассное филологическое сочиненіе Виль-

гельма Гумбольта вноситъ въ отечественную литературу нашу цѣлую систему геніальныхъ идей. Оно, по необходимости, должно обратить вниманіе современныхъ филологовъ нашихъ на глубокія основанія ихъ науки, безъ изслѣдованія которыхъ она никогда не поднимется на высоту необходимыхъ человѣческихъ знаній. Вѣрный, точный, гибкій и выразительный языкъ этого перевода болѣе всего свидѣтельствуетъ о талантѣ Адъюнкта Билярскаго какъ писателя Русскаго.

III.

Между Членами-Корреспондентами Отдѣленія нашего не стало одного, о которомъ всѣ долго будутъ вспоминать и думать. Онъ не былъ Академикомъ, потому что природа ему дала не одинъ талантъ, и образованіемъ воспиталъ онъ въ себѣ не одно изъ академическихъ знаній. На каждомъ мѣстѣ, гдѣ онъ становился, умъ его начиналъ постигать ясно, въ чемъ его призваніе. Я говорю объ утраченномъ нами А. С. Хомяковѣ, который 23 сентября такъ внезапно и такъ быстро похищенъ былъ смертію. Есть люди, которые неотступно доискиваются истины въ каждомъ вопросѣ жизни и общества. Безъ яснаго и удовлетворительнаго разрѣшенія, они не покидаютъ предмета. Такимъ образомъ ихъ жизнь есть постоянное пріобрѣтеніе новыхъ знаній. Но посреди своей умственной дѣятельности рѣже всего они склоняются въ мысляхъ на личныя свои выгоды, которыя можно было бы извлечь изъ богатства столькихъ пріобрѣтеній. Между тѣмъ, при первой бесѣдѣ съ ними, при нѣкоторомъ сомнѣніи вашемъ, при высказанномъ вами противорѣчіи, они передаютъ вамъ свои душевныя сокровища. Это люди гражданства, высоко стоящаго надъ мелкимъ самолюбіемъ. Такимъ видѣли и такимъ знали Хомякова. Трудно указать предметъ, который бы въ его живомъ разговорѣ не былъ излагаемъ съ меньшей полнотою, ясностію и увлеченіемъ, какъ

въ лучшей книгѣ. По немногимъ литературнымъ опытамъ, которые были изданы въ молодости его, легко видѣть, какою обладалъ онъ силою и независимостію ума, воображенія и вкуса. Въ неизданныхъ его сочиненіяхъ, которыя содержатъ позднѣйшія напечатлѣнія безпрерывной дѣятельности размышленій его, его чтенія и наблюдательной жизни, безъ сомнѣнія, откроется многое, чѣмъ обогатится изящная и ученая литература наша, если близкія къ автору лица дадутъ имъ гласность. Въ 1855 году онъ доставилъ въ «Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и словесности» около тысячи Русскихъ словъ, которыхъ корни указаны имъ въ Санскритскомъ языкѣ. Одинъ такой трудъ показываетъ, какое разнообразіе господствовало въ ученыхъ его занятіяхъ. Ежели подлѣ этихъ филологическихъ изысканій поставитъ извѣстныя его сочиненія по части богословія и церковной исторіи, и потомъ перейти къ столь блестящимъ патріотическимъ стихотвореніямъ его, то не будетъ удивительно, отъ чего сочувствіе къ нему такъ было живо и повсемѣстно. Въ послѣдніе годы свои онъ былъ Предсѣдателемъ «Московскаго Общества любителей Русской словесности». Много лѣтъ это Общество существовало передъ симъ только по имени. А. С. Хомяковъ оживилъ дѣятельность сочленовъ своихъ, которые сочувствовали благородное стремленіе его къ общественной пользѣ, и которые, безъ сомнѣнія, сильнѣе всѣхъ чувствуютъ нынѣ важность преждевременной утраты своей.

IV.

Молодое поколѣніе ученыхъ, какъ избранныхъ уже въ составъ посвятившихъ себя исключительно какой либо наукѣ, такъ и приготовляющихся неуклонно итти по ихъ стезямъ, конечно не безъ вниманія выслушаетъ слова, которыя будутъ относиться къ академической дѣятельности нашего Сочлена, А. Х. Востокова. Безъ оскорбленія скромности, о немъ можно и должно сказать болѣе, нежели принято говорить въ торжествен-

номъ собраніи, когда и онъ самъ тутъ же присутствуетъ. Ему скоро исполнится 80 лѣтъ. А онъ намъ служитъ еще примѣромъ во всемъ. Какъ же молодому сердцу не запастись на жизнь столь краснорѣчивымъ и столь рѣдкимъ урокомъ? Печатаніе «Церковно-Славянскаго Словаря», надъ составленіемъ котораго Академикъ Востоковъ трудился болѣе тридцати лѣтъ, выбирая для него матеріалы изъ ста тридцати памятниковъ старинной письменности, безостановочно шло и въ нынѣшнемъ году подъ собственнымъ его наблюденіемъ. Конченный изданіемъ первый томъ его, въ іюлѣ текущаго года, по настоятельной просьбѣ извѣстнаго французскаго филолога Дюлорье, былъ препровожденъ въ Парижъ для предварительнаго изученія труда, столь высоко цѣнимаго лицемъ, посвятившимъ себя такимъ же изысканіямъ. Занятія по Словарю не только не отвлекли Академика нашего отъ другихъ ученыхъ работъ, но видимо помогли ему въ исполненіи предпріятія, облегчаемаго успѣхами въ первомъ. «Грамматика Церковно-Славянскаго языка» только и возможна была по окончаніи работъ надъ такимъ Словаремъ, какой былъ задуманъ и оконченъ Академикомъ Востоковымъ. Онъ и ея составленіе кончилъ нынѣ соотвѣтственно идеѣ и плану своего Словаря. Теперь рукопись этого новаго сочиненія внесена имъ въ Отдѣленіе для соображеній и замѣчаній прочихъ членовъ. Никто неуклончивѣе и точнѣе его не исполняетъ обязанностей по званію Академика. Онъ постоянно присутствуетъ въ нашихъ засѣданіяхъ, охотно принимаетъ другія ученыя порученія, и въ теченіе нынѣшняго года внесъ въ Отдѣленіе письменные отзывы о трехъ многотомныхъ сочиненіяхъ, которыя представлены были въ Академію на конкурсы. Словесныя въ засѣданіяхъ сужденія свои, исполненныя самыхъ основательныхъ и глубокихъ мыслей, онъ излагаетъ со всею скромностію истиннаго знатока. Можно ли не чувствовать, что въ этомъ есть что-то назидательное для каждаго изъ насъ?

V.

Учеными изслѣдованіями и возможно-вѣрнымъ возстановленіемъ подлинности старинныхъ списковъ, этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ первоначальной литературы нашей, по преимуществу занимается между нами Академикъ И. И. Срезневскій. Въ 1860 году, на иждивеніи Археологическаго Общества, вышло роскошное изданіе приготовленной нашимъ Академикомъ къ печати первой книги «Сказаній XI вѣка о Борисѣ и Глѣбѣ». Въ составъ ея вошли: а) полный снимокъ съ Сильвестровскаго списка сихъ Сказаній, б) описаніе самой рукописи и в) чтеніе Сказаній, принимаемое Академикомъ на основаніи сравненія всѣхъ извѣстныхъ ему списковъ. Вторая книга этихъ Сказаній, заключающая въ себѣ разныя объясненія, тоже приготовлена имъ къ изданію. Другой вышедшій изъ печати ученый трудъ Академика Срезневскаго носитъ названіе: «Изслѣдованіе о Юрьевской грамотѣ 1130 года.» Въ немъ тщательно опредѣлены изображенія, сохранившіяся на обѣихъ сторонахъ привѣшенной къ грамотѣ печати; время ея написанія; мѣстности, упоминаемыя въ ней; отличительныя черты языка и почерка XII вѣка; разсмотрѣны и современныя грамоты, пожалованныя тому же монастырю, и прочіе предметы, важные въ археологическомъ отношеніи. Академикъ нашъ еще принялъ на себя обязанность, столько же отвѣтственную, сколько и трудную по новости его воззрѣнія на предметъ. Онъ приступилъ къ чтенію публичныхъ лекцій: «Объ изученіи роднаго языка вообще, и особенно въ дѣтскомъ возрастѣ.» Начало самостоятельнаго и съ увлеченіемъ предлагаемаго многочисленнымъ слушателямъ труда своего, онъ напечаталъ въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія», которыми продолжаетъ завѣдывать въ званіи редактора. Ему же Второе Отдѣленіе Академіи поручило редакцію «Словаря» своего, приготовляемаго къ изданію по новому плану. Въ донесеніи за 1860 годъ о своихъ работахъ по этой части, Академикъ Срез-

невскій заявилъ Отдѣленію слѣдующее: «Изъ матеріаловъ, со-«бираемыхъ мною для Словаря древняго Русскаго языка, ото-«браны основныя слова древне-Славянскаго языка по Русскимъ «рукописямъ и, приведенныя въ порядокъ, переписаны для пе-«чати. При словахъ основныхъ представлены и тѣ изъ произ-«водныхъ, которыя важны для опредѣленія смысла словъ основ-«ныхъ. Всѣ слова переведены по-Латинѣ, а не общепонятныя «для Русскихъ и по-Русски. Изъ академическаго Словаря и «моихъ матеріаловъ выбраны основныя слова Русскаго совре-«меннаго языка и сличены съ древне-Славянскими, древне-Рус-»скими, Чешскими древними и новыми, а гдѣ было необходимо, «и со словами другихъ Славянскихъ нарѣчій. Все это перепи-«сывается».

Въ прошедшее лѣто Академикъ Срезневскій командированъ былъ Отдѣленіемъ съ ученою цѣлію за границу. Изъ «Отчета» его о путешествіи видно, что онъ старался ознакомиться съ состояніемъ филологической и вообще литературной дѣятельности западныхъ Славянъ, преимущественно Чеховъ, Сербовъ-Лужичанъ, а равно и съ работами Славистовъ Вѣнскихъ. По замѣчанію его, какъ общественно-литературное, такъ и ученое движеніе западныхъ Славянъ, въ послѣднее двадцатилѣтіе, значительно усилилось, поддерживаемое любовію къ наукѣ и довѣренностію къ народному сочувствію. Нѣкоторыя изъ ученыхъ и педагогическихъ предпріятій, по мнѣнію Академика, тамъ несравненно выше того, что мы привыкли ставить въ рядъ обыкновенныхъ явленій. Онъ указываетъ на «Исторію Чеховъ» Палацкаго, «Научный Словарь» Ригера, «Грамматику Чешскую» Гатталы, на «Словарь Лужицкій» Пфуля, «Училище и Жизнь», педагогическій журналъ Рѣзача и на многія другія явленія литературной дѣятельности. Путешественникъ нашъ заботился также объ отысканіи новыхъ источниковъ для древностей письма и языка. Въ этомъ отношеніи ему полезно было посѣщеніе Стокгольма, Упсалы, Копенгагена, а также Праги, Вѣны и Парижа. Хотя, въ короткій срокъ путешествія, ему недоставало

времени, чтобы воспользоваться всѣми рукописями, находящимися въ книгохранилищахъ иностранныхъ, однако же онъ считаетъ пріобрѣтеніями драгоцѣнными: (новое) «Слово о Задонскомъ боѣ», «Записки о путешествіи Василія Познякова въ Африку и въ Малую Азію въ 1558 году», и новой списокъ «Слова Даніила-заточника Князю Ярославу Владиміровичу», чѣмъ удалось ему пополнить свое собраніе старинныхъ рукописей.

VII.

Изъ напечатанныхъ въ нынѣшнемъ году сочиненій Академика Я. К. Грота одно относится къ числу исключительныхъ и постоянныхъ его ученыхъ занятій. Это первая часть составляемой имъ полной біографіи Державина. Другое, подъ заглавіемъ: «Литва, или Скандинавія?», явилось въ печати во время возобновленнаго въ нашей литературѣ вопроса о прибытіи въ Россію первыхъ ея Князей. Въ нынѣшнемъ же году было имъ напечатано продолженіе: «Изслѣдованія о законахъ ударенія въ Русскомъ языкѣ», и именно о переходѣ ударенія въ склоненіи именъ существительныхъ. Предпринятое Отдѣленіемъ изданіе Державина, которымъ завѣдываетъ Академикъ Гротъ, продолжается съ желаемымъ успѣхомъ. Изъ представленнаго, по этому дѣлу, Отчета Академика усматривается, что онъ въ нынѣшнемъ году занимался: 1) разборомъ и приведеніемъ въ порядокъ рукописей, которыхъ совокупность (какъ подробно изложено Академикомъ въ особой его Запискѣ, напечатанной въ IX т. «Изв.») безпрерывно возрастаетъ, не только въ количествѣ, но и въ разнообразіи содержанія или предметовъ, излагающихся въ нихъ, что̀ требуетъ каждый разъ новаго перебора, или прибавленія отдѣловъ, необходимыхъ въ подобномъ изданіи; 2) составленіемъ указателей къ рукописямъ, алфавитнаго, хронологическаго и особо именнаго для обширной корреспонденціи поэта; 3) собираніемъ матеріаловъ для біографіи Державина и для библіографіи его сочиненій, до окончанія чего нельзя достигнуть, какъ рас-

ширяя сношенія съ лицами, знавшими Поэта, или спеціально изучавшими сочиненія его; 4) разработкою біографическихъ и библіографическихъ матеріаловъ: трудъ самый утомительный изъ кабинетныхъ занятій, потому что связывается не только съ характеристикою каждаго года жизни, но и съ каждою чертою сочиненія, и 5) соображеніями о матеріальныхъ потребностяхъ изданія, которое предположено совершить съ такимъ достоинствомъ и вкусомъ, которые бы вполнѣ соотвѣтствовали значенію геніальнаго Поэта.

По назначенію Отдѣленія, Академикъ Гротъ нынѣшнимъ лѣтомъ совершилъ поѣздку за границу, и въ числѣ предметовъ, на которые онъ долженъ былъ обратить вниманіе, ему было вмѣнено въ обязанность ознакомиться съ извѣстнѣйшими лицами, занимавшимися лучшими изданіями древнихъ и новыхъ писателей, равно какъ изученіемъ матеріальныхъ принадлежностей самыхъ изданій. Въ «Отчетѣ» Академика, представленномъ Отдѣленію, подробно изложены выводы его наблюденій и мнѣнія достойныхъ вниманія лицъ о предпринятомъ нами трудѣ. «Вильменъ (такъ, между прочимъ, говоритъ по этому случаю Академикъ Гротъ), которому я сообщилъ о планѣ нашего Отдѣленія издавать старинныхъ Русскихъ писателей, замѣтилъ мнѣ, «что, по его мнѣнію, такое дѣло вполнѣ соотвѣтствуетъ назначенію Академіи и прибавилъ: Вольтеръ совѣтовалъ французской Академіи заняться изданіемъ нашихъ классиковъ; онъ «писалъ къ Дюкло: послѣ изданія Словаря, я не умѣю представить ничего достойнѣе Академіи и болѣе приносящаго чести «литературѣ, какъ изданіе классическихъ писателей нашихъ съ «необходимыми примѣчаніями».

VIII.

Избравъ между Славянскими нарѣчіями Польскій языкъ и его литературу спеціальностію своихъ занятій, Академикъ П. П. Дубровскій и въ нынѣшнемъ году представилъ въ Отдѣленіе нѣсколько историческихъ изслѣдованій. Первое изъ нихъ назы-

вается: «О вліяніи Чешскаго языка на Польскій.» Онъ изложилъ въ немъ, какъ первоначально Краковская Академія, основанная въ 1347 году по образцу Пражской, принявъ даже профессоровъ изъ Праги, подчинилась чужеземному вліянію, которое еще болѣе усилилось, когда «Іеронимъ Пражскій», возвратившись изъ Англіи, распространилъ вкусъ къ сочиненіямъ «Виклефа», а съ тѣмъ вмѣстѣ и понятія его о религіи и богослуженіи, излагая свои толкованія на Чешскомъ языкѣ. Вслѣдъ за этимъ Польское юношество охотно стало для образованія своего посѣщать Пражскую Академію, при которой Королева «Ядвига» для Поляковъ и Литовцевъ основала отдѣльную Коллегію. Во время Гусситскихъ войнъ, Чехи, на оборотъ, принуждены были пріѣзжать учиться въ Краковъ, и такимъ образомъ въ Польшѣ распространеніе Чешскаго языка и изученіе литературы его долго оставались занятіемъ преобладающимъ. Второе изслѣдованіе Академика написано подъ заглавіемъ: «О свѣтскомъ краснорѣчіи въ древней Польшѣ». По замѣчанію сочинителя, оно процвѣтало какъ въ публичной, такъ и въ частной жизни, замѣняя даже народную поэзію. Въ третьей Запискѣ представленъ «Взглядъ на Польскую литературу XVIII столѣтія, въ эпоху Станислава Августа Понятовскаго», когда жили: Красицкій, Нѣмцевичъ и процвѣтала преимущественно поэзія. Изъ сочиненій, касающихся формъ стариннаго Польскаго языка, одно содержитъ въ себѣ разборъ такъ называемой «Псалтири Королевы Маргариты», памятника письменности XIV вѣка, а другое: «Обзоръ старинныхъ и новѣйшихъ Польскихъ грамматикъ», въ которомъ упомянуто, между прочимъ, что въ 1567 году первую Польскую Грамматику, по образцу Латинской, написалъ иностранецъ, Французъ, извѣстный подъ псевдонимомъ «Стоенскаго».

VIII.

Изъ числа Членовъ Втораго Отдѣленія Академіи, находящихся, по мѣсту ихъ жительства, внѣ здѣшней столицы, Акаде-

микъ М. П. Погодинъ, въ 1860 году, два раза, 10 и 17 Марта, присутствовалъ въ нашихъ засѣданіяхъ, воспользовавшись пріѣздомъ сюда. Въ первое изъ этихъ засѣданій въ Отдѣленіи, онъ прочиталъ сочиненіе свое, сдѣлавшееся столь извѣстнымъ и возбудившее всеобщее сочувствіе: «Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ», описанный по документамъ, вновь открытымъ при изученіи авторомъ эпохи Петра Великаго. Метода историческихъ изслѣдованій Академика нашего, какъ постоянныхъ и долголѣтнихъ его занятій отечественною исторіею, уже не требуетъ объясненій, а ясное развитіе самыхъ многосложныхъ событій и ихъ изложеніе языкомъ живописнымъ и въ тоже время сжатымъ, отъ чего зависитъ и сила его, болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ самобытности и литературнаго достоинства. Все это доставило чтенію Академика заслуженный успѣхъ. Въ другомъ засѣданіи онъ представилъ еще, въ видѣ новаго способа изученія исторіи, свое сочиненіе «О житіи Преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго», составленное по «Несторову» повѣствованію. Это одно изъ тѣхъ изслѣдованій, въ которыхъ авторъ, пользуясь содержаніемъ разсматриваемаго памятника и отчасти самыми выраженіями, въ немъ употребленными, сообщаетъ читателямъ замѣчательнѣйшія данныя о бытѣ и обычаяхъ, понятіяхъ и нравахъ того времени, къ которому относится памятникъ. Житіе Преподобнаго «Ѳеодосія», описанное «Несторомъ», содержитъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей о частной жизни не только князей, но и бояръ и простыхъ людей. Академикъ Погодинъ обратилъ справедливое вниманіе на эти черты, и внесъ изъ нихъ въ сочиненіе свое много такого, что до него не было замѣчено писавшими о древней Россіи. Въ теченіе прошедшаго лѣта онъ совершилъ поѣздку по Волгѣ, обозрѣлъ Кавказъ и Крымъ. Это обстоятельство даетъ намъ надежду читать со временемъ дорожныя Записки о примѣчательностяхъ мѣстностей, осмотрѣнныхъ ученымъ путешественникомъ.

IX.

Академикъ С. П. Шевыревъ, съ Высочайшаго разрѣшенія нынѣ отправившійся на два года для поправленія разстроеннаго здоровья въ Италію, доставилъ въ Отдѣленіе критически приготовленный имъ для напечатанія въ «Извѣстіяхъ» текстъ «Слова Авраамія Смоленскаго». Приложивъ къ этому любопытному памятнику старинной письменности нашей особую о немъ «Записку», Академикъ говоритъ въ ней, между прочимъ: «Въ Словѣ «Авраамія есть замѣчательные варіанты. Вопросъ о «Кириллахъ» «у насъ будетъ безконеченъ, потому что ихъ было много. Слова, «касавшіяся Страшнаго Суда и кончины міра, сочиненныя въ XIII «вѣкѣ, могли быть измѣняемы переписчиками въ «Сборникахъ» «XV вѣка, когда приближался роковой 1492 годъ, годъ откры«тія Америки и годъ освобожденія отъ ложныхъ у насъ стра«ховъ, тяготѣвшихъ надъ умами. Эти мѣста всѣ любопытно «сличить. Въ Словѣ «Авраамія« менѣе измѣненій, нежели въ дру«гихъ, касательно этого мѣста». Сверхъ сего, Академикъ Шевыревъ въ Запискѣ своей приводитъ доказательство того, что «Слово о мытарствахъ» должно быть приписано не «Кириллу Туровскому», а именно «Авраамію Смоленскому». Въ текущемъ же году Академикъ Шевыревъ занимался пересмотромъ прежняго сочиненія своего: «Исторія Русской литературы», которое окончено теперь вторымъ изданіемъ, исправленное и дополненное.

Равнымъ образомъ, на довершеніе труда, начатаго прежде, обращена была въ нынѣшнемъ году ученая дѣятельность Академика, Харьковскаго Епископа Преосвященнаго Макарія. Онъ продолжаетъ свое сочиненіе «Исторія Русской Церкви», котораго начало принято было съ такимъ единодушнымъ вниманіемъ и уваженіемъ. Но это не препятствуетъ ему заниматься и духовною паствою, постоянно пользующеюся назидательными поученіями его, изъ которыхъ прекрасный образецъ былъ напечатанъ въ «Христіанскомъ Чтеніи».

X.

Отдѣленіе обязанностію считаетъ указать съ уваженіемъ на трудъ посторонняго ученаго. Начало этого труда помѣщено въ IX томѣ «Извѣстій», подъ заглавіемъ: «Описаніе Евангелія, писаннаго для Новгородскаго Князя Мстислава Владиміровича, въ началѣ XII вѣка». Любители древности обязаны имъ профессору К. И. Невоструеву. Драгоцѣнная рукопись эта, вмѣстѣ съ Остромировскою, передаетъ первоначальный текстъ перевода Евангелія на Церковно-Славянскій языкъ, и тѣмъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе для занимающихся Славянскою филологіею. Отдѣленіе, приготовляя къ изданію вышеупомянутый трудъ Академика И. И. Срезневскаго: «Изслѣдованіе о Юрьевской Грамотѣ 1130 года», предполагало присоединить къ изданію своему описаніе и снимокъ почерка списка этого Евангелія, какъ памятника той же эпохи. Академикъ, Высокопреосвященный Митрополитъ Московскій Филаретъ, получивъ отношеніе Отдѣленія о сообщеніи Академіи Наукъ на нѣкоторое время Евангелія, писаннаго въ Новгородѣ въ XII вѣкѣ, исчислилъ въ письмѣ своемъ на имя Г. Президента Академіи разныя неудобства пересылки такой драгоцѣнности, но въ тоже время самымъ обязательнымъ образомъ распорядился объ удовлетвореніи Отдѣленія по всѣмъ частямъ ученыхъ его предположеній. Это письмо должно войти въ Отчетъ нашъ, какъ самое краснорѣчивое свидѣтельство той заботливости Высокопреосвященнаго Митрополита, съ которою онъ неизмѣнно охраняетъ святое дѣло отечественной науки, и примѣрной ревности, съ какою профессоръ Невоструевъ исполнилъ порученіе высокочтимаго своего Начальника.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, чрезъ своего Предсѣдательствующаго, отношеніемъ отъ 19 января 1857 г. № 4, просило меня сообщить Академіи, на время, ру-

копись Евангелія, писанную въ XII вѣкѣ для Великаго Князя Мстислава, и хранящуюся нынѣ въ Московскомъ Архангельскомъ Соборѣ. При этомъ Отдѣленіе Академіи объяснило, что, намѣреваясь издать извѣстную грамоту того же Великаго Князя, какъ древнѣйшую изъ всѣхъ Русскихъ грамотъ, доселѣ уцѣлѣвшихъ, оно имѣетъ надобность присоединить къ своему изданію описаніе и снимокъ почерка упомянутаго списка Евангелія.

Взять изъ Собора на неопредѣленное время и пересылать чрезъ почту Евангеліе, освященное церковнымъ употребленіемъ, по своей древности и своимъ украшеніямъ принадлежащее къ драгоцѣннѣйшимъ памятникамъ отечественнымъ, и по той же древности близкое къ обветшанію и требующее заботливаго охраненія, представлялось неудобнымъ. Но съ другой стороны, принимая во вниманіе, что сей древній списокъ Евангелія можетъ требовать вниманія Академіи, я распорядился, чтобы сдѣланы были: 1) точное изображеніе внѣшнихъ украшеній Евангелія, 2) снимокъ съ одного изъ находящихся въ немъ изображеній Евангелистовъ, и 3) для образца почерка, снимокъ съ перваго листа рукописи. Самый же текстъ Евангельскій, по сему списку, я предложилъ изслѣдовать одному изъ занимающихся, по распоряженію Святѣйшаго Синода, описаніемъ Славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки, профессору Невоструеву.

Изслѣдованіе текста рукописи, и сохранившагося при Евангеліи полнаго списка мѣсяцеслова, предпринятое довольно въ обширныхъ размѣрахъ и веденное тщательно, не могло быть скоро окончено.

Нынѣ, по окончаніи всѣхъ работъ (чтобы хотя отчасти ослабить упрекъ, который наименованіе Дѣйствительнаго Члена дѣлаетъ моей недѣятельности въ отношеніи къ Академіи), представляю Вашему Сіятельству упомянутые снимки внѣшнихъ и внутреннихъ украшеній рукописи и ея почерка, для предложенія Второму Отдѣленію Академіи, и съ тѣмъ имѣстѣ покор-

нѣйше прошу Ваше Сіятельство обратить вниманіе на прилагаемый при семъ трудъ Профессора Невоструева.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть покорнѣйшій слуга

Филаретъ, Митрополитъ Московскій.

XI.

Филологическія занятія Академиковъ вызывали въ продолженіе года участіе нѣкоторыхъ Членовъ-Корреспондентовъ Отдѣленія, сообщавшихъ отзывы свои въ наши «Извѣстія». Записка А. Ѳ. Гильфердинга: «О переводѣ на Славянскій языкъ толкованій Іоанна Златоустаго», знакомитъ насъ съ литературною дѣятельностію нашего отечества въ XVI вѣкѣ. Переводомъ занимался въ Москвѣ, въ 1524 году, инокъ Троицко-Сергіевской Лавры «Селиванъ», а списокъ рукописи его случайно найденъ въ Герцеговинѣ. Кромѣ особенностей тогдашняго языка, тутъ любопытно встрѣтить имена лицъ, вліяніемъ своимъ поддерживавшихъ совершеніе ученаго труда, между которыми дѣятельнѣе всѣхъ является знаменитый «Максимъ Грекъ». Издаваемый въ Москвѣ В. И. Далемъ «Русскій Словарь», котораго корректурные листы составитель доставляетъ Академикамъ Срезневскому и Гроту, служилъ нерѣдко предметомъ изслѣдованій въ засѣданіяхъ нашихъ. Записка П. А. Лавровскаго: «О полногласіи», которое нѣкогда принимаемо было за одно изъ отличій языка Русскаго отъ Церковно-Славянскаго, представляетъ много новыхъ воззрѣній на этотъ филологическій вопросъ. Его же: «Письма о Южныхъ Славянахъ» къ г. Редактору «Извѣстій», могутъ быть названы обозрѣніемъ современной Южно-Славянской литературы и ученыхъ дѣйствователей въ тамошнемъ краю.

Преподаватель Ново-Греческаго языка и Византійскихъ Древностей въ Санктпетербургскомъ Университетѣ Г. С. Дестунисъ, сообщающій въ Отдѣленіе «Матеріалы для разсмотрѣ-

нія вопроса о слѣдахъ Славянства въ нынѣшнемъ Греческомъ языкѣ», внесъ въ текущемъ году послѣднюю часть труда своего, названную имъ: «О заимствованіи словъ». Матеріалы его собраны съ особенною тщательностію и подробностію, такъ, что могутъ служить прекраснымъ пособіемъ для окончательной отдѣлки столь занимательнаго для насъ предмета. Докторъ Цейнова, давно участвующій въ изданіяхъ нашего Отдѣленія, доставилъ въ «Извѣстія 1860 года» Сборникъ основныхъ словъ Кашубскаго нарѣчія», который содержитъ въ алфавитномъ порядкѣ болѣе тысячи словъ. Разсмотрѣніе ихъ въ Отдѣленіи привело къ заключенію, что въ Кашубскомъ нарѣчіи сохраняется, безъ малѣйшаго измѣненія, множество словъ, принадлежащихъ Русскому языку, особенно изъ наименованій предметовъ вещественныхъ.

Одна филологія, какъ бы она ни была осмотрительна и послѣдовательна, немного вноситъ существенныхъ пріобрѣтеній въ гражданскую жизнь, ежели не сливается она одновременно съ исторіею и объясненіемъ самой жизни народа. Къ счастію повсемѣстные опыты убѣждаютъ, что изслѣдованія первой изъ этихъ наукъ непремѣнно вызываютъ и труды по части исторіи, какъ бы побуждаемой и облегчаемой въ ея поучительномъ ходѣ. Отдѣленіе Русскаго языка и словесности естественно должно было притти къ тому же заключенію, наблюдая девятнадцать лѣтъ надъ явленіями въ ученыхъ трудахъ. Представленная въ Отдѣленіе А. М. Лазаревскимъ «Записка о Русскомъ Хронографѣ» и напечатанная въ VIII томѣ «Извѣстій» нашихъ, вновь подтверждаетъ истину изложеннаго мнѣнія. Сочинитель, путемъ филологіи, указываетъ мѣсто этому старинному памятнику литературы между сочиненіями XVI вѣка собственно Русскими, исключая его изъ числа переводныхъ, какъ прежде думали. Онъ даже усматриваетъ двѣ редакціи этого сочиненія, обращающагося подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ, опредѣливъ своими изслѣдованіями 1512 годъ для первой и 1617 для второй. При обозрѣніи источни-

ковъ, откуда первый составитель Хронографа, судя по содержанію его книги, почерпалъ свѣдѣнія, безъ затрудненія становится возможнымъ указать на сношенія государствъ не только дипломатическія, но коммерческія, военныя и по дѣламъ Церкви.

XII.

Учрежденіе, подобное Отдѣленію Русскаго языка и словесности, пріобрѣтаетъ значеніе и силу не голосомъ и успѣхами одного лица, какъ бы оно ни было знаменательно. Общество достигаетъ указанной ему цѣли только совокупною дѣятельностію, постоянствомъ въ исполненіи предпріятій, открытыми, прямодушными сношеніями какъ въ средѣ своей, такъ и внѣ ея, наконецъ внушеніемъ сочувствія къ трудамъ своимъ и желанія участвовать въ нихъ. На соблюденіе этихъ правилъ особенно обращено вниманіе наше. Представленныя въ нынѣшнемъ «Отчетѣ» показанія свидѣтельствуютъ, въ нѣкоторой степени, о томъ, на сколько мы отстоимъ отъ своей цѣли. Непростительно думать, что есть уже возможность согласить мнѣнія при столь разнообразно-понимаемомъ предметѣ, какъ литература. А въ настоящемъ ея повсюду положеніи еще менѣе. Это, впрочемъ, не можетъ и не должно охлаждать усилій, вызываемыхъ чистою любовью къ общеполезнымъ занятіямъ. Позже, или ранѣе, приблизимся же всѣ къ лицу истины. И обществу легче выжидать этого, потому что ему свойственнѣе безпристрастіе, нежели одному лицу. Достойно уважаемый всѣми поэтъ, Академикъ Князь П. А. Вяземскій, прекрасно выразилъ необходимость единодушія и взаимнаго уваженія въ трудахъ литературныхъ, когда, въ стихотвореніи своемъ: «Слово примиренія», написалъ между прочимъ:

«Премудрость цѣль намъ положила;
День каждый къ цѣли переходъ;
Во всемъ есть жизненная сила,
И смерть сама есть шагъ впередъ.

«Но постепеннаго развитья
Предупреждать намъ не дано;
Но прочны только тѣ событья,
Которыхъ вызрѣло зерно.

«Хозяинъ мудрый винограда
Распредѣлилъ часы работъ:
Всѣмъ есть урокъ свой, всѣмъ награда,
Кто раньше, или позднѣй придетъ.

«Несите вы свою работу!
Одно различье между насъ:
Мы утромъ вышли на работу,
А вы въ одиннадцатый часъ.

«Да плодъ воздастъ благое сѣмя,
Чья ни посѣй его рука!
Богъ въ помощь вамъ, младое племя,
И вамъ, грядущіе вѣка!»

РУССКАЯ МИТРОПОЛІЯ

ВЪ ЕЯ ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРІОДЪ.

О. А. МАКАРІЯ, ЕПИСКОПА ХАРЬКОВСКАГО.

Періодъ времени отъ митрополита Кирилла II до митрополита св. Іоны (1240 — 1448 г.) можно назвать по преимуществу переходнымъ періодомъ въ исторіи — если не всей нашей церкви, то собственной нашей митрополіи. Прежде общимъ правиломъ было избирать и поставлять для Россіи митрополитовъ въ Греціи и изъ Грековъ. Теперь допущено было избирать для Россіи митрополитовъ то въ Греціи, то въ Россіи или Литвѣ, изъ Грековъ и Русскихъ или Литовцевъ: по этому поводу появились въ Россіи и Литвѣ искательства митрополитскаго сана, и случалось, что когда въ Россіи избирался одинъ митрополитъ и отправлялся въ Грецію для поставленія, тамъ уже былъ избранъ и поставленъ другой. Со времени митрополита Іоны всѣ Русскіе митрополиты избирались только въ Россіи и Литвѣ и изъ Русскихъ, а иногда Литовцевъ. Прежде вся Русская церковь составляла одну митрополію. Теперь начался рядъ попытокъ къ раздѣленію Русской митрополіи на двѣ и даже на три, — попытокъ, которыя по временамъ увѣнчивались успѣхомъ, хотя не на долго, и послужили новымъ поводомъ къ искательствамъ митрополитской каѳедры и къ разнымъ другимъ безпорядкамъ.

Съ митрополита Іоны Русская митрополія окончательно раздѣлилась на двѣ. Прежде каѳедра Русскаго первосвятителя постоянно находилась въ Кіевѣ и всѣ первосвятители жили тамъ. Теперь митрополиты переселились лично сперва во Владиміръ на Клязьмѣ, потомъ въ Москву, не перенося однакожъ туда своей каѳедры, и потому, живя во Владиміре и Москвѣ, продолжали называться *Кіевскими* и всея Россіи, а митрополиты, управлявшіе западно-Русскими епархіями, по временамъ отдѣлявшимися отъ Московской митрополіи, жили то въ Кіевѣ, то въ Галичѣ; то въ Вильнѣ и носили титулъ Кіевскихъ и всея Россіи или Галицкихъ, или Литовскихъ. Съ митрополита Іоны, по окончательномъ раздѣленіи митрополіи, митрополиты, жившіе въ Москвѣ, начали называться Московскими и всея Россіи, а митрополиты западно-Русскіе — Кіевскими и всея Россіи.

Въ то время, когда Кіевъ былъ разоренъ Монголами и не стало Кіевскаго митрополита Іосифа, этотъ городъ находился во власти Галицкаго князя Даніила, самаго сильнаго изъ князей южно-Русскихъ. Поэтому не удивительно, если Даніилъ счелъ себя въ правѣ и даже обязаннымъ, посреди всеобщихъ смутъ и бѣдствій, постигшихъ церковь и отечество, позаботиться объ избраніи новаго митрополита для Кіевской каѳедры, не имѣя, можетъ быть, возможности снестись о томъ съ патріархомъ. Но какимъ образомъ Даніилъ избралъ на митрополію Кирилла, одинъ ли съ братомъ своимъ Васильковъ, или съ согласія Русскихъ епископовъ; въ какомъ году произошло это избраніе и кто былъ Кириллъ до избранія, имѣлъ ли санъ епископа или еще не имѣлъ — свѣдѣній не сохранилось. Извѣстно только, что въ 1243 г. Кириллъ носилъ уже имя митрополита и что еще прежде избранія его епископъ Угровскій Іоасафъ покушался самовольно занять каѳедру митрополіи, но за то лишился и собственной [1]. Нельзя также опредѣлительно

1. Въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1241 г. упоминается о Кириллѣ, который былъ печатникомъ князя Даніила Галицкаго, отправился, по его порученію, въ Бакоту для усмиренія края и потомъ съ тремя тысячами воиновъ опустошилъ Болоховскую землю. А подъ 1243 г. говорится: «Даніилъ, затворивъ Холмъ, ѣха ко брату си Василькови, поима съ собою Курила митрополита» (Полн. собр. Р. лѣт. II, 179—181). Можно ли выдавать за несомнѣнное, что тотъ и другой Кириллъ

сказать, всею ли Русскою церковью управлялъ Кириллъ со времени своего избранія или только южными ея епархіями и въ чемъ состояло это управленіе. Но сомнительно, чтобы Русскіе іерархи, особенно сѣверныхъ епархій, не находившихся во владѣніяхъ князя Даніила, согласились подчиниться избранному имъ митрополиту, пока послѣдній не былъ утвержденъ патріархомъ. И замѣчательно, что въ лѣтописяхъ до 1250 г. ни разу не говорится ни о путешествіи Кирилла для обозрѣнія епархій, ни о рукоположеніи имъ кого-либо во епископа, ни о другихъ какихъ-либо іерархическихъ его дѣйствіяхъ. Надобно, кажется, допустить, что первыя десять лѣтъ, послѣ разгрома Татарскаго Русская церковь оставалась безъ первосвятителя, хотя онъ былъ уже избранъ.

Въ 1250 г. Даніилъ пришедши изъ орды, утвержденный въ своей княжеской власти Татарскимъ ханомъ, рѣшился наконецъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Василькомъ послать и Кирилла въ Грецію, для утвержденія его въ митрополитской власти. Кириллъ отправился чрезъ владѣнія короля Венгерскаго Белы, но по неотступнымъ просьбамъ послѣдняго, который обѣщался при томъ проводить его къ Грекамъ съ великою честію, если только святитель примиритъ и породнитъ его съ княземъ Даніиломъ, долженъ былъ воротиться назадъ, успѣлъ склонить Даніила на предложенія короля, пошелъ вмѣстѣ съ кня-

---

были одно лицо? Не видно основаній: могло быть это одно лицо, могли быть и два. Да и вѣроятно ли, чтобы печатникъ въ теченіе такого короткаго времени изъ мірянина и воина могъ содѣлаться уже нареченнымъ митрополитомъ? Нельзя также утверждать на основаніи приведенныхъ словъ лѣтописи, будто Кириллъ до избранія его въ митрополита былъ епископомъ Холмскимъ: онъ могъ находиться въ Холмѣ случайно. А главное, по свидѣтельству той же лѣтописи, первымъ епископомъ Холма, по открытіи въ немъ каѳедры княземъ Даніиломъ, былъ Іоаннъ, остававшійся на своей каѳедрѣ и въ 1260 году (стр. 163. 196—198): когда же могъ быть тамъ епископомъ Кириллъ митрополитъ? Въ Холмъ переведена епископская каѳедра изъ Угровеска, и Іоасафъ Угровскій, домогавшійся митрополитскаго престола, былъ послѣднимъ епископомъ этого города, непосредственнымъ предшественникомъ Холмскаго епископа Іоанна, слѣдовательно жилъ около времени нашествія Татаръ на Россію, и могъ домогаться митрополитской каѳедры именно тогда, какъ она сдѣлалась праздною послѣ митрополита Іосифа (тамъ же, стр. 163). Особая статья о митрополитѣ Кириллѣ помѣщена въ Прибавл. къ Твор. св. отц. часть I, 414, подъ заглавіемъ: «Кириллъ II, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи».

*

земъ въ Венгрію и, совершивъ тамъ бракосочетаніе сына Даніилова Льва съ дочерью Белы, продолжалъ свой путь въ Никею, гдѣ жилъ тогда Константій патріархъ. Патріархъ Мануилъ II вѣроятно скоро согласился на поставленіе нашего митрополита и не долго держалъ его у себя: потому-что еще въ томъ же 1250 году митрополитъ Кириллъ посѣтилъ Кіевъ, Черниговъ, Рязань, Суздальскую землю и Новгородъ[2].

Много скорбей и трудовъ ожидало новаго первосвятителя на его высокомъ поприщѣ. Въ Кіевѣ онъ не могъ найдти для себя пріюта и пристанища: каѳедральный Софійскій соборъ и митрополичій домъ были разорены и опустошены, Десятинный храмъ лежалъ въ развалинахъ, знаменитая Печерская обитель, также разоренная, была покинута иноками: во всемъ городѣ едва насчитывалось домовъ съ двѣсти и жителей оставалось весьма мало; да притомъ Кіевъ постоянно подвергался набѣгамъ Татарскимъ. Нужно было митрополиту избрать для себя новое мѣстопребываніе. Поселившись въ Галичѣ или въ какомъ-либо другомъ изъ Галицкихъ городовъ, онъ былъ бы слишкомъ отдаленъ отъ сѣвера Россіи, гдѣ находилось и болѣе епархій чѣмъ на югѣ, и гораздо многолюднѣйшихъ. Кириллъ рѣшился остановиться во Владимірѣ Суздальскомъ, не перенося однакожъ сюда митрополитской каѳедры: этотъ городъ давно уже возвысился надъ Кіевомъ въ гражданскомъ отношеніи, считался столицею великихъ князей Русскихъ и могъ быть по значенію своему вполнѣ приличнымъ, а по географическому положенію очень удобнымъ мѣстомъ для пребыванія первосвятителя Русской церкви. Къ тому же во Владимірѣ не было тогда своего епископа, и епархіею еще съ 1239 года послѣ смерти епископа Митрофана, сгорѣвшаго при нашествіи Татаръ во Владимірскомъ соборѣ вмѣстѣ съ княжескимъ семействомъ и множествомъ народа, управлялъ Ростовскій епископъ Кириллъ[3]. Изъ Владиміра митрополитъ предпринималъ по временамъ путешествія въ

2. Полн. собр. Русск. лѣт. I, 202, 226; II, 185; III, 54; IV, 38; V, 186; Никон. лѣт. III, 32.

3. Этотъ Кириллъ представляется дѣйствующимъ и въ Ростовѣ и во Владимірѣ, но называется только Ростовскимъ, жилъ въ Ростовѣ, скончался и погребенъ тамъ же. Полн. собр. Русск. лѣт. I, 201—204.

Новгородъ, Кіевъ и другіе города; но чаще является дѣйствующимъ въ самомъ Владимірѣ: такъ въ 1250 году онъ вѣнчалъ здѣсь сына вел. кн. Ярослава Андрея, брата св. Александра Невскаго; въ 1252 г. торжественно встрѣчалъ у золотыхъ воротъ св. Александра Невскаго, возвратившагося изъ орды и посадилъ его на великокняжескомъ престолѣ; въ 1255 г. погребалъ брата св. Александра Невскаго, Константина; въ 1261 — 62 благословилъ избрать и рукоположилъ новаго епископа Ростову, Игнатія; въ 1263 г. встрѣтилъ и похоронилъ тѣло самого героя Невскаго въ Рождество-Богородицкомъ Владимірскомъ монастырѣ. Вообще не прежде, какъ въ 1274 г. митрополитъ Кириллъ поставилъ для Владиміра особаго епископа, Серапіона — изъ архимандритовъ Кіевопечерской лавры, которая слѣдовательно начала было уже тогда подниматься изъ своихъ развалинъ, а самъ переселился въ Кіевъ, гдѣ въ 1276 году совершилъ рукоположеніе Новгородскаго епископа Климента[4]. И хотя черезъ четыре года (1280) первосвятитель снова посѣтилъ Владиміръ и вообще область Суздальскую, и здѣсь [illegible] въ городѣ Переяславлѣ даже скончался (9-го дек.); но [illegible] тѣло его, принесенное сначала во Владиміръ, отправлен[illegible] было потомъ въ Кіевъ и тамъ погребено въ каѳедральномъ [illegible] Софійскомъ соборѣ[5].

Другою важнѣйшею заботою [illegible] митрополита Кирилла была забота о благоустроеніи духов[illegible]ства и всей паствы. Съ этою-то цѣлію онъ и предпринималъ [illegible] свои частыя путешествія по Россіи, и, проходя грады и вес[illegible], «по обычаю своему учаше, наказуяше, исправляше»[6]. Он[illegible] всюду встрѣчалъ не только развалины жилищь, храмовъ и [illegible] обителей, не только бѣдствія и слезы соотечественниковъ, но [illegible] къ сугубому прискорбію, и разные безпорядки, церковные и [illegible] нравственные, вкравшіеся или утвердившіеся посреди всеоб[illegible]щаго безпорядка, произведеннаго нашествіемъ Монголовъ. [illegible] Епископы рѣдко обозрѣвали свои епархіи; на священныя степе[illegible]ни возводились лица безъ надлежащаго вни-

4. Полн. собр. Русск. [illegible] лѣт. I, 202—204; III, 54, 63; V, 189, 191, 199; *Карамз.* И. Г. Р. IV, примѣч. 153, [illegible] 154.

5. Полн. собр. Русск. [illegible] лѣт. I, 227; III, 64; V, 199.

6. Ников. лѣт. III, 6[illegible]

манія къ ихъ достоинствамъ и часто по святокупству; въ совершеніи божественной литургіи и другихъ службъ допускаемы были произвольныя отступленія отъ древняго чина; народъ предавался играмъ и обычаямъ, противнымъ духу вѣры. Желая искоренить все это, митрополитъ воспользовался собраніемъ епископовъ, бывшемъ во Владимірѣ въ 1274 г. по случаю рукоположенія Серапіона, и вмѣстѣ съ соборомъ постановилъ правила, которыя доселѣ остаются памятникомъ его пастырской мудрости и ревности къ своему долгу[7].

Нужно еще было митрополиту Кириллу отстоять и защитить права духовенства и вообще Русской церкви предъ Монгольскими ханами. Не знаемъ, путешествовалъ ли самъ Кириллъ въ орду, какъ путешествовали его преемники, чтобы испросить ярлыкъ ханскій въ охраненіе отъ Татаръ св. вѣры и привиллегій своихъ и всего клира; но древнѣйшій изъ ярлыковъ, до насъ дошедшихъ, данъ былъ въ митрополитствованіе Кирилла ханомъ Менгу-Темиромъ, вѣроятно, по случаю вступленія его на престолъ въ 1267 г., и въ этомъ ярлыкѣ говорится, что такіе же ярлыки даны были и прежними ханами Русскому митрополиту и церковнымъ людямъ[8]. Впрочемъ Кириллъ могъ получать ярлыки, которые обыкновенно испрашивались у каждаго вновь воцарившагося хана чрезъ епископовъ Ростовскихъ — сперва Кирилла, два раза бывшаго въ ордѣ у предшественника Менгу-Темирова, Бер[illegible]ге, и потомъ чрезъ Игнатія, который также двукратно ходилъ въ орду, въ послѣдній разъ въ 1280 г., по выраженію лѣтописца, вообще «за причетъ церковный»[9]. Простирая свой попечительный взоръ и на тѣхъ несчастныхъ, которые цѣлыми тысячами отводимы были изъ Рос-

7. Русск. достопамят. I, 106—118.

8. *Григорьева* О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ, стр. 78, 82, 93. Москва, 1842. Тамъ же напечатанъ и самый ярлыкъ, стр. 124.

9. О двукратномъ путешествіи Кирилла къ хану [illegible]ерге (царств. 1257—1266) говорится въ рукописномъ житіи ордынскаго царевича [illegible]а Петра (Сбор. моей библ. № 8, л. 231. Сборн. Новг. Соф. библ. № 503, л. 333). А о путешествіи Игнатія въ орду — въ Троицкой лѣтописи (П. собр. Р. лѣт. I, 227). Отсюда очевидна ошибка исторіографа, будто до митрополита Максима «[illegible]и митрополиты, ни епископы наши не бывали въ ордѣ, кромѣ Сарскаго, живша[illegible]го въ ея столицѣ» (Н. Г. Р. IV, 154, над. VI).

сіи въ орду, какъ плѣнники, или должны были путешествовать въ орду и иногда проживать тамъ долгое время, митрополитъ Кириллъ исходатайствовалъ у хана позволеніе основать въ самомъ Сараѣ православную епархію, и въ 1261 г. поставилъ туда перваго епископа Митрофана [10].

Преемникомъ митрополита Кирилла, правившаго съ такою высокою ревностію цѣлыя тридцать лѣтъ отечественною церковію въ самое тяжкое время владычества Монгольскаго, былъ митрополитъ Максимъ, родомъ Грекъ, избранный и рукоположенный въ Царьградѣ въ 1283 году. Прибывъ въ Россію, онъ немедленно отправился въ орду: тогда, вѣрно, уже начался обычай, по которому всѣ наши митрополиты и епископы, подобно князьямъ, должны были ѣздить въ орду, чтобы получить отъ хана утвержденіе въ своей власти и ярлыкъ, или по крайней мѣрѣ отправляли туда своихъ пословъ для этой цѣли. По возвращеніи въ Кіевъ, Максимъ созвалъ (1284) къ себѣ всѣхъ Русскихъ епископовъ: являться къ новому митрополиту было въ обыкновеніи у нашихъ святителей и прежде; но теперь побужденіемъ къ собору могли послужить еще потребности бѣдствующей церкви. Въ слѣдующемъ (1285) году первосвятитель обходилъ всю землю Русскую, повсюду уча и исправляя дѣла церковныя, и между прочимъ посѣтилъ землю Суздальскую, Новгородъ и Псковъ. Въ 1288 г. онъ рукоположилъ въ Кіевскомъ Софійскомъ соборѣ епископа Владимірскаго и Суздальскаго Іакова; въ 1289 г. тамъ же рукоположилъ епископовъ Ростовскаго Тарасія и Тверскаго Андрея. Въ 1295 году снова пріѣзжалъ въ землю Суздальскую и здѣсь рукоположилъ во Владиміръ и Суздаль епископа Симеона [11]. Наконецъ, не вынося болѣе насилія отъ Татаръ, въ слѣдствіе котораго разбѣжался весь Кіевъ, митрополитъ въ 1299 г. принужденъ былъ совершенно оставить свою резиденцію и переселиться въ землю Суздаль-

10. П. собр. Р. лѣт. I, 204.

11. П. собр. Русск. лѣт. I, 227; III, 64; Никон. лѣт. III, 76, 77, 84, 86, 87, 94. Объ обычаѣ ходить въ орду замѣчено въ той же лѣтописи уже подъ 1313 годомъ: «и вси прихождаху въ орду того ради, понеже тогда въ ордѣ и ярлыки имаху, кождо на свое имя, и князи и епископы» (стр. 108). Подробнѣе у *Григорьева* «О достовѣрн. ярлыковъ ханскихъ», стр. 81—85.

скую со всѣмъ своимъ достояніемъ: здѣсь онъ подобно предшественнику своему самъ сѣлъ на престолѣ во Владимірѣ, а Владимірскаго епископа Симеона посадилъ въ Ростовѣ[12]. Это было однакожь только личное переселеніе митрополита Максима во Владиміръ, совершенно похожее на бывшее переселеніе митрополита Кирилла II, а не перенесеніе самой митрополитской каѳедры, которая по прежнему оставалась и считалась въ Кіевѣ. Вскорѣ затѣмъ (1300 г.) Максимъ ходилъ въ Новгородъ, вмѣстѣ съ двумя епископами—Ростовскимъ и Тверскимъ, для рукоположенія Новгородскаго владыки Ѳеоктиста, а въ слѣдующемъ году былъ въ Царьградѣ и присутствовалъ на тамошнемъ соборѣ[13]. Во время послѣдняго путешествія онъ обозрѣвалъ Волынскую землю, и здѣсь, въ числѣ прочихъ, ему представлялся игуменъ Ратскаго монастыря Петръ съ своею братіею и поднесъ ему икону Пресв. Богородицы собственнаго письма, въ послѣдствіи богато украшенную святителемъ — тотъ самый Петръ, который чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался его преемникомъ[14]. Въ 1305 г. митрополитъ Максимъ скончался и погребенъ былъ не въ Кіевѣ при митрополитской каѳедрѣ, а во Владимірѣ, въ соборной церкви Пресв. Богородицы[15].

По смерти Максима одинъ изъ игуменовъ (судя по мѣсту дѣйствія, Владимірскихъ), именемъ Геронтій, взялъ его святительскую ризницу, утварь, самую икону, поднесенную нѣкогда игуменомъ Петромъ, а также церковныхъ сановниковъ, и отправился въ Константинополь искать себѣ поставленія на Русскую митрополію. Это, конечно, онъ сдѣлалъ не безъ согласія свѣтскихъ властей города Владиміра и нѣкоторыхъ изъ духовенства: иначе трудно объяснить, какъ никто ему не возбранилъ распоряжаться митрополитскою ризницею и утварью и какъ рѣшились сопутствовать ему церковные сановники, т. е., вѣроятно, митрополичьи бояре. Поступокъ Геронтія, когда огла-

12. Полн. собр. Р. лѣт. I, 208, 227, 228; III, 64, 67, 130; V, 200, 201.

13. Тамъ же III, 67; V, 203. О присутствованіи митрополита Максима на Константинопольскомъ соборѣ упоминается въ оглавленіи правилъ этого собора (Карамз. IV, примѣч. 181).

14. Ник. лѣт. III, 103; Степ. кн. I, 413.

15. П. собр. Р. лѣтоп. I, 228; V, 204; Степ. кн. I, 413.

сился въ Россіи, не понравился очень многимъ, особенно же Волынскому князю Георгію Львовичу. Не желая видѣть первосвятителя въ лицѣ властолюбиваго Геронтія и, можетъ быть, недовольный переселеніемъ Кіевскихъ митрополитовъ на сѣверъ Россіи, Георгій «восхотѣ Галичьскую епископію въ метрополію претворити», и убѣдилъ Ратскаго игумена Петра ѣхать къ Цареградскому патріарху, съ письмомъ отъ князя и его посломъ[16]. Надобно замѣтить, что Петръ родился на Волыни отъ благочестивыхъ родителей[17]. Семи лѣтъ онъ отданъ былъ обучаться граматѣ и сначала учился очень медленно и безъ усердія, а потомъ съ такимъ успѣхомъ, что превзошелъ всѣхъ сверстниковъ. Двѣнадцати лѣтъ поступилъ въ монастырь, гдѣ служилъ при пекарнѣ, носилъ на себѣ дрова и воду для всей братіи, мылъ ихъ власяницы, отличался кротостію, смиреніемъ и высокими подвигами поста и молитвы. Здѣсь онъ сильно пожелалъ на-

16. Житіе св. Петра, сочин. митропол. Кипріаномъ, въ Степ. кн. I, 414. Имя князя Волынскаго здѣсь не означено. Но Волынскою землею тогда управлялъ сынъ князя Галицкаго Льва Юрій или Георгій, который по смерти отца своего (1301 г.) наслѣдовалъ Галицію, а по смерти дяди своего Мстислава получилъ и Владимірское княжество (*Зубрицк.* О Червонной Руси, 64—65; *Клеванов.* Истор. юго-западн. Россіи, 212—213). Если уже по смерти митрополита Максима (въ 1305 г.) Волынскій князь, какъ свидѣтельствуетъ Кипріанъ, «восхотѣ Галичьскую епископію въ метрополію претворити», то прежде, значитъ, эта епископія не была митрополіею. Правда, извѣстна грамата, жалованная Печерскому монастырю будто бы въ 1240 г. княземъ Романомъ Галицкимъ (который давно уже скончался), гдѣ въ числѣ свидѣтелей упоминается и митрополитъ Галицкій Голохтіонъ; но эта грамата несомнѣнно подложна (*Востокъ.* Опис. рукоп. Рум. муз. стр. 114). Извѣстны также граматы, данныя будто бы княземъ Галицкимъ Львомъ къ концу XIII и въ самомъ началѣ XIV вѣка, въ которыхъ говорится о митрополіи и митрополитахъ Галицкихъ (напеч. у *Зубрицк.* О Червонной Руси, приложен. Б. В. Г. Ж.). Но подлинность и этихъ граматъ не можетъ подлежать сомнѣнію (*Карамз.* IV, примѣч. 203; *Востокъ.* Опис. Рум. муз. 115, 116; *Филар.* Истор. Русск. церкви, II, примѣч. 188).

17. Намъ извѣстны три житія св. Петра. Первое — рукописное, какъ значится въ заглавіи, «створеніе Прохора, епископа Ростовскаго», скончено въ 1327 г. (Сборн. Новг. Соф. библ. XVI в. въ четь., № 410, л. 334). Второе — печатное (Степ. кн. I, 410), сочин. митрополита Кипріана, встрѣчающееся съ нѣкоторыми варіантами и въ рукописяхъ (Сборн. Новг. Соф. библ. № 527, л. 136; Сборн. моей библ. № 66, л. 21). Третье — также печатное, безъименнаго автора (Прологъ. подъ 21 числ. декабря), встрѣчающееся въ рукописяхъ (Сборн. моей библ. № 51, л. 177). Первое кратко, но весьма важно, какъ написанное современникомъ. Второе излагаетъ тѣ же самыя извѣстія въ гораздо распространенномъ видѣ, съ нѣ-

учиться иконному письму, «и бысть иконникъ чуденъ»[18]. Иконы свои онъ раздавалъ чрезъ своего наставника братіи и нѣкоторымъ христолюбцамъ, посѣщавшимъ обитель, а иногда и продавалъ, чтобы творить милостыню нищимъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего постриженія онъ удостоился за свое благочестіе сана діаконскаго, а потомъ и пресвитерскаго, не переставая, по прежнему, служить братіи. Еще спустя нѣсколько времени, по благословенію своего наставника, удалился изъ обители, и, обходя окрестныя пустыни, нашелъ уединенное мѣсто на рѣкѣ Ратѣ, гдѣ построилъ церковь и основалъ монастырь. Новая обитель вскорѣ наполнилась иноками, и Петръ, сдѣлавшись ея игуменомъ, до того прославился своими подвигами, что сдѣлался извѣстнымъ и князю и всей Волынской странѣ. Потому-то, безъ сомнѣнія, и палъ на него выборъ князя. Петръ отправился въ Константинополь послѣ Геронтія, но прибылъ туда прежде его. Случилось такъ, что когда Геронтій сѣлъ на корабль и поплылъ къ Царьграду, поднялась сильная буря и долго носила корабль по морю, между тѣмъ какъ Петръ взошелъ на другой корабль и благополучно достигъ Греческой столицы. Патріархъ Аѳанасій, прочитавъ письмо отъ князя Галицкаго и выслушавъ его посла, съ любовію принялъ Петра, немедленно созвалъ соборъ для избранія его въ митрополита Русскаго и рукоположилъ его. Чрезъ нѣсколько дней прибылъ наконецъ и Геронтій, истомленный бурею; но патріархъ, испытавъ его, не согласился его посвятить и сказалъ ему между прочимъ: «не достоитъ міряномъ избранія святительстая творити»: новое доказательство, что Геронтій отправился въ Грецію не безъ согласія свѣтскихъ властей страны Суздальской. Затѣмъ патріархъ взялъ у него святительскія одежды, пастырскій жезлъ, икону, писанную нѣкогда Петромъ, и церковныхъ сановниковъ, и все передалъ Петру, какъ дѣйствительному первосвятителю Кіевскому и всея Россіи, и вскорѣ отпустилъ его въ отечество:

которыми впрочемъ дополненіями изъ другихъ источниковъ. Третье представляется только сокращеніемъ втораго безъ всякихъ новыхъ свѣдѣній. На Русскомъ языкѣ статья: «Св. Петръ, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи», помѣщена въ Прибавл. къ Твор. св. отц. II, 73.

18. По выраженію древняго житія, напис. Прохоромъ.

это было въ 1308 году [19]. Такимъ образомъ мысль Волынскаго князя осуществилась только въ половину: игуменъ Петръ сдѣланъ митрополитомъ, но епископія Галицкая не возведена на степень особой митрополіи.

Пришедши въ свою митрополію, новый святитель — скажемъ словами его современнаго жизнеописателя — началъ учить заблудшихъ христіанъ, ослабѣвшихъ по причинѣ нашествія поганыхъ иновѣрцевъ, толковалъ и излагалъ евангельскія и апостольскія писанія, подобно Василію великому, Іоанну Златоусту и Григорію, всюду являлъ свое смиреніе и тѣмъ утверждалъ истинную вѣру въ христіанахъ, обходя землю Волынскую, Кіевскую и Суздальскую [20]. Здѣсь въ городѣ Владимірѣ 5-го іюня 1309 г. онъ рукоположилъ Новгородскаго архіепископа Давида [21]. Очень естественно, если нѣкоторые, особенно въ Суздальской землѣ, недовольные избраніемъ Петра по волѣ одного князя Галицкаго а, можетъ быть, неуспѣхомъ своего избранника — Геронтія, и не зная личныхъ достоинствъ новаго архипастыря, не хотѣли принимать его; но вскорѣ они раскаялись и со смиреніемъ покорились ему. Остался однакожь одинъ завистникъ — Тверской епископъ Андрей, сынъ Литовскаго князя Герденя, человѣкъ легкаго ума и честолюбивый: онъ могъ завидовать Петру, бывшему игумену Галицкому, потому что епископствуя въ городѣ и области, гдѣ княжилъ тогда великій князь всея Россіи (Михаилъ Тверскій), самъ, можетъ быть, тайно желалъ и разсчитывалъ занять престолъ Русской митрополіи. Какъ бы то ни было, только Андрей не устыдился сдѣлать ложный доносъ на святителя Петра Константинопольскому патріарху Аѳанасію. Патріархъ послалъ въ Россію одного изъ своихъ клириковъ, мужа сановитаго, мудраго и разсудительнаго и повелѣлъ разсмо-

19. П. собр. Р. лѣт. I, 229; II, 349; V, 204.

20. «И пришедъ во свою митрополью, и нача оучити заблоужшая крестьяны, ослабѣвшая ноужа ради поганыхъ иновѣрець, протолкоуя евангельскаа писанія и апостольскаа, якоже великій Василей, Іоанъ Златооустый, Григорей, та оученья излагаа, и къ семоу свое смиреніе являя, и тѣмъ оутверждая истиноую вѣроу во крестьянѣхъ, преходя Волыньскоую землю и Кіевьскоую и Суздальскоую землю, оуча вездѣ всѣ».

21. П. собр. Р. л. III, 69; V, 204.

трѣть дѣло на соборѣ. Соборъ составился (не позже 1311 г.) въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, и на немъ присутствовали, кромѣ митрополита и епископа Андрея, Ростовскій епископъ Симеонъ, два сына великаго князя Тверскаго Димитрія и Александръ, многіе другіе князья, вельможи и воеводы, множество игуменовъ и священниковъ[22]. Когда патріаршій клирикъ объявилъ о доносѣ на святителя и самый доносъ былъ прочитанъ, тогда возстало на соборѣ сильное волненіе, такъ что для укрощенія его св. Петръ сказалъ присутствующимъ: «Братіе и чада! я не лучше пророка Іоны; если ради меня великое смятеніе, изгоните меня, да утихнетъ молва». Всѣ желали знать, кто это взвелъ на человѣка Божія такія клеветы и виновникъ вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ, посрамленный и уничиженный. Но св. Петръ не сдѣлалъ ему никакого зла, а только сказалъ: «миръ тебѣ, чадо, не ты сотворилъ это, а діаволъ». По окончаніи собора святитель еще съ бо́льшею ревностію началъ учить не только грады, но и веси, проходя всѣ мѣста и забывая трудy и болѣзни свои въ попеченіи о духовномъ стадѣ.

Въ 1313 г. св. Петръ долженъ былъ идти въ Орду вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ по случаю восшествія на престолъ царя Узбека, чтобы испросить у него подтвержденіе прежнихъ льготъ, дарованныхъ ханами Русской церкви; былъ принятъ новымъ царемъ съ великою честію, и скоро отпущенъ; а чрезъ два года получилъ отъ него и ярлыкъ, вѣроятно, привезенный возвратившимся тогда изъ орды великимъ княземъ[23]. По пришествіи въ отечество, первосвятитель, уже дряхлый лѣтами, продолжалъ вести свою прежнюю странническую жизнь, передвигаясь съ мѣста на мѣсто; вездѣ наставлялъ іереевъ, иноковъ, мірянъ, и между прочимъ обличилъ какого-то

---

22. Съ Симеономъ, епископомъ Ростовскимъ, на соборѣ находился и игуменъ Прохоръ, бывшій потомъ его преемникомъ, составитель житія св. Петра. Но Симеонъ отказался отъ Ростовской каѳедры, а Прохоръ занялъ ее въ 1311 г. (Полн. собр. Р. лѣт. I, 229). Слѣдовательно соборъ былъ не позже этого года.

23. Св. Петръ отпущенъ былъ отъ хана *вборзе* (Ник. лѣт. III, 108), а данный ему отъ хана ярлыкъ подписанъ уже 1315 г. (*Григор.* О достов. ярлык. ханск. 92): въ этомъ году великій князь и возвратился изъ орды (Ник. лѣт. III, 110).

еретика Сента, мудрствовавшаго противно православной вѣрѣ и церкви, и какъ непокорившагося истинѣ предалъ его проклятію[24]. Во время этихъ своихъ путешествій Петръ узналъ скромный городокъ Москву и сильно полюбилъ княжившаго въ ней Іоанна Даниловича Калиту, милостиваго къ церквамъ и нищимъ, очень свѣдущаго въ святыхъ книгахъ и послушнаго божественному ученію[25]. Почему и началъ проживать въ ней болѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ: въ 1325 году онъ уже въ Москвѣ рукоположилъ Новгородскаго архіепископа Моисея и вмѣстѣ съ другими святителями похоронилъ тѣло князя Юрія Даниловича, убитаго въ ордѣ[26]. Приближаясь къ могилѣ, угодникъ Божій далъ совѣтъ любимому князю соорудить въ Москвѣ каменную церковь Пресв. Богородицы и для убѣжденія его сказалъ пророчески: «Если ты послушаешь меня, сынъ мой, то и самъ прославишься болѣе иныхъ князей съ родомъ твоимъ, и градъ твой будетъ славенъ между всѣми городами Русскими, и святители поживутъ въ немъ, и кости мои здѣсь положены будутъ». Церковь была заложена и быстро воздвигалась; святитель успѣлъ устроить въ ней для себя гробъ собственными руками близъ жертвенника, но не дожилъ до окончанія ея и предалъ духъ свой Богу 20 дек. 1326 года. Предъ смертію онъ завѣщалъ для совершенія этой церкви, гдѣ и былъ погребенъ, значительную сумму, раздавъ все прочее имѣніе нищимъ, черноризцамъ, священникамъ и вообще церковникамъ и своимъ домочадцамъ[27].

---

24. Кто былъ этотъ Сентъ и въ чемъ состояло его лжеученіе, жизнеописатели св. Петра не говорятъ. Но Татищевъ неизвѣстно откуда заимствовалъ сказаніе, будто Сентъ былъ Новгородскій протопопъ, соумышленникъ Тверскаго епископа Андрея, отвергалъ существованіе рая на землѣ и проповѣдывалъ противъ монашества (IV, 93). Сказаніе это представляется сомнительнымъ потому, что въ частностяхъ оно разнорѣчитъ съ житіями св. Петра, изъ которыхъ одно написано современникомъ (см. *Руднев.* О ерес. и раскол. въ Русск. церкви, 71, 72, Моск. 1838). Сентами у Татаръ—магометанъ назывались лица духовнаго званія (*Карамз.* VII, примѣч. 263; *Арцыбаш.* Повѣств. о Россіи, IV, прим. 1029). И потому не невѣроятно предположеніе, что означенный еретикъ былъ изъ крещенныхъ сентовъ (*Карамз.* IV, примѣч. 244; Приб. къ Твор. св. отц. II, 79).

25. Древній жизнеописатель выражается: «паче преходя грады, обрѣте градъ честенъ кротостію, зовомы Москва...»

26. Полн. собр. Р. л. III, 73; V, 217.

27. Прохоръ пишетъ: «Кончавъ святоую слоужбоу и созвавъ многи нищіа но іереи и черноризци и черноризци, и створи милостыня многи, и раздая имѣнье

Нельзя не остановить вниманія на томъ обстоятельствѣ, что погребеніе святителя совершилъ епископъ Луцкій Ѳеодосій, прибывшій къ нему, безъ сомнѣнія, по дѣламъ епархіальнымъ: доказательство, что и южныя епископіи находились еще въ подчиненіи Кіевскому митрополиту[28]. На переселеніе святителя Петра въ Москву должно смотрѣть точно также, какъ на переселеніе двухъ его предмѣстниковъ во Владиміръ: это было ихъ личное переселеніе, а отнюдь не перенесеніе самой каѳедры митрополитской въ тотъ или другой городъ, которое, какъ увидимъ, только въ нѣкоторомъ смыслѣ совершилось уже въ послѣдствіи. Св. Петръ былъ также митрополитомъ Кіевскимъ и всея Россіи, и хотя мало жилъ во Владимірѣ, но, подобно предшественнику, управлялъ епархіею Владимірскою, а не Московскою, еще не существовавшею.

Замѣчательное извѣстіе сообщаетъ древнѣйшій жизнеописатель св. Петра, не сохранившееся въ другихъ о немъ сказаніяхъ, именно то, что онъ самъ при жизни своей избралъ было себѣ преемника, какого-то архимандрита Ѳеодора, «его же воименова на митрополію», пользовавшагося близостію къ нему и удостоившагося быть единственнымъ свидѣтелемъ его блаженной кончины[29]. Но одно изъ двухъ: или этотъ архимандритъ не ходилъ въ Царьградъ, чтобы просить себѣ митрополитскаго сана, или ему отказали. Въ 1328 г. присланъ въ Россію отъ патріарха новый митрополитъ, Грекъ, по имени Ѳеогностъ. Сначала онъ посѣтилъ Кіевъ, гдѣ находилась его первосвятительская каѳедра, потомъ прибылъ во Владиміръ Суздальскій, гдѣ была каѳедра его, какъ

свое не токмо нищимъ, и ереомъ, черноризцемъ, черноризицамъ, всѣмъ церковникомъ и домочадцамъ А благовѣрному князю не сущи тогда во градѣ: и призва единого отъ вельможъ, иже бѣ оустроинъ старѣйшина граду, нарецаемь именемъ Протасей; сей бѣ на нищія милостивъ и милосеръ сердцемъ, и рече ему: о чадо, миръ подай, яже благовѣрному князю и всемоу домоу его, и тебѣ миръ. И вда емоу влагалище на оустрой церкви и на поминаніе своеа памяти и прочаа домы церковныя призва».

28. Никон. лѣт. III, 131; *Карамз.* IV, прим. 283.

29. «Вечероу же бывшю и нача святый вечерюю молитвоу, и еще сущи молитвѣ во оустѣхъ его, и рече преподобному архимандритоу Ѳеодороу, *его же воименова на митрополію:* миръ ти, чадо, азъ почити хощоу. И абіе предаетъ духъ. И послаша вѣсть ко князю».

епархіальнаго іерарха, наконецъ — въ Москву, гдѣ и поселился въ домѣ своего предмѣстника св. Петра[30]. Не должно казаться страннымъ, что наши митрополиты избирали для своего жительства городъ, не заключавшій въ себѣ ихъ каѳедры: тогда и великіе князья наши поступали подобнымъ образомъ. Всѣ они хотя восходили на главный престолъ Русскій въ великокняжеской столицѣ — Владимірѣ, но нѣкоторые жили въ своихъ удѣльныхъ городахъ (Димитрій Александровичь въ Переяславлѣ Залѣсскомъ, Михаилъ Ярославичь въ Твери). Самъ Іоаннъ Даниловичь Калита, возведенный на великокняжескій престолъ всея Россіи въ томъ же году, когда Ѳеогностъ возведенъ на столъ митрополіи Русской, оставался жить въ Москвѣ. Среди трудныхъ обстоятельствъ суждено было святительствовать Ѳеогносту въ Русской землѣ. Въ сѣверной части ея, съ возшествіемъ на великокняжескій престолъ Іоанна Даниловича, начиналась заря лучшаго порядка вещей для отечества и для церкви; за то юго-западныя области Россіи образовали особое великое княжество—Литовское и подпали подъ власть язычника Гедимина (съ 1320 г.); въ частности княжество Галицкое покорилось сперва (1336 г.) Мазовецкому князю и вскорѣ (1340 г.) Польскому королю, исповѣдывавшему Римскую вѣру. Св. Ѳеогностъ, какъ пастырь мудрый и ревностный, употреблялъ всѣ мѣры, чтобы съ одной стороны содѣйствовать Московскому князю, стремившемуся ко благу Россіи и православной церкви, а съ другой — чтобы во всѣхъ Русскихъ епархіяхъ, находившихся теперь въ трехъ различныхъ царствахъ, сохранить единство вѣры и древній церковный порядокъ.

Въ 1329 г. митрополитъ прибылъ въ Новгородъ, гдѣ находился тогда великій князь Іоаннъ со многими другими князьями по очень важному дѣлу. Ханъ, отпуская изъ орды Іоанна и Новгородскихъ пословъ, обязалъ ихъ, чтобы они представили ему Тверскаго князя Александра Михайловича. Александръ бѣжалъ во Псковъ, и Псковичи не хотѣли выдать его, не смотря на всѣ убѣжденія Новгородскаго владыки Моисея и пословъ великокняжескихъ и Новгородскихъ. Великій князь, чтобы пред-

30. П. собр. Р. лѣт. I, 230; V, 218; Ник. лѣт. III, 139.

отвратить гнѣвъ ханскій отъ себя и отъ Россіи, двинулся на непокорныхъ съ войскомъ, но не желая проливать крови, упросилъ митрополита подѣйствовать на нихъ силою церковной анаѳемы, если они не прекратятъ своего упорства. Псковичи смирились, Александръ уѣхалъ въ Литву, и митрополитъ, разрѣшивъ ихъ отъ клятвы, преподалъ имъ свое благословеніе. Вскорѣ однакожь жители Пскова снова приняли къ себѣ Александра, и даже признали его своимъ княземъ, отдѣлившись отъ Новгорода. А чтобы отдѣлиться отъ него и въ церковномъ отношеніи, избрали себѣ особаго епископа Арсенія, котораго и послали для поставленія къ митрополиту. Просьбу ихъ поддерживалъ, кромѣ Александра, самъ великій князь Литовскій Гедиминъ. Но митрополитъ не согласился исполнить волю Псковитянъ, дѣйствовавшихъ вопреки Московскому князю, и измѣнить древній распорядокъ епархій. Въ это время (1330 — 1331) мы видимъ Ѳеогноста въ землѣ Волынской, гдѣ оставался онъ довольно долго: потому что оттуда онъ присылалъ пословъ своихъ къ Новгородцамъ звать къ себѣ на поставленіе новоизбраннаго ими владыку Василія, и по прибытіи послѣдняго рукоположилъ его во Владимірѣ Волынскомъ. Въ рукоположеніи участвовали епископы почти всѣхъ юго-западныхъ епархій, т. е., не только Владимірскій и сосѣдніе — Холмскій и Перемышльскій, которые могли быть приглашены собственно для этого священнодѣйствія, но и Галицкій и даже Полоцкій: собраніе всѣхъ ихъ митрополитомъ, безъ сомнѣнія, имѣло цѣлію устроеніе церковныхъ дѣлъ ихъ собственнаго края[31].

Отношенія къ ордѣ и къ Греціи были предметомъ новыхъ попеченій и трудовъ св. Ѳеогноста. Въ орду ходилъ онъ два раза: въ первый разъ, спустя пять лѣтъ по вступленіи своемъ на митрополитскую каѳедру (1333 г.), можетъ быть, для того, чтобы получить отъ хана Узбека утвержденіе въ своемъ званіи; въ другой разъ въ 1342 г. по случаю воцаренія новаго хана, сына Узбекова, Чанибека. Въ этотъ послѣдній разъ пребываніе въ ордѣ было для митрополита крайне непріятно. Какіе-то злые люди изъ Русскихъ оклеветали его предъ ханомъ, будто онъ

31. П. собр. Р. лѣт. III, 74, 75; V, 218, 219; Никон. лѣт. III, 151—158.

митрополитъ получаетъ большіе доходы съ духовенства и имѣетъ много золота и серебра. Чанибекъ началъ требовать отъ него ежегодной церковной дани: Ѳеогностъ не соглашался. Тогда царь передалъ его Татарамъ, которые долго понуждали его къ тому, даже истязали и мучили; но первосвятитель перенесъ все и, раздавъ главнѣйшимъ изъ своихъ мучителей до шести сотъ рублей, возвратился въ отечество съ двумя новыми ярлыками отъ хана Чанибека и отъ жены его Тайдуллы, которыми подтверждались всѣ прежнія льготы Русской церкви и духовенства. За этотъ подвигъ Ѳеогноста на пользу церкви особенно прославляли его благочестивые соотечественники [32].

Въ Грецію онъ путешествовалъ только однажды въ 1333 году; но не это тяготило первосвятителя. Въ самой Греціи происходили тогда церковныя смуты, которыя были очень неблагопріятны для церкви Русской. Все духовенство Греческое занято было спорами о свѣтѣ Ѳаворскомъ, возбужденными, съ одной стороны, Варлаамомъ и Акиндиномъ, а съ другой — преп. Григоріемъ Паламою. Въ Константинополѣ составляемы были соборы (1341—1345 г.) въ защиту то одной, то другой стороны, въ которыхъ принимали участіе и императоры. Самъ патріархъ Іоаннъ XIV держался мнѣній Варлаама и Акиндина и предавалъ анаѳемѣ послѣдователей Паламы. Волненіе обнимало всю столицу. Во время этихъ-то смутъ открыта была особая митрополія въ Галичѣ, съ подчиненіемъ ей всѣхъ епархій Волыни, или, по тогдашнему, малой Россіи: Владимірской, Холмской, Перемышльской, Луцкой и Туровской. Кто тутъ были дѣйствователями: епископъ ли Галицкій, или Литовскій князь Любартъ, обладавшій тогда землею Волынскою, или оба вмѣстѣ — извѣстій не сохранилось; но, безъ сомнѣнія, согласіе того и другаго было здѣсь необходимо. Слухи объ открытіи Галицкой митрополіи, естественно, огорчили митрополита Ѳеогноста и великаго князя Московскаго Симеона, и они, посовѣщавшись между собою, отправили въ 1346 г. пословъ къ патріарху «о благословеніи». Обстоятельства оказались благопріятными.

32. П. собр. Р. лѣт. III, 77, 82; V, 220; Ник. лѣт. III, 160, 179; Степ. кн. I, 442; *Карамз.* IV, 334; *Григорьев.* О достов. ярл. хавск. 80.

Въ январѣ 1347 г. взошелъ на Константинопольскій престолъ новый императоръ Іоаннъ Кантакузенъ, и тогда патріархъ Іоаннъ XIV соборомъ низведенъ съ своей каѳедры за послѣдованіе Варлааму и Акиндину. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ каѳедру эту занялъ Исидоръ Бухиръ, котораго Іоаннъ XIV предавалъ анаѳемѣ за приверженность къ Паламѣ, и который, какъ только сдѣлался патріархомъ, немедленно началъ отмѣнять все, сдѣланное его предшественникомъ. Въ августѣ того же года состоялось уже соборное опредѣленіе о закрытіи Галицкой митрополіи и подчиненіи всѣхъ Малороссійскихъ епископствъ митрополиту всея Россіи. Императоръ писалъ объ этомъ къ митрополиту Ѳеогносту и особо къ Московскому князю Симеону, замѣчая въ первомъ письмѣ, что Галицкая митрополія открыта была прежнимъ патріархомъ, а въ послѣднемъ называя открытіе ея суетною новизною: знакъ, что наши — митрополитъ и князь — дѣйствительно относились въ Константинополь по этому дѣлу. Тогда же императоръ извѣщалъ Владимірскаго князя Любарта, что митрополитъ въ Галиціи поставленъ былъ только по причинѣ смутъ, происходившихъ въ Константинополѣ, что при новомъ патріархѣ вся малая Россія, вмѣстѣ съ великою, снова подчиняются одному митрополиту Кіевскому, и въ оправданіе такого опредѣленія указывалъ, что со времени крещенія Русскихъ постоянно всею Русскою церковію управлялъ одинъ митрополитъ Кіевскій: знакъ, что и Любартъ принималъ участіе въ дѣлѣ Галицкой митрополіи. Галицкій митрополитъ (кто былъ онъ, Ѳеодоръ ли, носившій еще въ 1334 г. имя Галицкаго епископа, или другой, неизвѣстно) вызванъ былъ въ Константинополь. А митрополиту Кіевскому патріархъ писалъ, извѣщая его о подчиненіи ему снова всей Россіи, чтобы онъ впредь благоволилъ равно ко всѣмъ князьямъ: вѣрно, Любартъ или-другіе князья Литовскіе, владѣвшіе тогда западною Россіею, жаловались патріарху на Ѳеогноста, что онъ особенно преданъ князю Московскому и подъ этимъ предлогомъ просили себѣ особаго митрополита[33].

33. О патріархахъ и смутахъ въ Константинополѣ см. Oriens Christian. I, 297—301. О посланіяхъ императора и патріарха, открытіи и закрытіи Галицкой митрополіи, въ статьѣ *Гиляровскаго*: «Протоколы Константинопольскаго патріар-

Св. Ѳеогностъ успокоился, но не надолго. Въ 1352 г. какой-то инокъ, по имени Ѳеодоритъ, прибылъ, можетъ быть, изъ Россіи въ Константинополь и началъ искать себѣ поставленія на каѳедру Русской митрополіи, увѣряя, что Ѳеогностъ скончался. Патріархъ, послѣ тщательнаго изслѣдованія убѣдившись въ противномъ, предложилъ искателю повременить, пока онъ пошлетъ на мѣсто и узнаетъ истину о Ѳеогностѣ. Но Ѳеодоритъ, чувствуя свой обманъ, бѣжалъ изъ Царьграда въ Терновъ, гдѣ былъ тогда особый патріархъ Болгарскій и нашелъ для себя здѣсь то, чего не надѣялся болѣе найти въ Византіи. Возведенный въ санъ митрополита Русскаго, честолюбецъ пришелъ въ Россію и поселился въ Кіевѣ у митрополитской каѳедры. Этотъ поступокъ, равно противозаконный и со стороны Терновскаго патріарха и со стороны Ѳеодорита, и никогда доселѣ не случавшійся въ Русской церкви, произвелъ крайнее огорченіе какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Москвѣ. Цареградскій патріархъ съ другими іерархами немедленно осудилъ Ѳеодорита и разослалъ въ разныя мѣста Россіи посланія, убѣждая «не принимать его, какъ низложеннаго божественными ка-

---

хата XIV вѣка», граматы подъ №№ 3—8 (Ж. М. Н. П. 1847, кн. 6, отд. 11). О посольствѣ нашего князя и митрополита въ Царьградъ — Ник. лѣт. III, 186. Если въ 1347 г. Греческій императоръ въ письмахъ къ нашему митрополиту и князьямъ, Московскому и Владимірскому — которые, какъ современники, сами могли знать всю истину — свидѣтельствуетъ, что Галицкая митрополія открыта только при прежнемъ патріархѣ (слѣд. Іоаннѣ XIV), во время смутъ, бывшихъ въ Константинополѣ, и называетъ возведеніе Галицкаго епископа въ митрополита тщетною новизною; а съ другой стороны, если изъ другихъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ извѣстно, что Галицкій іерархъ Ѳеодоръ не только въ 1331, но и въ 1334 годахъ назывался еще епископомъ даже въ оффиціальной граматѣ своего князя (II. собр Р. л. III, 75; *Карамз.* IV, прим. 276); то всѣ сомнительныя извѣстія о существованіи Галицкой митрополіи въ XIII и въ первой четверти XIV в. не должны имѣть никакой цѣны (см. выше прим. 16). Кѣмъ и когда составлена роспись епархій, подчиненныхъ Константинопольскому патріарху, въ которой Малороссійскія епархіи отдѣлены отъ Великороссійскихъ (*Codin. Curop.* De offic. magnae eccles. p 348, Venet. 1729), неизвѣстно, хотя исторіографъ не безъ основанія относитъ ее къ позднѣйшему времени (*Карамз.* IV, прим. 203). Нельзя также поручиться за подлинность и неповрежденность росписи митрополій, приписываемой императору Андронику Палеологу, въ которой подъ № 81 замѣчено, будто въ Литвѣ учреждена митрополія при императорѣ Андроникѣ и патріархѣ Іоаннѣ Гликѣ (1316 — 1320). (*Codin.* ibid. pag. 346). Впрочемъ она могла быть учреждена только въ видѣ предположенія.

*

нонами и божественнымъ и священнымъ соборомъ»[34]. А митрополитъ Ѳеогностъ и вел. князь Русскій Симеонъ поспѣшили отправить своихъ пословъ къ патріарху и Греческому императору съ просьбою, чтобы на Русскую митрополію, когда она сдѣлается праздною, былъ поставленъ не кто другой, какъ избранный уже въ Россіи епископъ Владимірскій Алексій[35]. Между тѣмъ св. Ѳеогносту суждено было испытать еще скорбь со стороны Новгорода. Любя свободу и независимость, не желая подчиняться ни Московскому князю, ни Литовскому и никакому другому, Новгородцы, естественно, могли тяготиться и церковною зависимостію отъ митрополита, особенно, когда замѣчали, что онъ держитъ сторону какого либо князя противъ нихъ. Такъ и случилось въ 1341 году. Великій князь Московскій Симеонъ, вступивъ съ войскомъ своимъ въ Торжокъ, принудилъ Новгородцевъ заплатить ему значительную дань, которая казалась для нихъ несправедливою и позорною. При великомъ князѣ въ Торжкѣ они видѣли и Ѳеогноста, разумѣется, какъ его единомышленника. Не удивительно, если вскорѣ за тѣмъ, удостоившись посѣщенія митрополита, они приняли его очень неохотно, и мѣстный лѣтописецъ, прислушиваясь къ мнѣнію народа, внесъ въ свою лѣтопись слѣдующія слова: «пріѣха митрополитъ Ѳео-

---

34. Мы имѣемъ подъ руками четыре грамоты въ Русскомъ переводѣ изъ протоколовъ Константинопольскаго патріархата XIV вѣка, означенныя въ извѣстной статьѣ г. Григоровича (см. предъид. прим.) подъ №№ 9—12. Въ одной изъ нихъ (№ 11), писанной въ 1354 г. патріархъ, между прочимъ, говоритъ Новгородскому владыкѣ: «Да будетъ вѣдомо твоему боголюбію, что Ѳеодоритъ, два года тому назадъ, приходилъ сюда, когда еще живъ былъ преосвященный архіерей Киръ Ѳеогностъ, и искалъ сдѣлаться митрополитомъ Русскимъ: но мы послѣ тщательнаго изслѣдованія нашедши, что митрополитъ Киръ Ѳеогностъ еще живъ, отнюдь не приняли его, потому что искалъ противнаго законоположенію божественныхъ и священныхъ каноновъ. Посему и говорили ему, чтобы онъ подождалъ, а мы между тѣмъ пошлемъ и узнаемъ истину объ ономъ митрополитѣ, и тогда сдѣлаемъ такъ, какъ найдемъ хорошимъ. Между тѣмъ онъ бѣжалъ въ Торновъ (εἰς Τέρνοβον), и тѣмъ совершилъ поступокъ самый странный и самый безаконный — поступокъ внѣ каноновъ: чего никогда не бывало съ тѣхъ поръ, какъ крестилась Россія. Поэтому мы прежде писали всюду въ тѣ мѣста, чтобы вы никоимъ образомъ не принимали этого Ѳеодорита, какъ низложеннаго божественными канонами и божественнымъ и священнымъ соборомъ».

35. Ник. лѣт. III, 201; Степ. кн. 1, 451.

гностъ Гречинъ въ Новгородъ съ многими людьми, *тяжко* же бысть владыцѣ и монастыремъ *кормомъ и дары*». Но это только начало. Въ 1353 году неудовольствіе Новгородцевъ противъ митрополита обнаружилось гораздо яснѣе: владыка ихъ Моисей отправилъ пословъ въ Царьградъ къ царю и патріарху, прося отъ нихъ «исправленія о непотребныхъ вещахъ, приходящихъ съ насиліемъ отъ митрополита» и, какъ замѣчено въ сводной лѣтописи Татищева, «хотяще отъ митрополіи и власти великихъ князей отложитися»[36]. Въ чемъ состояли эти насилія со стороны митрополита, и точно ли они были, лѣтописи не говорятъ. И св. Ѳеогностъ не дождался послѣдствій какъ своего посольства въ Царьградъ относительно своего преемника, такъ и посольства Новгородскаго владыки: послѣ продолжительной болѣзни доблестный первосвятитель скончался 11 марта 1353 года отъ свирѣпствовавшей тогда язвы, извѣстной подъ именемъ черной смерти, и чрезъ три дня погребенъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ неподалеку отъ своего предшественника, св. Петра[37].

Здѣсь мы должны возвратиться нѣсколько назадъ, чтобы сообщить предварительныя свѣдѣнія о томъ, кому выпалъ высокій жребій управлять Русскою церковію послѣ св. Ѳеогноста[38].

---

36. П. Собр. Р. лѣт. III, 80—81. 86; V, 223; *Татищ.* IV. 177.

37. П. Собр. Р. лѣт. I, 230; III, 85; V, 228; Степ. кн. I, 144.

38. Житій св. Алексія или сказаній о немъ на Славянскомъ языкѣ извѣстно до пяти. Первое, краткое, можетъ быть то самое, которое написалъ (Степ. кн. I, 445) епископъ Пермскій Питиримъ (ум. 1445), встрѣчается только въ рукописяхъ и начинается словами: «Сей убо преподобный отецъ нашъ Алексій митрополитъ родомъ бѣяше боляринъ».... (Сбор. Новг. Соф. библ. въ четв., XVI в. № 410. л. 376 — 379 об.). Второе, довольно обширное, составлено Пахоміемъ Логоѳетомъ въ 1460 г. (Опис. рукоп. Толстаго I, № 292, стр. 185), встрѣчается и въ рукописяхъ (Опис. Рум. Муз. стр. 204. Сбор. моей библ. № 4, л. 114; № 66, л. 194 об.), и въ распространенномъ видѣ помѣщено въ Степ. книгѣ I, 444. Третье, краткое, безъименнаго автора начинается словами: «Сей иже во святыхъ отецъ нашъ Алексѣй рода бѣ болярска. отъ страны сѣверныя».... встрѣчается въ рукописяхъ (Сборн. моей библ. № 51, л 1) и было напечатано въ прологѣ Московскаго изданія 1641 года подъ 12 числомъ февраля. Четвертое, въ видѣ особой повѣсти, напечатано въ Никон. лѣтописи (IV, 55). Пятое, подъ именемъ Слова о житіи св. Алексія читается въ нынѣшнемъ прологѣ подъ 12 числомъ февраля. На Русскомъ языкѣ ученая статья о св. Алексіѣ помѣщена въ Приб. къ тв. св. отц. VI, 89.

Алексѣй родился къ концу XIII вѣка въ Москвѣ, куда родители его, бояринъ Ѳеодоръ и Марія, переселились изъ Чернигова, по случаю разоренія этого города Татарами, и названъ при рожденіи Симеономъ-Елевѳеріемъ[39]. Отецъ его Ѳеодоръ и въ Москвѣ занялъ мѣсто въ числѣ знатнѣйшихъ бояръ, былъ даже правителемъ Москвы и пользовался такою благосклонностію князя Даніила Александровича, что воспріемникомъ своего первенца отъ св. купели удостоился имѣть самого сына княжескаго, тогда еще малолѣтнаго, Іоанна Даниловича Калиту. При счастливыхъ обстоятельствахъ Елевѳерій еще въ дѣтствѣ «изучися всей грамотѣ» и въ ранней юности «всѣмъ книгамъ извыче». На двѣнадцатомъ году родители замѣтили въ немъ необыкновенную перемѣну: онъ сдѣлался молчаливъ, оставилъ дѣтскія игры, непрестанно упражнялся въ чтеніи книгъ, любилъ пость и молитву. Съ пятнадцати лѣтъ о томъ только и помышлялъ, какъ бы поступить въ монастырь. Двадцати лѣтъ дѣйствительно вступилъ въ Богоявленскій монастырь и при постриженіи получилъ новое имя Алексія. Въ обители молодой инокъ со всѣмъ жаромъ предался иноческимъ подвигамъ и вмѣстѣ своимъ любимымъ занятіямъ книгами, такъ что «всяко писаніе ветхаго и новаго завѣта пройде». Такъ провелъ Алексій болѣе двадцати лѣтъ: слава о его добродѣтеляхъ распространялась болѣе и болѣе и достигла великаго князя Московскаго Симеона и митрополита Ѳеогноста, которые оба сильно полюбили его. Св. Ѳеогностъ повелѣлъ ему, не смотря на его нежеланіе, переселиться изъ обители въ митрополичій домъ, сдѣлалъ его своимъ намѣстникомъ и поручилъ ему управленіе всѣми церковными дѣлами и судами. Двѣнадцать лѣтъ и три мѣсяца трудился Алексій въ этомъ почетномъ званіи и пріобрѣлъ еще болѣе расположенность и князя и митрополита. Первосвятитель уже дряхлый и слабый, желая приготовить себѣ преемника въ лицѣ Алексія, уступилъ ему свою собственную епархію Владимір-

---

39. Такъ по свидѣтельству Никон. лѣтоп. IV, 56; а по житію святителя, вѣроятно, Питиримову, онъ названъ только Семіономъ; по житію же Пахомієву и всѣхъ прочихъ — только Елевѳеріемъ. Одно изъ этихъ именъ могло быть дано при рожденіи святаго, другое при крещеніи.

скую и (въ 1351 г.) возвелъ его на степень епископа. А вскорѣ незадолго предъ своею кончиною вмѣстѣ съ великимъ княземъ и съ согласія всѣхъ Русскихъ святителей и бояръ и народа, отправилъ посольство въ Константинополь просить, чтобы, въ случаѣ кончины — его Ѳеогноста, на каѳедру митрополіи Русской возведенъ былъ именно епископъ Владимірскій Алексій [40].

Патріархъ немедленно (1352) согласился на это, и чрезъ тѣхъ же пословъ, возвращавшихся въ Россію, повелѣлъ Алексію прибыть въ Константинополь. Но здѣсь въ продолженіе цѣлаго года испытывалъ его, собиралъ о немъ свѣдѣнія частію отъ Грековъ, возвращавшихся изъ Россіи, частію отъ самихъ Русскихъ, приходившихъ въ Грецію. Наконецъ, всѣми способами удостовѣрившись въ его достоинствахъ, получивъ къ тому жь ходатайство о немъ отъ новаго великаго князя Русскаго Іоанна, равно какъ и другихъ князей, клира и всего народа, и рекомендательные отзывы отъ Русскихъ епископовъ чрезъ Сарайскаго епископа, патріархъ Филоѳей не медлилъ болѣе съ соборомъ своимъ поставить митрополитомъ Кіева и всея Россіи Киръ-Алексія «за его добродѣтельное житіе и прочія духовныя доблести». Отъ 30 іюня 1354 г. Алексію выдано было соборное дѣяніе и извѣстіе о поставленіи его въ митрополита, и онъ отправился въ отечество. Въ этой граматѣ патріархъ, между прочимъ, обращаясь въ Русскимъ, говоритъ: «Извѣщаемъ объ этомъ и соборъ той церкви, боголюбезнѣйшихъ епископовъ и самого благороднѣйшаго великаго князя Россіи Киръ-Іоанна и прочихъ благородныхъ князей, возлюбленныхъ о Господѣ сыновъ нашей мѣрности, а также и тамошній клиръ, начальствующихъ и весь живущій тамъ христоименитый народъ Господа; и пишемъ и увѣщеваемъ отечески, чтобы они приняли его (св. Алексія) съ радостію и всѣ возвеселились о его пришествіи, оказывали ему всякую честь и благопокорность въ томъ, что по своей должности онъ будетъ говорить, или къ чему будетъ убѣждать и приводить ихъ, заботясь о пользѣ ихъ душъ и объ утвержденіи

40. Объ отцѣ св. Алексія у *Карамз.* IV, прим. 324. Славянскія выраженія заимствованы изъ житія святого, по догадкѣ Питиримова. О времени поставленія его въ санъ епископа Ник. лѣт. III, 201. О всемъ прочемъ — въ упомянутыхъ выше житіяхъ (прим. 38).

благочестивыхъ и православныхъ догматовъ Божіей церкви. Ибо оказываемое ему уваженіе, честь и благоговѣніе относятся къ Богу, переходитъ на нашу мѣрность, равно и находящійся при насъ божественный и священный соборъ. Онъ долженъ возсѣсть на священный престолъ, какъ совершенный митрополитъ Кіевскій и всея Россіи и пользоваться всѣми, гдѣ бы и когда бы то ни было, обрѣтающимися и относящимися къ той святѣйшей митрополіи правами и преимуществами. По божественнымъ и священнымъ канонамъ этотъ преосвященный митрополитъ долженъ имѣть власть во всѣхъ дѣлахъ той церкви, опредѣлять въ ней чтецовъ, поставлять ѵподіаконовъ и діаконовъ, рукополагать священниковъ и вообще совершать все, предоставленное преосвященному архіерею Кіевскому и всея Россіи. А всѣ находящіеся въ той церкви клирики и прочія священныя лица, монахи и мірскіе, должны подчиняться и повиноваться ему, какъ своему пастырю, отцу, учителю, посреднику и примирителю въ дѣлахъ Божіихъ, и охотно и съ усердіемъ принимать и исполнять то, чему онъ будетъ ихъ учить и наставлять для пользы и спасенія ихъ душъ»[41]. Согласившись возвести на престолъ митрополіи Русской св. Алексія только въ видѣ исключенія — такъ какъ онъ былъ родомъ не изъ Греціи, — патріархъ однакожь далъ ему помощника изъ числа Грековъ, ризничаго великой церкви и сосудохранителя царскаго клира діакона Киръ-Георгія, посвятивъ его въ экзарха, «съ тѣмъ, чтобы онъ, по данному ему праву и церковнымъ законамъ содержалъ намѣстничество святѣйшаго архіерея Кіевскаго и всея Россіи Киръ-Алексія»[42]. Впрочемъ Георгій оставался въ Россіи не долго или непостоянно: въ 1361 г. мы снова увидимъ его при патріархѣ.

41. О вызовѣ Алексія въ Царьградъ — Ник. лѣт. III, 203. Прочія, здѣсь изложенныя свѣдѣнія о поставленіи св. Алексія въ митрополита, заимствованы частію изъ граматы, означенной въ статьѣ *Григоровича*: «Протоколы Конст. патр. XIV в.», подъ № 10, а преимущественно изъ граматы, означенной тамъ же подъ № 9 (смес. примѣч. 34). Въ послѣдней патріархъ именно говоритъ о св. Алексіи: «да и мы подвергнувъ его тщательнѣйшему испытанію *въ продолженіе цѣлаго года*, поистинѣ нашли его такимъ же»....

42. Объ этомъ говоритъ самъ патріархъ въ припискѣ къ грамотѣ своей, данной на имя Новгородскаго владыки 2 іюля 1354 года и означенной у Григоров. подъ № 10.

Въ отвѣтъ на жалобу Новгородскаго архіепископа Моисея патріархъ Филоѳей писалъ ему еще прежде, чтобы онъ «не только не дерзалъ противиться своему митрополиту, не искалъ къ тому никакого подлога и никогда не дѣлалъ въ отношеніи къ нему ничего предосудительнаго, напротивъ горячо и неизмѣнно былъ ему преданъ»: свидѣтельство, что жалоба эта на какія-то насилія отъ св. Ѳеогноста была несправедлива, по крайней мѣрѣ, признана несправедливою патріархомъ[43]. Теперь, съ возведеніемъ на каѳедру Русской митрополіи Алексія, патріархъ счелъ нужнымъ опять обратиться къ Новгородскому владыкѣ съ посланіемъ, въ которомъ, изъяснивъ причины возведенія Алексіева, убѣждалъ владыку покориться и новому первосвятителю. Въ посланіи между прочимъ сказано: «Святѣйшій митрополитъ Кіевскій и всей Россіи Киръ-Алексій, возлюбленный о Господѣ братъ и сослужитель нашей мѣрности, отправляется съ Богомъ въ предоставленную ему святѣйшую митрополію. Потому мы пишемъ къ твоему боголюбію, чтобы и ты возрадовался пришествію его и оказывалъ ему подобающую честь и послушаніе въ томъ, что онъ будетъ говорить душеполезнаго и спасительнаго, какъ пастырь и учитель, согласно съ божественными и священными догматами церкви Божіей. Это и Богу благопріятно и предъ нашею мѣрностію и божественнымъ и священнымъ соборомъ похвально. Это повелѣваютъ и божественные и священные каноны, когда явственно такъ говорятъ: «Епископамъ каждаго народа надобно знать перваго между ними и оказывать ему всякое почтеніе и покорность». Но такъ какъ по духовной любви и расположенности, какую имѣлъ святѣйшій архіерей Киръ-Ѳеогностъ къ сему епископу Владимірскому, онъ далъ ему право носить на фелони четыре креста; то мы соотвѣтственно твоему собственному желанію и моленію, сдѣлали это и для тебя. Итакъ ты долженъ быть благодарнымъ и далѣе сего не преступать, но оказывать святѣйшему митрополиту своему покорность, къ какой ты обязанъ». Нельзя здѣсь не остановиться и не спросить: не это ли преимущество, данное Ѳеогно-

43. Означенныя слова и свѣдѣнія взяты изъ той же граматы къ Новгородскому владыкѣ.

стомъ епископу Владимірскому Алексію предъ Новгородскимъ владыкою, и огорчило послѣдняго и было одною изъ причинъ, если не единственною, доноса его на митрополита? Чрезъ нѣсколько строкъ патріархъ продолжаетъ: «Если же паче чаянія возникнетъ какая нибудь распря изъ-за того, что̀ мы сдѣлали въ отношеніи къ тебѣ, т. е. какъ вышеозначено, изъ-за престоловъ, то объ этомъ и объ одномъ только этомъ дѣлѣ ты доноси нашей мѣрности, чтобы она распорядилась по своему усмотрѣнію: въ отношеніи къ этому одному предмету даемъ тебѣ такое право. Во всякомъ же другомъ дѣлѣ, напримѣръ, если позоветъ тебя митрополитъ твой къ себѣ, или въ другомъ какомъ либо случаѣ, ты подлежишь его власти и суду. И если въ изслѣдованіи и судѣ случится недоумѣніе, ты отъ него, т. е. святѣйшаго митрополита Кіевскаго и всей Россіи, принимай судъ и изслѣдованіе, ни въ чемъ не противорѣча и не противясь, по сохраняющемуся издревле въ такихъ дѣлахъ благочинію и по преданію тѣхъ же божественныхъ каноновъ. Но такъ какъ священные каноны и то заповѣдуютъ, чтобы, когда у тебя случится необходимая надобность писать донесеніе къ нашей мѣрности, ты прежде далъ знать объ этомъ своему митрополиту, и съ его вѣдома и воли писалъ свое донесеніе, уважая установленный для такихъ случаевъ порядокъ; то и мѣрность наша, соотвѣтственно предписаніямъ каноновъ, повелѣваетъ, чтобы ничто не дѣлалось безъ его совѣта, но чтобы все совершилось такимъ именно образомъ. Посему, если ты не будешь оказывать въ отношеніи къ своему митрополиту, сотвѣтственно тѣмъ же божественнымъ канонамъ, подобающей покорности по своей обязанности; то знай, что онъ уполномоченъ отъ нашей мѣрности дѣлать съ тобою все, на что̀ имѣетъ право по канонамъ, и то, что̀ въ такомъ родѣ будетъ имъ сдѣлано, непремѣнно будетъ утверждено согласіемъ и нашей мѣрности. И совершенно никакой не найдешь отъ нашей мѣрности помощи, если, паче чаянія, явишься непослушнымъ и непокорнымъ къ утвержденному митрополиту твоему. Итакъ, соблюдай себя въ мирѣ, какъ должно, и поступай непреложно и неизмѣнно такъ, какъ мы пишемъ и внушаемъ твоему боголюбію въ настоящей граматѣ, посланной для удостовѣренія тебя. Благодать Божія да будетъ

съ твоимъ боголюбіемъ»[44]. Если для Новгородскихъ владыкъ нужны были такія внушенія со стороны патріарха: можно судить, какъ неохотно покорялись эти владыки своему митрополиту.

Что̀ касается до митрополита Ѳеодорита, который, не смотря на свое низложеніе патріаршимъ соборомъ, «все еще разбойнически и тирански присвоивалъ себѣ Кіевъ и находился въ немъ»[45]: то патріархъ Филоѳей вновь писалъ (іюл. 1354 г.) о самозванцѣ въ Россію и убѣждалъ Новгородскаго владыку не принимать его, напротивъ покориться своему законному первосвятителю Алексію. «Впрочемъ — сказано въ посланіи — если онъ (Ѳеодоритъ) отложитъ совершенно права священноначальственныя, то пусть остается только простымъ христіаниномъ. Если же будетъ упорно стараться удерживать ихъ и пребывать въ своемъ званіи; то, кромѣ того, что онъ низложенъ, пусть еще будетъ отлученъ и чуждъ христіанскаго званія, равно какъ и тотъ, кто будетъ принимать его въ общеніе, или уже теперь принимаетъ»[46].

Предъ отъѣздомъ своимъ изъ Константинополя святитель Алексій, изъяснивъ патріарху обстоятельства, заставившія митрополитовъ Русскихъ переселиться изъ Кіева во Владиміръ, и указавъ на упорное пребываніе Ѳеодорита въ Кіевѣ, далъ поводъ слѣдующему опредѣленію: «Мѣрность наша, разсудивъ вмѣстѣ съ находящимися при ней святѣйшими архіереями, возлюбленными о Господѣ братіями нашей мѣрности и сослужителями, что нѣтъ другаго (кромѣ Владиміра) мѣстопребыванія и успокоенія и пристанища для святѣйшей митрополіи Русской и что архіерей совершенно лишается тамъ (въ Кіевѣ) самыхъ необходимыхъ потребностей и возможности вѣрнаго исполненія своихъ обязанностей, а между тѣмъ здѣсь (во Владимірѣ) онъ можетъ находить себѣ достаточное продовольствіе и свобо-

44. Выписка изъ той же самой граматы къ Новгородскому владыкѣ. По свидѣтельству Новгородскихъ лѣтописей, послы Новгород. владыки дѣйствительно привезли ему изъ Царьграда въ 1354 г. ризы крещатыя и граматы отъ царя и патріарха съ золотою печатью (П. Собр. Р. лѣт. III, 86. 132. 228).

45. Выраженія заимствованы изъ соборной граматы касательно Ѳеодорита, означенной у г. Григоровича подъ № 12.

46. Грамата эта означена у г. Григоровича подъ № 11.

ду управленія — симъ соборнымъ дѣяніемъ повелѣваетъ въ Духѣ Святомъ чрезъ настоящую соборную грамату, чтобы какъ этотъ святѣйшій митрополитъ Русскій, такъ и всѣ преемники его находились во Владимірѣ, и чтобы имѣли послѣдній своею каѳедрою неотъемлемо и неотступно во всѣ вѣки. Но пусть и Кіевъ будетъ собственнымъ ихъ престоломъ и первою каѳедрою архіерея, если останется цѣлымъ. А послѣ него и съ нимъ пусть будетъ второю каѳедрою и мѣстомъ пребыванія и успокоенія святѣйшая епископія Владимірская, въ которой безпрепятственно, пока потребуетъ нужда, будетъ совершать митрополитъ Русскій поставленія чтецовъ и иподіаконовъ, производство діаконовъ и рукоположеніе іереевъ и все прочее, что подобаетъ, по церковнымъ канонамъ мѣстному архіерею безъ намѣстника священной каѳедры. Но если Божіею помощію и возвратится Кіевъ въ древнее благополучное состояніе, и будетъ изъ него изгнанъ низложенный Ѳеодоритъ, такъ что окажется возможность имѣть въ немъ архіерею какое нибудь успокоеніе, то и тогда да не отнимется Владиміръ отъ собственности митрополитовъ Русскихъ, въ видѣ собственной ихъ каѳедры, но да будетъ, какъ выше сказано, Кіевъ первымъ престоломъ и первою каѳедрою митрополита Русскаго, а Владиміръ — второю»[47]. Вотъ когда и въ какомъ смыслѣ законно признано и совершилось перенесеніе митрополитской каѳедры Русской изъ Кіева во Владиміръ. О послѣдующей судьбѣ Ѳеодорита свѣдѣній не сохранилось; но нельзя сомнѣваться, что низложенный и отлученный патріаршею властію, онъ всѣми былъ отвергнутъ въ Россіи.

Не освободившись еще отъ одного совмѣстника, св. Алексій нашелъ и другаго — болѣе опаснаго въ лицѣ Романа. Не знаемъ, кто былъ этотъ Романъ, Русскій или Грекъ; но не скроемъ горькой истины, что онъ былъ поставленъ въ митрополита всея Россіи на мздѣ[48]. Кѣмъ поставленъ, патріархомъ ли Филоѳеемъ

47. Изъ граматы, означенной у г. Григоровича подъ № 12.

48. Въ Степен. книгѣ читаемъ: «Во время поставленія его (Алексія) содѣяся мятежь во святительствѣ, его же не бысть прежде сего въ Руси. Сій же мятежь ничто же ино, кромѣ вражія зависти и человѣческаго ради сребролюбія. Его же ради поставленъ бысть тогда другій митрополитъ на Русь, именемъ Романъ, и бысть ему со блаженнымъ митрополитомъ Алексіемъ крамолъ велія». (I, 452).

послѣ Алексія, или еще патріархомъ Каллистомъ прежде Алексія, трудно рѣшить[49]. Но только въ самомъ еще Царьградѣ между обоими митрополитами открылось великое несогласіе и оба прислали оттуда своихъ пословъ къ Тверскому епископу Ѳеодору, вѣроятно, завѣдывавшему тогда управленіемъ Русской церкви, для собранія церковныхъ даней къ крайнему отягощенію всего духовенства. Алексій, какъ избранный и поставленный на митрополію по желанію великаго князя Московскаго и всей Россіи, пришелъ (1354 г.) прямо въ Москву и всюду былъ принимаемъ съ любовію. Романъ отправился въ Литву, оттуда въ Кіевъ, но не былъ принятъ Кіевлянами, и вообще не имѣлъ успѣха нигдѣ, производя однѣ смуты. Потому и рѣшился возвратиться въ Константинополь, гдѣ патріаршій престолъ снова занималъ Каллистъ. Святитель Алексій счелъ нужнымъ пойти туда же (1356 г.), чтобы воспрепятствовать происканъ своего совмѣстника. Въ Царьградѣ прозошло между митрополитами новое состязаніе, и патріархъ, для прекращенія споровъ, согласно съ волею императора, благословилъ Алексія быть главнымъ и архіепископомъ Кіевскимъ и всей Россіи, а Романа назначилъ только въ землю Литовскую и Волынскую, предоставивъ ему, кромѣ того, изъ снисхожденія и ради мира, духовную власть надъ Полоцкомъ, Туровомъ и Новгородомъ (Литовскимъ). Митрополиты возвратились въ свои удѣлы; но Романъ оставался недовольнымъ, продолжалъ называть себя митрополитомъ Кіев-

49. Въ Прибавл. къ Тв. св. отц. VI, 99 допускается предположеніе, что Романа могъ поставить въ митрополита Каллистъ. Но если Филоѳей, взошедшій на патріаршій престолъ послѣ Каллиста, считалъ поставленіе Романа законнымъ: то зачѣмъ онъ поставилъ другаго для Россіи митрополита, Алексія? А если не считалъ законнымъ: зачѣмъ не запретилъ, не низложилъ Романа, какъ низложилъ совмѣстника Алексіева — Ѳеодорита? Зачѣмъ въ своихъ граматахъ, писанныхъ по случаю возведенія на митрополію Алексія, вовсе не упоминаетъ о Романѣ, какъ незаконномъ митрополитѣ Русскомъ, тогда какъ о Ѳеодоритѣ говоритъ это съ особенною силою? Впрочемъ, такъ какъ обстоятельства дѣла намъ неизвѣстны, то сказать что либо рѣшительное не можемъ. Степ. книга и Никонова лѣтопись, по видимому, относятъ поставленіе Романа ко времени патр. Филоѳея. Слова первой мы уже приводили (предъид. примѣч.). А въ послѣдней сказано: «Того же лѣта мятежь во святительствѣ сотворися, чего не бывало преже сего в Руси. В Царѣградѣ от патриярха поставлени быша два митрополита на всю Русскую землю Алексѣй да Романъ, и бысть межи ихъ нелюбие велие». (III, 204).

скимъ и всей Россіи и въ 1360 г., безъ вѣдома святителя Алексія, вопреки правилъ, пріѣзжалъ въ предѣлы его церковной области, именно въ Тверь, гдѣ былъ принятъ князьями съ честію, хотя и не удостоился чести отъ мѣстнаго епископа и не имѣлъ для себя никакого успѣха. Вѣсти о поступкахъ Романа вынудили патріарха послать (1361 г.) въ Россію митрополита Кельцинскаго и діакона Киръ-Георгія, чтобы они произвели слѣдствіе и подлинныя свидѣтельства съ собственноручными подписями отъ епископовъ, князей и другихъ достовѣрныхъ лицъ, представили въ Константинополь. Смерть Романа, вскорѣ послѣдовавшая, прекратила это непріятное дѣло[50]. А патріархъ Филовей, вновь вступившій на каѳедру по смерти Каллиста въ 1362 году, постановилъ, чтобы во избѣжаніе подобныхъ смутъ и нестроеній, земля Литовская на все послѣдующее время ни по какимъ причинамъ не отдѣлялась отъ области и духовнаго управленія митрополита Кіевскаго, хотя есть основаніе думать, что постановленіе едва ли было обнародовано[51].

Всѣ эти многолѣтнія смуты и нестроенія въ митрополіи не отклоняли святителя Алексія отъ его пастырскихъ обязанностей. Онъ рукоположилъ многихъ архіереевъ: въ Ростовъ, Рязань, Смоленскъ, Сараи, Новгородъ, Тверь, Черниговъ и другіе города; объѣзжалъ епархіи, и въ 1358 г., сопутствуемый нѣсколькими епископами, посѣтилъ, между прочимъ, Кіевъ, гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ; строилъ церкви и монастыри, особенно въ Москвѣ. Епископа Тверскаго Ѳеодора, который въ слѣдствіе непрестанныхъ споровъ княжескихъ хотѣлъ (1357 г.) оставить епархію, какъ весьма ревностнаго и опытнаго іерарха,

---

50. П. Собр. Р. лѣт. I, 203; III, 86; IV, 62; Danilow. Latop. Litw. i Kron. Rus. str. 173—174. Ник. лѣт. III. 204. 206. 207. 214; Степ. кн. I, 452; *Карамз.* IV, примѣч. 383; *Григоров.* проток. Констант. патріарх. XIV в., № 13. Здѣсь сказано, что Роману предоставлено было управлять Полоцкомъ, Туровомъ и Новгородомъ: какимъ? По всей вѣроятности, Литовскимъ, или Новогрудкомъ. Ибо великимъ Новгородомъ управлялъ митрополитъ Алексій и въ 1360 г. поставилъ туда во Владимірѣ новаго владыку Алексѣя (П. Собр. Р. лѣт. III, 87). О смерти Романа — Ник. лѣт. IV, 3.

51. Ибо документъ, въ которомъ заключается это постановленіе, какъ замѣчаетъ г. Григоровичъ, перечеркнутъ, изъ чего и можно заключить, что онъ не былъ обнародованъ. (Проток. Конст. патр. XIV в. № 25).

убѣдилъ еще остаться на своей каѳедрѣ. А на владыку Новгородскаго Алексія, какъ непокорнаго и своевольнаго, по всей вѣроятности, донесъ патріарху Филоѳею: потому что патріархъ въ 1362 г. писалъ этому владыкѣ, чтобы онъ подчинился своему митрополиту и не смѣлъ носить ризъ съ крестами, данныхъ только его предшественнику Моисею[52].

Не миновала святителя Алексія и тяжелая участь путешествовать въ орду. Первое путешествіе, можетъ быть, онъ предпринималъ при самомъ вступленіи своемъ на митрополію, по общему закону, чтобы получить себѣ утвержденіе отъ хана по крайней мѣрѣ, сохранился ярлыкъ, данный, по догадкамъ, въ 1355 г. ханшею Тайдулою на имя св. Алексія для свободнаго проѣзда его чрезъ ханскія владѣнія въ столицу Греческой имперіи, куда онъ дѣйствительно тогда отправлялся[53]. Спустя недолго (1357) Алексій путешествовалъ въ орду уже не по собственной нуждѣ, а по приглашенію самого хана Чанибека. Жена ханова Тайдула три года была крайне больна и лишилась зрѣнія: никакія лекарства не пособляли. Между тѣмъ, слухи о святой жизни Русскаго первосвятителя и о силѣ его молитвъ предъ Богомъ достигли улусовъ Татарскихъ: царь и царица рѣшились испытать это послѣднее средство. И Чанибекъ написалъ къ князю Московскому Іоанну Іоанновичу, прося его выслать архіерея Божія, и въ то же время прислалъ самого Алексія посѣтить болящую царицу. Просьба сопровождалась угрозами за неисполненіе ея. Отказать было невозможно. Возложивъ всю надежду на Бога, святитель отслужилъ молебенъ въ соборной церкви и, по вѣрѣ своей, еще во время молебна удостоился видѣть ободрительное для себя знаменіе: свѣча у раки св. чудотворца Петра зажглась сама собою. Принявъ это «за нѣкое извѣщеніе», митрополитъ раздробилъ свѣчу на части, роздалъ народу на благословеніе, часть взялъ съ собою и отправился въ

---

52. Никон. лѣт. III, 211; IV, 59 — 63; Степ. книг. I, 458 — 461. 464; *Григор.* Проток. Конст. Патр. XIV вѣка *№* 22. Въ Ник. лѣт. и Степ. кн. исчислены по именамъ всѣ, поставленные св. Алексіемъ епископы.

53. *Григорьев.* О достов. ханск. ярлык. 89. Впрочемъ, ярлыкъ этотъ святитель могъ получить и чрезъ пословъ, или во время самаго путешествія своего чрезъ ханскія владѣнія въ Царьградъ.

путь. А Тайдула въ то время видѣла сонъ, въ которомъ представился ей св. Алексій въ полномъ своемъ облаченіи вмѣстѣ съ сопутствовавшими ему священниками, и она приготовила, по видѣнному образцу, какъ для святителя, такъ и для спутниковъ его, священныя одежды. Въ ордѣ его встрѣтилъ самъ ханъ съ своими сыновьями, князьями и вельможами, съ великою честію. При совершеніи молебствія о больной царицѣ святитель зажегъ свѣчу, сдѣланную изъ воска той, которая сама зажглась надъ ракою св. Петра, освятилъ воду и когда покропилъ водою царицу, она немедленно прозрѣла. Чудо поразило всѣхъ, и царь, щедро одаривъ чудотворца, равно какъ и его свиту, отпустилъ ихъ съ миромъ. Но едва св. Алексій возвратился изъ орды, какъ опять долженъ былъ идти туда же. Чанибекъ былъ умерщвленъ сыномъ своимъ Бердибекомъ. Новый ханъ потребовалъ отъ всѣхъ Русскихъ князей новой дани и собирался на нихъ войною. Великій князь Іоаннъ Іоанновичь молилъ угодника Божія отправиться къ грозному властелину въ качествѣ ходатая за всю землю Русскую, и св. Алексій охотно согласился. Много онъ встрѣтилъ препятствій со стороны Татаръ; но достигъ своей цѣли, укротилъ гнѣвъ царя, можетъ быть, при содѣйствіи матери его Тайдулы, которая была еще жива, и даже получилъ отъ него (къ концу 1357 г.) новый ярлыкъ, подтверждавшій права и преимущества Русской церкви и духовенства. Очень естественно, если послѣ такого путешествія и великій князь со всѣми вельможами и боярами, и соборъ духовенства, при безчисленномъ стеченіи народа, встрѣтили своего архипастыря-отца съ величайшею торжественностію, со слезами радости и благодарности, и если слава его, какъ защитника вѣры и отечества и вмѣстѣ какъ чудотворца, еще болѣе огласилась во всѣхъ предѣлахъ Россіи[54].

Послужилъ святитель благу отечества своимъ участіемъ и въ другихъ гражданскихъ дѣлахъ. Еще великій князь Симеонъ Іоанновичь, умирая (1353 г.) завѣщалъ братьямъ своимъ, въ числѣ которыхъ находился и преемникъ его Іоаннъ: «слушали

---

54. П. Собр. Р. лѣт. I, 230; V, 228: Ник. лѣт. III, 208; IV, 61; Степ. книг. I, 454—458; *Карамз.* IV, прим. 384; *Григор.* о достов. ханск. ярл. 88. 26.

бы есте отца нашего владыки — Алексія»[55]; и этотъ владыка, вскорѣ сдѣлавшійся митрополитомъ, былъ главнымъ руководителемъ новаго великаго князя во все время его княженія. Съ восшествіемъ на великокняжескій престолъ отрока Димитрія Іоанновича (1363 г.) владыка Алексій направлялъ, съ совѣтомъ бояръ, и благословлялъ всѣ распоряженія, клонившіяся къ возвышенію Москвы. Въ 1364 г. онъ былъ посредникомъ при заключеніи договора между великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ и двоюроднымъ братомъ его — Владиміромъ Андреевичемъ, лучшимъ изъ сподвижниковъ Димитрія во всю его жизнь. Въ слѣдующемъ году, когда князь Суздальскій Димитрій, желая владѣть своею наслѣдственною областію Нижегородскою, самовольно занятою братомъ его Борисомъ, обратился съ просьбою о содѣйствіи къ Димитрію Іоанновичу, Московскій князь и митрополитъ, чтобы избѣжать кровопролитія, послали въ Нижній-Новгородъ игумена Радонежской обители Сергія, для убѣжденія Бориса уступить область брату или явиться на судъ въ Москву къ великому князю. Такъ какъ Борисъ не соглашался, то Сергій, уполномоченный митрополитомъ, во всемъ городѣ «затворилъ церкви», прекратилъ богослуженіе. А епископъ Суздальскій Алексій, завѣдывавшій и Нижнимъ-Новгородомъ, за свою приверженность къ сторонѣ Бориса, лишенъ былъ митрополитомъ области Нижегородской. Эти мѣры и особенно приближавшееся войско Московское смирили наконецъ Бориса и привели къ желанному концу. Смоленскаго князя Святослава за то, что онъ, вопреки условію съ великимъ княземъ Димитріемъ, не только не воевалъ съ нимъ противъ враговъ, но еще соратовалъ Ольгерду Литовскому противъ Москвы (въ 1368 году), св. Алексій предалъ проклятію, и патріархъ, которому жаловался Святославъ, призналъ поступокъ митрополита справедливымъ. Точно также анаѳематствовалъ святитель Алексій и другихъ Русскихъ князей, которые дали страшную клятву великому князю Московскому выступить всѣ вмѣстѣ противъ враговъ вѣры (Монголовъ?) и потомъ измѣнили ему. Въ отвѣтъ на жалобу и этихъ князей патріархъ писалъ, что не сниметъ съ

55. Собр. Государ. грам. и договор. I, стр. 38.

нихъ проклятія, наложеннаго митрополитомъ, до тѣхъ поръ, пока они не поступятъ согласно съ даннымъ ими обязательствомъ и пока митрополитъ не извѣститъ его о ихъ раскаяніи. А между тѣмъ прислалъ и другое посланіе ко всѣмъ Русскимъ князьямъ, чтобы они слушались своего митрополита. Въ 1371 г., когда великій князь Димитрій рѣшился ѣхать въ орду, митрополитъ провожалъ его до береговъ Оки, отслужилъ ему тамъ напутственный молебенъ, благословилъ всѣхъ его спутниковъ, поручилъ имъ блюсти драгоцѣнную жизнь князя и самъ желалъ раздѣлить съ нимъ опасности, но долженъ былъ остаться въ Москвѣ, чтобъ участвовать въ совѣтѣ боярскомъ. Многолѣтній споръ Тверскаго князя Михаила съ великимъ княземъ Московскимъ Димитріемъ Іоанновичемъ, стоившій многой крови для той и другой стороны, заключился въ 1375 г. обоюднымъ договоромъ, по благословенію святителя Акекcія[56].

Смуты въ митрополіи, прекратившіяся было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, возобновились и даже увеличились подъ конецъ жизни святителя. Литовскій князь Ольгердъ, на котораго онъ жаловался патріарху за несправедливыя войны его противъ Москвы, писалъ въ оправданіе себя, что князь Московскій и митрополитъ сами поступали крайне несправедливо противъ родственниковъ его — Михаила князя Тверскаго, Бориса Нижегородскаго и Ивана Новосильскаго, и тѣмъ вынудили его приняться за оружіе. А на митрополита въ частности жаловался, будто онъ съ благословенія патріаршаго благословляетъ Москвичей на пролитіе крови, снимаетъ крестное цѣлованіе, данное князю Литовскому, со всѣхъ, кто переходитъ изъ Литвы на службу въ Москву, и самъ никогда не бываетъ ни въ Кіевѣ, ни въ Литвѣ, не смотря на всѣ приглашенія. Въ слѣдствіе всего этого Ольгердъ просилъ патріарха: «дай намъ другаго митрополита Кіевскаго на Смоленскъ, на Тверь, на малую Россію, на Новосиль, на Нижній-Новгородъ», т. е., не только на области, принадлежавшія Литвѣ, но и на тѣ княжества, князья которыхъ были недовольны Московскимъ княземъ и митрополитомъ и прибѣгали подъ

---

56. Собр. Госуд. грам. и догов. I, №№ 27 и 28; Ник. лѣт. IV, 10; *Карамз.* V, 21. 29. 44, над. 6; *Григоров.* Проток. Конст. патр. XIV в. №№ 21, 23 и 24.

покровительство Литовскаго[57]. Обвиненія, взведенныя на свят. Алексія лицемъ непріязненнымъ, безъ сомнѣнія, не заслуживали полной вѣры, и ни откуда не видно, чтобы патріархъ уважилъ ходатайство Ольгердово о раздѣленіи Русской митрополіи. Гораздо опаснѣе была другая подобная попытка — со стороны Польскаго короля Казиміра, владѣвшаго и Галицкою землею. Король послалъ къ патріарху Филоѳею одного изъ южно-Русскихъ епископовъ, Антонія, и отъ лица всѣхъ князей и бояръ малой Россіи просилъ поставить Антонія въ митрополита Галицкаго. Въ подкрѣпленіе своей просьбы Казиміръ, конечно, введенный въ заблужденіе, писалъ: «Отъ вѣка вѣковъ Галичь славился во всѣхъ странахъ митрополіею и былъ престоломъ митрополитовъ отъ вѣка вѣковъ. Первый митрополитъ нашего благочестія былъ Нифонтъ, второй митрополитъ Петръ, третій митрополитъ Гавріилъ, четвертый митрополитъ Ѳеодоръ. Всѣ они были на престолѣ Галича». Слова эти, ложность которыхъ легко могъ обличить патріархъ, навѣрно не достигли бы своей цѣли, если бы не сопровождались еще слѣдующими: «Ради Бога, ради насъ и святыхъ церквей да будетъ благословеніе ваше на семъ человѣкѣ. Рукоположите его въ митрополита, дабы законъ Руссовъ не погибъ, дабы не было ему порухи. А не будетъ милости Божіей и благословенія вашего сему человѣку, не сѣтуйте на насъ послѣ, если придетъ жалостная нужда крестить Руссовъ въ вѣру Латиновъ, такъ какъ нѣтъ митрополита въ Россіи, а земля не можетъ быть безъ закона»[58] Патріархъ увидѣлъ необходимость уступить, и въ Константинополѣ (въ 1371 году) состоялось соборное дѣяніе о перемѣщеніи въ Галичь прибывшаго изъ малой Россіи епископа Антонія, о возведеніи его въ санъ митрополита Галицкаго и о подчиненіи ему четырехъ епархій: Холмской, Туровской, Перемышльской и Владимір-

57. Самое письмо Ольгерда къ патріарху напечатано у г. Григоровича тамъ же подъ № 29.

58. И письмо Казимірово напечатано тамъ же подъ № 27. Въ словахъ Казиміра о Галицкой митрополіи очевидно преувеличеніе: «отъ вѣка вѣковъ во всѣхъ странахъ Галичь славился митрополіею».... Изъ поименованныхъ будто бы Галицкихъ митрополитовъ Петръ былъ митрополитомъ всея Россіи, а Ѳеодоръ только епископомъ Галицкимъ (см. выше примѣч. 33); два остальные вовсе неизвѣстны.

ской. А патріархъ, какъ бы въ оправданіе себя, писалъ послѣ того къ святителю Алексію: «Доказалъ я тебѣ, что и прежде почиталъ я тебя другомъ и теперь почитаю и люблю и ручаюсь за тебя. Слышалъ я, что ты оставилъ христіанъ всѣхъ, находящихся тамъ, на всѣхъ мѣстахъ Россіи, и сидишь на одномъ мѣстѣ. Не хорошо! Знай, что присылалъ сюда къ моему смиренію краль Ляхіи, Казиміръ, который держитъ и малую Россію, и другіе князья присылали сюда епископа и грамоты, извѣщая, что вся земля безъ закона. Что же мы должны были тутъ сдѣлать: тебя призываемъ въ судьи, что ты самъ скажешь? Другое дѣло, если бы государь земли былъ православный и нашей вѣры; тогда мы, можетъ быть, и подождали бы. Но какъ онъ не нашъ, а Латинъ, то можно ли было отослать ихъ съ пустымъ отвѣтомъ? А онъ намѣренъ былъ не медля поставить митрополита Латинскаго и крестить Руссовъ въ вѣру Латинскую. Посуди самъ, хорошо ли было бы, если бы такъ случилось? Благодарю еще Бога, что онъ, прежде чѣмъ сдѣлалъ сіе, послалъ къ намъ и требовалъ митрополита. Поэтому и рукоположили мы того, кого онъ прислалъ. Дали мы ему Галичь въ митрополію, епископіи же — Владиміръ, Перемышль, Холмъ, что все подъ властію краля Ляхіи. Больше сего мы ему не дали, ни Луцка, ни чего либо другаго». Далѣе патріархъ извѣщалъ о своей бывшей перепискѣ съ Ольгердомъ, по жалобѣ св. Алексія, и, посылая къ нему своего діакона Іоанна, предлагалъ, чтобы святитель или самъ прибылъ въ Царьградъ по этимъ дѣламъ или прислалъ туда своего надежнаго человѣка[59]. Не знаемъ, долго ли жилъ Галицкій митрополитъ Антоній и кто были его преемники; но сохранились слѣды существованія Галицкой митрополіи до самаго конца XIV вѣка, хотя, быть можетъ, только по имени. Уже при патріархѣ Антоніи (1387—1396) состоялось опредѣленіе, чтобы по смерти митрополита Галицкаго власть надъ его церковію получилъ Іеромонахъ Симеонъ, жившій въ малой Россіи. Въ 1392 г. патріархъ далъ наказъ одно-

59. Тамъ же у *Григоров.* подъ *№№* 28. 30. Въ лѣтописяхъ упоминается о прибытіи изъ Царяграда въ Москву двухъ діаконовъ—сановниковъ Іоанна и Георгія въ 1376 г. (*Dantlow.* Latop. Litw. i Rus. 189; Ник. лѣт. IV, 47).

му Греческому святителю, отправлявшемуся въ Россію, о митрополитѣ Галицкомъ и Мавровлахскомъ. Въ 1398 г., какъ видно изъ подлинной записки Луцкаго епископа Іоанна, король Польскій Владиславъ далъ ему Галицкую митрополію и обѣщался содѣйствовать поставленію его въ митрополита, а епископъ, съ своей стороны, обязывался дать королю, въ случаѣ успѣха, 200 гривенъ Русскихъ и 30 коней. Даже въ половинѣ XV вѣка упоминается еще о Галицкой митрополіи, какъ отдѣльной отъ Кіевской и неподчиненной Всероссійскому митрополиту[60]. Впрочемъ, надобно замѣтить, что если Галицкая митрополія продолжала свое номинальное или дѣйствительное существованіе, то въ составъ ея входили не болѣе какъ двѣ епархіи, Галицкая и Перемышльская, отошедшія вмѣстѣ съ Галиціею, подъ власть Польскаго короля: потому что прочія епархіи Волыни, оставшіяся въ предѣлахъ великаго княжества Литовскаго, Владимірская, Луцкая и Холмская, какъ увидимъ, подчинялись то Московскому, то Литовскому митрополиту.

Успѣхъ Казиміра, который угрозою вынудилъ патріарха Филовея дать Галиціи особаго митрополита, подѣйствовалъ на Ольгерда и прочихъ князей Литовскихъ. Они рѣшились воспользоваться тѣмъ же средствомъ, и писали къ патріарху, чтобы онъ поставилъ къ нимъ въ Литву митрополитомъ Кипріана, а если не поставитъ, то они перейдутъ къ Латинской церкви. Филовей, дѣйствительно, и на этотъ разъ уступилъ. Въ 1376 г. онъ, согласно просьбѣ западныхъ Русскихъ князей, рукоположилъ Кипріана, родомъ Серба, въ митрополита Литвы, съ тѣмъ однакожь, чтобы онъ по смерти Алексія сдѣлался митрополитомъ всей Россіи[61]. Кипріанъ, пріѣхавъ въ Литву, прислалъ оттуда данныя ему патріаршія граматы въ Новгородъ и предъявлялъ, что патріархъ благословилъ его митрополитомъ на всю землю

60. Тамъ же у *Григоровича* подъ №№ 46. 48. 54; Опис. Кіево-Соф. собора въ прибавл. № 8; Акты, относящ. къ западн. Россіи, I, № 12; Акт. истор. I. № 260, стр. 489.

61. Тамъ же у *Григоров.* подъ №№ 35 и 44. Считать Кипріана преемникомъ Антонія, митрополита Галицкаго, нѣтъ никакого основанія: Кипріанъ рукоположенъ патріархомъ Филовеемъ, а Галицкій митрополитъ еще живъ былъ при патріархѣ Антоніи (тамъ же подъ № 46).

Русскую. Новгородцы, бывшіе тогда въ дружбѣ съ Москвою, по прочтеніи патріаршихъ граматъ, отвѣчали: «Пошли къ великому князю; если онъ приметъ тебя митрополитомъ всей Русской земли, то и намъ будешь митрополитомъ». Былъ ли послѣ этого Кипріанъ самъ въ Москвѣ или не былъ и даже не отправлялъ въ Москву своихъ пословъ; но только великій князь Московскій, недовольный поставленіемъ на Русь безъ его вѣдома новаго митрополита и при жизни еще святителя Алексія, не принялъ Кипріана, и послѣдній поселился въ Кіевѣ[62]. Такимъ образомъ въ Россіи оказалось разомъ три митрополита: одинъ въ Москвѣ, другой въ Кіевѣ, третій въ Галичѣ.

Кипріанъ выжидалъ кончины св. Алексія, чтобы, по намѣренію патріарха, сдѣлаться архипастыремъ надъ всею Русскою церковію. А между тѣмъ въ Москвѣ были свои намѣренія о преемникѣ Алексію. Самъ святитель желалъ передать свою власть преп. игумену Радонежскому Сергію, котораго потому призвавъ однажды къ себѣ, убѣждалъ принять сначала санъ епископа, чтобы со временемъ занять престолъ и митрополію; но подвижникъ по глубокому смиренію рѣшительно отказался отъ такой чести. Великій князь Димитрій Іоанновичъ подготовлялъ другаго преемника св. Алексію — любимца своего Митяя или Михаила. Этотъ Митяй былъ прежде священникомъ въ селѣ Коломенскомъ и отличался высокимъ ростомъ, осанкою и благообразіемъ, имѣлъ голосъ сильный и пріятный, читалъ и пѣлъ весьма искусно, зналъ и исполнялъ всѣ свои священническія дѣла превосходно слылъ за человѣка книжнаго, начитаннаго, краснорѣчиваго. Князь избралъ его за такія достоинства въ духовника себѣ и печатника, потомъ уговорилъ его постричься въ иноки и въ самый день постриженія сдѣлалъ его архимандритомъ своего Спаскаго монастыря въ Москвѣ (1376). Когда св. Алексій сталъ видимо приближаться къ могилѣ: Димитрій Іоанновичъ, и самъ и чрезъ бояръ своихъ, не разъ упрашивалъ его благословить на митрополію Митяя. Но первосвятитель,

62. П. Собр. Р. лѣт. III, 91; V, 235; Ник. лѣт. IV, 48; Степ. кн. I, 465. Особая статья: «Св. Кипріанъ, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи» помѣщена въ Прибл. къ Тв. св. отц. VI, 295.

указывая на то, что Митяй еще молодъ въ иночествѣ, не изъявлялъ своего согласія. Наконецъ, вынужденный уступить неотступнымъ просьбамъ, сказалъ только: «я не имѣю права благословить его; но да будетъ онъ митрополитомъ, если изволитъ на то Богъ и Пресв. Богородица, и патріархъ съ своимъ соборомъ». Февраля 12-го 1378 года, послѣ двадцати четырехъ лѣтъ святительства, на 85-мъ году своей жизни великій угодникъ Божій скончался [63].

По смерти св. Алексія начались еще бо̀льшія нестроенія въ Русской митрополіи, особенно отъ искателей митрополитской каѳедры. Многіе снова убѣждали преп. Сергія Радонежскаго принять архіерейскій санъ, но напрасно. Митяй сильно враждовалъ на старца, предполагая въ немъ своего совмѣстника и думая, что онъ-то внушилъ святителю Алексію не благословлять его Митяя на митрополію. Самого Митяя никто въ Россіи не желалъ видѣть первосвятителемъ, ни епископы, ни прочее духовенство; а иноки даже молили Бога спасти церковь отъ такого митрополита. Но избранникъ великаго князя ни мало не смущался. Онъ, будучи еще архимандритомъ, переселился въ митрополичій домъ, дерзнулъ надѣть на себя бѣлый клобукъ митрополичій, носить митрополичью мантію и жезлъ, распоряжаться всею прислугою и достояніемъ митрополита, управлять дѣлами церкви, собирать дани съ духовенства. Первымъ намѣреніемъ Митяя было ѣхать въ Константинополь для поставленія въ митрополита, но потомъ онъ убѣдилъ великаго князя, чтобы это поставленіе совершено было въ Россіи. Епископы были созваны въ Москву, и всѣ представлялись къ Митяю съ поклономъ и за благословеніемъ. Одинъ епископъ Суздальскій, уважаемый по своему уму и благочестію, другъ преп. Сергія Радонежскаго, явился къ великому князю и настоятельно доказывалъ, что предполагаемое поставленіе митрополита въ Россіи

---

63. Ник. лѣт. IV, 63 — 69; Степ. кн. I, 464 — 468; *Карам.* V, прим. 54. Въ житіи святителя, вѣроятно, Питиримовомъ, сказано: «Добрѣ упасе порученное ему стадо Христово, добрѣ предержавъ церковная правленія, ибо постриженся двадесяти лѣтъ, а въ чернечьствѣ поживе четыредесять лѣтъ, а въ митрополиты поставленъ бысть шездесяти лѣтъ, а пребысть въ митрополитѣхъ 24 лѣта, и бысть всѣхъ дней житія его лѣтъ 85».

было бы противно церковнымъ правиламъ — такъ, что князь счелъ нужнымъ уступить, къ крайнему огорченію своего любимца. Митяй увидѣлъ въ Діонисіи новаго своего врага и взаимная непріязнь между ними не замедлила обнаружиться. Митяй послалъ спросить Діонисія: «Отъ чего ты, по пріѣздѣ въ Москву, не явился ко мнѣ съ поклономъ и за благословеніемъ. Развѣ ты не знаешь, кто я, и что я имѣю власть и надъ тобою и надъ всею митрополіею». Діонисій явился къ нему и сказалъ: «Ты не имѣешь надо мною никакой власти, и тебѣ слѣдовало бы придти ко мнѣ съ поклономъ и за благословеніемъ; ибо я епископъ, а ты попъ». Раздраженный Митяй воскликнулъ: «ты назвалъ меня попомъ, а я не оставлю тебя даже попомъ, когда возвращусь изъ Константинополя». Діонисій самъ собирался ѣхать туда, вызываемый патріархомъ, который наслышался о его достоинствахъ и высокой жизни, и не чуждый желанія получить себѣ Русскую митрополію. Но великій князь велѣлъ задержать его въ Москвѣ по просьбѣ своего любимца. Насиліе не привело къ доброму концу. Чтобы освободиться изъподъ строгаго надзора, Діонисій далъ слово князю не ѣздить безъ его позволенія въ Царьградъ и поручителемъ за себя представилъ преп. Сергія Радонежскаго; а между тѣмъ, едва получилъ свободу, менѣе нежели чрезъ недѣлю, отправился въ Грецію. Въ крайнемъ негодованіи на Діонисія и на преп. Сергія Митяй, самочинно управлявшій Русскою церковію уже около 18-ти мѣсяцевъ, увидѣлъ необходимость поспѣшить туда же. Онъ отправился (въ іюлѣ 1379 г.) съ огромною свитою, въ которой находились три архимандрита, нѣсколько игуменовъ, митрополичій печатникъ, протоіерей Московскаго Успенскаго собора, протодіаконъ и весь клиръ Владимірской соборной церкви, два переводчика, митрополичьи бояре, слуги и друіе люди, такъ что свита представляла собою *цѣлый полкъ*, завѣдываніе которымъ поручено было большому боярину, великокняжескому послу. Предъ отъѣздомъ Митяй выпросилъ у великаго князя нѣсколько написанныхъ граматъ, скрѣпленныхъ княжескою печатью, чтобы воспользоваться ими въ Константинополѣ, судя по нуждѣ. Самъ великій князь съ своими дѣтьми и боярами и всѣ Русскіе епископы провожали Митяя до Оки. За Рязанскими пре-

дѣлами онъ былъ остановленъ Татарами, но скоро отпущенъ съ честію, получивъ новый ярлыкъ отъ хана Тюлюбека, подтверждавшій прежнія льготы Русской церкви. Въ Кафѣ онъ сѣлъ на корабль и уже приближался къ Константинополю, какъ внезапная смерть положила предѣлъ честолюбивымъ замысламъ: тѣло Митяя похоронили въ Галатѣ [64].

Спутники Митяевы позволили себѣ самовольный поступокъ: они сами вздумали избрать для Россіи митрополита изъ числа трехъ, находившихся въ свитѣ архимандритовъ. Мнѣнія оказались несогласными: одни желали Іоанна, настоятеля Петровскаго монастыря въ Москвѣ, другіе Пимена — Переяславскаго. Бояре приняли сторону послѣдняго и немедленно написали о поставленіи его посланіе къ Греческому императору и патріарху отъ лица Московскаго князя на одной изъ неписанныхъ граматъ, скрѣпленныхъ княжескою печатью, а Іоанна, грозившаго открыть ихъ обманъ, заключили въ оковы. Быть не можетъ, чтобы въ Константинополѣ не знали истины: тамъ находились уже и Діонисій епископъ Суздальскій, врагъ Митяевъ, и Кипріанъ митрополитъ Кіевскій, не задолго прибывшій, которые не могли не возвѣстить, кто правилъ Русскою церковію болѣе года и кого великій князь собирался послать въ Грецію для принятія митрополитскаго сана. Патріархъ (Нилъ) однакожь, когда прочитано было на соборѣ посланіе, не показалъ никакого сомнѣнія, а сказалъ только: «зачѣмъ Русскій князь пишетъ о Пименѣ, когда есть на Руси готовый митрополитъ, Кипріанъ? Его мы и отпускаемъ на Русскую митрополію, и ставить другаго митрополита не считаемъ нужнымъ». Пименъ и бояре, пользуясь

64. Ст. кн. I, 468; Ник. лѣт. IV, 70—74; Карамз. V, прим. 57. Въ Никоновой лѣт., гдѣ помѣщена особая повѣсть о Митяѣ, замѣчено, что онъ, убѣждая великаго князя созвать въ Москву епископовъ, выразился: «да мя поставятъ епископа и *первосвятителя*», т. е., митрополита (снес. *Карамз.* V, примѣч. 56). О вызовѣ Діонисія Суздальскаго въ Царьградъ самимъ патріархомъ упоминается въ Акт. Истор. I, стр. 471. О ярлыкѣ Митяю — см. у *Григорьева* о достов. ханск. ярлык. 73. 86. Касательно смерти Митяя лѣтопись замѣчаетъ: «нѣціи глаголаху о Митяи, яко задушиша его, инии же глаголаху, яко морскою водою уморища его, повеже и епископи вси и архимандриты и игумены и священницы и иноцы, и вси бояре и людие не хотяху Митяя видѣти в митрополитехъ, но единъ князь великій хотяше». (Ник. лѣт. IV, 76).

остальными неписанными хартіями Димитрія Іоанновича, заняли на имя его огромныя суммы у купцовъ восточныхъ и Италіанскихъ и не щадили даровъ разнымъ лицамъ для достиженія своей цѣли. Въ слѣдствіе того въ 1380 г. въ Константинополѣ состоялось соборное опредѣленіе, что Кипріанъ, какъ взятый на митрополію обманомъ, по настоянію Литовскихъ князей, еще при жизни св. Алексія, и рукоположенный незаконно, лишается Кіева и всей части Россіи и только изъ снисхожденія признается митрополитомъ одной малой Россіи и Литвы, а собственно митрополитъ Кіева и великой Россіи поставляется Пименъ. Нельзя при этомъ не остановиться на словахъ соборной граматы о значеніи Кіева: «пусть возглашается онъ (Пименъ) и Кіевскимъ. Ибо невозможно быть первосвятителемъ великой Россіи, если онъ не будетъ именоваться прежде Кіевскимъ: такъ какъ въ Кіевѣ соборная церковь всей Россіи и главная митрополія»[65]. Даже второю митрополіею все еще оставался Владиміръ, гдѣ продолжалъ имѣть пребываніе и каѳедральный клиръ митрополичій при соборной церкви. А имя Москвы доселѣ не упоминалось въ титулѣ нашихъ митрополитовъ, хотя они жили въ ней около полустолѣтія.

Недовольный рѣшеніемъ собора, Кипріанъ поспѣшилъ возвратиться въ Кіевъ. Съ другой стороны крайне огорченный дѣйствіями своихъ пословъ и патріарха, великій князь немедленно послалъ духовника своего, Симоновскаго игумена Ѳеодора, къ Кипріану, просить его на митрополію всей Россіи. Кипріанъ прибылъ въ Москву въ самый праздникъ Вознесенія Господня (23 мая 1381 г.) и былъ встрѣченъ со всею торжественностію княземъ и народомъ. Чрезъ семь мѣсяцевъ разнеслась вѣсть, что Пименъ идетъ изъ Царяграда на Русь. Но въ Коломнѣ его остановили по приказанію великаго князя, лишили бѣлаго клобука, митрополичей ризницы, казны и сослали въ Чухлому на заточеніе, откуда уже чрезъ годъ перевели въ Тверь.

---

65. Ник. лѣт. IV, 75. 76; *Григоровичъ.* Проток. Конст. патр. XIV в. № 35. Кипріанъ, прибывшій въ Россію въ началѣ 1377 г., самъ говорилъ о себѣ, что «третіему лѣту наставшу» по прибытіи его въ Россію (слѣд. 1379 г.) онъ снова отправился въ Царьградъ и оставался тамъ «тринадесять мѣсяцъ». (Степ. кн. I, 422. 423).

Тутъ обстоятельства расположились въ его пользу. Случилось страшное нашествіе Тохтамыша на Россію (авг. 1382 г.): Кипріанъ, только что возвратившійся въ Москву изъ Новгорода, не засталъ въ ней великаго князя и, видя всеобщее смятеніе, переѣхалъ вмѣстѣ съ великою княгинею Евдокіею въ Тверь. Когда гроза прошла, оставивъ послѣ себя ужасное опустошеніе, Димитрій Іоанновичъ, разгнѣванный на Кипріана за его удаленіе изъ столицы въ минуты опасности, велѣлъ ему снова перемѣститься въ Кіевъ, а въ Москву вызвалъ (въ 1383 г.) прежде отвергнутаго Пимена [66].

Скоро однакожь великій князь пожелалъ имѣть у себя другаго митрополита, и выборъ его палъ, какъ можно догадываться, на того самаго Діонисія Суздальскаго, который нѣкогда одинъ воспротивился возведенію Митяя на митрополію соборомъ Русскихъ епископовъ. Отправившись тогда въ Царьградъ по вызову патріарха, Діонисій пробылъ тамъ около трехъ лѣтъ и заслужилъ своими добродѣтелями, умомъ и образованіемъ общее уваженіе Греческихъ святителей, такъ что патріархъ, желая почтить его достоинства, возвелъ его въ санъ архіепископа и далъ ему право носить крещатыя ризы. Въ концѣ 1382 г. онъ возвратился въ отечество, а въ іюнѣ (30) слѣдующаго года долженъ былъ опять ѣхать въ Грецію, безъ сомнѣнія, по желанію великаго князя: такъ какъ князь «отпусти съ нимъ» и духовника своего, Симоновскаго архимандрита Ѳеодора съ просьбою къ патріарху относительно митрополіи. Патріархъ не замедлилъ возвесть Діонисія на степень митрополита, а за Пименомъ послалъ въ Россію двухъ Греческихъ митрополитовъ, чтобы позвать его на судъ въ Константинополь. Уже Діонисій возвращался (1384 г.) въ отечество, достигъ Кіева, помышлялъ идти въ Москву, но Кіевскій князь Владиміръ Ольгердовичъ сказалъ ему: «Зачѣмъ ты ходилъ въ Царьградъ ставиться въ митрополита безъ нашего совѣта? Въ Кіевѣ есть митрополитъ Кипріанъ; онъ же митрополитъ и всей Россіи. Оставайся здѣсь». Около года прожилъ Діонисій въ Кіевѣ подъ стражею и тамъ (15 октя-

66. II. собр. Р. лѣт. I, 233; V, 238; Ник. лѣт. IV, 77. 78. 129. 133. 137. 139. 140.

бря 1385 г.) скончался[67]. Оставалось ожидать, какія будутъ слѣдствія суда патріаршаго надъ Пименомъ. Посланные за нимъ митрополиты Матѳей и Никандръ прибыли въ Москву еще зимою 1384 г., а онъ едва собрался въ путь 9 мая слѣдующаго года и поѣхалъ скромно, въ сопровожденіи одного Ростовскаго игумена Авраамія. Дѣло началось въ Царьградѣ, гдѣ находился тогда и митрополитъ Кипріанъ, и тянулось медленно, между тѣмъ Русь оставалась безъ архипастыря. Въ 1386 г. Димитрій Іоанновичъ вновь послалъ къ патріарху духовника своего, Симоновскаго архимандрита Ѳеодора, съ просьбою о митрополіи, и тогда же пришелъ изъ Царьграда Кипріанъ, митрополитъ «на Русскую землю». Но Пименъ прожилъ въ Греціи еще два года, что заставило вернуться туда и Кипріана, вошелъ въ новые долги, можетъ быть, для подарковъ, и наконецъ въ іюлѣ 1388 г. явился митрополитомъ въ Москву «безъ исправы». Его лишили только Кіева, который переданъ Кипріану[68]. Послѣ этого распри между великимъ княземъ и Пименомъ были неизбѣжны, и онѣ дѣйствительно открылись, такъ что Пименъ чрезъ девять мѣсяцевъ опять отправился въ Царьградъ, выѣхавъ изъ Москвы тайно отъ князя во вторникъ страстной седмицы (1389 г.) и взявъ съ собою Смоленскаго епископа Михаила, Спасскаго архимандрита Сергія и полную свиту. Пять епископовъ и многіе архимандриты, игумены и иноки провожали митрополита до рѣки Дона. Раздраженный поступкомъ митрополита, князь отправилъ съ своей стороны въ Константинополь бывшаго духовника своего, теперь уже епископа Ростовскаго, Ѳеодора.... Но чрезъ мѣсяцъ Димитрій Іоанновичъ скончался (19 мая), а еще черезъ четыре (11 сент.) скончался и Пименъ въ городѣ Халкидонѣ, не достигнувъ Царяграда, впрочемъ уже лишенный

67. Акт. Истор. I, № 251; П. Собр. Р. лѣт. III, 93; V, 239. 243; Ник. лѣт. IV, 131. 142. 144. 147; *Карамз.* V, прим. 124.

68. П. собр. Р. лѣт. III, 94; V, 239, 243; Ник. лѣт. IV, 151. 156. 162; *Карамз.* V, примѣч. 124. О пребываніи Кипріана въ 1387 году въ Константинополѣ свидѣтельствуетъ его собственноручная помѣтка на рукописной «Лѣствицѣ» преп. Іоанна Лѣствичника, хранящ. въ библіотекѣ М. Д. Академіи подъ № 152: «Въ лѣто 6895 априлія 24 съвършишася сія книгы въ Студійской обители Кипріаномъ, смѣренымъ митрополитомъ Кыевскимъ и всея Россіи».

сана. Ибо, безъ сомнѣнія, до смерти его составлена была патріаршая грамата о его низложеніи и о возстановленіи во всей Русской землѣ одной митрополіи, согласно древнему чину, и еще 8 сентября Кипріанъ титуловалъ себя митрополитомъ «Кіевскимъ и всея Русіи» въ своей заемной граматѣ, писанной въ Константинополѣ и засвидѣтельствованной самимъ патріархомъ[69].

Такимъ образомъ послѣ четырнадцати лѣтъ со времени возведенія своего въ санъ митрополита, въ продолженіе которыхъ онъ только около 18-ти мѣсяцевъ святительствовалъ въ Москвѣ, а больше жилъ въ Кіевѣ и едва ли не больше въ Константинополѣ, Кипріанъ сдѣлался наконецъ дѣйствительнымъ митрополитомъ всей Россіи. 1-го октября 1389 г. выѣхалъ онъ изъ Царяграда, взявъ съ собою двухъ Греческихъ митрополитовъ, архіепископа Ростовскаго Ѳеодора и епископовъ — Смоленскаго Михаила и Волынскаго Іону. Въ половинѣ февраля 1390 г. прибылъ въ Кіевъ, испытавъ на морѣ со своими спутниками страшную бурю, а въ началѣ марта былъ уже въ Москвѣ, въ которую вошелъ торжественно въ полномъ святительскомъ облаченіи, встрѣченный самимъ великимъ княземъ Василіемъ Димитріевичемъ и всею столицею. Немедленно явились въ Москву всѣ Русскіе епископы *для* изъявленія покорности новому архипастырю и чтобы принять отъ него какъ бы утвержденіе на своихъ кеѳедрахъ[70]. Кипріанъ обратилъ все свое вниманіе на внутреннія дѣла церкви, которая такъ долго лишена была надлежащей заботливости со стороны своихъ первосвятителей.

Въ 1390 г. онъ ѣздилъ въ Тверь, вмѣстѣ съ Греческими митрополитами и нѣсколькими Русскими епископами, по приглашенію Тверскаго князя Михаила Александровича: судилъ тамъ мѣстнаго епископа Евѳимія Висленя и, послѣ тщетныхъ попытокъ примирить его съ княземъ, лишилъ престола и низвелъ *для* жительства въ Чудовъ Московскій монастырь, потомъ рукоположилъ *для* Твери новаго епископа Арсенія изъ своихъ

69. П. Собр. Р. лѣт. V, 243, 244; Ник. лѣт IV, 158. 170. 192; Акт. Истор. I, № 252; *Григорович.* Проток. Конст. патріарх. XIV, подъ № 44.

70. П. Собр. Р. лѣт. V, 244; Ник. лѣт. IV, 171. 172. 192.

архидіаконовъ. Два раза (1392 и 1395 г.) странствовалъ въ Новгородъ и въ послѣдній разъ изъ Новгорода во Псковъ по дѣламъ о судѣ митрополичемъ и архіепископскомъ. Въ 1396 г. рукоположилъ новаго епископа Ростову Григорія, предпринялъ дальній путь для обозрѣнія западно-южныхъ епархій, и отправился сначала въ Смоленскъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ Василіемъ Димитріевичемъ, гдѣ принятъ былъ съ честію тестемъ послѣдняго, великимъ княземъ Витовтомъ и поставилъ новаго епископа Смоленску Кассіана, а изъ Смоленска поѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ прожилъ годъ и шесть мѣсяцевъ. По возвращеніи въ Москву (7 окт. 1397 г.) Кипріанъ имѣлъ возможность предаваться своимъ ученымъ занятіямъ на пользу церкви: для этого онъ уединялся то въ Подмосковное свое село Голенищево, то во Владимірскую волость на Св. озерѣ. Онъ составлялъ новыя сочиненія, другія переводилъ, даже собственноручно переписывалъ. Въ то же время онъ заботился о благоустроеніи богослуженія, разсылалъ по епархіямъ разныя чинопослѣдованія церковныя, писалъ собственныя наставленія. Равнымъ образомъ много потрудился для возстановленія и утвержденія церковнаго суда, для огражденія и уясненія вотчинныхъ правъ митрополичихъ и даней съ духовенства. Въ 1404 г. первосвятитель снова поѣхалъ въ Литву, потомъ въ Кіевъ, гдѣ смѣнилъ своего намѣстника и всѣхъ при немъ служившихъ, далѣе въ Волынскую землю, гдѣ вмѣстѣ съ епископами Луцкимъ и Холмскимъ поставилъ для Владиміра новаго епископа (— знакъ, что эти епархіи подчинялись ему), имѣлъ въ городѣ Милолюбовѣ свиданіе съ Польскимъ королемъ Ягайлою и вел. княземъ Литовскимъ Витовтомъ, принявшими его съ честію, и долженъ былъ, по настоянію послѣдняго, лишить каѳедры Туровскаго епископа Антонія. Возвратившись въ Москву (1 января 1406 г.), св. Кипріанъ началъ подвергаться болѣзненнымъ припадкамъ и потому уединился въ любимое свое Голенищево. 26-го августа онъ еще рукоположилъ тамъ епископа Иларіона въ Коломну, и чрезъ двѣ недѣли — епископа Митрофана въ Суздаль, а 16-го сентября предалъ духъ свой Богу. Тѣло скончавшагося перенесено было въ Москву и съ подобающею честію предано землѣ въ Успенскомъ соборѣ. При погребеніи прочитано было и по-

слѣднее слово почившаго архипастыря къ паствѣ — его духовное завѣщаніе[71].

По смерти св. Кипріана снова открылись нестроенія въ Русской митрополіи. Великіе князья Московскій и Литовскій вели тогда между собою войну. Согласія между ними относительно выбора новаго митрополита быть не могло и не было. Московскій князь Василій Димитріевичъ прямо отнесся къ Царьградскому патріарху и императору съ просьбою, чтобы они и избрали и прислали въ Россію митрополита, по прежнимъ примѣрамъ. Литовскій князь Витовтъ напротивъ самъ избралъ кандидата на митрополію, Полоцкаго епископа Ѳеодосія, родомъ Грека, и отправивъ его въ столицу Греціи, просилъ: «поставьте его намъ митрополитомъ, чтобы онъ сидѣлъ на столѣ Кіевской митрополіи по старинѣ и строилъ церковь Божію по давнему, какъ нашь: потому что изволеніемъ Божіимъ мы обладаемъ тѣмъ городомъ, Кіевомъ». Желалъ ли тогда Витовтъ раздѣленія Русской митрополіи или не желалъ, но то очевидно, что онъ обращался въ Царьградъ только отъ собственнаго лица и ходатайствовалъ о митрополитѣ только для себя, для своихъ владѣній, вовсе не упоминая о Москвѣ. Просьба Витовта не была уважена: въ Кіевъ и для всей Россіи (2 сент. 1408 г.) поставленъ былъ митрополитомъ Фотій, Грекъ изъ Мореи, съ юныхъ лѣтъ воспитывавшійся въ пустынѣ подъ руководствомъ знаменитаго благочестіемъ старца Акакія. Черезъ годъ (1 сент. 1409 г.) Фотій прибылъ въ Кіевъ; но огорченный Витовтъ не хотѣлъ было принять его и принялъ уже тогда, когда Фотій далъ клятвенное обѣщаніе посѣщать часто церковь Кіевскую и заботиться о ней. На этотъ разъ Фотій прожилъ въ Кіевѣ около семи мѣсяцевъ[72].

---

71. П. Собр. Р. лѣт. III, 96 — 103; V, 244 — 246. 249. 254; VI, 128. 130. 132. 133; Ник. лѣт. IV, 195 — 202. 252. 253. 257, 257, 267, 268. 301. 112—318; Степ. кн. I, 557. Завѣщаніе св. Кипріана напечатано въ П. собр. Р. лѣт. V, 254 — 256; Ник. лѣт. V, 3—7; Степ. кн. I, 559—562. Уч. Зап. 2-го Отд. Акад. V. Памят. 48—49.

72. Акт. Истор. I, № 19 стр. 39; Акт. западн. Россіи № 25, стр. 36; П. собр. Р. лѣт. 17, 144. 145; Ник. лѣт. V, 32. 34. Особая статья: «Фотій митрополитъ Кіевскій и всея Россіи» помѣщена въ Приб. къ тв. св. отц. XI, 207. Настольная грамата, данная будто бы еще патріархомъ Антоніемъ въ 1393 году Фотію, какъ но-

Въ апрѣлѣ 1410 года новый митрополитъ достигъ Москвы и въ самый день Пасхи торжественно встрѣченъ былъ великимъ княземъ и освященнымъ соборомъ при несмѣтномъ стеченіи народа. Первое вниманіе свое святитель обратилъ на свою паству, которая въ продолженіе четырехъ лѣтъ лишена была непосредственнаго водительства архипастыря. Онъ не только словесно училъ и наставлялъ всѣхъ, но и писалъ посланія къ мірянамъ и духовенству, убѣждалъ ихъ исправиться, оставить вкоренившіеся дурные обычаи и свято исполнять долгъ свой [73]. Къ этому присоединилась у первосвятителя забота о собственномъ домѣ, который въ предшествовавшіе годы, можетъ быть, во время нашествія Едигеева на Москву (1408 г.), былъ совершенно опустошенъ. Владѣнія митрополичьи, села и разныя угодья, были также расхищены и ими владѣли то князья, то бояре, то другія лица; нѣкоторыми доходами митрополіи пользовалась даже великокняжеская казна. Фотій съ жаромъ приступилъ къ собранію расхищеннаго и, послѣ многихъ хлопотъ и непріятныхъ столкновеній съ людьми сильными и знатными, достигъ желаемаго, хотя и нажилъ себѣ многихъ враговъ. Они распускали про него разныя клеветы, наговаривали на него великому князю, а ему на князя, и успѣли поселить между ними несогласіе. Нѣкоторые изъ числа собственныхъ служителей и

вопоставленному Русскому митрополиту (Акт. Истор. I, № 254) или подложна или испорчена. Самъ Фотій въ своемъ завѣщаніи свидѣтельствуетъ, что онъ поставленъ въ митрополита патріархомъ Матѳеемъ «въ лѣто 7917, мѣсяца сентября въ 1 день индикта втораго» (Собр. государ. грам. II, № 17, стр. 20). Наши лѣтописи и, между прочимъ, древняя Новгородская также говорятъ, что Фотій поставленъ патріархомъ Матѳеемъ, при царѣ Мануилѣ и пришелъ въ Россію въ лѣто 7918 (П. Собр. Р. лѣт. III, 104; IV, 112; V, 258; VI, 139; Ник. лѣт. V, 32). Если Фотій поставленъ въ митрополита еще въ 1393 г., а между тѣмъ тогда не былъ посланъ въ Россію: то зачѣмъ могла быть дана ему настольная грамота? зачѣмъ эти убѣжденія Русскимъ князьямъ, епископамъ, народу, чтобы они повиновались Фотію? Если Фотій, послѣ поставленія своего въ Русскаго митрополита, жилъ въ Константинополѣ пятнадцать лѣтъ и уже патріархомъ Матѳеемъ посланъ въ Россію: то не странно ли допустить, что этотъ патріархъ отпустилъ его не съ своею настольною грамотою, а съ грамотою своего предшественника, и не отъ своего лица убѣждаетъ въ ней Русскихъ покориться новому митрополиту, а отъ лица уже скончавшагося святителя?

73. П. Собр. Р. лѣт. I, 234; III, 104; V, 258; VI, 139; Дополн. къ Акт. Истор. I, 181; Акт. Арх. Эксп. I, № 369; Ник. лѣт. V, 33.

приближенныхъ Фотія бѣжали въ Черниговъ и оттуда въ Литву, и вездѣ распространяли о немъ самыя черныя клеветы и жалобы. Правда, помня свое обѣщаніе Витовту, Фотій посѣтилъ къ концу 1411 г. Литовскія епархіи: въ Кіевѣ онъ рукоположилъ епископа Смоленскаго Севастіана, въ Луцкѣ (8 сент. 1412 г.)—епископа Туровскаго Евѳимія и 1-го августа возвратился въ Москву. Но недоброжелательство въ этомъ самомъ посѣщеніи нашло новые поводы къ клеветѣ. Говорили, что Фотій все лучшее и драгоцѣнное изъ Кіевскаго Софійскаго собора переноситъ въ Москву, что онъ обременяетъ духовенство и крестьянъ тяжкими и невыносимыми поборами[74]. Витовтъ рѣшился воспользоваться этимъ для раздѣленія митрополіи.

Прежде всего онъ созвалъ (1414 г.) подручныхъ ему князей и, по согласію съ ними, отказалъ Фотію въ управленіи Литовскими епархіями, послалъ на него жалобу въ Константинополь къ царю и патріарху, указывая на запустѣніе церкви Кіевской, и просилъ, чтобы для Кіева и всей Литвы поставленъ былъ особый митрополитъ Григорій. Посольство не имѣло никакого успѣха. Тогда Витовтъ обратился къ духовенству своей стороны, и по зову его собрались іерархи: Полоцкій Ѳеодосій, Черниговскій Исаакій, Луцкій Діонисій, Владимірскій Герасимъ, Холмскій Харитонъ, Туровскій Евѳимій[75]. Витовтъ разсказалъ имъ о безуспѣшности своего посольства въ Царьградѣ, жаловался на царя и патріарха, что они ставятъ въ Русь митрополитовъ только на мздѣ и такихъ, которые бы вывозили каз-

74. Ник. лѣт. V, 33. 51. 53. 106. О путешествіи Фотія въ Литовскую землю—*Dantlow.* Latop. Litw. i kron. Rus. str. 234.

75. Акт. Западн. Россіи I, № 35. Къ числу этихъ епископовъ, исчисляемыхъ въ другихъ лѣтописяхъ (П. Собр. Р. лѣт. II, 353; III, 106; V, 259), Никонова лѣтопись прибавляетъ еще трехъ: Галицкаго Іоанна, Червенскаго или Перемышльскаго Павла и Смоленскаго Севастіана (V, 51). Но присутствіе двухъ первыхъ на соборѣ крайне сомнительно; потому что Витовтъ могъ собрать и дѣйствительно собралъ, по свидѣтельству самой же Никоновой лѣтописи епископовъ только «области своея» (тамъ же), а Галицкая и Перемышльская епархіи находились тогда во владѣніяхъ Польши, а не Литвы. Присутствіе же Смоленскаго епископа на соборѣ весьма вѣроятно: такъ какъ Смоленскъ былъ во власти Витовта, и Смоленскій епископъ присутствовалъ, какъ увидимъ, и на другомъ соборѣ, собравшемся по волѣ Витовта, для поставленія митрополитомъ Григорія Самвлака.

ну изъ Россіи въ Грецію, выражалъ скорбь объ оскудѣніи церкви Кіевской, будто бы ограбленной Фотіемъ, и присовокупилъ: Я не желалъ бы, чтобы про меня говорили со стороны: «вотъ государь иной вѣры, отъ того и церковь оскудѣла». Епископы сначала недоумѣвали и не хотѣли возставать противъ своего архипастыря; но вскорѣ должны были уступить настойчивымъ требованіямъ Витовта и не хотя подали ему жалобу на Фотія, что онъ вовсе не брежетъ о своемъ духовномъ стадѣ въ предѣлахъ Литовскихъ, собираетъ только церковные доходы и прибытки, и переноситъ всѣ драгоцѣнныя вещи изъ соборной церкви Кіевской въ Москву. Вмѣстѣ съ тѣмъ епископы объявили князю, что они сами соборомъ могутъ поставить себѣ митрополита, какъ это уже было въ Россіи при великомъ князѣ Ярославѣ.... Впрочемъ, съ общаго согласія положено было обратиться еще разъ въ Константинополь къ царю и патріарху и сказать имъ, что если они теперь не дадутъ Литвѣ особаго митрополита, то его поставятъ сами мѣстные іерархи. Послы отправились въ мартѣ 1415 года и Витовтъ приказалъ имъ ждать отвѣта не далѣе 20-го іюля, потомъ до 15 августа, наконецъ по просьбѣ пословъ царскаго и патріаршаго, возвращавшихся тогда изъ Москвы, продолжилъ срокъ еще на три мѣсяца — до 14 ноября. Между тѣмъ Фотій, узнавъ о намѣреніяхъ Витовта, поспѣшилъ въ Литву, чтобы, если возможно, примириться съ нимъ или, въ случаѣ неудачи, отправиться въ Царьградъ. На пути митрополитъ собиралъ обычныя дани съ духовенства и, оставивъ казну свою въ Смоленскѣ, поѣхалъ было въ Городень, гдѣ находился тогда Литовскій великій князь, но не былъ къ нему допущенъ и принужденъ былъ воротиться въ Смоленскъ, а по выѣздѣ изъ Смоленска былъ совершенно ограбленъ, по приказанію Витовта, и ни съ чѣмъ возвратился въ Москву. Тогда же Витовтъ приказалъ переписать всѣ города и села, принадлежавшіе митрополіи Кіевской, выгналъ изъ нихъ намѣстниковъ Фотіевыхъ и роздалъ эти митрополичьи имѣнія своимъ панамъ.

Когда и послѣдній срокъ, назначенный для окончательнаго отвѣта отъ царя и патріарха, миновалъ, тогда Витовтъ снова созвалъ епископовъ своей области и предложилъ имъ поставить въ митрополита Григорія Самвлака или Семивлака. Епископы,

если вѣрить восточно-Русской лѣтописи, и на этотъ разъ не соглашались, приводили соборное правило (12-е Халкидон. собора), воспрещающее въ одной области быть двумъ митрополитамъ, указывали на древній обычай, по которому въ Россіи всегда былъ одинъ митрополитъ, хотя онъ по обстоятельствамъ и переселился изъ Кіева въ Москву. Витовтъ началъ угрожать смертію за неповиновеніе его волѣ, — и епископы въ 15 день ноября 1416 г., въ городѣ Новогроднѣ, поставили Григорія Самвлака митрополитомъ Кіевскимъ и Литовскимъ. Такимъ образомъ Русская митрополія раздѣлилась на двѣ, и въ составъ послѣдней вошли слѣдующія семь епархій, предстоятели которыхъ подписались подъ актомъ соборнымъ: Полоцкая, Черниговская, Луцкая, Владимірская, Смоленская, Холмская и Туровская[76]. Епархіи Галицкая и Червенская или Перемышльская, если бы даже допустить, что епископы ихъ участвовали въ предварительныхъ совѣщаніяхъ о Литовскомъ митрополитѣ, не вошли въ составъ новой митрополіи всего болѣе потому, что онѣ находились во владѣніяхъ не Литовскаго князя, а Польши. Въ своей соборной граматѣ епископы старались оправдать свой поступокъ. Они говорятъ, какъ скорбѣли они глубоко, видя небреженіе Фотія о церкви Кіевской и его заботливость только о собираніи церковныхъ даней; какъ Витовтъ изгналъ Фотія и просилъ Греческаго царя и патріарха дать Литвѣ особаго митрополита, а царь Мануилъ изъ видовъ корысти не захотѣлъ исполнить этого желанія; какъ потомъ Витовтъ собралъ не только епископовъ, но и архимандритовъ, игуменовъ, благоговѣйныхъ иноковъ и священниковъ, а равно князей Литовскихъ, вельможъ и бояръ». И по совѣту всѣхъ этихъ лицъ, продолжаютъ епископы, мы, сошедшись въ Новомъ-градѣ Литовскомъ, въ св. церкви Пречистой Богородицы, по бла-

76. Акт. Западн. Россіи I, № 25; II. Собр. Р. лѣт. II, 353; III, 106; V, 259 Ник. лѣт. V, 52—54. 58. 59; *Daniłow.* Lat. Litw. i kron. Rus. 238. Въ соборной граматѣ по списку XIV в., напечатанному въ Акт. Западн. Россіи № 24, между епископами, присутствовавшими на соборѣ, упоминается Геласій Перемышльскій; Но въ двухъ другихъ извѣстныхъ спискахъ этой граматы (Ник. лѣт. V, 59 — 64. Древн. Росс. Вивліоѳ. XIV, 122—128) имени Геласія нѣтъ. И это гораздо вѣроятнѣе (снес. предыд. примѣч.).

*

годати, данной намъ отъ Св. Духа, поставили митрополитомъ, св. нашей церкви Кіевской и всей Руси Григорія, по преданію св. апостоловъ, которые въ своихъ правилахъ пишутъ: два или три епископа рукополагаютъ митрополита (въ подлинникѣ — епископа)». Такъ прежде насъ поступали епископы при великомъ князѣ Изяславѣ, поставивъ митрополита по правиламъ. Такъ же поступили и родственные намъ Болгаре, прежде насъ крестившіеся, и Сербы, поставляя себѣ первосвятителя своими епископами, хотя Сербская земля гораздо менѣе Русской, находящейся во владѣніяхъ вел. князя Витовта. Но что говорить о Болгарахъ и Сербахъ? Такъ установлено отъ св. апостоловъ. Благодать св. Духа равно дѣйствуетъ во всѣхъ епископахъ православныхъ: поставленные отъ самого Господа, апостолы поставляли другихъ, тѣ другихъ, и такимъ образомъ благодать св. Духа дошла и до насъ смиренныхъ. И мы, какъ ученики апостольскіе, имѣемъ власть, послѣ многихъ испытаній, соборомъ поставлять достойнаго пастыря своему отечеству.... Да неподумаетъ кто либо, будто мы отрицаемся отъ вѣры, поставляя сами митрополита: нѣтъ, мы не отрицаемся. Напротивъ, преданное отъ св. апостоловъ и св. отцевъ мы держимъ и благочестиво исповѣдуемъ; мы проклинаемъ всякую ересь, чуждую апостольскаго и отеческаго преданія, предаемъ анаѳемѣ и симонію, продающую дары Св. Духа за сребро и золото. Святѣйшаго патріарха Цареградскаго мы признаемъ патріархомъ и отцемъ, а прочихъ патріарховъ и ихъ митрополитовъ и епископовъ — отцами и братіями о Св. Духѣ, и согласно съ ними содержимъ исповѣданіе вѣры, тому же учимъ, такъ же и мудрствуемъ. Но не можемъ, безъ отвращенія, сносить насилія, какому подвергается церковь Божія отъ царя (Греческаго). Св. вселенскій патріархъ и свящ. Константинопольскій соборъ не могутъ сами собою поставить митрополита по правиламъ; но поставляютъ, кого повелитъ царь, и отъ того даръ Св. Духа покупается и продается. Такъ поступилъ по отношенію къ церкви Кіевской въ наши дни отецъ царствующаго императора (Мануила — Іоаннъ) съ митрополитомъ Кипріаномъ, Пименомъ, Діонисіемъ и многими другими, заботясь не о чести церковной, а о серебрѣ и золотѣ. Отсюда происходили тяжкіе долги, многія

траты, толки, смятенія, убійства и, что всего горестнѣе, безчестіе церкви Кіевской и всей Руси. Потому мы разсудили, что не слѣдуетъ намъ принимать такихъ митрополитовъ, которые поставляются куплею отъ царя, мірянина, а не по волѣ патріарха и его собора. И мы, собравшись, по благодати, данной намъ отъ Св. Духа, поставили достойнаго митрополита Русской церкви».

Въ то же время Витовтъ, съ своей стороны, издалъ окружную грамату, гдѣ подробно изложилъ весь ходъ дѣла и показалъ тѣ же самыя обстоятельства и основанія, по которымъ оно совершилось. Но замѣчательно, что въ оскудѣніи церкви Кіевской онъ винитъ не одного Фотія и его предшественниковъ. «Мы издавна видѣли, говоритъ князь, что церковь Кіевской митрополіи не строится, но скудѣетъ. Сколько было митрополитовъ на нашей памяти! И они церковь не строили, какъ было прежде. Сколько собирали они церковныхъ доходовъ и переносили въ другія мѣста! Разную церковную святыню, великія Христовы страсти, честныя иконы, окованныя золотомъ, и многія другія драгоцѣнности и всѣ церковныя украшенія митрополіи Кіевской они перенесли въ иное мѣсто...» Далѣе Витовтъ обвиняетъ въ симоніи не одного императора Греческаго, но и патріарха: «они хотятъ, какъ мы хорошо дознали, только по своей волѣ ставить митрополита, по накупу того, кто у нихъ купилъ себѣ митрополію, чтобы онъ находился въ ихъ волѣ, и, грабя здѣсь и опустошая, выносилъ къ нимъ все». Къ концу грамоты Витовтъ объявляетъ своимъ православнымъ подданнымъ: «Кто хочетъ, по старинѣ, находиться подъ властію митрополита Кіевскаго: да будетъ такъ; а кто не хочетъ: тому своя воля. Только знайте, что если бы мы, будучи не вашей вѣры, захотѣли, чтобы вѣра ваша въ нашей державѣ уменьшилась и церкви ваши не устроялись, мы о томъ и заботились бы, и могли бы по своей волѣ, когда нѣтъ митрополита, или умретъ какой либо епископъ, держать тамъ своего намѣстника и церковный доходъ, митрополичій и епископскій, собирать въ свою казну. Но мы, не желая упадка вашей вѣрѣ и церквамъ, поставили соборомъ митрополита на Кіевскую митрополію, чтобы Русская честь вся стояла на нашей землѣ».

Сохранилось еще посланіе Литовскихъ епископовъ, писанное также, по всей вѣроятности, съ собора, или послѣ собора, къ митрополиту Фотію. Оно начинается словами: «Фотію, *бывшему* нѣкогда митрополиту Кіевскому и всей Россіи, мы — епископы Кіевской митрополіи, по благодати Св. Духа пишемъ», — и состоитъ въ слѣдующемъ: «Съ самаго пришествія твоего мы видѣли, что ты дѣлаешь многое не по правиламъ апостольскимъ и отеческимъ; но мы терпѣли тебя, по правиламъ, какъ своего митрополита и ожидали твоего исправленія. Когда же мы услышали о тебѣ и истинно убѣдились въ нѣкоторой вещи, которая не только не по правиламъ, но подвергаетъ виновнаго извержению и проклятію, въ чемъ и самъ испытавъ свою совѣсть, сознаешься: то хотя мы не именуемъ той вещи, не желая тебя посрамить, но объявляемъ тебѣ, что мы не признаемъ тебя епископомъ по правиламъ. Это наше послѣднее къ тебѣ слово»[77].

Какъ же смотрѣть вообще на поступокъ Витовта и Литовскихъ епископовъ? Если бы все то, что говорятъ они про митрополита Фотія и его предшественниковъ и особенно про Греческаго императора и патріарха, было справедливо: въ такомъ случаѣ поступокъ этотъ можно было бы оправдать, по крайней мѣрѣ отчасти, какъ вынужденный необходимостію. Но справедливымъ здѣсь, кажется, нельзя назвать всего. Митрополитъ Фотій, прочитавъ соборную грамату Литовскихъ епископовъ о поставленіи Григорія Самвлака, отвѣчалъ на нее своимъ окружнымъ посланіемъ ко всѣмъ православнымъ христіанамъ Русской церкви, и хотя въ немъ не защищаетъ ни себя ни своихъ предшественниковъ, можетъ быть, сознавая справедливость обвиненій, за то смѣло и рѣшительно оправдываетъ императора и патріарха. «Скажи мнѣ—пишетъ онъ, обращаясь къ Ѳеодосію Полоцкому — не ты ли искалъ митрополіи? И ты самъ знаешь, сколько ты предлагалъ сребра и золота за поставленіе. Если бы на мздѣ совершалось это, тебя бы не отослали съ великимъ униженіемъ и стыдомъ.... Да и прельщенный Григорій точно такъ же искалъ митрополіи и предлагалъ много имѣнія; одна-

77. Всѣ три граматы напеч. въ Акт. Западн. Россіи №№ 23. 24. 25.

кожь не только его не послушали, а вселенскій патріархъ еще извергъ его изъ сана и проклялъ, такъ что онъ едва убѣжалъ отъ казни. Какъ же вы взводите клевету и лжу на св. соборную Христову церковь и благочестиваго царя»? Въ самомъ дѣлѣ, трудно повѣрить, чтобы Витовтъ, столь сильно домогавшійся имѣть у себя особаго митрополита, пожалѣлъ денегъ и даровъ для царя и патріарха, если бы только успѣхъ дѣла зависѣлъ отъ симоніи. Что касается, въ частности, до посланія Литовскихъ епископовъ къ Фотію; то это дѣйствіе ихъ уже совершенно незаконно и неизвинительно. Они позволили себѣ (вопреки каноновъ церковныхъ) осудить своего первосвятителя безъ всякаго изслѣдованія дѣла и безъ всякаго участія и даже позволенія со стороны патріарха. Не пощадилъ и Фотій своихъ враговъ въ окружномъ своемъ посланіи. Онъ называетъ ихъ «несмысленными, суесловными и несвященными, помраченниками, а не просвѣтителями, волками, а не пастырями, рабами чрева, а не епископами, людьми неподобными, непотребными, окаянными, безбожными»; рѣзко осуждаетъ ихъ своеволіе въ поставленіи Григорія, укоряетъ ихъ за нарушеніе клятвы, данной каждымъ изъ нихъ при посвященіи въ епископскій санъ, не принимать другаго митрополита, кромѣ присылаемаго изъ Константинополя отъ патріарха, — и убѣждаетъ всѣхъ православныхъ не имѣть съ ними, какъ отступниками, никакого общенія ни въ чемъ, даже въ пищи и питіи. Съ особенною силою нападаетъ Фотій на своего совмѣстника Григорія и говоритъ, будто онъ, когда еще находился въ Царьградѣ, не только былъ лишенъ священническаго сана, но и преданъ проклятію отъ патріарха и священнаго собора. Тутъ едва ли нѣтъ преувеличенія. Могли ли бы Литовскіе епископы, которые, какъ видно изъ ихъ соборной граматы, желали вполнѣ сохранить единомысліе и церковное единеніе съ Константинопольскимъ патріархомъ и всѣмъ востокомъ, могли бы они возвесть на митрополитскую каѳедру человѣка, лишеннаго сана и даже анаѳемствованнаго въ Царьградѣ? Развѣ предположить, что до поставленія Григорія они ничего объ этомъ не знали[78].

78. Посланіе Фотія—въ Акт. Истор. I, № 19.

Фотій не ограничился только окружнымъ посланіемъ ко всѣмъ христіанамъ: онъ написалъ еще посланія въ Кіевъ, гдѣ предполагалась каѳедра Григорія Самблака, и Псковъ, какъ сосѣдній Литвѣ. Жителей Кіева онъ извѣщалъ, что «мятежникъ» Григорій поставленъ отъ неправеднаго сборища самозаконно и насиліемъ мірской власти, что еще прежде онъ лишенъ былъ сана и преданъ проклятію въ Костантинополѣ, а теперь общимъ судомъ Русскихъ святителей онъ «изверженъ, отлученъ и проклятъ», равно какъ и поставившіе его епископы, и что всякъ, кто только считаетъ его за лице священное, сообщается съ нимъ или принимаетъ отъ него благословеніе, епископъ ли то, или священникъ, или мірянинъ, также подвергается отлученію и проклятію. Въ слѣдствіе этого Фотій убѣждалъ всѣхъ, еще не пріобщившихся «беззаконному дѣлу», чтобы они удалялись отъ Григорія, не принимали отъ него посланій, ни рукополагаемыхъ имъ священниковъ, и не имѣли съ ними никакого общенія ни въ чемъ, даже въ пищи и питіи. Въ посланіи къ Псковичамъ Фотій, упомянувъ, что они навѣрно уже получили его посланіе о раздѣленіи церкви Божіей, случившемся близъ ихъ предѣловъ, наставляетъ ихъ строго соблюдать истинную православную вѣру и обычаи и удалять слухъ свой отъ сосѣдственныхъ мятежниковъ, отметающихся Божія закона и святыхъ правилъ. «Если же кто — прибавляетъ первосвятитель — познавъ церковный мятежъ, перейдетъ изъ той страны къ вамъ на жительство, будутъ ли то міряне или иноки, вы принимайте ихъ, какъ православныхъ христіанъ, убѣгающихъ отъ неправды въ ваше православіе»[79].

О митрополитѣ Григоріи Самблакѣ, противъ котораго съ такою ревностію вооружился первосвятитель Москвы, сохранилось мало свѣдѣній. Онъ былъ родомъ Болгаринъ или Сербъ, и съ дѣтства обученъ былъ всякой книжной премудрости, такъ что считался въ послѣдствіи человѣкомъ весьма просвѣщеннымъ и написалъ много сочиненій. Судя по заглавіямъ и отчасти по содержанію этихъ сочиненій, онъ до прибытія своего въ Россію

79. Посланіе въ Кіевъ сокращенно помѣщено въ П. Собр. Р. лѣт. IV, 116 и въ Ник. лѣт. V. 65. А посланіе въ Псковъ — въ Акт. Истор. 1, № 40.

проходилъ разныя должности: то въ Болгаріи, гдѣ состоялъ при Терновскомъ патріархѣ Евѳиміи, съ которымъ вмѣстѣ имѣлъ случай встрѣчать (въ 1379 г.) Русскаго митрополита Кипріана, посѣтившаго свой отечественный городъ на пути въ Константинополь; то въ Молдо-Влахіи, гдѣ былъ *пресвитеромъ великой Молдавлахійской церкви* (вѣроятно соборной, каѳедральной, находившейся въ Сочавѣ); то въ Сербіи, гдѣ былъ игуменомъ *Пантократоровой* (Вседержителевой) *обители* въ Дечахъ — и еще какой то обители *Пинакирской*, неизвѣстно гдѣ находившейся. Въ Россію Григорій прибылъ по письменному приглашенію митрополита Кипріана, но уже не засталъ въ живыхъ своего покровителя (1406 г.) и остановился въ предѣлахъ западной Россіи[80]. Здѣсь, своими ли проповѣдями, изъ которыхъ извѣстно похвальное слово на память митрополита Кипріана, или вообще своими достоинствами, обратилъ на себя общее вниманіе, такъ что, когда Литовскій князь Витовтъ рѣшился въ 1414 году испросить себѣ особаго митрополита, то отправилъ въ Царьградъ съ согласія и прочихъ князей, для возведенія въ этотъ санъ уже не Полоцкаго епископа Ѳеодосія, котораго отправлялъ прежде, а Григорія, и не видно, чтобы при самомъ поставленіи Григорія въ митрополита Литовскими епископами, кто либо изъ нихъ возставалъ противъ его достоинствъ. Былъ ли Григорій честолюбивъ и самъ домогался митрополитскаго престола, или только уступая желанію Витовта и Литовскихъ епископовъ, принялъ на себя высокій санъ, сказать не можемъ. Но то несомнѣнно, что Григорій преданъ былъ православію и чуждался латинства. Въ двухъ изъ своихъ проповѣдей онъ сильно вооружается противъ обычая Римской церкви — совершать литургію на опрѣснокахъ, называетъ Латынянъ *прельщаемыми и евовзаконниками* и между прочимъ говоритъ: «Всякъ, приносящій въ жертву опрѣсноки, недугуетъ ересію Аполлинаріевою и Евагріевою, дерзнувшею считать плоть Господа бездушною и неразумною»[81]. Кромѣ того лѣтописи разсказываютъ, что од-

80. См. нашу статью: «о Григоріѣ Цамблакѣ, митрополитѣ Кіевскомъ» въ Изв. 2-го отд. Импр. Акад. Наукъ, VI, 98.

81. См. тамъ же стр. 140. 148. 149.

нажды Григорій обратился къ Витовту съ вопросомъ: «Зачѣмъ ты, князь держишься вѣры Латинской, а не православной, Греческой?» Витовтъ отвѣчалъ: «Если ты желаешь видѣть не только меня одного, но и всѣхъ людей земли моей въ Греческой вѣрѣ, то пойди въ Римъ и состязайся съ папою и его мудрецами. Когда побѣдишь, всѣ мы примемъ Греческій законъ и обычаи; а если нѣтъ, то я всѣхъ моихъ подданныхъ Греческой вѣры обращу къ Латинской». И послалъ Витовтъ Григорія въ Римъ съ своими боярами [82]. Изъ иностранныхъ извѣстій узнаемъ, что посольство Литовское отправлено было не въ Римъ, а на Констанскій соборъ и прибыло туда уже къ концу соборныхъ засѣданій (18 февр. 1418 г.), въ то время, какъ явились на соборъ и послы Греческаго императора Мануила, которымъ поручено было начать сношенія съ папою о соединеніи церквей. Оба посольства были приняты въ Констансѣ торжественно и имъ не только не дѣлали здѣсь никакихъ стѣсненій въ вѣрѣ, напротивъ позволяли отправлять церковныя службы по своему обряду. Впрочемъ, о соединеніи церквей на соборѣ вовсе не разсуждали, и Григорій долженъ былъ возвратиться ни съ чѣмъ. А по свидѣтельству одного современника, представители Литовско-Русскаго духовенства, когда еще явились на соборъ съ грамотою отъ Витовта, то на вопросъ—желаютъ ли они покориться Римской церкви, прямо отвѣчали, что они прибыли единственно по повелѣнію своего князя и подчиняться папѣ не желаютъ [83]. Въ сентябрѣ 1419 г. Григорій Самвлакъ возвратился въ Литву, а зимою того же года скончался въ Кіевѣ, можетъ быть, отъ моровой язвы, свирѣпствовавшей тогда въ этомъ городѣ [84].

Съ кончиною митрополита Григорія окончилось раздѣленіе

---

82. П. Собр. Р. лѣт. IV, 115; V, 260; Ник. лѣт. V, 70.

83. О пребываніи Литовскихъ и Греческихъ пословъ на Констанскомъ соборѣ говоритъ современникъ Рейхенталь въ своей исторіи этого собора (*Wessenberg*, D. Grossen Versammlungen der 15 und 16 Jahrhunderts, 2 Band. s. 255). А объ отзывѣ Литовскихъ пословъ свидѣтельствуетъ другой современникъ — Линденблатъ, котораго лѣтопись еще не издана (Опис. Кіево-Соф. собора стр. 104).

84. П. Собр. Р. лѣт. IV, 119; Ник. лѣт. V, 71, 73.

Русской митрополіи, продолжавшееся около четырехъ лѣтъ. Не мало произвело оно шума и волненій въ нашей церкви; но, по своему значенію, было отнюдь не важнѣе предшествовавшихъ попытокъ въ томъ же родѣ; напротивъ, одна изъ этихъ попытокъ, случившаяся въ 1371 г., при Польскомъ королѣ Казимірѣ, когда самъ патріархъ призналъ отдѣльное существованіе Галицкой митрополіи, подчинивъ ей четыре южно-Русскія епархіи, было гораздо важнѣе. Нельзя назвать этого раздѣленія и окончательнымъ; потому что по смерти Григорія Самвлака, обѣ митрополіи снова соединились. Недовольство ли многихъ подданныхъ отдѣленіемъ Литовской митрополіи, — внушенія ли нѣкоторыхъ князей и бояръ, заботившихся о возсоединеніи ея съ Московскою, — освобожденіе ли изъ темницы Литовскаго князя Свитригайла, котораго Витовтъ считалъ своимъ соперникомъ и болѣе девяти лѣтъ держалъ въ заключеніи, а православные жители Литвы признавали какъ бы поборникомъ своей вѣры, всегда готовымъ на помощь имъ, — или всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ расположили Витовта примириться съ митрополитомъ Фотіемъ и возвратить ему право на управленіе Литовскими епархіями[85]. 1-го іюня 1420 г. Фотій выѣхалъ изъ Москвы въ Новгородъ Литовскій, гдѣ имѣлъ свиданіе съ вел. княземъ Витовтомъ въ присутствіи Грека Филантропона, посла Греческаго императора; оттуда отправился въ Кіевъ, Слуцкъ, Галичь и чрезъ Мозырь снова прибылъ къ вел. князю. Во время этого путешествія святитель разослалъ окружное посланіе ко всѣмъ православнымъ христіанамъ Литовскимъ, въ которомъ, упомянувъ о своей прежней великой скорби по случаю духовнаго разлученія съ ними, извѣщаетъ ихъ о совершившемся умиреніи Русской церкви, «совѣтованіемъ благороднаго, славнаго, великаго князя Александра (Витовта)», и о своемъ пришествіи къ нимъ, чтобы сѣять въ сердцахъ ихъ сѣмя слова Божія; потомъ изъясняетъ притчу о талантахъ, указываетъ на казни Божіи, поражавшія тогда западный край Россіи, голодъ и моровую язву, умоляетъ всѣхъ

85. На содѣйствіе князей и бояръ намекаетъ самъ Фотій въ своемъ духовномъ завѣщаніи (П. Собр. Р. лѣт. VI, 146). А какъ православные смотрѣли на Свидригайла, пишетъ Длугошъ въ своей исторіи. lib. XI, p. 396. 558.

покаяться, исправить свою жизнь и исполнять заповѣди Евангелія. Въ слѣдующемъ (1421) году Фотій посѣтилъ Львовъ предъ праздникомъ Рождества Христова, самый праздникъ провелъ во Владимірѣ Волынскомъ, а день Крещенія Господа—въ Вильнѣ; затѣмъ обозрѣлъ города — Борисовъ, Друцкъ, Тетеринъ, Мстиславль, Смоленскъ, и уже въ великій постъ возвратился въ Москву. Въ 1423 г. снова былъ въ Смоленскѣ и видѣлся съ Витовтомъ. Въ 1430 г. во время извѣстнаго съѣзда королей и князей къ Витовту въ городѣ Трокахъ, для предполагавшагося коронованія его вѣнцемъ королевскимъ, находился тамъ и митрополитъ Фотій съ Московскимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, и когда, по обстоятельствамъ, мечта 86-ти лѣтняго Витовта не исполнилась, и онъ распустилъ отъ себя всѣхъ гостей, Фотій оставался у него въ Вильнѣ еще одиннадцать дней почти до самой его кончины (27 окт. 1430 г.), и отпущенъ былъ въ Москву съ великою честію. На возвратномъ пути въ Новогродкѣ святитель видѣлся съ новымъ княземъ Литовскимъ Свитригайломъ и удостоился отъ него великой любви и почестей [86].

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по возвращеніи въ Москву митрополитъ Фотій скончался (1 іюля 1431 г.), оставивъ своимъ преемникамъ церковь Русскую умиренною и возсоединившеюся подъ властію одного главнаго іерарха. Предъ смертію онъ написалъ, подобно предшественнику своему Кипріану, завѣщательную грамату, въ которой сказавъ о своей прежней покойной жизни въ Греціи и внезапномъ избраніи на престолъ Русской митрополіи, потомъ о своихъ многоразличныхъ скорбяхъ въ Россіи по случаю постигавшихъ ее бѣдствій и особенно по случаю мятежа церковнаго, испрашиваетъ себѣ прощенія у всѣхъ и самъ преподаетъ прощеніе всѣмъ, благодаритъ тѣхъ, которые содѣйствовали возсоединенію церкви, умоляетъ соблюдать неприкосновенными всѣ церковныя имѣнія, пріобрѣтенныя имъ въ Россіи и Литвѣ, поручаетъ молиться о душѣ своей и преподаетъ всѣмъ послѣднее благословеніе. Фотій погребенъ

86. *Dantlowicz.* Latop. Litw. i kron. Rus. 244 — 245; Ник. лѣт. V, 80. 96, 97. Посланіе Фотія. Дополн. къ Акт. Истор. № 183.

въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ подлѣ Кипріана, гдѣ почиваетъ и донынѣ[87].

Не прошло двухъ мѣсяцевъ по смерти Фотія, какъ юный князь Московскій Василій Васильевичъ принужденъ былъ ѣхать въ орду на судъ ханскій для рѣшенія спора своего съ дядею Юріемъ Дмитріевичемъ Звенигородскимъ о великомъ княженіи. А по возвращеніи изъ орды между ними началась междоусобная брань, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ съ перемѣннымъ счестіемъ и ознаменованная великими жестокостями и волненіями. Потому неудивительно, если въ Москвѣ мало заботились или не имѣли досуга позаботиться о замѣщеніи митрополитской каѳедры и хотя избрали для этого Рязанскаго епископа Іону, который (въ 1433 г.) назывался уже «нарѣченнымъ въ святѣйшую митрополію Русскую», но не спѣшили отправить его въ Царьградъ для поставленія[88]. Между тѣмъ Смоленскій епископъ Герасимъ, по собственной ли волѣ или по волѣ Литовскаго князя Свидригайла, подъ властію котораго находился тогда Смоленскъ, осенью 1432 года пошелъ въ Царьградъ просить себѣ митрополитскаго сана, а осенью слѣдующаго года возвратился уже въ санѣ митрополита. Впрочемъ Герасимъ поставленъ былъ не для одной Литвы, а «на Русскую землю», и ему приписывали титулъ митрополита Кіевскаго и всей Россіи, и въ послѣдствіи даже Московскаго и всей Россіи. Онъ остановился въ Смоленскѣ и не пошелъ въ Москву потому только, что тамъ продолжались княжескія междоусобія. Изъ іерархическихъ его дѣйствій извѣстно одно, что онъ въ 1434 г. поставилъ архіепископа Евѳимія въ Новгородъ[89]. Сначала Герасимъ

87. Завѣщаніе Фотія — въ Полн. Собр. Р. лѣт. VI, 144; Ник. лѣт. V, 100; Собр. Госуд. Грам. и Договор. II, № 17.

88. Такъ называетъ себя самъ Іона въ грамотѣ въ Печерскій Нижегородскій монастырь отъ 11 марта 1433 г., писанной въ Москвѣ. Акт. Истор. I, № 37.

89. П. Собр. Р. лѣт. III, 111. 238; IV, 206. 208; V, 27. 28. Архіепископомъ *Кіевскимъ* названъ Герасимъ въ одной современной ему рукописи, писанной въ 1434 г. *Кіевскимъ и всея Россіи* названъ въ житіи рукоположеннаго имъ Евѳиміи, архіепископа Новгородскаго, которое писано при преемникѣ Евѳиміи, Іонѣ, слѣд. почти современникомъ (Сборн. моей библ. № 8, л. 190 об. Опис. рук. Толстова I, 178 ст. 99). Митрополитомъ *Московскимъ и всея Россіи* называется въ третьей Новгородской лѣтописи (III, 238).

пользовался благосклонностію князя Свитригайла, который хотя изгнанъ былъ изъ Литвы совмѣстникомъ своимъ Сигизмундомъ, взошедшимъ на Литовскій престолъ (1432 г.), но удерживалъ еще въ своемъ владѣніи Волынь, Подолію, часть княжества Кіевскаго, княжества Смоленское и Волынское[90]. По крайней мѣрѣ извѣстно, что оба они вмѣстѣ, Свитригайло и Герасимъ, замышляли принять участіе въ начинавшемся тогда дѣлѣ о соединеніи церквей и князь съ особенною похвалою отзывался объ усердіи къ тому дѣлу своего митрополита въ письмѣ къ папѣ Евгенію[91]. Но вскорѣ Свитригайло прогнѣвался на Герасима и, схвативъ его близъ Смоленска, заковалъ въ тяжкіе оковы, сослалъ въ Витебскъ и тамъ чрезъ четыре мѣсяца сжегъ (іюля 1435 г.). Причиною тому была будто бы открытая Свитригайломъ тайная и враждебная ему переписка Герасима съ Литовскимъ княземъ Сигизмундомъ[92].

Неизвѣстно, признавали ли Герасима митрополитомъ въ Москвѣ и подчинялись ли ему (кромѣ Новгорода) собственно Русскія епархіи; но, съ другой стороны, не видно, чтобы нареченный на митрополію Русскую Іона, епископъ Рязанскій, управлялъ дѣлами Московской митрополіи. И не прежде, какъ по смерти Герасима, Московскій князь Василій Васильевичь, съ согласія всѣхъ Русскихъ князей, всего духовенства и народа, а равно и съ согласія великаго князя Литовскаго, отправилъ Іону въ Константинополь для поставленія въ митрополита[93]. Только не суждено было и теперь святителю Рязанскому сдѣлаться первосвятителемъ всей Россіи. Еще до прибытія его Греческій императоръ Іоаннъ Палеологъ и патріархъ Іосифъ, начавшіе уже сношенія съ западомъ о возсоединеніи церквей, поспѣшили назначить на каѳедру Русской митрополіи Исидора, родомъ Болгарина, на котораго имѣли свои виды по случаю начатаго дѣла. Когда Іона пріѣхалъ въ Царьградъ: ему выразили сожа-

90. *Зубрицкаго* о Червон. Руси 297. 305. 309. 317.

91. Папскія буллы къ Свидригайлу и Герасиму по этому случаю, писанныя въ 1434 г., см. у *Коцебу*: «Свидригайло, вел. князь Литовскій». СПб. 1835, прибавл. II, стр. 22. 26.

92. П. Собр. Р. лѣт. IV, 209; V, 28.

93. Акт. Истор. I. № 41, стр. 84.

лѣніе, что онъ опоздалъ, и дали обѣщаніе сдѣлать его митрополитомъ послѣ Исидора. Съ скорбію сердца возвратился святитель Рязанскій въ отечество, сопутствуя новому митрополиту, который прибылъ въ Россію въ 1437 году[94]. Не менѣе прискорбно было это и великому князю Московскому, который сначала не хотѣлъ было принять Исидора, какъ избраннаго безъ его воли и прошенія, но принялъ только «не хотя рушити изначальныя старины»[95]. Исидоръ, едва пріѣхалъ въ Россію, какъ отправился на Ферраро-Флорентійскій соборъ, принялъ тамъ Унію съ Римскою церковію, но не былъ принятъ вмѣстѣ съ Уніею въ Россіи и бѣжалъ въ Римъ[96]. А потому хотя носилъ имя Русскаго митрополита нѣсколько лѣтъ (1438—1442), но на дѣлѣ почти не былъ Русскимъ митрополитомъ и не управлялъ Русскою церковію. Это былъ послѣдній митрополитъ, избранный и поставленный для Россіи въ Константинополѣ.

Исидоромъ окончился тотъ переходный періодъ нашей митрополіи, когда наши первосвятители избирались то въ Греціи, товъ Россіи или Литвѣ, когда являлось у насъ по два и даже по три митрополита и происходили многіе другіе безпорядки отъ искателей мотрополитской власти.

---

94. Тамъ же 84; П. Собр. Р. лѣт. III, 112; IV, 122; V, 267. О своей скорби пишетъ самъ Іона. Акт. Истор. I, № 47, стр. 95.

95. Какъ самъ сознается. Акт. Истор. I, № 262, стр. 493.

96. П. Собр. Р. лѣт. III, 112—113; IV, 211—212; V, 30. 267.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРЕПИСКА ДЕРЖАВИНА

ВО ВРЕМЯ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

Пушкинъ, которому мы, не смотря на несовершенство его труда о Пугачевскомъ бунтѣ, такъ много обязаны по исторіи этого эпизода царствованія Екатерины, первый ознакомилъ насъ хотя нѣсколько съ участіемъ Державина въ мѣрахъ, принятыхъ противъ Пугачева. Но матеріалы, которыми пользовался Пушкинъ, особенно по этому частному предмету, были очень недостаточны, и потому не удивительно, что свѣдѣнія, сообщаемыя имъ тутъ о дѣятельности Державина, не только скудны, но отчасти и невѣрны. Онъ помѣщаетъ имя Державина въ числѣ начальниковъ, назначенныхъ для военныхъ дѣйствій, и думаетъ, что его послали въ Малыковку для прикрытія Волги со стороны Пензы и Саратова. Далѣе Пушкинъ, передавая очень не точно дѣйствія Державина, смѣшиваетъ сверхъ того эпохи, и только о распоряженіяхъ его въ Саратовѣ знаетъ нѣсколько подробнѣе и положительнѣе, хотя и здѣсь его извѣстія далеко не полны. Впрочемъ мы не можемъ строго судить Пушкина за эти ошибки. Изъ одного переданнаго намъ письма вдовы Державина къ К. М. Бороздину (отъ 28 іюля 1834 г.) видно, что Пушкинъ обращался къ Л. Н. Львову съ просьбою достать ему бумаги Державина по Пугачевщинѣ, но что родные покойнаго въ то время находили неудобнымъ отдать въ постороннія руки часть его манускриптовъ.

Получивъ особое порученіе во время Пугачевщины, Державинъ вскорѣ послѣ окончанія бунта написалъ «Журналъ

производству коммиссіи лейбъ-гвардіи преображенскаго полку порутчика Державина, касающихся до поиску бунтовщика Пугачева и его сообщниковъ», въ которомъ изложилъ свои дѣйствія помѣсячно отъ декабря 1773 до сентября 1774 года. Когда онъ въ старости писалъ свои Записки, то въ составъ ихъ вошелъ и этотъ журналъ, но съ значительными измѣненіями и дополненіями, какъ видно изъ подлинной тетради Записокъ, куда онъ вшитъ, переписанный постороннею рукою, но испещренный собственноручными поправками Державина. Въ такомъ исправленномъ видѣ этотъ журналъ явился и въ напечатанныхъ недавно Запискахъ его.

Первоначальный журналъ былъ извлеченъ имъ изъ подлинныхъ офиціальныхъ бумагъ, которыя онъ или самъ писалъ, или получалъ отъ разныхъ лицъ во время бунта, на мѣстахъ своего пребыванія. Эти бумаги, благодаря просвѣщенному посредничеству Д. В. Полѣнова, были сообщены намъ родными поэта въ числѣ другихъ рукописей его. Онѣ заключаются въ двухъ толстыхъ листовыхъ (in-f.) тетрадяхъ, изъ которыхъ одна содержитъ ордера, писанные къ Державину, а другая черновые собственноручные отпуски или копіи рапортовъ его и нѣкоторыя другія бумаги, между которыми мы нашли и подлинный его журналъ за время Пугачевщины. На первой страницѣ каждой изъ этихъ тетрадей собственноручное его примѣчаніе: на *первой* — «Здѣсь малая часть моихъ черныхъ отпусковъ находится, ибо въ сей экстренной коммисіи большею частію прямо на бѣло писаны и отправлены были, какъ за неимѣніемъ при мнѣ писарей, такъ иногда и для скорыхъ надобностей». На *второй* же тетради — «Въ сей книгѣ, по ошибкѣ переплетчика, не по порядку времени вплетены ордера; и такъ надлежитъ, ежели ихъ разсматривать, то смотрѣть по подписаннымъ числамъ на нижнихъ краяхъ листовъ, то есть со дня ихъ отпусковъ».

Тщательное сбереженіе этихъ двухъ тетрадей дѣлаетъ большую честь Державину и показываетъ всю его добросовѣстность: сохранивъ для потомковъ подлинныя бумаги, онъ далъ намъ возможность не только повѣрить собственный его разсказъ, но и пересмотрѣть его дѣйствія съ нашей точки зрѣ-

нія, а что онъ самъ именно имѣлъ это въ виду, въ томъ удостовѣряютъ насъ приведенныя надписи его.

Между тѣмъ черновые отпуски Державина писаны часто такъ поспѣшно и небрежно, что разбирать ихъ стоило намъ величайшаго труда, который даже не всегда былъ успѣшенъ [1]), а такъ какъ сверхъ того хронологическій порядокъ въ этихъ письмахъ совершенно перебитъ, то работа еще увеличивалась, тѣмъ болѣе что на весьма многихъ отпускахъ нѣтъ чиселъ, и о времени изготовленія ихъ можно было заключать только по содержанію.

Желая дать и другимъ возможность судить о дѣятельности Державина во время Пугачевщины по подлиннымъ бумагамъ, мы рѣшились представить главныя изъ нихъ цѣликомъ, связавъ ихъ разсказомъ событій, почерпнутымъ частью изъ нихъ же, частью изъ записокъ Державина и изъ другихъ источниковъ, которыя всякій разъ указываемъ.

Предлагая здѣсь результатъ трех-мѣсячныхъ занятій этою эпохою жизни Державина, предоставляемъ себѣ сдѣлать на основаніи настоящаго труда болѣе краткій обзоръ ея для читателей, которыхъ не могутъ интересовать всѣ частности дѣла.

Это тѣмъ нужнѣе, что когда настоящая статья уже поступила въ печать, мы отъискали еще третью большую тетрадь, относящуюся къ Пугачевщинѣ и содержащую частныя письма многихъ лицъ къ Державину, писанныя также въ это время. Покуда мы должны удовольствоваться только нѣкоторыми на нее ссылками.

I. До кончины Бибикова.

Въ концѣ 1773 года слухи объ успѣхахъ Пугачева болѣе и болѣе тревожили дворъ и весь Петербургъ, особливо послѣ того, какъ генералъ Каръ, посланный противъ самозванца, оказался

1) Предполагая, что можетъ быть тѣже бумаги въ окончательномъ ихъ видѣ находятся въ Архивѣ Генеральнаго Штаба, мы обращались и туда. Начальство Архива, желая содѣйствовать Академіи Наукъ въ ея предпріятіи, обязательно открыло намъ доступъ къ матеріаламъ для исторіи Пугачевскаго бунта, но мы не нашли между ними ничего, что прямо относилось бы къ Державину.

недостойнымъ этого назначенія. Тогда для распоряженія военными дѣйствіями Императрица Екатерина на мѣсто его избрала Бибикова, который незадолго до того былъ отозванъ отъ поста главнокомандующаго въ Польшѣ и готовился ѣхать въ Турцію подъ начальство не расположеннаго къ нему графа Румянцова. Съ Бибиковымъ же долженъ былъ отправиться также и генералъ-маіоръ князь Петръ Михайловичъ Голицынъ, который прежде находился при немъ и въ Польшѣ [2]).

Это было въ концѣ ноября 1773 г. Тогда же въ ассистенты Бибикову назначено было нѣсколько офицеровъ гвардіи.

Державинъ давно желалъ побывать на войнѣ или получить какое нибудь видное порученіе; но гвардіи тогда не посылали въ походъ. Исключеніе было сдѣлано только въ турецкую войну, при посылкѣ на флотѣ командъ въ Архипелагъ; но въ то время Державина не было въ Петербургѣ; для того же, чтобъ ѣхать въ армію волонтеромъ у него недоставало средствъ Не видя возможности осуществить свою мечту, онъ иногда предавался унынію: такъ самъ онъ разсказываетъ. Поэтому, узнавъ, что Бибиковъ ищетъ себѣ помощниковъ, Державинъ захотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ. Хотя онъ и не былъ лично знакомъ съ Бибиковымъ, однакожъ, слышавъ уже прежде о его достоинствахъ, рѣшился ему представиться. Явясь къ Бибикову, Державинъ сказалъ ему, что слышалъ о скоромъ отъѣздѣ его въ какую-то секретную коммисію въ Казань: будучи тамошнимъ уроженцемъ и зная довольно хорошо ту сторону, онъ предлагалъ и свои услуги въ этомъ дѣлѣ. Бибиковъ отвѣчалъ, что, къ сожалѣнію, не можетъ исполнить его желанія, потому что выбралъ уже извѣстныхъ ему гвардейскихъ офицеровъ. Между тѣмъ однакожъ онъ разговорился съ Державинымъ и, какъ вскорѣ оказалось, получилъ о немъ хорошее мнѣніе. Огорченный своею неудачею, Державинъ, вечеромъ того же дня, съ удивленіемъ прочиталъ въ полковомъ приказѣ, что долженъ опять явиться къ генералу Бибикову, для принятія порученія по Высочайшему повелѣнію. При новомъ свиданіи Бибиковъ приказалъ ему: черезъ три дня быть готовымъ къ отъѣзду.

2) Москвитянинъ 1845, Ч. V, № 9, Пис. I Ек. II къ кн. Волконскому.

Секретная коммисія, составленная подъ начальствомъ Бибикова изъ офицеровъ гвардіи, должна была находиться частью въ Казани, частью въ Оренбургѣ [3]). Назначенные первоначально офицеры [4]) отправились тогда же въ Казань, за ними и Державинъ. Хотя онъ ѣхалъ на-легкѣ въ нагольной овчинной шубѣ, купленной имъ за 3 р., однакожъ еще на пути въ Москву его обогналъ самъ Бибиковъ, выѣхавшій изъ Петербурга 9 декабря 1773 г. Въ ночь съ 25 на 26-е число, т. е. на второй день праздника Рождества, главнокомандующій, пробывъ нѣсколько дней въ Москвѣ, пріѣхалъ въ Казань, гдѣ находился уже и Державинъ, живя въ домѣ матери и стараясь отъ пріѣзжавшихъ въ городъ сельскихъ обывателей разузнавать о движеніяхъ непріятельскихъ партій и о расположеніи умовъ въ народѣ. Въ разныхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстахъ являлись шайки бунтовщиковъ, даже въ 60 верстахъ отъ города уже разъѣзжали толпы вооруженныхъ Татаръ. Передъ пріѣздомъ Бибикова многіе жители Казани, встревоженные слухами, въ томъ числѣ и самъ губернаторъ Брантъ, уже оставили городъ; но общее довѣріе къ присланному генералу было такъ велико, что большая часть разъѣхавшихся теперь опять возвратились. Между тѣмъ войска, назначенныя въ его распоряженіе, только что начинали собираться; 30 числа онъ между прочимъ писалъ женѣ: «Войска мои прибывать начали вчера». Вскорѣ получено было офиціальное извѣстіе, что съ 25 числа Самара занята мятежнической толпой, которую жители и духовенство встрѣтили съ колокольнымъ звономъ, съ крестами, съ хлѣбомъ и солью. Первымъ дѣломъ главнокомандующаго было обратить часть пришедшихъ уже войскъ на очищеніе Самары, о чемъ и послано было приказаніе начальникамъ ближайшихъ отрядовъ, маіору Муфелю и подполковнику Гриневу. Для производства же слѣдствія въ Самарѣ, когда она будетъ очищена, Бибиковъ рѣшился употребить Державина. 29 числа, при большомъ стече-

3) По смерти Бибикова эта коммисія раздѣлилась на двѣ: на Казанскую и Оренбургскую, и каждая подчинена была мѣстному губернатору.

4) По Запискамъ о жизни и службѣ Бибикова, это были: кн. Волконскій, Мавринъ, Лунинъ и Кошелевъ. Но здѣсь пропущенъ Кологривовъ, съ которымъ Державинъ переписывался. Въ Зап. его названъ еще Собакинъ. По смерти Бибикова были сверхъ того присланы въ Казань Волоцкой и Горчаковъ (письмо Кологривова, № 33).

нiи Казанскихъ жителей всѣхъ сословiй въ соборѣ, прочитанъ былъ манифестъ, напечатанный въ Москвѣ церковною печатью, о злодѣйствахъ Пугачева и назначенiи Бибикова главнокомандующимъ для усмиренiя мятежа[5]). По отслуженiи молебна, всѣ дворяне съ преосвященнымъ Веніаминомъ приглашены были въ домъ главнокомандующаго. Бибиковъ, подойдя къ Державину, тихо сказалъ: «Вы отправляетесь въ Самару, возьмите сейчасъ въ канцелярiи бумаги и ступайте». Державинъ, узнавъ наканунѣ о происшедшемъ въ Самарѣ, подумалъ, что Бибиковъ хочетъ только испытать его, и отвѣчалъ: *готовъ*. Взявъ тотчасъ же изъ канцелярiи два запечатанныхъ пакета на его имя съ надписью: по секрету, которые велѣно было открыть не прежде, какъ по удаленiи на 30 верстъ отъ Казани, онъ поспѣшилъ проститься съ матерью и, не сказавъ куда ѣдетъ, поскакалъ.

Распечатавъ въ дорогѣ пакеты, онъ увидѣлъ, что ему предписывалось ѣхать въ Симбирскъ, тамъ присоединиться къ командѣ подполковника Гринева и вмѣстѣ съ нею итти на освобожденiе Самары, а въ то же время наблюдать, въ какомъ состоянiи находятся эти отряды, во всемъ ли исправны и каковы, т. е. надежны ли ихъ офицеры, ибо Бибиковъ, по словамъ Пушкина, «сначала сомнѣвался въ духѣ своего войска». Относительно же Самары Державину предписывалось, когда этотъ городъ будетъ очищенъ отъ бунтовщиковъ, то отыскать виновныхъ въ измѣнѣ, и заковавъ злоумышленныхъ преступниковъ, отправить ихъ въ Казань; «а нѣкоторыхъ, для страху жестоко на площади наказать плетьми при собранiи народа, приговаривая, что они противъ злодѣевъ должны пребыть въ твердости, и живота своего, какъ вѣрные подданные, щадить не долженствуютъ. Сей ордеръ объявить можете командующему въ Самарѣ и требовать во всемъ его вспомоществованiя». Если же окажется, что виновные поступили «по страху и не по склонности къ злодѣянiю, то взявъ зачинщиковъ и распроса, представить ко мнѣ (Бибикову) на разсмотрѣнiе» (*№* I) [6]).

5) Кажется, это собранiе не было одно и то же съ тѣмъ, которое по Запискамъ о жизни Бибикова происходило 1 января 1774 г., т. е. уже въ отсутствiи Державина. Трудно предположить, чтобъ послѣдній не точно показалъ день своего отъѣзда изъ Казани; да и обстоятельства подтверждаютъ его показанiе.

6) Всѣ бумаги, заключающiяся въ двухъ описанныхъ выше тетрадяхъ, озна-

Любопытны разсказываемыя Державинымъ подробности проѣзда его до Симбирска, куда онъ прибылъ 30 числа: по словамъ его, въ народѣ замѣтенъ былъ духъ злоумышленія; мѣстами не хотѣли ему давать и лошадей, такъ что онъ долженъ былъ требовать ихъ, приставя пистолетъ къ горлу старосты. Не доѣзжая верстъ 5 до Симбирска, онъ увидѣлъ поселянъ, возвращавшихся оттуда порожнемъ, по распродажѣ въ городѣ своихъ товаровъ, и желалъ отъ нихъ узнать, въ чьихъ рукахъ находится Симбирскъ, куда, по близости Самары, также могли проникнуть толпы мятежниковъ. Поэтому онъ приказывалъ стоявшему на запяткахъ слугѣ остановить одного изъ мужиковъ; когда же тотъ, какъ человѣкъ вялый и не проворный, не рѣшался на это, то Державинъ положилъ его на свое мѣсто въ повозку, а самъ, ставъ на запятки и притворясь дремлющимъ, схватилъ мужика: изъ словъ его онъ узналъ, что въ Симбирскѣ есть военные люди, но что они ходятъ не въ солдатскихъ мундирахъ, а въ крестьянскомъ платьѣ и собираютъ по городу шубы. Это обстоятельство заставило Державина подозрѣвать, не Пугачевцы ли владѣютъ Симбирскомъ. Одно только показаніе, что у всѣхъ тамошнихъ солдатъ ружья съ штыками, успокоило Державина, потому что бунтовщики не могли имѣть штыковъ. И такъ онъ въѣхалъ въ Симбирскъ. Это было уже часу въ 10-мъ ночи. Воевода объявилъ, что Гриневъ съ своею командою часа за два предъ тѣмъ выступилъ по Самарской дорогѣ для соединенія съ маіоромъ Муфелемъ, шедшимъ туда же. Державинъ поспѣшилъ нагнать Гринева. Они нашли Самару уже занятою Муфелемъ, который выгналъ оттуда толпу, состоявшую изъ нѣсколькихъ тысячь, большею частью Ставропольскихъ Калмыковъ и отставныхъ солдатъ. Толпа эта бѣжала въ пригородъ Алексѣевскъ, лежащій въ 25 верстахъ отъ Самары.

Въ Самарѣ Державинъ узналъ, что жители посылали нарочныхъ въ приближавшуюся мятежническую толпу для перего-

---

чили мы нумерами по порядку, въ какомъ онѣ слѣдуютъ одна за другою. Подъ этими нумерами онѣ приводятся и здѣсь въ нашихъ ссылкахъ, при чемъ надо замѣтить, что римскими цифрами означаются бумаги изъ тетради ордеровъ, а арабскими — изъ тетради рапортовъ Державина.

воровъ съ нею и что особенно виновны священники, которые заслуживали бы тотчасъ быть отосланными въ секретную комиссію. Но чтобъ не могли обвинить правительство въ утѣсненіи вѣры, онъ въ рапортѣ Бибикову [7]) просилъ напередъ прислать въ Самару новыхъ священниковъ, а потомъ уже отослать старыхъ куда слѣдуетъ. Въ отвѣтѣ на этотъ рапортъ Бибиковъ (№ III) выразилъ Державину свое удовольствіе. Предложеніе его «о наказаніи пойманныхъ злодѣевъ для устрашенія прочихъ» отдалъ онъ на разсмотрѣніе генералъ-маіора Мансурова, также шедшаго въ Самару, которому предписалъ, «чтобъ нѣкоторыхъ, по важности дѣла, изъ злодѣевъ повѣсить, а другихъ пересѣчь, ибо всѣхъ казнить будетъ много».

Бибиковъ одобрилъ и другое распоряженіе Державина: чтобы имѣть возможность вполнѣ удостовѣриться, каковы на дѣлѣ Гриневъ, его офицеры и команда, Державинъ рѣшился прервать на нѣсколько дней происходившее въ Самарѣ слѣдствіе и принять участіе въ походѣ къ Алексѣевской крѣпости, куда шелъ Гриневъ, чтобъ и оттуда прогнать укрывшуюся шайку. Это было выполнено удачно и Державинъ, видѣвъ на дѣлѣ усердіе команды и ея начальниковъ, донесъ о томъ Бибикову.

Пригородъ Алексѣевскъ былъ населенъ почти весь отставными гвардейскими солдатами, изъ которыхъ нѣкоторые были въ Невскомъ монастырѣ на погребеніи Императора Петра III. Поэтому Державинъ, для примѣра войску, велѣлъ пересѣчь плетьми на церковной оградѣ виновныхъ солдатъ. Это было согласно съ словесными приказаніями Бибикова, и впослѣдствіи одобрено имъ. Изъ подъ Алексѣевска Державинъ вмѣстѣ съ Гриневымъ ходилъ и на селеніе Красный Яръ, которымъ овладѣли было возмутившіеся Ставропольскіе Калмыки [8]): они вышли на встрѣчу подходившему войску, но были разбиты

7) Этотъ рапортъ отъ 3 января и слѣдующій отъ 5-го не нашлись въ тетрадяхъ Державина; но онъ о нихъ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ.

8) Соотвѣтствующее этимъ строкамъ мѣсто въ Запискахъ Державина (стр. 59) подало П. И. Бартеневу поводъ къ недоразумѣнію, которое легко устраняется при правильной пунктуаціи. Слова, помѣщенныя въ скобкахъ, должно читать такъ: «Куда на дорогѣ проѣзжая, городъ Ставрополь попался въ руки бунтующихъ Калмыковъ» и проч. Г. Бартеневъ отнесъ слова «попался въ руки» къ

и принуждены возвратить взятые ими изъ Ставрополя пять пушекъ. Изъ Краснаго Яра Державинъ написалъ къ Калмыкамъ увѣщательное письмо, которое по переводѣ на ихъ языкъ и было къ нимъ послано. Это увѣщаніе, послѣ представленное Державинымъ Бибикову, было поднесено Императрицѣ и ею одобрено въ собственноручномъ письмѣ къ главнокомандующему. Такимъ образомъ имя Державина тогда уже могло обратить на себя вниманіе Екатерины.

По первымъ дѣйствіямъ Державина мы уже можемъ судить о характерѣ его; видимъ въ немъ энергію, живость, рѣшительность. Онъ самъ въ своемъ разсказѣ называетъ себя рьянымъ на словахъ и назойливымъ. Посылая его въ Самару, Бибиковъ смотрѣлъ ему пристально въ глаза; Державинъ при этомъ замѣчаетъ (Зап., стр. 55): «можетъ быть хотѣлъ проникнуть, таковъ ли онъ рьянъ на дѣлѣ, какъ на словахъ» и далѣе говоритъ: «генералъ хотѣлъ, можетъ быть, испытать назойливаго офицера». Дальнѣйшія дѣйствія и переписка Державина еще ближе ознакомятъ насъ съ этою стороною его личности.

По возвращеніи въ Самару, Державинъ продолжалъ допрашивать жителей. Чтобы предупредить всякую огласку тайныхъ показаній и дерзкихъ рѣчей противъ верховной власти, онъ долженъ былъ производить это слѣдствіе совершенно одинъ, даже безъ писца, такъ что ему приходилось самому записывать всѣ показанія. Окончивъ допросы и отправивъ важнѣйшихъ преступниковъ въ секретную коммисію, Державинъ дождался въ Самарѣ генерала Мансурова, которому поручена была защита Самарской линіи, и возвратился въ Казань.

Здѣсь Бибиковъ, оцѣнивъ и энергическую распорядительность Державина и способность его къ письменнымъ дѣламъ, сначала хотѣлъ оставить его при себѣ и поручилъ ему двѣ канцелярскія работы: 1) постепенное составленіе алфавитнаго списка какъ всѣмъ главнымъ сообщникамъ Пугачева, такъ и лицамъ, отъ нихъ пострадавшимъ, чтобы легче было наводить

Державину, что видно изъ сдѣланнаго къ этому мѣсту примѣчанія. Неправильность выраженія не можетъ затруднять насъ въ языкѣ Державина; да притомъ и теперь еще слова: *не доходя, не добажая* всѣми употребляются въ видѣ нарѣчій. Село Красный Яръ находится на рѣкѣ Соку, верстахъ въ 15 отъ Алексѣевска.

справки и преслѣдовать виновныхъ, и 2) веденіе журнала входящимъ къ Бибикову и исходящимъ отъ него бумагамъ, съ описаніемъ и самыхъ мѣръ, принимаемыхъ къ прекращенію бунта.

Сверхъ того Державинъ долженъ былъ поощрять дворянство къ составленію воинскихъ ополченій, пожертвованію, которое оно приняло на себя въ его отсутствіи. Къ 1 января 1774 г. собралось въ Казани дворянство всего уѣзда. Созвавъ его, Бибиковъ произнесъ рѣчь, въ которой живо изобразилъ опасность, угрожавшую всему дворянскому сословію въ случаѣ низпроверженія законнаго порядка и вызывалъ Казанскихъ дворянъ на содѣйствіе правительству. Собраніе, принявъ это приглашеніе съ большимъ одушевленіемъ, въ тотъ же день приступило къ общему между собой совѣщанію и единодушно опредѣлило выставить на свой счетъ вооруженный конный корпусъ, — по одному человѣку съ двухъ сотъ душъ. Императрица, узнавъ о томъ изъ донесенія Бибикова, и имѣя въ Казанской губерніи дворцовыя волости, пожелала принять участіе въ пожертвованіи тамошняго дворянства и потому отправила къ главнокомандующему слѣдующій рескриптъ: «Александръ Ильичь! Подражая примѣру вѣрнаго и усерднаго дворянскаго корпуса Казанскаго, повелѣла, яко *пол*мѣщица той губерніи, съ дворцовыхъ волостей съ каждыхъ двухъ сотъ душъ вамъ отдать по одному рекруту и обмундировать, и снабдя лошадью велѣла присовокупить ихъ къ тому Казанскаго дворянства военному корпусу, о чемъ чрезъ сіе васъ увѣдомляю, дабы вы о семъ и тамошнему дворянству сказати могли. Впрочемъ остаюсь къ вамъ доброжелательна. Января 20 числа 1774 г.» [9])

По полученіи этого рескрипта Бибиковъ 30 января созвалъ опять дворянство въ домѣ предводителя его (въ то время Макарова), обратился къ собранію съ новою рѣчью и прочелъ самое письмо Государыни, которое, какъ легко представить себѣ, произвело глубокое впечатлѣніе. Затѣмъ Макаровъ, предъ портретомъ Екатерины, прочиталъ рѣчь, написанную отъ име-

9) Здѣсь этотъ рескриптъ печатается по списку, найденному въ бумагахъ Державина. Впрочемъ онъ былъ уже напечатанъ въ Заволжскомъ муравьѣ 1834 г. № 5.

ни всего дворянства Державинымъ. Бибиковъ представилъ ее при своемъ донесеніи Императрицѣ, которая, въ знакъ своего благоволенія, вслѣдъ за этимъ даровала Казанскому дворянству похвальную грамоту или манифестъ 22 февраля 1774 г. Эта рѣчь, которую Державинъ называетъ первымъ опытомъ малыхъ своихъ способностей, тогда же была напечатана въ Петербургскихъ вѣдомостяхъ[10]), при чемъ авторъ былъ означенъ только какъ «Казанскій дворянинъ»; въ ней поэтъ цвѣтистымъ языкомъ и громкими фразами, иногда же съ неподдѣльнымъ краснорѣчіемъ, выражаетъ впечатлѣніе, произведенное на его согражданъ словами и дѣйствіями Екатерины, между прочимъ и назначеніемъ Бибикова. «Величіе Монарха, говоритъ Державинъ, паче познается въ томъ, что онъ умѣетъ разбирать людей и употреблять ихъ во благовременіи: то и въ семъ не оскудѣваетъ Вашего Императорскаго Величества тончайшее проницаніе; на сей случай здѣсь надобенъ министръ, воинъ, судія, чтитель святыя Вѣры. По прозорливому Вашего Императорскаго Величества изволенію, мы все сіе въ Александрѣ Ильичѣ Бибиковѣ видимъ; за все сіе, изъ глубины сердецъ нашихъ, любомудрой душѣ твоей восписуемъ благодареніе».

Такое высокое мнѣніе о Бибиковѣ объясняется, кромѣ другихъ его заслугъ, особенно тѣмъ, что еще за 10 лѣтъ до этого онъ также присланъ былъ въ Казань для прекращенія неустройствъ на заводахъ окрестнаго края; и тогда онъ дѣйствовалъ съ такою твердостію, но вмѣстѣ и съ такимъ человѣколюбіемъ, что заслужилъ общее довѣріе, возстановивъ порядокъ безъ большой потери людей. Участіе Державина въ дѣйствіяхъ Казанскаго дворянства по составленію

10) Въ одномъ изъ Прибавленій къ № 16, 25 февраля 1774 года. Пушкинъ въ 5 примѣчаніи къ IV главѣ исторіи Пугачевскаго бунта называетъ эту рѣчь письмомъ и говоритъ, что рѣчи онъ не читалъ. Такое недоразумѣніе произошло отъ формы обращенія, которую Державинъ далъ своей рѣчи. Письмо же, но не къ Императрицѣ, а къ Бибикову было написано Макаровымъ и также напечатано въ слѣдъ за рѣчью въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ; но сочиненія этого письма нельзя приписать Державину, вопреки предположенію г. Анучина, напечатавшаго въ Русскомъ Инвалидѣ (1860, № 69) статью: «Рѣчь благодарственная, произнесенная въ Казани». Еслибъ это письмо было сочинено Державинымъ, то конечно попало бы вмѣстѣ съ рѣчью въ его рукописи, но мы его тамъ нигдѣ не находимъ. Рѣчь была напечатана также въ Заволжскомъ муравьѣ 1834, № 3, вслѣдъ за приведеннымъ выше рескриптомъ.

предположеннаго ополченія, видно изъ слѣдующаго письма предводителя Макарова отъ 12 марта:

Государь мой Гаврила Романовичь [1])

Казанское дворянство опредѣлило отослать къ вамъ всемилостивѣйшій Ея Императорскаго Величества манифестъ, свидѣтельствующій особливое Ея Величества благоволеніе и милость, который вамъ, какъ имѣвшему участіе въ полезныхъ опредѣленіяхъ нашего общества, при семъ съ господиномъ подполковникомъ Григорьемъ Алексѣевичемъ Бутлеровымъ посылается, съ чѣмъ я васъ, государь мой, усерднѣйше поздравляю и пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ

государь мой
вашъ вѣрный слуга
Иванъ Макаровъ.

Изъ первыхъ сношеній между Бибиковымъ и Державинымъ мы уже видимъ, что они сошлись какъ нельзя лучше и что между ними утвердилось полное уваженіе другъ къ другу. Однакожъ вскорѣ пришлось имъ разстаться: обстоятельства побудили Бибикова расширить кругъ дѣйствія молодаго офицера и дать ему въ другомъ мѣстѣ болѣе самостоятельное положеніе.

Поводомъ къ тому было прибытіе къ Бибикову въ Казань экономическаго крестьянина Ивана Серебрякова изъ приволжскаго дворцоваго села Малыковки. Такъ какъ это село будетъ съ этихъ поръ часто упоминаться въ нашемъ разсказѣ, то мы и скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о немъ. Оно, или вѣрнѣе нынѣшній городъ Волгскъ (Саратовской губерніи), лежитъ на нагорномъ берегу Волги противъ устья рѣки Иргиза. При Петрѣ Великомъ село это было пожаловано князю Меншикову; когда же у него всѣ имѣнія были отобраны, то оно поступило въ дворцовое вѣдомство. Главными промыслами Малыковки были рыболовство и хлѣбная торговля. При открытіи Саратовскаго намѣстничества, въ 1780 г., она переименована городомъ

1) Тетрадь частной переписки, № 5. Упоминаемый въ этомъ письмѣ манифестъ, о которомъ мы уже выше говорили, находится также въ бумагахъ Державина.

Волгскомъ и вскорѣ это мѣсто обращено въ уѣздный городъ, гдѣ нынѣ по календарю до 21,500 жителей; во время Пугачевщины населеніе его состояло главнымъ образомъ изъ экономическихъ и дворцовыхъ крестьянъ; но сверхъ того тамъ жили Татары, колонисты и особенно раскольники. Отъ Саратова Малыковка лежитъ въ 138 верстахъ.

Обстоятельство, что это было одно изъ раскольническихъ жительствъ, объясняетъ, почему Пугачевъ, въ первую эпоху своего бродяжничества, бѣжавъ изъ Яицка и побывавъ на Иргизѣ [2]), посѣтилъ Малыковку. Здѣсь былъ онъ пойманъ и схваченъ передъ заключеніемъ въ Казани. Въ Малыковкѣ провѣдали о немъ тогда Серебряковъ и пріятель его, дворцовый крестьянинъ Трофимъ Герасимовъ. Но они сперва думали, что бродяга еще на Иргизѣ въ слободѣ Мечетной, гдѣ его видѣлъ землякъ ихъ, почему Герасимовъ и ѣздилъ туда для поимки Пугачева; услышавъ же въ Мечетной, что онъ поѣхалъ въ Малыковку на базаръ, Герасимовъ бросился назадъ въ свое село, открылъ мѣстопребываніе пришлеца и донесъ о немъ: Пугачевъ былъ допрошенъ и отправленъ въ Симбирскъ, а оттуда въ Казань [3]).

Въ бытность свою въ Москвѣ въ 1767 г. Державинъ, живя у своего двоюроднаго брата Николая Яковлевича Блудова, имѣлъ случай узнать Серебрякова, который содержался тамъ въ

---

2) Когда Пугачевъ былъ уже въ рукахъ правительства, Екатерина въ письмѣ къ гр. П. И. Панину говорила объ Иргизѣ: «Хотя и усматриваю, что по рѣкѣ Иргизу нынѣ малая часть поселенцевъ осталась, но не менѣе подлежитъ сіе мѣсто бдѣнію, ибо оно уже давно укрывательствомъ служитъ ворамъ и бѣглымъ, коимъ раскольники, тамо скиты и монастыри заведшіе, за добродѣтель почитаютъ давать пристанище, и для того почитаю за нужно въ тамошнемъ мѣстѣ завести, гдѣ удобно, подъ видомъ населенія, какого ни есть рода начальство, дабы сіе гнѣздо держать въ уздѣ». (Чт. въ Общ. Ист. и Древн. 1858, кн. II, стр. 56).

3) Имя Трофима Герасимова было извѣстно и Пушкину: во 2-мъ прим. къ гл. II Ист. Пугачевскаго бунта онъ упоминаетъ о немъ въ числѣ трехъ лицъ, подавшихъ письменное объявленіе о показаніяхъ крестьянина Семена Филипова, бывшаго вмѣстѣ съ Пугачевымъ на Яикѣ. Пушкинъ называетъ Герасимова земскимъ Малыковскихъ управительскихъ дѣлъ. При допросѣ въ отдѣльной Секретной Коммиссіи Пугачевъ показалъ: «Какъ я въ то время былъ въ Малыковкѣ для продажи рыбы, то управитель велѣлъ меня взять подъ караулъ и потомъ распрашивалъ» и далѣе: «считая меня подозрительнымъ человѣкомъ, мучилъ подъ пристрастнымъ допросомъ». Чт. въ Общ. Ист. и Древ. 1858, кн. II, стр. 7; Ср. тамъ же ниже, во 2-мъ допросѣ, стр. 40.

сыскномъ приказѣ. Все, что Державинъ при этомъ случаѣ сообщаетъ о немъ и о причинѣ его заключенія, показываетъ намъ въ Серебряковѣ человѣка, прошедшаго чрезъ огнь и воду, готоваго на все для пріобрѣтенія выгоды. (Онъ подавалъ Петру III проектъ о дозволеніи выходящимъ изъ Польши раскольникамъ селиться по рѣкѣ Иргизу; когда же это было разрѣшено, то Серебряковъ, назначенный вмѣстѣ съ другими къ приведенію въ исполненіе этого проекта, сталъ, вмѣсто Польскихъ выходцевъ, допускать всякаго рода людей, въ томъ числѣ и господскихъ, на поселеніе по Иргизу; другая затѣя Серебрякова, во время его содержанія въ сыскномъ приказѣ, бросаетъ на него еще болѣе мрачную тѣнь)[4]). Въ Москвѣ, въ одномъ домѣ съ Державинымъ жилъ и другой родственникъ Блудова, Сергѣй Тимоѳеевичъ Максимовъ, который, имѣя помѣстья около Малыковки, зналъ Серебрякова и принималъ его къ себѣ. Въ этомъ домѣ видѣлъ его и Державинъ. Серебряковъ былъ освобожденъ подъ поручительство Максимова. Видя энергическія мѣры, принимаемыя противъ Пугачева, и считая его гибель вѣрною, Серебряковъ вздумалъ воспользоваться обстоятельствами, чтобы загладить свои вины передъ правительствомъ. Онъ явился въ Казань къ Державину и просилъ употребить его вмѣстѣ съ Герасимовымъ къ поимкѣ Пугачева, такъ какъ они разъ уже доказали усердіе свое и ловкость въ этомъ дѣлѣ; Пугачевъ же, когда будетъ разбитъ собравшимися войсками, конечно опять придетъ укрываться у своихъ друзей, раскольниковъ, на Иргизъ или Узени[5]), обыкновенное убѣжище преступниковъ. Для исполненія этого плана Серебряковъ требовалъ, чтобъ ему даны были средства и между прочимъ, чтобы завѣдываніе всѣми распоряженіями ввѣрили подпоручику Максимову, какъ офицеру, знающему край и населеніе его.

Бибиковъ, принявъ Серебрякова ночью наединѣ въ своемъ кабинетѣ, сказалъ Державину: «Это птица залетная и говоритъ много дѣльнаго; но какъ ты его представилъ, то и долженъ

4) См. Зап. Держ., стр. 41, 42, 75 и 76.

5) Большой и Малый Узень, двѣ степныя рѣки, которыя текутъ почти параллельно верстахъ въ 20 одна отъ другой по Самарской губерніи и Землѣ Уральскаго войска.

съ нимъ возиться, а Максимову его я не повѣрю». На другой день, 6 марта, Державинъ получилъ отъ главнокомандующаго «тайное наставленіе» (№ VII), котораго содержаніе передадимъ сокращенно, отчасти на нынѣшнемъ языкѣ:

Отправляйтесь въ Саратовъ, а оттуда въ Малыковку, объявляя, что вы посланы отъ меня для встрѣчи и препровожденія идущихъ сюда казаковъ и гусаръ и для закупки провіанта. Въ самомъ же дѣлѣ цѣль ваша должна состоять въ слѣдующемъ:

Стерегите Пугачева на Иргизѣ и Узеняхъ, гдѣ у него конечно есть друзья и гдѣ онъ въ случаѣ пораженія вѣроятно будетъ искать убѣжища: принимайте втайнѣ мѣры къ поимкѣ его, стараясь заранѣе узнать тѣхъ, къ кому онъ можетъ прибѣгнуть; обѣщая награды, пріискивая и подготовляя себѣ помощниковъ.

Между тѣмъ развѣдывайте о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ Пугачева и его скопищъ, о ихъ состояніи и силахъ, о взаимной между ними связи, и собираемыя вами свѣдѣнія доставляйте какъ мнѣ, такъ и дѣйствующимъ по Самарской линіи генераламъ: князю Голицыну и Мансурову, употребляя при этой перепискѣ ключь, который и ввѣряю вамъ [6]).

Подсылайте въ толпы самозванца надежныхъ людей, чтобы знать обо всемъ, что у него дѣлается, и при этомъ не щадите ни трудовъ ни денегъ, для чего и отпускается съ вами 400 р. А чтобъ вы находили содѣйствіе со стороны мѣстныхъ властей, вотъ вамъ письма. «Для снисканія и привлеченія къ вамъ отъ тамошнихъ людей довѣренности, ласковое и скромное съ ними обращеніе всего болѣе вамъ способствовать будетъ».

Наблюдайте неусыпно расположеніе мѣстныхъ жителей, образъ мыслей и понятія ихъ о самозванцѣ и употребляйте всѣ способы къ вразумленію обманутыхъ и колеблющихся. «Проповѣдайте милосердіе Монаршее къ тѣмъ, кои отъ него отстанутъ и покаются. Обличайте разсужденіями вашими обольщенія и обманы Пугачева и его сообщниковъ».

---

6) Ключь этотъ сохранился въ тетради ордеровъ, которые Державинъ получалъ во время Пугачевщины (№ IX).

«Наконецъ для вступленія въ дѣло возьмите себѣ въ помощь представленныхъ вами извѣстныхъ Серебрякова и Герасимова, изъ которыхъ Серебряковъ примѣченъ мною какъ человѣкъ съ разумомъ и довольно тамошнія обстоятельства знающій: но разсужденіе здравое и собственный вашъ умъ да будетъ вамъ лучшимъ руководителемъ; а ревность и усердіе къ службѣ представитъ вамъ такіе способы, которые не бывъ на мѣстѣ и по заочности предписать не можно, ихъ же Герасимова и Серебрякова къ тому по разсмотрѣнію вашему употребите, для чего они въ команду вашу точно и поручаются».

«Впрочемъ я, полагаясь на искусство ваше, усердіе и вѣрность, оставляю болѣе наблюденіе дѣла, для котораго вы посылаетесь, собственной вашей расторопности. И надѣюсь, что вы какъ все сіе весьма тайно содержать будете, такъ не упустите никакого случая, коимъ бы не воспользоваться, понимая силу прямую посылки вашей».

Изъ этой инструкціи видно, что сущность порученія, даннаго Державину, состояла въ томъ, чтобы онъ, находясь въ Малыковкѣ, на Иргизѣ и Узеняхъ, «яко въ гнѣздѣ раскольничьей сволочи», старался съ помощью Серебрякова и Герасимова разставить сѣти Пугачеву; чтобы онъ дѣйствовалъ на расположеніе умовъ, сносился съ мѣстными властями, извѣщалъ обо всемъ военачальниковъ, вообще же поступалъ бы по своему собственному усмотрѣнію, соображаясь съ обстоятельствами. Послѣдняя часть инструкціи показываетъ, какъ много Бибиковъ полагался на способности, усердіе, ловкость и расторопность Державина; но слова, рекомендующія ему ласковое и скромное обхожденіе съ жителями, вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ знать, что проницательный начальникъ успѣлъ уже замѣтить недостатки новаго своего подчиненнаго и нѣсколько опасался излишней его *рьяности* и *назойливости*.

На другой же день по полученіи этой бумаги Державинъ выѣхалъ изъ Казани вмѣстѣ съ Серебряковымъ, но въ Симбирскѣ онъ отправилъ его впередъ въ Малыковку, «дабы совокупнымъ съ нимъ пріѣздомъ не сдѣлать молвы въ народѣ» (№ 79).

10 марта Державинъ прибылъ въ главное мѣсто своего назначенія — Малыковку. Но прежде нежели опишемъ сдѣ-

ланныя имъ здѣсь распоряженія, посмотримъ въ какомъ положеніи находились тогда дѣла Пугачева.

Еще въ сентябрѣ предъидущаго года онъ овладѣлъ 7-ю крѣпостями на Яикѣ, и въ началѣ октября двинулся на Оренбургъ. Изъ Петербурга велѣно было разнымъ отрядамъ слѣдовать въ Казань и начальство надъ ними сперва ввѣрено генералъ-маіору Кару, который и выступилъ къ Оренбургу, но послѣ первыхъ же неудачъ сталъ отступать и въ серединѣ ноября, услышавъ о гибели полковника Чернышева, шедшаго на подкрѣпленіе Оренбурга, самовольно отказался отъ команды подъ предлогомъ болѣзни и уѣхалъ въ Москву, за что и исключенъ изъ службы. Еще до этого Бибиковъ былъ назначенъ главнокомандующимъ. Между тѣмъ Пугачевъ дѣйствовалъ все около Оренбурга, комендантъ котораго Рейнсдорпъ, растерявшись, безпрестанно дѣлалъ ошибки. Въ городѣ начиналъ обнаруживаться голодъ. Яицкій городокъ, это первое гнѣздо бунта, по выраженію Пушкина, — гдѣ Пугачева приняли бы съ распростертыми объятіями, былъ еще въ большей опасности. 31 Декабря мятежники чуть было не взяли его; онъ былъ спасенъ только распорядительностію коменданта Симонова и офицера Крылова. По распоряженію Бибикова войска стали стягиваться къ Оренбургу. Сподвижникъ его еще въ Польшѣ, кн. Голицынъ съ своимъ корпусомъ долженъ былъ заградить Московскую дорогу, дѣйствуя между Казанью и Оренбургомъ. Мансуровъ съ правымъ крыломъ имѣлъ порученіе прикрывать Самарскую линію и доставлять провіантъ Оренбургу и Яицку съ Волги.

Эти два города, не смотря на ихъ тяжкое положеніе, не сдавались. Но вблизи ихъ одна крѣпость падала за другою. Сообщникъ Пугачева, Хлопуша, овладѣлъ Илецкою защитой; самъ онъ занялъ крѣпости Тоцкую и Сорочинскую; потомъ засѣлъ въ Татищеву и сталъ тамъ укрѣпляться. Около этого времени Голицынъ соединился съ Мансуровымъ. Таковы были обстоятельства въ началѣ марта, когда мы оставили Державина въ Малыковкѣ. Но къ дополненію этого очерка надо прибавить, что весь нашъ юговостокъ былъ взволнованъ; Калмыки и и Башкиры бунтовали, мѣшая сообщеніямъ; Киргизы свободно врывались чрезъ открытую границу; мятежъ грозилъ разлиться

и далѣе на сѣверъ; въ Перми и Екатеринбургѣ начинались уже безпорядки. Зима стояла жестокая; отъ снѣговъ не было проѣзда въ степяхъ; выступая въ походъ, нужно было запасаться не только провіантомъ и фуражемъ, но и дровами. Бибиковъ, жалуясь въ каждомъ письмѣ на трудность своего положенія, которое не давало ему уснуть спокойно, сокрушался между прочимъ и о недостаткѣ войска, особливо конницы, и пламенно желалъ, чтобы война съ Турціей скорѣе прекратилась и миръ развязалъ бы Россіи руки. Но всего важнѣе былъ духъ буйства и своеволія въ народѣ, — [7]) «почти всеобщее волненіе черни», какъ говорилъ Бибиковъ. «Вѣдь не Пугачевъ важенъ, продолжалъ онъ: да важно всеобщее негодованіе. А Пугачевъ чучела, которою воры Яицкіе козаки играютъ» [8]).

Теперь возвратимся къ Державину.

Малыковка съ этихъ поръ сдѣлалась на нѣсколько мѣсяцевъ главнымъ мѣстопребываніемъ его. Нелишнимъ считаемъ дать здѣсь читателю нѣкоторое понятіе и о внѣшнемъ видѣ этого селенія. Прежняя Малыковка лежитъ живописно на нагорномъ берегу Волги, который въ томъ мѣстѣ напоминаетъ южный берегъ Крыма. Съ трехъ сторонъ огибаютъ ее горы дугою, сѣвернымъ концемъ своимъ упирающеюся въ Волгу. «Величественная зеркальная поверхность Волги, говоритъ Н. И. Костомаровъ, окаймленная на противоположномъ берегу синезеленою лентою лѣсовъ, не прерываемая ни островами, ни откосами, горы съ бѣлизною мѣла, золотистостью извѣстняка и разнообразными отливами зелени садовъ и травы, сверканіе воды родниковъ, текущихъ въ изобиліи въ разныя стороны, словомъ, возвышенности, земля и вода, главныя условія красоты мѣстностей, сложены такъ удачно, что производятъ самое пріятное впечатлѣніе на нервы, способныя задрожать отъ красоты природы. Волгскъ и его окрестности чрезвычайно богаты родни-

7) «Не непріятель опасенъ, какое бы множество его ни было, но народное колебаніе, духъ бунта и смятеніе. Внутри и внѣ злодѣйство, предательство и непослушаніе отъ жителей». Письмо Бибикова къ гр. З. Г. Чернышеву; см Ист. Пуг. б. Приложенія.

8) Письмо Бибикова къ *Д. И. Фон-Визину*. Тамъ же.

ками, такъ что мѣстные жители справедливо выражаются, что ихъ городъ построенъ на водѣ» [9]).

Въ нынѣшнее время городъ Волгскъ поражаетъ еще обиліемъ своихъ садовъ и множествомъ каменныхъ, но опустѣвшихъ зданій, построенныхъ здѣшнимъ гражданиномъ Злобинымъ. Но при Державинѣ Малыковка конечно не имѣла еще ни того, ни другаго преимущества.

По пріѣздѣ въ Малыковку первой заботой его было пріискать надежныхъ лазутчиковъ. Серебряковъ и Герасимовъ привели къ нему дворцоваго Красноярскаго крестьянина Дюпина, который взялся съѣздить на Иргизъ за раскольничьимъ старцемъ Іовомъ. Этотъ, какъ удостовѣряли всѣ трое, былъ по усердію своему особенно годенъ для подсылки къ бунтовщикамъ, тѣмъ болѣе что зналъ Пугачева въ лицо: онъ познакомился съ бродягой, когда тотъ укрывался на Иргизѣ. Чрезъ два дня Дюпинъ воротился съ Іовомъ. Державинъ рѣшился употребить обоихъ, такъ какъ за нихъ ручались Серебряковъ и Герасимовъ, у Дюпина же была «на Иргизѣ семья и цѣлая изба дѣтей» [10]). Они взялись ѣхать на Яикъ съ тайными порученіями Державина; Іовъ долженъ былъ постоянно оставаться въ толпѣ Пугачева и по возможности присылать извѣстія обо всемъ, что тамъ будетъ происходить; Державинъ далъ имъ какъ на дорогу, такъ и на разныя другія издержки 100 р., обнадежилъ ихъ милостью правительства и обѣщалъ Дюпину освободить сына его отъ рекрутства, по которому тотъ стоялъ на очереди. Іовъ и Дюпинъ получили отъ Державина «наставленіе», котораго черновой подлинникъ сохранился въ его бумагахъ [1]). Въ этой инструкціи Іову поручалось сперва доставить Яицкому коменданту Симонову письмо [2]), въ которомъ Державинъ просилъ у него свѣдѣній и ободрялъ его; потомъ идти въ толпу Пугачева подъ Оренбургъ и развѣдать тамъ подробно обо всѣхъ касающихся до него обстоятельствахъ. А чтобы прибытіе Іова

9) См. статью г. Костомарова: «Поѣздка въ г. Волгскъ» въ Памятной книжкѣ Саратовской губерніи на 1859 годъ.

10) Рапортъ Державина къ Бибикову отъ 13 марта № 1.

1) Тетрадь рапортовъ, № 2.

2) Тамъ же № 57.

къ мятежникамъ не показалось подозрительнымъ, Державинъ придумалъ-было для него тотъ предлогъ, что онъ присланъ Филаретомъ, извѣстнымъ игумномъ Мечетной слободы, который, по словамъ Державина, благословилъ Пугачева на его предпріятіе [3]). Филаретъ былъ схваченъ въ Сызрани и отвезенъ въ Казань. Іовъ долженъ былъ сказать, что видѣлся съ нимъ въ Казани и что слышалъ отъ него слѣдующее: Филаретъ склонилъ въ пользу Пугачева очень многихъ, но они требовали, для своей безопасности, чтобъ Филаретъ побывалъ у Императора и возвратился къ нимъ съ увѣреніемъ въ его милости, а такъ какъ это теперь за неволею Филарета невозможно, то вмѣсто его отправился Іовъ, съ тѣмъ, чтобы Пугачевъ выслалъ его къ нимъ съ ожидаемымъ удостовѣреніемъ; Филаретъ же, взятый въ секретную коммисію, готовъ скорѣе вытерпѣть всевозможныя истязанія и даже быть замученнымъ до смерти, нежели открыть что нибудь. Кажется однакожъ, что самъ Державинъ потомъ нашелъ эту сказку неудобною и замѣнилъ ее другою: по крайней мѣрѣ въ Запискахъ своихъ онъ разсказываетъ, что научилъ посланныхъ говорить Пугачеву, что они бѣжали къ нему съ Иргиза отъ страха скорой казни за то, что принимали его въ своихъ жилищахъ.

Предполагая, между тѣмъ, и возможность измѣны со стороны своихъ повѣренныхъ, Державинъ, согласно съ инструкціей Бибикова, старался увѣрить ихъ, что онъ пріѣхалъ въ Малыковку для встрѣчи гусарскихъ полковъ, идущихъ изъ Астрахани, и для закупки имъ провіанта. Разглашая это и вообще, Державинъ, какъ самъ онъ сознается, имѣлъ тайную цѣль: въ случаѣ, если скопища Пугачева устранятся по Иргизу къ Волгѣ, гдѣ никакихъ войскъ не было — «нѣсколько ихъ отъ того удержать, что, какъ ниже будетъ видно, и имѣло свой успѣхъ». Такъ выражается Державинъ въ подлинномъ журналѣ, веденномъ имъ во время Пугачевщины; къ сожалѣнію онъ въ старости, когда писалъ свои Записки, слишкомъ усилилъ эти довольно умѣренныя выраженія, сказавъ, что намѣревался удержать вторженіе мятежниковъ во внутренность имперіи или пріо-

3) Записки, стр. 103.

становить ихъ до прибытія на Яикъ генерала Мансурова и что «это была истинная его цѣль, которая ему и удалась». Такой планъ показывалъ бы слишкомъ неумѣренное честолюбіе въ подпоручикѣ, при которомъ не было никакого войска, тѣмъ болѣе, что это предпріятіе далеко выходило изъ границъ даннаго ему порученія. Мы увидимъ, въ какой мѣрѣ слова его въ послѣдствіи оправдались.

Въ то же время онъ приказалъ Серебрякову и Герасимову находиться на Иргизѣ и Узеняхъ, чтобы наблюдать за образомъ мыслей населенія, предупреждать сообщеніе съ Пугачевымъ, ловить подсылаемыхъ имъ лазутчиковъ, выставивъ для этого особыхъ надсмотрщиковъ на дорогахъ и перевозахъ; въ случаѣ же ожидаемаго вскорѣ пораженія Пугачева примѣчать, не появится ли онъ между жителями, и если онъ въ самомъ дѣлѣ будетъ укрываться у нихъ, то немедленно увѣдомить о томъ Державина, который, какъ видно, въ началѣ всего болѣе занятъ былъ заботой и надеждой поймать самозванца, что и было согласно съ инструкціей Бибикова. Капитанъ Вильгельмъ, одинъ изъ крейсъ-коммисаровъ въ Саратовскихъ колоніяхъ, съ которымъ Державинъ переписывался изъ Малыковки, — писалъ ему на Святой недѣлѣ (23 апрѣля): «Дай вамъ Богъ счастіе положить къ ногамъ великой нашей Монархини Пугачева вмѣсто краснаго яичка»[4]).

Въ отвѣтъ на рапортъ Серебрякова и Герасимова, присланный уже съ Иргиза, Державинъ отправилъ имъ 22 марта приказъ, въ которомъ между прочимъ писалъ (№ 26): «словомъ сказать, чтобъ уши наши и глаза были вездѣ, дабы чрезъ нерадѣніе не упустить того, чего смотрѣть должно. Исполняя же сіе, какъ можно хранить вамъ себя отъ того, чтобъ никакихъ на васъ жалобъ не было, нигдѣ ничего силою не брать, ибо должность ваша оказать свое усердіе состоитъ токмо въ пронырливыхъ съ ласкою поступкахъ, и то весьма скрытнымъ, а не явнымъ образомъ. Нигдѣ жителей никакъ не стращать, но еще послаблять имъ ихъ языкъ, дабы извѣдать ихъ сокровен-

4) Ihnen aber sey das Glück bestimmt, den Pugatscheff unserer grossen Monarchin zum Osterey zu Füssen zu legen». Тетр. частныхъ писемъ, № 114.

ныя мысли, уговаривать, чтобъ они ничего не боялись и оставались бы въ своихъ мѣстахъ, а ежели можно, то подавать еще искуснымъ образомъ и поводъ, чтобъ они привлекли къ себѣ желанное нами. Поступайте такъ, чтобъ вамъ кажется ни дочего дѣла не было, въ противномъ же случаѣ вы принудите о себѣ мыслить и догадываться, что вы не просто разъѣзжаете».

О первыхъ своихъ распоряженіяхъ въ Малыковкѣ Державинъ на другой же день, 13 марта, донесъ Бибикову, и въ концѣ своего рапорта (№ 1) помѣстилъ еще слѣдующее. «Г. Лодыгинъ, сказываютъ, жителей устрашаетъ казнями и висѣлицами, что мнѣ кажется неполезно, дабы народъ, а особливо сволочь на Иргизъ не разбѣжалась, и тѣмъ бы мы не лишилися надежды, что у друзей своихъ раскольниковъ будетъ имѣть прибѣжище Пугачевъ; не прикажете ли ему остаться въ своемъ домѣ и помолчать; а если онъ здѣсь надобенъ, то, по крайней мѣрѣ, сообщалъ бы мнѣ, что онъ намѣренъ дѣлать. Къ господину маіору Елагину, находящемуся въ Казани для набору улановъ, писалъ я, чтобъ онъ прислалъ поскорѣе сюда дворцоваго управителя [5]), котораго я здѣсь не нашелъ, дабы онъ исполнялъ мои требованія, а ежели прислать его не можетъ, то чтобъ онъ поручилъ должность свою до прибытія его хотя экономическому казначею [6]), здѣсь находящемуся, а не мужику, который раскольникъ и на котораго мнѣ положиться сумнительно».

Бибиковъ отвѣчалъ 26 марта (№ XXVII): «Всѣ принятыя вами на первый случай распоряженія производятъ во мнѣ особливое удовольствіе. Я на благоразуміе ваше полагаюсь», прибавляетъ онъ, употребляя отчасти условленный ключь, «что не упустите вы неусыпно стараться развѣдать, не уйдетъ ли злодѣй, по разореніи его гнѣзда, въ сказанное вамъ въ первомъ ордерѣ моемъ мѣсто. Капитана Лодыгина не терпите. Я къ нему посылаю при семъ ордеръ, чтобъ онъ или въ домѣ своемъ остался и жилъ бы спокойно, или ѣхалъ бы въ Казань. Если же онъ не поѣдетъ, то имѣете отправить его подъ присмотромъ въ Казань. — Къ господину Елагину о отпускѣ отъ себя управителя ордеръ посланъ».

---

5) Ѳедора Кузьмича Шишковскаго. 6) Тишину.

Это начало переписки Бибикова съ Державинымъ еще яснѣе показываетъ намъ утвердившееся между ними взаимное довѣріе; оно продолжалось до самой кончины Бибикова.

Сдѣлавъ все нужное въ Малыковкѣ, Державинъ поспѣшилъ въ Саратовъ, чтобы вручить письмо Бибикова Астраханскому губернатору, Кречетникову, который въ то время жилъ въ этомъ городѣ [7]); главнокомандующій просилъ его оказывать подателю содѣйствіе. Предъ отъѣздомъ Державинъ получилъ отъ Серебрякова, съ Иргиза, увѣдомленіе, что тамъ носится слухъ, будто Пугачевъ съ Яика написалъ воззваніе къ Киргизамъ, приглашая ихъ присоединиться къ нему и обѣщая за то всю степь отъ Яика до Волги; почему Киргизы уже и расположились около Узеней. Отдавая Кречетникову письмо своего начальника, Державинъ упомянулъ объ этомъ извѣстіи и старался вывѣдать, какъ смотритъ Астраханскій губернаторъ на возможную со стороны Киргизовъ опасность и не считаетъ ли нужнымъ принять какія нибудь предосторожности. Такъ разсказываетъ самъ Державинъ въ первой, измѣненной имъ впослѣдствіи редакціи своего журнала. Но Кречетниковъ обратилъ мало вниманія на опасенія молодаго человѣка, на котораго смотрѣлъ презрительно. Кажется, уже съ перваго свиданія его съ Кречетниковымъ произошло между ними столкновеніе, которымъ начинается цѣлый рядъ непріязненныхъ сношеній пріѣзжаго офицера не только съ этимъ лицомъ, но и съ разными другими мѣстными властями: обстоятельство обыкновенное, по которому въ этомъ случаѣ конечно много способствовалъ заносчивый и неуступчивый характеръ Державина. Нашедши въ Саратовѣ порядочное войско, онъ по видимому надѣялся, что губернаторъ отдастъ часть своихъ людей въ его распоряженіе; ошибшись въ разсчетѣ, онъ теперь жаловался Бибикову, что губернаторъ, имѣя самъ войско, требуетъ себѣ помощи отъ главнокомандующаго [8]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Державинъ, не добившись войска отъ Кречетникова, просилъ у Бибикова позволенія, въ случаѣ надобности, брать изъ Саратова

7) Саратовъ принадлежалъ тогда къ Астраханской губерніи. «Именнымъ указомъ предписано ему было въ Саратовѣ быть для охраненія своей губерніи» писалъ Лодыжинскій Державину. (Част. письма, № 102).

8) Рапортъ Бибикову, № 73.

роты, находившіяся при конторѣ управленія колонистами и которыя, какъ и самая контора, не были въ вѣдѣніи губернатора [9]).

Отправивъ съ нарочными какъ это письмо къ Бибикову, такъ и рапорты къ князю Голицыну и къ Мансурову, Державинъ воротился въ Малыковку и здѣсь получилъ съ Иргиза извѣстіе, что за крайними селеніями по этой рѣкѣ явилось на хуторахъ нѣсколько человѣкъ изъ шайки Пугачева. Державинъ тотчасъ сталъ хлопотать о средствахъ для поимки этихъ людей. Но пусть онъ самъ разскажетъ намъ, какъ о принятыхъ имъ по этому случаю мѣрахъ, такъ и о встрѣченныхъ имъ затрудненіяхъ.

Для этого мы воспользуемся рапортомъ его къ Бибикову (отъ 27 марта, № 52), набросаннымъ начерно, какъ очевидно въ сильномъ волненіи. Поблагодаривъ Бибикова за одобрительное его письмо (см. выше стр. 22) и увѣривъ его въ своей готовности дѣйствовать еще съ бо́льшимъ усердіемъ, онъ продолжаетъ: «Но при всемъ томъ, возложенное на меня дѣло при самомъ его началѣ начинаетъ останавливаться. Ни повелѣнія вашего высокопревосходительства, сами по себѣ важныя и сильныя, ни упоминаніе въ нихъ Высочайшаго именнаго указа, съ трепетомъ исполняться долженствуемаго, здѣсь ничто не важно. Ваше высокопревосходительство прочетши сіе изволите удивиться и съ ужасомъ сказать, что я измѣняю. Однако нѣтъ!».

За этимъ слѣдуетъ приведенное извѣстіе. По полученіи его «велѣлъ я», продолжаетъ Державинъ, «Серебрякову и Герасимову, тотчасъ взять по выбору ихъ людей надежныхъ 20 человѣкъ, ѣхать туда и если можно переловить ихъ. Я сдѣлалъ было приказы какъ къ экономическимъ, такъ и къ дворцовымъ дѣламъ [10]), предписавъ имъ, чтобы каждыя отъ себя отпустили по 10-ти человѣкъ. Дворцовый управитель по приказанію сдѣлалъ, а экономическій

9) Въ 1763 году отведены были земли между Саратовомъ и Астраханью, по луговой сторонѣ Волги, для поселенія иностранныхъ хлѣбопашцевъ. Для ближайшаго же управленія надъ колонистами, въ 1766 г. учреждена въ Саратовѣ особая контора, которая имѣла права, равныя съ другими коллегіальными мѣстами. Памятная книжка Саратовской губерніи за 1858 годъ. Очеркъ исторіи Саратовскаго края, Н. И. Костомарова.

10) Экономическими и дворцовыми дѣлами назывались тогда самыя управленія, завѣдывавшія этими дѣлами.

нѣтъ, не только людей не далъ, но ниже велитъ лошадей давать къ посылкѣ по дѣлу сему надобныхъ. Этого мало, что не уважаетъ онъ самъ ввѣренную мнѣ вашимъ высокопревосходительствомъ коммисію, но влагаетъ въ подчиненныхъ и въ дворцовыхъ крестьянъ самую худую мнѣ надежду отъ нихъ имѣть при случаѣ помощь. Съ огорченіемъ моимъ долженъ я о томъ извѣстить ваше высокопревосходительство».

Прилагая отвѣтъ казначея въ подлинникѣ, Державинъ прибавляетъ: «Г. казначей предписываетъ мнѣ, чтобъ я о томъ давалъ ему знать, чего ему знать не должно». За этимъ слѣдуетъ нѣсколько зачеркнутыхъ строкъ, въ которыхъ можно только разобрать, что Тишинъ требовалъ у Державина отчета въ его дѣйствіяхъ и что послѣдній жалуется на непріятности, дѣлаемыя ему первымъ. «Я приказывалъ ему для всякаго случая, еслибъ толпа злодѣевъ прорвалась, приготовить нѣсколько людей, что бъ онъ сдѣлать долженъ былъ самъ, но онъ не движетъ никуда».

Казначей, на котораго Державинъ здѣсь жалуется, былъ Василій Ермолаевичъ Тишинъ, который въ послѣдствіи, какъ мы увидимъ, погибъ отъ Пугачева ужасною смертью со всѣмъ своимъ семействомъ.

Въ то же время Державинъ отправилъ уже извѣстную намъ инструкцію Серебрякову и Герасимову (стр. 21), одобряя ихъ дѣйствія на Иргизѣ и поручая дѣйствовать такимъ же образомъ на Узеняхъ.

Тогда же (31 марта) Державинъ учтивымъ письмомъ просилъ Кречетникова дать ему человѣкъ 20 или 30 казаковъ. «Если же вашему пре-ву пожаловать оныхъ отъ себя некого, то покорнѣйше прошу приказать стоящимъ на форпостахъ около Шафгаузена (крайней колоніи) толикому числу быть въ полномъ моемъ вѣдѣніи» (№ 37).

Между тѣмъ Державинъ получилъ 6 апрѣля письмо отъ Бибикова, который опять изъявляетъ ему «признаніе и удовольствіе за усердное стараніе о исполненіи возложеннаго на него дѣла» (№ XI), и соглашаясь на просьбу Державина о разрѣшеніи ему брать вооруженныхъ людей изъ Саратова, прилагаетъ ордеръ о томъ въ *контору опекунства иностранныхъ*, съ предпи-

саніемъ, чтобы начальникъ команды, которая будетъ отпущена, «непремѣнно и дѣйствительно исполнялъ» указанія Державина. Тутъ же Бибиковъ сообщалъ радостную вѣсть, что Пугачевъ былъ совершенно разбитъ княземъ Голицынымъ подъ крѣпостью Татищевою.

Кречетниковъ еще днемъ ранѣе получилъ отъ главнокомандующаго то же извѣстіе и въ слѣдствіе этого отправилъ всѣхъ казаковъ, какіе у него оставались, въ степь къ городу Яицку, на Узени, для поимки разбѣжавшихся мятежниковъ. Отвѣчая Державину, онъ опирается на это обстоятельство, какъ на причину, почему не можетъ исполнить его просьбы, и совѣтуетъ ему присоединиться къ премьеръ-маіору Шевичу, который командовалъ Сербскими гусарами и которому теперь велѣно было также сдѣлать разъѣздъ къ Яику, «а притомъ», заключаетъ губернаторъ, «съѣхавшись съ вами поступить и по вашимъ наставленіямъ, и потому можете въ нужномъ употребленіи пользоваться уже не малѣйшимъ числомъ казаковъ, а цѣлыми эскадронами» (№ XII).

Позволеніемъ Бибикова требовать помощи отъ опекунской конторы Державинъ воспользовался на другой же день, и написалъ ей, чтобъ она велѣла своимъ фузелернымъ ротамъ выступить, взявъ провіанта на полмѣсяца, и расположиться въ верхней колоніи Шафгаузенъ, гдѣ и крейсъ-коммисары будутъ оказывать этому отряду содѣйствіе.

Тогда же Державинъ снова писалъ Кречетникову. Не упоминая вовсе о полученномъ отъ него отказѣ, онъ ссылается на прибывшее отъ Бибикова извѣстіе о пораженіи Пугачева подъ Татищевой и увѣдомляетъ, что «просилъ опекунскую контору приказать своимъ ротамъ выступить и расположиться ближе къ Иргизу, гдѣ были ваши форпосты въ колоніи Шафгаузенъ. Ваше превосходительство еще прежде сего проникли и надобность сію предусмотря изволили послать туда казаковъ, но какъ ихъ противъ тысячи человѣкъ злодѣевъ мало, то опекунскія роты и могутъ подкрѣплять ихъ. Я имѣю тамъ лазутчиковъ, которые, тайно провѣдывая, могутъ давать знать, гдѣ потребны силы. Въ таковомъ случаѣ всенижайше прошу ваше пре-во приказать посланнымъ вашимъ казакамъ содѣйствовать имъ какъ по пред-

ложеніямъ моимъ, такъ по извѣстіямъ находящихся тамо моихъ лазутчиковъ» (№ 13).

Контора уже черезъ три дня отвѣчала, что она отправила въ назначенное мѣсто 60 фузелеровъ съ офицерами и двумя пушками и въ то же время приказала состоящимъ по луговой сторонѣ коммисарамъ, капитанамъ Шилю и Вильгельму и поручику Иванову, также польскому подполковнику Гогелю отослать имѣющихся при нихъ фузелеровъ [1]) и казаковъ къ Державину, съ тѣмъ чтобы они присоединились къ Саратовской командѣ. Контора прибавила, что она изъ Саратова не можетъ дать казаковъ, потому что ихъ 56 человѣкъ взято уже Астраханскимъ губернаторомъ и отправлено въ колонію Шафгаузенъ.

Такимъ образомъ Державинъ, при самомъ приступѣ къ выполненію своего плана принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, встрѣтилъ препятствіе съ двухъ сторонъ: отъ казначея Тишина и отъ Астраханскаго губернатора. Съ первымъ ему легко было сладить. На жалобу свою онъ получилъ 15 апрѣля изъ Казани очень удовлетворительный отвѣтъ. Бибиковъ былъ уже безнадежно боленъ. По порученію его, 9 апрѣля, слѣдовательно въ самый день кончины военачальника, писалъ его родственникъ, избранный командиромъ Казанскаго ополченія, генералъ-маіоръ Ларіоновъ, вскорѣ убѣдившій всѣхъ, что онъ недостоинъ былъ этого выбора. На это-то мѣсто поступилъ въ послѣдствіи славный Михельсонъ. «Его высокопревосходительство», такъ начиналось письмо Ларіонова, «съ крайнимъ огорченіемъ внималъ поступокъ экономическаго казначея поручика Тишина. По крайней слабости, приключившейся ему отъ болѣзни, не можетъ онъ самъ ничего подписывать, а приказалъ мнѣ отъ себя сему казначею послать ордеръ, чтобъ онъ немедленно приказаніе ваше исполнилъ и никогда не смѣлъ отговариваться. Сіе снисхожденіе показывается ему для того, чтобъ онъ особливымъ радѣніемъ и стараніемъ о исполненіи вами ему предписываемаго вину свою загладилъ. И чтобъ никакой надежды на экономическое правленіе не полагалъ и волѣ вашей пови-

1) Всего Державинъ получилъ 120 фузелеровъ. № 28.

новался, о томъ и въ оное правленіе предложеніе послано» (№ XVIII).

Тишинъ, то дерзкій, то подобострастный, смотря по обстоятельствамъ, долженъ былъ смириться и дать Державину людей, но тотъ все еще не былъ доволенъ, и вскорѣ писалъ Тишину: «Рапортъ вашъ получилъ и о назначенныхъ вами сотникѣ и десятскихъ теперь свѣдѣніе имѣю; но только нельзя статься тому, чтобъ толь малое число у васъ людей было; изъ вашего рапорта я только вижу готовыхъ 180 человѣкъ. Волость ваша съ уѣздными деревнями велика. Постарайтесь, чтобъ количество людей было больше. Пушки, ежели таковы, какъ у дворцоваго вѣдомства я видѣлъ, то не годятся и сіе отставить» (№ 38).

Труднѣе было Державину бороться съ упрямымъ Кречетниковымъ. Получивъ въ томъ же письмѣ Ларіонова извѣстіе, что Пугачевъ, вторично разбитый княземъ Голицынымъ, пробрался въ Башкирію и намѣренъ оттуда непремѣнно проникнуть на Яикъ, Державинъ рѣшился во что бы ни стало итти на спасеніе Яицкаго городка, о чемъ и писалъ князю Голицыну: «Отъ 12 числа сего мѣсяца получилъ я отъ посланнаго нарочно на Яицкіе злодѣйскіе хутора, также и бѣжавшихъ оттуда крестьянъ, извѣстіе, что Яицкій г. комендантъ уже въ крайнемъ изнеможеніи; а его превосходительство П. Д. Мансуровъ хотя идетъ освободить его, однакожъ онъ за разлитіемъ водъ достигнуть онаго не можетъ, то чтобъ не упустить время и подать крайне утѣсненному гарнизону помощь, я по предложенію его высокопревосходительства изъ Малыковскихъ крестьянъ съ 800 человѣкъ и съ нужною присланною артиллеріею на освобожденіе города команду сію спѣшу (?) повесть (?)» (№ 34). Но для этого Державину необходимо было напередъ преклонить Кречетникова къ содѣйствію себѣ. Вотъ почему онъ и писалъ губернатору: «Высокородный и превосходительный г. генералъ-маіоръ, кавалеръ и Астраханской губерніи губернаторъ, милостивый государь! Сейчасъ получилъ я отъ развѣдывальщиковъ моихъ достовѣрное извѣстіе, что осажденный городъ Яикъ въ крайнемъ утѣсненіи и комендантъ за усилившимся голодомъ намѣренъ уже сдаться; и такъ я разсудилъ съ прибывшею изъ Са-

ратова командою его сикурсовать и изъ Малыковки доставить ему провіанту; того ради ваше превосходительство еще симъ всепижайше прошу о посланіи вашего приказа казакамъ посланнымъ на Иргизъ, чтобъ были у меня въ повелѣніи, и также съ посланными отъ васъ нарочно благоволите откуда надлежитъ истребовать и прислать пороху и прочихъ артиллерійскихъ снарядовъ для коменданта Яицкаго, ежели онъ освободится. Теперь же тѣмъ паче надлежитъ ускорить сею экспедиціею, что злодѣй по недавно полученному мною ордеру отъ его высокопревосходительства еще разбитъ, — осаждающихъ силы слабы и за разлитіемъ водъ подкрѣпиться имъ не откуда. Время очень дорого и я ничуть не мѣшкавъ съ Божіею помощію предпріятіе свое въ дѣйство производить буду; благоволите ваше превосходительство наискорѣе пожаловать мнѣ желанную отъ васъ помощь, безъ которой ничего начать нельзя» (№ 8).

Въ то же время Державинъ (№ 28, 18 апр.) требовалъ еще людей отъ опекунской конторы, увѣдомляя и ее о своемъ намѣреніи и прося «собрать еще сколько можно, какъ фузелеръ, такъ и казаковъ, и ничуть не мѣшкавъ приказать выступить въ полный маршъ въ команду г. Елчина», капитана артиллеріи, подъ начальствомъ котораго находились прежде высланные люди; «а онъ, прибавлялъ Державинъ, уже въ путь свой маршируетъ и будетъ дожидаться оной команды 22 числа сего мѣсяца на р. Иргизѣ въ селѣ Красномъ Ярѣ»[2]). Бригадиръ Лодыжинскій, начальникъ опекунской конторы, который отъ имени ея переписывался съ Державинымъ, испугался замысловъ его для своей команды, и отвѣчая ему, что болѣе людей нѣтъ, писалъ въ то же время: «Контора за нужное находитъ вамъ напомянуть, что она при случаѣ перваго требованія вашего не уповала, что отправленная предъ симъ команда на Яикъ отдалена будетъ, а чаяла, что она останется въ колоніяхъ, или по близости оныхъ, откуда можно бъ было въ случаѣ нужды и сюда ихъ возвратить. *Почему и требуетъ нынѣ скорѣйшаго всѣхъ сихъ людей возвращенія въ Саратовъ*, дая вамъ знать, что отпущенное къ вамъ малое

2) Этого Краснаго Яра не должно смѣшивать съ тѣмъ, о которомъ выше говорили и который на р. Соку. Есть еще третій Красный Яръ — одна изъ Саратовскихъ колоній.

число военныхъ людей дано единственно въ салвогвардію поселившимся кругъ Саратова колонистамъ и для содержанія ихъ въ послушаніи, почему и во все бъ нынѣшнее военное время никуда отлучаемы онѣ не бывали» (№ XXII).

На это Державинъ отозвался конторѣ уклончиво, что ея люди «конечно задержаны болѣе мѣсяца не будутъ и опять къ конторѣ опекунства иностранныхъ возвратиться имѣютъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы окончательно успокоить контору, онъ обѣщалъ ей донести Бибикову о усердіи, съ какимъ она оказывала ему помощь (87). Онъ еще не зналъ, что Бибиковъ скончался болѣе недѣли предъ тѣмъ, въ тотъ самый день, 9 апрѣля, когда Ларіоновъ писалъ къ нему по порученію умиравшаго уже главнокомандующаго.

Между тѣмъ Кречетниковъ на первую просьбу Державина о подкрѣпленіи казаками его команды, посланной на Иргизъ, прислалъ рѣшительный отказъ (XX), доказывая, что это не только не удобно, но и не возможно, такъ какъ взятые губернаторомъ казаки посланы имъ, для наблюденія надъ мятежниками, на Узени и далѣе къ Яицкому городку, слѣдовательно могутъ быть въ верстахъ въ 300 отъ Иргиза. Вмѣсто того Кречетниковъ опять совѣтовалъ ему обратиться къ маіору Шевичу, который имѣлъ порученіе дѣйствовать партіями своихъ гусаръ изъ Самары, «откуда, писалъ Кречетниковъ, рѣка Иргизъ разстояніе имѣетъ верстъ на 60, о чемъ отъ меня вамъ персонально и сказано». Но соединиться съ Шевичемъ Державинъ не имѣлъ никакой охоты, потому вѣроятно, что будучи моложе чиномъ, не хотѣлъ подвергаться зависимости или неизбѣжнымъ столкновеніямъ, хотя Кречетниковъ и прибавлялъ, что Шевичу велѣно, «если гдѣ съѣдется съ вами, то поступать по вашимъ наставленіямъ».

Оскорбленный Державинъ, все еще не подозрѣвая, что Бибикова нѣтъ уже на свѣтѣ и совсѣмъ собравшись въ походъ, написалъ 21 апрѣля длинный рапортъ къ своему начальнику съ похвалами опекунской конторѣ и съ жалобами на Кречетникова. Письма послѣдняго онъ даже приложилъ къ этому рапорту. Будучи обязанъ стеречь Пугачева на опредѣленныхъ мѣстахъ, Державинъ по настоящему не имѣлъ права предпри-

нимать похода въ другую сторону. Онъ самъ это чувствовалъ, и потому, увѣдомляя начальника о своемъ предпріятіи, счелъ нужнымъ въ оправданіе свое упомянуть, что до времени нельзя ожидать прибытія Пугачева на Волгу для укрывательства. Объяснивъ въ началѣ рапорта положеніе дѣлъ, онъ потомъ продолжаетъ: «Предложеніемъ въ опекунскую контору имѣя способы, имѣя время доколь злодѣй не покусится укрываться сюда, предпріялъ я городъ Яикъ отъ осады освободить, доставить ему на первый случай какъ провіанту, такъ и снарядовъ. Не можно вашему высокопревосходительству довольно изобразить, сколько показала опекунская контора раченія исполнить предложеніе ваше. Сколь скоро сначала я потребовалъ нѣкоторой команды, чтобъ на крайнихъ вѣдомства ея колоніяхъ, лежащихъ къ Иргизу и къ Узенямъ, ей расположась быть готовою стражею, какъ на отрѣзаніе злодѣя отъ степей Киргизъ-Кайсацкихъ, такъ и на воспященіе, ежели бъ онъ еще возникъ, еще былъ силенъ и хотѣлъ вмѣсто Башкиріи чрезъ селенія Иргиза съ толпою пролиться въ здѣшнюю сторону, тотчасъ она сіе и исполнила. Потомъ, по предпріятіи теперь идти на Яикъ, просилъ я отъ нея пороху и снарядовъ, чтобъ снабдить тѣмъ Яицкаго коменданта, которое все чрезъ 24 часа и получилъ. Команды теперь ея у меня, идущей уже въ Яикъ, фузелеровъ съ тремя пушками подъ предводительствомъ отъ артиллеріи г. капитана Елчина, 200 человѣкъ. Напротивъ того, отъ его превосходительства г. Астраханскаго губернатора я никакой себѣ помощи не имѣю, и ежели бъ ваше высокопревосходительство о томъ не изволили къ нему писать, то бъ это было все равно. Опекунская контора о требованныхъ мною казакахъ отозвалась, что она ихъ всѣхъ до предложенія еще вашего высокопревосходительства отдала г. губернатору. По тремъ моимъ всенижайшимъ его превосходительства (sic) просьбамъ и по четвертой, что я хочу освобождать Яикъ, я ни одного человѣка казаковъ имѣть не могъ. Его превосходительство, не имѣя никакого о свободѣ Яика извѣстія, послалъ туда для разъѣзду тѣхъ казаковъ, которые однако ничего не дѣлаютъ, и въ степь безъ провіанту и фуражу ѣхать не могутъ, а стоятъ на Иргизѣ въ селѣ Мечетномъ и озорничаютъ по жителямъ. Все сіе съ

наставленіемъ, даннымъ мнѣ вашимъ высокопревосходительствомъ, чтобъ на Иргизѣ и въ Узеняхъ никакъ людей не устращивать, уже не сходно. Потребно вашего высокопревосходительства въ семъ случаѣ разсмотрѣніе и воля. Но чтобъ возвратиться къ моему предпріятію, корпусъ нашъ, движимый подъ Яикъ, состоять будетъ, какъ выше я вашему высокопревосходительству доносилъ, изъ двухъ сотъ человѣкъ пѣхоты, да конницы Малыковскихъ обывателей, людей проворныхъ, сто пятьдесятъ, да Донскихъ казаковъ, находящихся на Иргизѣ по повелѣнію его превосходительства г. губернатора, которые яко опекунскіе, то я, по предложенію вашего высокопревосходительства, доѣхавъ туда ихъ и возьму и препоручу въ команду господину капитану Елчину, яко офицеру достойному [3]) и старшему и всѣмъ корпусомъ командовать имѣющему. Но чтобъ усердію въ службѣ нашей Всемилостивѣйшей Государынѣ ни что иное, кромѣ самой моей жизни, въ предѣлъ не полагать, то я при сей экспедиціи буду и самъ. Я кажется буду имѣть время выиграть и сіе предпріятіе и паки возвратясь успѣть стеречь тайно въ сѣти мятежника. Лазутчики мои оставлены и на прежнемъ есть основаніи. По удаленіи злодѣя въ Башкирію, если ему быть сюда, то уже будетъ не скоро. Ежели предваритъ меня въ свободѣ Яика его превосходительство Павелъ Дмитріевичъ [4]), то я, кажется, ваше высокопревосходительство, никакой иной проступки не сдѣлаю, кромѣ, что дамъ людямъ напрасный маршъ. Хотя я еще имѣю пожалованной вашимъ высокопревосходительствомъ экстраординарной суммы; но какъ оная не на то, въ требованіи также, чтобъ не пропустить время, то и взялъ я провіантъ для отвоза въ Яикъ сто четвертей отъ извѣстнаго уже вашему высокопревосходительству г. подпоручика Максимова изъ его деревни, которымъ провіантомъ онъ меня, желая чрезъ сіе своей Самодержицѣ показать услугу, съ радостію и снабдилъ. Сего 21 числа провіантъ и съ людьми изъ Малыковки чрезъ Волгу отправляю и велю, догнавъ марширующую команду, съ ней соединиться. Г. казначею, въ заслугу преступленія его, въ сходствіе вашего высокопревосходи-

3) Елчинъ впослѣдствіи не оправдалъ этого отзыва и былъ смѣненъ.
4) Мансуровъ.

тельства мнѣ ордера, доставилъ я случай показать его усердіе препровожденіемъ провіанта чрезъ сорокъ верстъ до марширующей команды. Посланнаго нарочно на Яикъ сказку, а бѣжавшихъ оттуда допросъ вашему высокопревосходительству при семъ прилагаю» (№ 54).

И такъ 21 апрѣля Державинъ выступилъ въ походъ [5]). Но уже на другой день онъ на пути встрѣтилъ посланнаго имъ въ Яицкъ старца Іова съ слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ отъ генерала Мансурова: «Государь мой Гаврило Романовичь! Извѣстный мнѣ Малыковскій старецъ Іовъ, претерпя здѣсь важныя истязанія, вырванъ, прибытіемъ моимъ на сикурсъ бѣднаго здѣшняго гарнизона, изъ челюстей смерти. Онъ подлинно, какъ вамъ доносить будетъ, откупалъ время жизни своей деньгами, занимая здѣсь. Я завладѣлъ Яикомъ, побивъ два раза сихъ изверговъ, и вступилъ въ него вчера. Впрочемъ съ моимъ прямымъ почтеніемъ государя моего покорный и вѣрный слуга П. Мансуровъ» (№ XXI, 17 апр.).

Такимъ образомъ походъ Державина былъ остановленъ въ самомъ началѣ. Однакожъ, поздравляя Мансурова съ занятіемъ Яицка и сообщая ему о своемъ прерванномъ предпріятіи, Державинъ спрашивалъ: «Не остаться ли командѣ въ маршѣ, чтобъ сюда бѣгущихъ злодѣевъ перехватывать, или они уже по разбитіи вашимъ превосходительствомъ всѣ истреблены или въ плѣнъ захвачены? а команду я взялъ изъ Саратова на время. Также не надобенъ ли для г. коменданта приготовленный мною для него провіантъ, сто четвертей оржаной муки, и снаряды, которые я было для него взялъ»? Обстоятельство, что Іовъ попался въ руки Пугачева, тогда какъ онъ долженъ былъ играть роль его приверженца, возбудило въ Державинѣ подозрѣніе на счетъ этого человѣка, и потому въ письмѣ своемъ къ Мансурову онъ еще спрашивалъ: «Захваченные вашимъ превосходительствомъ въ Яицкѣ злодѣи по строгомъ ихъ разспросѣ не докажутъ ли, что они имѣли съ здѣшними раскольниками, а особливо въ бытность мою здѣсь, переписку, ибо мнѣ чудно, что ни одинъ шпіонъ, посланный мною на Яикъ, ко мнѣ не

5) Въ первой редакціи рапорта Бибикову положительно сказано: «Сего же 21 числа въ путь выступаю» (№ 72).

возвращался, даже и сей самый Іовъ, имѣя важныя наставленія въ разсужденіи Пугачева, попался къ нимъ въ руки. Неужто былъ онъ столь не расторопенъ, что самъ себя открыть могъ?» (№ 24).

Сомнѣнія Державина относительно Іова выражены имъ еще полнѣе и положительнѣе въ позднѣйшемъ письмѣ къ Мансурову же, гдѣ онъ между прочимъ говоритъ: «По смятности его разсказовъ для меня его похожденія непонятная загадка. Какъ онъ раскольникъ, а они всѣ подозрѣваются въ доброжелательствѣ къ злодѣю, то не было ли отъ него вмѣсто услуги какихъ пакостей?» (№ 19, въ маѣ).

Послѣ носился слухъ, прибавляетъ Державинъ въ Запискахъ своихъ: что Іовъ и товарищъ его Дюпинъ, по словамъ его убитый, сами пришли къ женѣ Пугачева Устиньѣ, объявили о своемъ порученіи и открыли письмо къ Симонову. Но это, какъ думаетъ Державинъ, также было полезно, потому будто что Пугачевъ, узнавъ такимъ образомъ о мѣрахъ взятыхъ на Волгѣ, не рѣшился вторгнуться внутрь имперіи. Въ одно время съ письмомъ къ Мансурову Державинъ отправилъ и къ Бибикову послѣдній свой рапортъ (№ 61), въ которомъ увѣдомляетъ его о новыхъ обстоятельствахъ и отдаетъ отчетъ въ израсходованіи 400 руб., полученныхъ имъ въ Казани. Въ тотъ же день (24 апрѣля) Державинъ получилъ два весьма непріятныя письма отъ Кречетникова. Одно было отвѣтомъ на извѣщеніе о предпринятомъ имъ походѣ. Губернаторъ въ саркастическомъ тонѣ доказываетъ неосновательность доставленныхъ Державину свѣдѣній о Яицкѣ и выставляетъ противорѣчіе между тѣмъ, что мятежники около этого города въ слабыхъ силахъ, и тѣмъ, что однакоже комендантъ его уже намѣренъ сдаться. Пугачевъ, пишетъ онъ, разбитъ и гонимъ не къ Яицку, а въ другую сторону, и притомъ на освобожденіе этой крѣпости посланъ генералъ Мансуровъ: слабому непріятелю теперь ужъ не до насилія, онъ долженъ думать только о своемъ спасеніи. «То и кому жъ бы оставалось Яицкой городокъ стѣснять? И кому жъ бы коменданту сдѣлать сдачу, совсѣмъ мнѣ непонятно, и получаемыя вами чрезъ своихъ шпіоновъ простаковъ-крестьянъ извѣстія противъ сего ни мало не

сообразительны». Поэтому, такъ какъ къ Яицку командированъ уже генералъ-маіоръ, который въ настоящую пору можетъ быть успѣлъ ужъ и дойти туда и освободить городъ, отъ васъ же разстояніе до него неблизкое, притомъ и тѣ казаки на Узеняхъ не стоятъ въ бездѣйствіи, «то объ освобожденіи Яицка и заботиться вамъ, мнится мнѣ, большія нужды не настоитъ. Вы полученное отъ меня письмо отправили къ его высокопревосходительству Александру Ильичу (Бибикову); оное вами учинено весьма благопристойно, которое получа его высокопревосходительство, какъ мнѣ въ службѣ современникъ, всемѣрно распоряженія мои изволитъ въ тонкость знать, что я въ нихъ ошибиться не могу, въ препровожденіе чего желательно мнѣ, чтобъ вы и сіе мое письмо постарались къ нему жъ доставить, а самому вамъ совѣтую».... Здѣсь Кречетниковъ опять повторяетъ, съ обстоятельнымъ объясненіемъ, свой прежній совѣтъ Державину дѣйствовать совокупно съ маіоромъ Шевичемъ; «а въ семъ мѣстѣ, гдѣ вы находитесь, знатнаго не только дѣлать, ниже извѣстія быть можетъ; а инако, если вамъ желательно истину о состояніи Яика вѣдать, то не разсудите ль пріѣхать ко мнѣ въ Саратовъ, гдѣ все подробно отъ меня и получите, да и въ посылаемыхъ письмахъ вашихъ о пребываніи мѣста изъяснять, чтобъ я видѣть могъ, куда мнѣ письма свои къ вамъ отправлять» (№ XXIII).

Другое письмо отъ Кречетникова, полученное вслѣдъ за этимъ, но писанное днемъ позже, должно было подѣйствовать на Державина еще сильнѣе. «Къ крайнему всѣхъ сожалѣнію сего числа получилъ я чрезъ нарочнаго курьера сообщеніе изъ Казани отъ князя Ѳ. Ѳ. Щербатова и къ нему по дошедшему репорту отъ генералъ-маіора Ларіонова, что А. И. Бибиковъ, нѣсколько дней болѣвъ въ Бугульмѣ, 9-го числа сего мѣсяца скончался, и по немъ главную команду надъ ввѣренными ему войсками и поисками злодѣевъ принялъ его сіятельство и отправился уже изъ Казани въ Бугульму, о чемъ вамъ для свѣдѣнія и дается знать» (№ XXIV).

Легко представить себѣ, какъ огорчило Державина извѣстіе объ утратѣ любимаго имъ начальника, которому онъ былъ уже такъ много обязанъ и отъ котораго могъ еще болѣе ожидать

въ будущемъ. Не могло ему быть пріятнымъ и то, что онъ получилъ это извѣстіе отъ лица, которое до сихъ поръ не показало ему никакого благорасположенія. Державинъ въ своихъ Запискахъ не упоминаетъ вовсе объ этомъ письмѣ Кречетникова, а говоритъ только о письмѣ князя Щербатова, которое гораздо позже, отъ 2 мая, сообщало ему то же печальное извѣстіе. Въ отвѣтѣ Кречетникову онъ выражается такъ о своемъ горѣ: «Сколь должно о лишеніи сожалѣть всѣхъ честныхъ, добродѣтельныхъ, Богу, Монархамъ и отечеству своему вѣрныхъ и заслугу оказавшихъ людяхъ, столь сѣтованіе мое велико и о семъ не только по имени заслуженномъ мужѣ» (№ 86, 25 апр.).

Но прежде этого Державинъ отвѣчалъ Кречетникову на первое изъ двухъ приведенныхъ писемъ и доказывая, что о состояніи Яицка имѣлъ вѣрныя извѣстія, въ оправданіе свое между прочимъ говорилъ: «Должно ли же, имѣючи способы, въ ордерахъ его высокопревосходительства на волю мою довѣренность мнѣ порученную употребить въ безпечность и быть чрезъ то своей Самодержицѣ рабу нерадивому? Какое бы я сдѣлалъ важное преступленіе, ежели бы я учинилъ и тщетный маршъ? Пускай кто хочетъ мечтательные страхи въ предлогъ себѣ беретъ, а я, ежели бы ускорило предложеніе его высокопревосходительства въ контору опекунства иностранныхъ, то бы еще зимой, прося ея команды и жертвуя жизнію своею, Яикъ освободить постарался». Что же касается до предложенія присоединиться къ Шевичу, Державинъ объяснялъ, что на это онъ не имѣлъ приказанія и давалъ разумѣть, что дѣйствовалъ по тайнымъ предписаніямъ, которыхъ не могъ открыть и самому губернатору. «Г. Шевича мнѣ велѣно было, какъ я доносилъ словесно вашему превосходительству, ждать; то простите мнѣ, тутъ были сокровенныя причины въ разсужденіи тогдашнихъ обстоятельствъ. Кому я могу тайну возвѣстить? Ежели бы мнѣ не предписано было требовать отъ вашего превосходительства себѣ помощи, то бы я никакъ безпокоить васъ не отважился. На Узеняхъ вашего превосходительства казаки будутъ поступать по вашимъ наставленіямъ; всякой долженъ быть увѣренъ, что сіи наставленія соотвѣтствуютъ важности, разуму

и силѣ особы вашего превосходительства; но чтожъ мнѣ дѣлать, ежели повѣрено мнѣ съ мѣста высшаго особливое и моей тайности токмо надлежащее сдѣлать во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ распоряженіе? И такъ по двумъ приказаніямъ и двумя подначальствующими тамъ будутъ происходить двоякія дѣйствія. Кто вѣдаетъ, что другъ другу не противныя, и это дѣйствительно статься можетъ. Развѣдывальщиковъ же моихъ мужиковъ-простаковъ его высокопревосходительство самъ избралъ и мнѣ поручилъ». Наконецъ на приглашеніе пріѣхать въ Саратовъ за вѣрными извѣстіями Державинъ очень учтиво отвѣчалъ: «Теперь я жду отъ его превосходительства Павла Дмитріевича на мои прошенія извѣстія, и ежели получу и не буду имѣть надобности быть въ здѣшнихъ мѣстахъ, то и не укосню быть къ вашему превосходительству съ моимъ нижайшимъ почтеніемъ, какъ и навсегда съ неизреченною преданностію есмь» и пр. (№ 27).

Кречетниковъ не оставилъ и этого письма безъ отвѣта. Поблагодаривъ Державина за первую вѣсть объ успѣхахъ Мансурова, онъ продолжаетъ: «Выраженная жъ въ томъ письмѣ ваша ревность и усердіе къ службѣ Ея Императорскаго Величества и къ всему отечеству и что вы всѣми силами тщились спомощи городу Яику, она столь достохвальна, что всякъ, видя толь сильное ваше движеніе, съ нѣкоторымъ восхищеніемъ васъ похвалилъ бы, но, государь мой, было то гораздо поздо; еслибъ это было въ исходѣ декабря, а по крайней мѣрѣ въ началѣ генваря, то бъ весьма г. Симоновъ, какъ доказано самымъ дѣломъ, почтенной комендантъ, воспользовался, и потому-то я безъ сумнѣнія былъ, что Павелъ Дмитріевичъ прежде въ Яикѣ будетъ, нежели вы еще съ мѣста тронуться можете, что теперь самымъ дѣломъ и вы видите сами, и потому и мое провидѣніе опорочить не можете, да и военное ремесло того требуетъ, чтобъ предупреждать зло, а не во время зла его отвращать, почему я вамъ и совѣтовалъ, чтобъ не оставить ли сію заботу, ибо отъ Оренбурга до Яика жиломъ двѣсти пятьдесятъ верстъ, а отъ васъ дикою степью до пяти сотъ верстъ, то и натурально тому быть нельзя, чтобъ отъ той стороны не прежде сдѣлано было». Въ концѣ этого письма была собственноручная приписка

Кречетникова: «Сейчасъ возвратился тотъ самый курьеръ, кой при васъ отправленъ былъ, и привезъ къ вамъ въ моемъ пакетѣ письмо, кое при семъ посылаю, между тѣмъ по надписи вижу васъ порутчикомъ, то ежели вы перемѣнены, то всеусердно имѣю честь поздравить, желая, чтобъ безъ замедленія и высшими преимуществами воспользоваться» (*№* XXV).

Это извѣстіе о своемъ производствѣ Державинъ получилъ 30 апрѣля. Въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1774 г. (Прибавленіе къ *№* 29, 11 апрѣля) имя Державина напечатано въ числѣ 14 подпоручиковъ Преображенскаго полка, произведенныхъ въ слѣдующій чинъ вмѣстѣ со множествомъ другихъ офицеровъ гвардейскихъ полковъ. Въ главѣ же этихъ производствъ стоитъ имя генералъ-поручика Григорія Александровича Потемкина, который *особливымъ указомъ* 15 марта пожалованъ былъ въ подполковники Преображенскаго полка и такимъ образомъ сдѣлался сослуживцемъ Державина. Было ли производство послѣдняго въ связи съ его дѣйствіями въ Казани, сказать не можемъ за неимѣніемъ положительнаго о томъ свидѣтельства.

II. По смерти Бибикова до поѣздки Державина въ Саратовъ.

Послѣ кончины Бибикова начинается для Державина новый періодъ дѣятельности по участію въ мѣрахъ противъ Пугачева. Такъ какъ теперь уже нельзя было ожидать, что Пугачевъ скоро будетъ искать убѣжища около Волги, то и назначеніе Державина на время измѣняется: сами генералы, съ которыми онъ находится постоянно въ непосредственныхъ сношеніяхъ, предписываютъ ему дѣйствовать вооруженною силой. Разсмотрѣніе любопытнѣйшаго изъ этой переписки ознакомитъ насъ съ подробностями новаго его положенія. Князь Щербатовъ, принявъ дѣла послѣ Бибикова, писалъ Державину 2 мая: «Изъ всѣхъ рапортовъ вашихъ къ покойному усматриваю я похвальныя распоряженія ваши по силѣ возложеннаго на васъ дѣла [6]); но и теперешн-

6) Щербатовъ имѣлъ о Державинѣ очень хорошее мнѣніе, какъ видно изъ письма Кологривова къ послѣднему отъ 9 мая: «Что̀ъ касается до комиссіи ва-

нія, а особливо предпріятіе ваше къ освобожденію тѣснимаго въ Яицкомъ городкѣ съ гарнизономъ полковника Симонова, не менѣе хвалы достойны». За тѣмъ увѣдомляя, что по занятіи Яицка Мансуровымъ, мятежники побѣжали въ степь, и полагая, что они, отправляясь къ Гурьеву городку, не оставятъ въ покоѣ и тѣхъ мѣстъ, гдѣ находился Державинъ, генералъ предписывалъ ему употребить собранный имъ отрядъ на истребленіе этой шайки. Въ заключеніе прибавлялъ: «Наконецъ не сумнѣваюсь я, чтобъ смертію покойнаго генералъ-аншефа Бибикова ослабѣть могло теченіе дѣлъ возложенной на васъ экспедиціи, или чтобъ ревностныя старанія ваши къ достиженію желаемой отъ нея пользы умалились. Оставшись по немъ предводителемъ дѣлъ къ пользѣ общественной, пріятно мнѣ столько же будетъ о пріобрѣтеніи вамъ особливой чести стараться, сколько полагаюсь я на искусство и благоразуміе ваше. И буду о успѣхахъ ожидать частыхъ вашихъ увѣдомленій» (№ XXXI).

Съ такимъ же уваженіемъ одновременно писалъ къ Державину и Мансуровъ изъ Яицка; одобряя его распоряженія, и онъ совѣтовалъ ему употребить воинскую команду на поискъ отъ самой Малыковки вверхъ по Иргизу. Предложеніе же Державина доставить въ Яицкъ приготовленные имъ съѣстные припасы и снаряды Мансуровъ принялъ съ благодарностью и отвѣчалъ, что вышлетъ на встрѣчу имъ конвой до мостовъ Иргиза (№ XXX).

Отвѣтъ Державина Щербатову начинается такъ называемыми протестаціями, въ которыхъ, разумѣется, отразился характеръ того времени. Вспомнимъ, что судьба долго была особенно сурова къ Державину и мы поймемъ, что всякая улыбка счастья должна была льстить ему. «Ваше сіятельство изволите милостиво повелѣвать мнѣ, чтобъ я не ослабѣвалъ въ должности моей лишеніемъ командира великодушнаго, милостиваго и мнѣ особливые знаки довѣренности поручившаго, но какъ бы я отъ сего удержаться могъ, ежелибъ ваше сіятельство не были равныхъ ему добродѣтелей? Начальника есть дѣло даровать душу подчиненному. При

шей, она уже здѣсь извѣстна и вчерась объ васъ очень хорошо отзывался Щербатовъ и писалъ объ васъ въ военную коллегію съ великой похвалой, за что я его благодарилъ, сказавъ ему, что вы мнѣ хорошій пріятель» (№ 27).

первомъ воззрѣніи вашего сіятельства на мою экспедицію, изволите мнѣ обѣщать стараться о особливой чести, то какъ бы я не положилъ всей возможности моей заслуживать также удовольствіе вашего сіятельства, какъ покойнаго его высокопревосходительства? Хотя ничто не изъемлетъ насъ отъ усердія къ отечеству нашему и къ нашей Всемилостивѣйшей Императрицѣ, однако предводители насъ дѣлаютъ таковыми, каковыми они хотятъ. Будучи поощренъ одобреніемъ вашего сіятельства, буду я стараться все то сдѣлать, что только разумѣть могу». Донося потомъ, что команда его уже производитъ поискъ по Иргизу, по монастырямъ, хуторамъ и мурчужнымъ жилищамъ раскольниковъ и прося себѣ въ помощь еще человѣкъ 100 казаковъ, онъ отдаетъ отчетъ въ одномъ новомъ распоряженіи своемъ, которое доказываетъ всю его бдительность. «По Волгѣ и по Воложкѣ здѣсь учредилъ я въ лодкахъ изъ жителей пикеты, чтобъ иногда рыбачій ботикъ не унесъ язву, заразившую наше отечество. Будучи восхищенъ вашего сіятельства снисхожденіемъ, осмѣлюсь я доложить, что когдабъ по Камѣ и вездѣ по Волгѣ сіе сдѣлано было, которое ничего не стоитъ, тобъ какъ земля, такъ и вода стерегли Пугачева. Можетъ быть онъ самъ другъ уйдетъ, то водянымъ путемъ скорѣе и скрытнѣе проберется на желаемое ему мѣсто и оттуда, какъ носится молва, на рѣку Ямбу» (sic) (№ 10).

Письмо оканчивается новыми жалобами на казначея Тишина, который послѣ выговора отъ имени главнокомандующаго «пришелъ было въ себя, но нынѣ паки, якобы отъ гнѣва вашего сіятельства ему ничего быть не могло, весьма худо отправляетъ свою должность». Сколько можно разобрать изъ послѣдующихъ строкъ, Державинъ требовалъ даже удаленія Тишина, въ противоположность же ему онъ очень хвалилъ усердіе дворцоваго управителя Шишковскаго (Ѳедора Кузьмича).

Отъ того же числа, какъ Щербатовъ и Мансуровъ (2 мая), писалъ Державину и князь Голицынъ изъ Оренбурга. Къ нему, а не къ Щербатову попали послѣдніе рапорты Державина Бибикову, и Голицынъ отвѣчалъ ему теперь «одобряя весьма похвальное предпріятіе его» идти на помощь Яицку и также предписывая ему наблюдать за бѣглецами и ловить ихъ (№ XXXIII). Къ

письму приложено было 10 экземпляровъ какого-то манифеста Императрицы (вѣроятно о наградѣ за поимку Пугачева) для распространенія въ народѣ по селеніямъ.

Между тѣмъ въ Малыковку прибылъ, по требованію Державина, съ 500 Донскихъ казаковъ полковникъ Денисовъ, которому отъ князя Голицына было приказано оставить у него 100 человѣкъ, а съ остальными 400 идти въ Оренбургъ. Денисовъ, прибывъ въ Малыковку, сталъ требовать у Державина провіанта для своего отряда. Державинъ только что отправилъ приготовленные имъ для Яицка запасы къ Мансурову, эти же запасы не стоили ему денегъ, потому что были пожертвованы пріятелемъ его, Малыковскимъ помѣщикомъ Максимовымъ. Державинъ обратился къ Кречетникову съ запросомъ, нельзя ли получить провіанту изъ Саратовскихъ магазиновъ и въ то же время изъявилъ надежду, что Астраханскій губернаторъ обратитъ и своихъ казаковъ къ верховьямъ Иргиза, гдѣ бродили партіи Калмыковъ и куда Державинъ намѣренъ былъ направить свои отряды (№ 22).

Кречетниковъ на этотъ разъ отвѣчалъ довольно любезно. Хотя въ началѣ и объявилъ Державину безцеремонно, что о Калмыцкихъ партіяхъ зналъ гораздо прежде его увѣдомленія и въ провіантѣ изъ Саратовскихъ магазиновъ отказалъ, отзываясь недостаткомъ его и обращая Державина къ опекунской конторѣ, однакожъ по прочимъ пунктамъ онъ далъ удовлетворительные отвѣты и въ концѣ приписалъ своей рукой: «А за тѣмъ имѣю вамъ подать мой совѣтъ къ продовольствію казаковъ: какъ онѣ обыкновенно во всѣ военныя службы продовольство имѣли, то фуража имъ не потребно: оной подъ ногами, а провіантъ можно дать имъ деньгами по той цѣнѣ, какъ оной на базарѣ покупается; то вы и минуете перевозокъ и требованій» (№ XXXIX).

Вѣроятно въ слѣдствіе этого-то совѣта Державинъ на другой день, 16 мая, написалъ ордеръ «Малыковскимъ дѣламъ» (№ 29), требуя 1 т. р. на основаніи инструкціи покойнаго Бибикова.

Съ Денисовымъ онъ, кажется, долго не могъ согласиться. Въ слѣдствіе новаго ордера, полученнаго отъ князя Щербатова, онъ требовалъ уже (№ 11 и 42), чтобъ Денисовъ отрядилъ

для дѣйствій на Иргизѣ не 100, а 200 человѣкъ, съ остальными же шелъ бы къ Сызрани. «Если жъ вамъ кажется опаснымъ раздѣлять свой полкъ, писалъ ему Державинъ, то гдѣ Высочайшая Ея Императорскаго Величества требуетъ служба, тамъ не опасности и не смѣлости нѣтъ, и я отвѣчаю вамъ за 200 вашихъ человѣкъ, которыхъ только отправленія дожидаюсь, и самъ ѣду съ ними. Въ силѣ сего сообщенія прикажите исполнить непремѣнно, въ противномъ случаѣ будете отвѣчать за всѣ несчастливыя приключенія, которыя здѣсь могутъ воспослѣдовать».

Что Денисовъ не слишкомъ спѣшилъ слушаться Державина, видно изъ дальнѣйшихъ писемъ послѣдняго какъ къ самому этому полковнику, такъ и къ Щербатову. Напоминая Денисову приказаніе генерала, онъ говоритъ (№ 70): «Какъ ревностнѣйшій Ея Величества рабъ и въ воинскихъ опытахъ съ похвалою довольно искусившійся, вы можете располагать сами, какъ лучше исполнять вамъ повелѣнія его сіятельства, а моя диспозиція та, какъ я вамъ и сообщалъ, а впрочемъ вы изволите имѣть свои резоны, которыхъ знать мнѣ не можно». Однакожъ за тѣмъ Державинъ подтверждалъ Денисову прежнее распоряженіе. Когда наконецъ казацкій полкъ дѣйствительно выступилъ на Иргизъ, Державинъ писалъ Щербатову: «Соизвольте ваше сіятельство подтвердить сему полку ордеромъ своимъ, чтобъ онъ поспѣшнѣе дѣлалъ свои марши, ибо онъ слишкомъ много растаговъ дѣлаетъ, что весьма безполезно. Двѣсти же человѣкъ я присоединю къ фузелерной командѣ г. Елчина и содѣйствуя самъ съ нимъ буду по Иргизу дѣлать надъ пріумножающимися тамъ злодѣйскими Калмыцкими кучами поиски, которыя здѣсь появились со всѣмъ своимъ багажемъ, женами ихъ и дѣтьми [7]) (№ 51).

Изъ письма Щербатова, полученнаго около этого самаго времени, видно, что Державинъ послѣ перваго извѣстія о смерти Бибикова просилъ уволить его отъ настоящаго назначенія [8]).

---

7) Въ одномъ письмѣ къ Кречетникову Державинъ выражалъ опасеніе, чтобъ эти Калмыки не соединились съ Волжскими, живущими на нагорной сторонѣ рѣки, и не взбунтовали послѣднихъ.

8) Бывшій адъютантъ Бибикова, Бушуевъ, будучи недоволенъ своимъ переводомъ въ Оренбургъ, писалъ Державину отъ 12 іюня (№ 47): «Григ. Алекс. Потемкинъ, который наверхъ благополучія возносится, писалъ къ нему (Щерба-

Благосклонность, оказанная ему новыми начальниками, кажется, перемѣнила его намѣреніе еще прежде нежели Щербатовъ отвѣчалъ ему, что Императрица повелѣвала вести дѣла совершенно на прежнемъ основаніи, отнюдь не измѣняя ихъ «связи и теченія», почему онъ и выражалъ надежду, что Державинъ «не поскучитъ нимало продолжать съ такимъ же усердіемъ возложенное на него дѣло, которое по настоящимъ въ краю его обстоятельствамъ теперь нужно. А потому и рекомендую вамъ, говорилъ Щербатовъ, сдѣлать отъ Малыковки до Иргиза, а отъ онаго до Яика цѣпь тѣми фузелерными ротами, кои у себя имѣете, прибавя къ нимъ часть Донскихъ, и стараться не только истреблять вкравшихся на Иргизъ злодѣевъ, но и закрывать теченіе рѣки Волги, а симъ самымъ уже прикроется и Самара».... «Пріѣхавъ въ Оренбургъ, буду я имѣть съ вами переписку чрезъ Яикъ, и не оставлю прислать къ вамъ ассигнаціями денегъ на экстраординарные расходы» (№ XXXVI).

Въ этомъ же письмѣ Щербатовъ благодаритъ Державина за доставленіе въ секретную коммисію одного важнаго преступника: этимъ «оправдали вы то неусыпное стараніе и похвальныя распоряженія, кои къ особенной вамъ чести вездѣ въ рапортахъ вашихъ вижу».

Въ то время, какъ Щербатовъ такимъ образомъ поощрялъ Державина изъ Оренбурга, куда только что переѣхалъ,—къ воинской его предпріимчивости обращались также Мансуровъ изъ Яицка и самъ Кречетниковъ изъ Саратова; оба увѣдомляли его объ опасности, которою Калмыки угрожали Сызрани и Самарѣ, и просили принять участіе въ поискахъ надъ этими шайками. Кречетниковъ, который недавно издѣвался надъ смѣлостью Державина, теперь посылалъ къ нему одно письмо за другимъ [9]), вызывая его къ содѣйствію другимъ начальникамъ отрядовъ противъ Калмыцкихъ шаекъ. Въ одномъ изъ этихъ

тову) о отпускѣ всего штаба покойника. Изъ рапортовъ вашихъ угадываю я и вашу мысль, но не думаю, чтобы безъ указа военной коллегіи васъ онъ уволилъ, почитая важнымъ ваше дѣло, что изъ ордера усмотрите, и потому что коллегіи далъ онъ о вашей экспедиціи знать, описывая съ похвалою ваши распоряженія и предпріимчивость. Между тѣмъ вы только одинъ подобно мнѣ мучиться здѣсь остались, а прочіе гвардейскіе всѣ отпущены».

9) № XL отъ 12 мая, № XXXIX отъ 13 и № XXXVIII отъ 14 мая.

писемъ есть его собственноручная приписка: «Я не уповаю, чтобъ такое большое ихъ число было, какъ пишутъ изъ Сызрани, но сколько имѣется, то нужно истребить, о чемъ благоволите постараться» (№ XXXVIII).

Между тѣмъ однакожъ начальникъ конторскихъ ротъ, капитанъ Елчинъ (который, какъ старшій, командовалъ всѣмъ отрядомъ) дѣйствовалъ такъ медленно и не искусно, что посланный отъ Яика подполковникъ Муфель успѣлъ безъ помощи его кончить дѣло, т. е. разсѣять и прогнать Калмыковъ. Теперь рѣчь шла уже только о прикрытіи колоній отъ остатковъ партій, шатавшихся около Волги: это опять поручалось Державину. Но такъ какъ опекунская контора, смѣнивъ Елчина и на мѣсто его назначивъ Хотяинцева, настоятельно требовала обратно своей команды, которая нужна была въ Саратовѣ, то Державинъ принужденъ былъ отправить ее, оставивъ у себя для охраненія колоній только около 30 человѣкъ съ унтеръ-офицеромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ онъ просилъ контору (№ 12): «Ежели по непредвидимому случаю паки востребуется команда, то присылкою ея не умедлить: ибо контора изъ прошедшаго благоволитъ сама видѣть, что не для чего инаго она требованіемъ симъ утруждалась какъ для отвращенія отечеству общаго вреда. О бранныхъ же подвигахъ г. капитана Елчина, я думаю, контора меня донесть уволитъ. Яко не бывшій въ сраженіи и яко младшій его, съ удивленіемъ молчу».

Въ концѣ мая, когда писано это письмо, и въ началѣ іюня, Державинъ могъ наконецъ нѣсколько отдохнуть послѣ напряженной дѣятельности, продолжавшейся уже почти полгода. Ему казалось, что теперь, послѣ пораженія и самого Пугачева и скопищъ его, на Волгѣ болѣе нечего дѣлать, что здѣсь не нужно покуда ни военныхъ дѣйствій, ни тайнаго наблюденія. Объ этомъ онъ писалъ какъ Щербатову, такъ и Казанскому губернатору Якову Ларіоновичу фонъ-Бранту, который недавно увѣдомилъ его, что за отъѣздомъ князя Щербатова онъ, Брантъ, принялъ въ свое вѣдѣніе Казанскую секретную коммиссію, а потому Державинъ, донося о всѣхъ обстоятельствахъ Щербатову, вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ бы знать о нихъ и Казанскому губернатору. Это-то и заставило Державина, въ Запискахъ его,

сказать, что онъ въ то время не зналъ, кто былъ его настоящій начальникъ, и рѣшился выполнять всякое предписаніе, лишь бы оно было на пользу службы [10]).

Первое письмо Державина къ Бранту стоило ему много труда: онъ начиналъ его нѣсколько разъ, пока остановился на чемъ нибудь. Какъ тонкій дипломатъ, онъ перевелъ это посланіе на нѣмецкій языкъ (хотя Брантъ писалъ ему по-Русски); конечно Державинъ, по пребыванію своему въ Казани, былъ лично знакомъ съ Брантомъ и зналъ, чѣмъ можно угодить ему. Это любопытное собственноручное письмо Державина остается единственнымъ свидѣтельствомъ, въ какой степени онъ владѣлъ Нѣмецкимъ языкомъ [1]). Замѣчательно, что на просьбу Бранта сообщать ему *обо всемъ*, онъ отвѣчаетъ: «Въ разсужденіи на меня положеннаго дѣла, *что будетъ надлежать до вашего высокопревосходительства*, конечно доносить буду». Выразивъ потомъ свое высокое мнѣніе о великодушіи и человѣколюбіи Бранта [2]), онъ вызывается теперь обратить вниманіе на особый предметъ.

Къ возстановленію спокойствія въ здѣшнемъ краю теперь ничего не нужно, пишетъ Державинъ въ своемъ Нѣмецкомъ письмѣ. Слава Богу, здѣсь, сколько я могъ замѣтить, все тихо, но (если смѣю доложить вашему высокопревосходительству) надобно остановить грабительство или, чтобъ сказать яснѣе, безпрестанное взяточничество, которое почти совершенно истощаетъ людей. Въ секретной инструкціи, данной мнѣ покойнымъ Александромъ Ильичемъ, между прочимъ, было мнѣ предписано разузнавать образъ мыслей населенія. Сколько я могъ примѣтить, это лихоимство производитъ наиболѣе ропота въ жителяхъ, потому-что всякій, кто имѣетъ

10) Кологривовъ писалъ ему 17 мая (№ 33) изъ Казани: «Думаю, и ты по своей коммисіи долженъ быть подчиненъ здѣшнему губернатору, или какъ у тебя есть воинская команда, то по оному будешь болѣе принадлежать въ команду князь Ѳ. Ѳ. Щербатова, чего бъ я лучше желалъ, ибо онъ человѣкъ очень честной и тебя заочно полюбилъ, впрочемъ самъ разсудишь, тебѣ больше всѣхъ по твоей коммисіи извѣстно гдѣ лучше быть».

1) № 106. Ср. 99, 100 и 101.

2) Брантъ былъ вовсе не на мѣстѣ при столь трудныхъ обстоятельствахъ. Больной старикъ, который, по словамъ Бибикова въ одномъ письмѣ, насилу таскалъ ноги, онъ умеръ вскорѣ послѣ разоренія Казани Пугачевымъ. Поведеніе его во время заключенія Пугачева въ этомъ городѣ является сомнительнымъ. См. Москвит. 1845, ч. V, № 9, стр. 26.

съ ними малѣйшее дѣло, грабитъ ихъ. Это дѣлаетъ легковѣрную и неразумную чернь недовольною и, если смѣю говорить откровенно, это всего болѣе поддерживаетъ язву, которая теперь свирѣпствуетъ въ нашемъ отечествѣ [3]). Не буду теперь распространяться объ этомъ, но если вы прикажете, то я по возложенному на меня порученію, войду куда слѣдуетъ съ почтительнѣйшимъ рапортомъ» (№ 106).

Такимъ образомъ Державинъ вполнѣ понималъ, какое важное значеніе въ народной жизни имѣетъ то злоупотребленіе, которое такъ проникло въ наши нравы, что и до сихъ поръ еще мы съ нимъ боремся. Но минута была неблагопріятна для примѣненія къ дѣлу замѣчательнаго взгляда Державина на тогдашнія обстоятельства, и изъ дальнѣйшей переписки его не видно, чтобы Брантъ отвѣчалъ на это письмо. Дѣйствительно, тогда некогда было думать объ улучшеніи нравовъ: напрасно военачальники и правительство ласкали себя мечтою, что Пугачевъ, послѣ побѣдъ князя Голицына и Михельсона, уже не опасенъ. Со смертію Бибикова исчезло единство дѣйствій противъ возмущенія, и вскорѣ, какъ сказалъ Державинъ же:

Разстроилось побѣдъ начало,
Сильнѣе разлилася язва. [4])

Впрочемъ князь Щербатовъ не ожидалъ, чтобы Пугачевъ долгое время оставался смирно въ Исетской провинціи или Башкиріи, куда онъ бѣжалъ послѣ пораженія при Троицкой крѣпости: Щербатовъ предвидѣлъ возможность скораго появленія самозванца на Волгѣ, и въ серединѣ іюня писалъ Державину, чтобъ онъ возстановилъ всѣ распоряженія, принятыя имъ около Малыковки. Степень довѣрія, какое Державинъ внушалъ этому генералу, видна изъ словъ, которыми начиналось одно изъ предъидущихъ писемъ послѣдняго: «Я всегда съ особливымъ удо-

3) Въ Русской черновой редакціи такъ: «Только доложить вашему высокопревосходительству смѣю: надлежитъ искоренить взятки. Говорить о истребленіи заразы сей потому я за должное себѣ поставляю, что разлитіе оной наиболѣе всего по моимъ мыслямъ пособляетъ злу, терзающему наше отечество». Въ другомъ проектѣ того же письма можно прочесть въ этомъ мѣстѣ посреди неразборчиво набросанныхъ строкъ, слова: лихоимство и народное неудовольствіе.

4) Въ одѣ на смерть Бибикова.

вольствіемъ рапорты ваши получаю, усматривая изъ нихъ особливое попеченіе и труды ваши, съ которыми исполняете вы возлагаемое на васъ дѣло. Всѣ рапорты ваши, мною полученные, дѣлаютъ вамъ честь и во мнѣ производятъ къ вамъ признаніе» (XLVII) [5]).

Предостереженія эти Державинъ принялъ въ томъ смыслѣ, что Пугачевъ могъ притти на Иргизъ для тайнаго укрывательства, и потому въ началѣ іюля (№ 69) писалъ Мансурову, что надо бы удалить съ этой рѣки всякія войска, которыя могутъ помѣшать Пугачеву искать тамъ убѣжища; вмѣстѣ съ тѣмъ Державинъ просилъ прислать ему изъ Яицка Серебрякова и Герасимова, какъ людей нужныхъ для предпринимаемыхъ вновь развѣдываній. Брантъ изъ Казани также предписывалъ Державину принять мѣры для задержанія Пугачева въ случаѣ его появленія и увѣдомлялъ, что «учредилъ преграды» по берегамъ Камы и въ Симбирскѣ.

Какъ много начальники надѣялись на Державина, забывая, что онъ не располагалъ собственно никакою военной силой, видно изъ письма Щербатова къ Мансурову отъ 2-го іюля, гдѣ въ числѣ предосторожностей, принимаемыхъ Брантомъ, приводится намѣреніе его писать къ поручику Державину «о такомъ же учрежденіи на берегу командъ», а въ концѣ письма Щербатовъ проситъ Мансурова, «увѣдомить также о томъ г. Державина, чтобъ онъ, по требованію губернатора и по своему собственному расположенію, взялъ нужныя къ тому предосторожности.» (№ LXII). Вслѣдствіе полученныхъ приказаній Державинъ опять усилилъ свою дѣятельность, и въ самый тотъ день, когда Пугачевъ злодѣйствовалъ въ Казани, 12-го іюля, Державинъ такъ писалъ къ Мансурову (№ 17): «Окромѣ тайныхъ моихъ распоряженій, касающихся до поимки злодѣевъ, о чемъ уже я вашему превосходительству донести честь имѣлъ, предосторожности на Волгѣ на первый случай взяты такія, что поставлены, по 35 человѣкъ, на каждой сторонѣ пикеты, которые имѣютъ и день и ночь безпрестанные разъѣзды вверхъ по Волгѣ, чтобъ ловить иногда могущихъ быть передовщиковъ отъ Пугачева

5) Ср. выше мѣсто изъ письма Кологривова о мнѣніи Щербатова насчетъ Державина.

для возмущенія народа. По деревнямъ подтверждено для сихъ же обстоятельствъ имѣть крѣпкіе караулы. Для бо́льшаго же ополченія изготовлены суда: я кой часъ услышу надобность, истребую изъ Саратова команду, куда ужъ секретно и писалъ, чтобъ была готова съ двумя пушками. Притомъ стоявшихъ на Иргизѣ казаковъ и жителей сколько можно употреблю тогда въ дѣло и вамъ не оставлю донести, ежели паче чаянія злодѣй ближиться будетъ». Въ тотъ же день онъ написалъ любопытный ордеръ Малыковскимъ экономическимъ и управительскимъ дѣламъ (№ 14), откуда выписываемъ начало и конецъ: «Изъ самаго дѣла усмотрѣно мною, что въ вѣдѣніяхъ вашихъ выборные, сотники, пятидесятники, старосты и десятники, ежели не всѣ, то большая половина — пьяницы, плуты, грабители и ворамъ потатчики; того ради выбрать вамъ другихъ на сіе время, хотя самыхъ первостатейныхъ мужиковъ, людей надежныхъ, чтобъ не токмо сами подъ видомъ осмотровъ грабить (не) могли какъ прежніе сотники или бы воровъ, ослабѣвая имъ или бы поноравливая имъ, упускали, какъ-то сего дня сдѣлалось, сказываютъ, что вора оплошностію упустили. Но чтобъ прилагали все усердіе и, не щадя жизни своей, злодѣевъ хотящихъ укрыться ловили и искореняли, также ежели услышатъ отъ кого вредные къ развратy народа отъ бунтовщика Пугачева плевелы, то чтобъ не медливъ ни мало доносили».... «Ежели впредь сотники и прочіе начальные явятся въ не исправленіи своей прямой должности, то причтется сіе вамъ въ слабость, а вы можете на сей случай ихъ выбрать не народомъ, ищущимъ ему потатчиковъ, но сами собою, на кого вы положиться можете.»

Но на другой же день неожиданное несчастіе разстроило всѣ эти распоряженія: 13-го числа пожаръ истребилъ Малыковку; Державинъ не получилъ сверхъ того команды изъ Саратова (ему въ ней отказали, потому-что она и тамъ нужна была). Онъ поспѣшилъ донести объ этихъ обстоятельствахъ (№ 94) Щербатову, который, по извѣстію о появленіи Пугачева на Камѣ, переѣхалъ недавно изъ Оренбурга въ Бугульму, и опять побуждалъ Державина къ усиленію предосторожностей. «Изъ приложеннаго письма г. бригадира Лодыжинскаго», отвѣчалъ ему Державинъ (№ 14), «ваше сіятельство изволите усмотрѣть,

что я, не имѣя надежды получить изъ Саратова пушки, не могу въ случаѣ злодѣйскаго сюда стремленія явно ополчиться противъ онаго, тѣмъ болѣе, что жителей здѣшнихъ къ тому пріуготовить теперь не можно, ибо вчерашняго числа село Малыковка до основанія все сгорѣло. Люди не токмо лишилися какое могло найтись при нихъ оружіе, но даже крайняго своего пропитанія. Чрезъ сіе, предпріятіе мое въ изготовленіи хорошимъ порядкомъ судовъ, какъ-то нѣсколькихъ дощаниковъ съ имѣвшимися у крестьянъ фалконетами, также уничтожено. Словомъ, что принадлежитъ хотя до малаго знака военнаго дѣла, я теперь ничего не имѣю. Его высокопревосходительству губернатору и его превосходительству Павлу Дмитріевичу Мансурову доносилъ, чтобъ они на меня надежды никакой полагать не изволили». Однакожъ вскорѣ послѣ того Державинъ получилъ отъ Мансурова изъ Яицка письмо съ увѣдомленіемъ (№ LXXI), что стоявшему на Иргизѣ есаулу Бѣлякову съ 200 Донскихъ казаковъ приказано придвинуться къ Волгѣ и состоять въ полной командѣ Державина, «а вы извольте располагать ихъ по вашему усмотрѣнію и знанію тамошнихъ мѣстъ, какъ лучше усмотрѣть изволите.» Въ собственноручной же припискѣ Мансуровъ между прочимъ прибавлялъ: «При запечатываніи сего получилъ я письмо ваше о пожарѣ Малыковскомъ. Совѣтую вамъ мужественно противъ сего ополчиться.... Я персонами не откажуся никогда васъ въ нужномъ случаѣ подкрѣпить и прошу меня неукоснительно о семъ увѣдомить, что вы предпримете по сему и гдѣ пребываніе ваше будетъ» (LXXI). Между тѣмъ однакожъ распространился уже слухъ о нападеніи Пугачева на Казань и о сожженіи этого города: въ тотъ же день Державинъ получилъ отъ Мансурова другое письмо, которымъ онъ извѣщался, что есаулу Бѣлякову съ казаками велѣно идти въ Сызрань. «Ежели, прибавлялъ Мансуровъ, паче чаянія я буду удостовѣренъ о склоненіи злодѣевъ къ сей сторонѣ: то въ тотъ самый часъ со всею бригадою и сильною артиллеріею самъ отправлюсь на пораженіе тѣхъ изверговъ въ Сызрань» (№ LXXI).

Первое извѣстіе о бѣдствіи родной для Державина Казани застало его уже не въ Малыковкѣ, а въ Саратовѣ, куда онъ поѣхалъ въ срединѣ іюля чрезъ два дня послѣ упомянутаго по-

жара, находя, что ему уже болѣе нечего дѣлать на прежнемъ мѣстѣ и «зная, какъ онъ писалъ Щербатову, что ни въ какомъ несчастіи ослабѣвать не должно». При поѣздкѣ въ Саратовъ у него была и положительная цѣль: онъ хотѣлъ лично похлопотать еще о томъ, чтобы опекунская контора вторично отпустила ему часть своей артиллерійской команды, сверхъ оставшихся у него 27 человѣкъ изъ нея, и вмѣстѣ изслѣдовать обстоятельство, которое контора приводила какъ главную причину своего отказа, т. е. будто и въ колоніяхъ, на луговой сторонѣ Волги, становилось неспокойно. Сверхъ того въ концѣ іюня дворцовый крестьянинъ Василій Ивановъ Поповъ [6]) донесъ Державину, что Саратовскіе Покровскіе малороссіяне втайнѣ замышляли пробраться на Узени, а оттуда въ Башкирію для соединенія съ Пугачевымъ: Державинъ хотѣлъ на мѣстѣ удостовѣриться въ справедливости такого обвиненія.

Передъ выѣздомъ изъ Малыковки онъ сдѣлалъ однакожъ нужныя распоряженія, чтобы и тамъ все было въ готовности на случай какой нибудь внезапной тревоги. На время своего отсутствія онъ оставилъ казначею Тишину и управителю Шишковскому слѣдующій любопытный ордеръ (№ 25).

«Я отъѣзжаю за нужнымъ дѣломъ на нѣкоторое время въ г. Саратовъ, а безъ меня исполнять вамъ слѣдующее: 1) по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, какъ должно имѣть крайнюю предосторожность, то прикажите, чтобъ оставшаяся здѣсь команда, 26 человѣкъ фузелеръ, при унтеръ-офицерѣ, была при селѣ безотлучно и чтобъ ночью всѣ были въ одномъ мѣстѣ при моей квартирѣ. 2) Пикетъ изъ-за Волги снять и совокупить его въ одно мѣсто на сторонѣ нагорной. 3) Имѣть готовыми при берегу дощаники и всякаго рода лодки, для отвоза казны изъ сего мѣста къ Саратову и нужныхъ государственныхъ дѣлъ. 4) Во время заслышанія какого либо злодѣйскаго въ сію страну стремленія, тотчасъ меня (sic) о томъ наискорѣйшее рапортовать, а самимъ стараться народъ привесть къ сопротивленію и оборонѣ; а чтобъ лучше его на сіе привлечь, то, въ крайней нуждѣ, объ-

6) Поповъ былъ извощикомъ Пугачева, когда тотъ, схваченный въ Малыковкѣ, препровождался въ Симбирскъ. Допросы Пугачеву. Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1858, кн. II, стр. 41.

явить ему данную вамъ при семъ публикацію. 5) Въ случаѣ необходимости, имѣющихся здѣсь колодниковъ, а паче по секретному дѣлу, забрать въ Саратовъ, также и первостатейныхъ мужиковъ, женъ и дѣтей подъ видомъ для сохраненія ихъ, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобъ мужья ихъ, будучи сами вѣрными, старались лучше уговаривать народъ и находили средство къ истребленію злодѣевъ. 6) Когда народъ окажется въ должной вамъ послушности и усерденъ къ службѣ нашей всемилостивѣйшей Государыни, то собравъ его, сколько можно будетъ, стараться истреблять злодѣевъ. 7) Ежели превосходная найдетъ на васъ шайка, такъ что никакимъ образомъ, ни народомъ вашимъ, ни малочисленными фузелерами, ни сотенною здѣсь стоящею Донскою командою, противиться будетъ вамъ не можно, то въ самомъ послѣднемъ случаѣ ретироваться вамъ въ Саратовъ водою или сухимъ путемъ, только соблюсти какъ можно команду и смотрѣть, чтобъ она напрасною жертвою злодѣевъ (не сдѣлалась). 8) Народъ, который усерденъ явится къ службѣ всемилостивѣйшей Государыни, то чтобъ тотъ также слѣдовалъ въ Саратовъ, гдѣ общими силами уже учиненъ будетъ надъ злодѣями поискъ. 9) Когда только заслышите какое либо приближеніе злодѣевъ, то стараться вамъ собрать изо всѣхъ вѣдомствъ вашего жительства людей съ оружіемъ, но не прежде давать имъ, ежели имѣется у васъ, порохъ, пока они въ самомъ дѣлѣ окажутся усердными къ службѣ Ея Величества и, какъ выше сказано, ежели здѣсь обороняться и поражать злодѣя надежды вамъ не будетъ, то со всѣми собранными вашими людьми слѣдовать въ Саратовъ. 10) Ежели ужъ въ самомъ дѣлѣ злодѣй съ своею толпою сюда приближится, то всѣ суда, находящіяся отъ Сызрани до Саратова, послать и приказать отвесть на ту сторону, или какъ испортить, дабы чрезъ то удержать злодѣя на сей сторонѣ до слѣдующихъ за нимъ командъ. Лучше всего наиноспѣшнѣйше и обстоятельнѣйше меня обо всемъ вамъ репортовать, и я въ нужномъ случаѣ конечно не оставлю или своимъ присутствіемъ, или скорѣйшимъ приказаніемъ дать по тогдашнему случаю вамъ должныя приказанія».

III. Пребываніе Державина въ Саратовѣ.

Кречетникова въ то время въ Саратовѣ уже не было. Двумя главными лицами оставались здѣсь: управляющій опекунскою конторою колонистовъ, бригадиръ или статскій совѣтникъ *Михайло Михайловичь Лодыжинскій*, «служившій прежде штабъ-офицеромъ при инженерномъ корпусѣ»; и, комендантъ, исправлявшій также и воеводскую должность, — полковникъ *Иванъ Константиновичь Бошнякъ*. Послѣдній обязанъ своею извѣстностью особенно ссорѣ съ Державинымъ, — какъ противникъ его въ мнѣніи о способѣ обороны Саратова, но памятенъ и по храбрости, съ какою въ послѣдствіи защищалъ Саратовъ и Царицынъ при нападеніи Пугачева. Лодыжинскаго знаемъ мы уже по готовности, съ какою онъ въ началѣ отпустилъ Державину артиллерійскую команду.

По прибытіи въ Саратовъ 16 іюля, Державинъ получилъ изъ Сызранской канцеляріи сообщеніе о бѣдствіи, постигшемъ Казань, и о томъ, что Пугачевъ уже переправился на нагорную сторону Волги, вѣроятно съ цѣлію пробраться на Донъ. Въ тотъ же день Державинъ объявилъ это извѣстіе Саратовскимъ командирамъ и, какъ онъ выражается въ рапортѣ Щербатову, «подвигъ ихъ сдѣлать пріуготовленія». 24 числа они, вмѣстѣ со многими офицерами, сошлись на совѣтъ въ опекунскую контору, пригласивъ туда и Державина. Состоявшееся тутъ опредѣленіе, подписанное всѣми присутствовавшими, онъ отправилъ въ копіи къ князю Щербатову. Положено было сдѣлать укрѣпленіе около опекунскаго провіантскаго магазина, какъ мѣста удобнаго и притомъ важнаго по множеству складеннаго здѣсь хлѣба, и расположить тамъ небольшой гарнизонъ подъ начальствомъ Бошняка; остальному же бывшему въ Саратовѣ войску идти на встрѣчу Пугачеву, если онъ направится въ эту сторону. Судя по послѣдующимъ обстоятельствамъ, Бошнякъ уже на этомъ первомъ совѣщаніи былъ другаго мнѣнія, т. е. не считалъ нужнымъ укрѣпляться, но долженъ былъ уступить большинству голосовъ. Лодыжинскій, какъ инженеръ «принялъ на себя трудъ сдѣлать для нужды жителямъ полевое укрѣпленіе». Донося Щербатову о своей поѣздкѣ въ Саратовъ (№ 64),

Державинъ упоминаетъ, впрочемъ только вскользъ, о несогласіи между тамошними командирами и проситъ прислать ордеръ, кому изъ нихъ, въ случаѣ мятежническаго нападенія, быть главнымъ начальникомъ. «Войскъ въ Саратовѣ, писалъ Державинъ, по крайней мѣрѣ полагаю: регулярной пѣхоты 800 человѣкъ, конницы казаковъ толикое же число, включая 200 человѣкъ, стоящихъ на Иргизѣ, которые по ордеру вашего сіятельства теперь въ Сызрань мною командированы. Артиллеріи въ Саратовѣ 4 пушки полевыхъ да городовыхъ чугунныхъ, къ справѣ годныхъ пушекъ 10. Симъ количествомъ людей можно бы, кажется, въ случаѣ хорошее дѣло сдѣлать. Впрочемъ, прибавляетъ Державинъ въ томъ же письмѣ, смѣю донести, что народъ здѣсь отъ Казанскаго несчастія въ страшномъ колебаніи. Должно сказать, что если въ страну сію пойдетъ злодѣй, то нѣтъ надежды никакъ за вѣрность жителей поручиться. По народнымъ слухамъ вижу, что всякой... ждетъ уповаемаго имъ Петра Ѳеодоровича. Милосердіе всемилостивѣйшей нашей Государыни въ грубыхъ сихъ сердцахъ никакъ не дѣйствуетъ. Я наистрожайшія... беру мѣры, но врядъ что успѣть можно будетъ. Нужно кажется уже по ласкахъ и по снисхожденіяхъ, чтобъ присланы были немедленно сюда тѣ изъ винныхъ, надъ которыми была бы совершена здѣсь смертная казнь: авось либо ужаснутся нечаяннаго имъ страшнаго позорища». (Нѣсколькими точками мы означаемъ неразобранныя слова).

«Пребываніе мое съ сихъ поръ наѣздомъ будетъ и въ нужныхъ случаяхъ—въ Малыковкѣ, а впрочемъ въ Саратовѣ: ибо мнѣ хочется, чтобъ тамъ чрезъ досугу мою было всё въ порядкѣ и въ готовности. О начальникѣ Саратовскимъ командирамъ, о присылкѣ ежели можно сюда винныхъ для казни, о склоненіи злодѣя, въ которую сторону онъ стремится теперь, всенижайше прошу ваше сіятельство снабдить меня резолюціею чрезъ сего же посланнаго». Этотъ рапортъ былъ отправленъ Державинымъ съ нарочнымъ 27 іюля уже изъ Малыковки, куда онъ поспѣшилъ, чтобъ и тамъ сдѣлать еще кое-какія распоряженія, особливо же приготовить вооруженныхъ крестьянъ для поимки Пугачева, на случай если онъ будетъ разбитъ подъ Саратовомъ и обратится въ ту сторону. Почти то же самое Державинъ одно-

временно писалъ и Бранту [7]). Что касается до тѣхъ дѣлъ, для которыхъ Державинъ собственно поѣхалъ въ Саратовъ, то по обвиненію тамошнихъ малороссіянъ въ измѣнѣ онъ узналъ, что извѣтъ Попова былъ ложенъ и что доноситель, получивъ въ свою команду отрядъ казаковъ, началъ вмѣстѣ съ ними грабить малороссіянъ; за что и былъ взятъ подъ стражу. Опекунская контора, и по личному настоянію Державина, не дала ему войска «якобы для замѣшательства колонистовъ», писалъ онъ Мансурову (№ 36), «однако и въ томъ ничего важнаго не вижу: это правда, что всемѣстно мысль народная дурна и особливо извѣстіе о несчастіи Казани возмутило сердца». Въ томъ же письмѣ онъ объяснялъ, что по ходу дѣлъ ему теперь кажется не нужнымъ посылать кого-нибудь на Узени стеречь Пугачева и что вообще всякія тайныя распоряженія покуда должны быть оставлены; въ настоящее время мысли Державина обращены на мѣры другаго рода. «Въ Саратовѣ, повторяетъ онъ и здѣсь, возбудилъ я начальниковъ имѣть предосторожности» и потомъ, исчисляя опять Саратовское войско, выражаетъ свои надежды на достаточность этихъ силъ для отраженія Пугачева. Вторая половина рапорта Мансурову приводится здѣсь вполнѣ: «Присланныхъ по повелѣнію вашего превосходительства съ Иргиза казаковъ 200 человѣкъ распорядилъ такимъ образомъ, что сту человѣкъ, подъ командою есаула Бѣлякова, велѣлъ стать на луговой сторонѣ рѣки Волги противъ Сызрани и дѣлать разъѣзды до Самары. А другой сотнѣ стоять въ Малыковкѣ и дѣлать разъѣзды, половинѣ до Сызрани, а другой половинѣ касаться Пензинской провинціи и тамъ съѣзжаться съ учрежденными въ объѣздъ отъ конторы опекунства иностранныхъ колоній казаками. Но сей часъ получилъ я отъ его сіятельства князя Ѳедора Ѳедоровича Щербатова изъ ордера его увѣдомленіе, что злодѣй,

7) Вотъ отрывокъ изъ этого письма (№ 90): «Хотя ничего не можно сказать о какомъ-либо явномъ замѣшательствѣ, однако по тайному слуху всѣ ждутъ часнаго имя Петра Ѳеодоровича. Внѣдрившаяся въ сердца язва, начавшая утоляться, кажется оживляется и будто ждетъ только случаю открыть себя. Ни разумъ, ни истинная проповѣдь о милосердіи всемилостивѣйшей нашей Государыни, ничто не можетъ извлечь укоренившагося грубаго и невѣжественнаго мнѣнія. Кажется бы нужно нѣсколько преступниковъ въ сей край прислать для казни, авось либо позорное здѣсь и страшное по позорище дастъ нѣсколько иныя мысли».

переправясь за Волгу, пробирается чрезъ Цывильскъ и что ваше превосходительство имѣете постъ свой взять въ Сызрани, то уже не остается мнѣ впередъ дѣлать мои распоряженія, и теперь паки скачу въ Саратовъ, чтобъ тамъ разногласіе командировъ соединить и быть готовымъ, ежели злодѣй прольется чрезъ Алатырь въ страну сію, на пораженіе онаго». Къ обстоятельствамъ, которыя, какъ видно изъ этихъ писемъ, предшествовали вторичному выѣзду Державина изъ Малыковки, прибавимъ любопытную черту, заимствуемую изъ одного зачеркнутаго мѣста въ упомянутомъ выше письмѣ къ Бранту [8]). Народъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на мѣры предосторожности, которыя принималъ Державинъ: «послѣ пожару, говоритъ онъ, два раза моя квартира была нарочно зажжена».

Между тѣмъ онъ еще въ Малыковкѣ получилъ важное и лично для него извѣстіе. На сцену дѣйствія являлся новый человѣкъ и въ немъ — еще новый начальникъ для Державина. Это былъ генералъ-маіоръ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, троюродный братъ знаменитаго временщика, избранный Императрицей для завѣдыванія обѣими секретными коммисіями: онъ прибылъ въ Казань въ ночь на 8 іюля, слѣдовательно за нѣсколько дней до нашествія Пугачева, и принялъ команду надъ расположенными тамъ войсками [9]), такъ что, по словамъ самого Михельсона [10]), онъ былъ свидѣтелемъ пораженія самозванца подъ Казанью.

Письмо Щербатова, увѣдомляющее Державина о вступленіи Потемкина въ должность, содержитъ и нужныя для насъ свѣдѣнія о главныхъ событіяхъ и движеніяхъ, происходившихъ въ то время, какъ Державинъ неусыпно заботился о встрѣчѣ Пугачева подъ Саратовомъ. Вотъ почему приводимъ весь тотъ ордеръ Щербатова: «Рапорты ваши отъ 12 и 14 іюля до меня дошли исправно; не имѣю я по содержанію ихъ болѣе вамъ предписать, какъ только поблагодарить васъ за хорошія распоряженія ваши, но долженъ васъ увѣдомить, что всѣ обращенныя мною войска сколь ни спѣшили на защищеніе Казани, одна-

8) № 90.
9) Сообщеніе Бранта Щербатову, № LXVII.
10) Въ рапортѣ князю Щербатову № LXVI.

кожъ злодѣй самозванецъ Пугачевъ съ многочисленною толпою злодѣевъ успѣлъ окружить сей городокъ и причинить великой вредъ сожженіемъ большой половины жительства; и уже совершенно погибель сему городу предстояла, но ревностный подполковникъ Михельсонъ отвратилъ оную, поразилъ злодѣя совершенно, причинилъ ему великій уронъ убитыми и плѣнными, и отогналъ отъ города съ такою удачею, что всѣ оставили злодѣя, кромѣ нѣсколькихъ лучшихъ его сообщниковъ, съ которыми онъ опрокинулся за рѣку Волгу на Кокшайскомъ перевозѣ и бѣжитъ теперь за Цывильскъ, къ сторонѣ Курмыша, преслѣдуемъ деташаментами помянутаго подполковника и секундъ-маіора графа Меллина; но сверхъ сего, чтобъ стѣснить его съ другой стороны или встрѣтить, еслибъ онъ въ вашъ край опрокинулся, спѣшитъ за Волгу подполковникъ Муфель, который у Симбирска переправится, и Пензинской уланской корпусъ, который также перейдетъ оную у устья рѣки Камы. Генералу же маіору Мансурову въ Сызрани постъ свой взять приказалъ.

«Полученные мною въ дорогѣ рапорты ваши съ приложеніями препроводилъ я при сообщеніи моемъ къ генералъ-маіору Потемкину, прибывшему сюда и опредѣленному надъ секретными, Казанской и Оренбургской, коммиссіями непосредственнымъ начальникомъ, а при томъ и возложенное на васъ дѣло покойнымъ еще генералъ-аншефомъ Бибиковымъ предоставилъ я въ полное его вѣдѣніе, поелику всѣ попеченіемъ вашимъ открываемыя дѣла касаются наиболѣе до дѣлъ секретныхъ коммисій. А чтобъ имѣлъ онъ совершенное понятіе, на какомъ основаніи вы туда отправлены и какимъ образомъ производство дѣла совершать должны, то отдалъ ему и данное вамъ отъ покойнаго наставленіе. Почему отъ сего времени имѣете уже вы доставлять прямо къ нему обо всемъ рапорты ваши, равнымъ образомъ и требовать его повелѣній. Объ одномъ только васъ прошу, что еслибъ что нибудь открылось вамъ нужное къ предосторожности команды моей войскъ, то или тѣмъ командамъ воинскимъ, которымъ бы ближе и скорѣе предуспѣть въ отвращеніе того можно было, или прямо ко мнѣ доставлять о томъ извѣстіе. Впрочемъ не оставилъ я по долгу моему отдать вамъ предъ симъ генераломъ

справедливость въ похвальномъ исправленіи порученной вамъ должности» (№ LXXIV).

Въ тотъ же день Державинъ получилъ ордеръ и отъ самого Потемкина, который, увѣдомляя его о своемъ назначеніи, писалъ въ заключеніи: «почему я вамъ рекомендую, чтобъ вы о сей препорученной вамъ коммисіи, на какомъ оная основаніи вамъ ввѣрена и какіе вы по оной сдѣлали успѣхи, дали мнѣ знать какъ наискорѣе (№ LXXV). [1])

Кажется, Державинъ получилъ это приказаніе тогда, когда уже былъ совершенно готовъ къ вторичному отъѣзду въ Саратовъ, и потому онъ отложилъ свой отвѣтъ. Теперь Державинъ ѣхалъ въ Саратовъ для того, какъ самъ онъ писалъ Мансурову, чтобъ «согласить тамошнихъ начальниковъ», т. е. чтобы личнымъ присутствіемъ вѣрнѣе достигнуть исполненія того опредѣленія, о которомъ писалъ князю Щербатову, Бранту и Мансурову, какъ о результатѣ своихъ стараній. Онъ предполагалъ, что оно приводится уже въ дѣйствіе, но полученныя имъ изъ Саратова письма открыли ему глаза [2]). Каково же было негодованіе настойчиваго офицера, когда онъ, по пріѣздѣ въ Саратовъ, 30-го іюля, удостовѣрился, что Бошнякъ рѣшительно отказался отъ исполненія того, что принято было на совѣтѣ 24-го числа. Въ пылу гнѣва и досады Державинъ въ тотъ же день написалъ къ Бошняку рѣзкое письмо, уже извѣстное изъ приложеній къ «Исторіи Пугачевскаго бунта», составленной Пушкинымъ. Изъ этого письма видно, что послѣ отъѣзда Державина изъ Саратова Бошнякъ написалъ въ контору опекунства колонистовъ, что онъ на постройку предположеннаго укрѣпленія не согласенъ, потому что мѣсто, для этого назначенное, лежитъ внѣ города, онъ же комендантъ не считаетъ себя вправѣ покинуть ввѣренную ему крѣпость; вмѣсто того

1) Въ своихъ Запискахъ (стр. 78) Державинъ говоритъ, что этотъ ордеръ былъ полученъ имъ еще въ Саратовѣ и что онъ поспѣшилъ назадъ въ Малыковку, гдѣ были всѣ его бумаги, именно для того, чтобы скорѣе исполнить приказаніе новаго начальника; но тутъ, кажется, память измѣнила Державину, потому-что на ордерѣ Потемкина надпись: получено 28 іюля; изъ писемъ же Державина къ Щербатову и Бранту, писанныхъ 27-го, видно, что онъ уже тогда былъ въ Малыковкѣ.

2) Письма Новосильцова и Свербѣева отъ 26 іюля, № 60 (Частн. переп.).

Бошняк предполагалъ сдѣлать валъ въ другомъ мѣстѣ. Державинъ въ письмѣ къ Бошняку старается поразить своего противника всевозможными доводами. Сначала онъ приводитъ данное ему полномочіе, по которому всѣ требованія его должны исполняться, потомъ напоминаетъ состоявшееся опредѣленіе, подписанное всѣми участвовавшими въ совѣщаніи, и выставляетъ при этомъ съ одной стороны авторитетъ Лодыжинскаго, какъ инженернаго штабъ-офицера, а съ другой незнакомство Бошняка съ военною архитектурой; далѣе онъ осуждаетъ мѣсто, избранное Бошнякомъ для вала, и доказываетъ, что мысль объ обязанности коменданта не покидать своего города справедлива только тогда, когда это городъ укрѣпленный и имѣющій все нужное, а не тогда, когда дѣло идетъ о развалинахъ или пустырѣ (Саратовъ въ маѣ мѣсяцѣ выгорѣлъ). Наконецъ Державинъ хочетъ устрашить Бошняка угрозою, что онъ обо всемъ этомъ напишетъ новому начальнику своему П. С. Потемкину. Для полноты нашего обозрѣнія приводимъ цѣликомъ и самое письмо Державина:

«Высокоблагородный и высокопочтенный г. города Саратова комендантъ и правящій въ ономъ городѣ воеводскую должность, милостивый государь мой! Когда вамъ его превосходительство, г. Астраханскій губернаторъ П. Н. Кречетниковъ, отъѣзжая отсюда, не далъ знать, съ чѣмъ я присланъ въ страну сію, то чрезъ сіе имѣю честь вашему высокоблагородію сказать, что я присланъ сюда отъ его высокопревосходительства покойнаго г. генералъ-аншефа и кавалера А. И. Бибикова, въ слѣдствіе имяннаго Ея Императорскаго Величества высочайшаго повелѣнія по секретной коммиссіи, и предписано по моимъ требованіямъ исполнять все; а какъ по обстоятельствамъ извѣстнаго бунтовщика Пугачева, сего мѣсяца 16-го числа пріѣхалъ я въ Саратовъ и требовалъ, чтобъ въ семъ городѣ была отъ онаго злодѣя взята предосторожность, въ слѣдствіе чего 24-го числа, при общемъ собраніи нашемъ въ конторѣ опекунства иностранныхъ, и сдѣлано опредѣленіе, по которому всѣ, согласясь, и подписались, чтобъ около магазиновъ и въ мѣстѣ найденномъ за способное его высокородіемъ г. статскимъ совѣтникомъ Лодыжинскимъ, яко служащимъ штабъ-офицеромъ въ инженер-

номъ корпусѣ, сдѣлать для защищенія людей и казеннаго имущества полевое укрѣпленіе и прочія готовности, что въ томъ опредѣленіи именно значитъ, которое опредѣленіе при рапортѣ моемъ послано уже главнокомандующимъ куда надлежитъ, да и чаять должно было, что все въ вышеупомянутомъ опредѣленіи написанное уже исполнено. А какъ сего 30-го числа, прибывъ я паки въ Саратовъ, не токмо по тому опредѣленію какую готовность нашелъ, но ниже какой не принято предосторожности; а какъ изъ рапорта вашего конторѣ опекунства иностранныхъ вижу я, что вы отъ своего опредѣленія отступились, и ретраншамента, прожектированнаго его высокородіемъ статскимъ совѣтникомъ М. М. Лодыжинскимъ, дѣлать не хотите, но желаете, пропустя столь долгое время, не зная совсѣмъ правилъ военной архитектуры, дѣлать около почтоваго жительства города Саратова валъ, не разсудя ниже мѣста способности, лежащаго подъ высокою горою, отрѣзаннаго отъ воды и столь обширнаго, что ниже 3,000 регулярнаго войска и сильною артиллеріей защищать невозможно, пріемля только въ непреклонное себѣ правило, что вы яко комендантъ — города и въ немъ церквей Божіихъ покинуть не можете: то на сіе, окромѣ всѣхъ гг. штабъ и оберъ-офицеровъ, находящихся здѣсь, согласныхъ со мною, объясните вамъ имѣю, что комендантъ ввѣренной себѣ крѣпости никакъ до конца жизни своей покинуть не долженъ тогда, когда уже онъ имѣетъ ее укрѣпленную и довольную людьми и потребностями къ защищенію оной; а ежели всего онаго она не имѣетъ, такъ-какъ теперь и сожженный городъ Саратовъ, имѣющій единственное наименованіе города, то долженъ онъ непремѣнно находить способы, чтобъ укрѣпиться въ пристойномъ по правиламъ военной архитектуры мѣстѣ, и въ немъ имѣть отъ непріятеля оборону. Мы же, какъ въ вышеупомянутомъ опредѣленіи согласились, чтобъ малое число оставить для защищенія въ ретраншаментѣ, а съ прочими силами идти на встрѣчу злодѣю; то чѣмъ вы свой обширный валъ, выходя на встрѣчу злодѣю, защищать будете? Это никому непонятно. Да и какое вы, не зная инженернаго искуства, лучше сдѣлать укрѣпленіе хотите, то также всѣмъ благоразумнымъ неизвѣстно. Церкви же Божіи защитить конеч-

но должно; но какъ церковь не что иное есть, какъ собраніе людей правовѣрныхъ, слѣдовательно, ежели вы благоразумно защитите оныхъ, то въ нихъ защитите и церковь, утвари же церковныя въ томъ ретраншаментѣ помѣстить можно. На сіе все прошу вашего высокоблагородія скорѣйше мнѣ дать отвѣтъ для донесенія его превосходительству г. генералъ-маіору и кавалеру П. С. Потемкину, яко непосредственному начальнику высочайшей Ея Величества власти, присланному нынѣ по комиссіи бунтовщика Пугачева именнымъ Ея Императорскаго Величества повелѣніемъ. Мы же находящіеся здѣсь штабъ и оберъ-офицеры пріемлемъ всю тягость законовъ на себя, что вы оставите свой пустой, обширный и укрѣпленію неспособный лоскутъ земли, именуемый вами крѣпостью Саратовской и за лучшее почтете едиными силами и нераздѣльно сдѣлать вышеозначенный ретраншаментъ, такъ и поражать злодѣевъ, приказавъ нынѣ же всему вашему народу дѣлать прожектированное г. статскимъ совѣтникомъ Лодыжинскимъ укрѣпленіе, въ чемъ во всемъ при васъ же и купцы здѣшняго города давно уже согласились» (№ 81).

Отвѣта Бошняка, къ сожалѣнію, нѣтъ въ разсматриваемыхъ нами бумагахъ; но изъ послѣдующаго письма Державина видно, что Бошнякъ прислалъ къ нему ордеръ, въ свое время полученный отъ Кречетникова относительно посылки Державина на Иргизъ и изъ котораго-де не видно, чтобъ вліяніе послѣдняго могло сколько бы ни было распространяться на другія мѣстности. На это Державинъ отвѣчалъ, что Кречетниковъ упустилъ изъ виду особое письмо, которымъ Бибиковъ просилъ оказывать всякое содѣйствіе Державину. «Сего августа 3-го, писалъ онъ, сообщеніе ваше получилъ и при немъ съ ордеру его превосходительства П. Н. Кречетникова къ вамъ копію. На сіе вашему высокоблагородію сказать имѣю, что его превосходительство г. генералъ-маіоръ и кавалеръ то преминовать изволилъ, что ему его высокопревосходительство покойный г. генералъ-аншефъ А. И. Бибиковъ обо мнѣ сообщить изволилъ. Ему написано было, что въ слѣдствіе имяннаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія я посланъ въ сію область и ему предписано было во всѣхъ моихъ прось-

бахъ вспомоществовать. Но какъ его превосходительству о существѣ всей моей коммисіи и ея потребностяхъ знать не дано, но рѣка Иргизъ не есть единственный мой постъ, и что не по пустому требовалъ я въ бытность его превосходительства въ Саратовѣ отъ конторы опекунства иностранныхъ команду, то апробовано отъ вышнихъ моихъ начальниковъ мнѣ съ похвалою. Сей мой отзывъ, въ самомъ его оригиналѣ, его превосходительству поднесть можете» (№ 20) [3]).

Но не упреждая событій, мы должны еще разсказать, что происходило до 3-го августа, когда было написано это письмо. Державинъ не разъ напоминалъ Бошняку и словесно, въ присутствіи, о необходимости исполнить извѣстное опредѣленіе. Не видя успѣха, онъ обо всемъ этомъ написалъ Потемкину, отъ котораго между тѣмъ получилъ 1-го августа собственноручное лестное письмо (№ 98), предвѣщавшее ему самыя пріятныя отношенія и съ этимъ новымъ начальникомъ [4]). Вотъ оно: «Я уже предварялъ васъ предъ симъ, что по высочайшему Ея Императорскаго Величества изволенію присланъ я для секретныхъ дѣлъ съ непосредственною властію и довѣренностію, въ слѣдствіе чего получилъ я отъ генералъ-поручика и кавалера князя Щербатова всѣ дѣла, вами произведенныя. Разсматривая ихъ, съ особливымъ удовольствіемъ находилъ я порядокъ оныхъ, образъ вашего намѣренія и связь его съ дѣлами, а потому вамъ не лестно скажу, что таковый помощникъ много облегчитъ меня при обстоятельствахъ, въ какихъ я наѣхалъ Казань. И такъ во первыхъ начну я писать къ вамъ, что всего нужнѣе. Вы безъ сомнѣнія извѣстны о жалостномъ происшествіи съ Казанью, но по счастію потомъ злодѣй и врагъ общій Пугачевъ двоекратно разбитъ, но послѣдній разъ разбитъ совершенно, такъ что съ самымъ малымъ числомъ ушелъ. Видно, однакожъ, что провидѣніе терпитъ еще злодѣйству сего варвара, ибо онъ могъ спастись, перебраться за Волгу; въ слѣдъ за злодѣемъ посланы два деташамента: первый подъ командою маіора графа Меллина, второй подъ командою подполковника Михельсона. Послѣднему

3) И это письмо уже было напечатано Пушкинымъ въ приложеніяхъ къ «Исторіи Пуг. бунта».

4) Потемкинъ писалъ собственной рукой всѣ письма къ Державину.

приказано отрѣзать злодѣя отъ Московской стороны, а первому въ слѣдъ настигать его, поражать. Между тѣмъ есть извѣстіе, что подполковникъ Муфель идетъ отъ Симбирска съ третьей стороны. Все сіе даетъ надежду, что злодѣя они конечно не допустятъ дѣлать новыя варварства. Мы не знаемъ прямо, куда стремится мысль злодѣя, но если ревностное усердіе къ пользѣ отечества будетъ всѣхъ трехъ единодушно, то уповательно, что конецъ будетъ благъ: а какъ по таковымъ обстоятельствамъ можетъ быть принужденъ будетъ злодѣй обратиться на прежнее гнѣздо, то представляется вамъ пространное поле къ усугубленію опытовъ ревности вашей къ службѣ нашей премудрой Монархини. Я увѣренъ, что вы знаете совершенно цѣну ея щедротъ и премудрости. Способности же ваши могутъ измѣрить важность дѣла и предстоящую вамъ славу, ежели злодѣй устремится въ вашу сторону и найдетъ въ сѣти, отъ васъ приготовляемыя. Не щадите ни трудовъ, ни денегъ: 20 т. и болѣе готовы наградить того, кто можетъ сего варвара, разорителя государственнаго представить. Увѣдомляйте меня чаще какъ возможно, какіе объ немъ слухи есть въ вашей сторонѣ. Здѣсь многіе думаютъ, что онъ пробирается на Донъ, но я не думаю; а думаю, что естьли не усилитъ онъ своей толпы, то пойдетъ или на Яикъ, или къ вамъ. За лишнее почитаю подтверждать вамъ, что трудъ вашъ будетъ имѣть должное воздаяніе: вы извѣстны, что Ея Императорское Величество прозорлива и милостива, а по мѣрѣ и важности дѣлъ вашихъ, будучи посредникъ дѣлъ, не упущу я ничего представлять Ея Величеству съ достойной справедливостью, и могу удостовѣрить васъ, что хотя не имѣлъ случая васъ знать, но видя дѣла ваши, съ совершеннымъ признаніемъ пребываю вашего высокоблагородія государя моего искренній слуга». Къ письму этому была приписка: «При нападеніи на Казань отъ злодѣя и самозванца выпущены были всѣ колодники секретной экспедиціи, а въ томъ числѣ и Филаретъ[5]), который вамъ столь извѣстенъ; постарайтесь развѣдать, не прибудетъ ли онъ въ свое жилище, и его доставить сюда».

Между тѣмъ и Щербатовъ въ томъ же духѣ отвѣчалъ на

5) О Филаретѣ см. выше.

посланное съ нарочнымъ увѣдомленіе Державина о рѣшеніи укрѣпить Саратовъ и о необходимости поставить надъ тамошними командирами одного начальника. Вотъ что писалъ Щербатовъ (№ 76): «Рапортъ вашъ отъ 27-го сего мѣсяца (т. е. іюля) доставленъ до меня исправно; всѣ ваши хвальныя распоряженія усугубляютъ мое къ вамъ почтеніе. Спѣшу къ вамъ возвратить посланнаго отъ васъ, ссылаясь на отправленное послѣднее мое извѣщаніе (sic), будучи увѣренъ, что не только вы при теперешнихъ обстоятельствахъ возмете всѣ предосторожности, но и поощрите господъ командующихъ въ Саратовѣ на всякое усердное къ отечеству дѣло, а къ сему не оставить употребить всѣ возможности и прибывшій думаю уже въ сіе время въ Сызрань г. генералъ-маіоръ и кавалеръ Мансуровъ, къ которому, яко старшему въ томъ краю военноначальнику, вы и господа Саратовскіе начальники адресоваться можете, о чемъ имъ отъ себя и сообщите, съ тѣмъ, чтобъ по его требованіямъ содѣйствовали.»

Боецнякъ оставался непреклоненъ. «Наконецъ, пишетъ Державинъ въ своихъ Запискахъ, по сильномъ убѣжденіи бригадиромъ Лодыжинскимъ и прочими, рѣшился онъ на пожарищѣ г. Саратова, хотя на мѣстѣ неудобномъ, которымъ командовали горы, сдѣлать укрѣпленіе. Сіе было сегодня, а завтра онъ другія взялъ мысли и объявилъ, что онъ для экспланады никакъ нѣкоторыхъ начавшихся послѣ пожару строеній ломать и слѣдовательно укрѣпленія дѣлать не будетъ, ибо де жители ропщутъ». Нѣтъ сомнѣнія, что подъ словомъ *сегодня* должно здѣсь разумѣть 2-е августа: ибо на другой день Державинъ писалъ въ Саратовскій магистратъ: «Сверхъ присяжной своей къ всемилостивѣйшей Государынѣ должности, Саратовскій магистратъ, по нынѣшнимъ мятежнымъ обстоятельствамъ отъ разбойника Пугачева, подписался, подъ смертною казнію, быть поспѣшнымъ къ ревностной Ея Императорскаго Величества службѣ, почему подпискою уже своею и обязался съ 1-го августа давать на дѣланіе ретраншамента употреблять всѣ свои силы, довольное число работниковъ, и работать оный день и ночь, а сего августа 3 дня, какъ то явно оказалось, что по многимъ посылкамъ работниковъ не было и производство ретраншаманта остановилось, то для чего и по какой причинѣ

воспослѣдовало оное, Саратовскій магистратъ да пришлетъ отвѣтъ» (№ 21). «Чтобъ узнать дѣйствительный образъ мыслей гражданъ, прибавляетъ Державинъ въ своемъ первоначальномъ журналѣ, вошелъ я въ магистратъ и велѣлъ записать въ журналъ, что ежели кто покажетъ недоброхотство на то, что для пользы пріемлется общества, тотъ въ обстоятельствахъ толь критическихъ будетъ признанъ за подозрительнаго и скованный отошлется въ секретную коммисію. Граждане на сіе тотчасъ собрались и день одинъ производилася работа назначеннаго около провіантскихъ магазиновъ ретраншамента. Однакожъ на другой день комендантъ, по непреклонности своей на согласіе, призвавъ полиціймейстера, приказалъ объявить жителямъ, что они на работу не наряжаются, а ежели кто хочетъ, тотъ изъ своей собственной воли шелъ бы. Народъ легкомысленный радъ былъ таковой поноровкѣ, а изъ сего произошла колебленность мыслей и прочія дурныя разгласки и работа совсѣмъ остановилась. Зачинщиковъ изъ подлаго народа, показующихъ недоброхотство къ высокой службѣ всемилостивѣйшей Государынѣ, требовалъ я отъ воеводской канцеляріи по силѣ секретной коммисіи, однако они не были присланы. Ежели сообщеніе мое воеводской канцеляріи пѣло, то и имена ихъ извѣстны» [6]).

Описанное здѣсь прекращеніе работъ и подало Державину поводъ 3 августа послать въ Саратовскій магистратъ приведенную уже бумагу.

Между тѣмъ Пугачевъ, разбитый подъ Казанью и преслѣдуемый Михельсономъ, шелъ на югъ опустошительнымъ ураганомъ. Никогда еще его злодѣйства не были такъ многочисленны и ужасны. Города сдавались ему одинъ за другимъ и устрашенные жители встрѣчали его съ покорностью. Въ Саратовѣ распространился слухъ, что изъ Алатыря онъ пошелъ на Пензу и также занялъ ее, и что онъ уже около Петровска, отъ котораго до Саратова только 140 верстъ. Державинъ, желая помѣшать Пугачеву овладѣть Петровскомъ и усилиться бывшими тамъ пушками и порохомъ, рѣшился идти на встрѣчу ему съ

6) Послѣдняя фраза впослѣдствіи зачеркнута Державинымъ. Ср. его Записки, стр. 82.

сотнею Донскихъ казаковъ. Это было 4 августа. Въ ночь передъ выступленіемъ написалъ онъ слѣдующій приказъ одному изъ своихъ повѣренныхъ, Герасимову (№ 60): «Наиприлежнѣйше стараться согласить къ единодушію усердныхъ охотниковъ [7]), какъ быть въ толпѣ злодѣйской для искорененія его, такъ для присмотру въ тайныхъ мѣстахъ на Иргизѣ разставить лазутчиковъ и прочему народу внушать, чтобъ были готовы на пораженіе злодѣя, а онъ уже въ Пензѣ. Деньги, ежели надобны, возьми у Серебрякова, а тѣхъ не станетъ, требуй у управителя Шишковскаго, въ которыхъ дамъ ему ордеръ и росписку; теперь отправляюся въ Петровскъ».

Тогда же, сбираясь въ походъ, Державинъ отправилъ такой рапортъ П. С. Потемкину (№ 65): «Злодѣй 1 числа августа вступилъ въ Пензу, но въ коликомъ числѣ, неизвѣстно. Ежели слухамъ вѣрить, то ихъ паки огромное скопище. Сейчасъ со стомя человѣками казаковъ отправляюсь я самъ въ Петровскъ, какъ для забранія пушекъ, пороху, чтобъ не достались въ руки злодѣямъ, такъ для поданія образа Саратовскимъ войскамъ, но паче для усмиренія взбунтовавшихся жителей. Я и въ Саратовѣ тогожъ боюсь, хотя мои подписки, публикаціи и прочія учрежденія принимаютъ успѣхи и жители съ радостію принимаются за оружіе. Но комендантъ явнымъ дѣлается развратителемъ народа и посѣваетъ въ сердца ихъ интригами недоброхотство, говоря, чтобъ не наряжалъ ихъ полиціймейстеръ на работу ретраншамента; а какъ хотятъ де они сами; чрезъ то чернь ропщетъ и указываетъ, что имъ комендантъ не велитъ. Потому ретраншаментъ худо успѣваетъ; а для сего врядъ ли скоро выжить команды отсель на отраженіе злодѣя, чтобъ не прелазилъ Волгу. Его превосходительство Павелъ Дмитріевичъ Мансуровъ отъ 26 числа прошедшаго мѣсяца изволилъ писать ко мнѣ, что онъ изъ Яика не выступалъ. О г. фонъ-Дицѣ достовѣрное извѣстіе есть, что онъ изъ Царицына не выступилъ же. Я писалъ къ нему, чтобъ онъ поспѣшилъ и въ своемъ маршѣ имѣлъ въ примѣчаніи рѣку Медвѣдицу, яко начало Донскихъ

7) Здѣсь разумѣется преимущественно Былинкинъ, о которомъ будетъ сказано ниже.

станицъ, чтобъ иногда злодѣй не прокрался на Донъ; о г. Муфелѣ извѣстія нѣтъ. Прочіе также наши деташаменты гдѣ, не знаю. Подъ смертною казнію приказалъ я суда съ нагорной стороны свесть и затопить ихъ въ водѣ отъ Саратова до Сызрани. Кажется, всѣ беру мѣры, но не стаетъ моихъ силъ по желанію и усердію моему все исполнять за препятствіемъ разныхъ мнѣній. Снимите съ меня, ваше превосходительство, бремя сіе, которое назвать изволили вы пространнымъ полемъ, либо дайте силъ къ удобономенію его. Прикажите подтвердить въ округу сію, чрезъ непосредственное могущество свое, чтобъ меня еще лучше внимали. О, когда бы при соотвѣтствованіи усердію моему Божіей помощи, былъ я вами довольно силенъ, то кажется, на что бъ я не пустился, къ службѣ моему отечеству и моей всемилостивѣйшей Императрицѣ. Злодѣй въ Пензѣ, какъ слышно, взялъ довольно пороху и пушекъ, да болѣе 200 т. казенныхъ денегъ. Вотъ ему помощь еще производитъ злодѣянія его. Мы его покупаемъ за 20 т., а онъ за насъ, уповаю, не пожалѣетъ всѣхъ 200 т. Я къ тому докладываю сіе, что деньги нужны». Изъ послѣдующаго зачеркнутаго мѣста можно только разобрать, что Державинъ сбирался просить у Потемкина денегъ на расходы, которыхъ должность его безпрестанно требовала, и что онъ встрѣчалъ затрудненія въ полученіи средствъ отъ мѣстныхъ властей.

Въ Петровскѣ не было принято никакихъ мѣръ для отраженія Пугачева: успѣли только вывезти казну въ Сызрань. Малочисленные жители не смѣли и думать о сопротивленіи.

Пушкинъ въ «Исторіи Пугачевскаго бунта» уже познакомилъ насъ съ нѣкоторыми подробностями экспедиціи Державина подъ Петровскъ. Вѣрность разсказа Пушкина въ главныхъ чертахъ подтверждается словами самого Державина въ его Запискахъ. Но теперь мы имѣемъ еще гораздо подробнѣйшій отчетъ объ этой экспедиціи въ рапортѣ Державина Потемкину, писанномъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ на другой же день или, вѣрнѣе, въ ночь на 5 августа изъ слободы Покровской.

Припомнимъ напередъ то, что говоритъ Державинъ объ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ походу. Къ нему присоединился жившій въ колоніяхъ, въ качествѣ крейсь-коммисара

ихъ, бывшій подполковникъ польской службы Ѳедоръ Гогель. Въ ночь передъ выступленіемъ въ походъ, Державину явилось видѣніе, когда онъ, стоя среди комнаты въ квартирѣ своей, разговаривалъ съ Лодыжинскимъ и еще съ двумя другими лицами. «Взглянувъ нечаянно въ маленькое боковое крестьянское окно, онъ увидѣлъ выставившуюся (въ него) голову остова, бѣлую, будто изъ тумана составленную, которая вытаращя глаза, казалось, хлопала зубами». Хотя онъ и принялъ это за дурное предзнаменованіе, однако не отложилъ своей экспедиціи и никому не сказалъ о видѣніи, чтобъ не возбудить еще бо́льшихъ опасеній. Самый походъ онъ описываетъ такимъ образомъ въ упомянутомъ рапортѣ Потемкину (№ 56): «Какъ я послѣднимъ рапортомъ моимъ вашему превосходительству доносилъ, что со ста человѣками Донскими казаками предпріялъ достовѣрное взять о злодѣяхъ свѣдѣніе, такъ и окончить тѣмъ нерѣшимость господъ Саратовскихъ начальниковъ. 4 поѣхалъ я въ Петровскъ, около котораго злодѣи были; не доѣзжая 15 верстъ, встрѣтился мнѣ посыланной курьеръ отъ Саратовскаго коменданта, который везъ извѣстіе, что злодѣй въ 30 верстахъ отъ города, и что будутъ въ немъ ночевать. Услышавши сіе, хотѣлъ я ускорить» (т. е. упредить)» пришествіе злодѣйское, и находящіяся тамъ пушки, ежели нельзя будетъ увезть, то заклепать и порохъ затопить. Отъѣхалъ еще пять верстъ, встрѣтилъ мужика, который по разспросамъ сказалъ, что злодѣй въ 5 верстахъ дѣйствительно отъ Петровска. Тутъ я остановился и хотѣлъ возвратить казаковъ, которые прикрывали мой путь, но бывшій со мною изъ доброй воли своей, Польской службы г. маіоръ Гогель, поотважился еще ѣхать и дѣйствительно развѣдать: въ коликомъ числѣ мятежниковъ полчище находится. Я ему сіе позволилъ, а самъ остановился. Онъ, поѣхавши къ казакамъ, о которыхъ, какъ я выше сказалъ, что они впереди насъ были, приказалъ четыремъ человѣкамъ ѣхать впередъ себя, которые поѣхавъ, не возвращались; наконецъ, нѣсколько спустя, возвратились двое; на вопросъ, гдѣ были? сказали они: у Пугачева, который уже въѣхалъ въ Петровскъ; что дѣлали? такъ. Тутъ и прочіе сказали есаулу своему, что де имъ все равно, кому ни служить и мы де туда поѣдемъ. На уговариваніе ихъ, есаула хотѣли зако-

лоть, а между тѣмъ г. маіоръ Гогель, примѣтя, что они хотятъ его схватить, отъ нихъ удалился. Есаулъ, чтобъ отъ нихъ вырваться, обольстя сказалъ имъ: ну ребята, когда не слушаетесь вы меня, то и я съ вами согласенъ; только дайте мнѣ офицеровъ попридержать или я ихъ заколю. Они его отпустили, а онъ, прискакавъ, сказалъ, чтобъ спасались. Скакавъ за нами 10 верстъ, не могли насъ догнать, только собственнаго моего гусара ухватили». Такимъ образомъ Державинъ, который такъ давно мечталъ о поимкѣ Пугачева и, вѣроятно, при этомъ походѣ втайнѣ питалъ ту же надежду, едва самъ не попался въ руки самозванца. Разсматривая поведеніе Державина въ этомъ случаѣ, нельзя отказать ему въ храбрости, похожей даже на безразсудную отвагу, если сравнить незначительный отрядъ его съ силами Пугачева, составлявшими нѣсколько тысячъ.

Державинъ и Гогель спаслись бѣгствомъ, но что же было имъ дѣлать, когда отрядъ ихъ передался непріятелю и они передъ огромной шайкой остались почти самъ-другъ? Державинъ былъ уже второй писатель Русскій, исторгнутый судьбою изъ рукъ Пугачева: первый былъ Крыловъ, отецъ котораго участвовалъ въ оборонѣ Яицкаго городка и который едва не сдѣлался со всѣмъ своимъ семействомъ жертвой неистоваго гнѣва самозванца. Несчастнѣе былъ академикъ Ловицъ, который нѣсколько времени послѣ встрѣчи Державина съ Пугачевымъ дѣйствительно попалъ въ руки самозванца и погибъ на висѣлицѣ [8]). По возвращеніи въ Саратовъ, Державинъ не нашелъ тамъ никакихъ приготовленій для отпора Пугачеву и кончилъ тѣмъ, что оставилъ городъ, не дождавшись нападенія. Въ сво-

8) При распространеніи бунта путешествовавшіе академики привызались назадъ въ Петербургъ. Другіе поспѣшили возвратиться; но Ловицъ и адъюнктъ Иноходцевъ хотѣли напередъ кончить свое дѣло. При приближеніи Пугачева они зарыли въ землю свои бумаги; Иноходцевъ успѣлъ бѣжать и спасъ часть бумагъ. О смерти Ловица сохранилось письмо Иноходцева. Они были изъ числа астрономовъ, посланныхъ въ Оренбургъ, Орскъ, Якутскъ и др. мѣста, и занимались нивеллированіемъ между Дономъ и Волгою. (Сарат. Губ. Вѣд. 1846, № 31). Присоединимъ къ этому свѣдѣніе еще о двухъ ученыхъ, испытавшихъ на себѣ дѣйствіе Пугачевскаго бунта. При разореніи Казани убитъ былъ директоръ гимназіи Каницъ, который съ учениками пошелъ на защиту города. Въ Оренбургѣ, во время осады его и происшедшаго отъ нея голода, находился академикъ Рычковъ: по его предложенію стали жарить бычачьи и лошадиныя кожи и, мелко изрубивъ, мѣшать въ хлѣбы (Ист. Пуг. бунта гл. IV).

ихъ Запискахъ онъ старается оправдать этотъ поступокъ преимущественно двумя обстоятельствами: въ 1-хъ тѣмъ, что еще за нѣсколько дней до похода подъ Петровскъ Бошнякъ сообщилъ ему ордеръ Астраханскаго губернатора, чтобъ Державинъ, если при немъ есть вооруженный отрядъ, не оставался въ Саратовѣ, а отправлялся бы на Иргизъ, и во 2-хъ полученнымъ отъ Герасимова письменнымъ увѣдомленіемъ, что собранные по повелѣнію Державина и подходившіе къ Саратову Малыковскіе крестьяне, услышавъ объ измѣнѣ казаковъ подъ Петровскомъ, не хотѣли идти далѣе и требовали, чтобъ Державинъ, если онъ еще живъ, самъ пріѣхалъ къ нимъ и повелъ ихъ въ городъ. Хотя ни одного изъ упомянутыхъ здѣсь двухъ документовъ нѣтъ въ бумагахъ Державина, однакожъ мы не можемъ сомнѣваться, что они существовали, ибо въ оправдательномъ рапортѣ его къ графу П. И. Панину, который въ послѣдствіи требовалъ у него отчета въ оставленіи Саратова, они показаны въ числѣ приложеній подъ №№ 12 и 13. Противъ этихъ оправданій можно замѣтить только то, что мы не находимъ ихъ въ рапортѣ къ П. С. Потемкину, писанномъ вскорѣ послѣ событія; но надо принять въ соображеніе, что тогда Державинъ и не имѣлъ еще повода оправдываться: онъ проситъ только Потемкина не вмѣнить ему въ малодушіе, что онъ оставилъ Саратовъ. Слова, что онъ послалъ Малыковскимъ крестьянамъ приказаніе спѣшить къ городу, только подтверждаютъ сказанное въ Запискахъ о полученномъ насчетъ ихъ извѣстіи, хотя съ другой стороны открывается, что Державинъ не рѣшился самъ идти на встрѣчу имъ, о чемъ онъ подробнѣе говоритъ въ Запискахъ. Но объ этомъ послѣ, а теперь посмотримъ, какъ доноситъ онъ Потемкину о своемъ отъѣздѣ изъ Саратова въ томъ же рапортѣ, изъ котораго мы уже привели описаніе похода подъ Петровскъ (№ 56): «Пріѣхавъ въ Саратовъ», говоритъ онъ, «нашелъ паки нерѣшимыми господъ начальниковъ. Не токмо у нихъ начатое укрѣпленіе для казеннаго имущества и для жителей не было сдѣлано, но ниже никакой готовности не предвидѣлось. Съ самой зари по самой вечеръ, какіе пустые совѣты, какія разногласія были, что описать не можно, всѣ пришли въ робость, не знали что дѣлать. Комендантъ то то предпринималъ, то другое,

наконецъ, уже отдавшимся на его волю, поставилъ онъ свою и артиллерійскую команду въ такое мѣсто, что ежели бы вашему превосходительству сдѣлать описаніе, то бы вы и всякой благоразумной согласился, что явною всѣмъ была бы жертвою. Наконецъ штабъ-офицеры и баталіонные сказали мнѣ, что въ городскихъ пушкахъ закачены ядры. На вопросъ нашъ комендантъ сказалъ, что это пушкари играли и не нарочно закатили такъ крѣпко, что вытащить ихъ не можно. Словомъ сказать вашему превосходительству, я не знаю, что заключить о сихъ приключеніяхъ. Все было отлагаемо, все нерѣшимо, все въ безпорядкѣ, все вмѣнялось въ безопасность, и словомъ, ежелибъ я не поѣхалъ самъ развѣдывать, то уповаю, что мы и не свѣдали (бы) какъ насъ передушили. Я боюсь подумать о какомъ предательствѣ. Но такая странность принудила меня дать совѣтъ артиллерійскимъ, которыхъ 300 человѣкъ было, чтобъ они своими силами старались поражать злодѣевъ. Казаковъ у нихъ осталось только 40 человѣкъ. Они выступили въ походъ, а я, не злодѣевъ, но толь странныхъ безпорядковъ ужасаясь, переѣхалъ на другую сторону рѣки Волги, пославъ отъ себя, чтобъ поспѣшали отъ меня изготовленные Малыковскіе хотя вмѣсто конницы тысячи до полторы жителей, ибо Донскіе казаки послѣ ста человѣкъ еще дезертируютъ. Что будетъ, не умѣю вамъ донесть. Истинно ваше превосходительство, не причтите мнѣ въ слабость духа, что я долженъ былъ оставить театръ неудобопонятнаго мнѣ зрѣлища. Всѣмъ городомъ свидѣтельствуюсь, сколько было моего раченія. Дай Боже, чтобъ поражены были злодѣи, и я ожидаю непонятной судьбины[9]). Ежели не удастся, то зло разсвирѣпствуетъ въ странѣ здѣшней, тѣмъ паче что ни объ одномъ человѣкѣ господъ нашихъ надъ деташаментами командировъ слуху нѣтъ. Какъ вѣрный сынъ отечества, радуюсь съ Портою полезному миру, но паче желаю, чтобъ ваше превосходительство были счастливы и умирили злобу внутренняго раздора и погибъ бы Пугачевъ». (8 августа. Слобода Покровская).

Какъ судить объ отъѣздѣ Державина изъ Саратова часовъ

---

9) Тутъ сверху приписано еще нѣсколько словъ, которыхъ нельзя разобрать.

за 15 до прихода непріятеля? Мѣры, которыя онъ считалъ необходимыми для безопасности города, были отвергнуты комендантомъ, не смотря на всѣ настоянія Державина и на то, что высшіе начальники, Щербатовъ, Голицынъ и Потемкинъ, одобряли его предположенія (на одномъ изъ совѣщаній онъ прочиталъ коменданту бумагу [№ XCVIII ?], полученную отъ Потемкина). Притомъ и Лодыжинскій, служившій прежде по инженерной части и, слѣдовательно, болѣе свѣдущій въ этомъ дѣлѣ нежели Бошнякъ, былъ одного мнѣнія съ Державинымъ. Храбрость свою послѣдній достаточно доказалъ, вызвавшись идти съ небольшимъ отрядомъ подъ Петровскъ на встрѣчу Пугачеву тогда, когда губернаторъ Кречетниковъ требовалъ его удаленія изъ Саратова. Теперь же, предвидя неминуемую гибель города вслѣдствіе упорства Бошняка, Державинъ и Лодыжинскій имѣли, кажется, полное право оставить заблаговременно Саратовъ. Они такъ и сдѣлали. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ въ точности, по какимъ соображеніямъ дѣйствовалъ Бошнякъ: думалъ ли онъ, что въ укрѣпленіи труднѣе, нежели въ открытомъ полѣ отразить Пугачева, или надѣялся, какъ говоритъ Лодыжинскій, что Пугачевъ не пойдетъ на Саратовъ (10). Во всякомъ случаѣ событіе оправдало предвидѣніе Державина и едва ли его присутствіе въ этомъ городѣ послужило бы къ чему нибудь. Съ другой стороны онъ, который насилу ускользнулъ отъ Пугачева передъ Петровскомъ, имѣлъ особенную причину опасаться мщенія его. Нельзя впрочемъ не пожалѣть, что ни одна изъ бумагъ, писанныхъ Бошнякомъ къ Державину, не сохранилась, можетъ быть, оттого, что Державинъ въ подлинникѣ отправлялъ ихъ къ своимъ начальникамъ, такъ же какъ онъ поступалъ прежде съ бумагами Кречетникова и Тишина. Изъ всего происшедшаго въ это время въ Саратовѣ можно заключить, что между двумя бывшими тамъ начальниками и прежде не было согласія, и что когда являлись новыя лица, то по необходимости образовывались партіи: такъ Кречетниковъ, находясь въ этомъ городѣ, былъ на сторонѣ Бошняка, а Державинъ примкнулъ къ Лодыжинскому. Поэтому не-

10) Это послѣднее предположеніе оправдывается частными письмами П. И. Новосильцова и Н. Я. Свербѣева къ Державину отъ 28 іюля (№ 60).

удивительно, что въ одномъ донесеніи Кречетникова, который и безъ того, какъ мы видѣли, не жаловалъ Державина, находимъ слѣдующее свидѣтельство: «Онъ губернаторъ изъ всѣхъ сношеніевъ, бывшихъ у стат. совѣтника Лодыжинскаго съ Саратовскимъ комендантомъ, видитъ, что Лодыжинскій и Державинъ не только съ нимъ въ наилучшей оборонѣ не согласовали и производили споръ; но и другихъ штабъ-офицеровъ и купцовъ отъ послушанія его отвратили, а Державинъ въ собраніи всячески его ругалъ и поносилъ безчестными словами, намѣреваясь яко осужденнаго арестовать (1)». Мы нисколько не оправдываемъ Державина въ тонѣ его сношеній съ Бошнякомъ; нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ спорѣ съ своимъ противникомъ слишкомъ далеко увлекался своею настойчивостью: лучшее доказательство тому — письмо его къ Бошняку, напечатанное Пушкинымъ и приведенное уже нами. Но справедливо и то, что онъ дѣйствовалъ по убѣжденію и что когда поступлено было наперекоръ ему, то онъ не обязанъ былъ оставаться въ Саратовѣ на вѣрную смерть. Другое было бы дѣло, еслибъ онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи отрядъ и присланъ былъ въ этотъ городъ для участія въ оборонѣ его вооруженною рукою, но не таково было вообще назначеніе Державина во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ. Въ Саратовъ же прибылъ онъ добровольно съ тѣмъ, чтобы способствовать къ приведенію въ дѣйствіе общаго опредѣленія мѣстныхъ властей о мѣрахъ къ защитѣ города. Поэтому едва ли правъ былъ въ послѣдствіи П. И. Панинъ, утверждая, что Державинъ за свои дѣйствія могъ бы опасаться военнаго суда. Впрочемъ ниже приведено будетъ въ цѣлости подробное оправданіе самого Державина передъ этимъ начальникомъ въ оставленіи Саратова.

Событія въ Саратовѣ 5 и 6-го августа убѣдительно доказали непредусмотрительность Бошняка. 5-го вечеромъ Пугачевъ въ

---

1) Выписка изъ актовъ, хранящихся въ кабинетѣ Е. И. В., которою мы обязаны профессору С. М. Соловьеву. Державинъ и самъ въ своихъ Запискахъ (стр. 99) разсказываетъ, какъ графъ Панинъ дѣлалъ ему выговоръ за то между прочимъ, «что онъ въ Саратовѣ съ комендантомъ Бошнякомъ, предъ нашествіемъ на сей городъ злодѣевъ, обходился неуважительно и даже въ одинъ разъ выгналъ его отъ себя».

значительныхъ силахъ подошелъ къ Саратову: по словамъ Пушкина, войско его состояло изъ 300 Яицкихъ казаковъ и 150 Донскихъ, пристававшихъ къ нему наканунѣ, и тысячъ до 10-ти калмыковъ, Башкирцевъ, ясачныхъ Татаръ, господскихъ крестьянъ и всякой сволочи. Послѣ стычки, бывшей передъ самымъ городомъ и скоро прекратившейся съ наступленіемъ ночи, Пугачевъ занялъ Соколову гору, господствующую надъ Саратовомъ, съ которой невозможно было сбить непріятеля. Если вѣрить Лодыжинскому, Бошнякъ расположилъ свое войско самымъ невыгоднымъ образомъ, между двумя валами противъ Соколовой горы, и тѣмъ подвергъ его непріятельскому огню, такъ что оно не могло дѣйствовать: казаки, гарнизонъ, купечество начали въ глазахъ коменданта передаваться Пугачеву, а наконецъ и всѣ артиллеристы разбѣжались. Что касается самого Бошняка, то по разсказу Пушкина онъ рѣшился продраться сквозь мятежниковъ и, выступивъ изъ крѣпости съ 60 человѣками офицеровъ и солдатъ, шелъ цѣлые 6 часовъ сряду, пробиваясь сквозь безчисленныя толпы. Въ офиціальной исторіи Пугачева (Пол. С. Зак. XIX, 14, 230) сказано: «Бошнякъ, обороняясь храбро, наконецъ съ 50 человѣками офицеровъ и солдатъ сквозь толпу пробился и прибылъ въ Царицынъ». Но странно, что это извѣстіе не подтверждается мѣстными свидѣтельствами. Въ статьѣ г. Леопольдова о нашествіи Пугачева на Саратовскій край, напечатанной въ тамошнихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1843 г. № 29, сказано только: «Бошнякъ, оставшійся вѣрнымъ съ горстью гарнизона, видѣлъ, что нельзя спасти города и отплылъ внизъ по Волгѣ, оставивъ городъ на произволъ судьбы и увезши съ собою въ Царицынъ казну и канцелярскія дѣла [2]). Городъ совершенно осиротѣлъ. Между тѣмъ мятежникъ съ горы стрѣлялъ въ городъ изъ пушекъ». Съ этимъ согласенъ и разсказъ Лодыжинскаго, съ тою только разницею, что по его словамъ часть казны и дѣла были увезены имъ, а не Бошнякомъ, который все 6-е число держался противъ Пугачева, къ ночи же отплылъ на лодкѣ внизъ по

2) Н. И. Костомаровъ въ Очеркѣ исторіи Саратовскаго края (Памятная книжка Сар. губ. на 1858 г., стр. 34) говоритъ также: «Бошнякъ, видя невозможность защищаться, убѣжалъ внизъ по Волгѣ, успѣвши увезти съ собою казну и дѣла».

Волгѣ и присоединился къ Лодыженскому, отправившемуся еще съ утра. Мы приведемъ весь разсказъ Лодыженскаго о нападеніи Пугачева на Саратовъ, какъ любопытный историческій документъ, подтверждающій всѣ показанія Державина. Это — письмо, писанное 11-го августа изъ Царицына, неизвѣстно къ кому. «Я сей часъ прибылъ водою въ Царицынъ съ частію сохраненной мною денежной казны. И за скорымъ отправленіемъ сего курьера изъ Царицына и за неприбытіемъ еще судна съ конторскими письменными дѣлами, не могу васъ обстоятельно увѣдомить о томъ, что въ Саратовѣ по отправленіи вахмистра Тита Иванова происходило, а доношу только то, что злодѣй Пугачевъ сего августа 6-го числа Саратовомъ овладѣлъ, Донскіе и Волгскіе казаки, такожъ и артиллерійскія три роты измѣнили и предались къ злодѣю. Комендантъ Бошнякъ, положа въ совѣтѣ сдѣлать кругъ нашихъ магазиновъ укрѣпленіе и подписавъ въ общемъ совѣтѣ приговоръ, отъ онаго отступилъ и, проволоча день ото дня, всячески не допускалъ купцовъ, кои меня сами о томъ просили, давать работниковъ; со всѣмъ тѣмъ въ два дня и половину ретраншамента сдѣлалъ, въ которомъ можно бы, сохраня все казенное имущество и содержа всѣхъ возмутившихся нынѣ жителей въ уѣздѣ, до тѣхъ поръ отсиживаться пока подоспѣютъ идущія со всѣхъ сторонъ войска къ избавленію; напротивъ того комендантъ, дѣлая однѣ шутки и увѣряя, что Пугачевъ къ Саратову не пойдетъ, всячески мнѣ препятствовалъ и, отъ своихъ приговоровъ отступая, приводилъ всю Саратовскую чернь на противную сторону и самъ ничего къ защищенію не начиналъ, имѣя до двухъ тысячъ готовыхъ работниковъ, ибо я и на то уже напослѣдокъ былъ согласенъ, чтобъ и въ погорѣломъ городскомъ мѣстѣ небольшой уголокъ укрѣпить; сдѣлалъ ему чертежъ и далъ межевымъ офицерамъ, будучи и самъ всегда готовъ къ работѣ, но онъ и отъ сего своего мнѣнія отступилъ, сказывая, что онъ поставитъ пушки, которыхъ у него было только десять и очень мало зарядовъ, за негоднымъ и вамъ извѣстнымъ валомъ, да еще одну или двѣ пушки поставитъ у моста и тѣмъ непріятелей въ городъ не пуститъ; видя толь странныя разсужденія, положилъ было я его склонить выступить въ поле на встрѣчу злодѣю, зная навѣрное, что такимъ образомъ его ото-

гнать можно, на что и онъ былъ согласенъ, почему и отряжены были Донскіе казаки къ городу Петровску, какъ для развѣданія, такъ и для забранія тамъ пушекъ и пороху, вѣдая, что воевода оттуда уже выѣхалъ и Петровскіе жители взволновались. Сію коммисію взялъ на себя л. г. поручикъ Державинъ и коммисіонеръ по секретнымъ развѣдываніямъ о злодѣѣ, ибо оной Державинъ, находясь въ Саратовѣ, и во всѣхъ нашихъ совѣтахъ присутствовалъ. Подъ пятое число августа въ ночи Державинъ насилу могъ прискакать съ Гогелемъ и Донскимъ есауломъ Фоминымъ обратно, донеся, что казаки, по вступленіи 4-го дня въ Петровскъ, Пугачеву отдались и едва ихъ» (т. е. Державина, Гогеля и Фомина)» не изрубили. По сему извѣстію собралъ я до 300 человѣкъ фузелеръ и Волгскихъ казаковъ до 70, велѣлъ выступить до Московской дороги, давъ знать о семъ коменданту, который собралъ гарнизонныхъ солдатъ до 120 человѣкъ и 200 Саратовскихъ казаковъ, и къ вечеру 5-го дня поставлены были всѣ у Московскихъ воротъ на весьма невыгодномъ мѣстѣ, что усмотря заѣхалъ я самъ съ штабъ-офицерами къ коменданту и сказалъ въ осторожность, что на семъ мѣстѣ всѣхъ людей потерять можете, ибо не токмо оное съ Соколовой горы все видимо, но еще и позади сдѣланной, невѣдомо для чего комендантомъ новой валъ былъ готовою для злодѣя батареею. И такъ уговорилъ его идти лучше въ поле и къ горѣ не допускать издалека, на что онъ казался и согласенъ и, поѣхавъ отъ него, велѣлъ я не мѣшкавъ укладывать на одно судно всѣ конторскія дѣла, а на другое денежную казну, къ чему употребилъ конторскихъ служителей и человѣкъ до 50 вооруженныхъ колонистовъ, оставя нѣсколько фузелеръ для караула, дабы не убавить ни единаго человѣка изъ фрунта. Ночь всю таскали денежную казну и дѣла, а шестаго дня до тѣхъ поръ, пока начали уже канонаду, въ которое время оба мои суда отвалили, я же, не имѣя въ семъ случаѣ ни единаго помощника, кромѣ казначея и Якова Ивановича, который по несчастію крайне занемогъ, а Тилингъ уѣхалъ, подхватя лодку, насилу за плывущими моими судами могъ уйтить, желая усердно быть и при фрунтѣ, но уже былъ отхваченъ, и такъ сего дня съ половиною казны, которую могъ ухватить, прибылъ въ Царицынъ, а съ дѣлами судно

еще не бывало. Теперь обратимся назадъ, что въ Саратовѣ происходило. Комендантъ, вмѣсто выступленія въ поле, завелъ всю команду между валовъ противъ Соколовой горы и, подвергая ее злодѣйскому огню, видѣлъ какъ Волгскіе и Саратовскіе казаки переглавались къ Пугачеву, а напослѣдокъ попускалъ и жителей возстать, ибо передъ его глазами поѣхалъ отъ купечества купецъ Кобяковъ къ Пугачеву, стоящему у Полисова зимовья, и привезъ къ коменданту отъ него указъ, который онъ хотя передъ всѣми и изодралъ, но купцу Кобякову ничего не сдѣлалъ; потомъ маіоръ Семанжъ взялъ передъ его же глазами до 50 солдатъ гарнизонныхъ и, поклонясь г. коменданту, пошелъ къ Пугачеву, а напослѣдокъ всѣ фузелеры, видя себя въ худомъ мѣстѣ, побѣжали во всѣ стороны, и то уже было ввечеру, а при комендантѣ только маіоръ Семанжъ, капитанъ Елчинъ, два сержанта и человѣкъ 20 гарнизонныхъ офицеровъ и столько же казаковъ ретировались и, подхватя на Увекѣ [3]) рыбачью лодку, со мною на Волгѣ соединились. Комендантъ, не доѣзжая Камышенки, отъ меня отсталъ и гдѣ дѣвался не знаю, а Семанжъ со мною пріѣхалъ въ Царицынъ. При ретирадѣ ихъ видѣли они, что злодѣи казармы и магазейны наши зажгли; теперь прошу повелѣть, что мнѣ дѣлать; Яковъ Ивановичъ и Батуринъ со мною; когда съ дѣлами судно пріѣдетъ и люди соберутся, тогда пришлю курьера съ обстоятельнымъ извѣстіемъ. Яковъ Ивановичъ очень жалокъ, а я не имѣю помощника. Вотъ, батюшка, какая слабость г. коменданта, а все изъ лакомства; прошу меня защитить, онъ спутаетъ меня въ свое оправданіе и съ губернаторомъ, которому можетъ быть съ симъ же курьеромъ что нибудь неправильно писалъ» (№ LXXXVI).

Заключительныя строки вполнѣ подтверждаютъ сдѣланное нами выше замѣчаніе, т. е., что Астраханскій губернаторъ Кречетниковъ былъ рѣшительно на сторонѣ Бошняка противъ Лодыжинскаго и Державина. Послѣдніе два, кромѣ офиціальныхъ отношеній, пересылались дружескими письмами, въ одномъ изъ которыхъ (23 окт. Саратовъ, № 102) Лодыжинскій даетъ слѣдующую любопытную характеристику общаго врага ихъ, за

3) Увекъ — имя горы и Татарскаго городища на самомъ берегу Волги.

вѣрность которой однакожъ нельзя ручаться, не имѣя покуда другихъ источниковъ для оцѣнки дѣйствій Кречетникова:

«Кречетниковъ васъ и меня ругаетъ немилосердо, и лжетъ во всѣ правительства, въ которыя хотя малѣйшую имѣетъ причину увѣдомлять о разоренiи Саратова, а о себѣ ничего не упоминаетъ, что онъ первый разоренiя нашего причиною, ибо именнымъ указомъ предписано ему было въ Саратовѣ быть для охраненiя своей губернiи; слѣдовательно, получа извѣстiе, что злодѣй приближается къ Саратову, не только не мѣшкавъ самъ былъ долженъ скакать да и войска оттуда выслать, ибо имѣлъ онъ двѣ легкiя полевыя команды и болѣе 1,500 казаковъ, кромѣ гарнизоновъ, о чемъ ему отъ Никиты Аѳанасьевича Бекетова [4]) письменное дано было предложенiе, но онъ упустя время ни самъ не поѣхалъ и Бекетова не допустилъ, ибо въ противномъ случаѣ онъ самъ хотѣлъ ѣхать противу злодѣя. Впрочемъ доношу о немъ, что онъ поступаетъ какъ сумасшедшiй, никѣмъ въ Астрахани не любимъ и только старается о набогащенiи себя, обираетъ всѣхъ кругомъ всякою всячиною, и только говоритъ, что рубли класть въ сундуки ничто не мѣшаетъ; отъ частаго повторенiя сей рѣчи сдѣлалась она уже пословицею». Въ томъ же письмѣ Лодыжинскiй далѣе говоритъ: «Мое одно письмо, писанное изъ Царицына, попалось въ руки самой Императрицы». Вѣроятно онъ разумѣетъ именно то, которое мы здѣсь привели цѣликомъ.

Относительно біографiи Бошняка, играющаго такую важную роль въ этомъ эпизодѣ жизни Державина, мы нашли покуда только слѣдующiя свѣдѣнiя. Онъ былъ родомъ изъ Македонiи, въ Русскую службу вступилъ въ 1735 г. капраломъ Сербскаго гусарскаго полка; въ 1770-мъ онъ былъ произведенъ въ полковники, а въ слѣдующемъ году назначенъ комендантомъ Саратова, гдѣ мы и застаемъ его во время Пугачевщины. Въ Царицынѣ, куда онъ отправился изъ Саратова, онъ вмѣстѣ съ тамошнимъ комендантомъ Цыплетевымъ распоряжался защитою этого хорошо укрѣпленнаго города и участвовалъ здѣсь въ отраженiи Пугачева. По усмиренiи бунта, Бошнякъ снова получилъ

4) Н. А. Бекетовъ, генералъ-поручикъ, былъ Астраханскимъ губернаторомъ до 1773, а въ этомъ году пожалованъ въ сенаторы.

мѣсто Саратовскаго коменданта и занималъ его до 1790 г. (5). Достигнувъ глубокой старости, онъ жилъ послѣ того не болѣе года. Онъ участвовалъ во многихъ походахъ и сражался за Россію въ Пруссіи, Польшѣ, Турціи и Швеціи.

Теперь посмотримъ, какъ П. С. Потемкинъ, вслѣдствіе донесеній Державина, смотрѣлъ на Саратовскія несогласія. Вотъ что писалъ онъ 9-го августа (№ CXXX):

«Къ крайнему оскорбленію получилъ я вашъ рапортъ, что г. полковникъ и Саратовскій комендантъ Бошнякъ, забывая долгъ свой, не только не вспомоществуетъ благому учрежденію вашему къ охраненію Саратова, но и препятствуетъ укрѣплять оной: того для объявите ему, что я именемъ Ея Императорскаго Величества объявляю, что ежели онъ что-либо упуститъ къ воспріятію мѣръ должныхъ какъ на пораженіе злодѣя, стремглавъ бѣгущаго отъ деташаментовъ маіора графа Меллина и подполковника Муфеля, такъ и на укрѣпленіе города Саратова по положенію условному, о коемъ вы мнѣ доносили: тогда я данною мнѣ властію отъ Ея Величества по всѣмъ строгимъ законамъ учиню надъ нимъ судъ. Впрочемъ я опасаюсь, чтобъ не опоздало мое къ вамъ сообщеніе: ибо сегодня имѣю рапортъ отъ графа Меллина, что злодѣй ушелъ изъ Пензы: теперь онъ не будетъ такъ нахальствовать. Совершившійся между Портою и Россіею миръ свободилъ отъ войны войска къ искорененію сего врага нашему отечеству, и уже вся конница, гусарскія и легкія войска изъ арміи обращены на его пораженіе. Изъ Москвы выступили четыре пѣхотные полка, три конныхъ, полкъ гусаръ венгерскихъ, 4 эскадрона Бошняковъ, полкъ драгунской и два полка донскихъ казаковъ, подъ командою генералъ-маіо-

5) Въ Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1844, № 9, откуда мы заимствовали часть этихъ свѣдѣній, очевидно невѣрно указаніе, будто Бошнякъ вышелъ въ отставку уже въ 1778 г.: въ той же статьѣ говорится, что онъ передалъ комендантскія дѣла Неѳедьеву не ранѣе 1790 г. Въ календарѣ 1788 г. Иванъ Константиновичъ Бошняк значится еще Саратовскимъ комендантомъ. Судя по имени Бошняка, онъ былъ родомъ Славянинъ, а не Грекъ, какъ сказано въ Саратовскихъ Вѣдомостяхъ. Слово Бошнякъ, какъ названіе народа, въ то время употреблялось у насъ вмѣсто нынѣшней менѣе правильной формы Боснякъ; въ двухъ приводимыхъ нами ордерахъ Потемкина и князя Голицына говорится о Бошнякахъ, какъ о составной части Русской арміи. Притомъ извѣстно, что Сербскіе гусарскіе полки, возникшіе у насъ въ 1727 году, пополнялись выходцами изъ Славянскихъ областей Турецкой имперіи.

ра Чорбы, а главная команда препоручена графу Петру Ивановичу Панину (6) надо всѣми войсками, слѣдующими на истребленіе сего бунтовщика Емельки Пугачева; теперь думаю, что деташаментъ *Муфеля*, графа *Меллина* и полковника *Михельсона* весьма близко къ Саратову: а и князь Петръ Михайловичь Голицынъ изъ Симбирска выступилъ сего 7-го числа на пораженіе злодѣя; подержитесь нѣсколько въ честь и къ пользѣ общей; а я уже о расторопности и усердіи вашемъ представлялъ высочайшему Двору. Увѣдомляйте, какъ возможно чаще, о дѣлахъ, съ вашей стороны происходящихъ».

Въ концѣ письма Французская приписка:

«Je crains que cela n'arrive pas trop tard. Si vous serez en état de rebuter ce coquin un seul jour, le comte Mellin vous donnera du secours».

На это письмо Державинъ отвѣчалъ изъ Сызрани, куда онъ между тѣмъ благополучно прибылъ. Вотъ какъ онъ доносилъ Потемкину о паденіи Саратова (№ 95):

«Отъ 9 сего м. ордеръ вашего превосходительства получилъ, на который имѣю донесть, что какъ уже Саратовъ неустройствомъ своимъ и измѣною погибъ, то всякое предпріятіе помочь ему поздо. Въ таковыхъ крутизнахъ несчастія, каковыя по понѣшнимъ обстоятельствамъ отечество наше имѣетъ, должна только власть, собою все исполняющая, нужденіемъ производить что нибудь. Ежели бы вы быть изволили или кто нибудь другой, которой бы начальство имѣть могъ, то бы можно поручиться, что Саратовъ бы устоялъ. На вашего превосходительства пошлюсь я, вы изъ рапортовъ моихъ видѣть изволили, дѣлалъ я что мнѣ только можно было и что сами засвидѣтельствовать могутъ тѣ, на которыхъ я такъ часто рапортовалъ вамъ, ежели они только живы. Оставалось мнѣ только напрасно быть въ Саратовѣ и напередъ несчастія его предвидя безъ всякой пользы.... 7). Выбѣжавшій изъ Саратова въ образѣ крестьянина г. капитанъ Мосоловъ объяснилъ, что будто комендантъ съ ма-

6) Указъ о назначеніи Панина подписанъ 29-го іюля.

7) Здѣсь пропущено нѣсколько словъ, которыхъ въ рукописи невозможно разобрать. Весь этотъ рапортъ написанъ до того блѣдными чернилами, что съ трудомъ можно было прочесть его.

лою частью своихъ людей на суднѣ спасся, но послѣ его отъ г. Муфеля присланный капралъ увѣрялъ, что всѣ безъ остатку погибли. Какъ бы то ни было, но посмѣяніе намъ, что около тысячи человѣкъ воиновъ отъ разбойника не могли ни дня защитить городу. Артиллерійскій капитанъ Баратаевъ и баталіонный командиръ маіоръ Салмановъ по вышеписанныхъ вѣстниковъ сказаніямъ стали измѣнниками и пошли прямо къ присоединенію изверга. Казакъ Уфимцевъ и купецъ Кубиковъ (8) встрѣтили злодѣя, и прочая чернь, при занятіи имъ мѣста къ атакѣ способнаго, вся выселилась къ нему. Сколько произвелося варварства надъ благородными, того изобразить нельзя! Чернь, выискивающая ихъ вездѣ, привозила изъ деревень и отовсюды предъ злодѣя, и сіе чудовище проливало кровь ихъ около становища своего, утоляя безъ всякаго ненасытную злобу свою милосердія. Приложенное при семъ посланныхъ моихъ объявленіе, какою цѣною платилъ онъ за жизнь нашу, покажетъ вашему превосходительству, коль устремлено его рвеніе на благородныхъ! Колонисты взбунтовались и многіе пошли въ его шайку; ихъ великія обѣщанія и деньги обольстили. Магазейны, имѣющіе кормить всѣ иностранныя селенія, расхищены до основанія и Богъ знаетъ, какой чрезъ сіе высшему интересу ущербъ произойти долженъ, ибо иностранцы, не имѣя чего ѣсть, должны домой разбрестися. Имъ обѣщана вольность и ежели злодѣй прямо сіе произвелъ ухищреніе, то должно ему истребить въ опекунской конторѣ письменныя дѣла, въ которыхъ квитанціи и счеты, то, какъ сказываютъ, чрезъ сіе должна казна будетъ потерять около 7 милліоновъ, задержанныхъ въ чаяніи возврата отъ колонистовъ.

«Вотъ какъ премудрой нашей Монархини труды и политику завидный рокъ испровергаетъ. Ежели это сдѣлалось, то Саратовъ.... болѣе всѣхъ. Прямаго извѣстія еще обо всемъ не получено. Малыковскіе жители, какъ скоро коснулась до нихъ язва, также изъ явнаго ихъ къ жестокости усердія сдѣлались злодѣи.

«Въ то время, какъ я за сильнымъ стремленіемъ посланныхъ за мною отъ злодѣя не могъ угодить въ Малыковку, а проѣхалъ прямо степью въ Сызрань, то пріѣхали въ сіе жительство»

(8) т. е. Кобяковъ.

(т. е. въ Малыковку) «12 человѣкъ злодѣевъ и въ состояніи были часть собранныхъ людей взбунтовать. Сто человѣкъ Донскихъ Денисовскихъ казаковъ, слѣдующіе въ Саратовъ, были злодѣйскими силами отъ него отрѣзаны и стоявшіе въ селѣ Воскресенскомъ услышали, что съ другой стороны пріѣхали разбойники въ Малыковку, куда тотчасъ подлетѣли и, восемь человѣкъ изъ нихъ переловивши, выѣхали. Между тѣмъ какъ, казалось, уже опасность миновалась, одинъ изъ укрывшихся злодѣевъ въ силахъ былъ произвесть страшное злодѣйство. Онъ изъ укрывательства своего вышелъ и тиранилъ.... помощію самихъ Малыковскихъ обывателей экономическаго казначея поручика Тишина и съ его женою, застрѣливъ ее прежде, повѣсилъ, дѣтей его малолѣтныхъ объ уголъ разбилъ [9]). Нѣкоторые изъ убійцъ переловлены, прочіе ушли къ самозванцу, который, какъ по всѣмъ слухамъ извѣстно, уклонился къ Царицыну. Но сколько должно сему вѣрить, столь должно опасаться, чтобъ онъ не поворотилъ вправо на Воронежскую губернію. Жительства всѣ здѣсь бунтомъ дышутъ и, какъ я не имѣю команды, а на меня паче злодѣйской направленъ былъ рыскъ, то я присоединился къ нашимъ войскамъ и теперь нахожусь при пришедшемъ съ главнымъ деташаментомъ князѣ Петрѣ Михайловичѣ Голицынѣ. Извѣстно вашему превосходительству, что главный предметъ моей коммисіи былъ тотъ, чтобъ въ случаѣ тайнаго укрывательства злодѣя въ странѣ здѣшней поставить ему сѣти и поймать его; но какъ онъ.... удалился, то что мнѣ теперь будетъ дѣлать, испрашиваю вашего превосходительства приказаніе» [10]).

Судя по числу письма, на которое Державинъ отвѣчалъ въ

---

9) Вѣроятно это самое событіе въ статьѣ г. Костомарова «Поѣздка въ г. Волгскъ» разсказано иначе по мѣстному, не столь точному преданію, въ которомъ достовѣрно только имя главнаго зачинщика бунта, крестьянина Сапожникова (Пам. книжка Сарат. губ. на 1859 г., стр. 96).

10) Державинъ еще прежде сбирался писать Потемкину о паденіи Саратова, но кажется, остановился на началѣ рапорта (№ 46), которое и сохранилось въ его тетради: «По тѣмъ смущеннымъ обстоятельствамъ, каковы здѣсь нынѣшнія, не могъ я прошедшимъ рапортомъ донесть основательно, что Саратовъ по описанныхъ мною вашему превосходительству неустройствахъ, какъ и по справедливости чаять должно было, погибъ. Его же паденіе причиною въ округѣ здѣшней всеобщаго мятежа».

этомъ рапортѣ, онъ писанъ былъ 13 или 14 августа. Что же происходило съ Державинымъ въ 8 или 9 дней, которые прошли послѣ отъѣзда его изъ Саратова, объ этомъ мы узнаемъ изъ его Записокъ. Перейхавъ для безопасности на луговую сторону Волги, онъ былъ задержанъ цѣлую ночь въ Покровской слободѣ (лежащей противъ Саратова), потому что тутъ не было лошадей, и писалъ приведенный выше рапортъ Потемкину о своемъ выѣздѣ изъ Саратова. Вотъ почему онъ не успѣлъ, какъ намѣревался прежде, присоединиться къ собраннымъ имъ Малыковскимъ крестьянамъ и, услышавъ вскорѣ, что Саратовъ взятъ Пугачевымъ, распустилъ этихъ крестьянъ изъ опасенія, чтобъ они не присоединились къ самозванцу. Послѣ этого онъ провелъ около двухъ дней въ ближайшихъ къ Саратову колоніяхъ, надѣясь черезъ обывателей узнать, куда направится Пугачевъ, на Яикъ или внизъ по Волгѣ: именно онъ жилъ въ Шафгаузенѣ у коммисара этой колоніи, капитана Вильгельма. Здѣсь-то онъ опять едва не попалъ въ руки бунтовщиковъ. Какой-то Пугачевскій полковникъ, переправясь черезъ Волгу, прибылъ въ колонію, возмутительною прокламаціей успѣлъ привлечь къ себѣ многихъ колонистовъ и, обѣщая за Державина 10,000 руб., отправилъ нарочныхъ искать его. Въ толпѣ этого полковника находился и бывшій служитель Державина, нанятый имъ въ Казани гусаръ изъ польскихъ конфедератовъ, который подъ Петровскомъ былъ захваченъ бунтовщиками въ кибиткѣ его съ ружьями и пистолетами. Теперь этотъ гусаръ взялся доставить Державина Пугачеву за условленную сумму. 8-го числа около полудня Державинъ услышалъ о пріѣздѣ воровскаго полковника въ колонію, но не зналъ куда бѣжать. Къ счастію, его спасъ егерь капитана Вильгельма, Иванъ. Посланный, чтобы развѣдать объ угрожающей опасности, онъ вдругъ прискакалъ назадъ съ извѣстіемъ, что шайка, ищущая Державина, завтракаетъ въ ближайшей колоніи, въ 5 верстахъ отъ него [1]). Державинъ взялъ лошадь, примчавшую егеря, и поскакалъ въ Сызрань, куда было 90 верстъ, къ Мансурову. Дорога шла мимо караула въ 200 человѣкъ крестъ-

1) По рапорту къ гр. П. И. Панину (№ 111) Державинъ въ то время находился въ колоніи Паниной.

янъ, прежде выставленнаго Державинымъ на Иргизѣ. Перемѣняя здѣсь лошадь, онъ замѣтилъ въ этихъ крестьянахъ духъ буйства: зная уже объ участи Саратова, они, какъ онъ догадывался, хотѣли схватить и отвести его къ бунтовщикамъ. Поэтому Державинъ не спускалъ съ нихъ глазъ, держа руку на пистолетѣ; во время перевоза черезъ Волгу онъ прислонился къ борту парома, поворотя къ нимъ лицо, и не перемѣнялъ этого положенія: «а какъ всякой изъ нихъ жалѣлъ своего лба, то онъ и спасся». Только что пристали къ берегу, онъ проворно соскочилъ съ парома и благополучно достигъ Сызрани 15-го августа.

Между тѣмъ, какъ Державинъ былъ въ Саратовѣ и, вынужденный обстоятельствами, спѣшилъ въ мѣстопребываніе одного изъ военачальниковъ, — лица, переписывавшіяся съ нимъ, продолжали посылать ему свои ордера въ Малыковку.

4-го августа, т. е. въ день похода Державина подъ Петровскъ, князь Голицынъ изъ Казани увѣдомлялъ его между прочимъ (№ LXXXII) о своемъ назначеніи на мѣсто Щербатова, отозваннаго въ Петербургъ «къ высочайшему двору», какъ сказано въ этомъ письмѣ. (Извѣстно, что Императрица находила слишкомъ большую медлительность въ дѣйствіяхъ Щербатова). Черезъ день, 6-го числа, Голицынъ опять писалъ Державину (№ LXXXII): «Изъ послѣдняго рапорту, присланнаго отъ вашего благородія къ г. генералъ-маіору Потемкину — такъ начинался ордеръ — я усматриваю всѣ достойныя учрежденія, которыя берутся въ Саратовѣ къ оборонѣ храброй сего города. Я почитаю, что производство онаго больше поводами и хорошими вашими совѣтами предуспѣвается: старайтеся сколь можно подкрѣплять духи слабые и заслужите честь и славу предъ всемилостивѣйшей нашей Государыней и отечествомъ». Описывая потомъ движенія войска и прося «обо всемъ почаще увѣдомлять» его, Голицынъ кончаетъ извѣстіемъ о мирѣ съ Турціею: «Ея Императорское Величество всемилостивѣйшимъ своимъ письмомъ изволила меня увѣдомить, что съ Портою Оттоманскою наиполезнѣйшій и славный миръ заключенъ. Сіе извѣстіе доставлено въ Петербургъ отъ его сіятельства графа Петра Александровича сына» (Румянцова), «который всемилостивѣйше пожалованъ генералъ-маіоромъ. Притомъ Ея Императорское Ве-

личество высочайше изволила назначить, чтобъ вся кавалерія 2-й арміи обратилась на покореніе здѣшнихъ бунтовщиковъ».

Отъ тѣхъ же самыхъ чиселъ Державину писалъ и Потемкинъ, изъ Казани же. Оба эти письма помѣщаются здѣсь цѣликомъ: (№ CIV) «Рапортъ вашъ отъ 31-го числа (іюля) я получилъ. Все, что вами объяснено въ немъ, наводитъ совершенную жалость въ разсужденіи положенія дѣлъ, каковыя происходятъ въ Россіи, тогда какъ сіе государство, правимое премудрой Монархиней, славясь побѣдами, пріобрѣло славный и торжественный съ Турками миръ. Нѣтъ и не можетъ быть, кто чувствуетъ важность дѣлъ, который бы безъ ужаса могъ видѣть всѣ звѣрскія дѣла изверга Емельки Пугачева, но должно не унывать только, а исполнять прямое дѣло; все, что вы учреждали для нападенія на злодѣя, достохвально. Что принадлежитъ до огражденія Саратова, я князю Петру Михайловичу Голицыну сообщилъ, какъ командующему всѣми войсками Ея Императорскаго Величества въ здѣшнемъ краю, и онъ уже послалъ строгій ордеръ къ Саратовскому коменданту, дабы они учредились къ тому условію, каковое прежде положили. За злодѣемъ вслѣдъ идетъ графъ Меллинъ съ деташаментомъ и подполковникъ Муфель; думаю, что уже имѣлъ съ нимъ дѣло; князь Петръ Михайловичь и самъ скоро выступитъ. Отъ Москвы жъ съ пятью полками генералъ-маіоръ Чорба идетъ и ежели догонятъ злодѣя, то кажется онъ довольно будетъ наказанъ за злодѣйства свои; между тѣмъ давайте знать кому надлежитъ: что всякой, кто его доставитъ въ руки живаго, получитъ награжденія двадцать пять тысячъ и болѣе. Впрочемъ возлагаю на васъ полную надежду, что вы ничего не упустите, что только можетъ служить къ пользѣ отечества и доказательству ревности въ службѣ Ея Императорскаго Величества. Впрочемъ я съ почтеніемъ пребываю» и пр.

(CVIII) «Рапортъ вашъ отъ 2-го августа [2]) и приложенныя при

---

2) Черновой отпускъ этого рапорта сохранился (№ 78), но, къ сожалѣнію, онъ писанъ такъ поспѣшно, что въ немъ можно разобрать только отдѣльныя слова и фразы:

«Вчерашняго числа получилъ я лестный для меня ордеръ. Такія обо мнѣ вашего превосходительства мысли заставляютъ меня болѣе себя чувствовать, слѣдовательно болѣе имѣть усердія къ службѣ нашей всемилостивѣйшей Импе-

немъ подписки я получилъ. Учрежденія ваши достойныя похвалы не оставлю я представить со всеподданнѣйшей моей резолюціей ко двору Ея Величества. Что касается до учрежденій тѣхъ, чтобы опредѣлить къ вамъ одного командира, то думаю на сіе рѣшительно послано повелѣніе отъ генералъ-маіора князя Голицына; о движеніяхъ подполковника Муфеля, уповаю, вы извѣстны; а какъ я надѣюсь, что помянутый подполковникъ соединился около 30-го числа сего теченія съ деташаментомъ маіора графа Меллина, то уповаю, что оба соединенные деташаменты облегчатъ вамъ подвигъ; сверхъ того князь Петръ Михайловичь прибудетъ къ Симбирску 10-го числа; полковникъ Михельсонъ находится въ Арзамасѣ, а изъ Москвы слѣдуютъ съ генералъ-маіоромъ Чорбою полкъ пѣхоты, два полка конныхъ и 700 Донскихъ казаковъ, да на Пензинскую дорогу выдутъ два полка пѣхоты; два гусарскихъ, 200 человѣкъ Бошняковъ и полкъ Донскихъ казаковъ, а отъ второй арміи вся кавалерія поворочена къ Дону; ибо славный миръ съ Оттоманскою Портою заключенъ и для удостовѣренія препровождаю къ вамъ копію съ реляціи генералъ-фельмаршала къ Ея Императорскому Величеству: возвѣстите о семъ народу. Впрочемъ я съ особливымъ почтеніемъ пребываю и пр.[3]).

Наконецъ 8-го августа, т. е. уже наканунѣ выступленія Пугачева изъ разореннаго Саратова, Мансуровъ, только что перепра-

---

ратрицы и болѣе прилежать благоволенія вашего быть достойнымъ. Долгъ мой есть, чтобы попался въ разставленныя мною сѣти злодѣй, но та бѣда, что его должно теперь въ странѣ сей удерживать не сѣтьми, но узами.... когда команды разсѣютъ его скопища и заставятъ его одного укрываться, то у меня люди готовы развѣдывать его. Теперь же слухъ его толпы.... и всѣхъ приводитъ въ робость. Однакожъ приложенныя при семъ подписки представятъ вашему превосходительству, что употребленъ мной человѣкъ, чтобы и посредя скопища его искоренить варвара. Думаю я, что ежели онъ и дойдетъ до Волги, то нашедъ суда всѣ отъ Сызрани до Саратова по нагорную сторону затопленныя, которыя я велѣлъ затопить..... ....
Сколько мнѣ труда стоило хлопотать съ комендантомъ и уже теперь привелъ въ порядокъ .....
Его превосходительство Петра Никитича Кречетникова должно благодарить, что онъ велѣлъ сводить легкія полевыя команды къ Царицыну.....
Филарета здѣсь не видно и вряд ли онъ теперь здѣсь покажется.

3) Въ концѣ этого письма, въ подлинникѣ, французская приписка: «Au lieu de dix mille roubles que vous avez promis à qui attrapera le scélérat, promettez vingt mille et j'en réponds». Потемкинъ забылъ, что въ предъидущемъ письмѣ онъ уже уполномочивалъ Державина обѣщать за поимку Пугачева 25 т. и болѣе.

вившійся черезъ Волгу на пути въ Сызрань, слишкомъ поздно писалъ къ Державину (№ LXXXV): «Я вчерась, перешедъ 65 верстъ марша, прибылъ къ переправѣ Волги-рѣки ночью; къ великому моему оскорбленію, погода противная удержала меня до двухъ часовъ по полудни, а съ того времени началъ переправляться чрезъ рѣку, но и тутъ препятствіе: худой перевозъ и малыя суда дѣлаютъ мнѣ замедленіе, однако завтра рано съ частію передовыхъ войскъ пойду въ Сызрань, о чемъ васъ и увѣдомляю. Сію же минуту присланъ ко мнѣ изъ Сызрани посланный вашъ фузелеръ съ пакетами, что будто бы бывшіе въ командѣ вашей Донскіе казаки или отхвачены злодѣемъ, или предались — обстоятельно мнѣ сказать не могъ, и что будто бы онъ самъ злодѣй 2 числа былъ въ Петровскомъ, напротивъ чего приводитъ меня въ недовѣрствіе полученной мною сего числа отъ подполковника Муфеля рапортъ, что онъ, Муфель, 5 числа съ деташаментомъ своимъ прибылъ въ Пензу и точно увѣдомленъ отъ гражданъ, что Пугачевъ съ 2-го числа находился въ Пензѣ, а 3-го изъ Пензы бѣжалъ къ сторонѣ Саратова; за нимъ слѣдуютъ въ разстояніи неболѣе 24 часовъ маіоръ графъ Мелинъ, потомъ Муфель и подполковникъ Михельсонъ съ надежными деташаментами; дайте о семъ увѣдомленіе Саратову! я же по переправѣ отправлю тотчасъ партію къ сторонѣ Малыковки, а васъ прошу не оставить меня вашими о семъ злодѣѣ увѣдомленіями, и сего посланнаго вашего съ симъ къ вамъ обратно отправилъ, приказавъ ему какъ возможно ускорить своимъ къ вамъ пріѣздомъ».

По отправленіи этого письма, Мансуровъ продолжалъ свой маршъ въ Сызрань, куда и прибылъ за день до Державина. Послѣдній передалъ ему все, что зналъ о Саратовѣ и направленіи пути Пугачева; но такъ какъ при Мансуровѣ былъ только слабый отрядъ, состоявшій большею частію изъ ненадежныхъ Яицкихъ казаковъ, которые прежде сами участвовали въ бунтѣ, то этотъ генералъ не рѣшился идти на освобожденіе Саратова, а сталъ дожидаться прибытія князя Голицына. Съ этою цѣлью и Державинъ остался въ Сызрани.

При разсказѣ о дѣйствіяхъ его подъ Саратовомъ, мы, слѣдуя нити главныхъ происшествій, не упомянули еще о нѣкото-

рыхъ распоряженіяхъ его, а потому и возвратимся къ нимъ теперь. Во время приближенія Пугачева къ Саратову, Державинъ отправилъ въ толпу его дворового человѣка Карамышевой, смѣлаго и проворнаго Былинкина, который вызвался убить самозванца. Не успѣвъ въ этомъ до разоренія Саратова, онъ присоединился къ какой-то отдѣльной шайкѣ и услышавъ, будто всѣ бывшіе въ Саратовѣ офицеры, а въ томъ числѣ и Державинъ, погибли, боялся, что если попадетъ въ руки нашихъ, то безъ Державина не будетъ въ состояніи оправдаться, а потому и задумалъ разсѣять ту шайку. Это ему въ самомъ дѣлѣ удалось: перевязавъ ея начальниковъ, онъ представилъ ихъ нашимъ войскамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исторгъ «изъ когтей смерти четверыхъ дворянъ и четверыхъ разнаго званія служивыхъ людей», приготовленныхъ разбойниками къ смерти. [4])

Тогда же, т. е. когда въ Саратовѣ ожидали Пугачева, Державинъ отправилъ своего повѣреннаго, Серебрякова, къ Мансурову съ просьбою идти поспѣшнѣе на помощь этому городу, но въ дорогѣ, на Иргизской степи, Серебряковъ попалъ въ руки другой шатавшейся шайки и былъ убитъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ. Это, по замѣчанію Державина, было очень кстати какъ для самого Серебрякова, такъ и для замѣшаннаго съ нимъ въ одно уголовное дѣло офицера Максимова и для многихъ сенатскихъ чиновниковъ.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть еще объ одной предосторожности Державина, которая, бывъ взята имъ въ самую опасную для него минуту, показываетъ все его присутствіе духа и неусыпную распорядительность. Когда онъ, находясь въ колоніи Шафгаузенъ, получилъ отъ егеря извѣстіе, что его ищутъ сообщники Пугачева, то онъ послалъ въ Малыковку, тамошнимъ должностнымъ лицамъ, приказаніе стараться спасти дворцовую экономическую казну и его секретныя бумаги, удалясь съ ними на какой-нибудь близлежащій островокъ на Волгѣ, гдѣ и окопать-

4) Такъ разсказанъ въ первоначальномъ журналѣ Державина случай, о которомъ упомянуто на 87 страницѣ печатнаго текста Запискомъ, гдѣ, по неразборчивости рукописи, вкрались слѣдующія двѣ невѣрности: «Карпиной» вмѣсто *Карамышевой* и «Былинка» вмѣсто *Былинкина*. Сверхъ того въ самой рукописи ИПБ. ошибочно записано «въ семъ мѣстѣ» вмѣсто *въ семъ мѣсяцѣ*, какъ видно изъ слѣдующей за тѣмъ фразы: «Въ семъ же мѣсяцѣ».

ся, а въ случаѣ нападенія мятежниковъ, обороняться до прихода нашихъ войскъ. Избѣгла ли Малыковка предполагаемаго здѣсь посѣщенія, увидимъ далѣе.

IV. Распоряженія Державина для защиты заволжскихъ колоній отъ Киргизъ-Кайсаковъ.

Мы уже не разъ упоминали о заволжскихъ колоніяхъ, въ которыхъ Державинъ отчасти имѣлъ свое пребываніе во время бунта. Такъ какъ вскорѣ онѣ сдѣлаются главной сценой его дѣятельности, то здѣсь кстати будетъ заранѣе познакомиться съ этой мѣстностью, которая пріобрѣтаетъ тѣмъ болѣе интереса, что имѣетъ нѣкоторое значеніе въ исторіи поэтической дѣятельности Державина: здѣсь, въ минуты досуга, писалъ онъ пьесы, изданныя имъ вскорѣ послѣ Пугачевщины подъ заглавіемъ: «Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ». До сихъ поръ эта гора оставалась чѣмъ-то загадочнымъ; было даже высказано предположеніе, не придумалъ ли Державинъ это названіе просто для куріозу, ради заманчивости заглавія (5). Вслѣдствіе переписки съ мѣстными властями того края, мы имѣемъ возможность представить самыя точныя по этому предмету свѣдѣнія.

Приволжскія нѣмецкія колоніи возникли въ началѣ царствованія Екатерины II, лѣтъ за 10 до Пугачевщины, и расположены на луговой, т. е. лѣвой сторонѣ Волги (6). Хотя онѣ нынѣ находятся въ Николаевскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, однако главное управленіе ихъ и до сихъ поръ остается въ Саратовѣ, почему онѣ иногда все еще называются Саратовскими колоніями. Начинаясь верстахъ въ 50 отъ этого города, на противоположномъ берегу, колоніею Екатериштадтъ, онѣ тянутся на такое же пространство вверхъ по Волгѣ почти до впаденія въ нее р. Иргиза; въ 6-ти верстахъ отъ Иргиза (въ 4-хъ отъ берега Волги) лежитъ колонія *Шафгаузенъ*, которую Державинъ потому называетъ совершенно вѣрно крайнею. (Зап., стр. 69).

---

5) Зап. Державина, стр. 103 въ примѣчаніи.

6) См. въ Памятной книжкѣ Саратовской губерніи статью г. Костомарова «Очеркъ исторіи Саратовскаго края».

Въ 6-ти верстахъ за Шафгаузеномъ (слѣд. верстъ 9 — 10 отъ Волги) тянется въ степи, параллельно съ рѣкой, холмистая возвышенность, занимающая въ длину верстъ 10, въ ширину версты 3. Одинъ конецъ этой гряды приходится противъ Шафгаузена, а другой — противъ 6-й колоніи, Солотурнъ. На восточномъ концѣ, за Шафгаузеномъ, возвышенность постепенно растетъ и предъ склономъ на сѣверовостокъ образуетъ овальную верхушку, которой разстояніе отъ подошвы составляетъ футовъ 300. Это и есть *Читалагай* (по нынѣшнему мѣстному произношенію Русскихъ—Чертолагай, у Нѣмцевъ—Шитлагай) (7). Въ гористой сторонѣ онъ считался бы земляным холмомъ, не болѣе, но здѣсь слыветъ горою, потому что среди плоской степи кажется порядочною возвышенностію, и съ вершины его открывается во всѣ стороны обширный видъ, особенно на югъ является необозримая степь. Такъ же точно и съ другаго конца, противъ колоніи Солотурнъ, этотъ кряжъ образуетъ одинаковой высоты и формы вершину, называемую «Калмыцкой горой». Промежутокъ между обѣими горами составляетъ плоскогоріе (plateau); вся гора безлѣсна. Отъ подошвы Читалагая идутъ болота и пруды, поросшіе высокимъ тростникомъ; изъ нихъ вытекаетъ рѣчка Вертуба, впадающая въ Волгу.

Нынѣшнее населеніе колоніи Шафгаузенъ составляетъ болѣе 1,500 душъ обоего пола или около 175 дворовъ. Первые поселенцы были по большой части родомъ изъ Гессенъ-Дармштадтскихъ владѣній. Впрочемъ здѣсь нѣтъ ни одной колоніи, въ которой бы поселились безъ примѣси жители той или другой страны Германіи. Всего болѣе было выселниковъ изъ Гессена и изъ Швабіи; менѣе изъ Саксоніи, Пруссіи, Мекленбурга, Померанія и др. земель. Впослѣдствіи многіе переходили изъ одной колоніи въ другую. Изъ этой-то смѣси различныхъ Нѣмецкихъ

7) *Для объясненія имени Читалагай я обращался къ П. П. Семенову, бывавшему въ Киргизской степи, и къ г. академику Дорну. По мнѣнію г. Семенова, это имя должно состоять изъ двухъ Татарскихъ словъ: чи есть названіе степной травы, въ родѣ камыша, изъ которой на востокѣ плетутъ корзины, ширмы, двери и т. п., а талагай значитъ—голова, верхушка. Г. Дорнъ не отыскалъ въ Татарскомъ языкѣ этихъ словъ. Однакожъ мѣстные жители, пасторъ Пундани и г. Шмальцевъ, находятъ приведенное объясненіе очень правдоподобнымъ, потому что въ окрестностяхъ горы, именно около Бичкасова озера, растетъ камышъ разнаго рода.*

народовъ, поселившихся на Волгѣ, произошло нынѣшнее поколѣніе, въ которомъ діалектическія различія почти сгладились, такъ что теперь господствующій въ колоніяхъ языкъ есть литературный — верхненѣмецкій (hochdeutsch), однакожъ почти въ каждой колоніи съ особеннымъ оттѣнкомъ произношенія. Жители сохранили, почти во всей чистотѣ, свои національные нравы и обычаи, свой образъ жизни, свою одежду и архитектуру. Преданія о Пугачевщинѣ еще до сихъ поръ не изгладились между колонистами. «Когда я — пишетъ намъ г. Пундани, пасторъ колоніи Баратаевки — опредѣлился сюда 38 лѣтъ тому назадъ, нѣкоторые старожилы Шафгаузена разсказывали мнѣ про Пугачевщину и говорили, что тамъ стояли двѣ пушки, которыя потомъ отправлены были на Иргизъ». Отъ первыхъ же поселенцевъ идетъ преданіе, что при холмѣ, въ чертѣ Баратаевки, когда-то стояло войско, и теперь еще тамъ видны остатки укрѣпленій.

Мы оставили Державина вмѣстѣ съ Мансуровымъ въ Сызрани. Было упомянуто, что во время пребыванія Державина въ колоніяхъ, послѣ разоренія Саратова, большая часть иностранныхъ поселенцевъ была вовлечена въ возмущеніе. Вслѣдствіе этого Державинъ, находясь при Мансуровѣ, отнесся къ нему между прочимъ съ такимъ рапортомъ (№ 63): «Во время злодѣйскаго вступленія въ г. Саратовъ посыланные мною для развѣдыванія иностранцы письменно извѣстили, что бунтовщики въ колоніяхъ были и возмутили колонистовъ. Каковы же ихъ поданныя объявленія, при семъ точные переводы вашему превосходительству поднести сиѣю, а оригиналы долженъ я отослать въ секретную комиссію. При семъ также подношу сочиненное отъ имени вашего превосходительства объявленіе и переведенное мною для возстановленія повиновенія въ вышеупомянутыхъ селеніяхъ иностранныхъ. Когда, по разсмотрѣнію вашего превосходительства, оное объявленіе найдено будетъ таковымъ, каковымъ оно должно быть, то не изволите ли приказать распубликовать оное въ колоніяхъ, а чтобъ оно имѣло прямое свое дѣйствіе, то беретъ на себя всемилостивѣйшей Государынѣ оказать службу живущій въ колоніяхъ г. капитанъ и кавалеръ Вильгельмъ; только проситъ онъ, чтобъ дано ему бы-

ло отъ васъ или отъ находящихся въ колоніяхъ, 80 человѣкъ казаковъ, для безопасности отъ взбунтовавшихся калмыковъ». А вотъ и приложенный къ этому рапорту манифестъ отъ 13-го августа, въ переводѣ, сдѣланномъ нами съ Нѣмецкаго подлинника (см. № 107). «Манифестъ отъ командующаго арміею Ея Императорскаго Величества при Волгѣ, генерала П. Д. Мансурова, всѣмъ въ колоніяхъ вокругъ Саратова поселеннымъ иностранцамъ и обывателямъ: Такъ какъ нѣкоторые изъ васъ *въ нынѣшнія мятежныя времена* [8]) дерзнули забыть не только щедроты нашей всемилостивѣйшей Государыни, но и присягу свою, и въ безразсудныхъ мечтаніяхъ покидаютъ даже свои жилища, повергая себя въ величайшее бѣдствіе: то, какъ оставшіеся доселѣ вѣрными подданными, такъ и забывшіе долгъ свой симъ призываются воздержаться отъ преступныхъ мыслей, за неусыпныя о васъ попеченія не платить неблагодарностью и оставаться спокойно на мѣстахъ вашего поселенія, потому что въ Саратовъ и въ вашу сторону поспѣшно придетъ сильное войско подъ моимъ начальствомъ для защиты вашей, для истребленія и преслѣдованія явившихся между вами злодѣевъ, и въ такомъ случаѣ обѣщается вамъ продолженіе помощи и щедротъ всемилостивѣйшей Государыни нашей. Тѣ же, которые окажутся измѣнившими присягѣ своей, будутъ сочтены государственными преступниками и должны ожидать *строжайшей по законамъ казни*. Что вы останетесь вѣрными нашей всемилостивѣйшей Государынѣ и долгу своему, надѣюсь тѣмъ болѣе, что вамъ, какъ иноземцамъ и разсудительнымъ Европейцамъ, должно быть слишкомъ хорошо извѣстно, что выдающій себя за императора, *главный бунтовщикъ Емелька Пугачевъ не что иное есть какъ свирѣпый варваръ, тиранъ и извергъ*, истребленія котораго весь родъ человѣческій *желать долженъ. Для того чрезъ сіе высочайшимъ именемъ нашей всемилостивѣйшей Государыни Императрицы* обѣщаю я *тому, который сего мятежника Пугачева доставитъ ко мнѣ живымъ въ руки, дать* 25 *тысячъ рублевъ; который же*

8) Подчеркнутыя мѣста суть выраженія самого Державина изъ чернового перевода, оставшагося при его бумагахъ, но которымъ мы не могли вполнѣ воспользоваться, потому что большей части его нельзя разобрать (№ 48). Нѣмецкій подлинникъ написанъ рукою капитана Вильгельма.

истребить его и представить ко мнѣ мертваго, тотъ получитъ половину сей суммы».

Между-тѣмъ Мансуровъ и Державинъ дожидались князя Голицына, по условію, близъ Сызрани въ селѣ Колодиѣ, которое лежало на пути его въ Пензу. По свиданіи съ нимъ Мансуровъ отправился на лѣво по берегу рѣки Волги, а Державинъ пробылъ нѣсколько дней при князѣ для подробнѣйшихъ съ нимъ объясненій и въ ожиданіи отъ Потемкина, изъ Казани, разрѣшенія: что̀ предпринять и куда обратиться послѣ того какъ Пугачевъ уже прошелъ чрезъ мѣста, порученныя наблюденію Державина и гдѣ, слѣдовательно, его присутствіе дѣлалось затѣмъ ненужнымъ.

Въ это время до князя Голицына дошелъ слухъ, что селенія на Иргизѣ и еще болѣе приволжскія колоніи опустошаются Киргизъ-Кайсаками. Такъ какъ отрядъ Голицына былъ очень не великъ, а притомъ раздробленъ для возстановленія спокойствія въ Пензинской и Симбирской провинціи, то не съ чѣмъ было идти на помощь разоряемымъ селеніямъ. Тогда-то Державинъ, не получая отвѣта отъ Потемкина, вызвался идти на Киргизъ-Кайсаковъ съ крестьянами, лишь бы ему дано было небольшое подкрѣпленіе военными людьми. Голицынъ, соглашаясь на то, далъ Державину слѣдующій ордеръ отъ 20 августа, изъ деревни Телятниковой (№ LXXXVII): «Ваше благородіе предъявили мнѣ свою готовность и желаніе набрать изъ Малыковки, какъ и съ прочихъ селеніевъ, до 600 и болѣе вооруженныхъ обывателей, для употребленія противъ варварскихъ набѣговъ Киргизъ-Кайсаковъ, которые нынѣ столь дерзостны, что коснулися къ среднимъ селеніямъ, лежащимъ на рѣкѣ Иргизѣ; то я съ охотою моею принимаю сей новый опытъ вашего усердія къ услугамъ Ея Императорскаго Величества и отечества, препоруча вамъ въ точное и въ одно зависящее распоряженіе. При томъ подаю вамъ нижеслѣдующіе способы:

«Какъ для набора обывателей и приведенія въ нѣкоторое устройство оныхъ неминуемо надобна воинская команда, на то отрядилъ часть казаковъ изъ деташамента г. генералъ-маіора и кавалера Мансурова. Но какъ оные еще не прибыли, то приказалъ командировать въ команду вашу 25 гусаровъ съ унтеръ-

офицеромъ полка Бахмутскаго, и когда оные казаки прибудутъ, то непремину въ скорости къ вамъ прислать, а для снабженія порохомъ приказалъ потому же отпустить артиллеріи поручику Рейнлингу три пуда, и полтора пуда свинцу и одну трехъ фунтовую пушку, съ полнымъ числомъ снарядовъ.

«А какъ поселенные иностранцы въ колоніяхъ должны брать съ прочими равное участіе оборонять и свои жительства, то ихъ начальникъ г. капитанъ Вильгельмъ находитъ средство набрать до 300, почему и далъ мое повелѣніе, чтобы немедленно къ тому приступилъ и зависѣлъ бы отъ наставленія вашего.

«Въ заключеніе прошу вашего благородія, чтобы какъ можно скорѣе могли окончить оный наборъ и готовы были слѣдовать туда, гдѣ больше набѣги отъ воровъ Киргизъ-Кайсаковъ чинятся, имѣя главный предметъ, дабы обезпечить тѣмъ колонію, какъ и жительство на Иргизѣ, утвердя потомъ въ краяхъ селеніевъ посты и составя чрезъ патрули безперерывную комуникацію, а между тѣмъ примѣчать можете и на главное стремленіе злодѣя Пугачева. Если онъ отъ преслѣдуемыхъ за нимъ нашихъ войскъ опрокинется на луговую сторону, то чтобъ заблаговременно могли свѣдать и меня о томъ увѣдомить.

«Бывшій въ военной службѣ поручикъ Гогель, что нынѣ находится въ колоніи, также желаетъ быть употребленнымъ въ сію экспедицію; то ваше благородіе извольте его опредѣлить къ тремъ стамъ колонистамъ. Если вамъ какія будутъ препятствія въ успѣхахъ въ препорученномъ дѣлѣ, то не оставьте меня увѣдомить, а я не премину подавать вамъ всевозможныя вспомоществованія.

«Впрочемъ за должность почитаю представить къ высшей командѣ, что вы взялись въ нынѣшнихъ нужныхъ обстоятельствахъ за столь благородное дѣло для общества, и полагаю твердую надежду на васъ, на постоянную вашу ревность и достоинство, что вы предпріятія свои съ пользою произведете».

Въ слѣдъ за тѣмъ Голицынъ прислалъ къ Державину 8 колодниковъ и одну женщину, виновныхъ въ остановкѣ ѣхавшаго курьера и доставленіи его къ Пугачеву; Державину предписывалось взять ихъ съ собою и главнаго изъ нихъ повѣсить

на мѣстѣ преступленія, а «прочимъ учинить жестокое тѣлесное наказаніе». (№ LXXXVIII).

Въ тотъ же день, 21 августа, Державинъ съ своимъ новымъ гусарскимъ отрядомъ выступилъ къ Малыковкѣ, чтобы тамъ набрать крестьянъ; но едва онъ прошелъ верстъ 40, какъ получилъ отъ князя Голицына слѣдующій ордеръ (№ XC): «Сей моментъ явились здѣсь одинъ офицеръ отставной Хардинъ, а другой унтеръ-офицеръ, посланный изъ Симбирска курьеромъ въ Пензу, которые были пойманы въ злодѣйскую шайку атамана разбойника Воронова, а послѣ 17 іюля бѣжали изъ села Алексѣевскаго, что на большой Саратовской дорогѣ, въ которомъ оставили разбойниковъ сильныхъ числомъ въ 700 человѣкахъ. Я къ поимкѣ и преслѣдованію сихъ неистовыхъ людей завтрашняго числа отселѣ выступлю по большой Саратовской дорогѣ и стараться буду форсированный маршъ сдѣлать, отряди потомъ сколько имѣю конницы съ подкрѣпленіемъ пѣхоты для пораженія и совершеннаго истребленія сихъ изверговъ; я васъ увѣдомляю о семъ, чтобы взяли свои мѣры иногда если клоненіе злодѣевъ будетъ къ Малыковкѣ, что и можетъ статься, чтобъ не могли попасться въ ихъ варварскія руки, а всего вѣрнѣе предпочитаю, что до разбитія оной партіи, не лучше ли когда бъ возвратилися обратно къ корпусу.

«Пошлите притомъ провѣдать набережною стороною, приказавъ онымъ посланцымъ, когда оная шайка покажется къ тѣмъ мѣстамъ, то бы немедленно меня увѣдомили».

Далѣе собственной рукой Голицына приписано:

«Посылаю при семъ самаго того унтеръ-офицера, который былъ у злодѣевъ, для лучшаго вамъ познанія, на которыя они мѣста шли. О г. генералъ-маіорѣ Мансуровѣ не знаю, гдѣ тепереча находится и какъ онъ могъ пропустить эту шайку».

Присланный съ этимъ письмомъ унтеръ-офицеръ сообщилъ Державину, что хотя шайка Воронова, называющаго себя Пугачевскимъ генераломъ, и многочисленна, но она для Державина не опасна, потому что спѣшитъ на соединеніе съ Пугачевымъ, бѣгущимъ отъ Михельсона къ Царицыну. Поэтому Державинъ рѣшился идти далѣе и отвѣчалъ князю (№ 102): «Получа ордеръ вашего сіятельства о шатающейся шайкѣ въ

селѣ Степной Алексѣевкѣ и что оная шайка въ семъ селѣ была уже 19 числа, не знаю я куда она прямо обратила свое стремленіе; однако, какъ унтеръ-офицеръ сказывалъ, что прорывается она въ Саратовъ, то, положась на волю Божью, рѣшился идти въ Сосново и тамъ съ собранными у управителя двумя стами мужиками вооруженными буду ожидать навѣстія отъ вашего сіятельства о разбитіи толпы помянутой, также и пославъ въ Малыковку, узнаю обстоятельства какъ жительства сего, такъ и всей кругъ оной околичности».

На другой же день Державинъ получилъ отъ Голицына увѣдомленіе, что Мансуровъ разбилъ шайку Воронова, схвативъ самого ея предводителя и 435 сообщниковъ его, почему князь и предписывалъ Державину — «слѣдовать въ назначенное мѣсто съ крайнею поспѣшностью». (№ XCI.) Между тѣмъ Державинъ еще наканунѣ исполнилъ тяжелую обязанность: остановясь въ селѣ Поселкахъ, гдѣ схваченъ былъ упомянутый курьеръ, онъ, по приказанію Голицына, повѣсилъ тамъ крестьянина Михаила Гольцова. Такую же казнь долженъ онъ былъ совершить въ Сосновской волости: открывъ убійцъ Серебрякова — большею частью бѣглыхъ солдатъ, которые злодѣйствовали въ окрестностяхъ, онъ одного изъ нихъ повѣсилъ, а прочихъ для дальнѣйшаго слѣдствія отправилъ къ экономическому казначею Сосновской волости, артиллеріи капитану Палтову. Въ рапортѣ къ нему (№ 41) насчетъ главнаго изъ преступниковъ сказано: «Для устрашенія, изъ нихъ одинъ, на злодѣйскомъ сраженіи въ поимкѣ ихъ раненый, бѣглый солдатъ Иванъ Григорьевъ, по данному мнѣ повелѣнію и по опредѣленію моему, за его злодѣйство, въ сходство государственныхъ правъ, повѣшенъ».

Въ послѣднихъ числахъ августа (вѣроятно 25) Державинъ прибылъ въ знакомую ему Малыковку, куда онъ, какъ мы видѣли, при вынужденномъ своемъ удаленіи изъ колоній, послалъ приказаніе о вывозѣ казны и секретныхъ бумагъ; предосторожность эта была очень нужна, потому что вскорѣ варварская шайка дѣйствительно посѣтила Малыковку и Державинъ засталъ это село еще въ сильномъ волненіи отъ совершившихся тамъ ужасовъ. По его наставленію, экономическій казначей Тишинъ, дворцовый управитель Шишковскій и Саратовскій артиллерійскій

унтеръ-офицеръ съ 20 солдатами скрылись съ казною и дѣлами на небольшомъ островѣ по близости отъ Малыковки, «взявъ съ собою женъ и именитыхъ надежныхъ поселянъ». Малолѣтнихъ дѣтей своихъ жена казначея не рѣшилась увезти также на островъ, боясь, что они плачемъ и крикомъ выдадутъ спрятавшихся, и потому, надѣвъ на нихъ «крестьянскія замаранныя рубашенки, она оставила ихъ съ кормилицами и нянькой у надежныхъ мужиковъ». Безпокойство материнскаго сердца было причиною погибели всего семейства.

На другой день рано два злодѣя, пріѣхавъ въ Малыковку, «объявили, что они изъ арміи батюшки; народъ вмигъ сбѣжался, принялъ ихъ съ радостію и они такъ напились, что легли близъ кружала въ растяжку. Обыватели поставили вкругъ ихъ караулъ, и ночь прошла въ глубокой тишинѣ и спокойствіи». На слѣдующее утро казначейша, соскучась по дѣтяхъ и думая, что въ селѣ нѣтъ никого изъ бунтовщиковъ, уговорила мужа съѣздить и посмотрѣть дѣтей. Сѣли въ лодку, заклались травою и съ помощію двухъ гребцовъ и кормщика благополучно приплыли къ берегу. Тутъ кормщикъ, измѣня, сказалъ о нихъ злодѣямъ, едва съ похмѣлья проснувшимся. Они тотчасъ схватили мужа и жену; мучили и, неистово наругавшись надъ нею, допросились о дѣтяхъ, которыхъ едва сыскали и принесли, то схватя за ноги разможжили объ уголъ головы младенцевъ; казначея и казначейшу раздѣвъ повѣсили на мачтахъ и потомъ разстрѣлявъ уѣхали». (Зап., стр. 90; ср. выше стр. 81).

Послѣ того бунтовщики болѣе не тревожили Малыковку. Шишковскій и унтеръ-офицеръ съ солдатами воротились изъ своей засады въ село. Когда же тамъ провѣдали о приближеніи Державина съ вооруженными людьми изъ отряда Голицына, то обыватели, боясь заслуженнаго наказанія за «предательство двумъ пьянымъ бездѣльникамъ», схватили участниковъ въ убійствѣ Тишиныхъ и посадили ихъ подъ караулъ. Державинъ тотчасъ допросилъ ихъ и по данной ему власти приговорилъ къ смерти [9]). Описаніе этой казни возьмемъ слово въ слово изъ его

9) Конечно, эту самую казнь и разумѣетъ г. Костомаровъ въ статьѣ своей: «Поѣздка въ г. Волгскъ», когда онъ говоритъ: «Послѣ успокоенія края Сапожни-

Записокъ (стр. 91). Это одно изъ тѣхъ мѣстъ его автобіографіи, которыя показываютъ, что онъ не всегда только въ поэзіи слѣдовалъ внушеніямъ своей сильной фантазіи, склонной ко всему торжественному и таинственному. «Чтобъ больше устрашить колеблющуюся чернь и привесть въ повиновеніе, приказалъ на другой день въ назначенномъ часу всѣмъ обывателямъ, мужскому и женскому полу, выходить на лежащую близъ самаго села Соколову гору; священнослужителямъ отъ всѣхъ церквей, которыхъ было семь, облачиться въ ризы; на злодѣевъ, приговоренныхъ къ смерти, надѣть саваны. Заряженную пушку картечами и фузелеровъ 20 человѣкъ при унтеръ-офицерѣ поставилъ задомъ къ крутому берегу Волги, на который взойти было трудно. Гусарамъ приказалъ съ обнаженными саблями разъѣзжать около селенія и не пускать никого изъ онаго, съ приказаніемъ, кто будетъ бѣжать, тѣхъ не щадя рубить. Учредя такимъ образомъ, повелъ съ зажженными свѣчами и съ колокольнымъ звономъ чрезъ все село преступниковъ на мѣсто казни. Сіе такъ сбѣжавшійся народъ всего села и изъ окружныхъ деревень устрашило, что хотя было ихъ нѣсколько тысячъ, но такая была тишина, что не смѣлъ никто рта разинуть. Симъ воспользуясь, сказанныхъ главнѣйшихъ злодѣевъ, прочтя приговоръ, приказалъ повѣсить, а 200 человѣкъ, бывшихъ на Иргизскомъ караулѣ, которые его хотѣли поймавъ отвести къ Пугачеву, пересѣчь плетьми. Сіе все совершали, и самую должность палачей, не иные кто какъ тѣ же самые поселяне, которые были обвиняемы въ измѣнѣ. Державинъ же только расхаживалъ между ними и причитывалъ, чтобъ они впредь вѣрны были Государынѣ, которой присягали. Народъ весь, ставши на колѣни, кричалъ: «виноваты и ради служить вѣрою и правдою.»

Таковъ былъ примѣръ строгости, данный Державинымъ жителямъ села, въ которомъ онъ жилъ передъ Саратовскими происшествіями. За тѣмъ онъ велѣлъ набрать до 1,000 человѣкъ конныхъ вооруженныхъ ратниковъ и 100 телѣгъ съ провіантомъ. «Въ одни сутки, говоритъ онъ, все было исполнено: 700

ковъ, съ пятью другими преступниками, былъ повѣшенъ». Сар. Пам. кн. на 1859, стр. 96.

исправныхъ конниковъ явились передъ нимъ съ сказаннымъ обозомъ изъ ста телѣгъ, и онъ былъ готовъ къ выступленію».

Но прежде нежели послѣдуемъ за нимъ, мы должны остановиться на двухъ полученныхъ имъ здѣсь важныхъ бумагахъ. Одна, отъ Потемкина (20 августа), была слѣдующаго содержанія (CXXIII): «Рапортъ вашъ отъ 16 сего мѣсяца я получилъ; съ чувствительнымъ удрученіемъ сердца читалъ я донесеніе ваше о производимомъ варварствѣ надъ несчастными людьми злодѣя и изверга Пугачева; видно, что могущество небесное терпитъ его злодѣйство и въ казнь другихъ попускаетъ оное. Трудно тамъ располагать оплотъ разумомъ, гдѣ тысячи причинъ стекаются къ попущенію сего злодѣя и къ усиливанію его. Не одинъ Саратовскій комендантъ, по несчастію, увеличилъ силы сего злодѣя. Саратовскій и Пензинскій воеводы первые ополчили его артиллерію. Явно отъ низкой души и прямой трусости своей, комендантъ дѣлалъ все къ вреду отечества и къ ободренію врага; не укрѣпивъ городъ, довершилъ зло, которое могло только отъ сего произойти. Коль велико могущество Божіе, что миръ совершенъ, теперь изъ Москвы слѣдуютъ полки на поруженіе злодѣя. Но если онъ предуспѣетъ завладѣть Царицынымъ, то еще болѣе усилится, и тогда трудно будетъ его Михельсону и Муфелю разбить. Что касается до повороту его на Донъ, то уповаю, тамъ скоро встрѣтитъ его вся вторая армія; однако сіе не облегчаетъ горесть, когда видимъ мы распространеніе зла отъ такого изверга въ самыхъ нѣдрахъ отечества нашего.

«Ваше высокоблагородіе, не находя болѣе возможности быть полезнымъ по препорученной вамъ коммисіи отъ покойнаго генералъ-аншефа Бибикова, можете быть въ Казани, гдѣ, самолично изъяснясь со мной, будете имѣть новое дѣло. Но я желаю всемѣрно, чтобъ вы управительскихъ дѣлъ копіиста Петра Алексѣева доставили въ Казанскую секретную коммисію».

Другая бумага, полученная Державинымъ, содержала циркуляръ вновь назначеннаго главнокомандующимъ для усмиренія мятежа, графа П. И. Панина. Извѣстно, что когда, послѣ разоренія Казани, Императрица была крайне озабочена успѣхами Пугачева, Панинъ, бывшій почти со взятія Бендеръ въ немило-

сти, изъ сельскаго своего уединенія просилъ поручить ему окончаніе дѣла. Екатерина изъявила согласіе, и 29 іюля былъ подписанъ указъ о назначеніи Панина. Вотъ циркуляръ его отъ 25 августа, заимствуемый нами съ копіи, написанной рукою Державина (№ XCIV): «1774 г. августа 25 дня по указу Ея Императорскаго Величества и по данной мнѣ полной мочи, за собственнымъ подписаніемъ, на усмиреніе производимаго нынѣ въ государствѣ бунта измѣнникомъ съ его сообщниками и самозванцемъ Пугачевымъ, въ имени Императора Петра третьяго, который, извѣстно всему государству, 12 тому уже лѣтъ какъ скончался и предъ глазами всего Петербурга похороненъ въ Невскомъ монастырѣ, по усмотрѣнію на мѣстѣ удобнѣйшихъ средствъ не только къ пресѣченію сего бунта, но къ возвращенію въ прежнее вѣрноподданническое повиновеніе Ея Императорскому Величеству законно владѣющей скипетромъ всероссійскимъ Императрицѣ Великой Екатеринѣ второй, всѣхъ возмутившихся онымъ бунтомъ Ея Величества подданныхъ, измѣнниковъ и сообщниковъ его, предполагаю я симъ по государственнымъ законамъ поступить по нижеписанному: 1) Во всѣхъ тѣхъ городахъ и селеніяхъ, въ которыхъ обыватели поднимали свои руки или и способствовали только помкѣ и предательству въ руки измѣнниковъ, на смертное убійство своихъ воеводъ, всякихъ поставленныхъ отъ Ея Величества начальниковъ, собственныхъ помѣщиковъ, священниковъ и всякаго званія вѣрноподданныхъ, изъ тѣхъ какъ самыхъ убійцъ, такъ и изъ предателей заводчиковъ, изготовя напередъ по христіанскому закону, казнить смертію отрубленіемъ сперва руки и ноги, а потомъ головы, и тѣла класть на колоды у проѣзжихъ дорогъ. 2) Всѣхъ безъ изъятія послѣдователей за таковыми бунтовщиками сѣчь жестоко при висѣлицахъ плетьми. 3) Ради таковой кары, при всѣхъ тѣхъ селеніяхъ, которыя бунтовали или хотя и ослушными противу законнаго начальства оказались, поставить и впредь до указа не велѣть снимать по одной висѣлицѣ, по одному колесу и по одному глаголю для вѣшанія за ребро. 4) Если заводчиковъ въ убивствахъ учрежденныхъ начальниковъ, собственныхъ помѣщиковъ, священниковъ и всякаго званія вѣрноподданныхъ, никакими настоящими обличеніями изы-

скивать гдѣ нельзя, то въ таковыхъ селеніяхъ, гдѣ начальники, священники и всякаго званія вѣрноподданные умерщвлены или преданы ихъ же поселянами, принуждать къ выдачѣ заводчиковъ метаніемъ между ими жребія, для повѣшанія третьяго, а ежели симъ средствомъ они ихъ не выдадутъ, то и дѣйствительно сотаго между таковыми съ жеребья повѣсить, а остальныхъ всѣхъ возрастныхъ пересѣчь плетьми. 5) Всѣхъ поселянъ, возвращенныхъ сими средствами въ прежнюю подданническую вѣрность къ Ея Императорскому Величеству всемилостивѣйшей Государынѣ и въ должное повиновеніе своимъ начальникамъ и помѣщикамъ, утвердить въ томъ цѣлованіемъ Евангелія и креста, объявивъ, что если кто изъ нихъ дерзнетъ впредь какимъ-нибудь образомъ пріобщаться къ бунтовщикамъ или утверждать самозванца настоящимъ Петромъ третьимъ, который 12 тому уже лѣтъ, всему государству извѣстно, подлинно скончался, или кто сдѣлаетъ малѣйшее ослушаніе воеводамъ, канцеляріямъ, всякимъ надъ собою начальникамъ и собственнымъ помѣщикамъ, а другіе такихъ заводчиковъ или подсыльныхъ отъ государственныхъ бунтовщиковъ не свяжутъ и въ ближайшія канцелярію или воинскую команду не представятъ, за то въ самой скорости присланными изъ войска команды генерала графа Панина, состоящаго теперь здѣсь внутри земли, всѣ въ таковыхъ селеніяхъ безъ изъятія возрастные мужики будутъ казнены мучительнѣйшими смертями, жены и дѣти ихъ отданы въ рабство, а земля во владѣніе другимъ, въ вѣрности пребывшимъ всегда къ Ея Императорскому Величеству подданнымъ и помѣщикамъ. 6) Если бы паче чаянія, чего до сихъ поръ еще не произошло и ожидать почти невозможно, чтобъ нашлись заслужившіе по вышеписанному предложенію наказаніе смертной казни или тѣлесныя истязанія, дворяне или имѣющіе офицерскіе и выше чины, также и духовнаго рукоположенія, таковыхъ по изобличенію содержать прикованными къ стѣнамъ на хлѣбѣ и водѣ, и о дѣйствительномъ ихъ наказаніи представлять генералу графу Панину чрезъ нарочныхъ, и 7) Въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ собственными обывателями, что казеннаго и помѣщичьяго разграблено, оное принуждать обратно возвращать, съ тѣмъ угроженіемъ, если у кого что изъ такого

пограбленнаго и собственно собою не возвращеннаго впередъ отыщется, то таковой непремѣнно будетъ повѣшенъ».

Въ Малыковкѣ же Державинъ получилъ двѣ бумаги отъ князя Голицына, изъ близлежащаго села Колояра, куда между тѣмъ пришелъ этотъ генералъ. Извѣщая Державина о пораженіи Мансуровымъ шайки Воронова, онъ между прочимъ писалъ (XCIII): «Потому вашего благородія ничто не можетъ остановить отъ продолженія того полезнаго дѣла, которое вы взяли на себя трудъ исполнить» и далѣе: «Превеличайшія до меня жалобы доходятъ на Алексѣевскихъ крестьянъ, принадлежащихъ вдовѣ княгинѣ Голицыной, какъ на прочихъ сосѣдственныхъ объ ихъ явномъ преклоненіи къ злодѣйству, и что многія шалости производятъ и тепереча продолжаютъ; прошу васъ, чтобы главныхъ зачинщиковъ отыскать и тѣ, которые доказаны будутъ въ смертоубійствѣ дворянъ или какихъ чиновниковъ, то первыхъ изъ оныхъ двухъ казнить смертію, а прочихъ мѣсто кнута плетьми наказать. Однимъ токмо строгимъ поступкомъ можно сію, варварствомъ напоенную чернь удержать отъ бунта.

«Ежечасно ожидаю отъ передовыхъ деташаментовъ извѣстій; послѣдній рапортъ имѣлъ отъ г. Михельсона, пущенной въ 18-й день августа, что онъ считаетъ соединенными войсками подоспѣть къ 20 или къ 21-му къ Царицыну; и такъ если сей городъ, соблюдая свою непоколебимую вѣрность, удержится дня три противъ самозванца Пугачева, то надобно ожидать рѣшительнаго дѣла, тѣмъ паче, что подъ Царицынымъ находится 4,000 Калмыкъ. Не оставьте отъ себя употребить всѣ способы послать вѣрныхъ людей внизъ по Волгѣ промежду Камышенки и Царицына развѣдать, не будетъ ли уклоненія самаго первоначальнаго злодѣя на луговую сторону, какъ отъ оныхъ мѣстъ есть дорога на Узени; я отъ своихъ посланныхъ еще не имѣю никакаго слуха.

«Около Пензы и Саранска возмущеніе въ черни происходитъ въ вышнемъ градусѣ и такъ, что Пензенскіе уланы съ ихъ шефомъ окружены въ Головинскихъ вотчинахъ; но отправленной отъ меня г. подполковникъ Бедряга, надѣюся, что вчера туда достигъ и накажетъ жестоко преступниковъ».

Другой ордеръ Голицына былъ такого содержанія (№ XCV): «Сейчасъ явился ко мнѣ графа Петра Борисовича Шереметева села Камышляйки прикащикъ Петръ Смирной и объявилъ, что вѣдомства Малыковской волости крестьяне Иванъ Удилищевъ, да села Нарышкина Родіонъ, а какъ прозваньемъ не вѣдаетъ, будучи въ злодѣйской толпѣ, пріѣзжали самъ пятъ въ означенное село Камышляйку и, разграбивъ домъ господской, мучили онаго прикашика и жену его плетьми немилосердо и хотѣли повѣсить; но по просьбѣ того села крестьянъ оставили ихъ едва вживѣ и побѣжали разбивать стоящій въ томъ селѣ питейный домъ, въ которое время означенный прикащикъ отъ нихъ скрылся и тѣмъ спасъ животъ свой. А какъ оные тираны, по объявленію сего прикашика, содержатся въ Малыковской волости подъ карауломъ, то имѣете ваше благородіе, по доказательству сего прикашика, котораго при семъ къ вамъ препровождаю, учинить имъ надлежащее разсмотрѣніе и спросить, куда оными злодѣями ограбленная у него пажить дѣта, и что окажется съ показаніемъ ихъ преступленій, прислать ко мнѣ рапортъ».

Въ 1-й изъ этихъ бумагъ князь Голицынъ обѣщалъ было еще 50 Яицкихъ казаковъ, однако жъ Державинъ, не дождавшись ихъ, 30 августа переправился черезъ Волгу; колоніи нашелъ онъ почти опустѣвшими, и остановясь въ селеніи Красный Яръ на Иргизѣ, послалъ Голицыну слѣдующій рапортъ (№ 68): «Ордера вашего сіятельства, первой о начатіи моей экспедиціи и о разобраніи Алексѣевскихъ жителей, второй о возвращеніи пограбленной пажити въ селѣ Камышляйкѣ у прикащика Смирнова, получилъ, на которые донесть имѣю: изъ посланныхъ передъ симъ моихъ рапортовъ ваше сіятельство уже изволите видѣть, что я для отраженія Киргизъ-Кайсаковъ съ командою за Волгу переправился и еще третьяго дня бы съ ними могъ имѣть дѣло; но сіи вѣтреные воры бѣгаютъ съ мѣста на мѣсто по степи и не даютъ наказать себя. Почему я предпріялъ теперь, остановясь въ жительствѣ въ Красномъ Ярѣ, снабдить себя провіантомъ и сождать крестьянъ изъ нѣкоторыхъ селъ, еще собирающихся, и имѣющихъ быть присланныхъ отъ вашего сіятельства казаковъ и слѣдовать за ними далѣе въ степь. Ежели ваше сіятельство повелѣть изволите, то пойду и на Узени, гдѣ хотя

невѣроятно, но какъ сказываютъ, они свое главное и становище имѣютъ. Выбѣжавшіе отъ сихъ воровъ плѣнники доносятъ мнѣ, что они были захвачены разными партіями, которыя и не сильнѣе были, какъ каждая изъ нихъ состояла человѣкъ около 50. По симъ обстоятельствамъ ежели и буду въ одномъ краю, то они могутъ оказаться въ другомъ. И такъ желалъ бы я ихъ гдѣ захватить и разбить, но должно же мнѣ наблюдать прикрытіемъ отъ Малороссійской Саратовской «(т. е. Покровской)» слободы до слободы Мечетной, это сдѣлаетъ болѣе 150 верстъ; также могутъ они дѣлать свои набѣги и даже и къ самой Самарѣ. На сіе вашего сіятельства ожидаю повелѣнія, идти ли мнѣ всею моею собранною ратью искать ихъ по степи станъ, или сдѣлать только кордонъ, отъ слободы Мечетной до Малороссійской Саратовской слободы, до Самары же отъ Мечетной ежели-бъ изволили кому другому также приказать собрать горныхъ противъ тѣхъ мѣстъ жителей и расположить кордонъ. Но ежели отъ Яика до Мечетной, какъ сказываютъ, есть форпосты, то сего ужебъ было и довольно. Передо мной еще былъ пойманъ одинъ Киргизъ-Кайсакъ, который отъ раны умеръ. Онъ, будучи спрашиванъ, сказывалъ, что бы они разосланы отъ самого хана для похищенія людей и отгонки табуновъ. Алексѣевскихъ жителей мнѣ было переѣхать некогда, а какъ я вашему сіятельству рапортомъ моимъ доносилъ, что одного изъ убійцъ смотрителя моего Серебрякова тамъ для страху повѣсилъ; когда буду возвращаться, то вашего сіятельства приказъ исполню и ихъ переѣду. Грабившіе Малыковскіе жители прикащика Смирнова разберутся также, какъ я возвращуся и что отъ нихъ отобрано будетъ, прикащику возвращу; но одинъ изъ нихъ, а именно Нарышкинской житель Родіонъ Захаровъ, какъ я доносилъ вашему сіятельству, въ Малыковкѣ повѣшенъ. Всенижайше прошу вашего сіятельства Малыковскаго жителя, прозываемаго Борясюнка, который пойманъ и содержится въ Саратовѣ, прислать приказать въ Малыковку, ибо онъ убійца казначея Тишина и его младенцевъ, такъ долженъ предъ тѣми же жителями, предъ которыми совершилъ свое варварство, и получить себѣ, ежели приказать изволите, и возмездіе. Колонисты собираются въ колоніи Шафгаузенъ и еще нѣсколько только собралося крейса г. капитана Вильгельма,

прочіе же нѣтъ, какъ видно худо слушаются и ждутъ также привесть себя въ послушаніе, какъ учинено съ злодѣями и въ Малыковкѣ. При опекунской конторѣ остался присутствующій г. совѣтникъ Тилингъ [10]); я его просилъ, чтобъ онъ о состояніи своей конторы вашему сіятельству отрапортовалъ и вотъ при семъ его пакетъ прилагаю; что въ немъ писано, мнѣ неизвѣстно. Изъ словъ его вижу, что у нихъ съ оставленнымъ за коменданта несогласіе и также какъ прежде неустройство [1]). Тотъ можетъ собрать похищенный конторскій провіантъ, но не собираетъ, а который собралъ по требованіямъ сего совѣтника, не даютъ, комисары же, чѣмъ кормить колонистовъ не имѣютъ, во всемъ семъ должно учинить порядокъ, и ежели не довольно будетъ можно пограбленнаго собрать, то заблаговременно колонистамъ хлѣба промыслить. Впрочемъ помрутъ или разбѣгутся. Не изволите ли ваше сіятельство послать правящему въ Саратовѣ за коменданта ордеръ и велѣть, по требованіямъ совѣтника, собранный хлѣбъ комисарамъ для выдачи колонистамъ выдавать и самому ему прилежно стараться о собираніи похищеннаго провіанта, ибо сказываютъ, его у жителей хотя и не весь, но собирать можно».

Въ колоніяхъ къ Державину присоединился уже не разъ названный нами Ѳедоръ Гогель, и 1-го сентября они изъ селенія Краснаго Яра (что на Иргизѣ) пошли степью. Сверхъ гусаръ у Державина было не болѣе 5—600 крестьянъ. Описаніе этого похода мы возьмемъ не изъ Записокъ, составленныхъ Державинымъ черезъ столько лѣтъ, а изъ первоначальнаго журнала его и изъ рапорта князю Голицыну. «1-го числа сего мѣсяца, разсказываетъ Державинъ въ своемъ журналѣ, предпріялъ я прямо прорѣзывать степь, дабы напасть гдѣ на ихъ (Киргизовъ) станъ и отбить плѣнъ, похищенный ими. 4-го числа былъ я толико счастливъ, что нашелъ на ихъ весьма немалолюдную толпу и на вершинахъ рѣки Малаго Карамана по сраженіи благополучно разбилъ оную и отнялъ однихъ колонистовъ 811, а съ прочими

10) Въ Мѣсяцословѣ 1774 г. Іоганъ Филипъ фонъ Тилингъ названъ ассесоромъ; самъ же Лодыженскій главнымъ судьею въ конторѣ опекунства.

1) Пугачевъ оставилъ въ Саратовѣ комендантомъ казацкаго урядника Уфимцева; когда же черезъ два дня (11 августа) туда пришелъ полковникъ Муфель, то должность эта поручена была члену низовой соляной конторы Савельеву. Сарат. губ. вѣдом. 1843, № 30.

около тысячи человѣкъ. По учиненіи сего не могъ я глубже въ степь простирать своего марша, ибо изнуренные и измученные плѣнники меня обременяли, такъ что, не взирая, что каждому далъ провіантъ, долженъ былъ его посадить и на лошадь, а потому, довольствуясь симъ успѣхомъ, возвратился я и привелъ отбитый плѣнъ съ ихъ имѣніемъ и со скотомъ въ колонію Тонкошуровку и отдалъ крейса того коммисару Польской службы подполковнику Гогелю, а опекунской конторѣ далъ знать о попеченіи, чтобъ не уморить ихъ съ голоду. Послѣ сего нѣкоторою частью своихъ крестьянъ, которыхъ у меня и всего 500 было, учинивъ прикрытіе въ пристойныхъ мѣстахъ колоніямъ и сдѣлавъ въ оныхъ сколько нибудь военный порядокъ, хотѣлъ я паки идти для поисковъ хищническихъ Киргизскихъ партій, ибо вышеписанною побѣдою не могъ я еще возвратить всего плѣна, а особливо того, который сначала ихъ нападенія изъ Иргизскихъ степей уведенъ былъ. Но, будучи какъ ордеромъ генерала князя Голицына, такъ въ тотъ же день и чрезъ Яицкаго старшину маіора Бородина Трубчевскимъ комендантомъ увѣдомленъ, что Пугачевъ по разбитіи его подъ Чернымъ Яромъ бросился на луговую сторону и пробирается на Узени, котораго онъ и посланъ преслѣдовать, — для того, когда я еще не имѣя извѣстія, что генералъ князь Голицынъ съ своимъ деташаментомъ подвинулся на Иргизъ, то чтобъ занять сей приходъ, учредивъ, какъ выше сказано, въ пристойныхъ мѣстахъ по колоніямъ посты, отправился я на рѣку оную» (№ 109).

Въ рапортѣ же князю Голицыну, писанномъ вѣроятно въ самый день разогнанія Киргизовъ или по крайней мѣрѣ не позже слѣдующаго дня, Державинъ такъ описывалъ свой походъ (№ 66 и 104): «Не дождавшись отъ вашего сіятельства посланныхъ казаковъ и прочихъ къ собранію подлежащихъ, по приказу моему крестьянъ, не упуская болѣе грабительствовать Киргизъ-Кайсакамъ время, какъ я доносилъ вашему сіятельству, выступилъ я изъ жительства Краснаго Яру и пошелъ прямо на Узени, чаявъ тамъ найдти Киргизъ-Кайсаковъ станъ. Имѣя 600 человѣкъ собранныхъ крестьянъ, оставилъ я 100 человѣкъ для закрытія Иргизскихъ селеній, а колонистовъ, раздавъ имъ

порохъ и свинецъ, для того оставилъ я также въ ихъ жительствахъ, чтобъ они свои селенія защищали.

«Продолжая усильной мой походъ три дня, улучилъ я хищниковъ Киргизъ-Кайсаковъ при вершинахъ рѣки Карамана. Какъ же скоро оныхъ передовщики мои открыли, то сдѣлавъ я съ гусарами два отряда, одинъ подъ командою г. Польскаго подполковника, а нашей службы поручика Гогеля, а другой подъ командою Саратовскаго баталіона поручика Зубрицкаго, велѣлъ атаковать ихъ во фланги, а самъ, прикрывъ мою пушку и сдѣлавъ изъ обозу вагенбургъ, слѣдовалъ въ ихъ средину. Но какъ скоро мои отряды на нихъ сильно ударили, то тотчасъ ихъ опрокинули (эта фраза послѣ измѣнена нѣсколько, но поправки нельзя разобрать).

«На мѣстѣ убитыми сочтено 42, въ полонъ взято 10,[2]), нашего плѣну отбилъ колонистовъ 811, Малороссіянъ 20 человѣкъ. Учиня жъ сію побѣду, хотя и должно было мнѣ еще продолжать мой маршъ въ степь далѣе, за первой Киргизской партіей, которая успѣла увесть, уповаю, колонистовъ около 150 и уже дивно впередъ отправилась; но какъ сей отбитой полонъ тягчилъ меня, ибо будучи умученъ заставилъ везти...., также и безъ одежи и безъ корму не можно было его оставить на мѣстѣ; то и прибылъ я съ нимъ въ колонію Маріенталь. Тутъ теперь собралъ господъ крейсъ-коммисаровъ и отдалъ имъ на руки какъ людей, такъ и скотъ, котораго великое же множество отбилъ». Изъ остальной половины этого рапорта, писанной съ чрезвычайною поспѣшностью, можно разобрать только нѣкоторыя фразы. Какъ видно изъ нихъ, Державинъ при рапортѣ отправилъ къ Голицыну, изъ числа взятыхъ въ плѣнъ, двухъ оставшихся въ живыхъ Киргизовъ, которые показывали, что товарищей ихъ подбивалъ на разбой, безъ дозволенія ханскаго, киргизскій же владѣлецъ, именемъ Каранай. Въ разбитой партіи было около 1 т. человѣкъ. «и я бы всѣхъ не упустилъ, прибавлялъ Державинъ, еслибъ воины мои были не мужики и лошади были у нихъ какъ у Киргизцевъ легкія». «Не знаю, будутъ ли впередъ Киргизцы озоринчать, но только надлежитъ, ваше сія-

2) Въ первоначальной редакціи было показано 6 и прибавлено: «ибо люди разгорячennые легче пололи нежели брали въ плѣнъ.»

тельство, заблаговременно прислать команду и всю степь до Яика вычистить. Впрочемъ они, какъ Волга станетъ, по.... снѣгу великихъ бѣдъ надѣлать могутъ. Можно ли не военныхъ людей въ дальній походъ употребить, ваше сіятельство изволите разсудить сами. Я насилу ихъ собрать могъ и теперь разставилъ отъ Иргиза до Карамана изъ нихъ партіи и учреждаю разъѣзды. Господъ крейсъ-коммисаровъ просилъ я, чтобъ сдѣлали въ колоніяхъ разъѣзды и взяли предосторожности».

Подробности послѣдняго распоряженія видны изъ слѣдующаго ордера крейсъ-коммисарамъ (№ 55) [3]: «Дабы учредить для безопасности порядочную связь разъѣздовъ въ прикрытіе вѣренныхъ вамъ колоній, то извольте оные разъѣзды разослать такимъ образомъ: г. капитану Вильгельму имѣть свой патруль на *горѣ Читалмазъ*, и въ одну сторону посылать до жительства Иргизскаго *Краснаю Яру*, а въ другую до колоніи *Гокенберга*. Г. поручику Иванову въ одну сторону посылать изъ *Екатеринштата* до *Гокенберга*, а въ другую до верхней колоніи, лежащей на маломъ Караманѣ, а въ третью сторону до колоніи *Краснаго Яру*. Изъ *Краснаго Яра* г. маіору Пиль посылать до Малороссійской *Покровской слободы*, а въ другую сторону вверхъ большаго Карамана до колоніи *Тонкошуровки* [4]). Отъ сей же колоніи имѣющій тамъ свой постъ, г. поручикъ Зубрицкой будетъ посылать свой разъѣздъ отъ *Тонкошуровки* вверхъ большаго Карамана до колоніи *Мечетной* и въ другую сторону до верхней колоніи, лежащей на маломъ Караманѣ. Такимъ образомъ учиненная связь изъ одного мѣста до другаго будетъ дѣлать безопасность и сообщать вѣрнѣйшія извѣстія, но только чтобъ въ сіи разъѣзды посылаемы были люди надежные. Сіи разъѣзды будутъ состоять какъ изъ вашихъ колонистовъ, которыхъ вы на то нарочно доброконныхъ учредить имѣете, такъ и изъ присланныхъ съ нагорной стороны жительствъ крестьянъ, которыхъ будетъ въ Красномъ Яру, въ Екатериштатѣ и въ Панинской по сту человѣкъ, о высылкѣ которыхъ уже и повелѣніе послано. Окромѣ

3) Ср. частное письмо Вильгельма № 142 отъ 29 августа.

4) Державинъ всегда такъ пишетъ это имя, но въ письмѣ Вильгельма № 142 — *Тонкошкуровка*. Въ изданномъ текстѣ Записокъ (стр. 93) имя это, по неразборчивости рукописи, напечатано невѣрно.

же разъѣздовъ, которые вы имѣете посылать внутрь степи по крайней мѣрѣ верстъ по 20, прикажите стоять пикетамъ на мѣстахъ высокихъ и чтобъ рапорты ваши.... доходя до Иргизскаго Краснаго Яру, оттуда уже доставляться будутъ мнѣ. Самимъ же вамъ быть при своихъ крейсахъ безотлучно и своими распоряженіями и учрежденіями помогать мнѣ.»

По разсказу Державина въ Запискахъ его, онъ еще на пути въ степь сдѣлалъ слѣдующія распоряженія для защиты колоній отъ Киргизскихъ набѣговъ. Раздѣливъ разстояніе между двумя крайними колоніями, Екатериштатомъ и Шафгаузеномъ, на 4 форпоста, онъ на каждомъ изъ нихъ поставилъ по 50 крестьянъ; для наблюденія же надъ Киргизами завелъ порядокъ, обыкновенный у степныхъ Татарскихъ народовъ, т. е. на пригоркахъ (курганахъ?) велѣлъ онъ устроить маяки съ тѣмъ, чтобы тамъ по очереди стояло на караулѣ человѣка по три изъ колонистовъ, и при первомъ появленіи Киргизовъ, зажигать ближайшій маякъ, къ которому и собираться какъ вооруженнымъ крестьянамъ по 50 человѣкъ съ той и съ другой стороны, такъ и колонистамъ, сколько ихъ гдѣ случится.

Въ этомъ разсказѣ однакожъ есть, кажется, неточность. Изъ рапорта князю Голицыну, послѣ разогнанія Киргизовъ, видно, что Державинъ оставилъ въ колоніяхъ не 200, а только 100 человѣкъ. Вообще описывая всю эту экспедицію въ своихъ Запискахъ, Державинъ впалъ въ нѣкоторыя ошибки. Такъ не только число собранныхъ въ Малыковкѣ, по его приказанію, крестьянъ увеличено имъ на цѣлую сотню (ср. его рапорты и подлинный журналъ), но тоже сдѣлано и съ числомъ плѣнныхъ, отбитыхъ имъ въ стычкѣ съ Киргизами: въ Запискахъ сказано, что ихъ было около 1,500, тогда какъ по рапорту нельзя насчитать болѣе тысячи.

Немедленно по возвращеніи изъ степи Державинъ, донося князю Голицыну о своемъ походѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ горячо хвалилъ ему главныхъ изъ своихъ сподвижниковъ. Въ одномъ изъ сохранившихся отрывковъ рапорта 5 сентября (№ 67) онъ распространяется именно о всѣхъ «въ усердіи отличившихся», и послѣ нѣсколькихъ неразобранныхъ нами строкъ говоритъ: «Смѣю представить къ благоволенію вашего сіятельства

г. польскаго подполковника, а нашей службы поручика Гогеля, яко болѣе всѣхъ при семъ случаѣ рачившаго и трудившагося». Ходатайствуя потомъ за поручика Саратовскаго баталіона Зубрицкаго и двухъ унтеръ-офицеровъ своихъ, гусарскаго и фузелернаго, онъ наконецъ проситъ о награжденіи дворцоваго крестьянина Трофима Герасимова, «котораго я къ вашему сіятельству съ симъ рапортомъ посылаю», званіемъ мѣщанина «для подражанія ему прочихъ крестьянъ». Послѣ того Державинъ, испрашивая у Голицына позволенія «оставить здѣшнія мѣста и слѣдовать въ Казань», куда вызывалъ его Потемкинъ, однакожъ прибавляетъ: «Нѣтъ ли какихъ должностей въ разсужденіи поиска и поимки Пугачева въ странѣ здѣшней, ежели онъ въ округу мою удаляется, или какихъ другихъ, на что вашего сіятельства прошу милостиваго и скорѣйшаго увѣдомленія. Присланный манифестъ отъ имени его сіятельства П. И. Панина публикую: висѣлицы и прочее по бунтующимъ жительствамъ велю изготовить».

На той же страницѣ нѣсколько ниже приписано Державинымъ слѣдующее любопытное примѣчаніе: «Кто охотникъ до просвѣщенія, тотъ заплачетъ глядя на изодранныя ученыхъ людей книги, кто домострой, тотъ погорюетъ о сокрушенныхъ домоводствахъ (?), а кто человѣкъ, тотъ слезно возропщетъ, смотря на тѣла варварски избіенныхъ, которыхъ при колоніи Маріенталѣ собралъ я 28 и предалъ погребенію».

Въ тотъ самый день, когда отправлено было это донесеніе, т. е. 5 сентября, Державинъ получилъ отъ князя Голицына двѣ бумаги, въ которыхъ тотъ, сообщая ему только что доставленное изъ Камышенки извѣстіе о совершенномъ пораженіи Пугачева, писалъ (№ CIII), что «самозванецъ переправился на луговую сторону, и на Узеняхъ найдетъ себѣ всеконечное укрывательство и потомъ, соединяся съ Киргизъ-Кайсаками, въ состояніи будетъ навести вновь безпокойства: такъ вашего благородія увѣдомя, надѣюся, что вы не оставите находить всѣ средства точно удостовѣриться, куда злой замыселъ сего нечестиваго самозванца клонится и не можно ли найдти такихъ вѣрныхъ обывателей, которые бъ его могли поймать, или умертвить, и побужденіе на столь надобное и нужное дѣло употре-

бить удобовозможные способы, не жалѣя въ томъ денегъ, а сколько вамъ надобно на первый случай, извольте употребить на мой собственный счетъ, я не премину къ вамъ доставить. Весьма полезенъ къ сему дѣлу *Леонтій Федотовъ*, но онъ отправленъ отъ меня къ Александру Васильевичу Суворову, и такъ по всѣмъ предположеніямъ, я почелъ за нужное въ самой скорости движеніе сдѣлать къ Сызрану, и надѣюся прибыть завтрашній день, а оттуда буду болѣе основывать свой оборотъ по увѣдомленіямъ вашимъ, а между тѣмъ буду продолжать свой путь на Соснову, смотря гдѣ удобнѣе можетъ быть переправиться на супротивный берегъ рѣки Волги. Прошу вашего благородія почасту доставлять ваши ко мнѣ увѣдомленія и гдѣ Киргизъ-Кайсаки болѣе нападенія дѣлаютъ».

Между тѣмъ Голицынъ обрадованъ былъ рапортомъ Державина о благополучномъ окончаніи Киргизской экспедиціи и отвѣчалъ ему ордеромъ, на который Державинъ указываетъ и въ Запискахъ своихъ (стр. 93): «Я не въ состояніи описать моего удовольствія, получа вашъ рапортъ, въ которомъ нашелъ, что вы надъ Киргизъ-Кайсаками одержали совершенную побѣду, освободя отъ неволи болѣе осьми сотъ несчастныхъ колонистовъ; которые были въ оковахъ. Однимъ словомъ чрезъ хорошее ваше учрежденіе совсѣмъ привели вы тамошній край въ спокойствіе и безопасность. Признаться должно, что ваша побѣда не столь велика бы была, когда бы вы имѣли команду военныхъ людей, но тѣмъ болѣе пріобрѣли вы себѣ чести, одержавъ побѣду такими людьми, которые ни образа нашей битвы, ни малѣйшей привычки не имѣютъ. За все сіе приношу вамъ искреннее мое благодареніе, равно какъ и соучаствовавшимъ съ вами: г. Готелю и поручику Зубрицкому, а командѣ вашей вы объявите, что безъ награжденія не останется. Я же спѣшу о столь достохвальныхъ вашихъ подвигахъ донести главнокомандующему г. генералъ-аншефу и трехъ россійскихъ орденовъ кавалеру графу П. Ив. Панину [5]).

5) Въ то же время и князь Иванъ Баратаевъ, вѣроятно адъютантъ князя Голицына, писалъ къ Державину отъ 7 сентября: «Какъ вы насъ обрадовали присланнымъ, что такимъ войскомъ, какое у васъ, прогнали Киргизцовъ, сихъ уродовъ, и освободили пропадшихъ душъ изъ неволи. Богомъ клянусь, князь этому такъ доволенъ, по всему свѣту эхо пойдетъ» (Част. переп. № 80).

«Теперь приступаю я васъ увѣдомить о слѣдующемъ: отчасти уже извѣстны ваше благородіе изъ моихъ къ вамъ ордеровъ, что злодѣй Пугачевъ на голову со всею своею многочисленною толпою побитъ за Царицынымъ въ 100 верстахъ, а онъ самъ бѣжалъ на луговую сторону вверхъ. Какіе же дошли ко мнѣ, послѣ сего его пораженія, рапорты, съ оныхъ для свѣдѣнія вашего прилагаю при семъ копіи, имѣя притомъ партикулярныя новости, что варваръ бѣгъ свой обратилъ къ Гурьеву городку, но какъ оно еще неосновательно, то я и прошу васъ отъ стороны Камышевки и Узеней имѣть наиприлежное примѣчаніе, учредя ваши посты отъ берега Волги, за большимъ Караманомъ отъ Краснаго Яра къ Узенямъ, и поставя оные такимъ образомъ, чтобы чрезъ патрули могла быть безпрерывная коммуникація, а впередъ дѣлали бы разъѣзды. Между тѣмъ не оставьте, ваше благородіе, послать вѣрныхъ подлазчиковъ въ Узени и въ самыя тѣ мѣста, гдѣ злодѣй можетъ укрывательство найдти, чтобы въ точности узнать о настоящемъ его положеніи. Теперь предстоитъ намъ случай совсѣмъ его сокрушить, слѣдовательно и надлежитъ брать къ тому всѣ возможныя средства. А я на васъ полную надежду возлагаю, что вы не пропустите всего того, что можетъ служить къ пользѣ нашего предпріятія. Я съ деташаментомъ моимъ сдѣлалъ въ три дня болѣе двухъ сотъ верстъ и теперь переправиться за Волгу великая погода и малое число перевозныхъ судовъ меня задерживаютъ, но однако надѣюсь быть къ Красному Яру, что на Иргизѣ, завтра. Главный мой предметъ въ томъ состоитъ, чтобы не дать злодѣю болѣе усилиться и не допустить пробраться какъ къ здѣшнимъ мѣстамъ, такъ и къ Яицкому городку, а всего лучше, если Господь Богъ поможетъ, сего изверга поймать. Движенія деташамента моего будутъ простираться по Иргизу, чтобы въ нужномъ случаѣ васъ подкрѣпить, такъ какъ и не выпустить изъ примѣчаній Яицкаго городка, а между тѣмъ и отряженныя легкія войска изъ передовыхъ корпусовъ подоспѣютъ сюда.

«Впрочемъ я надѣюсь, что ваше благородіе не оставите взять всѣхъ нужныхъ осторожностей. А когда паче чаянія стремленіе злодѣя на васъ прямо будетъ, то вы можете всегда

подкрѣпленіе имѣть отъ меня, и въ такомъ случаѣ подвигаться ближе къ Иргизу. Если вамъ будетъ время, то извольте быть ко мнѣ, дабы полезнѣйшія можно было положить мѣры о вашихъ будущихъ оборотахъ. Я, ожидая частыхъ отъ васъ увѣдомленій, не премину доставить присланному отъ васъ жителю Малыковской слободы Трофиму Герасимову медаль за его вѣрную и усердную службу [6]). (№ CXI).

«Наконецъ не оставлю нынѣ же увѣдомить его превосходительство г. генералъ-маіора и кавалера Потемкина, что пребываніе ваше въ здѣшнихъ мѣстахъ весьма нужно, и чтобы вы для того не были отсюда отлучены».

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о благодарственномъ письмѣ, полученномъ Державинымъ гораздо позже (въ апрѣлѣ 1775 г.) отъ конторы опекунства иностранныхъ за подписью Лодыжинскаго: «По случаю отбитыхъ вами въ прошломъ 1774 г. и возвращенныхъ въ колоніи изъ плѣна отъ Киргизъ-Кайсаковъ колонистовъ болѣе 800 человѣкъ и при нихъ не малаго числа лошадей и рогатаго скота, контора обязанною себя находитъ чрезъ сіе изъявить съ своей стороны благодарность, что толикое число принадлежащихъ высокой коронѣ людей съ ихъ скотомъ, стараніемъ вашимъ, изъ рукъ оныхъ похитителей освобожденными и возвращенными въ ихъ жилища остались, о чемъ и канцелярія опекунства иностранныхъ давно уже увѣдомлена». (№ XXVIII).

---

6) Еще прежде, отъ 30 августа, Державинъ представлялъ Голицыну о пожалованіи Герасимову медали и о награжденіи вдовы убитаго Серебрякова. Но на это ходатайство генералъ отвѣчалъ очень сухо отъ 4 сентября (№ CXII): «Серебрякова жена за услуги мужа ея конечно долженствуетъ быть награждена, но поелику я не знаю состоянія въ пропитаніи теперешней ея жизни, то и награжденіе каковое ей сдѣлать, я расположить не могу. Крестьянина же Трофима Герасимова описываете ревность и усердіе къ службѣ Ея Императорскаго Величества тѣмъ, что онъ первый, который узналъ про Пугачева, и его стараніемъ сей злодѣй былъ въ Малыковкѣ пойманъ, за что и испрашиваете наградить его медалью, то я, не видя изъ вашего рапорта особливаго его усердія, кромѣ что его стараніемъ Пугачевъ пойманъ, наградить его тѣмъ не могу, ибо въ тогдашнее время поймать такого бродягу праздношатающагося не составляло ни какой трудности, а не учинившій онаго наказывается по законамъ яко сообщникъ и повоществующій его злодѣянію, а что надѣетесь, еслибъ и нынѣ пришелъ потаенно злодѣй въ Малыковку, не упустить его, то въ такомъ случаѣ кто его поймаетъ, и справедливо награждается, и каковое то награжденіе состоять будетъ, уже объявлено.

V. Распоряженія къ поимкѣ Пугачева и Филарета.

Мы видѣли, что Державинъ, возвратясь изъ степи, остановился въ колоніяхъ. Тамъ получилъ онъ слѣдующіе два ордера князя Голицына, оба отъ 8 сентября: 1-й (№ CXIII), «Рапортъ вашего благородія сей часъ ко мнѣ доставленъ, изъ котораго я вижу, что вы извѣстны о злодѣѣ, и потому надѣюся, что не оставите взять всѣхъ надежныхъ мѣръ; гдѣ вы можете со мною соединиться, ожидать буду увѣдомленіевъ, не меньше какіе способы найдете и къ сохраненію колоніи».

2-й (№ CXIV): «Съ нетерпѣніемъ ожидаю отъ васъ увѣдомленія, какіе вы имѣете слухи о злодѣѣ, а ему надобно неотмѣнно пробраться къ Узенямъ, такъ какъ ваше благородіе взяли къ тому средства, не оставьте подать ко мнѣ свѣдѣнія, а я завтрашняго числа буду въ Красномъ Яру, гдѣ ожидаю и васъ, чтобъ по свѣдѣніи на лучшихъ положить мѣрахъ о вашемъ будущемъ движеніи.

«Посланной отъ васъ въ разъѣздъ гусарскаго Бахмутскаго полка унтеръ-офицеръ Ездемиревичь явился у меня, который за хорошее поведеніе, а паче за отличившуюся храбрость въ пораженіи Киргизъ-Кайсаковъ, произведенъ мною вахмистромъ».

Собственноручная приписка князя Голицына: «Сей часъ получилъ извѣстіе, что злодѣй Пугачевъ точно бѣжалъ луговою стороною вверхъ по Волгѣ и что изъ его шайки были въ Красномъ Яру, что за Караманомъ большимъ, забирать хлѣба; такъ ваше благородіе, какъ близко отъ тѣхъ мѣстъ находитесь, то прошу скорѣе меня извѣстить, чтобы я могъ своимъ движеніемъ потомъ располагать».

Такъ какъ между тѣмъ сдѣлалось извѣстно, что разбитый Пугачевъ отправился на Узени, то Державину казалось, что теперь наступила настоящая минута для исполненія даннаго ему первоначально порученія, т. е. для поимки Пугачева. Онъ рѣшился составить для этого цѣлый отрядъ изъ бывшихъ при немъ крестьянъ села Малыковки и съ этою цѣлью отправился на Иргизъ въ Красный Яръ, куда между тѣмъ подоспѣлъ и самъ князь Голицынъ, такъ что они опять соединились. Державинъ, выбравъ сто самыхъ надежныхъ крестьянъ, придумалъ

отправить ихъ какъ будто для преслѣдованія Киргизовъ, а въ самомъ дѣлѣ съ тѣмъ, чтобы они, приставъ къ шайкѣ Пугачева, старались поймать его. Голицынъ одобрилъ этотъ планъ, и въ день выступленія съ своимъ корпусомъ изъ Краснаго Яра, 9 сентября, отдалъ приказъ, изъ котораго выписываемъ два относящіеся къ Державину пункта (№ 116): «1) Завтрашняго числа корпусу имѣетъ быть походъ по полуночи въ 5 часовъ и о выступленіи ожидать обыкновеннаго барабаннаго боя. 2) Командѣ гвардіи г. поручика Державина слѣдовать за часъ до выступленія корпуса и патрули свои посылать по сторонамъ, открывая землю сколько можно далѣе и болѣе. Прибывъ въ Криволоцку расположиться и ожидать прибытія корпуса, равно жъ и отрядить свои небольшіе боковые патрули, которые вдоль марширующаго корпуса отъ авангарда до аріергарда могли бы мѣстоположеніе очищать». Для обезпеченія себя въ вѣрности посылаемыхъ крестьянъ, Державинъ взялъ у нихъ женъ и дѣтей въ залогъ, а чтобъ поощрить ихъ далъ имъ по 5 рублей на брата, что было разрѣшено ему особымъ ордеромъ князя Голицына (№ CXVII). Чтобы придать своему отряду болѣе важности и ужасомъ отвратить людей отъ всякаго покушенія къ измѣнѣ, Державинъ — такъ разсказываетъ онъ въ своихъ Запискахъ — приказалъ имъ собраться въ полночь въ лѣсу и, поставя въ ихъ кругъ священника съ Евангеліемъ на налоѣ, привелъ ихъ къ присягѣ и совершилъ казнь надъ однимъ преступникомъ: именно здѣсь былъ повѣшенъ тотъ изъ убійцъ Тишина, который въ свое время успѣлъ скрыться и избѣгнулъ казни, постигшей его сообщниковъ въ Малыковкѣ. Крестьяне обѣщали подъ присягою употребить всѣ усилія, чтобы привести Пугачева живаго или мертваго и отправились въ степь подъ начальствомъ выбраннаго изъ нихъ же старшины. Въ назначенное время князь съ своимъ корпусомъ пошелъ къ Яицкой крѣпости, а Державинъ съ остальными крестьянами остался на Иргизѣ.

На другой день послѣ того, какъ онъ разстался съ Голицынымъ, разосланные по степи подзорщики возвратились, правда, не съ пустыми руками, но и не съ Пугачевымъ. Они привели къ Державину Пугачевскаго полковника, бывшаго заводскаго

служителя Мельникова, который объявилъ ему чрезвычайную новость: Пугачевъ былъ схваченъ своими сообщниками на ночлегѣ при Узеняхъ [7]) и увезенъ въ Яицкій городокъ, для передачи бывшему тамъ отъ секретной коммисіи офицеру Маврину; посланный Державинымъ отрядъ опоздалъ двумя днями на мѣсто, гдѣ казаки связали самозванца. Такъ добыча, о которой столько заботился Державинъ, ускользнула у него изъ-подъ рукъ въ рѣшительную минуту. Главная цѣль, для которой онъ былъ посланъ на Волгу, осталась недостигнутою, предпріятіе не удалось. Но такой неуспѣхъ долженъ быть приписанъ не столько ему, который ничего не упустилъ по своему порученію, сколько самому плану предначертанныхъ ему дѣйствій, основанному на несбывшемся предположеніи, будто Пугачевъ придетъ вторично искать убѣжища на Иргизѣ. Посылка Державина произошла изъ предосторожности, но предосторожность оказалась излишнею. Въ какой мѣрѣ его дѣятельность была, не смотря на то, полезна, постараемся опредѣлить въ послѣдствіи.

Не лучше удалось Державину отысканіе раскольничьяго инока Филарета, которое Потемкинъ не разъ поручалъ ему. Мы уже видѣли приписку о томъ въ одномъ изъ писемъ перваго, относящемся къ концу іюля. 2-го августа Потемкинъ писалъ Державину особо по этому дѣлу (№ LXXX): «Извѣстно мнѣ по допросамъ преступниковъ, что злодѣй и самозванецъ Пугачевъ отпустилъ [8]) съ награжденіемъ вѣдомаго вамъ старца Филарета. Употребите всю возможность къ сысканію его, ибо необходимо должно заключать, что оный старецъ будетъ новые дѣлать плевелы; я не отъемлю времени вашей заботы, которую вы имѣете въ приготовленіи вооруженія противу злодѣя; однако, какъ вамъ тамошнія дѣла извѣстны, то и способы вы предусмотрѣть можете сыскать толь нужнаго для слѣдствія человѣка».

Изъ допросовъ Пугачеву [9]) видно, что онъ, по возвращеніи изъ Польши, выказывалъ желаніе поселиться на р. Иргизѣ и поѣхалъ заявить о томъ въ Малыковку. Изъ Малыковки сна-

7) На Алтатѣ въ землянкѣ близъ села Александрова Газ. Сарат. губ. вѣд. 1843, № 30 (статья г. Леопольдова).

8) т. е. при разореніи Казани, гдѣ Филаретъ содержался подъ стражею.

9) См. Чтенія въ обществѣ исторіи и древн. Росс. 1858, кн. II.

чала хотѣли отправить его въ Симбирскъ для записки въ назначенное мѣсто, однакожъ потомъ отпустили его, и онъ поѣхалъ на Иргизъ въ раскольничій скитъ къ игумну Филарету, о которомъ услышалъ въ первый разъ еще на Польской границѣ въ Добрянскомъ форпостѣ, гдѣ выдержалъ шестинедѣльный карантинъ: именно тамъ раскольникъ Кожевниковъ, доставлявшій иногда подаяніе Пугачеву, просилъ его поклониться настоятелю Филарету. На пути отъ границы къ Иргизу Пугачевъ заѣхалъ на устье Медвѣдицы въ казачьи хутора. Здѣсь хозяинъ Андрей Кузнецовъ, услыхавъ, куда онъ пробирается, сказалъ ему, что теперь «и на Иргизѣ стало великое гоненіе старовѣрамъ». Пугачевъ признался, что задумываетъ бѣжать на Кубань. «Какъ можно, отвѣчалъ Кузнецовъ, бѣжать въ такой дальній путь малому числу? Слышно, что Яицкое войско давно бунтуетъ: такъ лучше его подговорить бѣжать вмѣстѣ». А чтобъ придумать къ тому способы, Кузнецовъ также посовѣтовалъ обратиться къ знакомому ему Филарету. Какъ Кожевниковъ въ Добрянкѣ, такъ и Кузнецовъ уже надоумили Пугачева выдавать себя за Петра III. Они указывали ему на Филарета, какъ на человѣка, который, зная лучше всѣхъ состояніе Яицкихъ казаковъ, можетъ подать ему помощь и самые лучшіе совѣты. Пугачевъ дѣйствительно отправился въ Мечетную слободу (что нынѣ Николаевскъ въ Самарской губерніи), и явился къ Филарету. Этотъ съ радостію выслушалъ и одобрилъ планъ Пугачева, замѣтивъ, что «Яицкихъ казаковъ возмутить не только не трудно, но и весьма возможно». Мало того: Филаретъ обѣщалъ Пугачеву свое содѣйствіе. Чрезъ три дня, проведенные ими вмѣстѣ, они вдвоемъ отправились въ Малыковку просить, чтобы Пугачеву отсрочили поѣздку въ Симбирскъ подъ тѣмъ предлогомъ, что у него лошадь плоха. Получивъ отсрочку недѣли на три, онъ возвратился съ Филаретомъ въ Мечетную, но остановился уже не въ монастырѣ, а въ слободѣ у крестьянина раскольника Коссова, у котораго и прожилъ съ недѣлю. Филаретъ далъ Пугачеву совѣтъ ѣхать самому въ Яицкій городъ, снабдилъ его лошадью и деньгами и научилъ, какимъ образомъ привлечь къ себѣ тамошнихъ казаковъ: велѣлъ ему ѣхать отъ имени Филарета прямо къ казаку Денису Пьянову и ему первому назваться Петромъ III. Рѣшив-

шись ѣхать въ Яицкій городъ подъ предлогомъ закупки рыбы для себя и для Филарета, Пугачевъ нашелъ и товарища для этой поѣздки: это былъ тесть игумна Семенъ Филиповъ [10]). Дорогою и потомъ живя недѣлю у Дениса Пьянова, Пугачевъ открыто говорилъ о намѣреніи своемъ бѣжать съ казаками за Кубань къ Турецкому султану. По возвращеніи въ Мечетную слободу, онъ поѣхалъ для продажи закупленной рыбы въ Малыковку. Между тѣмъ Семенъ Филиповъ сталъ разсказывать въ Мечетной о толкахъ Пугачева. Слухи о томъ дошли до Малыковскаго управителя, какъ выше уже видѣли: Пугачевъ былъ схваченъ и отправленъ въ кандалахъ, подъ крѣпкимъ карауломъ, въ Симбирскъ для допроса. Но въ Симбирскѣ его не допрашивали, а отослали въ Казань, гдѣ онъ и былъ посаженъ въ губернскую (губернаторскую экспедицію), закованный въ ручныя и ножныя кандалы. Отъѣзжая изъ Мечетной, Пугачевъ оставилъ у Филарета на сбереженіе 470 руб., полученныхъ имъ въ пути при возвращеніи изъ Польши отъ тѣхъ, которымъ онъ открылся. Какъ въ дорогѣ до Симбирска, такъ и послѣ въ Казани онъ, желая подкупить имѣвшихъ съ нимъ дѣло, часто упоминалъ объ этихъ деньгахъ и о Филаретѣ, какъ хранителѣ ихъ. Изъ Казани онъ, при помощи одного колодника, даже писалъ Филарету, чтобъ тотъ старался о его освобожденіи и прислалъ къ нему деньги. Впрочемъ у него и въ самой Казани, благодаря Филарету, нашлись доброжелатели. Въ Мечетной, еще до поѣздки Пугачева на Яикъ, игуменъ сказывалъ ему, что для прописки его надо бы ѣхать не въ Симбирскъ, а въ Казань, гдѣ пріятель Филарета («крайній другъ его»), раскольникъ, купецъ Щолоковъ, похлопочетъ около судей, чтобъ ему скорѣе былъ выданъ билетъ. Дѣйствительно, во время заключенія Пугачева въ Казани, Щолоковъ сдѣлался его покровителемъ: посѣщалъ его въ тюрьмѣ, помогалъ ему деньгами, просилъ за него губернатора Фонъ-Бранта и секретаря Авраамова. Довольно подозрительно, что въ Казани Пугачева допрашивали небрежно и пропустили много времени, пока дѣло было представлено въ Сенатъ. На преступ-

10) Изъ допросовъ Пугачеву не видно этого родства между Филиповымъ и Филаретомъ, но оно указано въ «Матеріялахъ для исторіи Пугачевскаго бунта», напечатанныхъ въ Москвитянинѣ 1845 г., № 9.

никѣ тяжелыя ножныя кандалы были замѣнены легкими, а ручныя и совсѣмъ сняты; изъ губернской перевели его въ обыкновенный острогъ. Когда же Пугачевъ бѣжалъ изъ Казани, циркуляръ о немъ губернатора былъ подписанъ только три недѣли спустя, да еще послѣ того пролежалъ 7 дней. При этомъ за нимъ послано было не на Яикъ, куда, какъ извѣстно было, Пугачевъ уже прежде ѣздилъ, а въ такія мѣста, гдѣ вовсе не было повода искать его. Сказанное достаточно показываетъ отношенія между Пугачевымъ и Филаретомъ. Изъ наставленія, которое Державинъ далъ старцу Іову, посланному въ Оренбургъ, мы уже видѣли, что Филаретъ былъ схваченъ въ Сызрани, отвезенъ въ Казань и тамъ посаженъ въ темницу. Но Пугачевъ, при разгромѣ Казани, выпустилъ его. Разумѣется, что правительству поимка Филарета казалась очень важною, и потому-то Потемкинъ просилъ Державина принять мѣры къ отысканію его. 2-го августа Державинъ отвѣчалъ ему: «Филарета здѣсь не видно и врядъ ли онъ теперь здѣсь покажется». Между тѣмъ однакожъ Державинъ пытался хитростью заставить Филарета открыть свое убѣжище и для того написалъ къ нему письмо, при отпускѣ котораго въ его бумагахъ отмѣчено слѣдующее: «Таковая точно отдана копія П. С. Потемкину. Сіе вымышленное письмо для того было написано, чтобъ приманить чрезъ его друзей на прежнее его жилище».

Вотъ и самое письмо (№ 59): «Отцу Филарету здравія желаю. Ежели ты по секретной коммисіи опасенъ и укрываешься, то, надѣясь на твое благочестіе, увѣряю тебя, что ежели ты поплатишься мнѣ двумя тысячами рублями, то и будь надеженъ, что тебѣ ничего не будетъ; только чтобъ ты ко мнѣ явился, или когда не увѣришься, то пришли письмецо, что у тебя выше сказанное готово и въ которомъ мѣстѣ отъ тебя взять, то и будетъ дѣло брошено; а всего бъ лучше переговорилъ со мною самъ. Доброжелатель твой, о котораго имени тебѣ скажетъ отецъ Фадей.» Но и это письмо осталось безъ успѣха; Филаретъ пропалъ безъ вѣсти и избѣгъ правосудія.

Голицынъ, еще не зная о поимкѣ Пугачева, продолжалъ переписываться съ Державинымъ о мѣрахъ къ утушенію мятежа. 10-го сентября (№ CXV) онъ поручалъ ему, на основаніи

предписанія графа Панина, преслѣдовать виновныхъ въ измѣнѣ колонистовъ и одного или двухъ въ страхъ другимъ повѣсить, а прочихъ «пересѣчь плетьми нещадно». 13-го числа (№ CXVIII) Голицынъ, все еще не имѣя свѣдѣнія, куда обратился разбитый Пугачевъ, увѣдомляетъ о своемъ намѣреніи идти на Яицкій городокъ, «какъ тотъ край со всѣхъ сторонъ открытъ и безъ защищенія войскъ»; между тѣмъ онъ и Державину предписываетъ бдительность и назначаетъ ему остаться въ Мечетной слободѣ, наблюдая оттуда не только за Иргизомъ, но и за Узенями. Въ концѣ письма, извѣщая о движеніяхъ другихъ отрядовъ, онъ говоритъ о Суворовѣ: «Г. генералъ-поручикъ Суворовъ увѣдомилъ меня, что онъ 4-го сего мѣсяца изъ Царицына отправился луговою стороною преслѣдовать злодѣя, отрядя напередъ себя секундъ-маіора графа Меллина, препоруча охраненіе береговой стороны отъ самой Камышенки до Сызрану г. генералъ-маіору Мансурову, а отъ сего расположенія внизъ р. Волги чрезъ Царицынъ къ Черному Яру оставилъ на попеченіи г. генералъ-маіора князя Багратіонова.»

Черезъ нѣсколько дней, 17-го сентября, Державинъ получилъ и отъ самого Суворова слѣдующій лестный ордеръ (№ 121): «О усердіи къ службѣ Ея Императорскаго Величества вашего благородія я уже много извѣстенъ; то жъ и о послѣднемъ отъ васъ разбитіи Киргисцовъ, какъ и о посланіи партіи 3 сентября дня (?) разбойника Емельки Пугачева отъ Карамана; по возможности и способности ожидаю отъ вашего благородія о пребываніи, подвигахъ и успѣхахъ вашихъ частыхъ увѣдомленій. Я нынѣ при деташаментѣ графа Меллина слѣдую къ Узенямъ на рѣчкѣ Таргунѣ, до вершинъ его верстъ съ 60-ть, оттуда до 1-го Узеня верстъ съ 40. Деташаментъ полковника Михельсона за мною сутками въ двухъ. Иду за реченнымъ Емелькою, поспѣшно прорѣзывая степь. Иргизъ важенъ, но какъ тутъ слѣдуетъ отъ Сосновки его сіятельство князь Голицынъ, то отъ Узеней не учиню ли? или прикажу учинить подвигъ къ Яицкому городку.

Александръ Суворовъ».

10-го сентября 1774 года.
рѣка Тарауса.

Вотъ, слѣдовательно, какъ рано и при какихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ Державинъ сдѣлался извѣстенъ Суворову. Въ послѣдствіи между ними существовала постоянная пріязнь, продолжавшаяся до самой кончины великаго полководца.

Тогда же и Голицынъ, приближаясь къ Яику, узналъ отъ посланнаго Державинымъ нарочнаго о поимкѣ Пугачева и хотѣлъ по прибытіи въ городъ, 17-го числа, отправить съ этимъ извѣстіемъ курьера къ графу Панину въ Симбирскъ. Не доходя 15 верстъ до мѣста, онъ писалъ Державину, что для препровожденія курьера будетъ отряжено 50 человѣкъ Яицкихъ казаковъ и просилъ выслать на встрѣчу имъ къ рѣкѣ Камелику команду въ такомъ же числѣ, которая, принявъ гонца, конвоировала бы его до Волги. «Я только успѣваю вамъ сказать, приписалъ Голицынъ своей рукой, что злодѣй Пугачевъ твердо въ нашихъ рукахъ содержится въ Яикѣ». На другой же день Голицынъ изъ этого города увѣдомилъ Державина, что уже наканунѣ Суворовъ повезъ Пугачева въ Пензу «къ высшей командѣ» (№ CXX): «По полученіи сего толь пріятнаго извѣстія, прибавлялъ Голицынъ, за долгъ почелъ и ваше благородіе съ сею всеобщею радостію поздравить, рекомендуя притомъ, чтобъ вы всѣ по предписанію моему назначенные вамъ, какъ въ колоніи, такъ и на Иргизѣ посты содержать старались до тѣхъ поръ, пока не получите отъ меня о снятіи оныхъ повелѣнія, не менѣе также и содержать почты отъ Мечетной сюда не далѣе 60 верстъ, къ соединенію которыхъ и я отсель съ моей стороны таковыя жъ разстановить не оставлю, чрезъ которыя бъ посылаемые какъ отсель, такъ и слѣдующіе сюда курьеры безъ всякаго опасенія и задержанія проѣзжали».

Извѣстіе о поимкѣ Пугачева расшевелило честолюбіе всѣхъ военачальниковъ: каждому изъ нихъ захотѣлось быть первымъ въ передачѣ этой важной вѣсти далѣе, высшему начальству. Посланный съ нею княземъ Голицынымъ изъ Яицкаго городка къ графу Панину курьеръ былъ секундъ-маіоръ Пушкинъ. По приказанію князя онъ заѣхалъ на Иргизъ къ Державину и просилъ сказать чистосердечно, не далъ ли онъ знать о поимкѣ самозванца прямо отъ себя главнокомандующему или кому другому изъ генераловъ. Державинъ отвѣчалъ, что онъ «рапортовалъ

только тѣмъ, кого должно по командѣ, и именно: по воинской — князя Голицына, а по секретной — генерала Потемкина, предоставивъ извѣстить главное начальство имъ самимъ.» Пушкинъ былъ доволенъ этимъ, «полагая, что курьеръ, посланный къ Потемкину въ Казань, сдѣлавъ крюкъ въ нѣсколько сотъ верстъ на право, не могъ пріѣхать въ Петербургъ ранѣе отправленнаго прямою дорогою чрезъ Пензу къ графу Панину». Но такъ какъ Державинъ, при посылкѣ курьера въ Казань, прописалъ въ его подорожной цѣль поѣздки, чтобъ тѣмъ успокоить селенія, чрезъ которыя онъ будетъ проѣзжать, то Сызранскій воевода поспѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ для себя случаемъ и тотчасъ послалъ нарочнаго къ графу Панину, до котораго извѣстіе и дошло этимъ путемъ прежде пріѣзда Пушкина. Эта случайность имѣла, какъ увидимъ ниже, очень дурныя послѣдствія для Державина.

Потемкинъ получилъ увѣдомленіе его 18-го сентября и въ тотъ же день отвѣчалъ (№ CXXII): «Пріятнѣйшее извѣстіе ваше о поимкѣ злодѣя Пугачева я съ неизреченнымъ обрадованіемъ получилъ сего сентября 18 дня; охотно бы я желалъ, чтобы вы увѣдомили меня обстоятельно, кто и какъ его поймали. Впрочемъ дайте мнѣ знать, гдѣ князь Петръ Михайловичь (Голицынъ).

«По одобренію вашему Гаврило Герасимовъ медаль получилъ, а женѣ Серебрякова я награжденіе сдѣлать не премину».

Знаменательна приписка на поляхъ этого письма: «Желалъ бы я охотно, чтобы злодѣй былъ доставленъ въ коммисію, а не въ военную команду, поелику оной посредство къ тому споспѣшествовало».

Это значило, другими словами: «Устройте, чтобы Пугачевъ былъ доставленъ ко мнѣ, а не къ главнокомандующему».

Съ своей стороны и Мансуровъ не могъ быть спокоенъ, услышавъ въ Саратовѣ, что поимка Пугачева совершилась мимо его: требуя высылки своей команды изъ Малыковки, куда Державинъ опять переѣхалъ и гдѣ она поэтому уже была не нужна, онъ прибавлялъ (№ CXXIV отъ 20 сентября): «Пріятно васъ, государя моего, прошу съ симъ посланнымъ меня увѣ-

домить, кѣмъ и гдѣ Пугачевъ былъ пойманъ и кому представленъ; я не имѣю ни откуда о томъ свѣдѣнія».

VI. Непріятности и неудачи по службѣ.

До сихъ поръ Державинъ, въ своей дѣятельности по Пугачевскому бунту, имѣлъ нѣсколько непріятныхъ столкновеній только съ мѣстными властями; всѣ же начальники его показывали ему особенное благорасположеніе. Теперь онъ вдругъ увидѣлъ совсѣмъ другое со стороны главнокомандующаго, графа П. И. Панина, съ которымъ еще не былъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ. Въ концѣ сентября, Державинъ получилъ почти одновременно чрезъ Голицына и Мансурова приказаніе графа Панина прислать объясненіе, почему онъ оставилъ Саратовъ передъ самымъ приходомъ туда Пугачева? Правда, въ письмѣ Голицына пилюля была позолочена благодарностью за пораженіе Киргизовъ, но это не уменьшало ея горечи. Вотъ это письмо (№ CXXVII): «Его сіятельство главнокомандующій г. генералъ-аншефъ и трехъ россійскихъ орденовъ кавалеръ, графъ Петръ Ивановичь Панинъ, за доказанную вами въ пораженіи Киргизъ-Кайсаковъ услугу, предписываетъ свою благодарность и вниманіе по уваженію оной, и что онъ о семъ дѣлѣ, по точности моего ему донесенія, какъ объ васъ, такъ и одобренныхъ вами въ отличности чинахъ, не оставитъ донести Ея Императорскому Величеству всемилостѣйшей Государынѣ.

«Вслѣдствіе его жъ сіятельства повелѣнія извольте прислать ко мнѣ къ доставленію ему рапортъ, въ которомъ объясните обстоятельство, какимъ образомъ не случились вы быть при защищеніи своего поста въ городѣ Саратовѣ и какая должность, кѣмъ и отъ кого поручена и съ какою командою вамъ была, а потомъ для чего, куда и за сколько времени предъ злодѣйскимъ нападеніемъ на помянутой городъ, съ какимъ числомъ команды отлучиться были принуждены; и сіе я точными объяснилъ словами, какъ его сіятельство мнѣ предписать изволилъ».

Потомъ приписка: «Я завтрашній день отселѣ выѣзжаю и путь возьму прямо на Самару; надѣюсь быть въ пятые сутки, и

такъ уповаю, вамъ способно будетъ со мною видѣться въ оном городѣ. Команда же ваша остается на прежнемъ положеніи». (20 сентября, Яицкій городокъ).

Что могло внезапно возбудить противъ Державина гнѣвъ главнокомандующаго въ такое время, когда по настоящему надлежало еще думать только о томъ, чтобы скорѣе изгладить слѣды страшнаго бѣдствія, причиненнаго возмущеніемъ? Державинъ не безъ вѣроятія приписываетъ эту невзгоду тому, что Панинъ, получивъ извѣстіе о поимкѣ Пугачева стороною и такъ сказать случайно, вообразилъ, будто П. С. Потемкинъ успѣетъ прежде него донести о томъ Императрицѣ, и заподозрѣлъ Державина въ тайномъ разсчетѣ угодить сильному при Дворѣ родственнику и однофамильцу Потемкина.

Опасеніе Панина было несправедливо: уже 27-го сентября Императрица писала тогдашнему главнокомандующему въ Москвѣ, князю Михаилу Никитичу Волконскому: «Съ послѣднимъ курьеромъ я получила извѣстіе изъ Пензы *отъ графа Панина*, что Яицкіе казаки связали Пугачева и везутъ его въ Яицкій городокъ» [1]). Но это обстоятельство разъяснилось уже гораздо позже, и понятно, что графъ Панинъ долженъ былъ негодовать на дерзкаго офицера, который по видимому обошелъ его. Притомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что около того же времени неудовольствіе главнокомандующаго противъ Державина было возбуждено наговорами на него партіи Бошняка и Кречетникова. Сами по себѣ эти ожесточенныя жалобы, можетъ быть, не произвели бы такого дѣйствія, но, въ связи съ собственнымъ неудовольствіемъ графа, онѣ пріобрѣтали особенную силу.

Оскорбленный сомнѣніями Панина, Державинъ, въ сознаніи чистоты своихъ дѣйствій и усердія въ исполненіи обязанностей, отвѣчалъ 5 октября слѣдующимъ обширнымъ, но въ высшей степени любопытнымъ рапортомъ прямо на имя самого главнокомандующаго (№ 111); въ подтвержденіе же своихъ словъ приложилъ онъ копіи съ 13-и бумагъ, полученныхъ имъ во время бунта отъ разныхъ лицъ, такъ что все это составило довольно полновѣсную тетрадь.

---

1) Москвитянинъ 1845 г. № 9.

«Сіятельнѣйшему графу
Высокопревосходительному и повелительному господину
генералъ-аншефу и трехъ Россійскихъ орденовъ кавалеру
Петру Ивановичу Панину
Гвардіи поручика Державина
Рапортъ.

«Въ ордерѣ вашего сіятельства господину генералъ-маіору и кавалеру князю Петру Михайловичу Голицыну повелѣвать изволите, чтобъ вопросить меня: «какимъ образомъ не случился я «быть при защищеніи поста своего въ городѣ Саратовѣ? какая «должность тамъ, отъ кого и съ какою командою мнѣ поручена «была; потомъ, для чего и куда и за сколько времени предъ злодѣй-«скимъ на помянутой городъ нападеніемъ, и съ какимъ числомъ «команды я отлучиться принужденъ былъ»; но въ ономъ же ва-шего сіятельства повѣленіи признаніемъ своимъ меня счастли-вить изволите за прогнаніе мое Киргизъ-Кайсаковъ. Сколь лестно для меня сіе признаніе, столь не чту я себя заслужившимъ онаго и до тѣхъ поръ не желаю его, доколь на вышеизображенные вопросы не поднесу моихъ, достойныхъ вашего сіятельства нижайшихъ донесеній; ибо за малости желать похвалы людей великихъ есть то же самое, что желать у нихъ украсть оную.

«Но дабы порядкомъ очистить всѣ сіи вопросы, а паче въ единое подвергнуть вашего сіятельства воззрѣніе существо всей моей коммисіи, мою въ оной должность, мой постъ, мою коман-ду, отъ кого я посланъ и наконецъ достигнуть до Саратовскаго обстоятельства, то разсудилъ я подробныя вашему сіятельству присовокупить изъясненія. Надежда, что патріотическій духъ не поскучитъ трудомъ разсмотрѣть ихъ въ тонкости, отважила меня предложить такое множество бумагъ.

«Главнѣйшій предметъ моей коммисіи состоялъ въ поимкѣ Пугачева, если бъ онъ по разбитіи своихъ скопищъ, бросился одинъ укрываться у друзей своихъ, яко въ гнѣздѣ и своемъ пристанищѣ на Иргизѣ, Узеняхъ, въ Малыковкѣ, въ Саратовѣ, или хотя и во всей округѣ здѣшней; всѣ сіи мѣста мой постъ и ни къ которому я не привязанъ. Копія подъ № 1 подтвердитъ сію истину, покажетъ отъ кого я посланъ и сколько у меня

команды. Чтожъ по ней исполнено въ разсужденіи дѣлъ тайныхъ во время осады Оренбурга, то все удостоено признанія бывшаго моего тогда главнаго начальника; и сіе бъ мнѣ было выхвалить себя, ежели бъ пріобщить всѣ милостивые его мнѣ о томъ ордера.

«Между тѣмъ временемъ, какъ его сіятельство князь Петръ Михайловичь Голицынъ шествовалъ сдѣлать злодѣю пораженіе подъ Татищевою, усердіе мое заставило меня съ примѣчаніемъ посмотрѣть на Иргизъ, яко на путь, ведущій къ Волгѣ, по котораго жительствамъ легко бъ отъ Яика злодѣи во внутренность здѣшнихъ провинцій еще тогда жъ пролиться могли. Справедливость примѣчанія онаго опослѣ подтверждена при ордерѣ князь Петра Михайловича письмомъ злодѣйскимъ подъ № 2. Вслѣдствіе сего какъ зналъ я, что посланныя на истребленіе силы были не очень достаточны, то и искалъ я средствъ, чтобъ безъ нихъ занять сіе мѣсто. Потому, пріѣхавъ въ Саратовъ, провѣдалъ я, что въ ономъ находится баталіонъ, три фузелерныхъ роты и болѣе пяти сотъ разныхъ казаковъ, чего и слишкомъ на то бъ достаточно было. Но какъ сіе мое мнѣніе не было угодно его превосходительству Астраханскому губернатору, бывшему тогда въ Саратовѣ, то донесъ я оное его высокопревосходительству покойному Александру Ильичу. Онъ его апробовать изволилъ и при ордерѣ подъ № 3 далъ свое предложеніе опекунской конторѣ объ отрядѣ ротъ ея по требованію моему, ибо онѣ были въ ея командѣ. Его превосходительство Астраханскій губернаторъ, какъ то видно и въ тайномъ моемъ наставленіи, хотя также былъ прошенъ, съ прописаніемъ посылки моей въ слѣдствіе именнаго указа, помогать мнѣ по всѣмъ моимъ требованіямъ; однако онъ всегда изволилъ находить въ томъ удовольствіе, чтобы во всемъ мнѣ отказывать. Многія его письма сіе свидѣтельствуютъ; матерію сію ввожу я для того, почему я, не имѣя команды, сдѣлался нѣкоторымъ образомъ диспозиторомъ военныхъ дѣйствій, и почему иногда кто считаетъ у меня бытіе оной, тотъ несправедливъ: поелику то со мной и часто случалося, что по моимъ мыслямъ приказывалось только нѣкоторымъ отрядамъ занимать свои посты, и кромѣ того взялъ было я единожды самъ собою дерзновеніе посланною изъ Сара-

това командою предварить свободу Яика, что его превосходительство Астраханскій губернаторъ хотя также обращалъ въ тщету, но одобряетъ сіе мое усердіе приложенный здѣсь подъ № 4 ордеръ. Оная жъ вытребованная мною Саратовская команда какъ не допустила по письму злодѣйскому покушенія ихъ съ Яика, такъ и не была безъ дѣла; ибо, имѣвъ у себя своего командира, въ маѣ мѣсяцѣ воспрепятствовала злодѣйскимъ Калмыкамъ прорваться въ страну здѣшнюю. Сіе въ реляціяхъ и къ Ея Императорскому Величеству донесено было; однако и на оное ваше сіятельство въ своемъ мѣстѣ найти изволите писанное мнѣ отъ его превосходительства Астраханскаго губернатора поношеніе. Дабы не остаться жъ въ мысляхъ сихъ, что сія команда осталась у меня, то еще за два мѣсяца до сокрушенія Саратова возвращена она паки въ оный. Только оставлено мнѣ двадцать пять человѣкъ для караула по секретной моей коммисіи колодниковъ и для разсылокъ, которая была и есть нынѣ въ Малыковкѣ.

«Теперь, проминовавъ довольное пространство времени, когда злодѣй удаленъ былъ отъ странъ сихъ и когда моей коммисіи дѣйствовать на него далеко было въ Башкиріи, долженъ приступить я къ Саратовскимъ послѣднимъ обстоятельствамъ такимъ оброзомъ: когда варваръ отъ странъ Кунгура нагибался въ Казань, то писано мнѣ было подъ № 5, что якобы просилъ онъ своихъ сообщниковъ, дабы проводить его на Иргизъ. Тутъ предписаны мнѣ были паки по тайнымъ моимъ средствамъ наблюденія. Вслѣдствіе чего разрядивъ подлазчиковъ во всѣ мнѣ подозрительныя мѣста, просилъ его превосходительство генералъ-маіора и кавалера Павла Дмитріевича Мансурова, бывшаго тогда на Яикѣ, чтобъ позволилъ онъ стоявшимъ двумъ стамъ казакамъ на Иргизѣ очистить оной, дабы открытіемъ его обезпечить злодѣю надзираемыя мною, чаемыя его пристанища. Онъ сіе соизволилъ, и тѣмъ болѣе, что и ордеръ подъ № 6 поспѣшилъ, чтобъ казакамъ съ Иргиза сойти и расположиться въ Сызранѣ. Сказавъ по сему повелѣнію имъ постъ, поѣхалъ въ Саратовъ, чтобъ обвѣстить и тамъ предосторожность. Въ бытность мою въ ономъ 16 іюля получилъ Сызранской канцелярін сообщеніе. Тамъ увѣдомлялся я, что Казань несчастлива.

Взявъ сіе, тотчасъ объявилъ господамъ Саратовскимъ начальникамъ и просилъ ихъ ужъ прямо къ пріятію заблаговременныхъ мѣръ пріуготовить себя при времени защитить свой городъ и встрѣтить храбро, чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше варвара. Почему они 24 числа въ опекунской конторѣ учинили собраніе и, въ общемъ опредѣленіи подписавшись своими руками, заключили, что къ спасенію гражданскаго и казеннаго имущества сдѣлать полевое укрѣпленіе около провіантскихъ магазейнъ; а прочими силами стараться встрѣтить далѣе и поразить злодѣя. Присемъ, при случаѣ приближенія варвара, хотѣли они также разослать свои патрули, какъ и я изъ расположившихся въ Сызранѣ казаковъ въ силѣ ордера подъ № 6, обѣщалъ съ своей стороны учинить разъѣзды. Оное положеніе за справою конторскою отослалъ я моему главнокомандующему, какъ и рапортъ оной, что примѣчаю я въ Саратовѣ разногласицу; что одинъ по старшинству, другой по преимуществу чина военнаго и коменданта, каждый говоритъ свое; что потому потребенъ въ Саратовѣ единственный начальникъ. На сіе получилъ я отвѣтъ подъ № 7. Въ теченіе сего времени поспѣшилъ мнѣ подъ № 8 ордеръ, которымъ увѣдомлялся, что варваръ Пугачевъ перелѣзъ у Кокшайска Волгу и держитъ къ сторонѣ Курмыша. Я тотчасъ понялъ сего злодѣя оборотъ. Уповалъ я, что онъ будетъ въ сію область, почему тотчасъ поѣхалъ возвратно въ село Малыковку, чтобъ тамъ сдѣлать во-время учрежденіе, подтвердить народу въ силѣ наставленія проповѣдь и поставить сто человѣкъ казаковъ въ слободѣ сей, дабы занять разъѣздами ихъ отъ Сызрана до Саратова: ибо сего еще не можно было знать, на Саратовъ ли, Малыковку или Сызранъ злодѣй прорѣжетъ своимъ стремленіемъ. Сдѣлавъ сіе и приготовивъ вооруженныхъ крестьянъ для нижеизъясненнаго моего намѣренія, отправился паки въ Саратовъ, дабы посмотрѣть тамъ успѣховъ, которыхъ, по вышеизображеннымъ причинамъ, тогда ужъ едва ужъ смѣлъ чаять; 30 числа іюля пріѣхалъ; а нашедши нерѣшимость, написалъ я подъ № 9 господину коменданту чувствительное сообщеніе и, при рапортѣ моемъ обо всѣхъ Саратовскихъ тогдашнихъ обстоятельствахъ, отослалъ его для переду къ его превосходительству Павлу Сергѣевичу Потемкину. До-

вольно бы и сего приватнаго подаянія моихъ совѣтовъ господамъ начальникамъ; однако, ежели кто хочетъ прямо усерденъ быть къ службѣ Ея Величества, тотъ не изъемлется отъ оной ни крайнимъ чувствіемъ своея жизни. Почему добился я съ господиномъ бригадиромъ Лодыжинскимъ и прочими, что господинъ комендантъ, отрекшись прямо прежняго своего опредѣленія, но хотя не около провіантскихъ магазейнъ, а на горѣломъ городскомъ мѣстѣ однако согласился сдѣлать укрѣпленіе и назначилъ на планѣ своею рукою мѣсто. А потому должно было и на то согласиться. Сіе было вечеру, но поутру вышло новое явленіе, что онъ для экспланады никакъ построенныхъ лачугъ ломать не будетъ; ибо де жители ропщутъ. Всякаго ревностнаго тронетъ сія отговорка; а потому, пришедъ я въ магистратъ, записалъ въ журналъ купечеству, что ежели для пользы общественной и службы Ея Величества не токмо кто будетъ роптать за разломку своего строенія, но ежели покажетъ видъ неусердный къ своему долгу, тотъ яко измѣнникъ будетъ скованъ и отосланъ въ секретную коммисію. На сіе лучшее купечество и общество гражданъ благородныхъ собрались паки въ контору опекунства и обще, какъ-то баталіонные штабъ-офицеры и прочіе даже отставные, сдѣлали опредѣленіе, чтобъ не смотря на супротивленіе коменданта дѣлать ретраншаментъ паки около провіантскихъ магазейнъ и имѣть готовность къ отраженіе злодѣя заблаговременно, не допущая его до города. Въ сіе время, чтобъ поощрить народъ къ пріятію мужественнаго духа противъ варвара, сдѣлалъ я публикаціи, объявя награжденіе въ силѣ даннаго мнѣ наставленія тѣмъ, кто злодѣя поймаетъ, и просилъ собрать отъ народа подписки, чтобъ подъ смертною казнію никто не отважился приставать въ продерзкое скопище бунтовщиковъ. Сіе было съ моей стороны, что принадлежитъ до явныхъ способовъ истребить злодѣя; что жъ принадлежитъ до тайныхъ и цѣль свою на главное основаніе моей коммисіи имѣющихъ, то оныя какъ сущій мой долгъ оставлены не были. Посланы были отъ меня тайные лазутчики въ толпу злодѣя и изъ нихъ одинъ человѣкъ госпожи Карамышевой имѣлъ бы всеконечно сердце исторгнуть духъ нечестивца, ежели бъ паденіе Саратова не ускорило» (т. е. не предупредило)» его подвигъ;

но онъ освободилъ изъ когтей смерти многихъ дворянъ, и одинъ разсѣялъ болѣе двухъ сотъ мятежниковъ, переловя главныхъ, что, какъ его превосходительству Павлу Дмитріевичу, такъ и его сіятельству князю Петру Михайловичу извѣстно. Помянутую жъ журнальную мою магистратную записку, общее вторичное опредѣленіе, публикаціи и подписки отослалъ я паки для переду къ его превосходительству Павлу Сергѣевичу. На оное получилъ я подъ № 10 ордеръ, который читалъ въ присутствіи; но мало его почувствовали.

«Кажется, довольно изображенія и сего неустройства, но оно еще въ Саратовѣ сугубѣе было; когда все лучшее общество на вышепомянутое единодушно согласилось, тогда нашелъ комендантъ выиграть чернь въ помощь своему упрямству. Онъ, призвавъ полиціймейстера, сказалъ оному: кто хочетъ, пусть идетъ на работу; а кто не хочетъ, тотъ не принуждается. Симъ воздвиглась паки суматоха, и невѣрный народъ радъ былъ случаю не повиноваться приказаніямъ. Заводчиковъ я требовалъ по силѣ секретной коммисіи къ себѣ, но они не отпущены. Ежели сообщеніе мое въ воеводской канцеляріи цѣло, то ихъ имена извѣстны, а ежели нѣтъ, то отпуску у меня оному не имѣется. Должно сказать, что чрезъ сіе тогда жъ почти возгнетался огнь послѣ явившейся въ Саратовѣ измѣны. Сей комендантской поступокъ по рѣчамъ полицеймейстера и многихъ купцовъ у бригадира господина Лодыжинскаго записанъ въ конторскомъ его журналѣ; а я паки тотчасъ отрепортовалъ о немъ точно его превосходительству Павлу Сергѣевичу, прося его притомъ, какъ бывшаго тогда единственнаго непосредственнаго начальника, чтобъ онъ ускорилъ властію своею удержать падающій Саратовъ. На оное получилъ я ордеръ подъ № 11, но онъ уже не засталъ цѣлости Саратова. Зачѣмъ же господинъ комендантъ за посѣяніе сихъ раздоровъ не былъ арестованъ и народъ къ своему долгу не принужденъ силою, сіе остается отвѣчать старшимъ; а я ни могущества, ни команды, ни прямаго къ тому долга приступить не имѣлъ. Сверхъ того тотъ же день, т. е. августа 3 дня, получилъ я отъ коменданта сообщеніе подъ № 12; тамъ по повелѣнію ему господина губернатора приказывалось мнѣ объявить, что какъ я и упоминаемая въ ономъ какая-то моя

команда вовсе отрицается отъ помеществованія Саратову, и мнѣ приказывалось точно ѣхать на Иргизъ. По какимъ причинамъ его превосходительство губернаторъ располагать изволилъ, что злодѣй будетъ прежде на Иргизъ, а не въ Саратовъ и откуда онъ изволилъ изобрѣсть собственно всегда подначальства моего примкнуть имѣющую воинскую команду къ Саратову, то мнѣ никакъ не знакомо, а сіе есть извѣстно, что чрезъ оное сообщеніе *имѣлъ бы я благопристойный случай по повелѣнію его заблаговременно отдалиться отъ предстоящаго нашествія* разбойниковъ, ежели бъ когда нибудь ужасъ въ душѣ моей превосходилъ чувства должной моей ревности къ службѣ моей всемилостивѣйшей Государыни. Для сего единственно не внялъ я сообщенію сему; а по полученному изъ Петровска извѣстію, какъ о приближеніи злодѣя къ городу сему, такъ и о взбунтованіи тамъ прежде пришествія его народа, побудился я еще показать опытъ самоизвольной моей должности. Всѣмъ извѣстна есть сія истина, что хищникъ Пугачевъ съ начала своего ухищренія ничего собственнаго къ ополченію своему не имѣлъ; а всегда усиливался чрезъ дремучку частныхъ нашихъ городскихъ начальниковъ, собственными ихъ нашими силами. Для того предпріялъ я въ городъ Петровскъ предъ самымъ на него стремленіемъ съѣздить высвободить изъ тюрьмы содержавшихся командировъ, успокоить народный бунтъ, увезти казну, пушки, порохъ, а ежели не успѣю, то все оное побросать въ воду. Посему 4 августа выпросилъ отъ конторы опекунской въ конвой свой сто человѣкъ Донскихъ казаковъ подъ командою есаула Фомина; при чемъ согласился со мною ѣхать и Польской службы господинъ подполковникъ Гогель единственною своею волею. Такимъ образомъ, взявъ сей путь, велѣлъ деташаменту моему слѣдовать впередъ себя. Не доѣзжая пятнадцати верстъ до Петровска, встрѣтилъ я курьера, отъ коменданта посланнаго для развѣдыванія; онъ объявилъ мнѣ, что злодѣй въ тридцати верстахъ отъ города сего. Не взирая на сіе, какъ еще у меня былъ выигрышъ передъ злодѣемъ пятнадцать верстъ, то думалъ я успѣть совершить мое намѣреніе, для чего паки пустился въ путь. Отъѣхавъ пять верстъ, получилъ языкъ, что ужъ Пугачевъ вступаетъ въ городъ; тутъ я остановился, и казакамъ,

ѣдущимъ впереди, послалъ сказать, чтобъ они возвратилися, но они, всѣ вдругъ учинивъ бунтъ, хотѣли насъ схватить, а по неудачѣ стремглавъ предались варвару. Здѣсь признаться должно вашему сіятельству, что я, Гогель и есаулъ до Саратова спаслись бѣгствомъ, но и въ сей необходимости я не позабылъ своего долга. Тотчасъ съ пути отправилъ находящагося при мнѣ вѣрнаго мнѣ лазутчика, Малыковской волости крестьянина Андрея Абрамова, чтобъ онъ далъ знать стоящему въ селѣ Старыхъ Бурасахъ изъ Малыковки казачьему разъѣзду о приближеніи злодѣйскомъ, а самъ бы пробирался въ деташаментъ къ господину подполковнику Муфелю или графу Меллину и просилъ бы ихъ о скорѣйшемъ къ Саратову поспѣшеніи. Онъ первое исполнилъ, а втораго, за поимкою его въ селѣ Барнуковкѣ крестьянами, исполнить не могъ; казачій, стоящій въ Бурасахъ разъѣздъ, по сему извѣстію, долженъ былъ увѣдомить своего въ Малыковкѣ есаула Богатырева, а сей, собравъ прочіе свои разъѣзды, поспѣшить съ своими стами человѣками казаками въ Саратовъ. Такъ какъ собранные мои прежде помянутые вооруженные крестьяне, по сему извѣстію, туда жъ должны были приближаться, а они собраны были на то, чтобъ при вѣрныхъ моихъ лазутчикахъ разсѣять ихъ вездѣ въ отдаленности на дорогахъ, пролазахъ и скрытныхъ мѣстахъ вокругъ верстъ на пятьдесятъ и стеречь, ежели злодѣй будетъ разбитъ и побѣжитъ, то чтобъ поймать его; ибо сія есть доказанная истина, что хотя гдѣ искусство предводило, а храбрость дѣйствовала, и онъ нѣсколько разъ въ прахъ былъ разбитъ, однако вездѣ спасался бѣгствомъ, или за усталостію нашихъ коней, или за малочисленностію томныхъ нашихъ войскъ, объѣхать его и схватить не могущихъ. Мнѣ жъ какъ положено было ловить его, то какая хитрость при вооруженной толпѣ его, кромѣ сего вымысла, на него дѣйствовать могла, ежели въ толпѣ его находящіеся лазутчики ничего бъ не дѣлали? Ежели бъ сіи присмотрщики и невѣрны сдѣлались, то, будучи разсѣяны въ разныя мѣста, что тутъ отважилъ я? ничего, кромѣ сорока или пятидесяти человѣкъ, уйти съ нимъ могущихъ, на которыхъ бы онъ наткнулся. Но должно возвратиться паки къ Саратову.

«Совершивъ несчастливой маршъ въ Петровскъ, возвратился

я паки въ Саратовъ 5 числа часу по полуночи въ 4-мъ, гдѣ по столь многимъ опредѣленіямъ и перепискамъ не нашелъ я никакой готовности, стоющей только сутокъ двоихъ при такомъ множествѣ народа, сколько имѣетъ Саратовъ. Сказавъ ставшееся со мною приключеніе, а видѣвъ отъ того вящшее замѣшательство, предложилъ я послѣдній мой совѣтъ, что понеже нашихъ деташаментовъ много что дни черезъ три ожидать за злодѣемъ въ слѣдъ должно, то чтобъ спасти казенное и партикулярное иждивеніе и удержать народъ отъ мятежа; ибо надлежащею обороною всего Саратовскаго выгорѣлаго пустаго мѣста никакъ защитить не можно было, въ полѣ же встрѣтить далѣе не шли, то бъ построить хотя изъ имѣющихся премножества кулей муки и извести небольшой городокъ и, тутъ собравшись съ жителями, ждать варвара. Когда сего не принято, тогда я уже не говоря ни слова ждалъ токмо Саратовскаго вождя готовности. Часу по полудни въ третьемъ выступили и баталіонныя и фузелерныя роты и казаки и стали шеренгами вдоль простертаго предлиннаго вала, ни фланговъ, ни редантовъ не имѣющаго, поперегъ Петровской дороги. Съ правой стороны была никакъ не укрѣпленная Соколова гора, могущая служить непріятелю батареею и ничѣмъ не занятой мостъ, спереди были рвы непріятелю вмѣсто отданы траншей, съ лѣваго боку отверстое поле; а сзади строеніе, служащее отступающимъ вмѣсто защиты, чтобъ невредимыми подъѣхать можно было къ фронту, пушки городовыя не на батареяхъ, на худыхъ лафетахъ безъ зарядныхъ ящиковъ, проткнуты въ одну сторону въ амбразуры узко прорытаго вала; не было расписано, гдѣ кому имѣть какой постъ и какое мѣсто и коликимъ числомъ кому защищать, что обыкновенно при отпорѣ городовъ водится. Жители безъ начальника и толпы безъ присмотра собирались, гдѣ хотѣли, и вреднымъ шептаніемъ укладывали мечты. За страхами тутъ я вообразилъ себѣ, что это ратуетъ на Тамерлана нѣкакой древній воевода; нарядной былъ безпорядокъ! хотя Пугачевъ и грубіянъ, но какъ слышно, и онъ умѣлъ пользоваться всегда таковыми выгодами. Сего не довольно. Господинъ премьеръ-маіоръ Зоргеръ и секундъ Бутыркинъ сказали мнѣ, что городовыя пушки заколочены ядрами, и что ежели де бы мы сего не усмотрѣ-

ли, то, можетъ быть, со всѣми сіе случилось; я не говорю на мертвыхъ, а они живы. Услышавъ сіе, я ужаснулся! Пошелъ къ коменданту и спросилъ его съ учтивостію въ присутствіи бригадира и прочихъ объ ономъ; онъ отвѣчалъ, что это бездѣлица, и что это пушкари учившися изъ шалости сдѣлали.

«Здѣсь, я думаю, ваше сіятельство изволите остановиться и вопросить меня: не сего ли я струсилъ, испугался и убѣжалъ? хотѣлъ бы я донесть, что и это истина, что неимѣющему неподвижнаго поста, ни могущества, ни силы, ни собственной своей команды, поднявшему жителей на себя убѣжденіемъ къ долгу, огорчившему оными многихъ, высылаемому волею губернатора и хотѣніемъ коменданта вонъ; въ мѣстѣ, гдѣ я мимоходящій быть долгъ имѣлъ, гдѣ владычествовалъ безпорядокъ, а можетъ быть, между нижними чинами и заговоръ; гдѣ не приняли ни одного моего совѣта, что было другое дѣлать, какъ оттуда не удалиться? Однако я сего не сдѣлалъ. Имя офицера заставляло меня гордиться опасностью. Потому выпросилъ я у господина артиллерійскаго маіора Семанжа находящуюся безъ капитана роту и, принявъ ее въ свою команду, уже принялъ было и пароль, въ чемъ на него свидѣтельствуюсь. Сіе было наканунѣ Пугачева приходу. Послѣ сего поѣхалъ я съ нимъ господиномъ Семанжомъ къ господину бригадиру и уже то было ночью часъ по полудни 11-й, гдѣ я, пріѣхавъ къ квартирѣ его господина бригадира, получилъ отъ главнаго моего лазутчика секретной рапортъ подъ № 13. Въ немъ увѣдомлялся я, что собранные мои крестьяне, провѣдавши, что меня Донскіе казаки предали, то получа развратныя мысли, роптали и колебалися безъ моего присутствія идти въ Саратовъ, а какъ въ семъ городѣ имѣющіеся разнаго званія казаки отъ часу дезертировали, и мало становилось конницы; а я, кромѣ моего объявленнаго о крестьянахъ намѣренія, еще прежде обнадежилъ господъ начальниковъ, что въ подмогу имъ они и сто человѣкъ стоявшихъ въ Малыковкѣ казаковъ будутъ, то и почелъ я долгомъ изъ Саратова для сего отлучиться, чтобъ прибытіемъ своимъ ободрить ихъ, и ежели можно и несомнительно будетъ въ нихъ, то привесть въ Саратовъ; въ противномъ же случаѣ боялся я, чтобъ начинающій въ нихъ дѣйствовать ядъ возмущенія не обѣ-

сновалъ и до времени грубыхъ сердецъ ихъ, и чтобъ когда будутъ подходить къ Саратову и узнаютъ близкое съ ними стеченіе злодѣя, то бъ безъ предводителя осторожнаго не сдѣлали по образу казаковъ, какъ подъ Петровскомъ; а сіе уже бы подлинно единственная моя вина была, ежели бы я усилилъ злодѣя кучею полуторатысячною; ибо ихъ столько собрано было. Тогда-то можетъ бы быть сказали: я то и причиною, что Саратовъ погибъ. Сіе вмѣнилъ я въ собственной свой долгъ. Для сего, какъ сказалъ я выше, поѣхалъ я изъ Саратова и объяснилъ господину бригадиру и маіору, что я ѣду въ Малыковку; однако не сказалъ имъ, для чего ѣду точно; ибо услышавши о заворохѣ обѣщанныхъ имъ въ помощь крестьянъ, можетъ бы быть сіе повергло ихъ въ вящшее уныніе. Сказалъ же я имъ, что буду стараться послать встрѣчу идущему въ Сызранъ его превосходительству Павлу Дмитріевичу, и уже какъ уповаю онъ близко, то и самъ, можетъ быть, просить его о поспѣшеніи къ нему поѣду. Сіе разсѣвалъ я и вездѣ, чтобъ ободрить народъ. Такимъ образомъ выѣхалъ я изъ Саратова — часовъ за 15 до нападенія варвара на городъ оной. Послалъ дѣйствительно главнѣйшаго моего лазутчика Серебрякова къ его превосходительству Павлу Дмитріевичу, который не доѣхалъ до его на Иргизской степи и съ сыномъ убитъ. Мнѣ отъ опасностей не выгоднѣе его было ѣздить токмо съ двумя для курьерскихъ посылокъ имѣющимися у меня гренадерами. Переѣхалъ за Волгу, ибо по нагорной сторонѣ уже проѣзжать нельзя было; изъ Малороссійской слободы, когда до свѣту мнѣ лошадей сыскать не могли, или паче, уже грубіяннли, употребилъ я сіе время на написаніе рапорта къ его превосходительству Павлу Сергѣевичу, а тамъ дѣйствительно я доносилъ, что я изъ Саратова выѣхалъ, и что ему предстоитъ всеконечно судьбина несчастія. Кто повѣритъ этому, что я Пугачева былъ общникъ и, приготовивъ ему скрытыя стези сорвать Саратовъ, самъ изъ него удалился? Ежели сего быть не могло, какъ же я навѣрное пророчить могъ, что онъ отъ мятежника разоренъ будетъ? Худой самый разумъ по единому зрѣлищу его дѣянія долженъ былъ того надѣяться и необходимо уповать. Се образъ, что

всѣ наши приключенія суть слѣдствія нашихъ собственныхъ распорядковъ.

«На другой день, т. е. 6 числа августа, получилъ я извѣстіе, что Пугачевъ по полудни въ 3-мъ часу къ Саратову пришелъ. Тогда мнѣ не о приведеніи въ него моихъ ратниковъ помышлять надлежало, но какъ бы имъ благополоспѣшно въ цѣлости нѣсколько обождать до свершенія прямо Саратовской судьбины; ибо они уже были отрѣзаны. Поѣхалъ было я къ нимъ, но на дорогѣ уже гораздо ночью получилъ встрѣчное извѣстіе, что Саратовъ взятъ измѣнами гражданъ, или нахальная злодѣйская злопрометчивость была виною скорому его рушенію, того я въ немъ за небытностью, какъ то уже и видно, сказать не могу. Но только я уже тогда пещись долженъ былъ о томъ, чтобъ совсѣмъ толь часто упоминаемыхъ крестьянъ возвратить и распустить. Зналъ я, что шумъ паденія Саратовскаго за собой повлечетъ сердца. Когда городъ не устоитъ, чего отъ силъ колеблющихся дожидаться должно? Такимъ образомъ чрезъ приказаніе удачно возвратилъ я рать свою въ свои домы; а съ казаками со стомя человѣками есаулу Богатыреву занимать наблюденіемъ въ селѣ Воскресенскомъ Сызранскую дорогу велѣлъ. Самъ же 7-е и 8-е число до половины все пробылъ близъ Саратова въ колоніяхъ, ибо мнѣ хотѣлось и коль нужно знать должно было, куда стремительный хищникъ кровожаждущій свой наклонилъ рыскъ: на Яикъ ли, какъ я о томъ предувѣдомленъ былъ, или внизъ рѣки Волги, дабы мнѣ о семъ точно и донесть его превосходительству Павлу Дмитріевичу. 8 числа въ полдень, будучи въ колоніи Панинской, получилъ я отъ посылаемыхъ подлазчиковъ извѣстіе, что партія Пугачева уже на луговой сторонѣ, и что посланы за мною нарочные, о чемъ и есть въ секретной коммисіи письменныя свидѣтельства, а изъ Малыковки тожъ увѣдомленъ я, что пагубныя и къ разбою склонныя души, узнавъ о разореніи Саратова, явной учинили бунтъ для грабежа своихъ зажиточныхъ сожителей и истребленія начальниковъ; почему тогда, приказавъ находившимся тамъ для караула 20 человѣкамъ фузелерамъ, прикрывъ сборную волостную денежную казну государскую и письменныя мои по секретной коммисіи дѣла, слѣдовать въ Сызранъ; а самъ, но уже будучи отрѣзанъ

ото всѣхъ, однимъ только своимъ лицомъ пріѣхалъ въ городъ; ибо со стороны луговой изъ колоній я взялъ свой путь. Въ сіе жъ время казачій есаулъ Богатыревъ, будучи окружаемъ, долженъ былъ также ретироваться къ Сызрану; а на пути удачнымъ обманомъ, притворяся, что онъ и самъ мятежникъ, выманилъ изъ Малыковки отъ народа возмутителей и на дорогѣ ихъ перевязалъ. Какъ я въ пути съ вымыслу письменной послалъ по жительствамъ приказъ, чтобъ для корпусу его превосходительства Павла Дмитріевича пріуготовить великое множество подводъ, то симъ возмущеніе нѣкоторымъ образомъ бояся наложило на себя узду и невредимымъ оставило Богатырева; а слухъ о дѣйствительномъ пребываніи его превосходительства Павла Дмитріевича и самымъ дѣломъ воздержалъ вихерь крамолы, стремящейся по слѣдамъ моимъ. 10-е число подалъ я его превосходительству Павлу Дмитріевичу о Саратовѣ рапортъ, а онъ тотчасъ и соизволилъ командировать Яицкихъ казаковъ подкрѣпить Богатырева и воспретить злу какъ нахальствующему пролиться къ Сызрану и Синбирску, такъ и на луговой сторонѣ на крайнія отъ Иргизу колоніи.

«Сіе есть, ваше сіятельство, сколько нибудь ясное описаніе коммисіи моей до паденія Саратова и исторія объ отлучкѣ отъ онаго; но чтобъ не изволили помыслить, что я многорѣчіемъ хотѣлъ затмить силу справедливости и не по важности мнѣ вышеизображенныхъ вопросовъ отвѣчалъ, то короче донесу: коммисія моя, по приложенному здѣсь наставленію, какая и отъ кого дана была, видима. Команды я не имѣлъ. Постъ мой былъ подвиженъ, гдѣ я заблагоразсужу. Въ Саратовѣ былъ я для объявленія награжденія за поимку злодѣя и проповѣди о неприлѣпленіи къ нему, для чего и собраны были отъ меня подписки подъ смертною казнію. Отлучился я отъ него, что услышалъ наклоненія къ бунту въ другомъ мѣстѣ, для меня важнѣйшемъ. Удалился я въ Сызранъ, что мнѣ уже не можно стало въ мѣстѣ безъ команды, гдѣ случился я, никакъ обойтися. За 15 часовъ я изъ Саратова выѣхалъ, не имѣвъ при тысячѣ человѣкъ близко войска никакой опасности» (т. е. опасенія), «кромѣ ихъ безпорядка. Зриге, ваше сіятельство, мой справедливый долгъ, а прочее, что я дѣлалъ, то изъ особливаго моего усердія

къ службѣ нашей всемилостивѣйшей Императрицѣ, и что должно быть безчувственному, ежели смотрѣть равнодушно на гибель своего отечества и не прилагать крайнихъ силъ вымыслить ему помощь. Подлинныхъ документовъ для того я здѣсь не приложилъ, что ежели ваше сіятельство къ чести моей прикажете парядить судъ, то я и тогда оные представлю. Приказаніе вашего сіятельства о сихъ же отвѣтахъ и черезъ его превосходительство Павла Дмитріевича честь получить имѣлъ, но какъ я уже донесъ по приказанію его сіятельства князь Петра Михайловича чрезъ сіе, то и подвергаю сіи мои донесенія на милостивое вашего сіятельства разсмотрѣніе.

«Окончая съ подобострастіемъ отвѣты на вопрошаемое, осмѣливаюсь у вашего сіятельства просить извиненія, что я отважился прямо собою особѣ вашей поднесть мои изъясненія, или что прежде о коммисіи моей не поднесть глубочайше почтительнаго рапорта. На первое доношу, что правда сама собою предстоять дерзаетъ вездѣ, а на второе, что порядокъ службы того требовалъ, что я со дня вашего главнокомандованія о дѣлахъ моихъ доносилъ младшимъ по васъ начальникамъ. Пріявши въ первый разъ подъ команду свою въ полѣ отрядъ въ экспедицію Киргизовъ, гдѣ, бывъ яко важный предводитель, доносилъ объ успѣхахъ генералу, мнѣ поручившему сіе, а по возложенному на себя по наставленію дѣлу, гдѣ, бывъ яко коммисіонеръ, репортовалъ о чемъ должно было предсѣдателю секретной коммисіи.

«Теперь остается мнѣ только всенижайше доложить вашему сіятельству, что ежели начертанныя здѣсь истины изобразили мой сущій долгъ, то изреченное мнѣ благоволеніе вашего сіятельства за битву съ варварами теперь расширеннымъ принимаю чувствіемъ, и долженъ изъ внутренной похвалиться благодарности, что по нынѣшней коммисіи начавъ носить милости его превосходительства покойнаго Александра Ильича, имѣлъ ихъ въ счастіе отъ всѣхъ находившихся въ ней генераловъ, а вашимъ сіятельствомъ вѣнчалъ свое благополучіе.

«Подлинный подписалъ: Гвардіи поручикъ

Гавріилъ Державинъ».

8 октября 1774 года.

Можно представить себѣ, какъ подѣйствовало на строгаго начальника это безконечное оправданіе мелкаго подчиненнаго, написанное съ явными претензіями на краснорѣчіе. Однакожъ графъ Панинъ удостоилъ отвѣчать Державину прямо отъ себя, притомъ тономъ не столько жесткимъ, сколько отчасти насмѣшливымъ, отчасти покровительственно-снисходительнымъ. Въ отвѣтѣ его отразился взглядъ вельможи и сановника 18-го вѣка на высокое значеніе чина и служебнаго старшинства: оцѣнивъ по письму Державина умъ его и дарованія, отдавая справедливость его проницательности и пылкому усердію, онъ не могъ простить смѣлости, съ какою молодой, маленькій по чину человѣкъ вмѣшивался въ распоряженія высшихъ и, какъ предполагалъ графъ Панинъ, по этому самому болѣе свѣдущихъ лицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Панинъ издѣвается надъ краснорѣчіемъ Державина и, забывая, что самъ онъ прежде велѣлъ благодарить его за Киргизскую экспедицію, забывая также добровольную попытку его итти въ Петровскъ, Панинъ говоритъ, что доказательствомъ ревности Державина будутъ служить одни только слова. Отчего же всѣ другіе генералы, начиная отъ Бибикова и до Суворова, такъ одобряли его распоряженія, отчего и Кречетниковъ, не смотря на прежнее пренебреженіе къ нему, въ нуждѣ просилъ его помощи, да наконецъ и самъ Панинъ началъ свои сношенія съ Державинымъ изъявленіемъ ему признательности за послѣднее дѣло?

Помѣщая здѣсь замѣчательный отвѣтъ Панина (CXXXVI), долгомъ считаемъ упомянуть, что онъ былъ уже напечатанъ въ въ Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1844 г. (№ 9): редакція этой газеты получила его отъ внука храбраго коменданта, отъ Константина Карловича Бошняка, бывшаго въ то время уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ Нерехтѣ (Костромской губерніи) [2]). Потомъ этотъ документъ былъ перепечатанъ и въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1850 г. (т. LXVIII).

---

2) Для полученія ближайшихъ свѣдѣній о Бошнакѣ я, въ началѣ нынѣшняго года, обращался съ покорнѣйшею просьбою письменно къ г. депутату Нерехтскаго дворянства инженеръ-поручику Александру Константиновичу Бошняку, но до сихъ поръ (въ маѣ мѣсяцѣ) еще не имѣлъ удовольствія получить отъ него отвѣта.

Мы заимствуемъ его изъ подлинной переписки Державина (№ CXXXVI).

«Ордеръ лейбъ-гвардіи господину поручику Державину.

«Рапортъ вашего благородія ко мнѣ, пущенный отъ 5 числа, со всѣми приложеніями я получилъ.

«По весьма великой его подлинно обширности, конечно имѣли вы настоящую причину подумать, что при моемъ нынѣшнемъ многозаботномъ Ея Императорскому Величеству служеніи, можетъ онъ мнѣ представиться къ прочтенію великимъ обремененіемъ, но въ томъ и оправдано ваше обо мнѣ благое заключеніе: я при полученіи его хотя уже половину ночи въ дѣлахъ по моей службѣ упражнялся, но другую половину не оставилъ употребить въ самое внятное его прочтеніе.

«Къ сожалѣнію моему, по тому чистосердечію, которое я непремѣннымъ себѣ закономъ, особливо въ должностяхъ службы поставляю, принужденъ я вамъ симъ открыться: все онаго пространство ничего во мнѣ другаго не произвело, какъ примѣчаніе, что вы больше несчастливы нежели всѣ украсительныя слова въ ономъ рапортѣ вамъ послужили, потому что сколь подлинно, что они самыя выбранныя и довольно краснорѣчиваго искусства въ себѣ имѣютъ, но и то неоспоримая правда, что сколь ваши намѣренія, которыя вы тѣмъ краснорѣчіемъ изъясняли, ни были благи и усердны къ пользѣ отечества, но по несчастію вашему, для чего вы ихъ употребляли, во всемъ томъ противное вамъ произошло, ибо злодѣй вами не пойманъ. Всѣ тѣ мѣста были имъ похищены и разорены, для соблюденія которыхъ преступали вы предѣлы и чина и власти, вамъ порученной, вступаясь въ чужія и вамъ не принадлежащія должности, наставляя и предосуждая людей, имѣющихъ чины выше вашего и практику въ настоящихъ дѣлахъ предъ вами превосходную, изъ чего обыкновенно болѣе происходитъ поврежденія въ настоящихъ дѣлахъ, нежели поправленія онымъ. Я по такому моему о всемъ томъ вниманію и по нежеланію отступить отъ употребляемыхъ мною всегда по службѣ должности моей чистосердечія и откровенности, теперь и нахожу себя вынужденнымъ сказать вамъ сіе.

«Въ доказательство тому, что вы истинно желали положить и не щадить никакъ живота своего въ службѣ Ея Императорскаго Величества, вами воспріятой противу врага Ея и всей Имперіи, будутъ служить только одни слова; а комендантъ Саратовской имѣетъ то, что онъ не покидалъ своего города, защищалъ его не токмо до самой послѣдней крайности, но и при сущей измѣнѣ и передательствѣ (sic) къ злодѣю его подчиненныхъ, съ оставшими при немъ самыми вѣрнѣйшими и усерднѣйшими къ Ея Императорскому Величеству изъ оныхъ рабами, прошелъ съ ружьемъ въ рукахъ сквозь всю столь много ужасающую злодѣйскую толпу, въ такую опять крѣпость, на которую злодѣй по примѣчанію устремлялся жъ, а не туда, гдѣ бъ онъ безопасенъ былъ; почему и представляется мнѣ, что гораздо легче сему коменданту предъ военной судъ явиться, еслибъ обстоятельство того востребовало, нежели вамъ по изъявленію вами желанія военнаго суда, ибо регулы военныя да и всѣ прочіе законы пріемлютъ въ настоящее доказательство и вѣроятность больше существительныя дѣйствія, нежели сокровенность человѣческихъ сердецъ, изъявляемыхъ словами. Сего ради, по истинному къ вамъ усердію, совѣтую отложить желаніе ваше предстать предъ военной судъ.

«При томъ рекомендую, въ теперешнемъ моемъ начальствѣ надъ здѣшними войсками и тремя губерніями, не употреблять вамъ себя ни совѣтами, ни вещію ни въ какія дѣла, которыя вамъ точно отъ мѣстъ и персонъ, настоящую власть имѣющихъ, препоручены не будутъ, пылкость смѣлости вашей убавить, въ разсужденіяхъ, представленіяхъ и толкованіяхъ о дѣлахъ, вашей должности непрепорученныхъ, и къ чинамъ и заслугамъ выше вашего настоящаго состоянія; увѣрясь совершенно, что и при дарованіи небесъ самаго лучшаго разума, какъ къ краснорѣчію и къ представленію вообще въ хорошемъ видѣ потребны только наука и выборъ словъ, такъ насупротивъ, къ существительному произведенію безошибочно и съ вѣрностію дѣлъ, надобно напередъ испытаніе себя самого въ существительнѣйшемъ же дѣйствіи, къ чему и руководствуетъ болѣе всего практика, а потому добродѣтель и благоразуміе научаетъ, что въ неиспытанныхъ собою дѣлахъ меньше или и вовсе на себя не

надѣяться, но искать пріобрѣсти сознаніе оныхъ чрезъ людей, въ практикѣ упражняющихся.

«Впрочемъ будьте увѣрены, что все сіе изъ меня извлекло усердіе къ людямъ, имѣющимъ природныя дарованія, какими васъ Творецъ вселенной наградилъ, по истинному желанію обращать ихъ въ прямую пользу служенія владѣющей нашей Великой Государыни и отечеству и по той искренности, съ которою я пребыть желаю, какъ и теперь съ почтеніемъ есмь

Вашего благородія

вѣрной слуга

Графъ Петръ Панинъ».

Въ одномъ изъ ближайшихъ донесеній своихъ Императрицѣ, графъ Панинъ довелъ до ея свѣдѣнія между прочимъ переписку свою съ Державинымъ и представилъ цѣликомъ приведенный нами сей часъ ордеръ. Государыня, отвѣчая 20 ноября разомъ на восемь донесеній Панина, дала въ письмѣ своемъ слѣдующій отзывъ по этому предмету: «Касательно до дѣла поручика Державина и Саратовскаго коменданта нашла я, что вашъ отвѣтъ, сдѣланный Державину, и правила, изъ которыхъ оной истекаетъ, суть таковы безпорочны, какъ отъ ревности вашей къ службѣ ожидать надлежало, и сей отвѣтъ таковъ хорошъ и полезенъ быть можетъ сему молодому человѣку, что конечно образъ мысли его исправитъ, буде природное въ немъ здравое разсужденіе есть. Саратовскаго коменданта поведеніе, о которомъ вы обновляете похвалу, не оставлю безъ взысканія» (т. е. вознагражденія) [8]). Изъ этихъ словъ видно, что Панинъ не разъ просилъ за Бошняка. Припомнимъ, что онъ обѣщалъ донести Императрицѣ и о подвигѣ Державина противъ Киргизовъ (см. выше ордеръ Голицына, № CXXVII). Исполнилъ ли

3) Письмо Императрицы Екатерины II къ графу П. И. Панину. См. Чтеніе въ Общ. исторіи о древн. 1858 г. кн. II. — Бошнякъ дѣйствительно былъ награжденъ. Одинъ изъ офицеровъ, оставшихся при немъ во время нападенія Пугачева на Саратовъ, — Зоргеръ писалъ Державину отъ 26 марта 1775 г. (№ 147): «Уже извѣстно стало, что наша всемилостивѣйшая Государыня пожаловала Саратовскому коменданту, полковнику Бошняку 370 душъ, а женѣ его 2 т. руб., — ему за дѣло при нападеніи на Саратовъ злодѣя Пугачева, а ей потому что она жаловалась, что все потеряла при этомъ нападеніи».

онъ этотъ долгъ справедливости? сомнительно, потому что въ отвѣтѣ Государыни нѣтъ ни одного слова въ пользу Державина; а между тѣмъ въ томъ же письмѣ, нѣсколько прежде, читаемъ: «Ваши рекомендаціи о капитанѣ Галаховѣ, о маіорѣ Руничѣ, капитанѣ Повало-Швейковскомъ, поручикахъ: Москотиньевѣ, Ершовѣ и Голенищевѣ конечно мною уважены будутъ. Рунича велю опредѣлить въ армію, а прочіе награжденіемъ недвижимыхъ сравнены быть имѣютъ». Таково было начало невзгоды, которая долго преслѣдовала Державина.

Между тѣмъ Потемкинъ не разъ уже звалъ его въ Казань [4]). «Если можете такъ устроить, писалъ онъ ему между прочимъ (№ CXXXV), что и въ отсутствіе ваше съ Иргиза суевѣръ Филаретъ не избѣжитъ рукъ, то пріѣзжайте сами въ Казань, дабы могъ я съ вами переговорить.

«Привезите съ собою все, что до лучшаго открытія замысловъ врага можетъ быть, не забудьте также взять Филиппова; я увѣдомляю ваше высокоблагородіе, что къ двадесятому числу отправлюся на Яикъ [5]), и такъ поспѣшите меня прежде видѣть, пока я не выѣду изъ Казани.» Поэтому Державинъ во второй половинѣ октября рѣшился ѣхать къ Потемкину, а вмѣстѣ съ тѣмъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы представиться и Панину въ Симбирскѣ, куда можно было попасть безъ большаго объѣзда. Державинъ откровенно сознается, что ордеръ графа «внушилъ молодому чувствительному къ чести офицеру желаніе ѣхать самому къ графу и, лично съ нимъ объяснившись, разсѣять и малѣйшее въ немъ невыгодное о себѣ заключеніе.» [6]) Въ Запискахъ своихъ Державинъ подробно разсказываетъ свое свиданіе съ Панинымъ: какъ этотъ вельможа сперва холодно и сухо принялъ его, но, разговаривая съ нимъ съ глазу на глазъ, былъ тронутъ до слезъ, когда Державинъ на упрекъ, что мѣ-

4) Такъ и отъ 5 октября Потемкинъ писалъ Державину изъ Симбирска (№ CXXXIX): «По исполненіи сего имѣете возвратиться въ Казань. Впрочемъ употребите всю возможность доставить ко мнѣ извѣстнаго игумена Филарета: les grandes événement (sic) et des très fortes raisons требуетъ того; а если кто найдетъ его, обѣщайте награжденіе сто рублей и болѣе, да привезите съ собою Малыковскаго крестьянина Василія Иванова сына Попова».

5) Это намѣреніе осталось безъ исполненія.

6) Къ этому рѣшенію способствовало конечно и частное письмо князя Голицына отъ 15 сентября (№ 97) о продолжающемся неудовольствіи графа Панина.

шался не въ свое дѣло и дерзко обращался съ Саратовскимъ комендантомъ, возвразилъ: «Кто бы сталъ васъ обвинять, что вы, бывъ въ отставкѣ на покоѣ, изъ особливой любви къ отечеству и приверженности къ службѣ Государыни приняли на себя въ толь опасное время предводить войсками? Такъ и я, когда все погибало, забывъ себя внушалъ въ коменданта и во всѣхъ долгъ присяги къ оборонѣ города.» — Садись, мой другъ, я твой покровитель, сказалъ смягчившійся графъ, который, по словамъ князя Голицына, бывшаго въ то время также въ Симбирскѣ, недѣли двѣ при всякомъ случаѣ твердилъ, что онъ ждетъ отъ Императрицы повелѣнія повѣсить Державина вмѣстѣ съ Пугачевымъ. Дѣйствительно, при первомъ представленіи Державина, графъ Панинъ только спросилъ его, видѣлъ ли онъ Пугачева? Видѣлъ на конѣ подъ Петровскомъ, отвѣчалъ офицеръ. Тогда графъ, какъ бы въ насмѣшку надъ безуспѣшными стараніями его поймать самозванца, приказалъ привести своего плѣнника, спросилъ его о здоровьи и обнадежилъ милостью Государыни. Но на другой день послѣ примиренія съ Державинымъ, Панинъ пригласилъ его къ обѣду и за столомъ много съ нимъ разговаривалъ. Вечеромъ опять всѣ собрались къ вельможѣ, и тутъ-то Державинъ испортилъ все дѣло одною необдуманною неловкостью: вмѣсто того, чтобы дождаться слѣдующаго дня и откланяться начальнику въ особой аудіенціи, онъ подошелъ къ графу, когда тотъ сѣлъ за карточный столъ, и сказавъ, что ѣдетъ въ Казань къ генералу Потемкину, спросилъ, не угодно ли будетъ что приказать. Разгнѣванный такою безцеремонностью, графъ отворотился и сухо отвѣчалъ: «нѣтъ». Прежнее нерасположеніе его къ Державину возобновилось, и уже навсегда.

Въ Казани онъ съ прискорбіемъ увидѣлъ, что и Потемкинъ къ нему перемѣнился. Вѣроятно этотъ генералъ былъ болѣе всего недоволенъ тѣмъ, что не смотря на желаніе, выраженное имъ Державину (см. ордеръ № CXXII), Пугачевъ попалъ къ Панину, а не къ нему [7]). Сверхъ того «случилось, говоритъ Держа-

7) Причиною неудовольствія Потемкина Державинъ полагаетъ также и то, что на требованіе отъ него отчета въ Саратовскихъ дѣйствіяхъ отвѣчалъ не чрезъ этого генерала, а прямо отъ себя самому графу Панину; но изъ бумагъ не видно, чтобы еще и Потемкинъ писалъ Державину объ этомъ отчетѣ. Довольно было и

внимъ, небольшое любовное соперничество, въ которомъ, казалось, одною прекрасною дамою офицеръ предпочитаемъ былъ генералу», и это увеличило между ними охлажденіе. По этимъ ли обстоятельствамъ или подъ вліяніемъ мнѣнія графа Панина, только несомнѣнно, что Потемкинъ дѣйствительно уже не прежними глазами смотрѣлъ на Державина. Онъ даже, подобно Панину, потребовалъ отчета въ дѣйствіяхъ Державина, какъ видно изъ слѣдующаго рапорта послѣдняго отъ 16 ноября, поданнаго Потемкину въ Казани (№ 82): «По повелѣнію вашего превосходительства, данное мнѣ наставленіе отъ его высокопревосходительства покойнаго генералъ-аншефа Александра Ильича Бибикова, а притомъ какъ его, такъ и прочихъ генераловъ присланные ордера, при семъ приложить же честь имѣю. Что же почему исполняемо мною было, то слѣдуетъ экстрактомъ. Ежели ваше превосходительство заблагоразсудить изволите подлинные приложенные здѣсь ордера оставить у себя, то я прошу о пожалованіи мнѣ съ нихъ копій, или списавъ, оригинальные возвратить повелите» [8]). Къ этому рапорту было приложено и «Сокращеніе коммисіи поручика Державина», которымъ мы воспользуемся въ другомъ мѣстѣ. Тогда же Потемкинъ далъ Державину ордеръ о вторичной поѣздкѣ на Иргизъ. Вотъ онъ (№ CXXXVII): «По открывшимся дѣламъ и допросу злѣйшаго изверга и самозванца Емельки Пугачева извѣстной раскольническаго Мечетнаго монастыря настоятель Филаретъ оказался весьма важнымъ. Ваше высокоблагородіе имѣете для сего отправиться въ Малыковку, и поелику вамъ тамошнія мѣста и жители извѣстны, поелику обстоятельства и свойства живущихъ тамо людей вы открыть могли, употребите всевозможное раченіе сыскать сего главнѣйшаго сообщника и руководца самозванца. Я не предписываю вамъ на сіе никакихъ предположеній; усердіе ваше, доказанное въ произведеніи данной вамъ коммисіи отъ покойнаго г. генерала-аншефа Александра Ильича Бибикова, заслуживая всю справедливость похвалъ, обнадежи-

того, что князь Голицынъ и Мансуровъ требовали, чтобъ онъ къ каждому изъ нихъ доставилъ свой рапортъ для препровожденія къ графу Панину.

8) При этомъ-то случаѣ въ рукахъ П. С. Потемкина могли остаться нѣкоторыя бумаги, которыхъ недостаетъ въ тетрадяхъ Державина.

ваетъ меня въ полной силѣ, что не упустите вы въ семъ случаѣ умножить вашу ревность къ службѣ Ея Императорскаго Величества и тѣмъ подадите новой способъ мнѣ засвидѣтельствовать предъ священнымъ Ея Величества престоломъ ваши услуги. Я нужнымъ почитаю упомянуть, что не щадите ни трудовъ, ни денегъ къ развѣдыванію о его укрывательствѣ, дабы какимъ бы ни было способомъ его схватить удалось; для сего повелѣлъ я выдать вамъ 300 руб., изъ которыхъ можете лазутчикамъ давать приличныя награжденія, наблюдая однакожъ весьма, чтобы льстясь наградою не было таковыхъ, которые обманомъ проводить искали, и для того рекомендую вамъ прилежно разсматривать свойство тѣхъ, которыхъ къ сему употребите.

«А чтобы прикрыть предметъ вашего пребыванія, потщитесь удостовѣрить жителей, что присланы для того только, чтобъ каждый приходилъ съ чистымъ раскаяніемъ, въ прежнее повиновеніе шелъ съ лучшею надеждою къ вамъ явиться, яко къ повѣренному отъ секретной коммисіи, весьма извѣстной въ народѣ, и что имѣете повелѣніе возвращающихся въ жилища свои безъ наказанія и безвозвратно въ ихъ домахъ оставлять съ покоемъ, давая имъ только билеты; объявляйте, что повсюду таковые жъ коммисіонеры разсылаемы будутъ, дабы всякое подозрѣніе отвлещи. Симъ способомъ уповательно привлечете вы и сего злодѣя явиться въ обители; между тѣмъ обратите все вниманіе свое на сію обитель и, если возможно, кого изъ раскольничьихъ иноковъ обѣщаніями заманить, паче же казначея его Фадея старайтесь привлечь ко услугамъ вамъ въ сказанномъ дѣлѣ.

«Впрочемъ обнадеживаю васъ, что исполненіе сіе съ успѣхомъ весьма будетъ благоугодно Ея Императорскому Величеству, и вы, исполняя долгъ свой съ большею ревностію, большаго воззрѣнія Монаршаго учините себя достойнымъ».

Державинъ въ слѣдствіе этого новаго порученія собирался уже въ путь, но, разъѣзжая по городу въ суровое и сырое время года, схватилъ горячку, которая надолго задержала его въ Казани. Еще онъ не выздоровѣлъ, когда Императрица приказала Потемкину ѣхать въ Москву для уча-

стія въ допросѣ Пугачеву [9]). Наконецъ, вѣроятно, въ началѣ марта 1775 г. Державинъ поправился и ему подтверждено было ѣхать въ Саратовъ и другія близъ Иргиза лежащія мѣста [10]). Онъ приписалъ это непріязни Потемкина, потому что, говоритъ онъ, «для поиска Филарета отправлены были уже гласно отъ графа Панина военныя команды и слѣдовательно тайный его поискъ въ той странѣ едва ли былъ и нуженъ». Это было для Державина тѣмъ больнѣе, что прочіе офицеры, находившіеся въ секретной коммисіи, тогда же отпущены были въ Москву. «Такимъ образомъ, сказано въ его Запискахъ, онъ пробылъ всю весну и небольшую часть лѣта 1775 въ колоніяхъ праздно.... Въ іюнѣ получилъ онъ отъ генерала Потемкина ордеръ, повелѣвающій ему явиться къ полку, который находился, какъ и весь дворъ, давно уже въ Москвѣ [1])». Здѣсь память явно измѣнила Державину, потому что подлинный ордеръ Потемкина, призывающій его въ полкъ, подписанъ 17 февраля и полученъ Державинымъ 29 марта. Потемкинъ писалъ (№ CXXXVIII): «Въ силу Высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, полученнаго мною 12 числа сего мѣсяца, повелѣно мнѣ всѣхъ гвардіи господъ офицеровъ послать въ полки; почему и имѣете ваше высокоблагородіе отправиться сюда какъ наискорѣе возможно, по прибытіи жъ явиться въ полку, а въ дежурство отъ меня объ ономъ указѣ представлено».

Возможно, что Державинъ послѣ этого ордера получилъ другой, который предписывалъ ему продлить свое пребываніе на Волгѣ, но изъ его бумагъ этого не видно [2]). Какъ бы ни было,

9) Въ письмахъ Екатерина II къ князю М. И. Волконскому сказано: отъ 20 декабря 1774 г. «Я отправляю обратно въ Москву П. С. Потемкина», а отъ 7 января 1775 г. «Изъ письма вашего отъ 26 декабря усмотрѣла я о пріѣздѣ въ Москву генералъ-маіора Потемкина». Москвит. 1845, № 9.

10) Капитанъ Вильгельмъ писалъ 24 февраля Державину въ Казань, что его съ часу на часъ ожидаютъ въ Малыковкѣ.

1) Императрица выѣхала изъ Царскаго села 16 января (черезъ 6 дней послѣ казни Пугачева), 22 числа была во Всесятскомъ, а 25-го имѣла въѣздъ въ Москву. См. СПб. Вѣдом. 1775 года.

2) Въ письмѣ отъ 2 апрѣля 1775 г. (№ 11), изъ Мечетнаго монастыря, Вильгельмъ изъявляетъ сожалѣніе о предстоящемъ отъѣздѣ Державина, но имѣетъ и надежду, что онъ скоро возвратится.

Въ письмѣ отъ 6 мая, изъ колоніи Паниской (№ 146), жена капитана Вильгельма прощается съ Державинымъ, такъ какъ онъ писалъ ея мужу, что уѣзжаетъ на другой день, 7 числа.

онъ прибылъ въ Москву не прежде іюля мѣсяца, не задолго до празднованія мира съ Турціею (которое происходило 10 числа). Въ послѣдніе мѣсяцы, проведенные имъ большею частію въ колоніяхъ, онъ имѣлъ довольно досуга для литературныхъ занятій, и тогда-то конечно писалъ онъ свои Читалагайскія оды.

Въ проѣздъ чрезъ Казань, на пути въ Москву, онъ тамъ почти не останавливался; не только городской домъ его матери, но и имѣнія ея, какъ Казанскія, такъ и Оренбургскія, были разорены, сама старушка, едва спасшаяся изъ рукъ Пугачевцевъ, была сокрушена горемъ, и свиданіе ея съ сыномъ не было радостно послѣ столькихъ потерь и въ виду лишеній, которыя оба могли предвидѣть въ будущемъ.

Въ Москвѣ Державинъ увидѣлъ себя въ неблагопріятныхъ служебныхъ обстоятельствахъ: въ его полку были новые начальники, вовсе его незнавшіе — графъ (вскорѣ князь) Г. А. Потемкинъ и маіоръ Ѳедоръ Матвѣевичь Толстой. Оба приняли его безъ всякаго вниманія — потому, думаетъ Державинъ, что первый слышалъ о немъ холодные отзывы своего родственника, Павла Сергѣевича, а послѣдній предубѣжденъ былъ наговорами своего любимца, офицера Цурикова, который еще до командировки Державина былъ съ нимъ въ ссорѣ. Велѣно было «числить его при полку просто, какъ бы явившагося изъ отпуска или изъ какой незначущей посылки». А тутъ, какъ нарочно, встрѣтился еще одинъ непріятный случай. Державинъ наряженъ былъ во дворецъ на караулъ; такъ какъ въ отсутствіи его графъ Потемкинъ измѣнилъ строевой порядокъ, то нашъ офицеръ, не зная этого, и скомандовалъ невѣрно; такая ошибка тѣмъ болѣе была сочтена непростительною, что «рота, наряженная въ караулъ, была на щегольство Потемкинымъ по его вкусу въ новый мундиръ одѣта и предъ фельдмаршаломъ графомъ Румянцовымъ Задунайскимъ, пріѣхавшимъ тогда въ Москву для торжества мира, смотрѣвшимъ изъ дворцовыхо оконъ, должна была заходить повзводно. За сію невинную ошибку, когда выступилъ полкъ въ лагерь на Ходынку, провинившійся офицеръ не въ очередь назначенъ на палочный караулъ». Конечно и всякой другой, на мѣстѣ Державина, былъ бы чувствительно

оскорбленъ такимъ униженіемъ послѣ роли, которую онъ игралъ во время Пугачевщины, послѣ уваженія, какое ему оказывали значительныя лица въ непосредственныхъ съ нимъ сношеніяхъ. Тѣмъ больнѣе должно было быть это униженіе для пылкаго, честолюбиваго, самонадѣяннаго Державина, который справедливо хвалился своею чрезвычайною ревностію въ порученномъ ему дѣлѣ и приписывалъ себѣ большія въ немъ заслуги. Прибавимъ къ тому финансовое стѣсненіе, въ которомъ находился Державинъ; къ дурнымъ, и безъ того уже, домашнимъ его обстоятельствамъ, присоединилось еще то, что человѣкъ, за котораго онъ когда-то поручился въ дворянскомъ банкѣ, Алексѣй Николаевичь Масловъ, не только не платилъ своего долга казнѣ, но и скрылся совершенно, такъ что Державинъ обвиненъ былъ въ подложномъ ручательствѣ и банковое взысканіе обращено на него; а такъ какъ собственнаго его имущества на удовлетвореніе претензіи казны было недостаточно, то и имѣніе матери его было взято подъ опеку.

Покровителей у Державина не было; тѣ, которые во время опаснаго бунта такъ высоко цѣнили его содѣйствіе, такъ выхваляли его и обнадеживали своимъ предстательствомъ предъ Императрицей — Потемкинъ и Голицынъ, забыли его услуги и свои обѣщанія, отступились отъ него, когда увидѣли нерасположеніе къ нему Панина. Тогда у Державина мелькнула надежда пріобрѣсти новаго покровителя. Проѣзжая чрезъ Свіяжскъ, услышалъ онъ отъ тамошняго воеводы, что съ нимъ желаетъ познакомиться въ Москвѣ князь Щербатовъ, — не тотъ, который былъ недавно его начальникомъ, а Михаилъ Михайловичь, герольдмейстеръ, дѣйствительный камергеръ, уже извѣстный тогда въ литературѣ тремя первыми томами своей исторіи и изданіемъ журнала Петра Великаго. Такое желаніе со стороны знатнаго и довольно высоко стоявшаго лица крайне удивило Державина. Явясь къ князю въ Москвѣ, онъ узналъ причину этого приглашенія, не менѣе для него лестную: Щербатовъ, получивъ отъ Императрицы для храненія въ государственномъ архивѣ донесенія Державина, пожелалъ лично узнать офицера, который распоряжался и писалъ такъ энергически. Это обстоятельство показываетъ намъ, что Императрица читала не только

отвѣтъ графа Панина на приведенный нами въ своемъ мѣстѣ подробный отчетъ Державина, но и самый этотъ отчетъ, а сверхъ того вѣроятно и нѣкоторые другіе рапорты его, можетъ быть и письма Бошняку: бумаги эти были конечно представлены Екатеринѣ Панинымъ вмѣстѣ съ жалобами его на Державина. Князь Щербатовъ принялъ послѣдняго очень ласково, но вмѣстѣ съ тѣмъ назвалъ его несчастливымъ и прибавилъ: «Графъ П. И. Панинъ страшный вашъ гонитель. При мнѣ у Императрицы за столомъ описывалъ онъ васъ весьма черными красками, называя васъ дерзкимъ, коварнымъ» и т. п. — Какъ громъ поразило это Державина, сознается онъ въ своихъ Запискахъ. Естественно, что онъ тутъ же выразилъ надежду на покровительство новаго и единственнаго своего доброжелателя, который, какъ онъ предполагалъ, могъ помочь ему оправдаться предъ Государыней. «Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ Щербатовъ: я не въ силахъ подать вамъ какой либо помощи: графъ Панинъ нынѣ при дворѣ въ великой силѣ, и я ему противуборствовать никакъ не могу». Державинъ возвратился домой съ растерзаннымъ сердцемъ и излилъ свое горе слезами.

Однако жъ онъ вскорѣ ободрился и, рѣшась дѣйствовать смѣлѣе, просилъ маіора Толстаго представить его графу Потемкину; когда же тотъ отговорился отъ этого, то онъ 11-го іюля написалъ своему главному начальнику (будущему князю Таврическому) слѣдующее письмо (№ 112):

«Въ кончинѣ его высокопревосходительства Александра Ильича скончался мой покровитель. Ежели есть надежда, то она въ главномъ моемъ начальникѣ, и это въ вашемъ сіятельствѣ.

«Исполнял мой долгъ, когда бы я произвелъ и наивеличайшія отечеству услуги, то и тогда бы я въ награду себѣ просить не отважился. Но ежели были со мной въ одной коммисіи: Мавринъ, Собакинъ и Горчаковъ, и получили нынѣ за труды свои Высочайшую милость, то я нахожу себя предъ ними обиженнымъ. Я еще смѣю себя паболѣе поставить имъ въ сравненіе потому, что я въ трудахъ своихъ не имѣлъ ни одного помощника и чрезъ цѣлой почти годъ, бывши въ гнѣздѣ бунтовщиковъ, былъ одинъ въ опасностяхъ. Доставилъ нужныхъ людей секретной комми-

сіи. Сдѣлалъ диверсію отъ пролитія изъ Уралу [3]) злодѣямъ къ Волгѣ. Отвратилъ набѣгъ Калмыкъ отъ селеніевъ Иргизскихъ. Прикрылъ колоніи отъ расхищенія Киргизцовъ, и, разбивши ихъ, отнялъ у нихъ плѣну около 1000 человѣкъ колонистовъ одними собранными мною мужиками. Первый далъ всюды извѣстіе о поимкѣ Пугачева. Отъ всѣхъ генераловъ, бывшихъ съ начала сей экспедиціи, за всѣ мои дѣла имѣю похвальные ордера. Сверхъ же того въ Казани и въ Оренбургскомъ уѣздѣ лишился всего своего имѣнія, даже мать моя была въ полону. Я два раза чуть не былъ въ рукахъ Пугачева. Потерялъ все, а пользоваться Монаршею милостію, взять изъ новоучрежденныхъ банковъ денегъ не могу, потому что я подъ деревни мои долженъ въ банкѣ.

«Вотъ обстоятельства подъ командою вашего сіятельства служащаго офицера. Для чего я обиженъ предъ ровными мнѣ? Дайте руку помощи и дайте прославленіе имени своему».

Съ этимъ письмомъ Державинъ самъ поѣхалъ къ Потемкину, въ деревню Черную грязь, гдѣ Императрица жила въ небольшомъ домикѣ: тамъ помѣщался и Потемкинъ. Ворвавшись къ графу на перекоръ камеръ-лакею, который стоялъ у дверей уборной, онъ подалъ свое письмо. Графъ, прочтя бумагу, сказалъ, что доложитъ Государынѣ. Еще два раза Державинъ являлся къ Потемкину, который сначала успокоивалъ его обѣщаніями, но наконецъ «отскочилъ съ негодованіемъ» и ушелъ къ Императрицѣ.

Между тѣмъ Державинъ долженъ былъ хлопотать и у Голицына, чтобъ казна возвратила ему издержки за продовольствіе войска, которое въ 40,000 подводъ жило у него недѣли двѣ въ Оренбургской деревнѣ. Ему слѣдовало тысячъ до 25, но онъ съ большимъ трудомъ выпросилъ у князя квитанцію только на 7 т. руб., «и то» прибавляетъ Державинъ князь согласился «изъ особливаго къ нему благорасположенія».

Для полученія этихъ денегъ надо было явиться въ провіантскую канцелярію въ Петербургѣ, а такъ какъ въ то же время оттуда писали, что по порученію за Маслова положено описать

3) Здѣсь имя Уралъ употреблено уже вмѣсто Яика, отмѣненнаго указомъ 15 января 1775 г.

въ казну все имѣніе Державина и самого его лично требовать къ отвѣту, то «оставя всякое исканіе наградъ, отпросился въ отпускъ и поскакалъ въ исходѣ сентября въ Петербургъ», хлопотать по своему дѣлу.

Здѣсь онъ старался склонить судей помедлить исполненіемъ упомянутаго опредѣленія и въ тоже время обзаводился хозяйствомъ и одеждою изъ выданныхъ ему казною 7 т. руб., такъ какъ этой суммы далеко не достало бы на уплату долга Маслова и притомъ онъ надѣялся, что собственное его имѣніе будетъ освобождено отъ взысканія. Болѣе 2 т. пошло на уплату собственнаго его банковаго долга. Когда почти вся сумма была издержана, Державинъ «рѣшился поискать счастья въ игрѣ» и на оставшіеся у него послѣдніе 50 руб. выигралъ до 40 т. Но это счастіе было не продолжительно. Вѣроятно оно начало уже измѣнять ему, когда онъ счелъ нужнымъ напомнить Потемкину его обѣщанія и отправилъ къ нему въ Москву письмо отъ 27 октября 1775 г. (№ 113): «Когда бы я не имѣлъ въ твердое упованіе вашего сіятельства слова, то бы уже и рѣшился положить, что я ни благоволенія Монаршаго, ни вашего предстательства не достоинъ. Всѣ получили награжденіе: морейскіе наши офицеры обошли меня чиномъ, въ Московскомъ бунтѣ служившіе получили милость, разоренные поправились, бывшіе со мною въ Пугачевскомъ дѣлѣ и тѣ награждены, которые ничего отличнаго не дѣлали. Словомъ, изливающая рука щедроты, кажется уже не находитъ болѣе ущедрять кого. Остался развѣ порокъ, да я другой не награжденъ. Но я, разбирая мою совѣсть и находя себя ни въ чемъ не виннымъ, еще осмѣливаюсь чрезъ сіе внушить вашему сіятельству всенижайшее мое прошеніе: исходатайствуйте мнѣ когда не награду, то въ разсужденіи моего разоренія справедливость. Ежели я обвиняюсь, будьте мой судья. Ежели я обношусь отъ кого, будьте въ Бога защитителя моего! Я никого кромѣ васъ не имѣю. Терзаетъ меня стыдъ, что я, будучи подъ особливымъ высокимъ начальствомъ вашего сіятельства, не могу по сію пору предъ тѣми похвалиться моею справедливостію, которые менѣе меня трудились. Терпѣть, ожидая просто добра, есть уповать; а надежда вѣчно съ нами. Терпѣть невинному, ожидая, по право-

судію, удовлетворенія, есть страдать; а быть въ мукѣ и минуту тягостно. Для того я изъ Петербурга дерзаю утруждать симъ письмомъ: отдѣлите время на снисхожденіе мнѣ».

Отвѣта не было. Вскорѣ дворъ возвратился изъ Москвы. Державинъ продолжалъ играть и «можно было бы выиграть несравненно превосходныя суммы», но «фортуна перемѣнилась». Между тѣмъ онъ возвратился и къ литературнымъ своимъ занятіямъ, и въ началѣ 1776 г. напечаталъ въ типографіи академіи наукъ «Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ». Средства къ изданію этой книжки Державинъ нашелъ конечно въ выигранныхъ имъ деньгахъ, которыхъ стало даже на уплату въ банкъ 20 т. р. за Маслова. Вообще счастливая игра въ карты очень поправила положеніе Державина. Не касаясь здѣсь нисколько литературнаго значенія Читалагайскихъ одъ, замѣтимъ только ту сторону ихъ, которая имѣетъ связь съ его біографіею. Напечатавъ ихъ безъ имени, онъ едва ли думалъ этимъ способомъ обратить на себя вниманіе Государыни и другихъ лицъ, отъ которыхъ зависѣла его судьба. Оригинальныя ньесы въ стихахъ, которыми онъ воспѣваетъ Екатерину и Румянцова, помѣщены въ концѣ и содержатъ нѣсколько весьма смѣлыхъ для того времени стиховъ, напримѣръ:

Внемлите, князи всей вселенной;
Статуи безъ достоинствъ, вы!

или:

Емелька съ Катилиной, змѣй,
Разбойникъ, распренникъ, грабитель,
И царь, невинныхъ утѣснитель,
Равно вселенной всей злодѣй.

Впрочемъ, хотя восхваленіе царствующей особы могло быть просто вызвано духомъ стихотворства, пущеннаго въ ходъ Ломоносовымъ, однакожъ возможно, что изданіе Читалагайскихъ одъ было и дѣйствительно попыткою выдти въ люди стихами. Но обстоятельству, что большую часть книжки составляютъ переводы изъ трудовъ вѣнценоснаго писателя и притомъ союзника Екатерины, нельзя кажется придавать особеннаго значенія [4]):

4) Надо имѣть въ виду, что сочиненія Фридрика II пользовались тогда великою славой и переводить ихъ на разные языки было въ модѣ. В. Майковъ пе-

нѣмецкій переводъ стихотвореній Фридриха II, служившій Державину подлинникомъ, вѣроятно попался ему въ руки случайно [5]) у колонистовъ, между которыми онъ жилъ не разъ во время Пугачевщины. Можетъ быть, къ переводу этой книги способствовало и то, что Державинъ находилъ въ ней мѣста, имѣвшія примѣненіе къ его собственнымъ обстоятельствамъ. Таковы пьесы: на порицаніе (или вѣрнѣе на клевету) и на постоянство (вѣрнѣе на твердость).

Г. А. Потемкинъ впалъ на короткое время въ немилость и долженъ былъ жить подальше отъ двора: онъ поселился въ Новгородѣ. Это обстоятельство было благопріятно для Державина потому, что поубавило спѣсь и въ маіорѣ Толстомъ, который держался Потемкинымъ. Въ Петровъ день 1776 г. рота Преображенскаго полка, по обыкновенію, была наряжена на караулъ въ Петергофъ. Попасть въ этотъ караулъ считалось почетнымъ, и Державинъ выпросился туда. При баталіонѣ гвардіи, наряженномъ для этого караула, командированъ былъ штабъ-офицеръ Измайловскаго полка Ѳедоръ Яковлевичь Олсуфьевъ, человѣкъ честный и доброжелательный. Державинъ, потерявъ всю надежду на Потемкина, просилъ у Олсуфьева позволенія подать чрезъ него письмо Императрицѣ. Олсуфьевъ согласился. Письмо это напечатано въ Запискахъ Державина (стр. 113) и повторяетъ, только пространнѣе, то, что было уже изложено въ письмахъ къ обоимъ Потемкинымъ. Смыслъ его, говоря сокращенно, былъ такой: Я бы никогда и не думалъ просить награжденія за исполненіе долга, еслибъ не получили наградъ другіе офицеры, трудившіеся въ одно время со мной и потому же порученію. Слѣдовательно я въ немилости; но это несправедливо, потому что я сдѣлалъ вотъ то-то и то-то. Сравнивъ все это съ дѣлами моихъ товарищей, вижу, что я несчастливъ. Князь

ревелъ стихами Военную науку изъ книги Безпечный философъ, соч. Фридриха II. По словамъ Баптыша-Каменскаго, и Бибиковъ перевелъ эту поэму, которая вновь была переведена прозою еще и въ 1817 г. Дм. Вороновымъ.

5) Эта догадка подтвердилась. Г. Буличь передалъ мнѣ купленный имъ въ Казани, на рынкѣ, экземпляръ Нѣмецкаго перевода стихотвореній Фридриха, напечатаннаго въ 1760 г. и, какъ несомнѣнно изъ сличенія многихъ мѣстъ, — служившаго Державину подлинникомъ для нѣкоторыхъ изъ его Читалагайскихъ одъ. На этой книжкѣ надписано имя хозяина ея «Карла Христофоровича Вильмсена», который во время Пугачевщины переписывался съ Державинымъ (№ 11).

Потемкинъ, къ которому я обращался въ Москвѣ, обнадежилъ меня вашимъ благоволеніемъ, обѣщалъ мнѣ награду. Но съ тѣхъ поръ пошелъ уже другой годъ. «Представляется мнѣ, кончаетъ онъ, что не нахожусь ли за что подъ гнѣвомъ человѣколюбивой и справедливой Монархини. Мысль сія меня умерщвляетъ, Государыня! Ежели я преступникъ, да не попуститъ вины моей или заслуги болѣе долготерпѣніе Твое безъ воздаянія.»

Приложивъ къ этому письму упомянутые въ немъ ордера, Державинъ въ іюлѣ мѣсяцѣ поѣхалъ съ ними въ Петергофъ, гдѣ жила тогда Императрица, и подалъ эти бумаги статъ-секретарю у принятія прошеній Александру Андреевичу Безбородко, который тогда только входилъ въ силу. По возвращеніи двора въ Петербургъ, Безбородко объявилъ Державину, что Государыня, принявъ милостиво его письмо, приказала спросить, какого награжденія онъ желаетъ. Державинъ, не будучи уже въ нуждѣ, отвѣчалъ, что когда служба его удостоена Всемилостивѣйшаго вниманія, то онъ ничего уже не желаетъ и доволенъ всѣмъ, что получитъ, что не ему назначать мѣру щедротъ Государыни.

Однакожъ дѣло не имѣло дальнѣйшаго хода до возвращенія Г. А. Потемкина, въ концѣ года, изъ Новгорода. Разъ, въ декабрѣ уже мѣсяцѣ, когда Державинъ наряженъ былъ во дворецъ на караулъ и съ ротою стоялъ во фрунтѣ по Милліонной улицѣ, Потемкинъ прислалъ за нимъ ординарца. «Государыня приказала спросить васъ, сказалъ онъ, чего вы по прошенію вашему за службу свою желаете?» Державинъ отвѣчалъ было ему то же, что и Безбородкѣ. «Вы должны непремѣнно сказать, возразилъ Потемкинъ.—Когда такъ, отозвался Державинъ, то за производство дѣлъ по секретной коммисіи желаю быть награжденнымъ деревнями наравнѣ съ сверстниками моими, гвардейскими офицерами; а за спасеніе колоній по собственному моему вызову, какъ за военное дѣйствіе, чиномъ полковника. — «Хорошо, сказалъ князь, вы получите». Къ несчастію Державинъ, выходя, встрѣтилъ за дверьми маіора Толстаго, который, разспросивъ его о предметѣ разговора съ Потемкинымъ, приказалъ ему подождать и, возвратясь чрезъ четверть часа отъ князя, сказалъ:

«Вдругъ быть полковникомъ всѣмъ покажется много; подождите до новаго года: вамъ по старшинству достанется въ капитанъ-поручики, тогда и можете уже быть выпущены полковникомъ.» Итакъ Державину приходилось еще ждать. Въ день новаго года (1777) онъ по порядку произведенъ былъ въ капитанъ-поручики. «Прошелъ и январь, а о обѣщанной наградѣ и слуху не было. Принужденъ былъ еще толкаться у князя въ передней.» Наконецъ въ началѣ февраля, Потемкинъ, проходя мимо толпы просителей въ своей пріемной, замѣтилъ Державина и сказалъ бывшему тутъ же правителю своей канцеляріи, Ковалинскому, сквозь зубы: «Напиши о немъ докладную записку». Ковалинскій, не зная въ чемъ дѣло, былъ въ затрудненіи и просилъ самого Державина составить записку: тотъ исполнилъ это и выразилъ въ своей бумагѣ желаніе, чтобы его перевели полковникомъ въ армію. Но Ковалинскій черезъ нѣсколько дней объявилъ ему, что князь не одобрилъ этого доклада, по внушенію Толстаго, будто Державинъ къ военной службѣ не способенъ, почему и велѣно заготовить другую записку о выпускѣ офицера въ статскую службу. Державинъ протестовалъ, опираясь на то, что онъ представляется къ наградѣ за военныя дѣйствія. Но князь не согласился на его просьбу и по вторичному докладу Ковалинскаго. Тогда Державинъ, по порученію послѣдняго, написалъ новую записку, которая сохранилась въ его тетрадяхъ (№ 115): «Вашему Императорскому Величеству благоугодно было разсмотрѣть просьбу л.-г. Преображенскаго полка капитанъ-поручика Державина, которою онъ утруждалъ о награжденіи его за его службу въ прошедшее народное возмущеніе, и какъ мнѣ благоволили Ваше Величество препоручить оное, чтобъ донесть Вамъ, какого награжденія онъ достоинъ и спросить его желаніе, то я на сіе Вашего Императорскаго Величества повелѣніе донести всеподданнѣйше имѣю. Онъ, капитанъ-поручикъ Державинъ, въ разсужденіи производимыхъ имъ разныхъ секретныхъ довѣреній и коммисій, во весь продолжавшійся мятежъ былъ и отправлялъ должность свою съ особливымъ прилежаніемъ, подвергаясь неоднократнымъ опасностямъ, за что и достоинъ награжденъ быть въ сравненіе съ тамъ же бывшимъ полковникомъ Мавринымъ, который получилъ 400 душъ въ Польшѣ. Но еще

какъ онъ Державинъ, изъ особливаго своего усердія и своею волею набравъ людей, защитилъ всѣ луговыя Саратовскія колоніи и спасъ болѣе 1000 человѣкъ плѣна, то за сію службу, по мнѣнію моему, нахожу я его достойнымъ награжденія чиномъ, а какъ онъ желаніе имѣетъ изъ гвардіи выдти и продолжать Вашего Императорскаго Величества службу у дѣлъ штатскихъ [6]), то какъ всѣ капитанъ-поручики, поступающіе въ капитаны (?), награждаются полковниками, то и ему Державину, ежели благоволенія Вашего Императорскаго Величества будетъ, дать сей чинъ не излишне» [7]).

Въ слѣдствіе этой записки, Державинъ указомъ 15-го февраля пожалованъ въ коллежскіе совѣтники и въ то же время получилъ 300 душъ въ Бѣлоруссіи.

Обозрѣвъ такимъ образомъ всѣ обстоятельства жизни Державина по участію его въ мѣрахъ къ усмиренію Пугачевскаго бунта, постараемся теперь оцѣнить его дѣятельность въ эту эпоху и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить, по его поступкамъ, его тогдашнюю нравственную физіономію.

Просматривая кипу бумагъ, составляющихъ далеко не полную переписку его во время Пугачевщины, мы прежде всего поражены неутомимою его дѣятельностью: ничто не ускользаетъ отъ его вниманія, онъ предусматриваетъ нужды и вовремя увѣдомляетъ о нихъ кого слѣдуетъ, предлагаетъ и вызываетъ мѣры осторожности, сносится безпрерывно съ разными начальниками, пишетъ днемъ и ночью рапорты, ордера и частныя письма, разсылаетъ часто въ одинъ день по нѣсколько бумагъ, идетъ самъ добровольно на встрѣчу опасностямъ, которыхъ легко могъ бы избѣжать, словомъ дѣлаетъ гораздо болѣе, нежели сколько собственно былъ обязанъ дѣлать по своему назначенію. Напримѣръ, онъ достаетъ себѣ военную команду; когда же ему болѣе не даютъ вооруженныхъ людей, то онъ собираетъ нѣсколько сотъ крестьянъ и идетъ съ ними

6) Въ подлинникѣ противъ слова «штатскихъ» собственноручное примѣчаніе Державина: «ибо въ военную службу записка таковая же была княземъ Потемкинымъ неопробована».

7) Въ концѣ этой бумаги приписка Державина: «Таковой докладъ подалъ отъ князя Григорія Александровича Потемкина, когда Государыня велѣла спросить мое желаніе и какого я по его разсужденію награжденія достоинъ».

отыскивать бунтующія шайки. Неудивительно, что при такой рѣшительности и энергіи во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ, Державинъ умѣлъ поставить себя высоко въ глазахъ всѣхъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ, которые часто искали помощи въ немъ, какъ будто въ равномъ себѣ по власти. Неудивительно также, съ другой стороны, что Державинъ тѣми же свойствами надѣлалъ себѣ враговъ между мѣстными властями и жителями: вспомнимъ его отношенія къ Кречетникову, Денисову, Бошняку, къ Тишину и вообще къ Малыковскому населенію. Онъ не опасался, что эти отношенія могутъ повредить ему, какъ и дѣйствительно случилось, ибо только жалобамъ главныхъ изъ этихъ лицъ можно приписать гнѣвъ Панина противъ него, а Панинъ посѣялъ нерасположеніе къ нему и въ самой Императрицѣ. Мы уже выше показали, почему за неуспѣхъ въ поимкѣ Пугачева нельзя винить Державина. Неудачу же въ отысканіи Филарета самъ онъ объясняетъ тѣмъ [8]), что этотъ инокъ не могъ возвратиться въ свой скитъ, потому что, по распоряженію генерала Волкова, на Иргизѣ стоялъ для поимки бѣглыхъ гусарскій эскадронъ. За тѣмъ нельзя, сохраняя полное безпристрастіе, не подтвердить свидѣтельства Державина, что онъ способствовалъ къ огражденію Иргизскихъ селеній и заволжскихъ колоній отъ окончательнаго разоренія Калмыками и Киргизами, доставилъ въ руки правительства нѣсколько важныхъ преступниковъ и возвратилъ болѣе тысячи плѣнныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ потратилъ очень мало казенныхъ денегъ (не болѣе 600 р.), два раза снабдилъ войско Мансурова и Муфеля провіантомъ и спасъ Малыковскую казну отъ разграбленія. Сверхъ того Державинъ нѣсколько разъ производилъ допросы и казни, писалъ воззванія къ народу и первый извѣстилъ правительство о поимкѣ Пугачева (см. Сокращеніе его коммисіи, № 110 и письмо къ Императрицѣ).

Слѣдовательно Державинъ имѣлъ полное право считать себя обиженнымъ, когда другіе офицеры, сдѣлавшіе менѣе его, были награждены, онъ же одинъ оставленъ безъ вниманія. Настойчивость, съ какою онъ послѣ добивался признанія своего

8) См. сокращеніе коммисіи поручика Державина № 110.

права на награду, требуетъ снисхожденія; ни воспитаніе Державина, ни тогдашнее общество не могли внушать благороднаго самоотверженія, которое одно могло бы примирить его съ несправедливостью. Много ли и теперь людей, которые въ подобныхъ обстоятельствахъ остались бы равнодушными къ своей пользѣ, много ли ихъ даже между строгими судьями и порицателями Державина? и всѣ ли они имѣли бы въ такомъ случаѣ его твердость и рѣшительность, а особенно ту искренность, съ какою онъ разсказываетъ намъ всѣ средства, имъ употребленныя для достиженія цѣли?

Впрочемъ справедливость все-таки не вполнѣ была оказана Державину: его признали неспособнымъ къ военной службѣ. Мы находимъ напротивъ, что судя по всему его образу дѣйствій во время Пугачевщины, онъ могъ бы сдѣлаться превосходнымъ военнымъ начальникомъ и что еслибъ вмѣсто тайныхъ поисковъ, ему поручили самостоятельную команду надъ сильнымъ отрядомъ, то онъ совершилъ бы чудеса храбрости: либо положилъ бы голову свою, либо схватилъ бы Пугачева. Его горячая заносчивость, нескромность, даже необузданность бросаются въ глаза, но за то ни одинъ поступокъ его не даетъ повода сомнѣваться въ его честности и добросовѣстности, и онъ совершенно правдиво говоритъ въ запискѣ, поданной П. С. Потемкину: «Свидѣтельствуюсь тѣми жительствами, гдѣ я былъ, что исполнялъ я свои труды безъ малѣйшаго полученія себѣ интереса и безъ всякаго кому либо притѣсненія, не взирая на то, что я къ тому самою нуждою принужденъ быть долженъ былъ». Мы видѣли, что онъ писалъ Казанскому губернатору Бранту о необходимости строгихъ мѣръ противъ лихоимства и взяточничества. Та же идея занимала потомъ гонителя его, графа Панина; доказательствомъ тому служатъ слова Екатерины въ письмѣ къ этому вельможѣ: «Я молю Бога, чтобъ предложеніе ваше судебнымъ мѣстамъ и прочимъ употребленнымъ людямъ о взяткахъ и пристрастномъ правосудіи въ нихъ произвело дѣйствіе полезное и поправительное, но думаю, что для удержанія поползновенія на нѣкоторое время можно будетъ сдѣлать гдѣ ни на есть, примѣръ наказаніемъ винов-

наго» [9]). На словахъ, въ перепискѣ своей, Державинъ иногда, по духу времени, льстилъ своимъ начальникамъ, но на дѣлѣ онъ держалъ себя съ ними безукоризненно; въ его поведеніи вовсе не видно придворной тонкости, скорѣе напротивъ проглядываетъ юношеская неопытность и необдуманность; вспомнимъ, какъ неловко онъ поступилъ, когда вздумалъ уѣхать отъ Панина. Къ тому же роду ошибокъ принадлежитъ и то, что онъ, узнавъ о выдачѣ Пугачева, не поспѣшилъ увѣдомить объ этомъ прежде всѣхъ графа Панина. По усмиреніи бунта, онъ не подносилъ стиховъ своимъ начальникамъ, въ которыхъ имѣлъ надобность, а началъ писать эпистолу въ честь Михельсона, гдѣ только мимоходомъ говоритъ о заслугахъ князя П. М. Голицына, П. С. Потемкина и графа П. И. Панина; но онъ и этой эпистолѣ не далъ хода, напечатавъ въ «Читалагайскихъ одахъ» только стихи въ честь умершаго Бибикова. Мы указали въ Запискахъ его одно или два мѣста, не во всей точности согласныя съ подлинными документами; но Записки эти писаны Державинымъ въ старости, теперь же мы говоримъ о другой эпохѣ его жизни: характеръ Записокъ постараемся окончательно оцѣнить въ своемъ мѣстѣ.

---

[9]) Чт. въ Общ. Древ. и Ист. 1858 г. Кн. 2.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

На стран. 22-й: *см.* 26 Марта *должно быть:* 21 Марта.
На стран. 117-й: *см.* Отъѣзжая изъ Мечетной, Пугачевъ оставилъ *должно быть:* По увѣренію Пугачева при окончательномъ допросѣ, онъ оставилъ

ПРИЛОЖЕНІЯ.

II (стр. 15).

Тайное наставленіе господину подпорутчику Лейб-гвардіи Преображенскаго полку Державину.

Вы отправьтесь отсюда въ Саратовъ и потомъ въ Малыковку, гдѣ о пребываніи вашемъ наружно объявляйте, что посланы отъ меня для встрѣчи и препровожденія марширующихъ съ Дону казаковъ подъ командою полковника Денисова и гусарскихъ эскадроновъ подъ командою маіора Шевича, сюдажь маршрующихъ, и для закупки провіанта на здѣшній корпусъ, когда онъ къ Оренбургу достигнетъ. Прикрывъ ваше прямое дѣло подобіемъ правды, а въ самомъ дѣлѣ посылка и поручаемая комииссія въ слѣдующемъ состоять имѣетъ:

1) Извѣстно, что вора и злодѣя Пугачева гнѣздо прежде произведенія его злодѣйства было селеніи раскольническія на Иргизѣ, а потому и не можно думать, чтобъ онъ и нынѣ каковыхъ либо друзей, сообщниковъ, или по крайней мѣрѣ знакомцовъ тамъ не имѣлъ. Вѣроятно быть кажется и то, что онъ по сокрушеніи его подъ Оренбургомъ толпы и по разсѣяніи ея (что дай Боже) въ случаѣ побѣгу искать своего спасенія вознамѣрится на Иргизѣ — Узенѣ въ тамошнихъ мурчугахъ или у раскольниковъ. Вамъ понятна важность сего злодѣя поимки. Для того вы скрытнымъ и непримѣтнымъ образомъ обратите все удобь возможное стараніе къ тому, чтобъ узнать тѣхъ людей, къ коимъ бы онъ въ таковомъ случаѣ прибѣгнуть могъ, или по крайней мѣрѣ чрезъ кого вы о нихъ узнать можете, а узнавши расположите таковыя мѣры, чтобъ сей злодѣй поимки избѣгнуть не могъ. Обѣщаніи (?) награжденія, какъ уже отъ меня объявлены, другія

ли какія возмездія обѣщать тому или тѣмъ можете, кто способствовать и въ руки ваши сего злодѣя доставить можетъ; къ чему заблаговременно людей пріискать и пріуготовить искуснымъ и скрытнымъ образомъ надлежитъ. Ибо открытіе сего все дѣло уничтожить можетъ. А потомъ:

2) Доколѣ къ поимкѣ злодѣя случай не приспѣетъ, употребите вы все ваше стараніе о томъ, чтобъ узнать о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ злодѣя и его толпы, ихъ состояніе и силу, взаимную межъ ими связь, и чѣмъ подробнѣе и обстоятельнѣе вы узнаете, тѣмъ болѣе и заслуги вашей Ея Императорскому Величеству нашей Всемилостивѣйшей Монархинѣ будетъ. А сіи извѣстія какъ ко мнѣ, такъ и марширующимъ по Самарской линіи господамъ генералъ-маіорамъ князю Голицыну и Мансурову съ вѣрными людьми доставлять имѣете, ведя о тайномъ дѣлѣ (переписку?) посредствомъ цыфирнаго ключа, которой вамъ ввѣряется.

3) Чтобъ доставить въ толпу къ злодѣю надежныхъ людей и вѣдать о его и протчихъ злодѣевъ дѣяніяхъ, не щадите вы ни трудовъ, ни денегъ, для чего и отпускается съ вами четыреста рублевъ изъ екстраординарной суммы, въ которыхъ по возвращеніи вашемъ отчетъ дать можете. Чтобъ въ случаѣ надобномъ дѣлано было вамъ и отъ васъ посланнымъ всякое вспоможеніе, для того снабжаетесь вы письмомъ пребывающему въ Саратовѣ господину Астраханскому губернатору Кречетникову, а къ Малыковскимъ дворцовымъ управителямъ открытымъ ордеромъ. Вы воспользуетесь тѣмъ тогда, когда нужда вамъ во вспоможеніи отъ того или другаго настоять будетъ. Для сысканія и привлеченія къ вамъ отъ тамошнихъ людей довѣренности ласковое и скромное съ ними обращеніе всего болѣе вамъ способствовать будетъ.

4) Неуставайте наблюдать всѣ людей тамошнихъ склонности, образъ мыслей и понятіе ихъ о зломъ самозванцѣ и всѣ способы употребляйте къ объясненію обманутыхъ и колеблющихся, что онъ не только самозванецъ, но злѣйшій государственный злодѣй и измѣнникъ. Проповѣдайте милосердіе Монаршее къ тѣмъ, кои отъ него отстануть и покаются. Обличайте разсужденіями вашими обольщеніи и обманы Пугачева и его сообщниковъ.

5) Наконецъ для вступленія въ дѣло возьмите себѣ въ помощь представленныхъ вами извѣстныхъ Серебрякова и Герасимова, изъ которыхъ Серебряковъ примѣченъ мною какъ человѣкъ съ разумомъ и довольно тамошнія обстоятельства знающій: но разсужденіе здравое и собственный вашъ умъ да будетъ вамъ лучшимъ руководите-

лемъ; а ревность и усердіе къ службѣ представитъ вамъ такіе способы, которые не бывъ на мѣстѣ и по заочности предписать не можно. Ихъ же Герасимова и Серебрякова къ тому по разсмотрѣнію вашему употребите, для чего они въ команду вашу точно и поручаются.

Въ протчемъ я полагаясь на искуство ваше, усердіе и вѣрность, оставляю болѣе наблюденіе дѣла, для котораго вы посылаетесь, собственной вашей расторопности. И надѣюсь, что вы какъ все сіе весьма тайно содержать будете, такъ не упустите никакого случая, коимъ бы не воспользоваться, понимая силу прямую посылки вашей.

Александръ Бибиковъ.

Марта 6-го дня
1774 года.
Казань.

III (стр. 15).

Ключь тайнописи, приложенный къ инструкціи Бибикова Державину.

(См. ниже таблицу на особомъ листѣ.

IIII (стр. 22). Образчикъ цыфирнаго письма.

Ордеръ Лейбъ-гвардіи господину подпорутчику Державину.

Репортъ вашъ отъ 13 марта я получилъ. Всѣ принятыя вами на первый случай распоряженіи производятъ во мнѣ особливое удовольствіе. 225, 31 *) — по увѣдомленію господина генералъ-маіора князя Голицына находится 138—44, 14.—270, 31.—20, 19, 10, 31—49, 31—14, 10, 24, 30, 11, 14 **), уповаю будетъ тамо 25-го сего мѣсяца. Я на благоразуміе ваше полагаюсь, что не упустите вы неусыпно стараться 176—248—24, 14, 10, 11, 23, 31—121—68, 14—20, 19—126, 14—116—9, 18, 11, 13, 10, 6 ***), въ сказанное вамъ въ первомъ ордерѣ моемъ мѣсто. Капитана Лодыгина не терпите. Я

*) Пугачевъ.

**) Въ Илецкой крѣпости, и корпусъ подъ Оренбургъ идущій...

***) Развѣдать не уйдетъ ли злодѣй по разореніи его гнѣзда.

къ нему посылаю при семъ ордеръ, чтобъ онъ или въ домѣ своемъ остался и жилъ бы спокойно, или ѣхалъ бы въ Казань. Естьли же онъ не поѣдетъ, то имѣете отправить его подъ присмотромъ въ Казань. Къ господину Елагину о отпускѣ отъ себя управителя ордеръ посланъ.

Александръ Бибиковъ.

Марта 21 дня
1774 года.
95, 14 *).

IV (стр. 144).

Сокращеніе комиссіи Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку поручика Державина.

Отъ Его Высокопревосходительства покойнаго господина генералъ-аншефа Александра Ильича Бибикова изъ Казани 29 декабря 1773 года по занятіи злодѣями Самары былъ я командированъ въ городъ оный, какъ для изслѣдованія Самарскихъ жителей въ прикосновеніи ихъ къ бунту, такъ и по соединеніи съ господиномъ подполковникомъ Гриневымъ и маіоромъ Муфелемъ секретно примѣтить ихъ самихъ, ихъ офицеровъ и команды. Изъ Самары по выгнаніи злодѣевъ, былъ на сраженіи подъ Алексѣевскою крѣпостью и ходили подъ Красной яръ за калмыками, гдѣ къ онымъ писано было отъ меня увѣщеваніе, которое въ письмѣ къ Александру Ильичу удостоено было высочайшаго благоволенія.

По возвращеніи изъ Самары, по приказанію Его Высокопревосходительства дѣлалъ я журналъ какъ всѣмъ высочайшимъ повелѣніямъ, теченію всѣхъ дѣлъ, всѣмъ рапортамъ къ Александру Ильичу, всѣмъ его приказаніямъ и всей его диспозиціи, что мнѣ все одному было повѣрено.

Въ мартѣ мѣсяцѣ приказавъ вышеписанное производство оставить запечатанное до возвращенія моего, послалъ онъ меня въ сторону рѣки Иргиза имѣть наблюденіе о поимкѣ Пугачева, ежели онъ скрытно прибѣжитъ туда. Будучи тамъ, взялъ я такія средства, что всѣ подшатавающіеся къ мѣстамъ тѣмъ попадались на мои обзоры. Чрезъ лазутчиковъ отослалъ я письмо къ Уральскому коменданту, чтобъ какъ можно отсиживался и ждалъ скораго прибытія нашихъ войскъ. По письму злодѣйскаго начальника Толкачева, тогда какъ

---

*) Кнчуй.

всѣ наши войски прошли подъ Оренбургъ, хотѣли изъ Уралу бунтовщики пролитія по теченію Иргиза на нагорныя провинціи къ покоренію ихъ, то я сдѣлалъ разгласками и вытребованіемъ изъ Саратова команды отъ того имъ заблаговременно диверсію. Во время Ставропольскихъ калмыкъ обороту отъ Самарской линіи, моею диспозиціею та команда прикрыла отъ нихъ какъ селенія Иргизскія, такъ и иностранныя колоніи. Во время дальняго преслѣдованія тѣхъ калмыкъ подполковникомъ Муфелемъ зашелъ онъ за ними въ степь такъ, что у него не стало провіанта, и онъ бы долженъ былъ возвратиться, то я всему его деташаменту доставилъ провіантъ такъ сказать собственный, ибо выпросилъ у партикулярнаго человѣка. Во время подхожденія Пугачева къ Саратову былъ отъ меня посланъ лазутчикъ для истребленія его, но какъ ему по препятствіямъ въ толпѣ у него быть не удалось, то однако онъ подговоря съ собою нѣсколько (человѣкъ?), разбилъ злодѣйскую шайку въ трехъ стахъ состоящую, освободилъ нѣсколько дворянъ отъ смерти, и перевязавъ ея атамановъ представилъ нашимъ генераламъ. Саратовъ удержать напрягалъ я всѣ свои силы, колико мое усердіе, присяга и должность повелѣвали. Почему же я въ сіе дѣло вошелъ, имѣю неопровергаемыя причины и доказательства. Но чтобъ сказать короче, то тогдашнія мои старанія имѣли бы конечно свою пользу, городъ бы и цѣлая область не погибла, ежели бъ прочіе мнѣ отвѣтствовали. Я и теперь не обинуяся хочу осужденія, ежели я вступилъ не въ свое дѣло, ежели я помѣшалъ кому что дѣлать, и ежели найдусь въ чемъ нибудь тутъ виноватымъ. По выѣздѣ за должность изъ Саратова, спасъ я отъ расхищенія Малыковскую казну. Распустилъ собранныхъ крестьянъ чтобъ не умножить толпы Пугачева. Провѣдавъ его оборотъ, пріѣхалъ въ Сызранъ и донесъ о всемъ Его Превосходительству генералу Мансурову. Въ тожъ время, какъ Саратовской господинъ комендантъ и прочіе пробивались внизъ по Волгѣ подъ защищеніе Царицына, то я область имъ ввѣренную спасъ отъ расхищенія Киргисъ-кайсаковъ и разбивъ ихъ съ мужиками, отнялъ у нихъ плѣнъ, исключая русскихъ, колонистовъ однихъ около тысячи человѣкъ, и что они Киргизцы были подъ знаменами Пугачевскими въ не маломъ количествѣ, и Саратову вторичная была опасность, о томъ свидѣтельствуютъ рапорты подполковника Савельева къ князю Голицыну. При отбитіи плѣна отбилъ я скотъ и имѣніе плѣнныхъ; но что непокорыстовался я по праву завоевателей ни чѣмъ, на то имѣю квитанцію. Во время обращенія Пугачевскаго отъ Чернаго яру на Узени, стерегъ я его неусыпно въ степи, и кажется, ежели бы опредѣлено

было кромѣ его сообщниковъ поймать его, то бы моихъ посланныхъ не миновалъ. Когда-жъ его поймали, то первый я репортовалъ о томъ Его Превосходительству Павлу Сергѣевичу и потомъ Его Сіятельству князю Петру Михайловичу, а отъ нихъ уже и далѣе сіе извѣстіе дошло. По семъ рапортѣ въ силѣ ордеровъ разбиралъ я колодниковъ по дѣлу Пугачева, въ Малыковкѣ и по винамъ ихъ по тѣмъ ордерамъ наказалъ, а допросы ихъ по пріѣздѣ въ Казань отдалъ въ секретную коммисію. Также при семъ случаѣ возвращалъ я пажить пограбленныхъ злодѣями, что можно видѣть изъ реестровъ, подписанныхъ тѣми пограбленными, что кому возвратилъ. Потомъ доставилъ я тѣхъ людей въ коммисію, которые надобны были къ распутанію связи происхожденія Пугачева; но только однако искомаго Филарета, и по вторичной о немъ данной мнѣ коммисіи, сыскать не могъ, и сіе можетъ быть для того, что онъ не могъ притти въ свой скитъ, потому что на Иргизѣ, въ силѣ повелѣнія Его Превосходительства генерала Волкова, выискиваетъ бѣглыхъ стоявшій тамъ съ эскадрономъ гусарскій штабъ-офицеръ.

Между бунтовъ и опасностей всю сію коммисію исполнялъ я безъ малѣйшаго въ трудахъ своихъ помощника, одинъ, и имѣю отъ всѣхъ генераловъ похвалу; также свидѣтельствуюсь тѣми жительствами, гдѣ я былъ, что исполнялъ я ихъ безъ малѣйшаго полученія себѣ интереса, и безъ всякаго кому какого либо притѣсненія, не взирая на то, что я къ тому самою нуждою принужденъ бы долженъ быть; ибо я лишился въ Казани всего имѣнія движимаго, а въ Оренбургскомъ уѣздѣ, не говоря о грабежѣ злодѣями, лишился того, что состоянію моему очень важно, ибо свидѣтельствовать можетъ то Его Сіятельство князь Петръ Михайловичъ Голицынъ, что весь транспортъ, идущій съ провіантомъ къ Оренбургу, что сдѣлаетъ всѣхъ болѣе 20,000 подводъ, былъ недѣли двѣ весь на моемъ коштѣ, съѣлъ меня и разорилъ въ пользу отечества на голову.

V.

Историческая записка о Пугачевѣ, вложенная въ тетрадь рапортовъ Державина (№ 75, писана рукой писаря).

Бывшій извергъ Пугачевъ, донской казакъ Зимовенской станицы *), уроженецъ отъ простаго казака обыкновеннаго, а не изъ лучшихъ, то есть отличныхъ казаковъ. Походъ его былъ въ молодыхъ лѣтахъ, примѣрно не свыше 20 лѣтъ, въ Прусскую семилѣтнюю войну въ полку полковника Донскаго Туроверова, а въ 1767 году, когда открылась война и съ Турками, былъ онъ во второй арміи въ полку полковника Кутенникова и до сей войны послѣдней, а опослѣ Прусской семилѣтней за воровство въ станицѣ, при полномъ сборѣ **), наказанъ по обрядамъ казачьимъ плетьми.

Въ 1769 году по указу военной коллегіи велѣно изъ Дону командировать на поселеніе въ Таганрогъ и въ Азовъ по пяти сотъ семей, и тогда возобновились сіи крѣпости, до сего впустѣ лежащія. Правленіе Донское, получа указъ военной коллегіи, исполненіемъ приступило таковымъ: командировать на то поселеніе казачьи семьи изъ людей, неугодныхъ обществу, а почетныхъ тою высылкою освободить, сдѣлало предписанія по всему войску, то есть во всѣ станицы ***), соображаясь по числу въ станицахъ семей, въ станицу Зимовенскую, гдѣ извергъ Пугачевъ состоялъ жительствомъ, 6-ти семей, ибо она не въ большомъ количествѣ противъ прочихъ и теперь есть. Предписано было, если изъ таковыхъ семей есть въ походѣ, дала бъ станица знать Правленію, для выпуска изъ похода къ соединенію семейства на поселеніе. Станица бывшая Зимовенская нарядила 6 семей таковыхъ, кои имъ въ обществѣ не надобны были, какъ за воровство и другое нетерпимое въ жительствѣ людей. Пугачевъ тогда состоялъ въ полку Кутенникова въ арміи, предводительствуемой Панинымъ, по увѣдомленію Донскаго правительства былъ онъ изъ полку выпущенъ и данъ ему билетъ явиться въ Таганрогъ къ своему семейству. Онъ туда не явился и гдѣ шатался неизвѣстно, но чрезъ годъ пойманъ въ станицѣ Зимовенской за подговоръ людей бѣжать на Терекъ. Забили его въ колодки и отправили въ городъ Чер-

*) Станица по донскому названію, по общему смыслу селеніе.

**) Сборъ есть сходка. Плетьми наказываютъ человѣка неуважительнаго по обрядамъ донскимъ, а другимъ дѣлаютъ пеню, надѣются, что онъ заслужитъ.

***) На Дону 118 станицъ казачьяго роду.

каскъ *), гдѣ Правленіе Донское состоитъ, и съ дороги онъ Пугачевъ бѣжалъ и безъизвѣстно пропалъ, только извѣстно, что онъ былъ на рѣкѣ Волгѣ въ разбоѣ, на которомъ пойманъ и посаженъ въ Казани въ острогъ; болѣе же обстоятельнаго свѣдѣнія злодѣяній его уже извѣстно, когда обнаружилось сего изверга Пугачева важное названіе Самозванца. Станица Зимовенская просила себя изъ того мѣста переселить въ другое и переименовать еѐ другимъ названіемъ **), а домъ его сожженъ, скотина побита и брошена въ рѣку Донъ, братъ его родной хотя и не былъ скверности той участникомъ, переименованъ другою фамиліею; жена его и сынъ малолѣтной сосланы по повелѣнію главнаго начальства въ Соловетскіе и названія теперь Зимовенской станицы нѣтъ, а именуется съ переселеніемъ Потемкинскою.

VII (стр. 45).

Письмо Державина къ Бранту ***).

Hoch gebohrner
Hoch gebietender

gnädiger Herr!

Die Order Euer Excellenz worinnen hochdieſelbe mir anzeigen, wie Unſer allergnädigſte Monarchin Euer Excellenz den Vorſitz bey der geheimen Commission in Kasan allergnädigſt anvertrauet, habe die Ehre zu erhalten gehabt. In Anſehung meiner mir anvertraueten Commission, werde nicht ermangeln, alles nothwendige Euer Excellenz unterthanigſt anzuzeigen. Da ich aber Euer Excellenz mit der gröſte Ehrerbietung hochachte, und bei denenſelben viele Großmuth und Menſchenliebe bemerket, ſo habe bey dieſer Gelegenheit denenſelbe nachamen, und ohne Euer Excellenz Erlaubniß Leute nicht unglücklich machen wollen; dahero ich mir die Ehre gebe, mich mit dieſen Briefe vors erſte zu erklären, und als denn wenn Euer Excellenz befehlen, ſo werde der gewöhnlichen Ordnung nach, entweder bey Euer Excellenz, oder bey der geheimer Commission Folgendes raportiren.

---

*) Городъ Черкаскъ отъ Зимовенской станицы разстояніемъ болѣе 200 верстъ.

**) Названа Потемкинскою и переселена отъ прежняго мѣста за четыре версты.

***) Здѣсь сохранено во всей точности правописаніе подлинника.

Zu Herſtellung der Ruhe in hieſiger Gegend, iſt jetzo gar nichts nöthig. Gott ſey dank, es iſt hier, ſo viel ich bemerke, alles ſtill, nur muß (wenn ich Euer Excellenz unterthanigſt anzeigen darf) der gewaltſamen Dieberey, oder deutlicher zu ſagen, den beſtändigen Geld-Erpreßungen, welche die Kräfte der Menſchen faſt gäntzlich erſchöpft, Einhalt gethan werden. In den geheimen, von Ihro Excellenz des wohlſeligen Alexander Ilisch mir gegebenen Instruction, ſtehet unter andern geſchrieben, daß ich die Meynung der Menſchen erforſchen ſoll etc. So viel ich alſo bemerket, ſo verurſachet dieſe Geld-Erpreſſung das gröſte Murren der Leute, denn ein Jeder, der das geringſte mit Ihnen zu thun hat, beraubet ſie, dieſes macht den leichtgläubigen Pöbel bey ſeinen ſchlechten Verſtande unzufrieden, und wenn ich frey ſprechen darf, dieſes unterſtützet die Seuche, welche anjetzo in unſern Vaterland tobet. Ich will mich hierüber anjetzo nicht weitläuffiger erklären; wenn aber Euer Exc. befehlen, ſo werde nicht unterlaßen, laut der mir anvertrauten Commission, den ſchuldigſten Raport gehörigen Orts abzuſtatten.

Anſonſt habe die Ehre mit den gröſten Respect zu beharren

Euer Excellenz

unterthanigſter Diener

Gabriel Derschavin.

Malikofka
D. 4 Jny 1774.

СКАЗАНІЯ

ПРИСКА ПАНІЙСКАГО.

(Г. С. ДЕСТУНИСА).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ЖИЗНЬ ПРИСКА.

О жизни Приска ничего почти не извѣстно, кромѣ тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя находятся въ предлагаемыхъ здѣсь отрывкахъ его историческаго сочиненія. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ только, что онъ родился въ Паніи, городкѣ Ѳракійскомъ, лежавшемъ на сѣверномъ берегу Мраморнаго моря, и былъ риторомъ и софистомъ [1]. Эти наименованія риторъ, софистъ, показываютъ, по справедливому замѣчанію Нибура, что онъ не былъ адвокатомъ, но былъ преподавателемъ ораторскаго искусства [2]. Изъ историческаго труда Приска мы ви-

1. По названію своей родины Приск прозванъ Панитомъ или Панійцемъ (Παν(της). Суида въ слов. Πρίσκος и Πάνιον. Въ Хроникѣ Пасхальной p. 588 ed. Bon. онъ названъ ὁ Θρᾷξ — Ѳракійцемъ. Соображая эти извѣстія, справедливо заключаютъ, что онъ былъ изъ того Панія, который лежалъ на сѣверномъ поморьѣ Пропонтиды, близъ Ираклія. Суида называетъ его софистомъ (въ сл. Πρίσκος), а Эвагрій риторомъ Historia Eccles. I, 17, V. 16. Смотри приведенные ниже отрывки обоихъ писателей о Прискѣ.

2. См. статью Нибура De historicis и проч. въ I Т. Боннскаго изданія Византійцевъ, стр. XXIX.

димъ, что одинъ изъ первыхъ сановниковъ *Ѳеодосія младшаго*, *Максиминъ*, отправляемый посломъ къ *Аттилѣ*, попросилъ Приска поѣхать вмѣстѣ съ ними къ владыкѣ Гунновъ, на что Прискъ и согласился [3]. Это было въ 448 году. Посольству поручено было императоромъ Ѳеодосіемъ младшимъ — убѣдить Аттилу не нарушать мирныхъ договоровъ, тѣмъ болѣе, что бѣглецы, въ силу договоровъ, этимъ самымъ посольствомъ ему возвращаются. Такова была официальная сторона посольства, заключавшаяся въ грамотѣ и въ изустномъ порученіи Византійскаго двора. Эта-то одна сторона и была извѣстна посланнику Максимину и совѣтнику его Приску. Дворъ скрылъ отъ нихъ затаенную цѣль свою. Изо всего повѣствованія Приска видно, что ни Максиминъ, начальникъ миссіи, ни самъ Прискъ, второе лицо по немъ, знать не знали о заговорѣ Ѳеодосія на жизнь Аттилы. Между тѣмъ Аттилѣ, черезъ посла его Эдекона, искренно или притворно участвовавшаго въ посягательствѣ Константинопольскаго двора, извѣстны были мѣры, принятыя дворомъ противъ него. Это обстоятельство, что Аттилѣ извѣстны были замыслы иноземнаго двора, а отправляемому отъ этого двора посольству — не извѣстны, поставило посольство въ двусмысленное отношеніе къ государю, при которомъ оно было акредитовано. Поэтому Аттила выслалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ сановниковъ къ прибывшему уже посольству — объявить, что если ему нечего болѣе сообщить, кромѣ того, что въ грамотѣ, то немедленно бы удалилось. При этомъ Гуннскіе сановники показали посланнику, что знаютъ содержаніе грамоты. Но посланникъ требовалъ аудіенціи у Аттилы. Получивъ отказъ, онъ собрался-было отправиться обратно, какъ Прискъ, нашъ историкъ, выручилъ его изъ бѣды, уговоривъ Аттилина сановника Скотту исходатайствовать посольству дозволеніе видѣться съ владыкой Гунновъ [4]. Это свиданіе—дѣло Приска. Изъ его простаго, правдиваго разсказа видимъ умѣніе подѣйствовать на Азіятца *Скотту*, и понимаемъ, что не даромъ упросилъ его Максиминъ ѣхать вмѣстѣ въ Гуннскую орду. Разумѣется, ни подарки, ни личность Макси-

3. См. ниже разсказъ самого Приска. Отрывокъ 8.

4. Отрыв. 8.

мина и Приска, ни возвращенные бѣглецы, ничто не могло укротить гнѣва Аттилы, который имѣлъ списки оставшихся въ имперіи бѣглецовъ, и который зналъ во сколько была оцѣнена его жизнь.

Прискъ прямо не говоритъ, въ какомъ качествѣ состоялъ онъ при посольствѣ; но изъ его разсказа читатель замѣчаетъ, что посолъ постоянно съ нимъ совѣщается, а иногда посылаетъ его для переговоровъ или для отдачи даровъ. Прискъ присутствуетъ на аудіенціи Аттилы, хотя и въ качествѣ втораго лица. Онъ приглашенъ Аттилою къ обѣду вмѣстѣ съ посланникомъ.

По окончаніи сношеній съ Аттилою Максиминъ возвратился въ Константинополь, а съ нимъ и Прискъ [5]. Черезъ годъ или два (въ 450 г.), уже въ царствованіе *Маркіана*, нашъ авторъ находился въ Римѣ, гдѣ видѣлъ юнаго князя Франкскаго, поддерживаемаго политикою доживавшей свой вѣкъ Западной имперіи, противъ старшаго брата его, который заключилъ союзъ съ Аттилой [6]. По всей вѣроятности Прискъ былъ тутъ не безъ дѣла. Если перемѣнить обыкновенное чтеніе πρεσβευόμενον, относящееся къ посольству юнаго князя Галльскаго, на πρεσβευόμενοι, что будетъ относиться къ посольству Приска, какъ это дѣлаетъ Нибуръ [7], то такое измѣненіе ни къ чему не поведетъ. Не говоря уже о томъ, что это измѣненіе совершенно произвольно, если и допустить его, останемся все-таки въ неизвѣстности на счетъ цѣли такого посольства.

Спустя еще года три, въ царствованіе того же Маркіана, нашъ историкъ былъ мимоѣздомъ въ Дамаскѣ, опять при Максиминѣ, который является тутъ полководцемъ [8]. Они отправлялись въ Ѳиваиду, гдѣ нужно было смирить новые, грозные набѣги *Блемміевъ* и *Нувадовъ* (Нубійцевъ), и тѣмъ обезпечить самую южную границу имперіи. Тутъ Максиминъ энергиче-

5. Отрыв. 8.

6. Отрыв. 16. Мюл. р. 99.

7. Стр. 152-я Бонискаго изд.; стр. 99. Мюл. (Didot).

8. Отр. Мюл. 20. р. 100.

скимъ характеромъ своимъ довелъ этихъ непріятелей до выгоднаго для имперіи мира. Но въ слѣдствіе внезапной смерти его, миръ нарушенъ и варвары опять поднимаютъ голову [9]. Возвращаясь изъ Өиваиды, Прискъ былъ свидѣтелемъ, въ Александріи, ужаснѣйшаго мятежа. Онъ содѣйствовалъ его усмиренію, давъ совѣтъ Александрійскому губернатору *Флору*, возвратить горожанамъ выдачу продовольствія, право пользованія зрѣлищами и банями, которыя у нихъ были отняты за мятежъ. Еще находимъ Приска участвующимъ въ переговорахъ, происшедшихъ въ 456 г. между Византійскою имперіею и *Колхидою* (нынѣшнею Мингреліей), которая въ то время находилась въ вассальной зависимости отъ имперіи. Участникомъ своей власти сдѣлалъ Приска магистръ двора (magister officiorum) *Евфимій*, по званію своему соединявшій въ себѣ власть министра иностранныхъ дѣлъ и начальство надъ царскимъ дворомъ, и по разсудку и дарованіямъ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ у императора Маркіана. Тогдашнее требованіе правительства состояло въ томъ, чтобъ изъ двухъ государей, разомъ царствовавшихъ въ Колхидѣ, одинъ отказался отъ престола. Это требованіе, основывавшееся на старинныхъ договорахъ, и было исполнено. [10]. Вотъ почти все, что мы знаемъ о Прискѣ изъ Приска же.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИСКА.

Очень жаль, что намъ такъ мало извѣстно о такомъ разсудительномъ, энергическомъ *государственномъ человѣкѣ*, каковъ былъ Прискъ. Независимо отъ довѣрія къ нему своихъ: Максимина, Флора, Евфимія; независимо отъ того вліянія, которое онъ имѣлъ на Гуннскихъ вельможъ, братьевъ Скотту и Онигисія; ужь одно то, что дворъ не впуталъ его въ свой преступный замыселъ — говоритъ въ его пользу. Вообще это личность, вселяющая къ себѣ полное довѣріе. Посмотрите, какъ охотно, какъ откровенно тотъ Грекъ, что водворился на Гуннской землѣ, встрѣтившись съ Прискомъ, пересказываетъ ему свою судьбу и

9. Отр. Мюл. 21 р. 100.
10. Отр. Мюл. 26 стр. 102.

высказываетъ свой мрачный взглядъ на тогдашнее положеніе Византійской имперіи. Не смотря однакожъ на то довѣріе, какое поселилъ онъ въ плѣнномъ Грекѣ однимъ своимъ видомъ, въ возраженіи, которое онъ дѣлаетъ этому Греку, онъ является лицомъ оффиціальнымъ, истымъ дипломатомъ, и всемѣрно силится оправдать правительство отъ нападковъ, впрочемъ справедливо на него взводимыхъ. Чтобъ постоять за своихъ, Приску пришлось представить вещи въ томъ видѣ, какъ онѣ на бумагѣ, въ пресловутомъ Римскомъ Правѣ. Но Грека не легко провести даже и Греку: незнакомецъ отвѣчалъ Приску: «законы Римскіе хороши, а начальство худо, не исполняетъ ихъ» [11]. Однакожь эти слова произнесены были сквозь слезы, а довесть до такихъ слезъ не легко человѣка, довольнаго своей матеріальной обстановкой.

Взглянемъ на Приска, *какъ на историка*. Еще прежде, чѣмъ подвергнуть его критико-исторической повѣркѣ, ужь чувствуешь, что онъ передаетъ либо то, что видитъ, либо то, что знаетъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, и передаетъ то и другое съ полнымъ пониманіемъ дѣла. Какъ историкъ, онъ похожъ на тѣхъ людей, на которыхъ мы, съ перваго взгляда на нихъ, готовы положиться, какъ на людей извѣданной правды. Представляя столкновеніе образованнаго, хоть и переродившагося міра Греко-Римскаго съ міромъ грубымъ, полу-кочевымъ, выступавшимъ изъ степей и дебрей, онъ и не бранится безотчетно съ варварскимъ міромъ, какъ желчный Эвнапій, но и не идеализируетъ его подобно великому Тациту. Онъ описываетъ факты отчетливо, подробно, какъ внимательный самовидецъ; онъ разъясняетъ пружины съ основательнымъ знаніемъ дипломата. Отчетливостью своею, желаніемъ и умѣньемъ сообщить только то, что вѣрно и положительно, онъ достигаетъ замѣчательнаго результата: показываетъ намъ такую картину, въ которой, при вѣрности исторической, находимъ и много драматическаго. Вы видите у него Аттилу во всей надменной неприступности и во всей мелкой податливости Азіятскаго деспота, смотря по тому, какія побужденія заставляютъ его дѣйствовать.

11. Отр. Мюл. 8. стр. 86—88.

То онъ формалистъ, когда не терпитъ, чтобъ Римская посольская ставка раскинута была выше его ставки; то онъ справедливый судья своего народа. То воздержный хозяинъ-хлѣбосолъ; то султанъ-многоженецъ. Все это въ отдѣльныхъ картинахъ: и однакожъ кончите чтеніе и вы увидите живаго Аттилу. Когда онъ историкъ, онъ перестаетъ быть дипломатомъ: онъ выставляетъ потомству и притѣсненія, происходившія въ имперіи по поводу налоговъ, и гнусную интригу, задуманную противъ Аттилы, и нападки Грека на язвы отечества, и свой дипломатическій отвѣтъ, и наконецъ самую двусмысленность и щекотливость своего положенія, когда онъ вмѣстѣ съ Максиминомъ составляя посольство, не зналъ, что въ самомъ посольствѣ таятся люди, акредитованные правительствомъ на заговоръ противъ Аттилы. Онъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которыхъ можно назвать историками по призванію.

ОТЗЫВЫ О ПРИСКѢ:

1) Нибура, 2) Гизо, 3) Тьерри (Ам.), 4) Венелина, 5) Бернгарди.

Прискъ постоянно пользовался уваженіемъ и симпатіей первостепенныхъ ученыхъ. Приведемъ лестный отзывъ *Нибура*: «Этотъ писатель, говоритъ онъ, далеко превосходитъ историковъ послѣдующаго вѣка. Никому изъ историковъ лучшихъ временъ не уступаетъ онъ дарованіемъ, вѣрностію, разсудкомъ. Слогъ его изященъ и довольно чистъ, чѣмъ заслужилъ онъ похвалу и современниковъ и потомковъ: ему достались похвалы знаменитыхъ мужей — *Валуа* и *Гиббона* [12]». Послѣ отзыва перваго историческаго критика упомянемъ и *Гизо*, который нашелъ нужнымъ представить слушателямъ и читателямъ своимъ весь отрывокъ объ Аттилѣ, въ дополненіяхъ къ своимъ знаменитымъ чтеніямъ [13]. *Амедей Тьерри*, въ мастерскомъ трудѣ своемъ объ Аттилѣ, избралъ Приска главнымъ своимъ источникомъ. «Я желалъ, говоритъ Тьерри, схватить живьемъ черты великаго варвара, до миража, производимаго пылью вѣковъ между

12. De historicis etc. въ I. T. Бон. изд. стр. XXVIII.

13. Histoire de la civilisation de la France par Guizot, t. V.

историческими лицами и потомствомъ, того миража, которому Аттила подвергся больше всякаго другаго. У меня былъ тутъ вѣрный вожатый—Прискъ. Извѣстно, что этотъ ученый Грекъ, который состоялъ при миссіи, отправленной въ 448 г. Ѳеодосіемъ II подъ начальствомъ Максимина къ Аттилѣ, посѣтилъ всю при-Дунайскую Гуннію, и вошелъ въ близкія сношенія съ Аттилой и съ его женами; извѣстно также, что разсказъ о миссіи, въ которой онъ находился, сохраненъ почти in extenso въ любопытномъ сборникѣ о Римскихъ посольствахъ. Но не довольно хорошо извѣстно то, что Прискъ, человѣкъ умный и толковый, наблюдатель настойчивый и тонкій (homme de sens et d'esprit, observateur opiniâtre et fin), оставилъ намъ разсказъ, столько же занимательный, сколько и поучительный, свидѣтельствующій, что качества, обезсмертившія Иродота, не погасли въ Греческихъ путешественникахъ V в. Прискъ и сдѣлался исходною точкой нашихъ изслѣдованій». Дальше, Тьерри дѣлаетъ любопытный параллель между Прискомъ и Іорнандомъ. «Тутъ ужъ точка зрѣнія не та, что въ Прискѣ, замѣчаетъ онъ. Иная картина человѣка и времени. Разсматриваемый въ прошломъ, на разстояніи цѣлаго вѣка, сквозь сильно опоэтизированныя преданія Готовъ, Аттила является не болѣе великимъ, чѣмъ въ Прискѣ, но болѣе дикимъ: это какое-то принужденное, театральное варварство: онъ утратилъ много исторической дѣйствительности. Со всѣмъ тѣмъ картина Іорнанда имѣетъ особенную цѣнность для исторіи: въ ней видимъ то скрытное броженіе, которое съ тѣхъ поръ ужъ совершалось въ Германскомъ преданіи, и которому надлежало примкнуть къ циклу Тевтонскихъ поэмъ объ Аттилѣ [14]».

Покажемъ и невыгодныя сужденія о Прискѣ, Юрія Венелина и Годфрида Бернгарди. Вставляя разсказъ Присковъ о польствѣ къ Аттилѣ почти въ цѣлости въ свои изслѣдованія о Болгарахъ, *Венелинъ* говоритъ: «Сіи записки съ перваго взгляда покажутся здѣсь неумѣстными; но какъ онѣ писаны очевидцемъ, совершившимъ путешествіе посреди Гунновъ, и срисованы такъ сказать съ натуры, то для изыскателя и народописца онѣ дра-

14. Histoire d'Attila etc., par Amedée Thierry. T. I. стр. VI и VII.

гоцѣнный подарокъ [15]». Казалось бы и похвала; подождите: вотъ что говорится въ другомъ мѣстѣ: «Отдавая полную цѣну (какую, неизвѣстно?) запискамъ Приска, нельзя однако не замѣтить его непростительнаго нерадѣнія къ подробнымъ наблюденіямъ надъ симъ народомъ (Гуннами) и его явнаго нелюбопытства. Кажется, онъ описалъ только то, что попадало подъ его глаза, а о прочемъ и не думалъ, и, замѣтьте, не только не означилъ имени ни одного селенія, чрезъ которыя проѣзжалъ, не полюбопытствовалъ не только осмотрѣть, но даже не наименовалъ столицы Аттилы, мѣста своего посольства! Слѣдствіемъ сего нерадѣнія было то, что въ послѣдствіи ученые не могли опредѣлить рѣшительно мѣста сего города [16]». Вотъ приговоръ Венелина. Мало ли подробностей у Приска, объ этомъ предоставлаю читателю самому посудить изъ предлагаемаго перевода. Странно, что Венелинъ утверждаетъ это послѣ того, какъ выписалъ 30 страницъ изъ Приска, гдѣ почти все подробности. Несправедливо также о Прискѣ сказать, будто онъ писалъ только то, что видѣлъ. Умалчивая о той части его исторіи, которая внѣ его разсказа о посольствѣ, такъ какъ приговоръ Венелина касается только этого разсказа, обратимъ вниманіе читателя на то, что и въ этой части историкъ говоритъ и о такихъ предметахъ, которыхъ не видалъ: о походѣ сына Аттилина, на другія Гуннскія племена, о давнишнемъ походѣ Гунновъ въ Персію, о томъ, на какихъ языкахъ говорятъ жители Аттилина царства, о судьбѣ архитектора-баньщика, о судьбѣ Грека, о предметѣ миссіи западно-Римской, о заговорѣ евнуха съ посломъ Аттилы, и о многомъ подобномъ, что все было извѣстно ему въ слѣдствіе короткаго знакомства съ текущими дѣлами государства, съ архивами и въ слѣдствіе разпросовъ, которые надо вести умѣючи. Сообщая намъ о судѣ Аттилы надъ подданными, историкъ описываетъ не одну только его личину. Когда замѣтилъ особенную ласку Аттилы къ младшему сыну, онъ не замедлилъ разузнать и причину этого; услышавъ

---

15. Историко-критическія изысканія Юрія Венелина. Т. I. Москва. 1856 г. стр. 111.

16. Тамъ же, стр. 142.

пѣсни, онъ не только передалъ то впечатлѣніе, которое онѣ производили на слушателей и игру ихъ лицъ, но и содержаніе пѣсенъ и т. д. Какъ же Венелинъ говоритъ, что Прискъ «не могъ познакомиться съ народомъ короче, ибо не понимая языка, по неволѣ былъ глухимъ ко всему его окружавшему?! [17]». Венелинъ, увлекаясь любимыми мыслями и безпрерывными натяжками, иногда однакожъ попадаетъ мѣтко: такъ мѣтокъ, по видимому, его укоръ Приску, что онъ не называетъ по имени посѣщаемыхъ имъ мѣстностей: но не должно забывать, что текстъ Приска дошелъ до насъ въ извлеченіяхъ, составляемыхъ съ особенною одностороннею цѣлью, и что въ подобныхъ случаяхъ историческая критика, предоставляя изслѣдователю сужденіе о томъ, что есть въ авторѣ, не позволяетъ судить о томъ, чего въ немъ нѣтъ.

Бернгарди причисляетъ Приска къ тѣмъ писателямъ V вѣка, «которые даютъ намъ вѣрное, безпристрастное, легко читаемое изображеніе придворной исторіи и иностранной политики: та и другая передается этими писателями съ вѣрнымъ взглядомъ на дурное положеніе имперіи, и съ свободнымъ съ ихъ стороны приговоромъ, но съ слишкомъ большими подробностями. Такъ Прискъ почти что наивенъ; значительнѣе его Малхъ и Зосимъ [18]». Въ приговорѣ Бернгарди Прискъ, какъ описатель Аттилы, Ѳеодосія, какъ этнографъ-наблюдатель Гунновъ, Нубовъ—исчезъ: вы только видите, отчасти простодушнаго разскащика придворныхъ интригъ и дипломатическихъ сношеній, отчасти строгаго ихъ судью. Онъ поставленъ ниже Зосима, который все почти заимствовалъ изъ другихъ историковъ, тогда какъ Прискъ пишетъ либо по вѣрному наблюденію, либо по точномъ разспросѣ лицъ свѣдущихъ, либо на основаніи знакомства съ государственной перепиской и съ архивами.

СОЧИНЕНІЯ ПРИСКА.

Изъ *трудовъ Приска* не многое до насъ дошло. По свидѣтельству Суиды онъ написалъ *риторическія упражненія* (μελέται

17. Тамъ же, стр. 123.

18. Grundriss der Griechischen Literatur. G. Bernhardy. 2-te Bearbeitung. 1-ter Theil. Halle. 1852. Стр. 564.

ῥητορικαὶ) и *письма* (ἐπιστολαὶ), также *Византійскую исторію* и *дѣянія Аттилы въ 8 книгахъ* (ἱστορία Βυζαντιακὴ (варіантъ: Βυζαντινὴ) καὶ τὰ κατὰ Ἀττήλαν (cod. Ἄτταλον ошибкой) ἐν βιβλίοις ὀκτώ). Первыя не историческія сочиненія до насъ вовсе не дошли. Относительно историческихъ возникъ вопросъ: одно ли это сочиненіе или два? Нибуръ не сомнѣвается, что это одно и то же сочиненіе; а что еслибъ было два, то и въ такомъ случаѣ должно было бы полагать, что тѣ выписки о посольствахъ, которыя относятся къ Приску, заимствованы изъ обоихъ. Онъ почелъ нужнымъ сохранить заглавіе: *Исторія Готѳская*, котораго нѣтъ въ Суидѣ, потому что не сомнѣвался, что таково было заглавіе въ древнемъ сборникѣ. Онъ предполагаетъ, что въ исторіи Приска, какъ и въ исторіи Прокопія, каждая часть имѣла свое особое заглавіе: одна часть называлась: *исторія Аттилы* (какъ у Суиды), другая—*исторія Готѳская* (какъ въ сборникѣ), но что какой нибудь невѣжда отнесъ оба заглавія ко всему труду [19]. Карлъ Мюллеръ, держась главной мысли, что это одно и то же сочиненіе, замѣчаетъ: «Выписки о посольствахъ народовъ озаглавлены: Πρίσκου ῥήτορος καὶ σοφιστοῦ ἱστορίας Βυζαντιχῆς ἐκλογαί, между тѣмъ какъ выписки о посольствахъ Римлянъ имѣютъ заглавіемъ: Πρίσκου ῥήτορος καὶ σοφιστοῦ ἱστορίας Γοτθικῆς ἐκκλογαί: слѣдовательно эта послѣдняя часть сочиненія Прискова, заключая въ себѣ преимущественно сношенія съ Готѳами или Скиѳами и съ Гуннами, могла имѣть заглавьемъ ἱστορία Γοτθικὴ хотя бы это заглавіе надписано было самимъ авторомъ, хотя бы извлекателемъ» [20]. Но все это однѣ догадки Нибура и Мюллера. Итакъ, оставивъ въ сторонѣ толки о томъ одно ли историческое сочиненіе писалъ Прискъ или два, мы скажемъ только, что цѣлое историческое его сочиненіе намъ не сохранилось. Оно дошло до насъ въ отрывкахъ, помѣщенныхъ въ двухъ отдѣлахъ (титулахъ) извѣстнаго Константиновскаго сборника. Попавъ въ два отдѣла этого сборника, исторія Приска была разбита на двѣ части; все что подходило въ ней подъ категорію *посольствъ Римлянъ къ народамъ*, попало, рядомъ

19. De historicis etc. 1-й Т. Бон. изд. Стр. XXVIII.

20. Fragmenta historicorum Graecorum. Ed. C. Müller. Par. 1851. T. IV. p. 69.

съ отрывками другихъ историковъ по этому предмету, въ отдѣлъ сборника, имѣющій это заглавіе, т. е. въ 27-й [21]; а все то, что относилось къ категоріи *посольствъ народовъ къ Римлянамъ*, вмѣстѣ съ подобными отрывками другихъ историковъ, помѣщено было составителями Константиновскаго сборника въ отдѣлъ, имѣющій это послѣдное заглавіе; по предположенію Нибура это былъ отдѣлъ либо 26-й, либо 28-й [22].

РАЗНЫЯ ИЗДАНІЯ ПРИСКА:

1) Урсина, 2) Гёшеля, 3) Лаббэ, 4) Венеціанское, 5) Нибура и Беккера (Боннское), 6) Мюллера (Дидотовское).

Отрывки Приска, заключавшіеся въ этихъ двухъ отдѣлахъ сборника Константина Порфиророднаго, были впервые изданы вмѣстѣ съ отрывками другихъ писателей, вошедшихъ въ эти отдѣлы, *Урсиномъ:* Ἐκλογαὶ περὶ πρεσβειῶν Excerpta de legationibus F. Ursinus. Antv. 1582 [23]. Второе изданіе выписокъ о посольствахъ, а слѣдовательно и Приска принадлежитъ Гёшелю Excerpta de legationibus. D. Hœschel. Aug. Vind. 1603. Оно очень важно, потому что Гёшель пользовался двумя кодексами — *Баварскимъ* (Bavaricus, s. Boicus, s. Monacensis), который былъ имъ тщательно списанъ, и *Шоттовымъ* (Schottanus), который потомъ пропалъ [24]. Тутъ находимъ варіанты по обоимъ спискамъ и поправки Гёшеля. Послѣ него никто ужъ не издавалъ этихъ эксцерптовъ по самому кодексу Мюнхенскому, а держались Гёшелева текста. Такъ они перепечатаны по Гёшелю въ 1-мъ томѣ стараго Парижскаго изданія *Лаббэ: Corpus historiae Byzantinae. Paris.* 1648. Сюда вошли однакожъ кромѣ разночтеній и исправленій Гёшелевыхъ, еще исправленія и догадки, плохія Кантоклара, и отличныя Валезія, ученыхъ современныхъ первому Парижскому изданію. *Венеціянское изданіе* 1729 *года* есть только по-

21. Въ Греческомъ предисловіи къ отдѣлу о посольствахъ Римлянъ къ народамъ, положительно сказано, что это отдѣлъ 27-й всего сборника. De legatis Romaeorum ad gentes, стр. 3—6 въ I-мъ Т. Бон. изданія.

22. De historicis etc. I. T. Виз. Бон. стр. XXXVI.

23. Bernhardy. Grundriss d. Griech. Litt. I. p. 607.

24. Praefatio (Нибура) къ I. Т. Бонн. изд. стр. X.

вторѣніе этого послѣдняго, а потому и первый томъ его, въ которомъ Прискъ соотвѣтствуетъ 1-му тому Парижскаго. Цѣлое сокровище для Константиновскихъ выписокъ находимъ во второмъ томѣ *Scriptorum veterum nova collectio. Romae.* 1827, знаменитаго кардинала *Анджело Маи.* Въ палимпсестѣ Ватиканскомъ нашелъ онъ множество никогда прежде не изданныхъ выписокъ, принадлежащихъ къ Константиновскому отдѣлу *о мысляхъ:* тутъ выписки изъ Дексиппа, Эвнапія, Петра, Менандра: а изъ Приска, къ сожалѣнію, нѣтъ ни одной. Изъ небольшаго стариннаго Греческаго предисловія, предшествующаго тутъ отрывкамъ Эвнапія, видимъ, что въ спискѣ Ватиканскомъ передъ Эвнапіемъ стоялъ Прискъ. Составитель этого Греческаго предисловія объясняетъ читателю, что «не по незнанію хронологіи помѣстилъ онъ Эвнапія послѣ Приска, — это было бы дѣломъ глупца; — но что вынужденъ былъ къ этому необходимостью, потому что есть богачи, которые сидятъ на книгахъ своихъ, какъ собака на сѣнѣ»[25]. Значитъ былъ Прискъ въ спискѣ Ватиканскомъ. Притомъ *Рафаилъ Волатеррскій* (Volaterranus) въ XIII книгѣ Антропологіи нѣкогда утверждалъ, что потерянная Прискова исторія хранится въ Ватиканской библіотекѣ. Маи полагаетъ, что такъ какъ послѣ Волатеррана, при папѣ Климентѣ VII, эта библіотека была непріятелями опустошена, то тогда же могъ погибнуть и Прискъ. Послѣ долгихъ поисковъ Маи убѣдился, что въ настоящее время никакого Прискова сочиненія въ библіотекѣ Ватиканской нѣтъ[26]. Поэтому и *Боннское изданіе*, обогатившее Константиновскія выписки, бывшія въ старомъ Парижскомъ изданіи, выписками, найденными въ Ватиканѣ, къ Приску могло прибавить лишь нѣсколько выдержекъ изъ словаря Суиды, гдѣ этотъ послѣдній приводитъ слова или извѣстія Присковы. Текстъ исправленъ по соображеніямъ и догадкамъ *Нибура*, *Эм. Беккера*, *Классена*, съ обозначеніемъ, какъ при этихъ поправкахъ, такъ и при поправкахъ старинныхъ комментаторовъ (XVII в.), кому что принадлежитъ. Подъ *вулгатой* (vulg. или v.) разумѣетъ Нибуръ такое чтеніе, которое истекло

25. Scriptorum veterum nova collectio. T. II. p. 247.

26. Такъ же, прим. 2.

изъ Гёшелева изданія, и распространилось черезъ старое Парижское и Венеціянское[27]. Главныя грамматическія поправки сдѣланы Беккеромъ, въ чемъ Нибуръ до такой степени подчинялся его авторитету, что вовсе и не вносилъ своихъ замѣтокъ, коль скоро замѣчалъ, что онѣ не нравятся его сотруднику; онъ соглашался на поправки Беккера даже и тогда, когда подозрѣвалъ, что этимъ исправляются не описки переписчиковъ, а недостатки писателей, которыхъ языкъ испорченъ вліяніемъ эпохи. Мы здѣсь повторяемъ собственное признаніе Нибура: объяснить же это можно только извѣстною горячностью Нибура къ друзьямъ, доходившею подчасъ до отреченія отъ собственнаго взгляда, особенно въ вопросахъ филологическихъ. Къ такому роду поправокъ относится помѣщеніе будущаго вмѣсто аориста перваго, вставка члена тамъ, «гдѣ того требуютъ разсудокъ и здравое употребленіе», измѣненіе косвенныхъ падежей мѣстоименій ὅδε и οὗτος на такіе же падежи мѣстоименій τοιόσδε и τοιοῦτος[28]. Не беремся судить, законны ли такія поправки и жалѣемъ о замѣткахъ Нибура, не вошедшихъ въ Боннское изданіе. Большая масса старыхъ и новыхъ исправленій съ обозначеніемъ имени каждаго труженика даетъ рецензіи перваго тома Боннскаго изданія значительное превосходство надъ рецензіею перваго Парижскаго. Наконецъ еще одинъ разъ напечатанъ Прискъ вмѣстѣ съ многими другими историками Византійскими, вошедшими въ составъ Константиновскаго сборника въ 4-мъ томѣ *Fragmenta historicorum Graecorum*, вышедшемъ въ свѣтъ въ Парижѣ въ 1851 году, по желанію и на счетъ Дидота[29]. Нельзя обвинять издателя, Карла Мюллера, за то, что онъ принялъ Боннскій текстъ Приска, не выставляя ни разночтеній, ни догадокъ (за немногими исключеніями): еслибъ онъ допустилъ разночтенія и догадки при всякомъ изъ нѣсколькихъ сотъ историковъ, которыхъ отрывки собраны имъ всего въ 4-хъ томахъ отъ Экатея до Іоанна Антіохійскаго, на протяженіе болѣе тысячелѣтія, то сборникъ его разросся бы еще на нѣсколько томовъ. Прискъ

27. Praefatio (Нибура) къ I. T. Бон. изд. стр. X.

28. Тамъ же.

29. Предисловіе къ Fragm. t. IV. p. I.

дополненъ тутъ только одною ссылкою на него церковнаго историка *Эвагрія*[30]; розыски же, сдѣланные въ Эскуріалѣ, такъ много пополнившіе другихъ историковъ, ничего не прибавили къ тексту Приска[31]. Скажемъ объ одномъ нововведеніи Мюллера. До него, Приска издавали въ той формѣ, какъ онъ найденъ въ Константиновскомъ сборникѣ, а именно, рядъ выписокъ о посольствахъ Римлянъ къ народамъ отдѣльно отъ ряда выписокъ о посольствахъ народовъ къ Римлянамъ. Нововведеніе Мюллера состоитъ въ томъ, что онъ всѣ выписки изъ Приска обоихъ отдѣловъ Константиновскаго сборника перемѣшалъ, и расположилъ *въ хронологическомъ порядкѣ* упоминаемыхъ въ нихъ событій. Отъ этого читаемъ у него Приска, по возможности, ближе къ его первоначальному виду, и слѣдовательно историческая связь событій намъ яснѣе. Въ этомъ трудѣ своемъ Мюллеръ могъ быть облегченъ во-первыхъ тѣмъ, что уже въ первомъ Парижскомъ изданіи Валезій (Валуа) объяснилъ, въ примѣчаніяхъ, какую выписку послѣ какой должно читать, для того, чтобъ сохранившіеся въ Прискѣ факты получить въ порядкѣ хронологическомъ; а во-вторыхъ тѣмъ, что хронологическія данныя были провѣрены и пополнены Нибуромъ[32]. Таковы заслуги разныхъ ученыхъ по изданію Прискова текста. Перейдемъ къ переводамъ.

ПЕРЕВОДЫ:

1) Кантоклара (Латинскій), 2) Классена (Латинскій же), 3) Французскій, 4) Венелина (Русскій), 5) С. Деступиса (Русскій).

Первыя два изданія Урсиново и Гёшелево не имѣли перевода. Первый переводъ Приска, сколько намъ извѣстно, былъ *Кантокларовъ* (Cantoclarus, Champclair) — Латинскій, приложенный къ старо-Парижскому изданію 1648 г. Невѣрность этого перевода замѣчена была почти всѣми, кто только прикасался къ Прису, какъ къ историческому источнику. Уже Валезій въ примѣ-

30. Fragm. IV. Priscus fr. 43.

31. Fragm. IV. Praefatio.

32. См. его предисловіе къ I Т. Бон. изд. ст. X.

чаніяхъ своихъ, въ этомъ же изданіи помѣщенныхъ, переводитъ нѣсколько мѣстъ, какъ слѣдуетъ. Въ концѣ прошлаго вѣка *Штриттеръ* въ своихъ *Memoriae populorum*, помѣщая отрывки изъ Приска на Латинскомъ языкѣ, излагаетъ ихъ иногда въ исправленномъ видѣ — въ сравненіи съ переводомъ Кантокларовымъ. Переводъ, приложенный къ Боннскому изданію, есть почти заново исправленный Классеномъ переводъ Кантоклара. Нибуръ говоритъ, что Классенъ ничего больше не могъ сдѣлать, какъ отстранить ошибки; а что сдѣлать Латинскую рѣчь для читателя пріятною было невозможно[33]. Тотъ же переводъ и у Мюллера, кромѣ рѣдкихъ измѣненій. Промахи Французскаго перевода, приложеннаго къ 5-му тому *Histoire de la civilisation de France, par Guizot* 1835, указаны были отцомъ моимъ въ примѣчаніяхъ къ отрывку изъ Приска, помѣщенному имъ въ Русскомъ переводѣ въ *Жур. М. Н. П.* 1840 г. *Венелинъ* перевелъ тотъ же отрывокъ, какъ онъ самъ говоритъ, по Штриттеру[34], и издалъ его въ 1829 въ *Историко-критическихъ изысканіяхъ*. Нѣкоторые недостатки Венелиннова перевода, читатель можетъ видѣть въ нашихъ примѣчаніяхъ.... Подробные пересказы, почти переводы, *Гиббона* и *Амедея Тьерри*, содержатъ въ себѣ много невѣрнаго, какъ это показано, относительно перваго въ упомянутыхъ примѣчаніяхъ отца моего, а относительно втораго въ нашемъ комментаріи см. прим..... Вѣрнѣе всѣхъ извѣстныхъ мнѣ переводовъ — это переводъ на Русскій языкъ *отца моего*, сдѣланный имъ по порученію бывшей Россійской Академіи. Отрывокъ его помѣщенъ былъ въ Ж. М. Н. П., какъ мы уже сказали, а остальныя части оставались доселѣ неизданными.

КОММЕНТАРІЙ КЪ ПРИСКУ.

При изданіяхъ Приска подробнаго комментарія на него нѣтъ: дѣльныя *примѣчанія Валуа*, всего на 4 страницахъ Парижскаго изданія, цѣликомъ перепечатаны безъ всякихъ дополненій черезъ полтораста лѣтъ и въ Боннскомъ; нѣкоторыя

33. Предисл. къ I. Т. Бон. изд. ст. IX.

34. Истор. крит. изыск. Москва. 1856 г. Т. I. стр. 112.

изъ нихъ попали и въ Мюллерово (Дидотовское). Историки и этнографы, находя въ Priscъ вѣрный матеріалъ, хоть и пользовались имъ, но пользовались, кажется, не довольно. Къ объясненію его другими источниками не приложено старанія. Потому мы и рѣшились представить попытку такого комментарія, держась по возможности фактовъ положительныхъ и избѣгая догадокъ. Мы не станемъ излагать въ предисловіи, какими источниками мы руководствовались; по разбросанности матеріала, его трудно сгруппировать; повторять же тѣ указанія, которыя читатель найдетъ въ самомъ комментаріи, не́ зачѣмъ.

НАШЕ НАМѢРЕНІЕ.

Къ стати сказать еще нѣсколько словъ о моемъ трудѣ. Я держусь *текста Боннскаго*, какъ лучшаго; *порядка Мюллерова*, какъ представляющаго текстъ, въ хронологическомъ порядкѣ[35]; *перевода покойнаго отца моего* Спиридона Дестуниса, просмотрѣннаго мною по тексту, съ поновленіемъ слога; *комментарій* предлагаю свой, основанный отчасти на источникахъ, отчасти на изслѣдованіяхъ.

СКОЛЬКО ЛѢТЪ ОБЪЕМЛЕТЪ ПРИСКОВА ИСТОРІЯ?

Наконецъ остается указать на *объемъ* Присковой исторіи. «Съ какого времени начинаетъ свою исторію Прискъ, этого рѣшить нельзя, говоритъ Нибуръ. Но въ его сочиненіи не упоминается ни объ одномъ происшествіи, которое бы предшествовало 433 году. Эвагрій пишетъ[36], что Прискъ разсказываетъ объ убіеніи Аспара и его дѣтей, послѣдовавшемъ въ 471 г., на 15 году царствованія Льва. Изъ этого можно заключить, что

---

35. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что счетомъ нашихъ отрывковъ поменьше чѣмъ Миллеровыхъ, потому что мы не рѣшились помѣщать между отрывками Присковыми, извлеченія изъ него, сдѣланныя какъ-то по своему Іорнандомъ и Пасхальною хроникою, — а помѣстили ихъ на соотвѣтственныя мѣста въ примѣчаніяхъ, — цѣликомъ.

36. См. отрывокъ изъ Эвагрія.

такъ какъ Малхъ началъ свою исторію съ 474 года, или 17-го года царствованія Льва, то Прискъ на этомъ послѣднемъ году и остановился[37]». Къ этому остроумному замѣчанію Нибура присоединимъ не менѣе остроумное наблюденіе К. Мюллера. «Третья книга Приска, говоритъ онъ, продолжается до возвращенія Максиминова изъ Гуннскаго посольства обратно въ Царьградъ (448 г. до Р. Х.). Слѣдовательно въ остальныхъ 5 книгахъ (всѣхъ восемь) Прискъ излагалъ историческія событія на протяженіи двадцати шести лѣтъ. Если допустить, что и предъидущія книги заключали въ себѣ по стольку же лѣтъ, такъ что въ нихъ помѣщалось до 15 лѣтъ, что вѣроятно, то будетъ правдоподобно и то, что авторъ началъ исторію свою съ 433 года, когда Аттила принялъ царство, и что поэтому первый (по времени) отрывокъ (Приска) заимствованъ почти изъ начала его сочиненія[38]».

---

37. De historicis p. XXVIII. I. T. Бон. изд.
38. Fragm. hist. Graec. IV. p. 69.

С.-Петербургъ,
14 сентября 1858 г.

СКАЗАНІЯ

ПРИСКА ПАНІЙСКАГО.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО).

ОТРЫВОКЪ 1[1].

(433 г. по Р. Х. Ѳеодосія II 26 г.).

Надъ Уннами царствовалъ Руа [1]. Онъ рѣшился вести войну противъ Амилзуровъ, Итимаровъ, Тоносуровъ, Войсковъ и другихъ народовъ, поселившихся на Истрѣ и прибѣгавшихъ къ союзу съ Римлянами [2]. Онъ отправилъ къ Римлянамъ Ислу, и прежде употребленнаго въ дѣло для прекращенія возникшаго между ними и Римлянами несогласія, и грозилъ нарушеніемъ прежде установленныхъ условій, если Римляне не выдадутъ

---

1. У Приска Ῥοῦας, у Іорнанда Roas. По сказанію послѣдняго онъ былъ братъ Мундзука (Mundzucc), отца Аттилина (Jorn. Goth. c. 35), котораго Приск именуетъ Мундіухомъ.

2. Откуда взялись эти четыре народа? Отвѣтъ у Іорнанда, называющаго ихъ нѣсколько иначе: «Nam mox ingentem illam paludem transiere (Hunni), illico Alipzuros, Alcidzuros, Itamaros, Tuncassos et Boiscos, qui ripae istius Scythiae insedebant, quasi quidam turbo gentium rapuere (Jorn. Goth. c. 24). Т. е. вскорѣ (Гунны) перешли черезъ то великое болото (т. е. перешли съ восточнаго берега Азовскаго моря на западный, какъ это видно изо всей главы), и тамъ, словно вихорь, увлекли за собою сидѣвшихъ при этомъ поморьѣ Скиѳіи Алипзуровъ, Альцицуровъ, Итамаровъ, Тункасовъ и Боисковъ.» Но куда обратились эти увлеченные Гуннами съ сѣвернаго берега Чернаго моря народы? отвѣтъ находимъ въ предстоящемъ мѣстѣ Приска: «Они поселились на Истрѣ (Дунаѣ) и прибѣгли къ союзу съ Римлянами (Византійскою Имперіею). Итакъ произвольно утверждаетъ Венелинъ, что эти племена жили въ сѣверной части Аттилиныхъ владѣній (Истор. крит. Т. I. с. 106). А Тьерри совершенно противъ смысла Іорнандовой рѣчи, нами приведенной, именуетъ эти 5 народовъ какъ первыхъ Гунновъ, перешедшихъ Азовское море (Thierry Hist. d'A. I, 49, прим. 1). — Alipzuri и Alcidzuri не ошибочное ли удвоеніе имени одного и того же народа, Приековыхъ Амилзуровъ?

имъ всѣхъ бѣглыхъ. Римляне совѣтовались объ отправленіи къ Уннамъ посольства. Плинѳа и Діонисій, первый племени Скиѳскаго, а второй изъ Ѳракійцовъ, военачальники, достигшіе у Римлянъ консульскаго достоинства, хотѣли быть отправлены посланниками. Такъ какъ можно было ожидать, что Исла пріѣдетъ къ Руѣ прежде того посольства, которое Римляне полагали отправить къ нему, то Плинѳа отправилъ вмѣстѣ съ Ислою одного изъ своихъ приближенныхъ по имени Сингилаха, дабы склонить Руу вступить въ переговоры съ нимъ, а не съ другими Римлянами. Когда Руа умеръ, а царство Уннское перешло къ Аттилѣ[3], то Римскій Сенатъ положилъ назначить посланникомъ Плинѳу. По утвержденіи этого мнѣнія царемъ, Плинѳа хотѣлъ, чтобъ вмѣстѣ съ ними назначенъ былъ и Эпигенъ, какъ человѣкъ, славящійся благоразуміемъ и имѣвшій достоинство квестора. Когда и Эпигенъ былъ назначенъ посланникомъ, то оба отправились къ Уннамъ. Они доѣхали до Марга, города Мисійскаго, въ Иллирикѣ. Онъ лежитъ на берегу Истра противъ крѣпости Константіи, стоящей на другомъ берегу[4]. Туда же пріѣхали и Царскіе Скиѳы[5]. Съѣздъ происходилъ внѣ города;

---

3. Въ концѣ этого отрывка и во второмъ вмѣстѣ съ Аттилою названъ царемъ и Влида, а потому и въ этомъ мѣстѣ Ниб. читалъ καὶ Βλήδαν. Іорн. тоже утверждаетъ, что Ат. получилъ въ наслѣдство царство вмѣстѣ съ Блетой (Bleta — Goth. c. 25). Руа умеръ въ 433 г.

4. Городъ Маргъ (Μάργος, Margus), какъ видно изъ этого мѣста, находился на Дунаѣ, противъ Константіи; а такъ какъ Маргомъ называлась въ древности и р. Морава, то можно заключить съ вѣроятіемъ, что этотъ гор. лежалъ при впаденіи Моравы въ Дунай. Въ Itin. Ant. ст. 30 онъ помѣщенъ между Сирміемъ и Виминаціемъ въ 90 миляхъ отъ перваго и въ 70 (50) отъ втораго. Маргъ былъ однимъ изъ городовъ Мисіи Первой; имѣлъ епископа (Ср. Notit. I, с. 38, p. 105 и 484).

5. Здѣсь подъ Царскими Скиѳами разумѣетъ П. очевидно Гунновъ; ибо нѣсколько ниже вмѣсто выраженія Царскіе Скиѳы употребляетъ онъ имя Уннovъ. Отъ чего же П. такъ называетъ Гунновъ? въ дошедшей до насъ части его труда онъ не даетъ рѣшенія на этотъ вопросъ. Было однакожъ въ древности и такое мнѣніе, что Гунны происходили отъ Царскихъ Скиѳовъ. Такъ Зосимъ, разсказывая о первомъ появленіи какого-то варварскаго племени, напавшаго на Скиѳскіе заИстрскіе народы, племени до того невѣдомаго и тогда только впервые внезапно появившагося, далѣе говоритъ: «Ихъ звали *Уннами: Скиѳами ли Царскими слѣ*«*дуетъ ихъ считать*, или тѣми безсильными курносыми людьми, которые по «Иродоту, живутъ на Истрѣ, или же людьми, переселившимися изъ Азіи въ Ев«ропу: ибо и это нашелъ я въ исторіи, что Воспоръ Киммерійскій (Еникальскій

Скиѳы сидѣли верхомъ на лошадяхъ, и хотѣли вести переговоры не слѣзая съ нихъ[6]. Римскіе посланники, заботясь о своемъ

«проливъ), бывъ засоренъ тиною, наносимою теченіемъ Танаида (Дона), далъ имъ «возможность перейти изъ Азіи въ Европу по суху» и т. д. Οὕννους τούτους ἐκάλουν· εἴτε βασιλείους αὐτοὺς ὀνομάζειν προσήκει Σκύθας, εἴτε οὓς Ἡρόδοτός φησι παροικεῖν τὸν Ἴστρον, σιμοὺς ἀσθενέας ἀνθρώπους. εἴτε ἐκ τῆς Ἀσίας εἰς τὴν Εὐρώπην διέβησαν. καὶ τοῦτο γὰρ εὑρον ἱστορημένον, ὡς ἐκ τῆς ὑπὸ τοῦ Τανάϊδος καταφερομένης ἰλύος, ὁ Κιμμέριος ἀπογαιωθεὶς Βόσπορος, ἐνέδωκεν αὐτοῖς ἐκ τῆς Ἀσίας ἐπὶ τὴν Εὐρώπην πεζῇ διαβῆναι (Zos. l. IV. c. 20. Syl. p. 386). По одному мѣсту Н., сохраненному Іорнандомъ (Goth. c. 24), Гунны жили сперва по ту сторону Меотиды (Азовскаго моря), на берегу. Такъ нельзя ли допустить, что Н. называетъ Гунновъ Царскими Скиѳами потому, что они ближайшимъ образомъ вышли изъ той страны, гдѣ въ глубокой древности жила часть Царскихъ Скиѳовъ, а именно на Дону? (Herod. IV, 20; ἐπὶ ποταμὸν Τάναϊν). Но откуда подошли они къ лѣвому берегу Дона? не трогая Китайскихъ лѣтописей, ожидающихъ новѣйшей критики, я напомню объ одномъ мѣстѣ Приска, находящемся ниже, о томъ именно, гдѣ говорится, что Гунны посредствомъ похода въ Мидію узнали, что Скиѳская земля недалеко отстоитъ отъ Мидійской; не свидѣтельствуетъ ли этотъ фактъ о приходѣ ихъ въ Европу черезъ Уральскій перешеекъ, а не черезъ Кавказскій?

6. Тутъ лишь мимоходомъ задѣвается обычай Гунновъ — жить на конѣ, подробнѣе описанный Амміаномъ Марцелліномъ: «Гуннъ, пишетъ онъ, словно пригвожденъ къ коню....; днемъ и ночью, онъ и покупаетъ, и продаетъ, и ѣстъ и пьетъ — все на конѣ; припавъ къ узкому загривку лошади, онъ погружается въ глубокій сонъ, и видятся ему разныя грезы» (equis prope affixi.... in ipsis (equis) pernox et perdius emit et vendit, cibumque sumit et potum, et inclinatus cervici angustae jumenti in altum soporem ad usque varietatem effunditur somniorum. Amm. Marc. 31, 3). Приводя это мѣсто Аммiана Марцеллина, Венелинъ ставитъ два восклицательные знака (стр. 151); но что же невѣроятнаго въ этомъ описаніи, когда Н., долго водившійся съ Гуннами, разсказываетъ, что конференція между представителями Римскаго императора, и Аттилы, по настоянію Гунновъ, происходила на коняхъ? Припомнимъ и очеркъ Іорнанда: «Малорослые, но развязные, быстрые въ движеніяхъ, какъ нельзя болѣе ловкіе въ верховой ѣздѣ, широкоплечіе, (всегда) готовые къ стрѣльбѣ изъ лука....» (Exigui quidem forma, sed arguti, motibus expediti, et ad equitandum promptissimi, scapulis latis, et ad arcus sagittasque parati» (Jorn. G. c. 24). Вотъ и слова Зосима. Утверждая, что Гунны не умѣютъ драться въ рукопашную, онъ прибавляетъ нѣсколько преувеличенно: «Да гдѣ-жъ имъ и драться въ рукопашную, когда они и держаться-то на ногахъ твердо не могутъ, а на коняхъ и живутъ и ночуютъ [μάχην δὲ σταδαίαν οὔτε δυνάμενοι τὸ παράκαν, οὔτε εἰδότες ἐπαγαγεῖν. πῶς γὰρ; οἱ μήτε εἰς γῆν πῆξαι τοὺς πόδας οἷοίτε ὄντες ἑδραίως, ἀλλ' ἐπὶ τῶν ἵππων καὶ διαιτώμενοι καὶ καθεύδοντες] (Zos. IV, 20 Syl. p. 387). Хотя Зосимъ и преувеличенно говоритъ о Гуннахъ, что они «и держаться-то на ногахъ твердо не могутъ»; но если вспомнимъ изображеніе О. Якинѳомъ Монголовъ, то уяснимъ себѣ слова Зосима. Привожу это описаніе не для того, конечно, чтобъ доказывать Монгольское происхожденіе Гунновъ, а единственно для

достоинствѣ, имѣли съ ними свиданіе также верхомъ. Они не считали приличнымъ вести переговоры пѣшіе съ людьми сидѣвшими на коняхъ. Постановлено было[7].... чтобъ Уннамъ были выдаваемы бѣгущіе изъ Скиѳіи люди, равно и прежде бѣжавшіе къ Римлянамъ, также и бывшіе у нихъ въ плѣну Римляне, безъ выкупа перешедшіе къ своимъ, въ противномъ случаѣ за каждаго плѣннаго Римлянина, бѣжавшаго къ своимъ, Римляне были обязаны платить захватившимъ его по праву войны по осьми золотыхъ монетъ; чтобъ Римляне не помогали ни какому варварскому народу, съ которымъ Унны вели войну; чтобъ торжища между Римлянами и Уннами происходили на равныхъ правахъ и безъ всякаго опасенія[8]; чтобъ за сохраненіе договора Римляне платили Царскимъ Скиѳамъ ежегодно по семи сотъ литръ золота (эта дань простиралась прежде до трехъ сотъ пятидесяти литръ). На сихъ условіяхъ заключенъ былъ миръ; въ сохраненіи его Римляне и Унны поклялись по обычаю своихъ предковъ, и тѣ и другіе потомъ возвратились въ свою землю. Варварамъ были выданы искавшіе убѣжища у Римлянъ Унны. Въ числѣ ихъ были дѣти Мамы и Атакама, происходящія изъ царскаго рода. Въ наказаніе за ихъ бѣгство Унны, получивъ

того, чтобъ показать, что Зосимъ воспроизводитъ тутъ черты, свойственныя вообще конным народамъ. «Вообще ноги Монголовъ, говоритъ нашъ этнографъ, отъ всегдашней верховой ѣзды на короткихъ стременахъ, между колѣнами выгнуты ко внѣшнимъ сторонамъ, *отъ чего они ходятъ нѣсколько согнувшись и переваливаясь на стороны.*» (Записки о Монголіи I, 169). Мнѣ кажется, первая черта, что Монголы ходятъ нѣсколько согнувшись, объясняетъ даваемый Амміаномъ Гуннамъ эпитетъ *pandi* (l. 31, c. 2), пропущенный во Французскомъ переводѣ Париж. изд., и означающій людей *нѣсколько согнутыхъ, сутуловатыхъ* (Prodigiosae formae et pandi, ut bipedes existimes bestias — «люди страннаго какого-то вида, понуренные словно какая скотина двуногая»). Вторая же черта О. Якинѳа, что Монголы ходятъ «переваливаясь на стороны», объясняетъ намъ причину, почему Зосимъ сказалъ про Гунновъ, что они не могутъ твердо держаться на ногахъ, а слѣдовательно и драться въ рукопашную.

7. Тутъ въ текстѣ недостаетъ нѣсколько словъ.

8. Не странно ли, что историкъ, дорожившій всякимъ отдаленнымъ слухомъ объ Аттилѣ, распространившійся о немъ на 2 тома, Анедей Тьерри пропускаетъ цѣлый пунктъ Маргскаго трактата, и какой пунктъ: «чтобъ торжища между Римлянами и Гуннами происходили на равныхъ правахъ и безъ всякаго опасенія.»

ихъ, распяли въ Ѳракійскомъ замкѣ Карсѣ[9]. По заключеніи мира съ Римлянами, приближенные Аттилы и Влиды обратились къ покоренію другихъ народовъ Скиѳіи и завели войну съ Соросгами.

ОТРЫВОКЪ 2-й.

(442 г. по Р. Х. Ѳеод. 35-й).

(Exc. De leg. gent. P. p. 33, 34; B. 140).

Скиѳы во время ярмарки вѣроломно напали на Римлянъ, и многихъ перебили. Римляне отправили къ нимъ посланниковъ и жаловались на взятіе крѣпости и на нарушеніе договоровъ. Скиѳы отвѣчали, что они поступили такимъ образомъ не первые, а что мстили только за обиды, нанесенныя имъ Римлянами; ибо епископъ Маргскій, перешедъ въ земли ихъ, обыскивалъ царскія кладовыя, и унесъ хранившіяся въ нихъ сокровища[10]; что если Римляне не выдадутъ его, а также не выдадутъ, по договору, и переметчиковъ, которыхъ у Римлянъ находилось очень много, то они будутъ дѣйствовать противъ нихъ оружіемъ. Римляне говорили, что эти жалобы были несправедливы. Варвары, утверждаясь на вѣрности своихъ показаній, не заботились о томъ, чтобы подвергнуть такой споръ суду. Они подняли оружіе, перешли Истръ и разорили многіе города и замки, лежащіе на берегу этой рѣки. Они взяли и Виминакій, городъ Мисійскій въ Иллирикѣ[11]. Сіи дѣйствія варваровъ заставили многихъ Римлянъ говорить, что надлежало выдать епископа Скиѳамъ, дабы изъ-за одного человѣка не навлечь бѣдствій войны на все государство Римское. Епископъ, подозрѣвая, что онъ могъ быть

9. *Карсъ* находился на правомъ берегу Дуная, въ той части Скиѳіи, которая нынѣ называется Добруджей. Карсъ теперь *Кершова* или *Гиршова*, какъ полагаетъ Бёкингъ (Notit. I, c. 36, p. 99 и 447).

10. Напрасно тутъ Амедей Тьерри переводитъ: «s'étant introduit clandestinement dans *la sépulture* des rois huns, en avait pillé les trésors». (Hist. d'At. I, 59, 60). Хотя Θῆκαι значитъ между прочимъ и *гробницы*, но связь рѣчи не допускаетъ тутъ этого значенія.

11. *Виминацій* (Viminacium, Βιμινάκιον) древній городъ, лежавшій на Дунаѣ между двумя притоками его Млавой и Пекомъ или Ипекомъ.

выданъ Скиѳамъ, тайно отъ жителей Марга перешелъ къ Скиѳамъ, и обѣщалъ сдать имъ этотъ городъ, если цари ихъ изъявятъ ему свою благосклонность. Они дали слово сдѣлать ему много добра, если онъ исполнитъ свое обѣщаніе. Съ обѣихъ сторонъ даны руки и клятвы въ вѣрности. Епископъ возвратился въ Римскую землю съ многочисленною толпою варваровъ, и поставилъ ихъ въ засаду противъ самаго берега рѣки. Ночью, по условленному знаку, онъ поднялъ варваровъ, которые и завладѣли городомъ съ его помощію. Маргъ былъ такимъ образомъ раззоренъ, а могущество варваровъ возросло послѣ того еще болѣе [12].

ОТРЫВОКЪ 3[й].

(442 г. по Р. Х. Ѳеод. 35-й).

(Тамъ же P. p. 34; B. 141).

При Ѳеодосіи младшемъ Аттила, царь Унновъ, собралъ свое войско и отправилъ письмо къ царю Римскому съ требованіемъ, чтобы немедленно выданы были переметчики и выслана была дань (подъ предлогомъ настоящей войны ему не пересылали ни переметчиковъ, ни дани), и чтобъ отправлены были къ нему посланники для переговоровъ о платежѣ дани на будущее время. Аттила объявлялъ притомъ, что если Римляне замѣшкаютъ, или будутъ готовиться къ войнѣ, то и онъ не захочетъ болѣе удерживать Скиѳское войско отъ нападенія. По прочтеніи письма Аттилы, совѣтъ царскій объявилъ, что Римляне не выдадутъ прибѣгшихъ подъ ихъ покровительство людей, но вмѣстѣ съ ними примутъ войну; что впрочемъ будутъ отправлены къ Аттилѣ посланники для прекращенія споровъ. Раздраженный отвѣтомъ Римлянъ, Аттила сталъ опустошать Римскія земли, срылъ нѣсколько замковъ и подступилъ къ обширному и многолюдному городу Ратіаріи [13].

---

12. «О мнимо похищенныхъ сокровищахъ дальше и помину нѣтъ; кажется это былъ одинъ только поводъ возобновить войну», замѣчаетъ Клеммъ Attila, 142.

13. *Раціарія* (Ratiaria, Ῥατιάρια), г. на Дунаѣ пониже Виминація. Это то страшное опустошеніе Иллирика и Ѳракіи, во время котораго взяты были, по словамъ Ѳеофана, всѣ города и крѣпости этихъ странъ, кромѣ Адріанополя и Иракліи (др. Перинѳа). Theoph. B. 158, 159.

ОТРЫВОКЪ 4[й].

(Exc. De leg. Rom. P. p. 48; B. p. 169).

Θеодосій [14] отправилъ къ Аттилѣ посланникомъ Синатора, изъ бывшихъ консуловъ [15]. Несмотря на званіе посланника, онъ не осмѣлился ѣхать къ Уннамъ сухимъ путемъ, но отправился Понтомъ [16], къ городу Одиссу [17], гдѣ находился и посланный туда прежде полководецъ Θеодулъ.

---

14. Карлъ Мюллеръ между 3-мъ и 4-мъ отрывками Приска (по его изданію) помѣщаетъ небольшой отрывокъ, найденный имъ въ Лѣтописи Пасхальной подъ 459 г. (Chron. P. B. p. 588). Мюллеръ не рѣшаетъ, въ самомъ ли дѣлѣ лѣтопись заимствовала этотъ отрывокъ изъ Приска, какъ она это утверждаетъ, или нѣтъ. За неимѣніемъ въ настоящее время полнаго Приска, невозможно опредѣлить, какія именно свѣдѣнія лѣтопись изъ него заимствовала. Но довольно бѣглаго чтенія ужъ одного перевода, чтобъ убѣдиться изъ склада ума лѣтописца, изъ одной послѣдовательности предложеній, что это изложеніе не Приско. Что касается до языка, то слова χαροῦχα, ἐχόλεσε [У Θеофана ἐχόλανεν (I, 149, B.)], выраженіе ἐποίησεν αὐτὸν κληρικόν, частое повтореніе союза καὶ—все это неологизмы, Греческимъ писателямъ времени II. вовсе не свойственные. Навѣрное можно сказать, что приводимыя тутъ свѣдѣнія взяты изъ писателя, предшествующаго VII вѣку, потому что они въ томъ же почти видѣ, какъ въ Лѣтописи Пасхальной, повторены и Θеофаномъ (Theoph. B. I, 148, 149) и Малалою (Mal. B. p. 361), и отчасти Суидою (подъ словами Κῦρος и Θεοδόσιος ὁ Μικρός). Можетъ быть нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній принадлежатъ Приску, такъ какъ это утверждается лѣтописью: то однакожъ несомнѣнно, что у П. не могли эти свѣдѣнія быть въ томъ видѣ, въ какомъ являются они въ лѣтописи. Вотъ переводъ отрывка: «объ этой войнѣ (т. е. Аттилы) писалъ ученый Прискъ, Ѳракіецъ. Онъ говоритъ, что въ Константинополѣ префектомъ городскимъ назначенъ былъ Киръ. Выѣхалъ онъ въ колесницѣ префектовъ преторійскихъ, по этому званію своему; а уѣхалъ въ колесницѣ префектовъ городскихъ. Четыре года имѣлъ онъ объ власти, потому что былъ очень честенъ. Онъ-то придумалъ вечернее и ночное освѣщеніе въ мастерскихъ. Цѣлый день на ристалищѣ партіи восклицали: «Константинъ построилъ, Киръ возобновилъ». Раздосадованный этими кликами, государь описалъ его имѣніе въ казну, перевелъ его въ духовный санъ, и послалъ епископомъ въ Сирію, въ Азію» и проч.

15. Сенаторъ былъ консуломъ въ 436 году. Нельзя съ точностью опредѣлить, къ какому году относится это посольство. Валезій съ правдоподобіемъ полагаетъ, что оно должно быть помѣщено передъ Херсонисскою битвой. См. от. Б. М.

16. Т. е. Понтомъ Эвксинымъ или Чернымъ моремъ.

17. Ἡ Ὀδησσηνῶν πόλις или ἡ Ὀδησσός, *Одесъ*, городъ съ портомъ на з. берегу Чернаго моря, поселеніе Милитцевъ, лежалъ между Крунами (Κρουνοὶ) и Навлохомъ (Ναύλοχος), къ ю. отъ перваго гор. и къ с. отъ втораго (Strab. L. VII, 6, 1). Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что Одиссъ соотвѣтствуетъ нынѣшней

ОТРЫВОКЪ 5[Ѣ].

(447 по Р. Х.; Θеод. 40[й]).

(Exc. De leg. gent. P. 34, 35; B. 142).

Между Римлянами и Уннами произошло въ Херсонисѣ сраженіе [18], послѣ котораго заключенъ между ними миръ черезъ посланника Анатолія [19], на слѣдующихъ условіяхъ: выдать Уннамъ переметчиковъ и шесть тысячь литръ золота, въ жало-

---

Варнѣ: это окончательно подтвердилось Латинско-Греческою надписью, найденною въ Варнѣ 23 марта 1851 г. Вотъ эта надпись въ томъ видѣ, какъ приведена въ Латинскомъ и Греческомъ текстѣ библіографомъ Андреемъ Попадопуло-Вретó въ изслѣдованіи его, напечатанномъ въ Аѳинахъ въ 1853 г., подъ заглавіемъ Memoria sulla scoperta di Tomi e sulla bilingue iscrizione rinvenuta in Varna (in 8°) и вторично въ его Bulgarie ancienne et moderne, изд. въ СПб. 1856 г. (стр. 206 и 207):

IMP. CAESARE T. AELIO ADRIANO ANTONI
P. P. CIVITAS ODESSITANORVM AQVAM NOVC
XIT. CVRANTE T. VITRASIO POLLIONE LEGA

ΑΓΑΘΗΙ ΤΥΧΗΙ
ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΙ ΚΑΙΣΑΡΙ ΤΙΤΩΙ ΑΙΛΙΩΙ ΑΔΡΙΑΝΩΙ ΑΝΤΩΝ
ΕΥΣΕΒΕΙ ΑΡΧΙΕΡΕΙ ΜΕΓΙΣΤΩΙ ΠΑΤΡΙ ΠΑΤΡΙΔΟΣ ΗΠ. ΟΔ
ΤΩΝ ΚΑΙ ΝΩ ΟΛΚΩ ΤΟΥΔΩΡ ΙΣΗΓΑΓΕΝ ΠΡΟ ΝΟΟΥ ΜΑΙ
ΤΡΑΣΙΟΥ ΠΩΛΛΙΩΝΟΣ ΠΡΕΣΒΕΥΤΟΥ ΚΑΙ ΑΝΤΙΣΤΡΑΤΗΓΟΥ.

Снимокъ съ этой двуязычной надписи поднесенъ этимъ писателемъ нашей Императорской Публичной Библіотекѣ (см. Bulgarie стр. 207). Смотри объясненіе личности упоминаемаго въ надписи Витразія Полліона, П. Беккеромъ, который приводитъ и объясняетъ латинскій текстъ надписи въ Пропилеяхъ Т. IV, стр. 308 [въ статьѣ: Матеріалы для древностей города Томи и сосѣднихъ ему приморскихъ городовъ Понта Эвксинскаго (Одесса 12 Іюля 1853 г.)]. Въ старинныхъ изданіяхъ Приска находимъ въ текстѣ Ὀδυσσηνῶν, что Беккеръ (не нашъ, а Эммануилъ, издатель Приска) или Нибуръ исправилъ въ Ὀδησσηνῶν; и весьма основательно ибо на медаляхъ постоянно читается η, а не υ (Mionnet Descrip. I, 395. Supplém. II, 350); въ наше время это еще подтвердилось и Латинскимъ текстомъ приведенной выше надписи (Odessitanorum).

18. *Въ Херсонисѣ Ѳракійскомъ*, т. е. на томъ полуостровѣ, который выдвигается между Дарданеллами и Сарскимъ заливомъ. Передъ Херсониссскимъ сраженіемъ «возникло новое разворенie на востокѣ, опустошено Гуннами не менѣе 70 городовъ, такъ какъ съ запада не приходило никакой помощи». Prosper. 3. V. 24, приведенный Муральтомъ въ Chronographie Byz. подъ 447 г. По Марцеллину Аттила доходилъ до Ѳермопилъ.

19. Объ Анатоліи еще см. ниже въ отр. 8 и 10.

ванье за прошедшее время[20]; платить ежегодно опредѣленную дань въ двѣ тысячи сто литръ золота[21]; за каждаго Римскаго военноплѣннаго, бѣжавшаго и перешедшаго въ свою землю безъ выкупа, платить двѣнадцать золотыхъ монетъ; если принимающіе его не будутъ платить этой цѣны, то обязаны выдать Уннамъ бѣглеца. Римлянамъ не принимать къ себѣ никакого варвара, прибѣгающаго къ нимъ. Римляне показывали, будто принимали эти условія по доброй волѣ; но одна необходимость, чрезвычайный страхъ, объявшій ихъ правителей, и желаніе мира заставляли ихъ принимать охотно всякое требованіе, какъ бы оно ни было тягостно. Они согласились и на плату дани, которая была самая обременительная, несмотря на то, что доходы и царская казна были истощены не на полезныя дѣла, а на непристойныя зрѣлища, на безразсудную пышность, на забавы и на другія издержки, отъ которыхъ благоразумный человѣкъ и среди счастливѣйшаго состоянія государства долженъ удерживаться, а тѣмъ болѣе должны были удерживаться отъ того люди, которые нерадѣли о дѣлѣ ратномъ и платили дань не только Скиѳамъ, но и прочимъ варварамъ, живущимъ вокругъ Римскихъ владѣній. Царь принуждалъ всѣхъ вносить деньги, которыя, слѣдовало отправить къ Уннамъ. Онъ обложилъ податью даже тѣхъ, которые по приговору суда или по щедротѣ царской, получили временное облегченіе отъ тягостной оцѣнки земли[22]. Положенное количество золота вносили и особы причисленныя къ сенату, выше своего состоянія[23].

---

20. Ὑπὲρ τῶν παλαι συνταξεων ужъ никакъ не значитъ «comme indemnité de ses frais de guerre» (Thier. A. I, 61).

21. Почти столько же, а именно 2,000 литръ обязался платить ежегодно Готамъ имп. Леонтъ, 26 лѣтъ позже этого событія — въ 473 г. (Malch. B. I, 2, 234). Здѣсь кстати исправить, на основаніи современника и дипломата Приска, ошибочное показаніе Ѳеофана (Theoph. I, 139), будто назначенная Аттилою дань простиралась только на 1000 литръ.

22. Или: «получили облегченіе отъ тягостной по времени оцѣнки земли.» Валезій и Дюканжъ (Gloss. gr. κουφισμὸς) говорятъ, что льгота, о нарушеніи которой упоминаетъ здѣсь П., именовалась relevatio census, κουφισμός.

23. Ὑπὲρ σφῶν αὐτῶν ἀξίας переводили двояко: Кантокларъ, Нибуръ (Беккеръ) и С. Ю. Дестуниссъ: ultra quam facultates ferre poterant, выше своего со-

Многихъ самое блистательное состояніе ихъ довело до превратностей. Побоями вымогали у нихъ деньги, по назначенію чиновниковъ, на которыхъ возложена была царемъ эта обязанность, такъ что люди издавна богатые выставляли на продажу уборы женъ и свои пожитки. Такое бѣдствіе постигло Римлянъ послѣ этой войны, что многіе изъ нихъ уморили себя голодомъ, или прекратили жизнь, надѣвъ петлю на шею. Въ короткое время истощена была казна; золото и бѣглецы отправлены были къ Уннамъ. Исполненіе сего дѣла поручено было Скоттѣ. Римляне убивали многихъ переметчиковъ, потому что тѣ противились выдачѣ ихъ Скиѳамъ. Въ числѣ ихъ было нѣсколько человѣкъ изъ царскаго рода, которые переѣхали къ Римлянамъ, отказываясь служить Аттилѣ. Сверхъ всего этого Аттила требовалъ еще, чтобъ Асимунтійцы выдали всѣхъ бывшихъ у нихъ военноплѣнныхъ, Римлянъ или варваровъ. Асимунтъ есть крѣпкій замокъ недалеко отъ Иллирика, къ сторонѣ Ѳракіи [24]. Жители его нанесли непріятелю много вреда. Они не защищались со стѣнъ, а, выступая изъ окоповъ, бились съ несчетнымъ множествомъ непріятелей и съ военачальниками, которые пользовались между Скиѳами величайшею славою. Унны, потерявъ надежду завладѣть замкомъ, отступили отъ него. Тогда Асимунтійцы выступили противъ нихъ изъ своихъ укрѣпленій, и погнались за ними далеко отъ своего округа. Когда караульные дали имъ знать, что непріятели проходятъ мимо съ добычею, то они напали на нихъ нечаянно, и отняли захваченную ими у Римлянъ добычу [25]. Уступая непріятелю въ числѣ, Асимунтійцы

стоянія. Валезій и Мюллеръ: in praemium suae dignitatis, за свое (сенаторское) званіе, въ возмездіе за свое (сенаторское) званіе.

24. Присковъ Асимунтъ Ἄσιμοῦς (—ντος) по всей вѣроятности есть тотъ же городъ, который у другихъ названъ Ansamo (Notit. I, c. 37), Anasamo (Tab. Peut. not. I), ἡ Ἄσιμος πόλις, Ἄσημα (Theophyl. n. 2). Можно согласиться съ Бёкингомъ и Шпрунеромъ, что Ἄσιμος лежалъ на нынѣшней Осмѣ, впадающей въ Дунай близъ Никополя (Spruner-Atlas. Bök. Notit. I, c. 37, p. 461). Даже названія Ἄσιμος и Осма сходны.

25. По Нотиціи городъ Ansamo (вѣроятно Присковъ Асимунтъ) обязанъ былъ высылать milites praeventores (Bök. Not. I, c. 37, p. 461). Подобныхъ milites praeventores и superventores находимъ и у Амм. Марц. (18, 9). Описанный здѣсь Приском образъ войны Асимунтійцевъ съ Аттилою поясняетъ, какъ нельзя

превышали его мужествомъ и отвагой. Въ этой войнѣ они истребили множество Скиѳовъ; а множество Римлянъ освободили и принимали къ себѣ бѣжавшихъ отъ непріятелей. Тогда Ат, тила объявилъ, что не выведетъ своихъ войскъ изъ Римскихъ областей и не утвердитъ мирнаго договора, пока Римляне, бѣжавшіе къ Асимунтійцамъ, не будутъ ему выданы, или не будетъ заплачена за нихъ цѣна, и пока не будутъ Асимунтійцами освобождены Скиѳы, уведенные ими въ плѣнъ. Противорѣчить Аттилѣ не былъ въ состояніи ни посланникъ Анатолій, ни Ѳеодулъ, начальникъ находившагося во Ѳракіи войска. Никакими разсужденіями не могли они убѣдить варвара отказаться отъ своихъ требованій, когда онъ положился на свои силы и готовъ былъ поднять оружіе; а между тѣмъ сами упали духомъ въ слѣдствіе прежняго пораженія. Они писали къ Асимунтійцамъ и приказывали имъ или выдать убѣжавшихъ къ нимъ Римскихъ военноплѣнниковъ, или за каждаго изъ нихъ платить по двѣнадцати золотыхъ монетъ, а военноплѣнныхъ Гунновъ освободить. Асимунтійцы, получивъ письмо, отвѣчали, что убѣжавшихъ къ нимъ Римлянъ они освободили, а пойманныхъ въ плѣнъ Скиѳовъ истребили; что они еще удерживали у себя двоихъ, потому, что непріятели во время осады ихъ за́мка, поставивъ засаду, увели нѣкоторыхъ мальчиковъ, пасшихъ стада передъ за́мкомъ, что если не получатъ ихъ обратно, то не возвратятъ тѣхъ, которыхъ они взяли по праву войны. Когда посланные къ Асимунтійцамъ принесли такой отвѣтъ, то царь Скиѳскій и Римскіе начальники согласились въ томъ, что надлежало отыскать мальчиковъ, похищенныхъ по показанію Асимунтійцевъ. Они никого не отыскали, и Асимунтійцы возвратили бывшихъ у нихъ варваровъ, послѣ того, какъ Скиѳы поклялись, что у нихъ тѣхъ мальчиковъ не было. Асимунтійцы также поклялись, что убѣжавшіе къ нимъ Римляне были ими освобождены. Они въ этомъ поклялись, хотя у нихъ и были нѣкоторые Римляне; но они не считали преступленіемъ божиться ложно, для спасенія людей своего племени.

лучше, военный терминъ Нотиціи и Амміана — milites praeventores; это были застрѣльщики, и вообще летучіе отряды, ловкіе на вылазки.

ОТРЫВОКЪ 6й.

(447 по Р. Х.; Ѳеод. 40-й).

(Тамъ же: P. 36, 37; B. 145).

Вслѣдъ за заключеніемъ мира, Аттила отправилъ посланниковъ въ Восточную Имперію, требуя выдачи переметчиковъ. Посланники были приняты, осыпаны подарками и отпущены съ объявленіемъ, что никакихъ переметчиковъ у Римлянъ не было. Аттила послалъ опять другихъ посланниковъ. Когда и эти были одарены, то отправлено было третье посольство, а послѣ него и четвертое. Аттила, зная щедрость Римлянъ, зная, что они оказывали ее изъ опасенія, чтобъ не былъ нарушенъ миръ, — кому изъ своихъ любимцевъ хотѣлъ сдѣлать добро, того и отправлялъ къ Римлянамъ, придумывая къ тому разные пустые причины и предлоги. Римляне повиновались всякому его требованію; на всякое съ его стороны понужденіе смотрѣли, какъ на приказъ повелителя. Не съ нимъ однимъ боялись они завести войну, но страшились и Парѳянъ, которые дѣлали приготовленія къ войнѣ, и Вандиловъ, безпокоившихъ ихъ на морѣ, и Исавровъ, которые возставали для грабежей, и Саракиновъ, дѣлавшихъ набѣги на восточные края державы, и Эѳіопскихъ народовъ, соединявшихся противъ нихъ. Посему уничиженные Римляне, Аттилу ласкали, а противъ другихъ народовъ дѣлали приготовленія, набирали воиновъ, назначали вождей.

ОТРЫВОКЪ 7й.

(448 г. по Р. Х.; Ѳеод. 41).

(Тамъ же: P. 37, 38; B. 146).

Въ Византію прибылъ опять посланникъ Аттилы. Это былъ Эдиконъ, Скиѳъ, отличавшійся великими военными подвигами. Вмѣстѣ съ нимъ былъ и Орестъ Римлянинъ, житель Пеонской области, лежащей при рѣкѣ Сатѣ, и состоявшей тогда подъ властію Аттилы, въ слѣдствіе договора, заключеннаго съ Аэтіемъ,

полководцемъ Западныхъ Римлянъ[26]. Эдиконъ былъ представленъ царю и вручилъ ему грамоты Аттилы, въ которыхъ царь Скиѳскій жаловался на Римлянъ за невыдачу бѣглыхъ. Онъ грозилъ противъ нихъ вооружиться, если бѣглецы не будутъ ему выданы, и если Римляне не перестанутъ обработывать завоеванную имъ землю. Эта земля въ длину простиралась по теченію Истра отъ Пеоніи до Новъ Ѳракійскихъ[27], а въ ширину на пять дней пути. Аттила требовалъ притомъ, чтобъ торгъ въ Иллирикѣ происходилъ не по прежнему на берегу Истра, но въ Наиссѣ[28], который полагалъ онъ границею Скиѳской и Римской земли, какъ городъ имъ раззоренный. Онъ отстоитъ отъ Истра на пять дней пути для добраго пѣшехода[29]. Аттила требовалъ при томъ, чтобъ для переговоровъ съ нимъ о дѣлахъ еще не рѣшеныхъ, отправлены были къ нему посланники, люди не простые, но самые значительные изъ имѣвшихъ консульское достоинство; что если Римляне боятся прислать ихъ къ нему, то онъ самъ перейдетъ въ Сардику для принятія ихъ[30]. Царь прочелъ грамоту Аттилы, а Вигила перевелъ ему все то, что

---

26. *Пеонскою областью, Пеоніею* (ἡ Παιόνων χώρα, ἡ Παιονία) Греческіе писатели называютъ Паннонію, т. е. нынѣшнюю Славонію, ю. з. часть Венгріи (въ углу, образуемомъ Дунаемъ), часть собственной Австріи и можетъ быть Кроаціи. Впрочемъ въ IV и V вѣкѣ она лежала между Савой и Дравой, и послѣднею рѣкою отдѣлялась отъ Норика (Zos. II, 214, 8., Notit. II, 10, 142—146). Σάος (ὁ) такъ называютъ нѣкоторые Греческіе писатели р. Саву.

27. *Новы Ѳракійскія* помѣщаетъ Бёкингъ (Notit. I, 468) къ в. отъ Бласкова въ 3 миляхъ отъ Рущука: нынѣ тутъ нѣтъ ни города, ни деревни.

28. Наиссъ, Ναϊσσός, на р. Нишавѣ, впадающей въ Мораву, въ префектурѣ Иллирійской, въ провинціи Дакіи Средиземной, нынѣ Нишъ или Ниссa (въ Софійскомъ санджакѣ). Наиссъ, отчизна великаго Константина, имѣлъ въ эпоху Нотиціи оружейный заводъ; нынѣ малый городокъ съ Греческимъ епископомъ (Notit. I, c. 10;—Tafel Symb. p. 12).

29. На основаніи этого мѣста можемъ приблизительно провести границу между державой Аттилы и Восточной Имперіей на градусъ къ ю. отъ Дуная между Моравой (др. Маргомъ) и Янтрой (др. Ятромъ). О прочихъ границахъ Аттилина владѣнія нельзя сказать ничего опредѣлительнаго, не смотря на попытки многихъ ученыхъ (см. прим. 67)

30. *Сардика* (Σαρδική, Σερδική = Τριαδίτζα — Taf. Symb. p. 41) нынѣ Софія, главный городъ всего эялета Румилійскаго, лежащій недалеко отъ верховьевъ Искера (средневѣковаго Иска).

Эдиконъ объявилъ изустно по приказанію Аттилы. Эдиконъ вышелъ изъ дворца вмѣстѣ съ ними, и посѣщалъ другіе домы; между прочимъ пришелъ и къ царскому щитоносцу[31] Хрисафію, какъ человѣку, имѣвшему величайшую силу. Эдиконъ былъ изумленъ пышностію царскихъ домовъ, и когда вступилъ въ разговоръ съ Хрисафіемъ, то Вигила переводя его слова, говорилъ, что Эдиконъ превозноситъ царскій дворъ и восхищенъ богатствомъ Римлянъ. Хрисафій замѣтилъ тогда, что онъ можетъ владѣть большимъ богатствомъ и имѣть золотомъ крытый домъ, если оставитъ Скиѳовъ и пристанетъ къ Римлянамъ. Эдиконъ отвѣчалъ, что слугѣ не позволено это сдѣлать безъ позволенія своего господина. Евнухъ спросилъ тогда Эдикона: имѣетъ ли онъ всегда свободный доступъ къ Аттилѣ, и какою силою пользуется между Скиѳами. Эдиконъ отвѣчалъ, что онъ близкій человѣкъ къ Аттилѣ, и что ему, вмѣстѣ съ другими значительнѣйшими Скиѳами, ввѣряется охраненіе царя, что каждый изъ нихъ по очереди въ опредѣленные дни держитъ при немъ вооруженный караулъ. Послѣ того евнухъ сказалъ, что если Эдиконъ дастъ ему клятву въ сохраненіи тайны, то онъ объявитъ ему о дѣлѣ, которое составитъ его счастіе, но что на то нужно имъ свободное время и оно будетъ у нихъ, если Эдиконъ придетъ къ нему на обѣдъ безъ Ореста и безъ другихъ посланниковъ. Эдиконъ обѣщалъ это исполнить, и пріѣхалъ къ евнуху на обѣдъ. Здѣсь они подали другъ другу руку и поклялись чрезъ переводчика Вигилу, Хрисафій въ томъ, что онъ сдѣлаетъ предложеніе не ко вреду Эдикона, но къ бо̀льшему его счастію, а Эдиконъ въ томъ, что никому не объявитъ предложенія, которое будетъ ему сдѣлано, хотя бы оно и не было приведено въ исполненіе. Тогда евнухъ сказалъ Эдикону, что если онъ по пріѣздѣ въ Скиѳію убьетъ Аттилу, и воротится къ Римлянамъ, то будетъ жить въ счастіи и имѣть великое богатство. Эдиконъ обѣщался и сказалъ, что на такое дѣло нужно денегъ немного — только пятьдесятъ литръ золота, для раздачи состоящимъ подъ начальствомъ его людямъ, для того, чтобы они вполнѣ содѣйствовали ему въ нападеніи на Аттилу. Евнухъ обѣщалъ немедленно

31. Ὑπασπιστής.

выдать ему деньги. Эдиконъ сказалъ тогда, что надлежало его отпустить для донесенія Аттилѣ объ успѣхѣ посольства, что вмѣстѣ съ нимъ нужно было отправить Вигилу для полученія отъ Аттилы отвѣта на счетъ требуемыхъ бѣглецовъ, что черезъ Вигилу онъ увѣдомитъ Хрисафія, какимъ образомъ надлежало переслать къ нему золото, потому что по возвращеніи его, Аттила съ любопытствомъ будетъ разспрашивать его, равно какъ и другихъ посланниковъ, какіе подарки получилъ онъ отъ Римлянъ, и сколько дано ему денегъ, и тогда онъ не будетъ имѣть возможности скрыть то золото отъ спутниковъ своихъ. Евнуху показалась благоразумною эта мѣра предосторожности: онъ согласился съ мнѣніемъ Эдикона, послѣ угощенія отпустилъ его, и донесъ царю о своемъ замыслѣ. Царь призвавъ магистра Мартіалія, сообщилъ ему то, что было условлено съ Эдикономъ. Дать знать о томъ Мартіалію было необходимо, по званію его. Магистръ участвуетъ во всѣхъ совѣтахъ царя, потому что ему подчинены вѣстники, переводчики и воины, охраняющіе царскій дворъ[32]. Посовѣтовавшись между собою, они рѣшились отправить къ Аттилѣ не только Вигилу, но и Максимина, въ званіи посланника.

ОТРЫВОКЪ 8й.

(448 г. по Р. Х.; Ѳеод. 41-й).

(Exc. De leg. Rom. P. 47—71; B. 169—212).

Евнухъ Хрисафій убѣждалъ Эдикона умертвить Аттилу[33].— Царь Ѳеодосій и магистръ Мартіалій, посовѣтовавшись между

32. Изъ этого описанія обязанностей магистра видно, что Марціалій былъ magister officiorum—μάγιστρος τῶν ὀφφικίων. На основаніи Нотиціи подъ начальствомъ магистра оффицій состояли: 1) придворныя роты, scholae (откуда самые воины назывались scholarii, σχολάριοι; 2) придворные факельщики — lampadarii, λαμπαδάριοι; 3) четыре канцеляріи—scrinia; 4) церемоніймейстерская часть—officium admissionum; 5) оружейные заводы — fabricae. Штатъ его (officium) состоялъ изъ: 1) помощниковъ — adjutores, 2) подпомощниковъ — subadjuvae, 3) главнаго ревизора—curiosus cursus publici, 4) областныхъ ревизоровъ—curiosi per omnes provincias [Другіе объясняютъ: завѣдывающіе путями сообщенія] и 5) переводчиковъ—interpretes omnium gentium. Только magister officiorum и praefecti praetorii изо всѣхъ сановниковъ имперіи имѣли право и сами ѣздить по надобностямъ государственнымъ, и другихъ отправлять, на казенный счетъ (ipse emittit, Notit. I, c. 10).

33. Хрисафій дѣлалъ изъ Ѳеодосія II, что ему вздумается. Это тотъ самый сановникъ, который отъ патріарха Константинопольскаго Флавіана требовалъ за

собою по сему предмету, рѣшились отправить къ Аттилѣ посланникомъ Максимина, а не одного Вигилу. Подъ видомъ, что состоитъ въ званіи переводчика, Вигила имѣлъ порученіе сообразоваться съ волею Эдикона. Максиминъ, ничего незнавшій о томъ, что было ими замышляемо, долженъ былъ представить Аттилѣ царское письмо. Царь извѣщалъ его, что Вигила былъ только переводчикомъ, что Максиминъ, человѣкъ знатнаго происхожденія и самый близкій къ царю, былъ достоинствомъ выше Вигилы. За тѣмъ царь писалъ къ Аттилѣ, чтобъ онъ не нарушалъ мирнаго договора нашествіемъ на Римскія области; еще сообщалъ онъ, что сверхъ выданныхъ прежде бѣглецовъ, посылаетъ къ нему семьнадцать человѣкъ, и увѣрялъ, что у Римлянъ не было другихъ бѣглыхъ изъ областей Аттилы. Таково было содержаніе письма. Сверхъ того Максимину было предписано объявить Уннскому государю изустно, что онъ не могъ требовать, чтобъ къ нему были отправляемы посланники высшаго достоинства; ибо этого не бывало ни при его предкахъ, ни при другихъ начальникахъ Скиѳской земли; что званіе посланника всегда отправлялъ какой нибудь воинъ или вѣстникъ; что для разрѣшенія всѣхъ недоразумѣній надлежало отправить къ Римлянамъ Онигисія, потому что не было прилично, чтобъ Аттила, въ сопровожденіи Римлянина, имѣющаго консульское достоинство, прибылъ въ разрушенный уже городъ Сардику [34].

Максиминъ убѣдительными просьбами заставилъ меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ. Мы пустились въ путь въ сопровожденіи варваровъ и пріѣхали въ Сардику, городъ отстоящій отъ Константинополя на тринадцать дней пути для добраго пѣшехода. Остановившись въ этомъ городѣ, мы заблагоразсудили пригласить къ столу Эдикона и бывшихъ съ нимъ варваровъ. Жи-

---

назначеніе его на патріаршую каѳедру — золотое благословеніе, т. е. взятку; который царевну Евдокію хотѣлъ поставить діакономъ; который, въ 441 г., созвалъ такъ называемый разбойничій Эфесскій соборъ, на которомъ по суду преданныхъ ему тварей, замучилъ нѣсколько праведныхъ мужей, и въ томъ числѣ патріарха Флавіана, (см. Theopha. I, 150—160. B).

34. «Au demeurant, l'occasion parut favorable pour se montrer fier et Romain vis-à-vis d'un ennemi que l'on ne craindrait bientôt plus». (Thier. At. I, 73).

тели Сардики доставили намъ барановъ и быковъ, которыхъ мы закололи. За обѣдомъ во-время питья, варвары превозносили Аттилу, а мы — своего государя. Вигила замѣтилъ, что не было прилично сравнивать божество съ человѣкомъ; что Аттила человѣкъ, а Ѳеодосій божество. Унны слышали эти слова и понемногу разгорячаемые — раздражались. Мы обратили рѣчь къ другимъ предметамъ, и успокоили ихъ гнѣвъ ласковымъ обхожденіемъ, а послѣ обѣда, Максиминъ задобрилъ Эдикона и Ореста подарками — шелковыми одеждами и драгоцѣнными каменьями [35]. Подождавъ удаленія Эдиконова, Орестъ сказалъ Максимину: что онъ почиталъ его человѣкомъ благоразумнымъ и отличнымъ, потому что не впалъ въ ошибку, въ которую впали другіе царедворцы, безъ него угостившіе Эдикона и почтившіе его подарками. Бывъ въ невѣдѣніи о томъ, что происходило въ Константинополѣ, мы нашли слова Ореста непонятными. Мы спрашивали его: какимъ образомъ и въ какое время оказано было ему пренебреженіе, а Эдикону особенныя почести? Но Орестъ ушелъ, не давъ никакого отвѣта. На другой день, дорогою, мы пересказали Вигилѣ слова Ореста. Вигила замѣтилъ, что Оресту не слѣдовало сердиться за то, что ему не были оказаны почести такія же, какія и Эдикону; ибо Орестъ былъ домочадецъ и писецъ Аттилы, а Эдиконъ, какъ человѣкъ на войнѣ знаменитый и природный Уннъ далеко превышалъ Ореста. Ви-

---

35. Такъ какъ шолкъ вывозился въ древности изъ отдаленной восточной области Сирики (Σηρικὴ, Serica), то и самый шолкъ называется σηρικὸν. Драгоцѣнныя каменья преимущественно вывозились изъ Индіи. Поэтому Приссковы выраженія: «Сирическія одежды и Индійскія каменья» равносильны выраженіямъ: «шолковыя одежды и драгоцѣнныя каменья». [Отчего у Венелина тутъ «Индійскій жемчугъ?» Ист. Кр. Ив. I, 112). Отчего у Тьерри «un beau vetement de soie brochée, garni de perles de l'Inde?» (Th. A. I, 76)]. Сирическія или шолковыя одежды были предметомъ роскоши и цѣнились гораздо дороже, чѣмъ нынѣ. За полвѣка до повѣствуемаго здѣсь факта находимъ другой, подобный ему, свидѣтельствующій о той высокой цѣнности, какую имѣли шолковыя одежды, особенно въ глазахъ варварскихъ полководцевъ. Въ началѣ V в., когда Аларихъ морилъ голодомъ вѣчный Римъ, жители этой столицы, кромѣ 5000 литръ золота, между разными дорогими предметами обязались выдать ему 4000 шелковыхъ хитоновъ (Zosim. l. V. c. 41. p. 623). — Соотвѣтствовала ли Сирика сѣверо-западной части Китая, а именно провинціи Шаньси, какъ утверждаютъ нѣкоторые ученые — предоставляю рѣшить другимъ.

гила послѣ того, поговоривъ съ Эдикономъ наединѣ[36], объявилъ намъ, вправду ли, или притворно, не знаю, — что онъ передалъ Эдикону всѣ слова Ореста; что Эдиконъ пришелъ отъ того въ ярость, которую онъ, Вигила, насилу могъ укротить[37].

Мы прибыли въ Наиссъ и нашли этотъ городъ безлюднымъ и разрушеннымъ непріятелями[38]. Лишь немногіе жители, одержимые болѣзнями, укрывались въ священныхъ обителяхъ. Мы остановились поодаль отъ рѣки, на чистомъ мѣстѣ, а по берегу ея все было покрыто костями убитыхъ въ сраженіи[39]. На другой день мы пріѣхали къ Агинеею, предводителю стоявшихъ недалеко отъ Наисса Иллирійскихъ войскъ, для объявленія ему царскаго повелѣнія, и для полученія отъ него пяти человѣкъ бѣглыхъ, изъ числа семьнадцати, о которыхъ было упомянуто въ письмѣ къ Аттилѣ. Мы вступили съ нимъ въ сношенія и объявили ему, чтобъ онъ выдалъ Уннамъ пятерыхъ перемет-чиковъ. Агинеей выдалъ намъ бѣглыхъ, утѣшивъ ихъ ласковыми словами.

Мы провели тутъ ночь, и изъ предѣловъ Наисса обратились къ рѣкѣ Истру. Мы вступили въ мѣсто, осѣненное деревьями и образующее много извилинъ и оборотовъ. Здѣсь, на разсвѣтѣ, когда мы думали, что идемъ къ западу, представилось глазамъ нашимъ восходящее солнце. Многіе изъ нашихъ спутниковъ, незнавшіе

---

36. «Поговоривъ съ Едиконом наединѣ» кажется мнѣ вѣрнѣе, чѣмъ «patrio sermone Edeconem affatus», какъ переводятъ это мѣсто всѣ Латинскіе переводчики, а за ними Венелинъ и Тьерри.

37. Венелинъ совсѣмъ не понялъ этого мѣста. Вотъ его переводъ: «Вигила обратился къ Эдикону, и говорилъ съ нимъ на его отечественномъ языкѣ, послѣ опять къ намъ, утверждая, что (правда ли или ложь не знаю) онъ сказанное нами повторилъ Эдикону, а послѣ *на насъ* такъ *разсердился*, что едва, съ великимъ трудомъ, можно было его нѣсколько усмирить». (Ист. кр. Из. I, 113). По связи рѣчи у Венелина разсердился Вигила: но за чтожъ ему сердиться, если ему удалось обѣ стороны держать въ рукахъ, и съ какой стати ему сердиться на своего начальника, который, по незнанію замысла, былъ его орудіемъ. Венелинъ тутъ былъ введенъ въ заблужденіе Страттеромъ (I, 495), который повторилъ за Кантокларомъ: «deinde ob ea quae retuleramus in iram versus, vix ipsum ad ullam animi aequitatem revocare potuimus» (P. 49).

38. О *Наиссѣ* или *Нишѣ* см. пр. 28.

39. Это рѣка *Нишава*, какъ вѣрно замѣтилъ Венелинъ (ст. 113).

положенія мѣстъ, вскрикнули отъ удивленія, — какъ будто бы солнце шло противъ обыкновеннаго теченія своего и представляло явленіе, противное естественному! Но по причинѣ неровности мѣста та часть дороги обращена была къ востоку. Прошедъ это трудное мѣсто, мы вышли на равнину, которая была болотиста. Здѣсь перевозчики изъ варваровъ приняли насъ на однодеревки, которые выдалбливаются ими изъ срубленнаго лѣса. Они перевезли насъ черезъ рѣку [40]. Эти челноки не для насъ были приготовлены. На нихъ были перевезены попавшіеся намъ на дорогѣ множество варваровъ, потому что Аттила хотѣлъ переѣхать въ Римскую землю, какъ будто бы для того, чтобъ охотиться. Въ самомъ же дѣлѣ онъ дѣлалъ приготовленія къ войнѣ [41], подъ тѣмъ предлогомъ, что не всѣ бѣглецы были ему выданы.

За Истромъ мы ѣхали вмѣстѣ съ варварами около семидесяти стадій [42], и были принуждены остановиться на равнинѣ, пока Эдиконъ и его товарищи не донесли Аттилѣ о нашемъ прибытіи Вмѣстѣ съ нами остановились и препровождавшіе насъ варвары. Поздно вечеромъ, какъ мы стали ужинать, услышали топотъ скачущихъ въ нашу сторону коней. Два Скиѳа подъѣхали къ намъ и объявили приказъ ѣхать къ Аттилѣ. Мы просили ихъ поужинать съ нами. Они сошли съ коней, и ѣли

---

40. *Истръ* или *Дунай*.

41. Это мѣсто ясно: Аттила прикрывалъ походъ охотою. Но Вонелинъ, слѣдуя своей системѣ и увлекаясь желаніемъ похвалить Аттилу, переводитъ вотъ какъ: «кажется, что А выступалъ въ походъ такъ легко, какъ на охоту». Нѣтъ, не въ духѣ Приска фразировать: онъ передаетъ фактъ, характеризующій Азіатца. Баязидъ почти тысячу лѣтъ позже вступаетъ въ Фокиду подъ видомъ, что Фокейскій (Салонскій) архіерей пригласилъ его въ свою епархію поохотиться, а на дѣлѣ — покорилъ тотъ край (Chalc. B. p. 67, 68). Тьерри, послѣ интереснаго сближенія охоты и войны у кочевниковъ, прибавляетъ основательно: «Attila s'en servait au besoin (охоту употреблялъ) pour masquer des campagnes plus sérieuses: en se moment, il venait de proclamer une chasse; mais ce qu'il méditait réellement, c'etait une expédition militaire dans les villes (до сихъ поръ хорошо; а дальше?) *de la Pannonie*. Очень нужно было Аттилѣ переходить черезъ Дунай на ю. по пути къ Сардикѣ, чтобъ покорить Панноніо, которая лежала совсѣмъ не тамъ, и которая давно отдана была ему Аэціемъ. (Ср. Приска выше отр. 7 и наши прим. 26 и 29).

42. 12 верстъ съ чѣмъ-то.

съ нами, съ удовольствіемъ. На другой день они были нашими путеводителями. Къ девяти часамъ дня [43], мы прибыли къ шатрамъ Аттилы: ихъ было у него много. Мы хотѣли разбить свои шатры на одномъ холмѣ; но попавшіеся намъ на встрѣчу варвары запретили это дѣлать, говоря, что шатеръ Аттилы стоитъ на низменномъ мѣстѣ. Мы остановились тамъ, гдѣ намъ было назначено Скиѳами [44]. [45].

43. По нашему счету въ 3 часа по полудни.

44. Причарду это напоминаетъ *курюкъ* Турскихъ государей: Maximin was forbidden to hitch his tent in a *pleasent valley* (?), lest he should infringe on the reverence due to the supreme chief, an observance recalling the kuruk of the Turkisch princes. Но курюкъ, сколько намъ извѣстно, состоящій въ томъ, чтобъ разгонять публику при проѣздѣ владыки, не имѣетъ, кажется, сходства съ довольно общимъ всѣмъ народамъ требованіемъ, какое выражаютъ здѣсь Гунны, чтобъ былъ оказанъ почетъ ихъ государю, чтобъ шатеръ Римскаго подданнаго былъ раскинутъ ниже шатра Гуннскаго повелителя. Пусть разберутъ оріенталисты.

45. Путь изъ Наисса къ мѣстопребыванію Аттилы лежалъ не на с. з., какъ утверждаетъ А. Тьерри (Т. I, стр. 78), а на с. в., какъ справедливо замѣчаетъ Венелинъ. Выпишемъ и разберемъ указанія Венелина. «Еще не рѣшено, говоритъ «онъ, куда и гдѣ именно переправлялись черезъ Дунай наши путешественники. «Стриттеръ намекаетъ вмѣстѣ съ Кантокларомъ въ его замѣчаніяхъ на Приска, «что они переправились чрезъ Дунай въ Молдавію, и ѣхали по оной къ с. Но это «несправедливо, продолжаетъ Венелинъ: отъ Ниссы они взяли направо, т. е. къ «с. в. чрезъ Нисскія горы (?) по ближайшему пути къ Дунаю, чрезъ который пе«реправились въ *Малую* нынѣшнюю *Валахію*». (См. Ист. кр. Из. с. 121). Принявъ слово ὀρίων за омонимическое почти ὀρέων, Венелинъ ошибкою говоритъ *о переходѣ черезъ Нисскія горы*, когда дѣло идетъ *о выходѣ изъ предѣловъ, изъ округа Ниссы*. [Также переведено въ Латинскихъ переводахъ и у Гизо]. Но это не существенно: направленіе пути Византійской миссіи обозначено имъ вѣрно, почему мы и приведемъ здѣсь его главные доводы съ нашими дополненіями. Первый доводъ: «они не долго пробыли на пути отъ Ниссы къ Дунаю. что не могло быть, «еслибъ они ѣхали прямо къ Бѣлграду». Замѣчаніе Венелина вѣрно. Въ самомъ дѣлѣ лишь только вышли они изъ округа Нисскаго, какъ путь ихъ, по словамъ Приска, сдѣлался чрезвычайно извилистымъ: это, вѣроятно, та мѣстность, которая на картѣ Киперта названа Вратанницей - планиной. Тамъ застало ихъ утро: прошедъ этотъ лабиринтъ вышли они конечно на ту болотистую равнину, которая предшествуетъ Виддину (Itinéraire de la Turquie d'Europe... par Perrot 1855. p. 35). Между Нишемъ (Наиссомъ) и Виддиномъ (на Дунаѣ) считается 96 километровъ (см. тамъ же), т. е. 90 верстъ; отъ границы тогдашняго округа Нишскаго еще меньше; поэтому не мудрено было посольству, которое ѣхало верхомъ, сдѣлать этотъ переѣздъ въ двои сутки. Второй доводъ Венелина: «Если бы ѣхали отъ «Ниссы прямо къ с., то П. упомянулъ бы о р. Моравѣ, съ которой должны были «часто встрѣчаться» (стр. 121). Мы прибавимъ, что такъ какъ отъ Ниша до Бѣлграда 224 километра = 206 верстамъ, то очевидно, что это пространство миссія

Тогда Эдиконъ, Орестъ, Скотта и нѣкоторые изъ важнѣйшихъ Скиѳовъ пришли къ намъ и спрашивали о цѣли нашего посольства. Столь странный вопросъ удивилъ насъ. Мы смотрѣли другъ на друга. Скиѳы, безпокоя насъ, настоятельно требовали, чтобы мы дали имъ отвѣтъ[46]. Мы объявили имъ, что о причинѣ нашего прибытія царь велѣлъ намъ говорить съ Аттилою, а не съ другимъ кѣмъ либо. Скотта съ досадою сказалъ, что они исполняютъ приказаніе своего государя и что не пришли бы къ намъ отъ себя, для удовлетворенія личному любопытству[47]. Мы замѣтили, что не такъ ведется въ посольствахъ, чтобъ посланники, не переговоривъ съ тѣми, къ которымъ они

ѣдвали могла пройти въ двои сутки. Вотъ третій доводъ Венелина: «да и изъ об«щаго направленія пути Византійскаго посольства чрезъ Адріанополь, Софію и «Нишу видно, что оно шествовало прямо въ Венгрію»... «Итакъ лагерь Аттилы за«стали они въ западной части Малой Валахіи, прилежащей къ Банату (Темешвар«скому). Замѣтимъ, продолжаетъ Венелинъ, что страны имѣли тогда не нынѣшнія «границы; ни Баната, ни Валахіи не существовало; страны сіи вверхъ по восточ«ной Венгріи къ с. составляли одну область Аттилы. Посему выраженіе П. въ «*сѣверныя страны* значитъ отъ Дуная изъ Малой Валахіи въ Банатъ и въ Вен«грію. Это подтверждаютъ имена рѣкъ, чрезъ которыя переѣзжали» и т. д. (Тамъ же). Вотъ наконецъ и четвертый доводъ Венелина: «*Онигизій* съ сыномъ Аттилы «находился тогда у Козаръ (по Приску: у Акацировъ), т. е. въ Молдавіи и Ново«россіи. Аттила велѣлъ посланнику дождаться прибытія его (т. е. Онигизія) от«туда; итакъ, если бы они туда ѣхали, то вмѣсто прибытія Онигизія явились бы «къ нему сами, что однако произошло на оборотъ... Посему, дворъ находился дѣй«ствительно въ восточной Венгріи». Я подробно привелъ доводы Венелина, считая ихъ весьма основательными и выдерживающими сличеніе съ текстомъ Пр. и съ мѣстностью.

46. Гизо, принявъ слово ὄχλου въ значеніи *толпы, народа*, заставляетъ Гунновъ поступать съ посланниками такъ грубо, какъ они никогда не поступали: Ils se rassemblèrent en foule et en tumulte pour nous arracher une réponse. У автора нѣтъ ни толпы, ни шума. *С. Д.* [И этотъ невѣрный переводъ произошелъ отъ повторенія Кантакларова перевода: «et quo a nobis responsum elicerent in turbas coire» P. 51.]

47. Здѣсь Французскій переводчикъ даетъ волю воображенію и заставляетъ Гунновъ говорить слѣдующее: «Grecs! nous connaissons bien votre astuce et votre perfidie dans les affaires». Этой выходки нѣтъ у П., который присутствовалъ при конференціи. Скотта, какъ видно изъ этого отрывка, во всѣхъ случаяхъ благопріятствовалъ Римлянамъ: онъ получалъ отъ нихъ подарки. Замѣтимъ еще, что ни Гуннскіе вельможи, ни самъ Аттила, ни въ какомъ случаѣ не теряли уваженія къ характеру посла, что Аттила ругалъ одного Виглу (см. ниже), драгомана посольства, зная его участье въ заговорѣ на свою жизнь. *С. Д.*

отправлены, и, даже не видавъ ихъ, сообщали имъ о цѣли своего посольства посредствомъ другихъ; что это не безъизвѣстно и самимъ Скиѳамъ, которые часто отправляютъ посольства къ царю; что надлежало и намъ пользоваться такими же правами, и что иначе мы не объявимъ, въ чемъ состоитъ цѣль нашего посольства[48]. Тогда Скиѳы уѣхали къ Аттилѣ, и возвратились къ намъ безъ Эдикона. Они пересказали намъ все то, что было намъ поручено сказать Аттилѣ, и совѣтовали уѣзжать скорѣе, если намъ болѣе нечего сказать. Слова ихъ еще болѣе изумили насъ, потому что мы не могли постигнуть, какимъ образомъ обнаружилось то, что въ тайнѣ было постановлено царемъ[49]. Мы разсудили за благо ничего не отвѣчать касательно цѣли нашего посольства, если не получимъ позволенія представиться Аттилѣ. Мы сказали Скиѳамъ: «То ли, что было вами сказано, поручено намъ сообщить государю вашему, или что-либо другое, о томъ долженъ знать онъ одинъ; а съ другими никакимъ образомъ не будемъ мы объ этомъ говорить. Послѣ такого объявленія нашего, они велѣли намъ немедленно уѣхать. Мы собирались къ отъѣзду. Вигила сталъ осуждать данный нами Скиѳамъ отвѣтъ, увѣряя, что лучше было бы намъ быть из-

---

48. У Гизо: «Sans cela le privilège des ambassadeurs serait violé» — это переводъ словъ: μὴ γὰρ ἄλλως τὰ τῆς πρεσβείας ἐρεῖν. *С. Д.* И у Венелина: «вашу хитрость и низость въ дѣлахъ мы знаемъ. Странные переводы или комментаріи, рабски повторяющіе выдумки Кантоклара: «Vestra enim nobis in rebus gerendis astutia et versutia non est incognita» (p. 51; Stritt. I, 497).

49. Въ прежнихъ изданіяхъ П. читается τὰ θεῶν παράβυστα. Въ этомъ несладномъ выраженіи нѣтъ смысла. Нибуръ исправилъ испорченное мѣсто весьма удачно. Онъ читаетъ: τὰ ἐν παραβύστῳ *то что въ тайнѣ*. Такимъ образомъ излишнее слово θεῶν выкинуто. Это испорченное мѣсто заставило Гиббона думать, что П. былъ не Христіанинъ, и съ поэтическою вольностью переводить: «тайны, которыя не могутъ быть извѣстны и самимъ богамъ» — those secrets (says Priscus) which should not be revealed the gods themselves. У Гизо тоже: les projets de l'empereur que les dieux mêmes ne pouvaient pénétrer. [У Венелина: тайныя порученія императора, о коихъ и самые даже боги не могли извѣдать, открыты Аттилѣ (115)]. Конечно странно, какъ Гунны могли узнать данныя Максимину инструкціи, однако эти инструкціи не были таковы, чтобъ и боги не могли ихъ знать. Въ то время о политическихъ дѣлахъ разсуждали въ государственномъ совѣтѣ или сенатѣ, а не въ кабинетѣ государя, какъ нынѣ водится въ Европѣ; слѣдственно данныя Максимину инструкціи могли быть извѣстны хитрому Аттилѣ, который имѣлъ въ Константинополѣ тайныхъ агентовъ. *С. Д.*

обличенными во лжи, нежели возвратиться назадъ безъ всякаго успѣха. Я легко бы убѣдилъ Аттилу, сказалъ Вигила, прекратить несогласія съ Римлянами, когда бы мнѣ удалось поговорить съ нимъ, потому что во время посольства Анатоліева, я былъ съ нимъ коротко знакомъ[50]. Вигила говорилъ это, полагая, что Эдиконъ былъ къ нему благорасположенъ. Подъ предлогомъ истиннымъ или ложнымъ, что онъ хотѣлъ переговорить съ Эдикономъ о дѣлахъ посольства, онъ искалъ случая посовѣтоваться съ нимъ какъ о томъ, въ чемъ они условились между собою противъ Аттилы, такъ равно и о количествѣ золота, въ которомъ, какъ увѣрялъ Эдиконъ, имѣлъ онъ нужду для раздачи извѣстнымъ ему людямъ. Однакожъ Вигила не зналъ, что онъ былъ преданъ Эдикономъ. Обманувъ ли Римлянъ ложнымъ обѣщаніемъ посягнуть на жизнь Аттилы, боясь ли, чтобъ Орестъ не пересказалъ Аттилѣ того, что онъ говорилъ намъ въ Сардикѣ, послѣ угощенія — (когда онъ обвинялъ Эдикона въ свиданіи съ паремъ и съ евнухомъ, тайно отъ него) — Эдиконъ открылъ Аттилѣ составленный противъ него заговоръ, и донесъ ему о количествѣ ожидаемаго отъ Римлянъ золота и о цѣли нашего посольства.

Уже мы вьючили скотину и хотѣли, по необходимости, пуститься въ путь ночью, какъ пришли къ намъ нѣкоторые Скиѳы съ объявленіемъ, что Аттила приказываетъ намъ остановиться по причинѣ ночнаго времени. Къ тому же мѣсту пришли другіе Скиѳы съ присланными къ намъ Аттилою рѣчными рыбами и быкомъ. Поужинавъ, мы легли спать. Когда разсвѣло, мы еще надѣялись, что получимъ отъ варвара какой-нибудь кроткій и снисходительный отзывъ, но онъ прислалъ опять тѣхъ же людей съ приказомъ удалиться, если мы не можемъ сказать ничего другаго, кромѣ того, что ему было уже извѣстно. — Не давъ на то никакого отвѣта, мы готовились къ отъѣзду; между тѣмъ Вигила спорилъ съ нами, утверждая, что намъ надлежало объявить, что у насъ было еще что сказать Аттилѣ. Видя Максимина въ большомъ унынія, я взялъ съ собою Рустикія, который зналъ Скиѳскій языкъ, и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ къ Скоттѣ.

50. Братья Онигисій и Скотта были въ большой силѣ у Аттилы.

Этотъ Рустикій пріѣхалъ въ Скиѳію вмѣстѣ съ нами. Онъ не былъ причисленъ къ нашему посольству, но имѣлъ какое-то дѣло съ Константіемъ, который былъ родомъ Италіянецъ, и который Аэтіемъ, полководцемъ западныхъ Римлянъ, присланъ былъ къ Аттилѣ въ письмоводители. Я и пошелъ съ нимъ къ Скоттѣ, потому что Онигисій былъ тогда въ отсутствіи. Привѣтствовавъ Скотту черезъ Рустикія, котораго я употребилъ вмѣсто переводчика, я объявилъ ему, что онъ получитъ много подарковъ отъ Максимина, если доставитъ ему средство представиться Аттилѣ; что посольство Максимина будетъ полезно, не только Римлянамъ и Уннамъ, но и самому Онигисію, ибо императоръ желаетъ, чтобъ Онигисій былъ отправленъ къ нему посланникомъ для разрѣшенія возникшихъ между двумя народами споровъ, и что, по пріѣздѣ въ Константинополь, онъ получитъ богатѣйшіе подарки. Я говорилъ притомъ Скоттѣ, «что въ отсутствіе Онигисія онъ долженъ оказать свое содѣйствіе намъ, или лучше сказать, брату своему, въ такомъ добромъ дѣлѣ; что какъ мнѣ было извѣстно по слуху, Аттила слушается и его совѣтовъ, но что я не могъ полагаться на одни слухи, если и на опытѣ не узнаю, какую силу имѣетъ онъ при своемъ государѣ».— «Не сомнѣвайтесь, сказалъ Скотта, и я наравнѣ съ братомъ моимъ могу говорить и дѣйствовать при Аттилѣ». И тотчасъ, сѣвъ на коня, поскакалъ къ шатру Аттилы. Я возвратился къ Максимину, который вмѣстѣ съ Вигилою былъ въ крайнемъ безпокойствѣ и унынiи, и пересказалъ ему разговоръ мой со Скоттою и полученный отъ него отвѣтъ. Я совѣтовалъ Максимину приготовить подарки для представленія ихъ варвару и подумать о томъ, что нужно будетъ ему говорить. Услышавъ это, Максиминъ и Вигила, лежавшіе на травѣ, — вскочили на ноги, похвалили мой поступокъ и отозвали своихъ людей, которые пустились-было ужъ въ путь съ вьючными животными. Максиминъ и Вигила разсуждали между собою о томъ, какъ привѣтствовать Аттилу, и какъ поднесть ему подарки отъ себя и отъ царя. Въ то самое время, какъ они о томъ заботились, Аттила призвалъ насъ къ себѣ чрезъ Скотту. Мы вошли въ его шатеръ, охраняемый многочисленною толпою варваровъ. Аттила сидѣлъ на деревянной скамьѣ. Мы стали нѣсколько поодаль

отъ его сѣдалища, а Максиминъ, подошедъ къ варвару, привѣтствовалъ его. Онъ вручилъ ему царскія грамоты и сказалъ: что царь желаетъ здоровья ему и всѣмъ его домашнимъ. Аттила отвѣчалъ: «Пусть съ Римлянами будетъ то, чего они мнѣ желаютъ». За тѣмъ, обративъ вдругъ рѣчь къ Вигилѣ, онъ называлъ его безстыднымъ животнымъ, потому что рѣшился пріѣхать къ нему, зная, что при заключеніи мира между имъ и Анатоліемъ было постановлено посланникамъ Римскимъ не пріѣзжать къ нему, пока всѣ бѣглецы не будутъ выданы Уннамъ. Вигила сказалъ, что у Римлянъ нѣтъ ни одного бѣглаго изъ Скиескаго народа, ибо всѣ они были уже ему выданы. Аттила, воспламенясь гнѣвомъ, еще болѣе ругалъ его и съ крикомъ говорилъ, что онъ посадилъ бы его на колъ и предалъ бы на съѣденіе птицамъ, если бы, подвергая его такому наказанію за его безстыдство и за наглость словъ его, не имѣлъ вида, что нарушаетъ права посольства, ибо перебѣжчиковъ изъ его народа у Римлянъ множество. Онъ велѣлъ секретарямъ прочесть бумагу, въ которой записаны были имена бѣглыхъ.

По прочтеніи всѣхъ именъ, Аттила велѣлъ Вигилѣ выѣхать изъ его земли безъ малѣйшаго замедленія, сказавъ притомъ, что онъ пошлетъ вмѣстѣ съ нимъ Ислу для объявленія Римлянамъ, чтобъ они выдали ему всѣхъ бѣжавшихъ къ нимъ варваровъ, считая съ того времени, какъ Карпилеонъ, сынъ Аэтія, полководца Западныхъ Римлянъ, былъ у него заложникомъ; ибо онъ не позволитъ, чтобъ его рабы дѣйствовали на войнѣ противъ него, хотя они и не могутъ принесть никакой пользы тѣмъ, которые вѣряютъ имъ охраненіе страны своей. «Какой городъ или какой замокъ, говорилъ Аттила, спасли они, когда я рѣшился взять его?» Онъ велѣлъ Вигилѣ иIslѣ объявить Римлянамъ требованіе его о бѣглыхъ, и потомъ возвратиться съ отвѣтомъ: хотятъ ли они выдать ему бѣглецовъ, или принимаютъ за нихъ войну? Нѣсколько прежде велѣлъ онъ Максимину подождать, потому что хотѣлъ чрезъ него отвѣчать царю на то, о чемъ онъ къ нему писалъ, и потребовалъ подарковъ, которые мы и выдали. Возвратившись въ свой шатеръ, мы перебирали между собою сказанное. Вигила казался удивленнымъ, что Аттила, оказавшій ему свою благосклонность и снисхожде-

ніе въ прежнемъ посольствѣ, теперь такъ жестоко ругалъ его. Я сказалъ ему: «Не предубѣдилъ ли противъ тебя Аттилу кто нибудь изъ тѣхъ варваровъ, которые обѣдали съ нами въ Сардикѣ, донесши ему, что ты называлъ царя Римскаго Богомъ, а его, Аттилу, человѣкомъ?» Максиминъ, не имѣвшій никакого понятія о составленномъ евнухомъ противъ Аттилы заговорѣ, принялъ это мнѣніе за правдоподобное. Но Вигила изъявлялъ въ томъ сомнѣніе, и, казалось, не зналъ причины, почему Аттила ругалъ его. Въ послѣдствіи, онъ увѣрялъ насъ, что онъ не подозрѣвалъ тогда, чтобъ были Аттилѣ пересказаны слова, говоренныя въ Сардикѣ, или чтобъ былъ ему открытъ заговоръ; потому что въ слѣдствіе страха, внушаемаго всѣмъ Аттилою, никто изъ посторонніхъ людей не смѣлъ съ нимъ говорить. Вигила при томъ полагалъ, что Эдикону надлежало непремѣнно хранить о томъ молчаніе, какъ по данной клятвѣ, такъ и по неизвѣстности того, что могло послѣдовать; ибо бывъ обвиненъ, какъ участникъ въ посягательствѣ на жизнь Аттилы, онъ могъ подлежать смертной казни. Между тѣмъ какъ мы были въ такомъ недоумѣніи, пришелъ Эдиконъ, и вывелъ Вигилу изъ нашего кружка, притворяясь будто въ самомъ дѣлѣ намѣренъ исполнить данное Римлянамъ обѣщаніе. Онъ приказалъ Вигилѣ привезти золото, для раздачи тѣмъ, которые приступятъ къ сему дѣлу вмѣстѣ съ нимъ, и удалился. Когда я любопытствовалъ узнать отъ Вигилы, что ему говорилъ Эдиконъ, то онъ старался меня обмануть, а между тѣмъ и самъ былъ обманутъ Эдикономъ. Онъ скрылъ истинный предметъ ихъ разговора, увѣряя, что Эдиконъ самъ сказалъ ему, будто Аттила гнѣвается и на него самого за бѣглецовъ; ибо Римляне должны были возвратить всѣхъ ихъ Аттилѣ, или прислать къ нему посланниками людей съ великою властію. Такъ продолжали мы говорить между собою, когда пришли къ намъ нѣкоторые изъ людей Аттилы съ объявленіемъ, что какъ Вигилѣ, такъ и намъ запрещалось освобождать Римскаго военноплѣннаго, покупать варварскаго невольника, или лошадь, или другое что либо, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, пока не будутъ разрѣшены существующія между Римлянами и Скиѳами недоразумѣнія. Это было придумано варваромъ хитро, дабы тѣмъ легче изобличить

Вигилу въ злоумышленіи на его жизнь, когда онъ не будетъ въ состояніи сказать причины зачѣмъ везъ съ собою золото; подъ предлогомъ же отвѣта, который хотѣлъ дать на наше посольство, намѣреніе его было заставить насъ ожидать Онигисія для принятія приносимыхъ ему нами отъ себя и отъ царя подарковъ. Онигисій въ это время былъ посланъ съ старшимъ сыномъ Аттилы [51] къ Акацирамъ [52], народу Скиескому, покорившемуся Аттилѣ по слѣдующей причинѣ:

Въ Акацирскомъ народѣ было много князей и родоначальниковъ, которымъ царь Ѳеодосій посылалъ дары, для того, чтобъ они, бывъ между собою въ согласіи, отказывались отъ союза съ Аттилою, и держались союза съ Римлянами. Тотъ, кому были поручены эти подарки, роздалъ ихъ каждому князю не по достоинству. Куридахъ, главный между ними по власти, получивъ подарки, слѣдовавшіе второму по немъ, почиталъ себя обиженнымъ и лишеннымъ должной ему награды. Онъ звалъ къ себѣ на помощь Аттилу противъ другихъ соначальниковъ. Аттила послалъ къ нему немедленно многочисленное войско. Одни изъ князей Акацирскихъ были этимъ войскомъ истреблены, другіе принуждены покориться. Аттила послѣ того пригласилъ Куридаха къ себѣ для принятія участія въ торжествѣ побѣды. Но Куридахъ, подозрѣвая козни, отвѣчалъ Аттилѣ, что трудно человѣку взирать на Бога; а если человѣкъ не въ силахъ пристально смотрѣть и на кругъ солнечный, то можно ли безъ вреда для себя взглянуть на величайшаго изъ боговъ? Такимъ образомъ Куридахъ остался въ своей землѣ и сохранилъ свои владѣнія, между тѣмъ, какъ весь остальной народъ Акацирскій покорился Аттилѣ. Желая сдѣлать царемъ этого народа старшаго изъ сыновей своихъ, Аттила отправилъ Онигисія для приведенія въ дѣйствіе этого намѣренія. Такова была причина, заставившая Аттилу дать намъ, какъ уже сказано, приказаніе дожидаться Онигисія. Вигилу вмѣстѣ съ Ислою, отпустилъ онъ въ Римскія владѣнія подъ предлогомъ отысканія

---

51. Старшій сынъ Аттилы назывался Эллакомъ.

52. Ακατιζίρων—vulg. Ἀκατζίρων—Val. и Bon. p. 181 и ниже 197; Ἀκατίρων—Mül. здѣсь и въ Fragm. 8. p. 89.

бѣглыхъ; въ самомъ же дѣлѣ для привезенія обѣщаннаго Эдикону золота.

По отъѣздѣ Вигилы мы пробыли на мѣстѣ одинъ день; а въ слѣдующій пустились въ путь за Аттилою далѣе къ сѣверу[53]. До нѣкотораго мѣста, мы продолжали ѣхать одною съ нимъ дорогою[54]; потомъ поворотили по другой, какъ велѣли намъ Скиѳы, наши проводники; потому что Аттила хотѣлъ поѣхать въ одно селеніе, въ которомъ намѣревался сочетаться бракомъ съ дочерью Эскамою[55]. Аттила имѣлъ много женъ, но хотѣлъ жениться и на этой особѣ, согласно съ закономъ Скиѳскимъ.

Мы шли далѣе дорогою гладкою, пролегавшею по равнинѣ, и дошли до рѣкъ судоходныхъ, изъ коихъ самыя большія послѣ Истра суть: Дриконъ, Тига и Тифиса[56]. Мы переправились черезъ

---

53. *Далѣе къ сѣверу* см. объясненіе этого въ прим. 45.

54. «Совершивъ *продолжительный путь* вмѣстѣ съ варварами, мы, по распоряженію Скиѳовъ, нашихъ проводниковъ (приставовъ), своротили на другую дорогу». Такъ переводитъ Г. Вельтманъ (Аттила, ст. 154); но въ словахъ Пр. μέχρι τινὸς нѣтъ продолжительнаго пути. «Долгій путь посольства вмѣстѣ съ Аттилой долженъ же былъ продолжаться нѣсколько сутокъ, прибавляетъ Г. Вельтманъ (с. 155). Положимъ общій путь до Бузео, откуда Аттила ѣдетъ по дорогѣ на Яссы, а посольство по направленію на переправу чрезъ р. Прутъ при Фальчи. Переѣздъ въ 6 сутокъ составитъ около 53 часовъ, или 265 верстъ». Эти 265 верстъ основаны на произвольной замѣнѣ словъ «до нѣкотораго мѣста» словами «совершивъ продолжительный путь». А эти 265 верстъ приводятъ Г. Вельтмана къ объясненію Τιφήσας Серетомъ, Δρήκων Прутомъ, а Τίγας Тирасомъ, т. е. Днѣстромъ.

55. *С. Д.* замѣчаетъ, что такъ какъ иностранныя имена собственныя, оканчивающіяся на *ам*, перешедшія въ Греческій языкъ, не склоняются, то мы и не знаемъ навѣрное, какого тутъ падежа ἐσχάμ, винительнаго или родительнаго, т. е. хотѣлъ ли Аттила жениться на дочери своей Эскамѣ, или на дочери Эскама (какого то). Слѣдующія слова П. *согласно съ закономъ Скиѳскимъ* заставляютъ нѣкоторыхъ думать, что Эскамъ была дочь Аттилы: Монтескьё, дающій этому мѣсту такое объясненіе, основываетъ на немъ положеніе, что у Татаръ дозволено жениться на своей дочери (Esprit des loix t. III, l. XXVI, ch. 14). Но не рѣшено: 1) Татары ли были Гунны? 2) идетъ ли тутъ рѣчь о дочери Аттилы? 3) слова *согласно съ закономъ Скиѳскимъ* относятся ли къ дозволенію закономъ Скиѳскимъ жениться на своей дочери, или къ дозволенію имѣть много женъ? И Нейманъ (61): «um sich mit seiner Tochter Eskam zu vermählen; denn es war bei den Hunnen... nicht bloss erlaubt viele Weiber zu nehmen, sondern auch ihre nächste Blutsverwandte zu ehelichen» Откуда все это!?

56. Ὁ Δρήκων ниже названъ Δρέγκων. См. отр. 10. Іорнандъ, пересказывающій это мѣсто П., называетъ эту рѣку Dricca (Got. c. 34). О Τίγας у Іорн. Tisia. Это нын. Тисса; ὁ Τιφήσας—Tibisia. Разсказъ П. у Іорнанда пополненъ здѣсь слѣдую-

эти рѣки на однодеревкахъ, употребляемыхъ береговыми жителями тѣхъ рѣкъ. Другія рѣки мы переѣзжали на плотахъ, которые варвары возятъ на телѣгахъ, по той причинѣ, что тѣ мѣста покрываются водою. Въ селеніяхъ отпускали намъ въ пищу — вмѣсто пшеницы — просо, вмѣсто вина, такъ называемый у туземцевъ *мѐдосъ*[57]. Слѣдующіе за нами служители получали просо и добываемое изъ ячменя питье, которое варвары называютъ *кáмосъ*[58]. Прошедъ много дороги, раскинули мы подъ вечеръ свою палатку близъ озера, имѣющаго годную къ питью воду, употребляемую жителями ближняго селенія. Вдругъ поднялась страшная буря съ громомъ, частыми молніями и проливнымъ дождемъ. Бурею не только опрокинуло нашу палатку, но и всѣ пожитки унесло въ озеро. Этимъ случаемъ, и сильною тревогою, господствовавшею въ воздухѣ, мы были до того устрашены, что покинули то мѣсто, отдѣлились другъ отъ друга, и среди мрака, подъ ливнемъ, каждый изъ насъ пошелъ по дорогѣ, которая представилась ему удобнѣйшею. Однако мы

щимъ фактомъ: «Переправившись черезъ эти рѣки, мы прибыли къ тому мѣсту, гдѣ нѣкогда Видикула, храбрѣйшій изъ Готовъ, палъ по козняхъ Сарматовъ. Оттуда пріѣхали мы къ лежащему неподалеку селенію, гдѣ пребывалъ царь Аттила». (Got. c. 34). Вельтманъ (Аттила, 155, 156), не допускаетъ, чтобъ эти рѣки были въ Венгріи, потому что Темеша, Мароша и Кереша Пр. «никакъ не назвалъ бы *великими рѣками*». Но П. своихъ рѣкъ и не называетъ великими, а говоритъ только, что онѣ *самыя большія послѣ Истра* (по контексту: изъ рѣкъ, черезъ которыя посольство переправлялось). И у Неймана: «mehrere grosse Flüsse (Die Völker, 61).

57. Если отъ этого слова μέδος отбросить Греческое окончаніе *os*, останется *медъ*. Извѣстно, что слова, означающія *медъ*, на многихъ языкахъ Индо-Европейскихъ имѣютъ взаимное сходство. Въ настоящемъ случаѣ, нельзя не замѣтить, что форма μέδος ближе подходитъ къ Славянской *медъ*, чѣмъ къ Готской *milip* (см. Grimm. Geschichte der deutschen Sprache c. 716, 1031) и чѣмъ къ Лат. *mel;* что, стало быть, въ этомъ краю либо жили Славяне, либо употреблялись Славянскія слова.

58. Неймавъ (Die Völker des südl. Russl., ст. 28, пр. 8, возвращается къ старинной догадкѣ, «не обслышался ли Пр.? Извѣстно, что Монголы и Калмыки *кумысомъ* называютъ кобылье молоко». Кобылье молоко изъ ячменя! Г. Вельтманъ увѣренъ, вмѣстѣ съ Венелинымъ, что *камосъ* — квасъ. «Нѣтъ сомнѣнія, что это названіе *исправлено*, въ полномъ убѣжденіи, что Аттила Гунъ, т. е. Монголъ»... Едва ли первые издатели Приска слыхали что нибудь о кумысѣ и о Монгольствѣ Гунновъ.

всѣ пришли къ хижинамъ селенія, гдѣ и сошлись, — ибо различными дорогами мы обратились къ одному мѣсту. Мы съ крикомъ отыскивали отставшихъ отъ насъ товарищей. Скиѳы, выбѣжали на шумъ и стали зажигать камыши, которые они употребляютъ для разведенія огня. При свѣтѣ этихъ камышей они спрашивали насъ: что намъ нужно, что мы такъ громко кричимъ? Когда бывшіе съ нами варвары дали имъ знать, что насъ встрѣтила непогода, то жители звали насъ къ себѣ, приняли насъ въ свои домы, и подкладывая много камышу, согрѣли насъ.

Начальница того селенія — она была одна изъ женъ Влиды — прислала къ намъ кушанье и красивыхъ женщинъ къ удовлетворенію нашему. Это по-Скиѳски знакъ уваженія. Мы благодарили женщинъ за кушанье, но отказались отъ дальнѣйшаго съ ними обхожденія. Мы провели ночь въ хижинахъ и на разсвѣтѣ пошли искать нашихъ вещей. Мы нашли ихъ частію на мѣстѣ, гдѣ наканунѣ остановились, частію на берегу озера, или въ самомъ озерѣ, откуда ихъ и достали. Тотъ день провели мы въ селеніи, обсушивая наши пожитки. Непогода миновалась и солнце ярко засіяло. Позаботившись о своихъ лошадяхъ и о другихъ животныхъ, пошли мы къ царицѣ, привѣтствовали ее и принесли ей взаимно въ подарокъ три серебряныя чаши, красныхъ кожъ[59], перцу изъ Индіи, финиковыхъ

---

59. Такъ какъ δέρματα значитъ и мѣха (шкуры) и кожи, то спрашивается, въ какомъ именно значеніи употребилъ здѣсь это слово нашъ авторъ? Почти всѣ переводчики и комментаторы принимаютъ въ первомъ смыслѣ. Но *С. Д.* замѣчаетъ, что царица Скиѳская не могла нуждаться въ мѣхахъ; что при томъ красные мѣха не считаются лучшими; поэтому онъ полагалъ, что авторъ разумѣетъ *красныя кожи, юфть*. Я нахожу и между цѣнными предметами, которыми жители Рима били челомъ Аларіху, когда убѣждали его снять осаду Рима, тоже *красныя кожи* (въ числѣ 3,000 штукъ). Въ этомъ разсказѣ объ Аларихѣ Зосимъ употребляетъ слова δέρματα κοκκοβαφῆ: тутъ очевидно, что дѣло идетъ о кожахъ, окрашенныхъ въ красную краску (κόκκος, βάπτω = βάφω) (Zos. V. 41. S. 623). Эти слова даютъ ключъ къ уразумѣнію Присковыхъ δέρματα ἐρυθρά: это одно и тоже. Въ томъ же договорѣ (Римлянъ съ Аларихомъ) упоминается и о 3,000 литръ перца, которыми жители Рима обязывались снабдить Аларіха. Замѣтимъ, что предметы, которыми Римляне задобриваютъ варваровъ, у П. тѣ же, какими снабжаютъ они ихъ у Зосима. У П. 6,000 литръ золота Аттилѣ, шелковыя одежды его посламъ, серебряныя чаши, красныя кожи, индійскій перецъ его невѣсткѣ, женѣ Бледы. У

плодовъ и другихъ сластей, которыя цѣнятся варварами, потому что тамъ ихъ не водится. Мы вышли отъ нея, пожелавъ ей всѣхъ благъ за ея гостепріимство.

Мы прошли семь дней дороги и остановились въ одномъ селеніи, потому что Скиѳы, наши проводники, сказали намъ, что Аттила ѣдетъ по той же дорогѣ, и что намъ надлежало ѣхать въ слѣдъ за нимъ[60]. Здѣсь встрѣтились мы съ Западными Римлянами, которые пріѣхали также съ посольствомъ къ Аттилѣ. Одинъ изъ нихъ, Ромулъ, имѣлъ достоинство комита; другой, Примутъ, былъ правителемъ Норики; третій, Романъ, начальникомъ легіона. Вмѣстѣ съ ними былъ и Константій, — посланный Аэтіемъ къ Аттилѣ, чтобъ быть при немъ письмоводителемъ — и Татулъ, отецъ того Ореста, который сопровождалъ въ посольствѣ Эдикона. Константій и Татулъ не состояли при этомъ посольствѣ: а ѣхали вмѣстѣ съ посланниками по связямъ, которыя между ними были; — ибо Константій завелъ съ ними знакомство въ Италіи; а Татулъ былъ въ свойствѣ съ Ромуломъ, такъ какъ сынъ Татуловъ, Орестъ, женатъ былъ на дочери Ромула, бывшаго родомъ изъ Патавіона, что въ Норикѣ[61]. Посольство Западныхъ Римлянъ отправлено было къ Аттилѣ для укрощенія гнѣва его. Аттила требовалъ отъ Римлянъ выдачи Силвана, начальника монетнаго стола[62] въ Римѣ, за то, что

Зосима: 5,000 литръ золота, 30,000 литръ серебра, красныя кожи, шелковые хитоны, перецъ. Только драгоцѣнные камни, и, разумѣется финики, не входятъ въ договоръ Аларіха.

60. Вотъ это скорѣе напоминаетъ курюкъ туркскихъ племенъ (см. пр. 44).

61. Этотъ Παταβίων не должно смѣшивать съ Πατάβιον, Patavium, нынѣшнею Падуею или Падовою: Норикъ до Падовы не простирался. Не тотъ ли это г., который въ Нотиціи названъ *Batavis* и ученымъ издателемъ ея признается за нынѣшній *Passau*, близъ впаденія Инна (др. Эна) въ Дунай (Not. II, p. 784)? Или это нынѣшній Петау, на Дравѣ, какъ полагаютъ Маннертъ (III, 733) и Тьерри (I, 67)? Орестъ разными связями достигъ званія патриція; въ послѣдствіи 475 г. возсталъ онъ противъ западнаго императора Непота, и возвелъ сына своего Ромула на престолъ Августовъ: это и былъ послѣдній западно-Римскій императоръ Ромулъ-Августулъ (Procop. Goth. I. 1).

62. Вмѣсто ἄρχων Αρμίου τραπέζης вслѣдствіе удачнаго предположенія Валезія должно читать ἄρχων ἀργυρίου τραπέζης. т. е. mensae argentariae praefectus, argentarius. Argentarii были мѣнялами, наблюдателями публичныхъ торговъ, пробирерами. Ихъ лавки — tabernae или mensae argentariae — для защиты отъ непогоды помѣщались подъ портикомъ, окружавшимъ Римскій форумъ.

онъ принялъ отъ Константія залотые фіалы. Этотъ Константій, происходившій изъ Западной Галатіи [63], былъ посланъ нѣкогда къ Аттилѣ и Влидѣ, чтобъ состоять при нихъ письмоводителемъ, какимъ былъ и другой, посланный послѣ, Константій. Во время осады Скиѳами Сирмія въ Пеоніи [64] епископъ этого города послалъ къ упомянутому Константію фіалы съ условіемъ, чтобъ Константій исходатайствовалъ ему свободу, если городъ будетъ взятъ при жизни его; въ случаѣ же его смерти, то выкупилъ бы тѣми фіалами нѣсколько плѣнныхъ жителей Сирмія. Городъ былъ дѣйствительно взятъ; всѣ жители были обращены въ невольниковъ; но Константій забылъ уговоръ свой съ епископомъ. Въ послѣдствіи отправясь въ Римъ по дѣламъ своимъ, онъ заложилъ Сильвану фіалы, и получилъ отъ него деньги съ условіемъ, что если не возвратитъ денегъ въ назначенный срокъ, въ такомъ случаѣ фіалы останутся въ полномъ распоряженіи Сильвана. Въ послѣдствіи Аттила и Влида, подозрѣвая Константія въ предательствѣ, распяли его. Послѣ нѣкотораго времени, Аттила узналъ и о фіалахъ, заложенныхъ Константіемъ. Онъ требовалъ, чтобъ Сильванъ былъ ему выданъ, какъ укравшій принадлежащія ему вещи. Это заставило Аэтія и царя Западныхъ Римлянъ отправить къ Аттилѣ посланниковъ, которымъ поручено было объявить ему, что Сильванъ былъ заимодавецъ Константія; что онъ получилъ тѣ сосуды въ закладъ, а не какъ украденную вещь; что онъ продалъ ихъ священникамъ; что сосуды, посвященные Богу, не позволено болѣе употреблять на службу людей; что если Аттила не хочетъ отстать отъ своего требованія по этой, столь справедливой, причинѣ, и изъ уваженія къ Богу, Римляне пришлютъ ему то, чего сосуды стоили; только просили, чтобы онъ не требовалъ Сильвана, ибо они не

63. Западною Галатіей ἡ ἐν τῇ ἑσπέρᾳ Γαλατία нѣкоторые Греческіе писатели называютъ Галлію (чаще Γαλλία); когда же пишутъ просто Γαλατία, то разумѣютъ Галатію, область малой Азіи, которую для бо́льшей опредѣленности именуютъ иногда ἡ κατὰ Φρυγίαν Γαλατία (наприм. Zos. IV, стр. 358. S.).

64. Σίρμιον Sirmium, на Савѣ, во времена имперіи главный городъ нижней или второй Панноніи, мѣстопребываніе епископа, съ императорскимъ дворцомъ и оружейнымъ заводомъ. Развалины его видны близъ Митровица (Zos. II, 156. S. — Not. II, 43, 310).

могли выдать ему человѣка не совершившаго никакого преступленія. Такова была причина посольства сихъ Римлянъ. Они слѣдовали за Аттилою, пока онъ отпустилъ ихъ. Съѣхавшись съ ними на дорогѣ, мы ждали, покуда Аттила проѣхалъ впередъ; потомъ продолжали свой путь за нимъ вмѣстѣ со множествомъ народа. Переѣхавъ чрезъ нѣкоторыя рѣки, мы прибыли въ одно огромное селеніе, въ которомъ былъ дворецъ Аттилы[65]. Онъ былъ, какъ увѣряли насъ, великолѣпнѣе всѣхъ дворцевъ, какіе имѣлъ Аттила въ другихъ мѣстахъ. Онъ былъ построенъ изъ бревенъ и досокъ, искусно вытесанныхъ, и обнесенъ деревянною оградою, болѣе служащею къ украшенію — нежели къ защитѣ[66]. Послѣ дома царскаго, самый отличный

---

65. Посольство перешло черезъ Тиссу, какъ мы видѣли; но такъ какъ послѣ этого не упоминается ни о переходѣ черезъ Дунай, ни о переходѣ черезъ горные хребты, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что селеніе, въ которомъ находился Аттила, было въ Восточной Венгріи; но гдѣ именно, никто не могъ опредѣлить. Одни указываютъ на Будинъ, другіе на Токай. Трансильванскіе Сикулы (Székely), говоритъ Дежерандо, особенно любятъ городъ Udvarhely, потому что по преданію въ немъ стоялъ лагеремъ Аттила (Essai historique.... p. 73). Г. Вельтманъ однако пріурочиваетъ столицу Аттилы къ Днѣпру.

66. Здѣсь Іорнандъ, перифразируя Приска, разсказываетъ слѣдующее: (продолжаемъ выписывать съ того мѣста, на которомъ мы остановились въ прим. 48): «Мы пріѣхали къ лежащему неподалеку селенію, гдѣ пребывалъ царь Аттила; это селеніе походило на огромный городъ, въ которомъ нашли мы деревянныя зданія, построенныя изъ тесаныхъ досокъ, которыя соединены были въ такую сплошную массу, что едва можно было разобрать ихъ швы. Тамъ были просторныя столовыя и изящно расположенные портики. Дворъ былъ очень пространенъ, *для* того, чтобъ самая обширность его свидѣтельствовала о царскомъ дворѣ (area vero curtis ingenti ambitu cingebatur, ut amplitudo ipsa regiam aulam ostenderet (?) — et la cour du palais, entourée d'une longue palissade était si vaste, que son étendue seule suffisait pour faire reconnaitre l'habitation royale. См. франц. переводъ Париж. изд. Іорнанда. 1849). Таково было жилище Аттилы царя, владѣвшаго всѣми варварами; это жилище предпочиталъ онъ покореннымъ имъ городамъ» (Jorn. G. с. 34). Изъ предъидущихъ словъ Іорнанда видно, что онъ намѣренъ повторить разсказъ Приска: но хотя П. не дошелъ до насъ въ цѣлости, все-таки никакъ нельзя допустить, чтобъ его описаніе могло походить на Іорнандово. Описаніе I. не иное что, какъ обычная амплификація описанія Прискова. И Тьерри находитъ въ П. то, чего въ немъ нѣтъ: «la maison d'Attila était encadrée dans de grands panneaux de planches *d'un poli admirable, et si exactement joints ensemble qu'ils semblaient ne former qu'une seule pièce.*» А у Венелина еще лучше: «Его дворецъ *показался* намъ и *выше* и *величественнѣе* всѣхъ строеній въ *городѣ;* онъ построенъ изъ искусно-обтесанныхъ, и *весьма хорошо полированныхъ каменьевъ* и т. д. Не П. на-

былъ домъ Онигисіевъ, также съ деревянною оградою; но ограда эта не была украшена башнями, какъ Аттилина. Не далеко отъ ограды была большая баня, построенная Онигисіемъ, имѣвшимъ послѣ Аттилы величайшую силу между Скиѳами. Онъ перевезъ для этой постройки каменья изъ земли Пеонской; ибо у варваровъ, населяющихъ здѣшнюю страну, нѣтъ ни камня, ни лѣса. Матеріалъ же этотъ употребляется у нихъ привозный. Архитекторъ, строившій баню, былъ житель Сирмія, взятый въ плѣнъ Скиѳами. Онъ надѣялся получить свободу въ награду за свое искусство, но вмѣсто того былъ подвергнутъ трудамъ болѣе тяжкимъ, чѣмъ Скиѳская неволя. Онигисій сдѣлалъ его своимъ баньщикомъ. Онъ долженъ былъ прислуживать ему и домашнимъ его, когда они мылись въ банѣ. При въѣздѣ въ селеніе, Аттила былъ встрѣченъ дѣвами, которыя шли рядами подъ тонкими бѣлыми покрывалами. Подъ каждымъ изъ этихъ длинныхъ покрывалъ, поддерживаемыхъ руками стоящихъ по обѣимъ сторонамъ женщинъ, было до семи или болѣе дѣвъ; а такихъ рядовъ было очень много. Сіи дѣвы, предшествуя Аттилѣ, пѣли Скиѳскія пѣсни. Когда Аттила былъ подлѣ дома Онигисія, мимо котораго проложена дорога, ведущая къ царскому двору, — супруга Онигисія вышла изъ дому со многими служителями, изъ которыхъ одни несли кушанье, а другіе вино: это у Скиѳовъ знакъ отличнѣйшаго уваженія. Она привѣтствовала Аттилу, и просила его вкусить того, что ему подносила въ изъявленіе своего почтенія. Въ угодность жены любимца своего Аттила, сидя на конѣ, ѣлъ кушанье изъ серебрянаго блюда высоко поднятаго служителями. Вкусивъ вина изъ поднесенной ему чаши, онъ поѣхалъ въ царскій домъ, который былъ выше другихъ, и построенъ на возвышеніи[67]. Что касается до насъ мы остались въ домѣ Онигисія, какъ было имъ

ходитъ дворецъ величественнѣе всѣхъ строеній въ городѣ, а его увѣряли, что этотъ дворецъ великолѣпнѣе всѣхъ дворцевъ, какіе имѣлъ А. въ другихъ мѣстахъ: слѣдующее за тѣмъ изображеніе П. показываетъ читателю, что дворецъ Аттилы вовсе не великолѣпенъ, и не могъ показаться такимъ Греку V ст., родившемуся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Цареграда.

67. Замѣтимъ тутъ то же правило приличія, какое упомянуто выше (см. пр. 44 и 58).

предписано; ужъ онъ возвратился съ сыномъ Аттилы. Мы были приняты его женою и отличнѣйшими изъ его сродниковъ и обѣдали у него. Онигисій, въ это время, въ первый разъ по возвращеніи своемъ, видѣлся съ Аттилою, и донесъ ему о своихъ дѣйствіяхъ по дѣлу, которое было ему поручено, — а также и о случившемся съ сыномъ его несчастіи. Онъ упалъ съ коня, и переломилъ себѣ правую руку. Бывъ у Аттилы, Онигисій не имѣлъ времени съ нами обѣдать. Послѣ стола, оставивъ его домъ, мы раскинули шатры близъ дворца Аттилы, для того чтобъ Максиминъ, которому надлежало ходить къ Аттилѣ, или вступать въ переговоры съ его вельможами, не былъ въ дальнемъ разстояніи[68]. Мы провели ночь въ томъ мѣстѣ, гдѣ остановились. На разсвѣтѣ, Максиминъ послалъ меня къ Онигисію, для принесенія ему даровъ, какъ отъ него, такъ и отъ царя, и велѣлъ мнѣ освѣдомиться, хочетъ ли Онигисій съ нимъ говорить, и въ какое время. Сопровождаемый служителями, несшими подарки, — я пошелъ къ дому Онигисія; но ворота были заперты, и я ждалъ, чтобъ кто-нибуь вышелъ оттуда, и извѣстилъ его о моемъ приходѣ. Между тѣмъ, какъ я былъ тутъ, и прохаживался передъ оградою дома, подходитъ ко мнѣ человѣкъ, котораго судя по Скиѳскому платью, принялъ я за варвара. Онъ привѣтствовалъ меня на Эллинскомъ языкѣ, сказавъ мнѣ: Хе́ре (радуйся, здравствуй!). Я удивился тому, что Скиѳъ говоритъ по-Эллински. Скиѳы, будучи сборищемъ разныхъ народовъ, сверхъ собственнаго своего языка варварскаго, охотно употребляютъ языкъ Унновъ, или Готѳовъ, или же Авсоніевъ въ сношеніяхъ съ Римлянами; но нелегко найти между ними человѣка, знающаго Эллинскій языкъ, исключая людей, уведенныхъ въ плѣнъ изъ Ѳракіи или изъ приморской Иллиріи. Но такихъ людей, впавшихъ въ несчастіе, легко узнать по изодранному платью и по нечесаной головѣ; а человѣкъ, съ которымъ я говорилъ, казался Скиѳомъ, живущимъ въ роскоши, одѣтъ былъ очень хорошо, а голова острижена была въ кру-

68. Ἢ—ὥστε—Б.—ᾗ Н. с. 189, стр. 13.—(ὥστε) ᾗ М. Всего лучше допустить послѣднее чтеніе, но тогда во второй половинѣ предложенія вмѣсто ἤγουν читать ἢ γοῦν.

жокъ [69. 70]. Отвѣтствуя на его привѣтствіе, я спрашивалъ его, кто онъ таковъ, откуда пришелъ въ варварскую страну и почему онъ

---

69. Это мѣсто замѣчательное, и требуетъ ближайшаго разсмотрѣнія. Тутъ говорится: во-первыхъ, что Скиѳы суть сборище разныхъ народовъ; во-вторыхъ, что Скиѳы имѣютъ свой языкъ, кромѣ Гуннскаго, Готскаго и Латинскаго, которые тоже охотно употребляютъ. («Языкъ Авсоніевъ» принимаю здѣсь за Латинскій, потому что Авсоніею искони Греческіе и Римскіе писатели называли Италію, а сколько извѣстно, преобладающимъ языкомъ Римскихъ войскъ, поселяемыхъ на Дунаѣ, былъ Латинскій). Тутъ, по видимому, противорѣчіе: если Скиѳы сборище народовъ, то у нихъ не можетъ быть *своего* языка; и на оборотъ, если у нихъ есть свой языкъ, то они не *сборище народовъ*. Нѣкоторая сбивчивость для читателя происходитъ отъ того, что П. *со словомъ Скиѳы соединяетъ три разныя понятія*. Когда онъ говоритъ о Скиѳахъ, напавшихъ на Персію черезъ Кавказъ (см. ниже въ этомъ же самомъ отрывкѣ), о Скиѳахъ верхомъ договаривающихся съ Римлянами (отр. 1), имѣющихъ государемъ Аттилу, то подъ этими Скиѳами мы узнаемъ *Гунновъ*, т. е. народъ Азіятскій, пришедшій въ Европу во времена историческія, народъ, именуемый и самимъ Прискомъ то Скиѳами, то Уннами, народъ явственно отличающійся отъ прочихъ современныхъ ему народовъ, хотъ окончательно не пріуроченный еще наукою къ какому либо племени. Когда же нашъ путникъ утверждаетъ, что Скиѳы говорятъ на *своемъ* языкѣ, отличномъ отъ Гуннскаго, Готскаго и Римскаго, и называетъ ихъ туземцами (ἐγχώριοι), то очевидно, подъ Скиѳами разумѣетъ совсѣмъ другой народъ — не Гунновъ, не Готовъ, не Римлянъ. Наконецъ, у нашего историка находимъ еще одно свидѣтельство о Скиѳахъ не похожее на предъидущія. Когда онъ выражается о Скиѳахъ, *какъ о сборищѣ народовъ*, то очевидно онъ не говоритъ ни о Гуннахъ, ни о туземцахъ отдѣльно, а о какомъ-то соединеніи вмѣстѣ живущихъ народовъ, т. е. и туземцевъ, и Римлянъ, и Готовъ и Гунновъ. Внимательное чтеніе П. убѣждаетъ въ вѣрности предъидущаго замѣчанія. Но зачѣмъ П. три разныя, впрочемъ ясныя для него понятія, выражаетъ неопредѣленнымъ словомъ Скиѳъ? Отчасти по дурному обычаю многихъ древнихъ Греческихъ и Римскихъ историковъ и географовъ — называть за-Эвксинскіе и за-Дунайскіе народы общимъ именемъ Скиѳовъ; въ этомъ-то смыслѣ онъ говоритъ, что Скиѳы суть сборище народовъ. Но такъ какъ естественно туземцы превышали количествомъ, да вѣроятно и по обычаямъ имѣли перевѣсъ надъ прочими народами этого сборища, то и туземцы, у него Скиѳы же: т. е. Прискъ народъ преобладающій надъ сборищемъ числомъ и силою обычая называетъ тѣмъ же именемъ, какъ и самое сборище. Наконецъ, такъ какъ преобладающимъ народомъ, въ смыслѣ господства, были Гунны, то и Гунны у него называются Скиѳами же. Пріѣхали люди изъ Скиѳіи (т. е. изъ-за Дуная) на переговоры съ Греко-Римскимъ посольствомъ — это Скиѳы (хотъ они собственно Гунны); угощаютъ это посольство въ Скиѳіи туземцы — эти туземцы тоже Скиѳы, хотя они имѣютъ языкъ особенный отъ Гуннскаго; наконецъ Скиѳія, т. е. весь за-Дунайскій край, населена чужими враждебными племенами: это все Скиѳы. Не смотря на это объясненіе все таки остается страннымъ, что П. слова «сверхъ своего языка» соединилъ съ понятіемъ «сборища народовъ» въ одномъ и томъ же предложеніи: что въ строгомъ смыслѣ не соединимо.

предпочелъ Скиѳскій образъ жизни прежнему. Онъ спросилъ меня, зачѣмъ я любопытствую это знать? «Эллинскій языкъ, которымъ ты говоришь, сказалъ я ему, возбуждаетъ мое любопытство». Тогда онъ, засмѣявшись, сказалъ мнѣ, что онъ родомъ Грекъ; что по торговымъ дѣламъ пріѣхалъ въ городъ Виминакій, лежащій въ Мисіи при Истрѣ; что онъ жилъ очень долго въ этомъ городѣ, и женился тамъ на богатѣйшей женщинѣ; но лишился своего счастія, когда городъ былъ завоеванъ варварами; что бывшее у него прежде богатство было причиною, что, при раздѣлѣ добычи, онъ былъ предпочтительно отданъ Онигисію, ибо взятые въ плѣнъ богатые люди доставались на долю, послѣ Аттилы, Скиѳскимъ вельможамъ, имѣющимъ большую власть. Въ послѣдствіи, продолжалъ онъ, я отличился въ сраженіяхъ противъ Римлянъ и противъ народа Акатировъ, отдалъ своему варварскому господину, по закону Скиѳскому, все добытое мною на войнѣ, получилъ свободу, женился на варваркѣ, и прижилъ дѣтей. Онигисій дѣлаетъ меня участникомъ своего стола, и я предпочитаю настоящую жизнь свою прежней: ибо

Очевидно туземцы говорили на особенномъ, своемъ языкѣ. Странно, что такой существенный фактъ пропущенъ историкомъ-этнографомъ А. Тьерри, который пересказываетъ это мѣсто такъ: «Entendre parler grec dans les états d'Attila, où les idiomes usuels étaient le hun, le goth et le latin, sur-tout pour les relations de commerce, c'était une nouveauté qui frappa Priscus» (100). У Гизо еще лучше: «Les barbares, renfermés dans leurs habitudes, ne cultivent et ne parlent que des langues barbares, celle des huns et celle des goths.» Еще страннѣе, что фактъ этотъ при разборѣ П. выпущенъ изъ вида Венелинымъ, и не обращенъ имъ въ пользу его любимой теоріи ославяненія Гунновъ: ибо чѣмъ въ Иглѣ видѣть Воеслава, въ Аттилѣ — Тилана, естественнѣе въ туземцахъ восточной Венгріи въ V в. видѣть Славянъ, на основаніи приведеннаго здѣсь Прискова свидѣтельства; что и было сдѣлано г. Чертковымъ въ его изслѣдованіи «О переселеніи Ѳракійскихъ племенъ за Дунай» (Временникъ, кн. 10 стр. 51 и 52). Приводя это мѣсто нашего историка г. Чертковъ подъ Скиѳами разумѣетъ тутъ Славянъ, а подъ Скиѳскимъ языкомъ— Славянскій. Въ предъидущихъ изслѣдованіяхъ своихъ старается онъ доказать, что древніе жители Дакіи, Даки,—были Славяне; слѣдовательно, если въ Дакіи въ V в., кромѣ Гуннскаго, Готскаго и Римскаго языка Скиѳы говорили еще и на *своемъ*, то это и былъ языкъ Даковъ или Славянъ. Значитъ, кто бы хотѣлъ убѣдиться, дѣйствительно ли туземные жители Дакіи въ V в. были Славяне, тому бы пришлось провѣрить предварительные доводы г. Черткова.

70. По поводу обстриженной въ кружокъ головы, такъ же какъ и хлѣба-соли Онигисіевой жены, и бани Онигисія стóитъ обдумать замѣчанія Венелина (стр. 125—128).

иноземцы, находящіеся у Скиѳовъ, послѣ войны ведутъ жизнь спокойную и беззаботную; каждый пользуется тѣмъ, что у него есть, ничѣмъ не тревожимый; тогда какъ живущіе подъ властію Римлянъ, во время войны бываютъ легко уводимы въ плѣнъ, потому что надежду своего спасенія полагаютъ на другихъ, такъ какъ они не всѣ могутъ употреблять оружіе по причинѣ тирановъ[71]. Для тѣхъ, которые носятъ оружіе, весьма опасно малодушіе воеводъ, уступающихъ на войнѣ. Бѣдствія, претерпѣваемыя Римлянами во время мирное, тягостнѣе тѣхъ, которыя они терпятъ отъ войны, по причинѣ жестокаго взиманія налоговъ и притѣсненій, претерпѣваемыхъ отъ дурныхъ людей[72]; ибо законъ не для всѣхъ имѣетъ равную силу. Если нарушающій законъ очень богатъ, то несправедливые его поступки могутъ остаться безъ наказанія, а кто бѣденъ и не умѣетъ вести дѣлъ своихъ, тотъ долженъ понести налагаемое законами наказаніе, если не умретъ до рѣшенія своего дѣла, потому что тяжбы тянутся весьма долго и на нихъ издерживается множество денегъ, а это дѣло самое гнусное — получать только за деньги то, что слѣдуетъ по закону. Обиженному не оказывается правосудія, если не дастъ денегъ судьѣ и его помощникамъ[73].

---

71. Не совсѣмъ понятно, почему Грекъ заговорилъ о *тираннахъ*. «Il faut bien que le sujet romain mette dans le bras d'autrui l'espérance de son salut, puisqu'*une loi tyrannique ne lui permet pas de porter les armes dont il a besoin pour se défendre* (Th. I, 102)»... Но былъ ли такой законъ въ Римской имперіи, не знаю; а полагаться на А. Тьерри считаю неблагоразумнымъ.

72. Чрезмѣрные налоги въ Римской имперіи начались очень рано. Разворенie семействъ, цѣлыхъ селеній и даже цѣлыхъ городовъ бывали нерѣдко слѣдствіемъ проѣзда какого либо сборщика податей. Безграничная расточительность государей и сановниковъ вызывала неслыханные поборы, а нужда въ деньгахъ для отраженія многочисленныхъ враговъ была постояннымъ предлогомъ и какъ бы оправданіемъ такихъ поборовъ (Zos. l. IV. c. 16. 29. 32. 41 и Приск въ отрыв. 5).

73. Подобное и у Зосима о Руфинѣ и Стилихонѣ: «δίκαι τε πᾶσαι παρ' αὐτοῖς κατ' ἐξουσίαν ἐκρίνοντο, καὶ ἁπῆσι κεκρατηκὼς ὁ χρημάτων τὴν ψῆφον ὠνούμενος, ἢ ἄλλως οἰκειότητι τὴν τοῦ δικάζοντος ἐπισπώμενος εὔνοιαν» (Zos. l. V. c. 1. p. 498 S). «Μέρος δὲ ὧν εἰλήφει παρὰ τῶν Ἰσαύρων (ὁ Ἀρβαζάκιος) τῇ βασιλίδι προσαγαγών, τήν τε κρίσιν διέφυγε» (Id. l. V, c. 25. p. 576 S.). Вообще вся картина состоянія Римской имперіи, которую чертитъ здѣсь Грекъ, ни мало не преувеличена. За полвѣка передъ тѣмъ правитель Восточной имперіи Руфинъ предалъ Грецію въ распоряженіе Готу, и еще какому Готу—Аларику! Съ разрѣшенія Ру-

Такія рѣчи и еще многія другія говорилъ онъ. Я просилъ его выслушать спокойно и мои слова. Я сказалъ ему: устроители Римскаго общества были люди мудрые и добрые. Желая, чтобъ дѣла людей шли не наудачу, они опредѣлили, чтобъ одни изъ нихъ были хранителями законовъ, другіе занимались оружіемъ, упражнялись въ военномъ дѣлѣ, были бы всегда въ готовности выступать въ походъ и смѣло начинать бой, какъ дѣло для нихъ привычное; ибо частое упражненіе въ военномъ дѣлѣ уменьшаетъ робость. Они же опредѣлили, чтобъ занимающіеся земледѣліемъ содержали не только себя, но и тѣхъ, которые за нихъ воюютъ доставленіемъ жалованья войску. Другіе должны пещись объ обижаемыхъ. Они защищаютъ права людей, которые, по слабости своей, не въ состояніи защищать ихъ сами; другіе судятъ дѣла, исполняя тѣмъ предписанія закона. Никто не оставленъ безъ попеченія даже прислужниковъ судейскихъ: ибо нѣкоторые изъ нихъ должны наблюдать, чтобъ тотъ, въ чью пользу дано рѣшеніе судей, получилъ слѣдующее ему по праву; а съ того, кто признанъ неправымъ, не было взыскано болѣе того, что постановлено рѣшеніемъ суда. Если бы не было людей, за этимъ наблюдающихъ, то одна тяжба подавала бы поводъ къ другой, потому что или выигравшій дѣло велъ бы себя жестоко, или проигравшій его оставался бы въ несправедливомъ мнѣніи своемъ. Людямъ, занимающимся законами, назначена плата отъ тяжущихся, какъ военнымъ людямъ отъ земледѣльцевъ. Не справедливо ли кормить того, кто намъ помогаетъ, награждать того,

---

фина—проконсулъ Греціи Антіохъ и полководецъ Геронтій, еще прежде поставленный къ Ѳермопильскому проходу для его охраненія, стакнувшись съ Аларихомъ, пропустили его громадныя полчища. Коринѳскій перешеекъ въ это время былъ единственнымъ оплотомъ Пелопонниса, по укрѣпленіямъ своимъ, которымъ, по небрежности правительства, назначено было замѣнять стѣны и гарнизоны Пелопоннисскихъ городовъ: и вотъ этотъ единственный оплотъ Пелопонниса при вторженіи Готскаго завоевателя также оставленъ былъ безъ защитниковъ. «И Спарта, говоритъ современникъ этого событія, подверглась общему порабощенію Эллады, не оборонявшая ни оружіемъ, ни ратниками, въ слѣдствіе любостязанія Римлянъ; Спарта была выдана начальниками-предателями, потворствовавшими потѣхамъ властителей во всемъ, что клонится къ общественной пагубѣ (Zos. l. V. с. 7. p. 514. 8; ср. также статью г. Ѳирсова: «Исторія Стилихона» въ Ж. М. Н. П. 1855 г. Нояб. стр. 63 и слѣд.).

кто оказываетъ намъ услуги? всадникъ находитъ выгоду заботиться о конѣ, пастухъ откармливать быковъ; охотникъ — содержать собакъ, — и люди вообще содержатъ то, что служитъ къ пользѣ и охраненію ихъ. Если обвиненные отвѣчаютъ за издержки, сдѣланныя въ судахъ, то убытокъ должны они приписывать своей несправедливости, а не другимъ. Что касается до случающейся продолжительности тяжебныхъ дѣлъ, тому причиною попечительность законовъ. Такимъ образомъ судьи поспѣшнымъ и необдуманнымъ рѣшеніемъ дѣла не погрѣшаютъ противъ правилъ осторожности, разсуждая что лучше разбирать тяжбы долго и медленно, чѣмъ поступая съ поспѣшностію, не только обижать подсудимаго, но и погрѣшать противъ Бога, который есть источникъ правосудія. Законы постановлены для всѣхъ равно. Самъ царь повинуется имъ. Несправедливо говоришь ты въ обвиненіи своемъ, будто бы богатые притѣсняютъ бѣдныхъ безбоязненно. Можетъ-быть иной изъ нихъ, бывъ виноватъ, укрывается отъ наказанія суда; но мы видимъ, что въ этомъ положеніи бываютъ не только богатые, но и бѣдные; ибо и они, бывъ виноваты, не получаютъ наказанія за свои вины, когда нѣтъ достаточныхъ уликъ; и это бываетъ у всѣхъ народовъ, а не у однихъ Римлянъ. Что касается до свободы, которою ты пользуешься, за то благодари судьбу, не господина своего, взявшаго тебя съ собой на войну, гдѣ ты могъ быть убитъ непріятелемъ по своей неопытности въ военномъ дѣлѣ или подвергнуться наказанію отъ господина своего, если бы вздумалъ бѣжать. Римляне поступаютъ съ рабами гораздо снисходительнѣе, чѣмъ варвары. Они обращаются съ ними, какъ отцы, или наставники. Они учатъ ихъ воздерживаться отъ дурныхъ поступковъ, и дѣлать то, что почитается честнымъ. Господа исправляютъ ошибки рабовъ, какъ собственныхъ дѣтей своихъ. Имъ не позволено предавать ихъ смерти, какъ это водится у Скиѳовъ. Рабы имѣютъ много способовъ получать свободу. Господа не только посреди жизни, но и при смерти своей, могутъ отпускать ихъ на волю, произвольно располагая своимъ имуществомъ. Распоряженіе умирающаго, касательно его собственности, есть законъ. «При этихъ словахъ моихъ Грекъ заплакалъ, и сказалъ: «Законы хороши, и Римское общество пре-

красно устроено; но правители портятъ и разстроиваютъ его, не поступая такъ, какъ поступали древніе».

Пока мы говорили между собою, одинъ изъ домочадцевъ отперъ ворота ограды. Я подбѣжалъ къ нему и спросилъ его: «Что дѣлаетъ Онигисій? я хочу сообщить ему нѣчто по порученію прибывшаго Римскаго посланника». Домочадецъ сказалъ мнѣ, что я увижу Онигисія, если подожду немного, потому что онъ выйдетъ. Въ самомъ дѣлѣ не много погодя Онигисій показался. Я подошелъ къ нему и сказалъ: «Римскій посланникъ привѣтствуетъ тебя; я несу къ тебѣ отъ него подарки вмѣстѣ съ золотомъ, присланнымъ отъ царя. Посланникъ имѣетъ нужду съ тобою говорить, и желаетъ знать гдѣ и когда ты хочешь трактовать съ нимъ». Онигисій далъ приказаніе приближеннымъ принять подарки и золото; а мнѣ велѣлъ сказать Максимину, что онъ самъ придетъ къ нему сей часъ.

Я возвратился къ Максимину и донесъ ему о приходѣ Онигисія, который дѣйствительно вскорѣ вошелъ въ шатеръ Максимина. Привѣтствовавъ его, онъ поблагодарилъ его и царя за подарки, и спрашивалъ, за чѣмъ онъ звалъ его. Максиминъ отвѣчалъ ему: «Настало время, Онигисій, пріобрѣсть тебѣ еще бо́льшую славу между людьми, если пріѣхавъ къ царю, разрѣшишь своею прозорливостію всѣ недоразумѣнія, и утвердишь согласіе между Римлянами и Уннами. Нетолько обоимъ народамъ будетъ отъ того великая польза, но этимъ ты доставишь и дому своему большія выгоды. Вмѣстѣ съ дѣтьми своими ты будешь навсегда пріятелемъ царю и роду его». Онигисій спросилъ: «Что нужно мнѣ сдѣлать въ угожденіе царю, и какимъ образомъ мнѣ разрѣшить недоразумѣнія». Максиминъ отвѣчалъ ему, что онъ окажетъ удовольствіе царю, если пріѣдетъ въ Римскую землю, и разрѣшитъ всѣ недоразумѣнія, доискавшись ихъ причины и пресѣкши ее согласно съ мирнымъ договоромъ. Онигисій сказалъ, что онъ объявитъ царю и его совѣтникамъ волю Аттилы. «Или, продолжалъ онъ, Римляне думаютъ просьбами преклонить меня къ тому, чтобъ я измѣнилъ своему государю, забылъ полученное у Скиѳовъ воспитаніе, пренебрегъ женами и дѣтьми своими, и богатство Римское поставилъ ниже службы при Аттилѣ? Я могу быть вамъ болѣе полезенъ, оста-

ваясь здѣсь въ своей землѣ; ибо если случится, что мой государь будетъ гнѣваться на Римлянъ, то я могу укрощать его гнѣвъ; напротивъ того, пріѣхавъ къ вамъ, я могу подвергнуть себя обвиненію, что преступилъ данныя мнѣ предписанія». Послѣ этихъ словъ, Онигисій удалился, сказавъ мнѣ, что я могъ приходить къ нему и говорить съ нимъ о томъ, чего мы отъ него желаемъ, — ибо не было прилично, чтобъ часто приходилъ къ нему самъ Максиминъ, облеченный въ такое званіе.

На другой день я пошелъ ко двору Аттилы съ подарками для его супруги. Имя ея Крека. Аттила имѣлъ отъ нея трехъ дѣтей, изъ которыхъ старшій былъ владѣтелемъ Акациpовъ и другихъ народовъ, занимающихъ при-Понтійскую Скиѳію[74]. Внутри ограды было много домовъ; одни выстроены изъ досокъ, красиво соединенныхъ, съ рѣзною работою; другіе изъ тесанныхъ и выровненныхъ бревенъ, вставленныхъ въ брусья, образующіе круги; начинаясь съ пола, они поднимались до нѣ-

---

74. Гдѣ жили Акацыры? По этому мѣсту П. въ половинѣ V ст. они жили на сѣверномъ берегу Чернаго моря; а Іорнандъ (G. c. V) въ VI ст. показываетъ ихъ нѣсколько сѣвернѣе, въ средней полосѣ Россіи. Вотъ слова Іорнанда: Ad littus Oceani, ubi..... fluenta Vistulae..... ebibuntur, *Vidoiarii* resident, ex diversis nationibus aggregati (ср. его же гл. 17), post quos ripam Oceani *item Esti* tenent, pacatum hominum genus omnino. *Quibus in austro adsedit gens Agazzirorum* fortissima, frugum ignara, quae pecoribus et venationibus victitat. *Ultra quos distenduntur supra mare Ponticum Bulgarorum sedes...* и т. д. Указаніе Іорнандово не прямое, а выводится изъ отношенія мѣстности, занимаемой Акацирами, къ мѣстностямъ, занимаемымъ нѣкоторыми другими народами и обозначеннымъ Іорнандомъ довольно точно. По его указанію Видоаріи (Виваріи) жили на низовьѣ Вислы, у моря; около нихъ по морю же обитали Эсты. Но по какому направленію отъ Видоаріевъ жили Эсты, на з. или на в. отъ нихъ? Разумѣется на в., потому что дальше сказано, что Акациры (Агазиры) *жили между Эстами и Бугарами, занимавшими тогда сѣверный берегъ Чернаго моря*. При этомъ объясненіи мы держимся общепринятой поправки и читаемъ *item Esti*, а не *Itemesti*, какъ читалось до поправки. Итакъ, въ общихъ чертахъ, Агазиры Іорнандовы помѣщались между народомъ, жившимъ по Балтикѣ, и народомъ, населявшимъ сѣверный берегъ Чернаго моря, т. е. Агазиры его жили какъ мы уже сказали, по нашей средней полосѣ. Но какъ же согласить указанія П. и І. относительно мѣстожительства Акацировъ? Предлагаю слѣдующія соображенія. Такъ какъ Акациры по П. жили въ V в. на сѣверномъ берегу Чернаго моря, а по Іорнанду въ слѣдующемъ вѣкѣ находимъ на ихъ мѣстѣ Болгаръ, ихъ же самихъ—сѣвернѣе; то и можемъ заключить, что Акациры остались только отчасти на томъ же мѣстѣ, и то подъ господствомъ Болгаръ, прочіе же изъ нихъ оттиснуты были Болгарами на с. Тотъ ли самый народъ Ака-

которой высоты[75]. Здѣсь жила супруга Аттилы; я впущенъ былъ стоявшими у дверей варварами и засталъ Креку, лежащую на мягкой постели. Полъ былъ устланъ шерстяными коврами, по которымъ ходили. Вокругъ царицы стояло множество рабовъ; рабыни, сидя на полу, противъ нея, испещряли разными красками полотняныя покрывала, носимыя варварами поверхъ одежды, для красы. Подошедъ къ Крекѣ, я привѣтствовалъ ее, подалъ ей подарки и вышелъ. Я пошелъ къ другимъ палатамъ, гдѣ имѣлъ пребываніе Аттила; я ожидалъ, когда выйдетъ Онигисій, который уже находился внутри дворца. Я стоялъ среди множества людей; никто мнѣ не мѣшалъ, потому что я былъ извѣстенъ стражамъ Аттилы, и окружающимъ его варварамъ. Я увидѣлъ, что идетъ толпа; на томъ мѣстѣ произошелъ шумъ и тревога, въ ожиданіи выхода Аттилы. Онъ выступилъ изъ дому, шелъ важно, озираясь въ разныя стороны[76]. Когда, вышедъ вмѣстѣ съ Онигисіемъ, онъ остановился передъ

циры П. и I., который позже въ VII и VIII в. живетъ въ ю.-в-й Руси подъ именемъ Хазаръ, сколько мнѣ извѣстно, никто ясно не доказалъ, хотя почти всѣ клонятся въ пользу этой гипотезы. Сколько мнѣ извѣстно, всѣ доводы вертятся около сходства звуковъ (Ак-хазиръ — по-Турски: бѣлый Хазаръ). Въ такомъ случаѣ сравните Акациpовъ П. по одному чтенію (Катировъ) съ Катіарами Иродота (кн. IV, гл. 6): но однимъ созвучіями не живутъ историческія знанія.

75. Образъ постройки дома Креки, Аттилиной жены, и въ текстѣ и въ переводахъ мнѣ не ясенъ. Первоначальный текстъ не давалъ никакого смысла. Исправленный на угадъ частью Кантокларомъ, частью Беккеромъ, онъ сталъ потолковѣе, но все-таки неясенъ. Оттого Латинскій переводъ Боннскаго изданія и новаго Парижскаго между собою разногласятъ. Переводъ Венелина и Гизо, пересказъ Гиббона совершенно отступаютъ отъ дѣла. Нельзя ли понимать κύκλοι въ значеніи вѣнцевъ или частей сруба? Когда рубятъ избу, то прежде всего дѣлаютъ *срубъ*; срубъ состоитъ изъ нѣсколькихъ положенныхъ одинъ на одинъ *вѣнцевъ*. Если принять κύκλοι въ смыслѣ прямоугольныхъ частей сруба, или, короче, вѣнцевъ, могу перевесть такъ: «Другіе домы, выстроенные изъ выровненныхъ бревенъ, вставленныхъ въ другія бревна, образующія (т. е. вмѣстѣ съ прежними бревнами) срубъ (вѣнцы сруба, прямоугольныя части сруба), который срубъ, начинаясь съ земли, поднимался не слишкомъ высоко».

76. Внутреннія и наружныя свойства Аттилы такъ очерчены Іорнандомъ (G. гл. 35): «Мужъ, рожденный на свѣтъ для всколебанія своего народа, всѣмъ странамъ на ужасъ. По какой-то волѣ рока, распространилась о немъ страшная молва,— и онъ все привелъ въ трепетъ. Гордо выступая, озирался онъ на всѣ стороны, такъ что въ самыхъ движеніяхъ его видно было могущество лица властнаго. Любитель браней, но самъ въ бою воздержный, онъ былъ силенъ въ совѣщаніяхъ, досту-

домомъ, многіе просители, имѣвшіе между собою тяжбы, подходили къ нему и слушали его рѣшенія. Онъ возвратился потомъ въ свой домъ, гдѣ принималъ пріѣхавшихъ къ нему варварскихъ посланниковъ.

Между-тѣмъ, какъ я ожидалъ Онигисія, Ромулъ, Промутъ и Романъ, пріѣхавшіе изъ Италіи въ званіи посланниковъ, по дѣлу о золотыхъ фіалахъ, вмѣстѣ съ Рустикіемъ, бывшимъ при Константіи, и съ Константіоломъ, жителемъ Пеоніи, состоящей подъ властію Аттилы, начали говорить со мною и спрашивали меня, отпущены ли мы, Аттилою, или должны еще оставаться здѣсь? Я отвѣчалъ, что для того и остаюсь въ оградѣ, чтобъ узнать это отъ Онигисія. И я съ своей стороны спросилъ ихъ, далъ ли Аттила какой нибудь снисходительный отвѣтъ по предмету ихъ посольства? Они отвѣчали, что Аттила никакъ не перемѣняетъ своихъ мыслей, и что объявляетъ войну, если не будутъ къ нему присланы чаши или Сильванъ. Мы дивились безразсудной гордости варвара, и Ромулъ, человѣкъ бывшій при многихъ посольствахъ, и пріобрѣвшій великую опытность въ дѣлахъ, говорилъ, что великое счастіе Аттилы, и происходящее отъ этого счастія могущество до того увлекаютъ его, что онъ не терпитъ никакихъ представленій, какъ бы они ни были справедливы, если они не клонятся къ его пользѣ. Никто изъ тѣхъ, которые когда-либо царствовали надъ Скиѳіею, говорилъ Ромулъ, или надъ другими странами, не произвелъ столько великихъ дѣлъ, какъ Аттила, и въ такое короткое время. Его владычество простирается надъ островами, находящимися на Океанѣ, и не только всѣхъ Скиѳовъ, но и Римлянъ заставляетъ онъ платить себѣ дань[77]. Не довольствуясь настоящимъ владѣ-

---

пенъ мольбамъ, благосклоненъ къ людямъ ему отдавшимся. *Онъ былъ малъ ростомъ: грудь широкая, голова большая, маленькіе глазки, борода рѣдкая, волосы съ просѣдью, черенъ и курносъ, какъ вся его порода».*

77. Извѣстный этнографъ прошлаго вѣка Тунманъ замѣчаетъ, что если можно положиться на это извѣстіе Ромула (въ Priscѣ), то «господство Аттилы простиралось отъ Волги до Рейна и отъ Македоніи до острововъ океана (т. е. Восточнаго моря der Ostsee) «(Thunmann, Untersuchung üb. die östl. Völk.). Маннертъ, говоря, что «царство Аттилино тянулось по Дунаю и Черному морю отъ Моравіи до Волги» ограничиваетъ его пространство со стороны з. и это вѣрнѣе». О владѣніяхъ его по ту сторону Каспійскаго моря ничего достовѣрнаго неизвѣстно, прибавляетъ

ніемъ, онъ жаждетъ бо́льшаго, хочетъ распространить свою державу и идти на Персовъ. Когда кто-то изъ присутствующихъ спросилъ: по какой дорогѣ Аттила можетъ пройти въ Персію? Ромулъ сказалъ, что Мидія не очень далека отъ Скиѳіи; что Уннамъ не безъизвѣстна ведущая къ ней дорога, и что они давно въ нее вторглись, въ то время, когда у нихъ свирѣпствовалъ голодъ, а Римляне бывъ въ войнѣ съ другими, не могли ихъ остановить; что въ Мидійскую область дошли Васихъ и Курсихъ, тѣ самые, которые, въ послѣдствіи, пріѣхали въ Римъ для заключенія союза, мужи царскаго Скиѳскаго рода и начальники многочисленнаго войска. По разсказамъ ихъ они проѣхали степной край, переправились черезъ какое-то озеро, которое Ромулъ полагалъ за Меотиду, и по прошествіи пятнадцати дней, перешедъ какія-то горы, вступили въ Мидію[78]. Ме-

---

Маннертъ (Geogr. d. G. u. R. Nürn. 1792. 3 ч., стр. 632). Намъ кажется, что и до Волги простирать его владѣній нѣтъ основанія, потому что ни в.-я граница ихъ, ни с.-я, ни даже з.-я опредѣленно не засвидѣтельствованы историками, а изъ П. извѣстна одна только ю.-я (ср. прим. 29).

78. Это свидѣтельство Приска привело знаменитаго Палласа къ недоразумѣнію, отъ котораго долго не могли оправиться многіе ученые. Въ извѣстномъ путешествіи своемъ (Pallas Reise T. III, стр. 574) по приведеніи главныхъ геологическихъ доводовъ своихъ о прежнемъ соединеніи Чернаго и Азовскаго морей съ Каспійскимъ, онъ утверждаетъ, что отдѣленіе ихъ и высохнутье соединявшаго ихъ пролива могло послѣдовать исподволь и въ гораздо позднѣйшія времена, нежели прорывъ Чернаго моря, упоминаемый Турнефоромъ (Relation d'un voyage au Levant T. I, 252, T. II, 403 и проч.), и допускаемый имъ, Палласомъ, какъ вѣроятный. «Я нахожу, говоритъ вслѣдъ за тѣмъ Палласъ (стр. 574), въ Штриттеровомъ «Извлеченіи изъ Византійскихъ писателей» одно мѣсто, по которому могло бы быть вѣроятнымъ, что низменность, лежащая къ с. отъ Кавказскихъ горъ, и служившая, по нашему мнѣнію, къ соединенію обоихъ морей, въ IV или V в. по Р. Х. могла быть еще не совершенно сухою. А именно Прискъ.... тамъ разсказываетъ (Memoriae popul. l. G. Strit. I, 513) со словъ встрѣтившагося съ нимъ посла западнаго императора, о пути, которому обыкновенно слѣдовали Скиѳы и Гунны для вторженія въ Персію. «Они шли сперва пустынною страною или степью, потомъ *переходили черезъ болото*, (которое Римлянинъ *безъ вѣроятнаго на то основанія смѣшиваетъ съ болотомъ Меотійскимъ*) и черезъ горы, черезъ которыя надлежало перешагнуть, *въ 15 дней*, до самой Мидіи». «Однакожъ я привожу это, заключаетъ Палласъ, только лишь какъ *весьма случайное и сомнительное предположеніе*. Естественныя свидѣтельства пониженія Каспійскаго моря болѣе достовѣрны».

Итакъ по мнѣнію Палласа Римлянинъ Ромулъ не понялъ Гунновъ: они разсказывали ему о какомъ-то болотѣ, о какихъ-то топяхъ, а онъ принялъ ихъ за Азовское море. Но можно ли допустить, чтобъ Римскій посланникъ хотя бы и

жду тѣмъ, какъ они пробѣгали ту землю, и производили грабежи, напало на нихъ многочисленное войско Персовъ, которые

V в. распрашивалъ Гуннскихъ вождей для одного препровожденія времени, нисколько не вникая въ подробности маршрута, такъ что принялъ болото за море? Конечно слово *palus*, которое могъ употребить драгоманъ, передававшій Ромулу разсказъ Гунновъ, довольно двусмысленно. Само по себѣ это слово означаетъ болото, стоячую воду, лѣтомъ по большей части высыхающую; а если опредѣлить его прилагательнымъ Maeotis, то оно означаетъ наше Азовское море, къ чему дало поводъ мелководье его, такъ что его называли даже stagnum. Положимъ также, что глаголы *trajicio*, *transeo*, которые могъ употребить переводчикъ, тоже двусмысленны въ томъ отношеніи, что не опредѣляютъ способа перехода. *Paludem trajecisse или transiisse* можетъ значить и *пройти, перебраться черезъ топь*, и *переправиться на судахъ черезъ море* (Азовское). Но неужели Ромулъ ограничился бы двусмысленными выраженіями, когда рѣчь шла о военномъ пути, и не распросилъ бы Гунновъ, какъ они перешли эту palus: верхомъ или на судахъ? Изъ разсказовъ Гунновъ Ромулъ безъ сомнѣнія вынесъ вѣрное представленіе о ихъ походѣ, потому что иначе не сталъ бы пересказывать объ этомъ походѣ Приску. Притомъ, если бы его разсказъ былъ неясенъ, то такимъ же остался бы онъ и у Приска. Напротивъ разсказъ Пр. очень ясенъ и не представляетъ ни малѣйшаго недоразумѣнія. Чтобъ весь путь Гунновъ пріурочить топографически, поставьте себя сперва къ устью Днѣпра, а не Дона, на что мы имѣемъ право, потому что ужъ съ 376 г. познакомились Гунны съ краемъ, лежащимъ къ з. отъ Дона. Идите отъ устья Днѣпра въ Персію: *сперва степь*: до самаго Азовскаго моря. Потомъ *«лимна, которую Ромулъ принялъ за Меотійскую»*. Λίμνη вообще употребляется объ озерахъ, о моряхъ, окруженныхъ со всѣхъ или со многихъ сторонъ землею, о лиманахъ, а не о болотахъ, для означенія которыхъ есть слова ἕλος, τέλμα и многія другія. Самъ П. выше употребилъ это слово въ смыслѣ озера, когда онъ разсказываетъ, что нѣкоторыя вещи, принадлежавшія миссіи, найдены были *на берегу озера* πρὸς τῇ ὄχθῃ τῆς λίμνης. Однакожъ λίμνη подчасъ ставится и вмѣсто ἕλος, тѣмъ болѣе, что и въ природѣ не всегда есть возможность отличить озеро отъ болота. Здѣсь однакожъ понятіе λίμνη ближе опредѣлено глаголомъ, отъ котораго существительное λίμνη поставлено въ зависимость: περαιοῦσθαι говорится только о переѣздѣ, переправѣ черезъ рѣки, озера, моря; а если бы дѣло шло здѣсь о топяхъ, о днѣ не совершенно высохшаго моря, то мы нашли бы παρέρχομαι, παρελαύνω, παραδράμω, παρατρέχω и т. п., отнюдь не περαιοῦμαι. Въ опредѣленности такого значенія глагола περαιοῦμαι убѣждаетъ насъ не только чтеніе древнихъ писателей, (Ирод. II, 124: διαπεραιωθέντας δὲ τὸν ποταμὸν πλοίοισι.... Фукид. II, 67, 3: ὁ δὲ πεισθεὶς πορευομένους αὐτοὺς διὰ τῆς Θρᾴκης ἐπὶ τὸ πλοῖον ᾧ ἔμελλον τὸν Ἑλλήσποντον περαιώσειν (въ рѣдкой формѣ дѣйствит. залога), но, что для насъ въ настоящемъ случаѣ гораздо важнѣе, чтеніе почти современнаго Приску Зосима (περαιωθῆναι τὸν Σάον, τὸν Ἴστρον — Zos. II, 48, IV, 22, V, 19) и наконецъ самого Приска (περαιωθέντες τὸν Ἴστρον—M. fr. 8, p. 79); τούτους (т. е. τοὺς ποταμοὺς) ἐπεραιώθημεν τοῖς μονοξύλοις πλοίοις—ib. 83; ὡς δὲ τὸν Ἴστρον ἐπεραιώθημεν —ib. 94, B. 210...; τὸν Ἴστρον περαιωθέντες ib. 97, B. 212; καὶ τὸν μὲν Ἴστρον ἐπεραιοῦτο ib. 99, B. 215. Итакъ, если допустить, что Прискъ и Ромулъ, два государственные человѣка, соединяли

множествомъ стрѣлъ (какъ тучею), покрыли небо надъ Скиѳами. Устрашенные опасностію, Скиѳы отступили и перешли опять

со словами своими опредѣленный, ясный смыслъ, то никакъ не можетъ быть здѣсь рѣчи о топяхъ, а непремѣнно говорится о морѣ; если же они и сами не понимали, о чемъ говорили, то слова ихъ не имѣютъ никакого значенія *для* науки. Послѣ Азовскаго моря *15 дней пути до горъ*, говоритъ П. Держась расчета г. Ханыкова (Зап. Кавк. От. Геог. О. кн. II. стр. 88) положимъ 40—50 верстъ въ день, что дастъ намъ на 15 дней 600—750 верстъ. Отъ Азовскаго моря столько и будетъ до горнаго прохода Дарiельскаго, введшаго Гунновъ вѣроятно въ Иверiю (Грузiю), страну, въ которой они сперва и хозяйничали, пока не встрѣтили Персидскаго войска. Предположеніе Палласа, которое онъ самъ называетъ *весьма случайнымъ и сомнительнымъ*, становится 40 лѣтъ спустя *для Кефалидеса* очевидностью (D. Aug. Guil. Kephalides De historia maris Caspii. Gottingae 1814 — см. стр. 30 и 170: книга необходимая для геолога и топографа пространной Арало-Каспiйской впадины). Историкъ Каспiйскаго моря ужъ называетъ начальною точкою похода Танаисъ (Донъ), чего у Пр. нѣтъ: кто допуститъ это, тотъ ужъ разумѣется не видитъ на пути у Гунновъ Азовскаго моря. Онъ говоритъ положительно: эта palus относится къ той обширной странѣ, по которой протекаетъ Манычъ; откуда явствуетъ, что Каспiйское море нѣкогда разлито было по этимъ мѣстамъ». Такой выводъ изъ Приска не иное что, какъ болѣе произвольное и болѣе отважное повтореніе случайнаго предположенія Палласова.

Академикъ Ленцъ и г. Ханыковъ тоже видятъ въ свидѣтельствѣ Приска подтвержденіе прежняго соединенія Чернаго моря съ Каспiйскимъ, первый ипотетически, второй положительно (см. превосходный трактатъ г. Ленца: Ueber das Niveau des Caspischen Meeres въ Mém de l'Ac. d. Sciences de St.-Pétersb. 1833, T. II; p. 77. и замѣчательную статью г. Ханыкова: О перемежающихся измѣненіяхъ уровня Каспiйскаго моря въ Запискахъ Кавказскаго Отдѣла Геогр. Общ. кн. II, 1853 г., стр. 86—89).

Академикъ Эйхвальдъ въ сочиненіи своемъ Zur Geschichte des Kaspischen Meeres, Moskwa. 1855 относитъ соединеніе Азовскаго и Чернаго морей съ Каспiйскимъ и сходство ихъ фауны къ отдаленной эпохѣ первобытнаго міра (ferne Zeit der Vorwelt), когда по близости моря тамъ и сямъ былъ еще ein Brackwasser (стр. 5 и 6). Итакъ, если еще въ эпоху первобытную, до-историческую, былъ только Brackwasser, то могло ли тутъ въ V в. по Р. Х. быть такое озеро, черезъ которое слѣдовало переправляться, какъ черезъ море? Хотя Ак. Эйхвальдъ и не касается свидѣтельства Прискова, но мы приводимъ означенное положеніе его, потому что оно ограждаетъ Приска отъ неправильнаго его толкованія.

Академикъ Бэръ не допускаетъ Палласова объясненія Прискова разсказа. Въ послѣднихъ изслѣдованіяхъ своихъ, гдѣ г. Бэръ геологически доказываетъ до-историческое пониженіе уровня Каспiйскаго моря, онъ выражается такъ: «Не гораздо ли проще искать этого болота въ озеровидныхъ расширеніяхъ Маныча, *ежели уже не хотятъ въ немъ видѣть Азовскаго моря, противъ чего возстаетъ Паллассъ* (см. Ученыя замѣтки о Каспiйскомъ морѣ и его окрестностяхъ ст. Акад. Бэра въ Запискахъ Геогр. Общ. кн. 12, 1856 г. стр. 182).

Итакъ, не касаясь вопроса объ эпохѣ отдѣленія Каспiйскаго моря отъ Чернаго съ точки зрѣнія геологической, мы постарались подробнымъ разборомъ При-

горы, унося съ собою не много добычи; ибо большая часть ея была у нихъ отбита Мидами. Боясь преслѣдованія непріятельскаго, Скиѳы обратились къ другой дорогѣ, ѣхали ..... дней по той, гдѣ пламя поднимается изъ скалы подводной, и воротились въ свою страну[79]. Такимъ образомъ узнали они, что Скиѳская земля недалеко отстоитъ отъ Мидійской». «Итакъ, продолжалъ Ромулъ, если Аттила захочетъ идти войною на Мидію, то это не будетъ для него трудно; ему не дологъ путь, покорить и Мидовъ, и Парѳовъ, и Персовъ, и заставить ихъ платить себѣ дань. Военная сила у него такая, что ни одинъ народъ не устоитъ противъ нея». — Когда мы молили Бога, чтобъ Аттила пошелъ противъ Персовъ, и обратилъ на нихъ оружіе, то Константіолъ замѣтилъ: «Я боюсь, что Аттила, по легкомъ покореніи Персіи, не воротится отуда пріятелемъ Римлянъ, а владыкою ихъ. Нынѣ онъ получаетъ отъ нихъ золото по званію (которое отъ

скова текста показать, что на этотъ текстъ никакъ нельзя смотрѣть какъ на доводъ въ пользу соединенія Чернаго моря съ Каспійскимъ въ эпоху историческую.

79. По вѣрному замѣчанію Тунманна эта скала была близъ Баку (Thunm. p. 25). Это свѣдѣніе П. «несомнѣнно относится, справедливо замѣчаетъ и г. Ханыковъ, къ Бакинскимъ вѣчнымъ огнямъ, такъ какъ слово maritima не позволяетъ даже смѣшивать ихъ съ Хинналугскими вѣчными огнями, расположенными на самомъ Кавказскомъ хребтѣ, вдали отъ моря». (О перемежающихся и т. д. стр. 88). Но что слѣдуетъ за этимъ у г. Ханыкова, съ тѣмъ я не могу согласиться: «это (т. е. указаніе на Бакинскіе огни) даетъ намъ возможность, продолжаетъ г. Ханыковъ, пріурочить маршрутъ, по которому Гунны вторглись въ с. Персію, и предположить, съ нѣкоторымъ основаніемъ, что они перешли Кавказскія горы гдѣ нибудь въ Кубинскомъ уѣздѣ. День пути ихъ не могъ быть болѣе 40 или 50 верстъ, такъ какъ и теперь, ни кочевые, ни осѣдлые наѣздники, отправляясь въ длинный походъ, болѣе этого не дѣлаютъ; слѣд. 15 дней пути, отдѣлявшіе встрѣченное или значительное болото отъ горъ, равняются 640 (?600) или 750 верстамъ, и болото это придется какъ разъ между Манычемъ и Дономъ». Г. Ханыковъ получилъ вѣрную исходную точку: Баку; но если Гунны возвращались этимъ путемъ, что совершенно основательно, то слѣдуетъ ли изъ этого, что они первое нападеніе сдѣлали черезъ Кубинскій уѣздъ?—никакъ: Кавказскія горы широко тянутся, и этимъ пунктомъ ограничить Гунновъ нельзя. Этотъ пунктъ по всей вѣроятности избранъ г. Ханыковымъ потому, что онъ въ 15 дняхъ пути отъ болота, помѣщаемаго имъ между Манычемъ и Дономъ. Мы уже разобрали несостоятельность мнѣнія, пріурочивающаго лиману Прискову къ Манычу. Не измѣняя прямаго смысла Прискова текста, мы имѣемъ два твердые пункта—Азовское море и Бакинскіе огни; и тогда нападеніе Гунновъ приходится западнѣе Кубинскаго уѣзда, какъ показали мы выше (ср. прим. 78).

нихъ имѣетъ), но если онъ покоритъ и Мидовъ, и Парѳовъ, и Персовъ, то онъ не будетъ болѣе терпѣть, чтобъ Римляне уклонялись отъ его власти. Считая ихъ своими рабами, онъ будетъ имъ давать самыя тяжкія и нестерпимыя повелѣнія. Упомянутое Константіоломъ званіе есть достоинство Римскаго полководца, за которое Аттила согласился получать отъ царя положенное полководцамъ жалованье». Константіолъ продолжалъ: «покоривъ Мидовъ, Парѳовъ и Персовъ, Аттила свергнетъ съ себя имя и достоинство, которымъ Римляне думали почтить его, и принудитъ ихъ, вмѣсто полководца, называть себя царемъ; ибо онъ сказалъ уже, во гнѣвѣ своемъ, что полководцы царя его рабы, а его полководцы равны царствующимъ надъ Римлянами, что настоящее его могущество распространится въ скоромъ времени еще болѣе, и что это знаменуетъ ему Богъ, явившій мечъ Марсовъ, который у Скиѳскихъ царей почитается священнымъ. Сей мечъ уважается ими, какъ посвященный Богу войны, и въ древнія времена онъ исчезъ, а теперь былъ случайно открытъ быкомъ [80]».

Между тѣмъ, какъ каждый изъ насъ хотѣлъ что-нибудь сказать о настоящихъ обстоятельствахъ, Онигисій вышелъ отъ Аттилы. Мы пошли къ нему и желали узнать что-нибудь о предметѣ нашего ходатайства. Онигисій, поговоривъ напередъ съ нѣкоторыми варварами, велѣлъ мнѣ спросить у Максимина: кто изъ консульскихъ мужей отправленъ будетъ Римлянами къ Аттилѣ въ качествѣ посланника? Я пошелъ въ шатеръ, передалъ Максимину то, что мнѣ было сказано, и вмѣстѣ съ нимъ

80. Сравните Iорн. (G. гл. 35): «Хотя Аттила былъ такого свойства человѣкъ, что въ немъ постоянно жила увѣренность въ успѣхѣ, однакожъ еще больше этой увѣренности придалъ ему найденный (т. е. въ его время) Марсовъ мечъ, который у Скиѳскихъ царей почитался священнымъ. Прискъ историкъ разсказываетъ, что онъ открытъ былъ слѣдующимъ случаемъ. Какой-то пастухъ, говоритъ онъ, замѣтилъ, что одна корова у него хромала; не нашедъ рана никакой причины, онъ направился по кровавому слѣду, и дошелъ наконецъ до меча, на который корова по неосторожности наступила, когда паслась. Вырывши мечъ изъ земли, пастухъ немедленно отнесъ его къ Аттилѣ, который по щедрости своей наградилъ пастуха за этотъ даръ. Аттила думаетъ, что онъ поставленъ владыкой надъ всѣмъ міромъ, и что Марсовъ мечъ даруетъ ему преобладаніе въ бояхъ». Любопытно то, что уже во времена Аттилы жили въ устахъ народовъ сказанія о древнемъ поклоненіи мечу, которое описано еще Иродотомъ (см. кн. IV).

разсуждалъ объ отвѣтѣ, который надлежало дать на вопросъ Онигисія. Я возвратился къ нему съ объявленіемъ, что Римляне желаютъ, чтобъ онъ самъ пріѣхалъ къ царю для переговоровъ о недоумѣніяхъ; но что если желаніе ихъ не исполнится, то царь назначитъ къ Аттилѣ посланникомъ, кого самъ захочетъ. Онигисій велѣлъ мнѣ тотчасъ призвать къ нему Максимина. Тотъ пришелъ. Онигисій повелъ его къ Аттилѣ. Немного спустя, Максиминъ вышелъ изъ дому Аттилы и говорилъ мнѣ, что варваръ требуетъ, чтобъ посланникомъ къ нему назначенъ былъ либо Номъ, либо Анатолій, либо Сенаторъ; что кромѣ ихъ, онъ никого другаго не приметъ. На сдѣланное Максиминомъ замѣчаніе, что не надлежало назначать въ посольство этихъ мужей, и чрезъ то дѣлать ихъ царю подозрительными, Аттила сказалъ, что, если Римляне не сдѣлаютъ того, что онъ хочетъ, то несогласія будутъ рѣшены оружіемъ. Когда мы возвратились въ свой шатеръ, пришелъ къ намъ отецъ Орестовъ и объявилъ намъ, что Аттила приглашаетъ насъ обоихъ на пиршество, которое будетъ около девяти часовъ дня. Въ назначенное время, пришли мы и посланники западныхъ Римлянъ и стали на порогѣ комнаты, противъ Аттилы. Виночерпцы, по обычаю страны своей, подали чашу, дабы и мы помолились, прежде нежели сѣсть. Сдѣлавъ это и вкусивъ изъ чаши, мы пошли къ сѣдалищамъ, на которыя надлежало намъ сѣсть и обѣдать.

Скамьи стояли у стѣнъ комнаты по обѣ стороны; въ самой серединѣ сидѣлъ на ложѣ Аттила; позади его было другое ложе, за которымъ нѣсколько ступеней вели къ его постели. Она была закрыта тонкими и пестрыми занавѣсами, для красы, подобными тѣмъ, какія въ употребленіи у Римлянъ и Эллиновъ для новобрачныхъ. Первымъ рядомъ для обѣдающихъ почиталась правая сторона отъ Аттилы; вторымъ лѣвая, на которой сидѣли мы; впереди насъ сидѣлъ Верихъ, Скивъ знатнаго рода. Онигисій сидѣлъ на скамьѣ, на право отъ ложа царскаго. Противъ Онигисія, на скамьѣ, сидѣло двое изъ сыновей Аттилы; старшій же сынъ его сидѣлъ на краю его ложа, не близко къ нему, изъ уваженія къ отцу потупивъ глаза въ землю.

Когда всѣ разсѣлись по порядку, виночерпецъ подошедъ къ Аттилѣ, поднесъ ему чашу съ виномъ. Аттила взялъ ее и при-

вѣтствовалъ того, кто былъ первый въ ряду. Тотъ, кому была оказана честь привѣтствія, вставалъ; ему не было позволено сѣсть прежде, чѣмъ Аттила возвратитъ виночерпцу чашу, выпивъ вино, или отвѣдавъ его. Когда онъ садился, то присутствующіе чтили его такимъ же образомъ: принимали чаши и, привѣтствовавъ, вкушали изъ нихъ вино. При каждомъ изъ гостей находилось по одному виночерпцу, который долженъ былъ входить въ очередь по выходѣ виночерпца Аттилы. По оказаніи такой же почести второму гостю и слѣдующимъ за нимъ гостямъ, Аттила привѣтствовалъ и насъ на равнѣ съ другими, по порядку сидѣнія на скамьяхъ. Послѣ того, какъ всѣмъ была оказана честь такого привѣтствія, виночерпцы вышли. Подлѣ стола Аттилы поставлены были столы на трехъ, четырехъ или болѣе гостей, такъ, чтобъ каждый могъ брать изъ наложеннаго на блюдѣ кушанья, не выходя изъ ряда сѣдалищъ. Первый вошелъ служитель Аттилы, неся блюдо, наполненное мясомъ. За нимъ прислуживающіе другимъ гостямъ ставили на столы кушанье и хлѣбъ. Для другихъ варваровъ и для насъ были приготовлены отличныя яства, подаваемыя на серебряныхъ блюдахъ; а передъ Аттилою ничего болѣе не было кромѣ мяса на деревянной тарелкѣ. И во всемъ прочемъ онъ показывалъ умѣренность. Пирующимъ подносимы были чарки золотыя и серебряныя, а его чаша была деревянная. Одежда на немъ была также простая, и ничѣмъ не отличалась, кромѣ опрятности. Ни висящій при немъ мечъ, ни шнурки варварской обуви, ни узда его лошади не были украшены золотомъ, каменьями, или чѣмъ либо драгоцѣннымъ, какъ водится у другихъ Скиѳовъ.

Послѣ того какъ наложенныя на первыхъ блюдахъ кушанья были съѣдены, мы всѣ встали, и всякій изъ насъ не прежде пришелъ къ своей скамьѣ, какъ выпивъ прежнимъ порядкомъ поднесенную ему полную чару вина и пожелавъ Аттилѣ здравія. Изъявивъ ему такимъ образомъ почтеніе, мы сѣли, а на каждый столъ поставлено было второе блюдо, съ другими кушаньями. Всѣ брали съ него, вставали по прежнему; потомъ, выпивъ вино, садились.

Съ наступленіемъ вечера, зажжены были факелы. Два варвара, выступивъ противъ Аттилы, пѣли пѣсни, въ которыхъ

превозносили его побѣды и оказанную въ бояхъ доблесть. Собесѣдники смотрѣли на нихъ; одни тѣшились стихотвореніями, другіе воспламенялись воспоминая о битвахъ, а тѣ, которые отъ старости тѣломъ были слабы, а духомъ спокойны, проливали слезы.

Послѣ пѣсней, какой-то Скиѳъ, юродивый, выступивъ впередъ, говорилъ рѣчи странныя, вздорныя, неимѣющія смысла, и разсмѣшилъ всѣхъ.

За нимъ предсталъ собранію Зерконъ Маврусій [81], котораго Эдеконъ убѣдилъ пріѣхать къ Аттилѣ, обнадеживъ, что ходатайствомъ его получитъ жену, которую онъ взялъ въ землѣ варварской, когда былъ любимцемъ Влиды. Зерконъ оставилъ свою жену въ Скиѳіи, бывъ посланъ Аттилою въ даръ Аэтію. Но онъ обманулся въ своей надеждѣ, потому что Аттила прогнѣвался на него, за то, что онъ возвратился въ его землю. Пользуясь веселіемъ пиршества, Зерконъ предсталъ, и видомъ своимъ, одеждою, голосомъ и смѣшенно-произносимыми словами, ибо онъ смѣшивалъ языкъ Латинскій съ Уннскимъ и Готѳскимъ — развеселилъ присутствующихъ и во всѣхъ ихъ, кромѣ Аттилы, возбудилъ *неугасимый смѣхъ* [82]. Аттила одинъ оставался неизмѣннымъ и непреклоннымъ, и казалось, не говорилъ и не дѣлалъ ничего, чѣмъ бы обнаруживалъ расположеніе къ смѣху: онъ только потягивалъ за щеку младшаго изъ сыновей своихъ Ирну, вошедшаго и ставшаго возлѣ него, и глядѣлъ на него веселыми глазами. Я дивился тому, что Аттила не обращалъ вниманія на другихъ дѣтей своихъ, и только ласкалъ одного Ирну. Сидѣвшій возлѣ меня варваръ, знавшій Авсонскій языкъ, попросивъ меня напередъ никому не говорить того, что онъ мнѣ сообщитъ, сказалъ, что прорицатели предсказали Аттилѣ, что его родъ падетъ, но будетъ возстановленъ этимъ сыномъ. Такъ какъ пированье продолжалось и ночью, то мы вышли, не желая долѣе бражничать.

На другой день, по утру, мы пришли къ Онигисію и представляли ему, что надлежало отпустить насъ, чтобъ не терять

---

81. Объ этомъ горбунѣ Зерконѣ см. ниже.

82. Выраженіе, заимствованное изъ пиршества боговъ въ «Иліадѣ».

намъ тутъ напрасно времени. Онъ сказалъ, что Аттила также хочетъ отпустить насъ. Нѣсколько спустя онъ держалъ совѣтъ съ другими сановниками о томъ, что было угодно Аттилѣ, и сочинялъ письма, которыя надлежало отправить къ царю. При Онигисіи были писцы и между прочимъ Рустикій, родомъ изъ верхней Мисіи, взятый въ плѣнъ въ одномъ сраженіи, но по отличному образованію употребляемый Аттилою для писемъ.

Когда Онигисій вышелъ изъ совѣта, то мы просили его объ освобожденіи жены Силла и ея дѣтей, попавшихъ въ неволю при взятіи Ратіаріи [83]. Онъ не отказалъ въ освобожденіи ихъ, но спрашивалъ за нихъ очень дорого. Мы просили его вспомнить прежнее благосостояніе этого семейства и сжалиться надъ настоящими его бѣдствіями. Онигисій пошелъ къ Аттилѣ. Жена Силла была имъ освобождена за пять сотъ золотыхъ, а дѣти отправлены въ даръ царю.

Между тѣмъ Реканъ [84], супруга Аттилы, пригласила насъ къ обѣду у Адамія, управлявшаго ея дѣлами. Мы пришли къ нему вмѣстѣ съ нѣкоторыми знатными Скиѳами, удостоены были благосклоннаго и привѣтливаго пріема и угощены столомъ. Каждый изъ предстоящихъ, по Скиѳской учтивости, привставъ, подавалъ намъ полную чашу, потомъ обнималъ и цѣловалъ выпившаго и принималъ отъ него чашу. Послѣ обѣда мы пошли въ свой шатеръ, и легли спать. На другой день Аттила опять пригласилъ насъ на пиръ. Мы пришли къ нему и пировали по прежнему. На ложѣ, подлѣ Аттилы, сидѣлъ уже не старшій сынъ его, а Оиварсій, дяля его по отцѣ. Во все время пиршества Аттила обращалъ къ намъ ласковыя слова, и велѣлъ сказать царю, чтобъ онъ выдалъ за Константія, который былъ присланъ къ нему отъ Аэтія въ письмоводители, обѣщанную ему женщину. Отправленный нѣкогда къ царю Ѳеодосію вмѣстѣ съ посланниками Аттилы, этотъ Константій обѣщалъ царю устроить между Римлянами и Скиѳами миръ на долго, если царь выдастъ за него богатую женщину. Царь на то согласился и обѣщалъ выдать за него дочь Саторнила, человѣка извѣстнаго по роду и

---

83. О Раціаріи см. прим. 13.

84. Καὶ ἡ Ρέκὰν вѣроятно καὶ Κρέκα, упомянутая выше.

по достатку. Но Саторнилъ былъ убитъ Аѳинаидою, которая называлась и Эвдокіей [85], а Зинонъ не допустилъ, чтобъ обѣщаніе царя было приведено въ исполненіе. Этотъ Зинонъ, возведенный въ консульское достоинство, имѣлъ при себѣ множество Исавровъ, съ которыми было ему поручено во время войны охранять Константинополь. Бывъ въ то время начальникомъ военной силы на востокѣ [86], онъ выпустилъ изъ-подъ стражи эту дѣвицу, и обручилъ ее Руфу, одному изъ своихъ пріятелей. Константій, обманутый въ своей надеждѣ, просилъ Аттилу не оставлять безъ вниманія оказанной ему обиды, но выдать за него обѣщанную дѣвушку или другую, которая бы принесла ему приданое. Итакъ Аттила, за столомъ, велѣлъ Максимину сказать Римскому царю, что не слѣдовало лишать Константія данной ему надежды, и что царю не прилично обманывать. Это порученіе давалъ Аттила Максимину, потому что Константій обѣщалъ ему денегъ, если женится на какой нибудь изъ богатѣйшихъ Римлянокъ. Мы вышли изъ пиршества ночью.

По прошествіи трехъ дней, мы были отпущены Аттилою, который почтилъ насъ приличными подарками. Онъ отправилъ съ нами посланникомъ къ царю Вериха, того самаго, который въ пиршествѣ сидѣлъ выше насъ. Это былъ человѣкъ знатный, владѣлъ многими селеніями въ Скиѳской странѣ, и былъ прежде съ посольствомъ у Римлянъ [87]. Мы пустились въ путь и остановились въ одномъ селеніи. Тутъ былъ пойманъ Скиѳъ, прибѣдшій изъ Римской земли въ варварскую лазутчикомъ. Аттила велѣлъ посадить его на колъ. На другой день, когда мы

---

85. Супруга императора Ѳеодосія Младшаго.

86. *О Зинонѣ* см. ниже отр. 13 и 14 Мюл. *Исавры*, народъ Малоазійскій, тревожившій Восточную имперію до самаго царствованія Анастасія. Изъ нихъ, какъ и изо всѣхъ почти народовъ, нападавшихъ на имперію—Римское правительство составляло отряды, которые держало на жалованьѣ и обращало въ своихъ защитниковъ.

87. Такъ должно перевесть это мѣсто, если держаться текста Боннскаго: ἄλλως τε καὶ αὐτὸν οἷα δὴ πρέσβιν (читай: πρέσβυν) παρὰ Ῥωμαίων δέξασθαι. Nunc enim et alias Romani, pro legato admiserant. (См. переводъ Боннскій, стр. 209, строк. 17). Незнаю, на какомъ основаніи у Мюллера этотъ текстъ дополненъ такъ: ἄλλως τε καὶ αὐτὸν, οἷα δὴ πρέσβυν (ϑῶρα) παρὰ Ῥωμαίων δέξασθαι (βουλόμενος), т. е. «тѣмъ болѣе, что Аттила хотѣлъ, чтобъ Верихъ, какъ посолъ, получилъ отъ Римлянъ подарки».

ѣхали другими селеніями, два человѣка, бывшіе у Скиѳовъ въ неволѣ, были приведены со связанными назади руками за то, что убили своихъ господъ, владѣвшихъ ими по праву войны. Обоихъ распяли, положивъ голову на два бруса, съ перекладинами.

Пока мы были въ Скиѳской землѣ, то Верихъ, ѣхавшій вмѣстѣ съ нами, казался спокойнымъ и благосклоннымъ; но какъ скоро переправились черезъ Истръ, то онъ сдѣлался нашимъ врагомъ по нѣкоторымъ пустымъ причинамъ, къ которымъ подали поводъ служители. Сперва отнялъ онъ у Максимина коня, котораго самъ ему подарилъ: потому что Аттилою данъ былъ окружающимъ его знатнымъ приказъ, оказать Максимину вниманіе подарками. Каждый изъ нихъ, въ числѣ ихъ и Верихъ, послалъ къ Максимину по лошади. Немного лошадей принялъ Максиминъ, а прочихъ отослалъ назадъ, желая тѣмъ показать умѣренность своихъ желаній. Верихъ отнялъ у него эту лошадь, и не хотѣлъ ни обѣдать, ни ѣхать вмѣстѣ съ нами. Итакъ, заключенныя нами въ варварской землѣ связи только и продолжались.

Мы проѣхали Филиппополь и прибыли въ Адріанополь[88]. Здѣсь, отдохнувъ, вступили въ сношеніе съ Верихомъ. Мы жаловались на его молчаніе, доказывали ему, что онъ сердится напрасно на людей, не оказавшихъ ему никакой обиды. Успокоивъ его, мы пригласили къ обѣду; потомъ продолжали путь далѣе.

На дорогѣ встрѣтили мы возвращающагося въ Скиѳію Вигилу, и пересказавъ ему данный намъ Аттилою отвѣтъ, продолжали обратный путь. По прибытіи въ Константинополь, мы думали, что Верихъ пересталъ сердиться: однако онъ не перемѣнилъ дикости свойствъ своихъ, но напрашиваясь на ссору, обвинялъ Максимина, будто бы тотъ въ Скиѳской землѣ увѣрялъ, что полководцы Ареовиндъ и Аспаръ[89] не пользовались при царѣ ни малѣйшимъ уваженіемъ; что онъ презиралъ ихъ дѣла и обличалъ ихъ варварское легкомысліе.

---

88. И понынѣ большіе города на Маринѣ.

89. Объ Аспарѣ см. отр. 35 и 39.

Какъ скоро Вигила прибылъ въ то селеніе, гдѣ имѣлъ пребываніе Аттила, онъ былъ окруженъ приставленными къ тому варварами, которые отняли у него привезенныя Эдекону деньги. Вигила былъ приведенъ къ Аттилѣ, который допрошалъ его, для чего онъ везъ столько золота? Вигила отвѣчалъ, что онъ заботился о себѣ и о спутникахъ своихъ, и хотѣлъ, при отправленіи посольства избѣгнуть остановки на дорогѣ, на случай недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, или въ лошадяхъ и вьючныхъ животныхъ, которыя могли пасть въ продолженіе столь долгаго пути; что при томъ, золото было у него въ готовности, для выкупа военноплѣнныхъ, потому что многіе въ Римской землѣ просили его о выкупѣ родственниковъ. «Звѣрь лукавый! «сказалъ тогда Аттила, ты не скроешься отъ суда своими вы«думками, и не найдешь достаточнаго предлога для избѣжанія «наказанія, ибо находящееся у тебя золото превышаетъ коли«чество нужное тебѣ на расходы, на покупку лошадей и про«чаго скота, и на выкупъ военноплѣнныхъ; да я и запретилъ «выкупать кого либо, еще въ то время, какъ ты съ Максими«номъ пріѣзжалъ ко мнѣ». Сказавъ это, Аттила велѣлъ поразить мечемъ сына Вигилы (который тогда, въ первый разъ, послѣдовалъ за отцемъ своимъ въ варварскую землю), если онъ тотчасъ не объявитъ: за что и кому везетъ тѣ деньги. При видѣ сына, обреченнаго на смерть, Вигила, проливая слезы и рыдая, умолялъ Аттилу обратить на него мечъ и пощадить юношу, ни въ чемъ не провинившагося. Онъ объявилъ безъ отлагательства то, что было замышляемо имъ, Эдекономъ, евнухомъ и царемъ, и между тѣмъ не переставалъ просить Аттилу убить его самого, и отпустить сына. Аттила, зная изъ признанія Эдеконова, что Вигила ни въ чемъ не лгалъ, велѣлъ его сковать, и грозилъ, что не освободитъ его, пока онъ не пошлетъ сына назадъ, для привезенія ему еще пятидесяти литръ золота на выкупъ себя. Вигила былъ скованъ, а сынъ его возвратился въ Римскую землю. Затѣмъ Аттила послалъ въ Константинополь Ореста и Ислу.

ОТРЫВОКЪ 9*.

(449 г. по Р. Х.; Ѳеод. 42*).

(Exc. De leg. gent. P. p. 38, 39; B. 150; M. fr. 12).

Вигила былъ изобличенъ въ злоумышленіи противъ Аттилы. Царь Скиѳскій отнялъ у него сто литръ посланнаго евнухомъ Хрисафіемъ золота, и отправилъ немедленно въ Константинополь Ореста и Ислу. Оресту было приказано повѣсить себѣ на шею мошну, въ которую Вигила положилъ золото для передачи Эдекону; въ такомъ видѣ предстать предъ царя, показать мошну ему и евнуху, и спросить ихъ: узнаютъ ли они ее? Ислѣ велѣно было сказать царю изустно, что Ѳеодосій рожденъ отъ благороднаго родителя, что и онъ самъ, Аттила, хорошаго происхожденія, и наслѣдовавъ отцу своему Мундіуху, сохранилъ благородство во всей чистотѣ; а Ѳеодосій напротивъ того, лишившись благородства, поработился Аттилѣ тѣмъ, что обязался платить ему дань. Итакъ онъ не хорошо дѣлаетъ, тайными козняни, подобно дурному рабу, посягая на того, кто лучше его. кого судьба сдѣлала его господиномъ. Притомъ Исла долженъ былъ объявить, что Аттила не перестанетъ винить Ѳеодосія въ этихъ проступкахъ противъ него, пока евнухъ Хрисафій не будетъ къ нему высланъ для наказанія. Съ такими повелѣніями Орестъ и Исла пріѣхали въ Константинополь. Случилось, что въ то же самое время требовалъ Хрисафія и Зинонъ. Максиминъ доносилъ Ѳеодосію слова Аттилы, что царю надлежитъ исполнять данное обѣщаніе и выдать за-мужъ за Константія извѣстную женщину, которая не могла же быть выдана за другаго безъ воли царя. По мнѣнію Аттилы или слѣдовало дерзнувшаго на такой поступокъ подвергнуть наказанію, или должно было думать, что царь въ такомъ положеніи, что не можетъ управлять и своими рабами, противъ которыхъ онъ, Аттила, готовъ былъ подать царю помощь, если тотъ пожелаетъ. Ѳеодосій въ досадѣ описалъ въ казну имѣніе этой женщины.

ОТРЫВОКЪ 10-й.

(449 по Р. Х.; Ѳеод. 42-й).

(Exc. De leg. Rom. P. 71—72; B. 212; M. fr. 13).

Хрисафія въ одно и то же время требовали къ наказанію Аттила и Зинонъ: онъ былъ въ отчаяніи. Такъ какъ всѣ благопріятствовали ему и ходатайствовали за него, то рѣшено было отправить къ Аттилѣ Анатолія и Нома. Анатолій былъ начальникомъ царской гвардіи[90]; онъ-то и утвердилъ прежде мирный договоръ съ Аттилою[91]. Номъ имѣлъ достоинство магистра и вмѣстѣ съ Анатоліемъ былъ причисленъ къ патрикіямъ, званію, превышающему всѣ другія. Номъ былъ отправленъ вмѣстѣ съ Анатоліемъ, не только по причинѣ своего высокаго званія, но и потому, что онъ былъ приверженъ къ Хрисафію. Притомъ надѣялись, что онъ одолѣетъ Аттилу своею щедростію; онъ обыкновенно не щадилъ денегъ, когда хотѣлъ успѣть въ своемъ домогательствѣ. Такимъ образомъ Анатолій и Номъ были отправлены къ Аттилѣ, для укрощенія его гнѣва и убѣжденія его хранить миръ на постановленныхъ условіяхъ. Имъ было поручено сказать: что за Константія будетъ выдана другая женщина, родомъ и достаткомъ не ниже дочери Саторнила; что первая не желала этого брака, и вышла за-мужъ за другаго согласно съ закономъ, ибо у Римлянъ не позволено выдавать женщину за-мужъ противъ ея воли. Евнухъ послалъ отъ себя много золота варвару, чтобъ смягчить его, и тѣмъ отвести его гнѣвъ.

ОТРЫВОКЪ 11-й.

(449 по Р. Х.; Ѳеод. 42-й).

(Тамъ же: P. 72; B. 213; M. f. 14).

Анатолій и Номъ, переправившись черезъ Истръ, доѣхали до рѣки Дренгона[92], и вступили въ Скиѳскую землю. Аттила, изъ уваженія къ ихъ сану, встрѣтилъ ихъ у этого мѣста, чтобъ

---

90. Ὁ τῶν ἀμφὶ βασιλέα ἄρχων τελῶν то же лице, которое у Малха названо: στρατηγὸς δύο στρατηγιῶν τῶν ἀμφὶ βασιλέα, αἵπερ εἰσὶ μάγισται εἰς τὴν ἑτέραν γῆν (Malchi c. 2. p. 235. B.). Это magister utriusque militiae.

91. Объ Анатоліи ср. отр. 5 и 8.

92. Дренгонъ въ отр. 8 названъ Дрикономъ, см. прим. 56.

не подвергать ихъ трудамъ дальнѣйшаго странствія. Съ начала онъ говорилъ съ ними надменно; потомъ они укротили его множествомъ даровъ и убѣдили ласковыми словами. Онъ поклялся въ сохраненіи мира на прежнихъ условіяхъ: обязался уступить Римлянамъ землю, которая граничила Истромъ, и не безпокоить болѣе царя на счетъ бѣглыхъ, если только Римляне не станутъ снова принимать къ себѣ другихъ бѣгущихъ отъ него людей. Онъ отпустилъ и Вигилу, получивъ пятьдесятъ литръ золота: — такое количество привезено было сыномъ Вигилы, пріѣхавшимъ въ Скиѳію вмѣстѣ съ посланниками. Аттила отпустилъ безъ окупа и многихъ военноплѣнныхъ, изъ уваженія къ Анатолію и Ному. Онъ подарилъ имъ коней, звѣриные мѣха, которыми украшаются царскіе Скиѳы [93], и отпустилъ ихъ. Вмѣстѣ съ ними отправилъ онъ Констанція, требуя отъ царя исполненія даннаго Констанію обѣщанія. Посланники, по возвращеніи своемъ донесли царю о томъ, что было переговорено съ Аттилою. Констанію обручена женщина, бывшая за Арматіемъ сыномъ Плинѳы, Римскаго полководца, достигшаго консульства [94]. Упомянутый Арматій, отправленный въ Ливію противъ Авсоріановъ [95], одержалъ надъ ними побѣду, потомъ занемогъ и умеръ. Его то жену, знаменитую родомъ и богатствомъ, убѣдилъ царь выйти за Констанція. Такимъ образомъ прекращены несогласія съ Аттилою. — Между тѣмъ Ѳеодосій былъ въ страхѣ, чтобъ Зинонъ не сталъ домогаться верховной власти.

---

93. Тутъ Аттила даритъ Римскихъ пословъ мѣхами θηρίων δοράς, которыми украшаются царскіе Скиѳы: этимъ подтверждается, что выше δέρματα ἐρυθρὰ должно принимать за кожи, а не за мѣха. Ср. пр. 59.

94. О Плинѳѣ ср. отр. 1.

95. Эти Авсоріаны не тотъ ли же народъ, который Иродотомъ и Аполлодоромъ помѣщенъ въ Ливіи же, подъ именемъ Авсіевъ? По описанію Иродота IV, 180, *Авсіи* жили у озера Тритониды (нынѣшняго Лудеахскаго), въ южной части Тунисскаго владѣнія. Во времена Иродота Тритонида и Авсіи были какъ бы предѣломъ между Ливіею извѣстною и Ливіею сказочною (Ир. IV, 191). На вторую книгу Землеописанія Аполлодорова находимъ ссылку у Стеѳана Византійскаго, гдѣ упоминается народъ Авсіи въ Ливіи: Αὔσεις, ἔθνος Λιβύης (Frag. hist. ed. Mul. I, p. 430, fr. 109).

ОТРЫВОКЪ 19[й].

(450 г. по Р. Х.; Маркіана 1-й).

(Exc. De leg. gent.: P. 39, 40; B. 151; M. f. 15).

Когда Аттила узналъ, что послѣ смерти Ѳеодосія на престолъ восточнаго Римскаго царства возведенъ Маркіанъ, и когда онъ извѣщенъ былъ о томъ, какъ поступили съ Онорією; то отправилъ посланниковъ къ царю западныхъ Римлянъ, требуя, чтобъ не было оказано никакого притѣсненія Оноріи, потому что она сговорена за него; что онъ отмститъ за нее, если она не получитъ престола[96]. Къ восточнымъ Римлянамъ онъ писалъ о присылкѣ къ нему опредѣленной дани. Посланники его возвратились безъ успѣха. Западные Римляне отвѣчали, что Онорія не могла быть выдана за него, бывъ уже за-мужемъ за другимъ, что престолъ ей не слѣдуетъ, потому что верховная власть у Римлянъ принадлежитъ мужескому, а не женскому полу. Восточный императоръ объявилъ, что онъ не обязанъ платить назначенной Ѳеодосіемъ дани; что если Аттила будетъ оставаться въ покоѣ, то онъ пришлетъ ему дары, но если будетъ грозить войною, то онъ выведетъ силу, которая не уступитъ его силѣ. Аттила послѣ того былъ въ нерѣшимости, не зная, на которую изъ двухъ державъ напасть. Наконецъ онъ разсудилъ за благо обратиться къ упорнѣйшей войнѣ, — выступить противъ запада: тамъ онъ долженъ былъ биться не только съ Италійцами, но и съ Готѳами и Франками; съ Италійцами дабы получить Онорію вмѣстѣ съ богатствомъ ея, а съ Готѳами въ угожденіе Гезериху.

---

96. Іорн. повѣствуетъ, что Гонорія, содержимая по повелѣнію брата своего Валентиніана III въ заключеніи для сохраненія чистоты нравовъ и чести двора, отправила тайно евнуха къ А. и приглашала его овладѣть наслѣдіемъ отца ея, отнявъ господство у ея брата (Ior. G. c. 42).

Іоаннъ Антіохійскій, принадлежащій, какъ полагаютъ къ VII в., разсказываетъ, что Гонорія, сестра З-го императора Валентиніана III, домогаясь престола, послала къ Аттилѣ денегъ и перстень, въ знакъ своего съ нимъ обрученія; что А. сталъ готовиться къ походу; но что Валентиніанъ, извѣщенный Ѳеодосіемъ II о происходившемъ, наказалъ всѣхъ сообщниковъ сестры, а пощадилъ ее одну, склоненный на то мольбами ихъ матери Плацидіи (Ioan. Ant. въ Frag. h. IV, f. 199).

Ѳеофанъ приписываетъ войну А. противъ Валентиніана отказу этого послѣдняго выдать за него сестру Гонорію. Theoph. Chron. B. подъ 443 г., стр. 162).

ОТРЫВОКЪ 13[й].

(450 г. по Р. Х.; Марк. 1-й).

(Тамъ же: P. 40; B. 152; M. f. 16).

Поводомъ къ войнѣ Аттилы съ Франками были кончина ихъ государя и споръ между сыновьями за господство: старшій рѣшился держаться союза съ Аттилою, а младшій съ Аэтіемъ.

Мы видѣли этого послѣдняго, когда онъ явился въ Римъ съ предложеніями: на лицѣ еще не пробивался пушокъ; русые волосы такъ были длинны, что охватывали плеча. Аэтій усыновилъ его, и богато одаривъ, тогда же отправилъ къ императору, для заключенія между ними дружбы и союза. По этой-то причинѣ Аттила приступалъ къ походу, и отправлялъ опять въ Италію нѣкоторыхъ мужей изъ своей свиты, требуя выдачи Оноріи. Онъ утверждалъ, что она помолвлена за него, въ доказательство чего приводилъ перстень, присланный къ нему Онорією, который и препровождалъ съ посланниками для показанія; утверждалъ, что Валентиніанъ долженъ уступить ему полъцарства, ибо и Онорія наслѣдовала отъ отца власть, отнятую у нея алчностью брата ея; что такъ какъ западные Римляне, держась прежнихъ мыслей, не покорствовали ни одному изъ его предписаній, то онъ рѣшительнѣе сталъ приготовляться къ войнѣ, собравъ всю массу людей ратныхъ[97].

ОТРЫВОКЪ 14[й].

(452 г. по Р. Х. Марк. 3-й).

(Exc. De leg. Rom. P. 72, 73; B. 215; M. f. 18).

Аттила требовалъ (отъ Маркіана) опредѣленной Ѳеодосіемъ дани; въ противномъ случаѣ онъ угрожалъ войною. Римляне

97. Пораженіе А. *въ Галліи* не могло быть пропущено П—мъ; но къ сожалѣнію этотъ важный отрывокъ не уцѣлѣлъ. Хроника Пасхальная (Bon. p. 587), какъ указываетъ Мюллеръ, приписываетъ описаніе этой войны Приску: Περὶ οὗ πολέμου συνεγράψατο ὁ σοφώτατος Πρίσκος ὁ Θρᾷξ. Къ этой части П—й исторіи относятъ слѣдующій разсказъ Іорнанда, который, по увѣренію его, заимствованъ имъ изъ Приска: «Когда А. намѣревался итти *на Римъ*, то приближенные отклонили его отъ этого, какъ свидѣтельствуетъ Приск историкъ, не изъ доброхотства къ городу, котораго они были врагами, но поставляя ему на видъ примѣръ бывшаго царя Везеготскаго, и опасаясь за участь собственнаго государя; ибо Аларихъ не долго пережилъ разореніе Рима, но тотчасъ скончался» (Ior. G. c. 42).

отвѣтствовали, что пошлютъ къ нему посланниковъ. Отправленъ былъ въ Скиѳію Аполлоній, котораго братъ женился на Саторниловой дочери; это та самая, которую Ѳеодосій хотѣлъ выдать за-мужъ за Константія, но которую Зинонъ выдалъ за Руфа[98]. Тогда Руфа уже не было въ живыхъ. Аполлоній, который былъ пріятелемъ Зинона, получивъ званіе полководца, отправленъ былъ къ Аттилѣ посланникомъ. Онъ переправился чрезъ Истръ, но не былъ допущенъ къ Аттилѣ. Царь Скиѳскій гнѣвался на него за то, что онъ не привезъ къ нему дани, которая, какъ увѣрялъ онъ, была ему назначена отъ особъ важнѣйшихъ и царскаго сана достойнѣйшихъ. Итакъ онъ, не принимая посланниковъ, оказывалъ тѣмъ небреженіе и къ пославшему. Аполлоній въ это время ознаменовалъ себя поступкомъ достойнымъ твердаго человѣка. Такъ какъ Аттила не принималъ его какъ посла, и не хотѣлъ съ нимъ говорить, а между тѣмъ прибавилъ, чтобъ онъ выдалъ ему подарки, везенные къ нему отъ царя, грозя убить его, если ихъ не выдастъ: то Аполлоній отвѣчалъ: «Скиѳы не должны требовать того, что они могутъ получить или какъ даръ, или какъ добычу»: онъ этимъ давалъ замѣтить, что Аттила получитъ либо подарки, если приметъ его какъ посланника, либо добычу, если отниметъ ихъ, убивъ его. Итакъ онъ возвратился безъ успѣха.

ОТРЫВОКЪ 15[й].

(452 г. по Р. Х.; Марк. 3-й).

(Exc. De leg. gent.: P. 40; B. 153; M. f. 19).

Поработивъ Италію, Аттила возвратился во свояси[99], и объявилъ войну и порабощеніе страны восточнымъ Римскимъ государямъ, такъ какъ дань, постановленная Ѳеодосіемъ, не была выслана.

---

98. О Руфѣ сличи выше.

99. Іорнандъ (G. cap. 42, 43) разсказываетъ отношенія Аттилы къ Италіи слѣдующимъ образомъ: (послѣ словъ прим. 87 «но тотчасъ скончался» слѣдуетъ «Итакъ пока А. колебался духомъ между итти и не итти, пока онъ медлилъ, разбирая про себя этотъ вопросъ, явилось къ нему посольство изъ Рима, которое пришлось ему по душѣ. Ибо папа Леонъ лично къ нему явился въ Акровентѣ Мамболеѣ, гдѣ путники часто переправляются черезъ рѣку Минцій. А. укротивъ

ОТРЫВОКЪ 16[й].

(453 г. по Р. Х.; Марк. 4-й).

(Тамъ же: P. 40; B. 153; M. f. 20).

Ардавурій, сынъ Аспаровъ, воевалъ съ Саракинами подъ Дамаскомъ [100]; а когда полководецъ Максиминъ и писатель Прискъ прибыли туда, то застали его за мирными переговорами съ послами Саракинскими [101].

ОТРЫВОКЪ 17[й].

(453 г. по Р. Х.; Марк. 4-й).

(Exc. De leg. gent.: P. 40, 41; B. 153; M. f. 21).

Влемміи и Нувады, побѣжденные Римлянами [102], отправили къ Максимину пословъ отъ обоихъ народовъ, желая вести переговоры о мирѣ, который обязались хранить до тѣхъ поръ, пока Максиминъ будетъ оставаться въ странѣ Ѳивской. Когда онъ не согласился на такой срокъ, то они утверждали, что пока онъ будетъ въ живыхъ, не поднимутъ оружія. Но какъ онъ не принялъ и втораго условія посланниковъ, то заключенъ былъ миръ на сто лѣтъ. Этимъ мирнымъ договоромъ положено было, чтобы военноплѣнные изъ Римлянъ, взятые и въ это нашествіе и въ другое какое, отпущены были безъ выкупа; чтобъ уведенныя въ то время стада были Римлянамъ возвращены, а издержки уплачены; чтобъ выданы были Римлянамъ знатные заложники въ обезпеченіе мира; чтобъ на основаніи древняго

бѣшеные порывы войска, возвратился за Дунай (собств. Данубій), откуда вышелъ. Но обѣщая миръ, онъ объявилъ среди угрозъ, что нанесетъ Италіи самыя тяжкія бѣдствія, если не будетъ къ нему отправлена Гонорія, сестра императора Валентиніана, дочь Плацидіи Августы, съ причитающеюся ей частью царской казны». (Далѣе см. прим. 96: «носились слухи, что Гонорія содержимая...» и т. д.)

100. Объ Аспарѣ см. ст. 29 и 33.

101. На извѣстіе объ Ардавуріи, читаемое въ Суидѣ (подъ сл. Ἀρδαβούριος) Нибуръ смотритъ, какъ на Прискова, а Мюл. скорѣй, какъ на малую выдержку изъ II.

102. О покореніи Нуваовъ и Влемміевъ при Маркіанѣ свидѣтельствуетъ Іорнандъ въ Lib. de succes. regn.: «Съ Парѳами и Вандалами, которые все опустошали, заключилъ онъ миръ, Аттилины угрозы укротилъ, а Нувадовъ и Влемміевъ, нахлынувшихъ изъ Эѳіопіи, усмирилъ и отогналъ отъ Римской земли черезъ Флора, прокуратора Александріи. (Валезій). Объ этомъ Флорѣ см. прим. 104.

обычая не возбранялся Блемміямъ и Нувадамъ проѣздъ въ храмъ Исиды, при чемъ управленіе рѣчнымъ судномъ, на которомъ перевозится кумиръ богини, ввѣрялось Египтянамъ. Эти иноземцы въ назначенное время перевозятъ кумиръ Исиды въ свой край, и допросивъ ее, отвозятъ обратно на островъ. Максиминъ разсудилъ за благо скрѣпить договоръ въ Филькомъ храмѣ [103]. Посланы были отъ него повѣренные; туда же прибыли и повѣренные Блемміевъ и Нувадовъ, заключившіе миръ на этомъ островѣ. Взаимныя условія были написаны, заложники выданы (все изъ владѣтелей или изъ сыновей ихъ, чего никогда не было въ этой войнѣ, дѣти Нувадовъ и Блемміевъ не бывали еще заложниками у Римлянъ): но въ то самое время Максиминъ занемогъ и умеръ; а варвары, свѣдавъ о его смерти, отбили заложниковъ и разсорили страну [104. 105].

---

103. Относительно того, что Нубійцы и Блемміи продолжали покланяться Изидѣ и Озирису, Валезій ссылается на Прокопія Pers. I. p. 33. Филы островъ, съ храмомъ Изиды на ю.-й границѣ Египта.

104. Издатели прилагаютъ сюда слѣдующій текстъ изъ Эвагрія, въ которомъ есть ссылка на Приска (Evag. Hist. eccl. II, 5): Προτέριος δὲ τὴν ἐπισκοπὴν ψήφῳ κοινῇ τῆς συνόδου τῆς Ἀλεξανδρέων κληροῦται· ὃς ἐπειδὴ τὸν οἰκεῖον κατειλήφει θρόνον, μέγιστος καὶ ἀνύποιστος τάραχος τῷ δήμῳ διανέστη πρὸς διαφόρους κυμαινομένῳ γνώμας. Οἱ μὲν γὰρ Διόσκορον ἐπεζήτουν (οἷά περ εἰκὸς ἐν τοῖς τοιούτοις γίνεσθαι), οἱ δὲ Προτερίου μάλα γεννικῶς ἀντείχοντο, ὡς καὶ πολλὰ καὶ ἀνήκεστα προελθεῖν. Ἱστορεῖ γοῦν Πρίσκος ὁ ῥήτωρ φθῆναι τηνικαῦτα ἐς τὴν Ἀλεξάνδρου ἐκ τῆς τῶν Θηβαίων ἐπαρχίας, ἰδεῖν τε τὸν δῆμον ὁμόσε κατὰ τῶν ἀρχόντων χωροῦντα, τῆς τε στρατιωτικῆς δυνάμεως τὴν στάσιν διακωλύειν βουλομένης λίθων βολαῖς αὐτοὺς χρήσασθαι. Τρέψασθαί τε τούτους ἀνὰ τὸ ἱερὸν τὸ πάλαι Σαράπιδος, καὶ ἀναδραμόντας ἐκπολιορκῆσαι, καὶ πυρὶ ζῶντας παραδοῦναι. Ταῦτά τε τὸν βασιλέα μαθόντα δισχιλίους νεολέκτους ἐκπέμψαι, καὶ τοῦ πνεύματος ἐπιτυχόντας οὐριοδρομῆσαι, ὡς ἀνὰ τὴν ἕκτην τῶν ἡμερῶν τῇ μεγάλῃ τῶν Ἀλεξανδρέων προσσχεῖν πόλει. Κἀντεῦθεν τῶν στρατιωτῶν παροινούντων ἔς τε τὰς γαμετὰς καὶ θυγατέρας τῶν Ἀλεξανδρέων, τῶν προτέρων πολλῷ δεινότερα προελθεῖν. Ὕστερόν τε δεηθῆναι τὸν δῆμον τοῦ Φλώρου τῶν στρατιωτικῶν ταγμάτων ἡγουμένου, ὁμοῦ τε καὶ τὴν πολιτικὴν διέποντος ἀρχήν, ἀνὰ τὴν ἱπποδρομίαν ἁλισθέντα· ὥστε καταπράξασθαι αὐτοῖς τὴν τοῦ σιτηρεσίου χορηγίαν, ἥνπερ παρ' αὐτῶν ἀφῄρητο, τά τε βαλανεῖα καὶ τὴν θέαν καὶ ὅσα διὰ τὴν γενομένην αὐτῶν ἀταξίαν ἀπεκόπησαν. Καὶ οὕτως τὸν Φλῶρον ἐσηγήσει τῇ αὐτοῦ φανέντα τῷ δήμῳ ὑποσχέσθαι τε αὐτῷ καὶ τὴν στάσιν πρὸς βραχὺ διαλῦσαι.— Переводъ: «Протерій получилъ епископію по общему выбору синода Александрійскаго. Какъ скоро онъ занялъ свою каѳедру, сильныя, неудержимыя смуты возникли въ народѣ, волнуемомъ разными мнѣніями, какъ бываетъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ: одни требовали *Діоскора*, а другіе мужественно отстаивали Протерія, такъ что отъ этого воспослѣдовало много неисцѣ-

ОТРЫВОКЪ 18-й.

(456 г. по Р. Х.; Марк. 7-й).

Авитъ царствовалъ въ Римѣ, когда Гезерихъ ограбилъ этотъ городъ. Маркіанъ, царь восточныхъ Римлянъ, отправилъ посольство къ этому правителю Вандиловъ съ требованіемъ, чтобъ онъ не дѣлалъ нападеній на Италію, и возвратилъ уведенныхъ въ плѣнъ женщинъ царскаго рода, супругу Валентиніана и ея дочерей. Посланники возвратились безъ успѣха. Гезерихъ не

лимыхъ бѣдствій. Приск, риторъ, сказываетъ, что онъ въ это самое время прибылъ изъ области Ѳивской въ Александрію и видѣлъ народъ, устремляющійся на начальниковъ и закидывающій каменьями военную силу, когда она готовилась остановить мятежъ. Онъ говоритъ, что войска направились къ бывшему храму Сараписа, а народъ, сбѣжавшись, осадилъ и сжегъ ихъ тамъ живыхъ. Свѣдавъ объ этомъ, государь отправилъ двѣ тысячи новобранцевъ. Вѣтеръ былъ до того попутный, что на шестой день прибыли они въ великій городъ Александрію. Но солдаты стали позорить женъ и дочерей Александрійцевъ, отчего произошли гораздо худшія бѣдствія. Собравшись на ристалище, народъ просилъ, чтобъ Флоръ, бывшій въ одно и то же время начальникомъ и по военной части, и по гражданской, разрѣшилъ раздачу хлѣба, которая прекратилась-было, открытіе бань и зрѣлищъ и все то, что было закрыто въ слѣдствіе народныхъ безпорядковъ. И Флоръ, по совѣту Приска, явился къ народу, обѣщалъ ему все это и скоро усмирилъ мятежъ.

105. Разсказывая о смерти Атт., Іорнандъ ссылается на Приска, но самаго текста Прискова объ этомъ предметѣ не дошло до насъ. Вотъ слова Іорнанда Got. с. 49: «Аттила, по свидѣтельству историка Приска, передъ смертью женился на дѣвушкѣ, именемъ Ильдикѣ, собою прекрасной, послѣ того какъ имѣлъ несмѣтное множество женъ, по обыкновенію этого народа. На свадьбѣ своей онъ развеселился и напившись до пьяна заснулъ. Такъ какъ онъ лежалъ на спинѣ, то кровь, которая обыкновенно шла у него носомъ, задержанная въ ходѣ своемъ, прилила роковымъ путемъ къ горлу и удушила его. Такимъ образомъ прославившемуся войнами царю пьянство причинило постыдную смерть. На другой день, когда уже большая часть дня прошла, царскіе слуги, подозрѣвая, что случилась какая нибудь бѣда, послѣ продолжительныхъ криковъ выламываютъ дверь, и находятъ Аттилу умершаго не отъ раны, но отъ истеченія крови; а дѣвушку съ понуренною головою, плачущую подъ покрываломъ. Тогда они обрѣзали по своему обычаю часть волосъ своихъ, и исказили и безъ того безобразныя лица свои глубокими ранами, для того чтобъ славный воитель оплаканъ былъ не женскими воплями и плачемъ, а мужскою кровью. Въ это время съ Маркіаномъ, государемъ восточнымъ, случилось чудное приключеніе. Когда онъ былъ въ тревогѣ отъ столь свирѣпаго врага, божество явилось ему во снѣ и показало Аттилинъ лукъ, въ ту же самую ночь переломившійся: извѣстно, что Гуннскій народъ возлагалъ большую надежду на этотъ лукъ. Приск историкъ утверждаетъ, что это основывается на правдивомъ свидѣтельствѣ».

исполнилъ требованій Маркіана, и не хотѣлъ освободить тѣхъ женщинъ. Маркіанъ послалъ къ нему другія письма съ посланникомъ Влидою, который былъ епископомъ одной съ Гезерихомъ ереси: ибо и Вандилы Христіанскаго исповѣданія. По прибытіи въ Ливію Влида, увѣрившись, что Гезерихъ не намѣренъ исполнить требованіе Маркіана, говорилъ ему самыя дерзкія рѣчи, и утверждалъ, что не будетъ ему счастья, если онъ, превозносясь настоящимъ успѣхомъ, не освободитъ плѣненныхъ царицъ, и тѣмъ заставитъ царя восточныхъ Римлянъ поднять противъ него оружіе. Но ни кротость прежнихъ рѣчей, ни угрозы не могли склонить Гезериха къ видамъ умѣреннымъ. И Влида былъ отпущенъ безъ успѣха. Гезерихъ послалъ войско въ Сицилію и въ ближайшую къ ней Италію, и опустошалъ ихъ. Авитъ, царь западныхъ Римлянъ, также отправилъ къ Гезериху посольство, напоминалъ ему о заключенномъ нѣкогда мирномъ договорѣ, и объявлялъ, что если Гезерихъ не будетъ его хранить, то и онъ долженъ будетъ готовиться къ войнѣ, полагаясь на свои силы и на помощь союзниковъ. И въ то же время отправилъ онъ въ Сицилію патрикія Рекимера съ войскомъ [106].

ОТРЫВОКЪ 19*.

(456 г. по Р. Х.; Марк. 7-й).

(Тамъ же: P. 73, 74; B. 217; M. f. 25).

Римское войско вступило въ Колхиду и дало сраженіе Лазамъ [107]. Оно возвратилось назадъ; а царскіе сановники готовились къ новой войнѣ и разсуждали: тою ли же дорогою, или черезъ Арменію, сопредѣльную съ Персіею, надлежало нанесть войну Лазамъ, склонивъ предварительно на свою сторону Парѳскаго государя. Имъ казалось труднымъ проѣхать моремъ мимо мѣстъ неудобоприступныхъ: Колхида совсѣмъ безъ пристаней. Говазъ же отправилъ посольство и къ Парѳамъ и къ

106. О бывшемъ послѣ этого въ Римѣ см. Ioan. Ant. fr. 202 въ Frag. H. IV, Did.

107. Въ древней *Колхидѣ*, средневѣковой *Лазикѣ*, нынѣшней *Мингреліи*, царствовалъ въ это время Говазъ съ сыномъ, какъ увидимъ ниже, въ самомъ П. Имя это по мѣстному выговору должно обратиться въ Губадзѣ (см. статью г. Бакрадзѣ подъ заглавіемъ: *Лазика* въ газетѣ «Кавказъ» 1856 г., № 34).

Римлянамъ: но Парѳскій монархъ, ведя войну съ Уннами Кидаритами, отвергъ прибѣгнувшихъ къ нему Лазовъ.

ОТРЫВОКЪ 20-й.

(456 г. по Р. Х.; Марк. 7-й).

(Exc. De leg. gent.: P. 41; B. 155; M. f. 26).

Говазъ отправилъ пословъ къ Римлянамъ, которые отвѣчали этимъ посламъ, что откажутся отъ войны, если самъ Говазъ сложитъ съ себя власть, или же отниметъ ее у сына своего, потому что нельзя въ противность древнему закону, чтобъ оба они господствовали надъ страною. Итакъ надъ Колхидою царствовать одному изъ двухъ, Говазу или его сыну, и тѣмъ прекратить войну. Такой совѣтъ поданъ былъ Евфиміемъ, имѣвшимъ достоинство магистра. Славный разумомъ и силою слова Евфимій правилъ государственными дѣлами при Маркіанѣ и былъ его руководителемъ во многихъ полезныхъ дѣлахъ. Онъ принялъ къ себѣ Приска сочинителя, какъ участника въ заботахъ правленія. Когда Говазу было предоставлено на выборъ одно изъ двухъ, то онъ предпочелъ уступить царство сыну. Онъ сложилъ съ себя знаки верховной власти, и отправивъ къ Римскому императору посланниковъ, просилъ больше не гнѣваться и не браться за оружіе, потому что надъ Колхами уже царствуетъ одинъ государь. Маркіанъ велѣлъ Говазу пріѣхать въ Византію и дать отчетъ въ своихъ намѣреніяхъ. Говазъ не отказался исполнить приказаніе царя; но онъ просилъ чтобъ Діонисій, который нѣкогда былъ посланъ въ Колхиду по поводу возникшихъ тогда несогласій, далъ ему слово, что ему не будетъ оказано никакой непріятности. Что заставило отправить въ Колхиду Діонисія, и съ того времени всѣ несогласія были прекращены.

ОТРЫВОКЪ 21-й.

(460 г. по Р. Х.; Леон. 4-й).

(Тамъ же: P. 41, 42; B. 156; M. f. 27).

Маіоріанъ, царь западныхъ Римлянъ [108], заключивъ союзъ съ Готѳами, занимавшими Галатію, и присоединивъ къ своему цар-

108. Маіоріанъ царствовалъ послѣ Авита съ 460 г. (о немъ въ Iosp. Ant. fr. 203. F. H. G. IV.).

ству окрестные народы частію силою оружія, частію убѣжденіемъ, хотѣлъ переправиться въ Ливію съ многочисленнымъ войскомъ: у него было собрано до трехъ сотъ кораблей. Правитель Вандиловъ отправилъ къ нему посольство, желая переговорами положить конецъ несогласію; не успѣвъ убѣдить въ этомъ Маіоріана, Гезерихъ опустошилъ всю Маврусійскую страну, куда надлежало переправиться Маіоріану изъ Ивиріи. Онъ испортилъ и всѣ тамошнія воды.

ОТРЫВОКЪ 32[й].

(461 г. по Р. Х.; Леон. 5-й).

(Exc. De leg. Rom. P. 74; B. 217; M. f. 28).

Скиѳъ Валамеръ[109], нарушивъ мирный договоръ, опустошалъ многіе города и страны Римскіе. Римляне отправили къ нему посольство, жалуясь на его непріязненные поступки. Такъ какъ онъ увѣрялъ, что его народъ прибѣгалъ къ войнѣ по недостатку въ продовольствіи, то ему назначили по триста литръ ежегодно, съ тѣмъ чтобъ онъ не дѣлалъ болѣе набѣговъ на Римскія владѣнія.

ОТРЫВОКЪ 33[й].

(461, 462 по Р. Х.; Леон. 5-й, 6-й).

(Тамъ же: P. 74: B. 218; M. f. 29).

Гезерихъ не сохранилъ заключеннаго съ Маіоріаномъ договора. Онъ послалъ многочисленное, состоящее изъ Вандиловъ и Маврусіевъ войско, для раззоренія Италіи и Сициліи. Маркеллинъ еще прежде оставилъ этотъ островъ, потому что Рекимеръ старался отвлечь отъ него войско, и переманить къ себѣ. Онъ подкупалъ бывшихъ у Маркеллина Скиѳовъ — а ихъ было у него много —, чтобъ заставить ихъ покинуть Маркеллина и перейти къ нему. Маркеллинъ, устрашенный кознями Рекимера и не бывъ въ состояніи состязаться съ нимъ въ богатствѣ, удалился изъ Сициліи. Къ Гезериху отправлены были посольства, одно отъ Рекимера съ увѣщаніемъ, чтобъ онъ не нарушалъ мирнаго договора, другое отъ царя Восточныхъ Рим-

109. Этотъ *Валамиръ*, владѣтель Остъ-Готскій, былъ отецъ знаменитаго *Теодорика* (Malch. c. 17, 18) въ Corp. S. B. I, B. или Frag. H. G. IV. p. 124, 125.

лянъ съ требованіемъ, чтобъ онъ не безпокоилъ Италіи и Сициліи, и освободилъ царицу и царевенъ. Хотя въ разныя времена посланы были къ нему многія посольства (съ требованіемъ освобожденія этихъ женщинъ), однако онъ не прежде отпустилъ ихъ, какъ обручивъ старшую изъ дочерей Валентиніана, по имени Эвдокію, сыну своему Онориху.

Послѣ того Гезерихъ отпустилъ и Эвдоксію, дочь Ѳеодосіеву, вмѣстѣ съ Плакидіею, другою ея дочерью, на которой женился Оливрій. При всемъ томъ Гезерихъ не переставалъ раззорять Италію и Сицилію; даже еще больше прежняго опустошалъ ихъ. Онъ хотѣлъ, по смерти Маіоріана, поставить царемъ надъ западными Римлянами Оливрія, такъ какъ онъ былъ съ нимъ въ свойствѣ [110].

ОТРЫВОКЪ 24[1].

(463 по Р. Х.; Леон. 7-й).

(Exc. De leg. gent.: P. 42, 43; B. 156; M. f. 30).

Западные Римляне были въ страхѣ, чтобъ могущество Маркеллиново не возросло, и чтобъ онъ не обратилъ на нихъ оружія въ то самое время, какъ дѣла ихъ были запутаны: съ одной стороны безпокоила ихъ сила Вандиловъ, съ другой Эгидій. Онъ былъ изъ западныхъ Галатовъ, служилъ при войскѣ Маіоріана, пользовался при немъ великой силой, и потому былъ раздраженъ его убіеніемъ. Раздоръ его съ Готѳами, занимавшими Галатію, отвлекалъ его дотолѣ отъ войны съ Италійцами. Оспоривъ у Готѳовъ пограничную область, онъ велъ противъ нихъ жестокую войну, и оказалъ въ ней великіе и достойные отличнаго мужа подвиги. По этой причинѣ западные Римляне отправили посольство къ восточнымъ, и просили ихъ о примиреніи ихъ съ Маркеллиномъ и съ Вандилами. Филархъ, отправленный къ Маркеллину, убѣдилъ его не обращать оружія противъ Римлянъ; но тотъ, кто былъ посланъ къ Вандиламъ,

110. «Но Гезерихъ, говоритъ Іоаннъ Антіохійскій, причиной войны объявлялъ не намѣреніе возвести на западный престолъ Оливрія, а невыдачу ему Гезериху имуществъ Валентиніанова и Аэтіева, которыя онъ требовалъ: первое, во имя Евдокіи, супруги сына своего, а второе, на томъ основаніи, что у него жилъ сынъ Аэтіевъ Гавдентій» (Ioan. An. fr. 204).

воротился безъ успѣха. Гезерихъ грозилъ, что не положитъ оружія пока не будетъ выдано ему имущество Валентиніана и Аэтія, такъ какъ и отъ восточныхъ Римлянъ онъ получилъ часть Валентиніанова имущества, именемъ Эвдокіи, вышедшей за мужъ за Онориха. Пользуясь этимъ предлогомъ, Гезерихъ каждый годъ, въ началѣ весны, предпринималъ на корабляхъ высадки на Италію и на Сицилію: къ городамъ, гдѣ была военная сила Италійская, онъ приступалъ не охотно; но занимая мѣста, въ которыхъ не было никакой непріятельской силы, онъ опустошалъ страну, а людей бралъ въ неволю. Италійцы не имѣли достаточной силы, чтобъ быть вездѣ, гдѣ только Вандилы дѣлали высадки. Множество непріятелей одолѣвало ихъ; при томъ у нихъ не было кораблей. Они просили ихъ у восточныхъ Римлянъ, но ничего отъ нихъ не получали, потому что между ними и Гезерихомъ заключенъ былъ мирный договоръ. Это обстоятельство и раздѣленіе имперіи еще болѣе разстроили дѣла Римлянъ на западѣ.

Около сего времени къ восточнымъ Римлянамъ отправлены были посольства отъ Сарагуровъ, Уроговъ и Оногуровъ, народовъ, оставившихъ свою страну, потому что съ ними вступили въ бой Савиры, изгнанные Аварами. Послѣдніе были также изгнаны народами, жившими на берегахъ океана.

Такимъ образомъ и Сарагуры, тѣснимые другими народами, пришли къ Уннамъ Акатирамъ, и требовали у нихъ земли [111].

---

111. Это вытѣсненіе одного народа другимъ, этого послѣдняго третьимъ и т. д. напоминаетъ подобный фактъ, приводимый Иродотомъ изъ Аристея Проконнесскаго: Аримаспами вытѣснены Иссидоны, Иссидонами Скиеы, Скиеами Киммерійцы (Herod. IV, 13). Таковъ постоянный законъ передвиженія, которому послѣдовали народы, населявшіе наше отечество съ незапамятныхъ временъ до усиленія Русскаго царства. — Представляемъ переводъ безъ вставки, сдѣланной въ нашемъ столѣтіи. Въ Сундѣ подъ словомъ Ἄβαρις находится слѣдующій разсказъ: ὅτι τοὺς Ἀβαρεις οἱ Βούλγαροι κατὰ κράτος ἄρδην ἠφάνησαν, ὅτι οἱ Ἀβάρεις ἐξήλασαν Σαβίνωρας, μετανάσται γενόμενοι ὑπὸ ἐθνῶν οἰκούντων μὲν τὴν παρωκεανῖτιν ἀκτὴν [τὴν δὲ χώραν ἀπολιπόντων διὰ τὸ ἐξ ἀναχύσεως τοῦ ὠκεανοῦ ὁμιχλῶδες γινόμενον, καὶ γρυπῶν δὲ πλῆθος ἀναφανέν· ὅπερ ἦν λόγος, μὴ πρότερον παύσασθαι, πρὶν ἢ βορᾶν ποιήσασθαι τὸ τῶν ἀνθρώπων γένος. διὸ δὴ ὑπὸ τῶνδε ἐλαυνόμενοι τῶν δεινῶν, τοῖς πλησιοχώροις ἐνέβαλον, καὶ τῶν ἐπιόντων δυνατωτέρων ὄντων οἱ τὴν ἔφοδον (Nieb. οὐχ) ὑφιστάμενοι μετανίσταντο.] ὥσπερ καὶ οἱ Σαραγουροι ἐλαθέντες κατὰ ζήτησιν γῆς πρὸς τοῖς Ἀκατίροις Οὔννοις ἐγένοντο. Т. е. «Булгары (Болгары) совершенно разбили Аваровъ, а Авары изгнали Савиноровъ;

Они имѣли съ ними много сраженій, одолѣли ихъ, и прошли къ Римлянамъ, желая быть съ ними въ дружбѣ. Посланники ихъ были приняты благосклонно, получили подарки отъ царя и отъ его приближенныхъ, и были отпущены.

ОТРЫВОКЪ 25[1].

(464 г. по Р. Х.; Леон. 8-й).

(Тамъ же: P. 43; B. 158; M. f. 31).

Въ то время какъ изгнанные народы были въ раздорѣ съ восточными Римлянами, отъ Италійцевъ прибыло (въ Константинополь) посольство, и объявило, что они не могутъ болѣе существовать, если Римляне не примирятъ ихъ съ Вандилами. Отъ монарха Персидскаго пріѣхали также посланники, которые жаловались, что люди изъ ихъ государства бѣжали къ Римлянамъ; что Маговъ, искони обитавшихъ въ Римскихъ владѣніяхъ, Римляне хотѣли отвлечь отъ отеческихъ обычаевъ и законовъ, и отъ ихъ богопочитанія, что они безпокоятъ ихъ и не позволяютъ, чтобъ у нихъ горѣлъ по закону ихъ, такъ называемый неугасимый огонь[112]. Посланники притомъ требовали, чтобъ Римляне уча-

---

а сами были изгнаны народами, жившими на берегу океана [и покинувшими свою страну по причинѣ тумановъ, поднимающихся отъ приливовъ океана и отъ появившихся во множествѣ грифовъ: распространился слухъ, что грифы до тѣхъ поръ не исчезнутъ, пока не пожрутъ весь родъ человѣческій. Авары, гонимые такими бѣдствіями, напали на своихъ сосѣдей, которые не бывъ въ состояніи выдержать ихъ нашествіе, переселились въ другія страны]. Такимъ образомъ и Саргуры, тѣснимые другими народами, пришли къ Уннамъ Акатирамъ и требовали у нихъ земли». Весь отрывокъ Сунды, помѣщенный нами здѣсь въ скобкахъ, вставленъ въ текстъ Приска Классеномъ. Это допущено было позже Беккеромъ, Нибуромъ и Мюллеромъ: но ни у кого не видно основанія такой вставки. Очевидно Классенъ наведенъ былъ на мысль сдѣлать эту вставку тѣмъ, что и передъ словами, заключающимися въ скобкахъ, и послѣ нихъ, читаемъ слова Приска. Мы рѣшились однако не допустить въ текстъ Приска такой вставки потому что для допущенія ея должно имѣть достаточное на то основаніе, а приведенная нами выше догадка не есть достаточное основаніе.

112. Изображенные здѣсь переговоры между правительствами Византійскимъ и Персидскимъ составляютъ лишь мимоходный эпизодъ вѣковой борьбы, происходившей между этими державами по предмету вѣры. По описанію Василія Великаго Магусеи, поклонники огня, отвращавшіеся отъ жертвъ животныхъ, какъ отъ скверны какой, но употреблявшіе въ пищу мясо животныхъ, битыхъ другими,

ствовали въ поддержаніи крѣпости Юроипаахъ[113], лежащей при вратахъ Каспійскихъ, и либо платили за нее деньги, либо посылали гарнизонъ, дабы Персы не были обременяемы издержками и охраненіемъ этой мѣстности; они доказывали, что если Персы оставятъ ее, то не на одну Персію, но и на Римскія владѣнія легко распространятся опустошенія окрестныхъ народовъ; что Римляне были обязаны помогать Персамъ деньгами въ войнѣ противъ такъ называемыхъ Унновъ Кидаритовъ; что если Персы одержатъ побѣду, то Римляне будутъ имѣть ту выгоду, что Уннамъ (Кидаритамъ) не будетъ позволено переходить въ Римскія владѣнія. Римляне отвѣчали, что они пошлютъ повѣреннаго для переговоровъ съ царемъ Парѳянскимъ по всѣмъ этимъ предметамъ; но что у нихъ не было никакихъ бѣглецовъ; что они не безпокоили Маговъ за ихъ вѣроисповѣданіе, а что касается до охраненія крѣпости Юроипааха и до войны съ Уннами, которую предприняли Персы для защищенія себя: то было не справедливо требовать за то денегъ отъ Римлянъ. — Въ слѣдствіе просьбы Италійцевъ посланъ былъ къ Вандиламъ Татіанъ, причисленный къ патрикіямъ. Въ Персію отправленъ Константій, въ третій разъ возведенный въ достоинства ипарха, и сверхъ консульскаго званія получившій и патрикійское.

предававшіеся незаконнымъ бракамъ, населяли во множествѣ Каппадокію. Это свидѣтельство тѣмъ болѣе важно, что Василій Великій родился и большую часть жизни провелъ въ Каппадокіи, почему Епифаній, одинъ изъ ученѣйшихъ святителей своего времени, и обращается съ вопросомъ о Магусеяхъ къ Василію. (Sancti patris nostri Basilii ....opera omnia — Paris. 1730. f. T. III, Epistola 249, p. 394). Въ примѣчаніи издателей Бенедиктинцевъ подтверждается поклоненіе Магусеями огню словами самого Епифанія (Expos. cath. fid. p. 259), а браки ихъ съ дочерьми и матерями своими свидѣтельствомъ Евсевія (Praep. Evangelica l. 6, p. 275).

113. Ниже, въ отрывкѣ 31., эта самая крѣпость пишется еще и иначе: Уроисахъ. У Лида (De mag. III. 52, 53) она названа Вирипарахъ или Вирапарахъ, какъ замѣчаетъ Нибуръ (въ примѣч.), который утверждаетъ, что *барах* значитъ домъ, стоянка, а *вирах* пустыня, развалины.

ОТРЫВОКЪ 26[й].

(464 и 465 г. по Р. Х.; Леон. 8-й, 9-й).

(Exc. De leg. Rom: P. 74, 75; B. 219; M. f. 32).

При царѣ Леонтѣ отправлены были посланниками къ Вандиламъ для переговоровъ въ пользу Италійцевъ Татіанъ, причисленный къ патрикіямъ, а къ Персамъ Константій, въ третій разъ возведенный въ достоинство ипарха (префекта), и сверхъ консульскаго званія получившій и патрикійское. Но Татіанъ вскорѣ возвратился отъ Вандиловъ безъ успѣха, потому что Гезерихъ не принялъ его представленій. Константій оставался долго въ Римскомъ городѣ Эдессѣ, близкомъ къ Персидской землѣ [114], потому что монархъ Парѳянскій долго откладывалъ принятіе его.

ОТРЫВОКЪ 27[й].

(465 г. по Р. Х.; Леон. 9-й).

(Тамъ же: P. 75, 76; B. 219; M. f. 33).

Посланникъ Константій долго пребывалъ въ Эдессѣ, какъ было уже упомянуто. Наконецъ Парѳянскій государь велѣлъ ему пріѣхать къ себѣ. Этотъ государь не имѣлъ пребыванія въ городѣ, но находился на границѣ Персовъ и Унновъ Кидаритовъ. Онъ велъ съ сими Уннами войну подъ предлогомъ, что они не платили ему дани, которую древніе цари Парѳовъ и Персовъ на нихъ наложили. Отецъ царя Уннскаго [115], отказавшійся отъ платежа дани, принялъ войну съ Персами и передалъ ее сыну вмѣстѣ съ царствомъ. Персы, утомленные долговременною войною, рѣшились прекратить раздоръ свой съ Уннами — обманомъ. Пирозъ, такъ назывался тогдашній царь Персовъ [116], отправилъ посольство къ предводителю Унновъ,

---

114. Эдесса, въ Осроэнѣ, С. З части Месопотаміи.

115. Издигердъ.

116. У Агаѳія находимъ слѣдующую характеристику Пироза, по Персидскому выговору—Фируза. «Послѣ Издигерда (т. е. Издиг. II, 439. Muraldt Chron. Byz. p. 73) воцарился *Пирозъ*, говоритъ Агаѳія, человѣкъ предпріимчивый, любившій войну и всегда склонный къ дѣламъ великимъ, но не всегда дѣйствовавшій разсудительно и основательно. Въ немъ смѣлость брала верхъ надъ разсудкомъ. Онъ погибъ въ походѣ противъ Нефталитовъ не столько отъ силы непріятельской, сколько отъ собственнаго безразсудства, ибо вмѣсто того, чтобъ идти по

Кунхѣ, съ объявленіемъ, что онъ желаетъ быть съ нимъ въ мирѣ, заключить съ нимъ союзъ и выдать за него свою сестру. Кунха былъ тогда очень молодъ и не имѣлъ еще дѣтей. Онъ принялъ сдѣланное ему предложеніе. Однакожъ выдана была за него не сестра Пирозова, а другая женщина, которую, убравъ по-царски, отправилъ къ нему царь Персидскій, сказавъ ей, что если она не откроетъ этого обмана, то будетъ имѣть участіе въ царскомъ санѣ и благосостояніи своего мужа, въ противномъ же случаѣ будетъ казнена смертію, потому что владыка Кидаритовъ не захочетъ имѣть вмѣсто жены высокаго рода, жену рабскаго состоянія. Для этого Пирозъ заключилъ съ Кунхою миръ, но не долго пользовался плодами своихъ ухищреній. Посланная къ Кунхѣ женщина, боясь, чтобъ онъ не узналъ отъ другихъ ея происхожденія, и не предалъ ея жестокой смерти, объявила ему обманъ Пироза. Кунха похвалилъ ее за открытіе ему истины и продолжалъ держать ее при себѣ, какъ жену; но, желая отомстить Пирозу за обманъ, притворился, что ведетъ войну съ сосѣдственными народами, и что нуждается не въ людяхъ способныхъ къ битвѣ, — ибо у него были многочисленныя силы, — но въ начальникахъ для предводительства ими. Пирозъ послалъ къ нему триста человѣкъ важнѣйшихъ Персовъ. Кидаритскій правитель однихъ убилъ, другихъ, изуродовавъ, отправилъ къ Пирозу для извѣщенія его, что это сдѣлано въ наказаніе за употребленный противъ него обманъ. Такимъ образомъ война опять возгорѣлась между ними и велась жестоко. Константій былъ принятъ Пирозомъ въ Горгѣ[117]: такъ называлось селеніе, гдѣ Персы имѣли свой станъ. Тутъ оставался онъ нѣсколько дней. Пирозъ поступалъ съ нимъ привѣтливо, но отпустилъ, не давъ приличнаго отвѣта.

непріятельской землѣ съ надлежащею осторожностью, предусматривать тайныя козни и беречься ихъ, онъ попалъ незамѣтнымъ образомъ въ засады, во рвы и ямы, въ пагубѣ его устроенныя на большомъ пространствѣ. Онъ пропалъ въ этой засадѣ вмѣстѣ съ своимъ войскомъ безславно, на двадцать четвертомъ году своего царствованія, обманутый Уннами, ибо Нефталиты суть народъ Унискій». (Выписка изъ рукописнаго перевода исторіи Агаѳіи С. Ю. Дестуниса, кн. IV, гл. 27).

117. Гдѣ Горга?

ОТРЫВОКЪ 38[й].

(465 или 466 г. по Р. Х.; Леон. 9-й или 10-й).

(Exc. De leg. gent.: P. 43, 44; B. 160; M. f. 34).

Послѣ пожара, бывшаго при Леонтѣ, прибылъ въ Константинополь Говазъ вмѣстѣ съ Діонисіемъ. Онъ носилъ Персидскую одежду и былъ окруженъ тѣлохранителями по обычаю Мидійскому. Начальство царскаго двора, принимая его, сперва сдѣлало ему выговоръ за нововведенія, потомъ обошлось съ нимъ благосклонно и отпустило его. Говазъ прельстилъ его ласковыми словами и ношеніемъ на себѣ христіанскихъ символовъ [118].

ОТРЫВОКЪ 39[й].

(466 г. по Р. Х.; Леон. 10-й).

(Тамъ же: P. 44; B. 160; M. f. 35).

Скиры и Готѳы воевали между собою, потомъ разошлись и готовились звать на помощь своихъ союзниковъ [119]. Съ этою

---

118. Лазскій владѣтель былъ между двухъ огней. И Византія и Персія стремились къ господству надъ Лазикой; обѣ желали, кажется, чтобъ Лазика была для каждой изъ нихъ оплотомъ отъ набѣговъ племенъ, жившихъ къ с. отъ Кавказа. Византія поддерживала въ ней христіанство, а Персія ученіе Зороастрово. Византійское правительство сдѣлало выговоръ Говазу (Губадзѣ) за то, что онъ, бывъ его вассаломъ, хотѣлъ вопреки волѣ его царствовать въ своемъ владѣніи вмѣстѣ съ сыномъ: очевидно Византійское правительство, видя въ Лазскомъ владѣніи оплотъ съ сѣвера, опасалось раздробленія его, и потому запрещало раздѣлъ. Когда Византія вооружилась противъ Лазовъ, они позвали Персовъ на помощь. Сверхъ того Византійскій дворъ могъ прогнѣваться и за то, что Говазъ явился въ одеждѣ Персидской. По крайней мѣрѣ въ текстѣ Приска есть косвенный намекъ, который приводитъ меня къ такому заключенію: а именно, онъ говоритъ, что Говазъ старался умилостивить дворъ Византійскій, выказывая почтеніе къ символамъ христіанскимъ. Въ исторіи Колхиды, изложенной во II Томѣ Путешествія Дюбуа (Voyage autour du Caucase) на стр. 76 и 77 говорится объ отношеніяхъ Говаза къ Византіи очевидно по Приску, но съ нѣкоторыми искаженіями. Желательно, чтобъ ученый, предпринявшій переводъ Дюбуа на Русскій языкъ, исправилъ это мѣсто по Приску.

119. Скиры, по предположенію Шафарика, жители нашей Курляндіи и Жмуди, потомъ странствовавшіе съ Аттилою, по смерти его поселяются частью въ нижней Мисіи, частью по Дунаю, гдѣ истреблены Готами, хотя вѣроятно и не всѣ. (Jorn. G. c. 50, 53, 54; Шафар. Сл. Др. Т. I, кн. 3. § 18. № 8. Рус. перевода Г. Бодянскаго). Не удивляемся, что Аспаръ не желалъ мириться со Скирами, какъ говоритъ П.; за нѣкъ передъ тѣмъ находимъ любопытный фактъ, что по изгнаніи Скировъ Ѳеодосіемъ Великимъ изъ странъ, прилежавшихъ ниж. Дунаю, куда они

цѣлію отправлены были ими посланники въ восточную Римскую имперію. Аспаръ былъ такого мнѣнія, что не надлежало помогать ни тѣмъ, ни другимъ, а императоръ Леонтъ хотѣлъ помогать Скирамъ. Онъ далъ предписаніе полководцу Иллирійскому послать Скирамъ помощь противъ Готѳовъ.

ОТРЫВОКЪ 30[й].

(Тамъ же: P. 44; B. 160; M f. 36).

Въ это время прибыло къ царю Леонту посольство отъ сыновей Аттилы, съ предложеніемъ о прекращеніи прежнихъ несогласій и о заключеніи мира. Они желали по древнему обычаю съѣзжаться съ Римлянами на берегу Истра, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, продавать тамъ свои товары и взаимно получать отъ нихъ тѣ, въ которыхъ имѣли нужду. Ихъ посольство, прибывши съ такими предложеніями, возвратилось безъ успѣха. Царь не хотѣлъ, чтобъ Унны, нанесшіе столько вреда его землѣ, имѣли участіе въ Римской торговлѣ. Получивъ отказъ, сыновья Аттилы были между собою въ несогласіи. Одинъ изъ нихъ Денгизихъ[120], послѣ безуспѣшнаго возвращенія посланниковъ, хотѣлъ идти войною на Римлянъ; но другой Ирнахъ, противился этому намѣренію, потому что домашняя война отвлекала его отъ войны съ Римлянами.

ОТРЫВОКЪ 31[й].

(Тамъ же: P. 44; B. 161; M. f. 37).

Сарагуры, соединясь съ Акатирами и другими народами, предприняли походъ на Персію. Они сперва пришли къ Каспійскимъ вратамъ, но нашедъ ихъ занятыми Персидскимъ гарни-

---

забрались, земледѣліе и скотоводство снова тамъ ожили (Zosim. IV, 34). Война здѣсь описываемая Приском, произошла въ царствованіе Леонта; она описана и у Іорнанда, который говоритъ, что Скировъ бывшихъ прежде въ мирѣ съ Готами, подстрекнули на войну Свевы (G. c. 53).

120. Тѣ, которые держатся системы Татарскаго происхожденія Гунновъ, объясняли имя *Денгизихъ* Татарскимъ словомъ *денгиз* — море (Prichard. IV. 328); а тѣ, которые производятъ ихъ отъ Финновъ, Венгерскимъ tenyessès — плодородье (Землевѣдѣніе Азіи Риттера въ переводѣ Семенова, I, 632 — дополн. переводчика).

зономъ, обратились къ другой дорогѣ [121]. По ней они прошли къ Ивирамъ, опустошали ихъ страну, и дѣлали набѣги на Армянскія селенія. Персы, воевавшіе уже давно съ Кидаритами, устрашенные и этимъ нашествіемъ, отправили къ Римлянамъ посольство, и требовали, чтобъ были имъ даны либо деньги, либо люди, для охраненія крѣпости Юроипааха (Уроисаха). Посланники повторили то же, что многократно и прежде сказывали: что Персы выдерживаютъ битвы съ варварскими народами, и не допускаютъ ихъ проходить далѣе, и что отъ того Римская земля остается нераззоренною. Римляне отвѣчали по-

---

121. О пути, ведущемъ повиднному черезъ Дербенскій проходъ, упоминаетъ Прискъ уже въ третій разъ. Въ первый разъ, когда разсказываетъ о возвращеніи изъ Персіи Гунновъ, нападавшихъ на Мидію подъ предводительствомъ Васиха и Курсиха, Прискъ говоритъ, что они возвращались другою дорогою, а именно тою, гдѣ огонь выходитъ изъ камня приморскаго (около Баку) см. отрывокъ 8. пр. 79.

Во второй разъ, когда нашъ историкъ утверждаетъ, что Персы просили Римлянъ общими силами защищать крѣпость Юроипаахъ, то характеризуетъ мѣстоположеніе этой крѣпости словами «лежащую у Каспійскихъ воротъ». Остается дознать, тотъ ли самый проходъ называетъ тутъ Прискъ Каспійскими вратами, который выше названъ дорогою, гдѣ огонь выходитъ изъ камня приморскаго. Разборъ текста, къ которому относится настоящее примѣчаніе, разрѣшаетъ сомнѣніе. Здѣсь Прискъ утверждаетъ, что смѣшанныя толпы Акатировъ и Сарагуровъ хотѣли-было итти на Персію черезъ Каспійскія ворота, но найдя тутъ Персидское войско, вторглись другимъ путемъ, которымъ прошли къ Ивирамъ (въ Грузію). Этотъ послѣдній путь есть очевидно нынѣшній Даріэльскій проходъ, ибо черезъ Даріэльскій проходъ можно попасть прямо въ Грузію, а болѣе западными путями попали бы они въ Грузію, не прямо, а черезъ Сванетію и Лазику. Если же второй путь, избранный Акатирами и Сарагурами, шелъ черезъ Даріэльскій проходъ, то куда пріурочить первый ихъ путь? Первый путь Акатировъ нельзя искать къ западу отъ Даріэльскаго прохода, потому что онъ названъ у Приска Каспійскими вратами, названіе, могущее относиться либо къ Дербенскому проходу, который идетъ по Каспію, либо, если держаться номенклатуры другихъ писателей, къ другимъ ближайшимъ къ нему. Даріэльскимъ проходомъ никакъ нельзя считать такъ называемыя Каспійскія ворота Присковы, по выше приведенной причинѣ, что не Каспійскими воротами попали Акатиры въ Грузію, а другимъ путемъ. Слѣдовательно первый путь Акатировъ есть Дербенскій или другой къ нему близкій, а второй Даріэльскій.

Итакъ и въ 8 отрывкѣ, и въ 25 даже и въ 31 упоминается о Дербенскомъ проходѣ: въ первомъ онъ охарактеризованъ «*пламенемъ, выходящимъ изъ земли близъ моря*»; во второмъ *крѣпостью, построенною у Каспійскихъ воротъ*; въ третьемъ приблизительно тѣмъ, что этотъ путь не тотъ, который ведетъ прямо въ Грузію. Только тщательное разъясненіе всѣхъ текстовъ, относящихся къ этому предмету, можетъ положить конецъ недоумѣніямъ о томъ, что именно подъ Каспійскими вратами разумѣлъ тотъ или другой писатель.

сланникамъ, что всякой долженъ по необходимости, защищая свою страну, заботиться и о содержаніи войска. Посланники опять возвратились безъ успѣха.

ОТРЫВОКЪ 32[й].

(Тамъ же: P. 44, 45; B. 162; M. f. 38).

Денгизихъ обратилъ оружіе противъ Римлянъ, и сталъ на Истрѣ. Узнавъ это, сынъ Орнигискла, которому было поручено охраненіе рѣки со стороны Ѳракіи, послалъ отъ себя людей спросить у Денгизиха: по какой причинѣ онъ дѣлаетъ приготовленія къ войнѣ? Денгизихъ, презирая Анагаста, отпустилъ посланныхъ безъ отвѣта, а отправилъ къ царю своихъ посланниковъ съ объявленіемъ, что онъ нападетъ на Римлянъ войною, если царь не дастъ земли и денегъ — ему и предводимому имъ войску. Когда посланники его были представлены царю, и донесли то, что имъ было приказано, то царь отвѣчалъ, что онъ охотно все сдѣлаетъ для Унновъ, если они пришли съ тѣмъ, чтобъ быть ему покорными; ибо онъ любитъ тѣхъ, которые переходятъ отъ враговъ его, для заключенія съ нимъ союза.

ОТРЫВОКЪ 33[й].

(467 г. по Р. Х.; Леон. 11-й).

(Тамъ же: P. 45, 46; B. 162; M. f. 39).

Анагастъ, Василискъ, Острій и другіе Римскіе полководцы заперли Готѳовъ[122] въ одной лощинѣ, и осаждали ихъ. Скиѳы, по недостатку въ припасахъ терпя голодъ, послали въ Римское войско повѣренныхъ, и предлагали сдать себя Римлянамъ и быть у нихъ въ повиновеніи, если получатъ отъ нихъ земли для поселенія. Воеводы Римскіе отвѣчали имъ, чтобъ они обратились съ посольствомъ къ царю. Но варвары объявили, что они хотятъ заключить миръ съ ними самими, и что не могутъ долго откладывать его, потому что терпятъ голодъ. Начальники Римскаго войска, посовѣтовавшись между собою, обѣщали доставить имъ съѣстные припасы, пока получатъ отъ царя разрѣшеніе, если только они раздѣлятъ свое войско на столько отрядовъ, сколько было ихъ въ Римскомъ войскѣ. Такимъ об-

122. Приск называетъ тутъ Готовъ, а нѣсколько ниже Скиѳовъ; но изъ продолженія разсказа видно, что это было скопище *Готовъ* и *Гунновъ*.

разомъ полководцы Римскіе могли бы удобнѣе заботиться о каждомъ отрядѣ особо, нежели обо всѣхъ ихъ вмѣстѣ и изъ честолюбія наперерывъ стали бы прилагать стараніе о снабженіи ихъ припасами. Скиѳы приняли охотно сдѣланное имъ черезъ ихъ повѣренныхъ предложеніе, и раздѣлились на столько отрядовъ, сколько было Римскихъ. Послѣ того Хелхалъ, родомъ Уннъ, намѣстникъ Аспара и главнокомандующій надъ начальниками Аспаровыхъ легіоновъ, пришедъ къ Готѳескому отряду, который достался этимъ легіонамъ, и который былъ многочисленнѣе другихъ, призвалъ къ себѣ благороднѣйшихъ Готѳовъ, и началъ имъ говорить, что дастъ Готѳамъ земли, но не для нихъ самихъ, а въ пользу Унновъ; что Унны, не занимаясь земледѣліемъ, будутъ, какъ волки, приходить къ Готѳамъ, и похищать у нихъ пищу; что Готѳы, находясь въ состояніи рабовъ, будутъ работать для содержанія Унновъ, хотя Готѳское племя было всегда въ непримиримой враждѣ съ Уннскимъ, и предки его поклялись избѣгать во вѣки союза съ Уннами; что такимъ образомъ, не говоря о лишеніи своей собственности, Готѳы окажутъ еще и презрѣніе къ отеческимъ клятвамъ; что, хотя онъ, Хелхалъ, и гордится тѣмъ, что онъ Уннъ, однакожъ изъ любви къ справедливости объявилъ имъ все это и далъ совѣтъ о томъ, что надлежало дѣлать. Готѳы, смущенные этими словами, и полагая, что Хелхалъ говоритъ это изъ расположенія къ нимъ, соединились и истребили всѣхъ бывшихъ у нихъ Унновъ. Какъ будто по данному знаку между обоими народами начался бой. Узнавъ о томъ, Аспаръ и начальники другаго войска построили своихъ въ боевой порядокъ, и убивали всякаго варвара, кто бы ни попался. Скиѳы, уразумѣвъ обманъ и коварство, собирались и вступали въ рукопашный бой съ Римлянами. Войско Аспара успѣло истребить отрядъ, который достался ему въ удѣлъ. Но другіе полководцы бились не безъ опасности для себя, потому что варвары съ твердостью имъ противодѣйствовали. Уцѣлѣвшіе изъ нихъ прорвались сквозь ряды Римлянъ и избѣгнули облавы [123].

123. Тильмонъ (VI. 32) утверждаетъ, что не должно помѣщать это событіе позже 467 г., потому что въ 468 г. Василискъ участвовалъ въ войнѣ съ Вандалами. (Пр. Мюлл.).

ОТРЫВОКЪ 34[й].

(467 г. по Р. Х.; Леон. 11-й).

Exc. De leg. Rom: P. 76; B. 221; M. f. 40).

Царь Леонтъ послалъ къ Гезериху Филарха съ объявленіемъ о возведеніи на престолъ Анѳемія, и съ угрозами на случай если онъ не перестанетъ нападать на Италію и искать царства. Филархъ возвратился съ извѣстіемъ, что Гезерихъ не внимая никакимъ представленіямъ царя, готовится къ войнѣ, подъ предлогомъ, что мирный договоръ нарушенъ Восточными Римлянами.

ОТРЫВОКЪ 35[й].

(468 г. по Р. Х.; Леон. 12-й).

(Exc. De leg. gent.: P. 46; B. 164; M f. 41).

Римляняне и Лазы были въ сильномъ раздорѣ съ Суанами. Этотъ народъ (Суаны?) готовился къ бою. Когда Персы хотѣли воевать съ нимъ (Лазскимъ владѣтелемъ?) за замки, отнятые у нихъ Суанами, то онъ отправилъ посольство къ царю (Византійскому), и просилъ, чтобъ выслано было къ нему войско, охранявшее предѣлы Римской Арменіи. По близости мѣстъ, утверждали послы, онъ (т. е. владѣтель Лазскій?) могъ получить отъ того войска скорое вспоможеніе, не подвергаясь опасности въ ожиданіи другой, издалека идущей силы. По прибытіи того войска, хотя бы война и продлилась, онъ не терпѣлъ бы раззоренія отъ большихъ расходовъ, какъ то случилось съ нимъ въ прежнее время; ибо когда было послано къ нему вспомогательное войско съ Иракліемъ, то Персы и Ивиры, грозившіе ему войною, обратили оружіе противъ другихъ народовъ, а онъ долженъ былъ отправить назадъ пришедшее къ нему войско, котораго содержаніе стоило ему большихъ издержекъ; между тѣмъ Парѳы опять на него обратились, и онъ долженъ былъ звать на помощь Римлянъ. Римляне обѣщали отправить къ нему военную силу и вождя [124]. Въ это время при-

124. Текстъ этого отрывка испорченъ. Въ первыхъ же строкахъ пропущено подлежащее, отчего и нельзя грамматически опредѣлить, къ какому лицу относятся глаголы ἔστελλεν, ἀπέπεμψεν, *отправилъ, отослалъ*. Ктожъ послалъ

шло изъ Персіи посольство съ извѣстіемъ, что Персы одержали побѣду надъ Уннами Кидаритами и осаждаютъ городъ ихъ Валаамъ. Объявляя объ этой побѣдѣ они хвастали ею по варвар-

---

къ Римлянамъ за помощью? По Кантоклару и Муральдту Лазы (Lazus ad romanum imperatorem legationem misit (перев. Кантоклара въ P. p. 46, въ V. p. 31); Les Lazes demandent des secours à la garnison romaine en Arménie (Chron. Byz. a. 472. p. 85); по указателямъ изданія Б. и М. Суаны (см. указатель къ Б. слово Suani: «Suani romanorum auxilium petunt»; указ. М. подъ тѣмъ же словомъ: «Suani a Lazis et Persis bello appetiti a Leonte auxilium petunt); по переводамъ этихъ изданій — не ясно. Кто же правъ?

Разберемъ Греческій текстъ: ὅτι μεγίστης πρὸς τὸ Σουάννων ἔθνος Ῥωμαίοις τε καὶ Λαζοῖς ὑπαρχούσης διαφορᾶς — значитъ, что «Римляне и Лазы были въ раздорѣ съ Суанами». Слѣдующія слова: καὶ σφίσιν ἐς τὴν τοῦ σήματος τῶν Σουάννων συνισταμένων μάχην весьма неясны; изъ нихъ видно только, что «Суаны вели войну». Далѣе читаемъ: καὶ Περσῶν δὲ ἐθελόντων αὐτῷ πολεμεῖν διὰ τὰ φρούρια, ἅπερ (ὑπὸ) τῶν Σουάννων ἀφῄρηντο, πρεσβείαν ἔστελλεν, ἐπικούρους αὐτῷ διαπεμφθῆναι παρὰ βασιλέως αἰτῶν и проч. Отсюда видимъ, что Персы хотѣли воевать: но съ кѣмъ? По Кантоклару съ Лазами, за крѣпости, которыя эти послѣдніе отняли у Суановъ (безъ ὑπὸ, вставленнаго Беккеромъ). По Бонн. изданію Персы хотятъ воевать, не видно съ кѣмъ, за крѣпости, которыя неизвѣстно кто отнялъ у Суановъ (Беккеръ вставилъ ὑπὸ). По Мюллеру Персы хотятъ воевать за крѣпости, которыя Суаны у нихъ отняли. По нашему также, какъ и по М. Персы хотѣли воевать за крѣпости, которыя Суаны у нихъ отняли. Но съ кѣмъ воевать? Казалось бы слѣдовало допустить, что съ Суанами, ибо эти послѣдніе отняли у Персовъ крѣпости. Однакожъ πρεσβείαν ἔστελλεν, какъ главное предложеніе предполагаетъ другое подлежащее. Тутъ должно предполагать Лазовъ, или точнѣе Лазскаго владѣтеля; потому что, такъ какъ обиженною стороною являются тутъ Персы, обидчиками Суаны, то искомый народъ, просящій помощи у Византіи, (у царя) не иной, какъ Лазы. Но остается рѣшеніе другаго вопроса: отчего Лазы опасаются Персовъ, и отчего просятъ помощи у Византіи, между тѣмъ какъ виноваты Суаны? Вотъ нашъ отвѣтъ: Суаны были тогда вассалами Лазовъ; какъ и позже, какъ и теперь часть Сванетовъ зависитъ отъ Дадьяна Мингрельскаго. Слѣдовательно Лазы должны были расплачиваться съ Персами за удаль Суановъ. Весьма естественно также, что Лазы за помощью обращаются къ Византіи, потому что они въ свою очередь были вассалами Византіи, точно такъ какъ нынѣшній Дадьянъ Мингрельскій, владыка Сванетовъ Дадьяновскихъ, подвластенъ въ свою очередь нашему правительству. Византійская политика постоянно смотрѣла на Суановъ, какъ на народъ зависящій отъ Лазовъ, считала Суановъ вассалами своихъ вассаловъ (Procop. B. P, III, l. 4, c. 2; Menan. B. p. 371). Византія даже не имѣла сколько мнѣ извѣстно, прямыхъ сношеній съ Суанами ни прежде, ни послѣ этого времени, а рѣшала ихъ судьбу, или думала рѣшать ее сношеніями своими съ Лазами. Въ VI ст., когда одинъ изъ пословъ Византійскихъ Іоаннъ, ведя переговоры съ Персами о Суанахъ, чтобъ разузнать у самихъ Суановъ, мимо Лазовъ, кому хотятъ они принадлежать Римлянамъ или Персамъ, отправилъ къ нимъ повѣренныхъ, то этотъ посолъ причтенъ былъ къ числу неспособныхъ (Menan. B. p. 379). Итакъ вотъ ходъ мыслей: Суаны, Кавказскіе горцы, Сваветы, отняли какія-то

скому обычаю, желая показать, какъ велика ихъ сила. Послѣ этого объявленія они тотчасъ же были царемъ отпущены. Сицилійскія событія обращали на себя большую его заботливость.

крѣпости у Персовъ; Персы, считавшіе обязанностью Лазовъ держать Суановъ въ повиновеніи, собираются итти войною на Лазику; Лазы же, какъ сами вассалы Византійцевъ, просятъ у нихъ помощи противъ Персовъ; на что Византійцы обѣщаютъ имъ и войско и вождя. Теперь понятнѣе становится и первое предложеніе: «Римляне и Лазы были въ раздорѣ съ Суанами». Разумѣется Римлянамъ было непріятно изъ-за удали Суанской нарушать миръ съ Персами. Лазамъ это было еще непріятнѣе, потому что имъ угрожало опустошеніе ихъ страны, а въ случаѣ прибытія къ нимъ вспомогательныхъ войскъ Византійскихъ,—содержаніе этихъ войскъ, какъ видимъ ниже изъ этого же отрывка; а это при бѣдности Лазовъ было очень тяжко. (О бѣдности Лазовъ см. Прок. ч. III, кн. 4, гл. 13). Римляне, какъ мы видимъ, собираются помочь Лазамъ; это другими словами значитъ, что они рѣшаются оборонять свою же область. Суаны отнятіемъ крѣпостей у Персовъ въ такое время, когда между Персіею и Византіею былъ миръ, измѣнили тѣ отношенія, въ которыхъ они стояли къ Лазамъ и къ Византіи. Значеніе Суаніи (Свянетіи) въ отношеніи къ Византіи очень ясно представлено Менандромъ. «Суанія, говоритъ онъ, сама по себѣ страна незначительная, по выгодному своему положенію, весьма полезна Римской державѣ, ибо препятствуетъ Персамъ нападать чрезъ нее въ Колхійскіе предѣлы и разворять ихъ» (Men. B. p. 374). Для поясненія всего предъидущаго прибавлю нѣсколько словъ изъ исторіи сношеній Византіи и Персіи въ VI ст. при Юстинѣ. Персы, преслѣдуя Иверскаго (Грузинскаго) царя Гургена, остановились у двухъ крѣпостей, бывшихъ на границѣ Лазики и Иверіи. Охраненіе этихъ крѣпостей издревле поручено было мѣстнымъ жителямъ, хотя они терпѣли большой недостатокъ во всемъ, ибо тутъ не родится ни пшеницы, ни вина, ни другаго полезнаго произведенія. Невозможно даже, по причинѣ трудности дорогъ, доставлять что либо изъ другихъ мѣстъ иначе, какъ на людскихъ плечахъ. Лазы однако могли продовольствовать себя по привычкѣ своей употреблять въ пищу родящееся у нихъ просо. Царь (Юстинъ) вывелъ изъ этихъ крѣпостей стражу (мѣстную т. е. Лазовъ), и велѣлъ занять ихъ Римскимъ воинамъ. Сперва Лазы доставляли имъ хоть съ трудомъ съѣстные припасы; но вскорѣ они отказались отъ этой службы, а потому Римляне оставили эти крѣпости. Ихъ заняли безъ препятствія Персы». (Прок. война съ Перс. P. I, l. I, c. 12). Теперь проведемъ параллель между данными Приска и данными Прокопія. Лазы Присковы зовутъ Римлянъ, потому что не въ силахъ сами защищаться отъ Персовъ, точно также какъ и Лазы Прокопія отказываются отъ защиты своей области, вслѣдствіе чего Римляне посылаютъ свое войско. Лазы не въ состояніи содержать Византійское войско, говоритъ Приск, приводя собственныя ихъ слова. Это же самое подтверждается и Прокопіемъ.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВЪ,

ВХОДЯЩИХЪ ВЪ СОСТАВЪ СКАЗАНІЯ ПРИСКА И ВЪ ПРИМѢЧАНІЯ.

Цифра, при которой ничего не стоитъ означаетъ страницу; пр.—примѣчаніе; от. — отрывокъ.

Авары тѣснятъ Савировъ ..... 87. пр. 101
Авитъ, императоръ Западный, переговоры его съ Вандалами 82, 83
Авсонскій языкъ ..... 52, 69. пр. 69
Авсоріане, народъ Ливійскій, не Авсіи ли Иродота? ..... 76. пр. 95
Агазиры у Іорнанда см. Акациры.
Агаѳія историкъ, переведенъ на Русскій языкъ ..... пр. 116
Агинеей предводитель Иллирійскихъ войскъ 35
Адамій управляющій дѣлами жены Аттилиной 70
Адріанополь 72
Адъютеры 32
Акациры или Акатиры, народъ, покорились Аттилѣ 44
— гдѣ жили ..... 59. пр. 74
— воюютъ съ Персами ..... 93, 94. пр. 108
Александрія, пятежъ ея жителей при избраніи въ епископы Протерія.. пр. 104
Амміанъ Марцеллинъ о Гуннахъ 20
Анагастъ, вождь Восточной имперіи 95
Анатолій, посланникъ Восточной Римской имперіи заключаетъ миръ съ Аттилой 25, 26, 75
Анеемій имп. зап. Римлянъ 97
Аполлоній посолъ Восточной имперіи къ Аттилѣ 79
Ардавурій воюетъ съ Саракинами 80
Аршатій 76
Армонія Римская 97

Ἄρχων ἀργυρίου τραπέζης..... пр. 62
Асимунтійцы противятся Аттилѣ..... 27, 28
Аскаръ, вождь Восточной имперіи..... 72, 80, 93, 96
Атакамъ Гуннъ царскаго рода котораго дѣти выданы Римлянами Аттилѣ.... 21
Аттила знаетъ замыслы Ѳеодосія Младшаго на свою жизнь..... 2
— объявляетъ войну Римлянамъ, беретъ Раціарію..... 23
— заключаетъ съ Восточною имперіею миръ на тяжкихъ для послѣдней условіяхъ..... 25, 26
— встрѣчаетъ сопротивленіе въ Асимунтійцахъ..... 27, 28
— прикрываетъ походъ войною..... 36
— зная о заговорѣ на свою жизнь, не принимаетъ Римскаго посольства.. 39
— шлетъ Римскому посольству провизію..... 40
— велитъ посольству удалиться..... 40
Аттилино свиданіе съ Римскимъ посольствомъ..... 41, 42
Аттила требуетъ бѣглыхъ по списку..... 42
— запрещаетъ Римскому посольству что нибудь покупать кромѣ съѣстнаго..... 43
— покоряетъ Акациpовъ..... 44
— посылаетъ Ислу и Вигилу въ Константинополь..... 45
— требуетъ отъ Западнаго Римскаго посольства выдачи Сильвана..... 48
Аттилинъ дворецъ..... 50. пр. 66
Аттила угощенъ женою Огинисія..... 51
Аттилинъ мечъ..... 66
Аттилы (пиръ у)..... 67—69
Аттила, его свойства и видъ..... 60, 61. пр. 76
— его владѣнія..... 61. пр. 79
— его пища и одежда..... 68
— равнодушенъ на пиру, ласкаетъ младшаго сына..... 69
— ласковъ съ Римскимъ посольствомъ..... 70
— велитъ напомнить царю Восточныхъ Римлянъ его обѣщаніе женить Констанція на богатой Римлянкѣ..... 70
— ходатайствуетъ въ пользу Констанція, за деньги..... 71
Аттилины притязанія..... 65—67
Аттила наводитъ на Римскую имперію ужасъ..... 65, 66
— велитъ своимъ вельможамъ одарить Римскаго посла..... 72
— допрошаетъ Вигилу..... 73
— отправляетъ укорительное посольство въ Константинополь..... 74
— требуетъ къ наказанію Хрисафія, умышлявшаго на его жизнь..... 75
— мирится съ Восточною имперіею..... 76
— даритъ мѣха Римскимъ посланникамъ..... 76. пр. 93
— готовитъ войну Западной имперіи, Готѳамъ и Франкамъ..... 77
— требуетъ Гонорія, сестры Валентиніана III; отвѣтъ изъ Западной имперіи..... 77
— возвращается во свояси..... 79
— идетъ въ Галлію, въ Италію..... 78, 79. пр. 99
— умираетъ..... пр. 105
Аѳинаида, см. Эвдокія..... 71
Баварскій кодексъ Приска..... 11

Вана каменная въ селеніи гдѣ жилъ Аттила 51
Вёкингъ полагаетъ что Присковъ Карсъ есть нынѣшняя Кершова или Гершова ..... 22. пр. 9
Веккеръ (П.) объяснилъ надпись Варискую 25
Веккерово (Э.) участье въ изд. Приска 12, 13
Вергардій (Годфрида) отзывъ о Прискѣ 9
Бледа, см. Влида 22
Венское изд. Приска 12
Булгары (Болгары) ..... пр. 74
Бѣглые (переметчики) 35. — Списки ихъ у Аттилы 42
Вэръ доказываетъ до историческое пониженіе уровня Каспія ..... пр. 78
Валаашъ, городъ Унновъ Кидаритовъ 98
Валаміръ, Остъ-Готъ, отецъ Теодориха, раззоряетъ Вост. имперію. 85. пр. 109
Валезій исправляетъ переводъ Кантоклара, объясняетъ хронологическій порядокъ отрывковъ Приска 14, комментируетъ его 15
Вандалы сносятся съ имперіями 85, 90
Варна, въ древности — Одиссъ, на основаніи древней надписи ..... пр. 17
Василискъ, вождь Восточной имперіи ..... 93. пр. 123
Васихъ и Курсихъ, вожди Аттилы (а не города, какъ полагаетъ Гиббонъ) нападаютъ на Персію 62, 63
Вельтманъ объясняетъ путь Римскаго посольства ..... пр. 54
— — рѣки Присковы ..... пр. 56
— — слово ка́мосъ ..... пр. 58
Венелина отзывъ о Прискѣ 7, его переводъ Прискова сказанія. 15. пр. 36, 37, 41, 48, 49 и 58
Венелинъ вѣрно объясняетъ путь Римскаго посольства и мѣстопребываніе двора Аттилина въ Восточной Венгріи ..... пр. 45
Верихъ вельможа Аттилы 67, 71, 72
Венеціанское изд. Приска 11
Вигила переводчикъ 30, 31, 32
— допрошенъ Аттилой 73
Виминаній или Виминацій городъ въ Иллирикѣ на Дунаѣ 22
— взятъ Аттилой 54
Вишочерицы у Аттилы 67
Власти при Ѳеодосіи Младшемъ были продажныя ..... 55. пр. 73
Влемміи и Нувады ..... 80. пр. 102
Влида или Бледа, братъ и сопарственникъ Аттилы 22
— жена его угощаетъ Римское посольство 47
Влида, епископъ, посломъ Маркіана у Гензериха 83
Войски сносятся съ Восточной Римской имперіей 18
Босноръ Киммерійскій пройденъ Гуннами 20
Восточная имперія въ трудномъ положеніи 29
— — отправляетъ посольство къ Аттилѣ (все сказ. Приска) .. —
— — сносится съ Саракинами и т. д. (см. Сношенія В. имперіи)
— — возлагаетъ на подданныхъ чрезмѣрные налоги. 26, 27, 55. пр. 72
— — ея граница съ владѣніями Аттилы ..... 30. пр. 29
Вульгатой Приска, что называется 13

Галатія Западная..... 49. пр. 63
Гензерихъ грабитъ Римъ..... 82
— сносится и воюетъ съ Западной имперіей.....84—88
— хочетъ воцарить въ ней Онаврія..... 86
— требуетъ отъ нея имущества Валентиніана и Аэція..... 87
— сносится съ Восточной имперіей..... 97
Гершова или Кершова, въ древности Карсъ..... 22. пр. 9
Гёшелево изданіе Приска..... 11
Гиббонъ подробно пересказалъ содержаніе Приска..... 15
Гизо, отзывъ его о Прискѣ..... 6
— Французскій переводъ Приска въ сочиненіи Гизо... 15. пр. 46, 47, 48, 49.
Гонавъ владѣтель Лазовъ..... 83, 84, 92. пр. 106, 107
Голова, остриженная въ кружокъ..... 52. пр. 70
Государственныя мѣры для уплаты дани..... 26, 27
Готескій языкъ..... 52. пр. 69
Готы 93.—Вмѣстѣ съ Гуннами нападаютъ на Восточ. имперію.. 95, 96. пр. 109
Граница между владѣніями Аттилы и Восточной имперіи..... 30
Грекъ во владѣніяхъ Аттилы..... .....52—58
Гунны переходятъ Боспоръ Киммерійскій..... 20
— живутъ на коняхъ..... 20. пр. 6
— воюютъ съ Сорозгами..... 22
Гуннскій языкъ..... 52. пр. 69
Гунны нападаютъ на Персію (Мидію)..... 62, 63. пр. 78
— вмѣстѣ съ Готами нападаютъ на Восточную имперію.... 95, 96. пр. 109
— Кидариты..... 91, 98
Дань Римлянъ Гуннамъ въ 350, потомъ въ 700 литръ золота..... 21
— Римлянъ Аттилѣ, мѣры къ ея уплатѣ..... ..... 25, 26, 27
Даріальскій проходъ..... пр. 121
Дворъ и дворецъ Аттилы въ восточной Венгріи..... пр. 43
— Восточной имперіи, см. Восточная имперія.
Денгизихъ, сынъ Аттилы, сносится съ Восточной имперіей..... 95
Деньги..... ..... 25, 26, 70, 74. пр. 59
Дербентскій проходъ..... ..... пр. 121
Δέρματα ἐρυθρὰ красныя кожи..... 47. пр. 59 и 93
Дестуниссъ (Спиридонъ) переводитъ Приска и помѣщаетъ отрывки его въ Журн. Мин. Народн. Просвѣщ..... 15
— переводъ его историка Агаѳіи..... пр. 116
Дидотово (Мюллерово) изданіе Приска..... 13
Діонисій сановникъ Восточной имперіи, посланный къ Лазамъ..... 84, 92
Діоскору въ Александріи предпочтенъ Протерій, епископъ..... пр. 104
Дни пути..... 30, 33
Договоры Восточной имперіи: съ Гуннами (все сказ. Пр.)
— — — съ Вленніями и Нувадами..... 80, 81
— — — съ Вандалами..... 87
Домы въ странѣ занимаемой Аттилой..... 59
Допросъ, дѣлаемый Вигилѣ Аттилою..... 73
Драгоцѣнныя каменья дарятъ Восточные Римляне Гуннамъ..... 34
Дринопъ, рѣка (Дренговъ)..... 45. пр. 54, 56, 75. пр. 92

Дѣвы, подъ покрывалами поютъ пѣсни..... 51
Епископъ Маргскій, по словамъ Гунновъ (Скиѳовъ) обокралъ ихъ кладовыя . 22
— Александрійскій Протерій..... пр. 104
Жизнь Приска.....1—4
Заговоръ Константинопольскаго двора на жизнь Аттилы..... 32
Западное Римское посольство отказываетъ Аттилѣ въ выдачѣ ему Сильвана на какомъ основаніи..... 49
Зерконъ Маврусій, шутъ по неволѣ на пиру у Аттилы..... 69
Зиномъ своевольничаетъ при Константинопольскомъ дворѣ..... 71
— требуетъ къ наказанію Хрисафія..... 75
— подозрителенъ Ѳеодосію Младшему..... 76
Зосимъ упоминаетъ о чрезмѣрныхъ налогахъ и подкупности суда въ Римской Имперіи..... пр. 72, 73
— упоминаетъ о Скирахъ..... пр. 116
— о Гуннахъ..... 19, 20
— о Сирміи..... пр. 64
— о договорѣ З. имперіи съ Аларихомъ..... пр. 35, 59
Ивиры жители Грузіи..... 94, 97. пр. 108
Изданія Присковыхъ трудовъ.....11—14
Издигердъ II, царь Персидскій..... пр. 116
Иллирикъ, Римская префектура..... 22
Индійскій перецъ, см. Перецъ Индійскій.
Ираклій, вождь въ Восточной имперіи..... 97
Ирна любимый сынъ Аттилы..... 69
Исавры охраняютъ Константинополь..... 71. пр. 86
Исида, ея храмъ, лодья и кумиръ..... 81. пр. 103
Исла отправленъ посломъ въ Римъ отъ Руи, царя Гуннскаго..... 18, 19
— ѣдетъ въ Константинополь по приказанію Аттилы за бѣглыми (тайная цѣль посольства)..... 45, 73
Истръ..... 36
Италія и Сицилія добыча Гензериха, Марцеллина, Рецимера..... 85, 86
Италійцами названо правительство Западной имперіи..... 88, 89
Итимары союзятся съ Восточной имперіей..... 18
Іоаннъ Антіохійскій, историкъ..... пр. 96
Іорнандъ дѣл. извлеченіе изъ Приска..... 7, 16. пр. 56, 66
— о Гуннахъ..... 20
— объ Агазирахъ..... пр. 74
— о Гоноріи..... пр. 96
— описываетъ нападеніе Аттилы на Италію..... пр. 97 и 99
— описываетъ покореніе Влемміевъ..... пр. 102
Ка́мосъ что такое?..... 46
Кантокларовъ переводъ Приска..... 14. пр. 37, 46, 48
Карпилеонъ, сынъ Аэція, заложникомъ у Аттилы..... 42
Карсъ (нынѣ Кершова или Гиршова) за́мокъ Римскій на Дунаѣ..... 22. пр. 9
Каспійскія ворота..... 94. пр. 121
Кершова, въ древности Карсъ..... 22. пр. 9
Кефалидесъ принимаетъ видѣнную Ромуломъ лимну за бассейнъ Маныча..... пр. 78

Кидариты, см. Гунны Кид.
Киръ, городскій префектъ въ Константинополѣ, отрывокъ о немъ на сколько принадлежитъ Приску? ... пр. 14
Классеново участье въ изд. Приска ... 12
Классенъ исправл. переводъ Кантоклара ... пр. 15
Клеинъ, его предположеніе о сокровищахъ похищенныхъ у Аттилы. 23. пр. 12
Климентъ VIII, папа, при которомъ опустошена Ватиканская Библіотека ... 12
Ковры шерстяные у жены Аттилы ... 60
Кожи красныя ... 47. пр. 59 и 93
Колхида (Лазика, Мингрелія) ... 83. пр. 107
— ея владѣтель Говаз ... 83, 84. пр. 107
Комментаріи къ Приску ... 15, 16
Константиновскій сборникъ ... 10, 11
Константинополь охраняется Исаврами ... 71
Константинопольскій дворъ посягаетъ на жизнь Аттилы ... 32
Констанцій, письмоводитель Аттилы ... 41, 48, 49
— его обѣщалъ Римскій императоръ женить на богатой римлянкѣ. 70
— обѣщалъ Аттилѣ денегъ за ходатайство въ этомъ дѣлѣ ... 71
— посланъ Восточной имперіей къ Персамъ ... 89, 90, 91
Констанція, крѣпость на Истрѣ ... 19
Крека, жена Аттилы, см. Рекан ... 59
Кунигъ и лодья Исиды ... 81
Кунха, владѣтель Гунновъ Кидаритовъ мститъ Пирозу ... 91
Куридахъ одинъ изъ вождей Акацирскихъ не подчиняется Аттилѣ; хитрость Куридаха ... 44
Куріозусъ curiosus ... 32
Куфизмъ κουφισμὸς или relevatio census ... 26
Лабберово изданіе Приска ... 11
Лазы, Лазика, нынѣ Мингрелія ... 83, 84, 97. пр. 107 и 124
Лампадаріи (Λαμπαδάριοι) ... 32
Лещь находитъ въ Прискѣ подтвержденіе прежняго соединенія Чернаго моря съ Каспіемъ ... пр. 78
Леонтъ Восточный императоръ ... 90, 92. пр. 106
Λίμνη и ἕλος ... пр. 78
Магн, сношенія о нихъ между Восточной имперіей и Персіей ... 88, 89. пр. 112
Магистръ оффиціевъ (μάγιστρος τῶν ὀφφικίων) надъ чѣмъ начальствуетъ .. 32
Маи, Анджело, его изданіе Приска ... 12
Маіоріанъ императоръ на Западѣ ... 84, 85
Максиминъ, посолъ Ѳеодосія младшаго къ Аттилѣ ... 7, 8
— не зналъ о заговорѣ Константинопольскаго двора на жизнь Аттилы ... 2, 43
— ведетъ переговоры съ Онигисіемъ ... 58
— заключаетъ миръ съ Вламміями и Нувадами и умираетъ 3, 81
Малхъ началъ свою исторію съ 474 года ... 17
Мана; его (ея?) дѣти выданы Римлянами Гуннамъ ... 21
Маккертъ пріурочиваетъ Патавіонъ къ Петау ... пр. 61
Маргенскій епископъ, см. епископъ.
Маргъ, городъ въ Иллирикѣ, на р. Маргѣ (Моравѣ) ... 19, 23

Марцеллинъ, см. Марцеллинъ.
Маркіанъ императоръ Восточной имперіи, его сношенія съ Западной имперіей, Вламміами и Нувадами, Колхидою, Аттилою и Вандалами. 3, 4, 77, 82. пр. 105
Мартіалій, магистръ, участникъ въ заговорѣ противъ Аттилы..... 32
Марцеллинъ и Рецимеръ оспориваютъ другъ у друга Италію и Сицилію. 85, 86
— воюетъ съ Западною имперіею..... 86, 87
Мёдосъ (μέδος), медъ..... 46
Μέχρι τινὸς..... 45. пр. 54
Мечъ, посвященный Богу войны, найденъ Аттилой..... 66. пр. 80
Мингрелія, въ древ. времена Колхида, въ средніе вѣка Лазика..... пр. 107
Миръ между Восточной имперіей и Аттилой..... 76
Мирные договоры, см. Договоры.
Монтескьё объясняетъ одно мѣсто Приска..... пр. 55
Муральтъ, ссылка на него..... пр. 116.
Мундіухъ, отецъ Аттилы..... 74
Мысли, отдѣлъ «О мыслахъ» или «О мнѣніяхъ» въ Конст. сборникѣ..... 12
Мѣха звѣриные даритъ Аттила Римскимъ посланникамъ..... 76. пр. 93
Мюллерово (Дидотово) изд. Приска..... 13
Мюллеръ (К.) располагаетъ отрывки Приска въ хронологическомъ порядкѣ. 14
— его замѣчаніе на счетъ объема исторіи Приска..... 17
Надпись Одесская (Варнская) описана Пападопуломъ-Вретó и П. Бекке-ромъ..... пр. 17
Наиссъ, городъ, нынѣ Нишъ, или Нисса..... 30, 35 пр. 28
Налоги въ Восточной имперіи чрезмѣрные..... 26, 27, 55. пр. 72
Народы: движеніе ихъ изъ Азіи въ Европу..... 87. пр. 101
Народы: см. Авары, Авсоріаны, Агазиры (Ахатиры), Амилзуры, Болгары, Вандалы, Вламміи, Войски, Готы, Греки, Гунны, Гунны Кидариты, Ивиры, Нувады, Оногуры, Парсы (Мады, Персы), Савиры, Сарагуры, Саракины, Скиры, Скивы, Суаны, Тоносуры.
Начальникъ царской гвардіи..... 75. пр. 90
Нейманъ — объясняетъ Приска..... пр. 55, 56, 57, 58
Нибурово участье въ изданіи Приска..... 12, 13. пр. 49
— замѣчаніе на счетъ объема исторіи Приска..... 17
Нишава, рѣка..... 39
Нишъ, городъ, древній Наиссъ..... 30 пр. 28
Новы Оранійскія..... 30
Номъ и Анатолій отправлены послами къ Аттилѣ..... 75
Нувады и Вламміи..... 80. пр. 102
Оградово окружены дома въ странѣ Аттилы..... 50, 51, 59
Одессъ (Ὀδησσὸς), городъ, на основаніи древней надписи, Варна..... 24, 25
Одноде́ревки (μονόξυλα) на Дунаѣ..... 36
Оиварсій, дядя Аттилы..... 70
Олимпій женится на Плацидіи..... 86
Онигисій, братъ Скотты силенъ при Аттилѣ..... 33, 41. пр. 50
— его домъ..... 51
— ведетъ переговоры съ Максиминомъ..... 58
Оногуры, народъ..... 87

Онорихъ, сынъ Гензериха, обрученъ съ Евдокіей, дочерью Валентиніана... 86
Орестъ, сынъ Татула, отецъ Ромула-Августула въ посольствѣ Аттилы къ Ѳеодосію..... отр. 7, 8. стр. 48. пр. 64
— отправленъ Аттилой въ Константинополь съ мошною на шеѣ..... 74
Ὁρίων не все равно, что ὁρέων..... пр. 43
Оружейные заводы (fabricae)..... 32
Острій, вождь Восточной имперіи..... 95
Отзывы ученыхъ о Прискѣ.....6—9
Officium admissionum..... 32
Ὄχλος не всегда значитъ *толпа*..... пр. 46
Палласа догадка о пониженіи Каспійскаго моря, выведенная изъ Приска.. пр. 78
Pandi у Амміана Марцеллина что значитъ..... 21
Паній (Πάνιον), родина Приска..... 7
Панадонуле-Вретó описалъ надпись Варискую..... 25
Парѳы..... 83, 84, 90
Пасхальная хроника дѣлаетъ извлеченіе изъ Приска..... 16. пр. 97
Патавіонъ городъ..... 48. пр. 61
Патрикія высшее званіе..... 75
Пеонія, Пеонская область, Паннонія, принадлежитъ Аттилѣ... 29, 30. пр. 26
Переводы Приска..... 14, 15
Переводчики (interpretes) въ штатѣ магистра оффиціевъ..... 32
Переводчикъ Вигила..... 30
Переговоры между Максиминомъ и Онигисіемъ..... 58
Περαιοῦσθαι..... пр. 78.
Перецъ Индійскій..... 47. пр. 59
Персы (Парѳы) сносятся съ Восточною имперіею.. 88, 89, 93—95. пр. 108, 112
— воюютъ съ Гуннами Кидаритами..... 89, 98
Пирозъ (Фирузъ), царь Персидскій, обманываетъ Кунху..... 90, 91
Пиръ у Аттилы.....67—69
— у управителя Аттилиной жены..... 70
Письма Приска..... 10
Плацидія, дочь Ѳеодосія Младшаго, выдана за Оливрія..... 86
Плинѳа отправленъ посломъ отъ Римлянъ къ Аттилѣ..... 19
Подарки Римлянъ Гуннамъ..... 34
— Римскаго посольства женѣ Влиды..... 47. пр. 59
Покрывала полотняныя пестрыя..... 60
Попойка у Аттилы..... 68
Поправки Беккера (Эмм.) въ изд. Приска..... 13
Посольства Римлянъ къ народамъ, и посольства народовъ къ Римлянамъ (отдѣлы Константиновскаго сборника)..... 10, 11, 13
Посольство Восточной имперіи хочетъ представиться самому Аттилѣ..... 39
— Западной имперіи..... 48, 49
Постеля Аттилы..... 67
Примутъ въ посольствѣ Западныхъ Римлянъ..... 48
Прискъ, его жизнь 1—4. Характеристика 4. Отзывы о немъ ученыхъ 9—11. Сочиненія Приска, разныя изданія его трудовъ 11—14. Переводы его 14. Комментарій къ нему 15, 16. Объемъ его исторіи..... 16, 17

Прискъ черезъ Скотту устрояетъ свиданіе Римскаго посольства съ Аттилой 41
— встрѣчается съ Греком за Дунаемъ и бесѣдуетъ съ нимъ. . . . 52—58
— его описаніе войны Аттилы въ Галліи до насъ не дошло. . . . . пр. 97
Причардъ объясняетъ одно мѣсто Приска . . . . . пр. 44
Претерій епископъ Александрійскій. . . . . пр. 104
Путь посольства Восточной имперіи къ Аттилѣ. . . . . 35, 36, 37. пр. 45, 54
Пути черезъ Кавказскій перешеекъ. . . . . .62—65. пр. 78. стр. 94, 95. пр. 108
Путь Гунновъ въ Персію (Мидію). . . . . .62—65. пр. 78. стр. 94, 95. пр. 108
— см. дни пути.
Пѣсни на пиру у Аттилы 68, 69
Ratiaria, городъ. 23
Рафаила Волатерранаго свѣдѣніе о трудѣ Приска 12
Ренанъ (см. Крека) 70
Римлянами названа Восточная имперія въ противоположность съ Италіянами (Западною) 88
Римская Армонія. 97
Римскій (В. имп.) Сенатъ отправляетъ посломъ къ Аттилѣ Плинеу и Эпигена. 19
Римское посольство Западной имперіи у Аттилы 49
Риторическія упражненія (μελέται ῥητορικαί) сочиненіе Приска 9
Риторъ, Софистъ, что означали въ V вѣкѣ. 1
Ромапъ, въ посольствѣ Западныхъ Римлянъ. 48
Ромулъ, посолъ Западныхъ Римлянъ . . . . . 48. пр. 78
Руа, царь Гуннскій, воюетъ съ Аміазурами и другими народами, отправляетъ къ Римлянамъ Ислу 18
Рустикій переводчикъ. 40
Русъ. 71
Сава, см. Сай.
Савиры изгнанные Аварами, вступаютъ въ бой съ Сарагурами, Урогами и Оногурами. 87
Сай (Σάος), рѣка Сава 29
Сарагуры требуютъ земли у Акацировъ 87
— заключаютъ миръ съ Восточной имперіей 88
— воюютъ съ Персами. . . . . 93, 94. пр. 108
Сарацины. Война и миръ съ Восточной имперіей. 80
Сардика городъ, нынѣ Софія 30, 33, 34
Сатурнилъ 70, 79
Сборникъ Константинопольскій. 10, 11
Селеніе, въ которомъ былъ дворецъ Аттилы 50
Сенаторъ, см. Синаторъ.
Силлъ, выкупъ его семьи. 70
Сильванъ argentarius. 48, 61
Синаторъ посланный Ѳеодосіемъ младшимъ къ Аттилѣ ѣдетъ туда моремъ. 24
Синодъ Александрійскій. . . . . пр. 104
Сирина, область. . . . . пр. 35.
Σηρικὸν шелкъ . . . . . пр. 35
Сирмій городъ Паннонія 49

Феодосій Младшій отправляетъ Максимина къ Аттилѣ, злоумышляетъ на жизнь Аттилы . . . . . стр. 2. стр. 7 и 8
— — несправедливъ. . . . . стр. 74
— — опасается Зинона. . . . . стр. 76
Феодулъ, посланъ Феодосіемъ младшимъ къ Аттилѣ 24
Феофанъ, историкъ . . . . . пр. 33 и 96
Θῆκαι — не всегда значитъ *гробницы* . . . . . 22. пр. 10
Фирсонъ писалъ о Стилихонѣ . . . . . пр. 73

Финиковые плоды 47, 48
Фирузъ, см. Пирозъ.
Флавіанъ патріархъ замученъ. . . . . пр. 33
Флоръ усмиряетъ мятежъ Александрійцевъ. . . . . пр. 102, 104
Ханыковъ находитъ въ Приск подтвержденіе прежняго соединенія чернаго моря съ Каспійскимъ . . . . . пр. 78
— пріурочиваетъ маршругъ Ромула . . . . . пр. 79
Характеристика Приска 4
Хелхалъ, Гуннъ, вождь Восточной имперіи 96
Херсонесская битва 25
Хрисафій, евнухъ. . . . . отр. 7 и 8
— хочетъ задарить Аттилу 75
Хроника Пасхальная, см. Пасх. Хрон.
Царскими Скиѳами названы у Приска Гунны. . . . . 19, 21. пр. 5
Часы дня 37
Чаши серебряныя 47
— на пиру Аттилиномъ. 68
Черткова объясненіе о томъ, что Скиѳы Присковы Славяне . . . . . пр. 69
Шатеръ Аттилы не могъ стоять ниже шатра Римскихъ пословъ 37
Шелковыя одежды дарятъ Римляне Гуннамъ. . . . . 34. пр. 35
Шерстяные ковры у жены Аттилы 60
Шоттовъ кодексъ Приска. 11
Штритеръ исправляетъ отчасти переводъ Приска Кантокларовъ 15
Эвагрій церковный историкъ. . . . . 14, 16, пр. 104
Эвдокія или Аѳинаида императрица супруга Ѳеодосія Младшаго. . . . 71. пр. 85
— дочь Валентиніана, выдана за Онориха, сына Гензерихова. 86, 87. пр. 111
Эвдоксія, дочь Ѳеодосія Младшаго, въ плѣну у Гензериха 86
Эвфимій сановникъ Маркіана. 84
Эгидій, вождь, родомъ Галлъ. 66
Эдекомъ посолъ Аттилы извѣщаетъ его о заговорѣ Ѳеодосія Младшаго на жизнь Аттилы . . . . . стр. 2. отр. 7 и 8
Эдесса, городъ Восточной имперіи, близъ Персидской границы. . . . 90. пр. 104
Эйхвальдъ (Э.) относитъ соединеніе Чернаго моря съ Каспійскимъ къ эпохѣ первобытной. . . . . пр. 78
Эллакъ старшій сынъ Аттилы. . . . . пр. 51
Эмнетъ отправленъ посломъ къ Римлянамъ отъ Аттилы 19
Эскамъ, дочь Аттилы?. . . . . 45. пр. 55
Эсты. . . . . пр. 74
Юродивый на пиру у Аттилы 69
Юронпаахъ, или Уронсахъ, крѣпость у вратъ Каспійскихъ. . . . 89, 94. пр. 108
Языкъ скиѳскій 40
Языки: Гунскій, Готскій, Авсонскій, Туземный (т. е. гдѣ жилъ Аттила). 52. пр. 69
Якинѳъ (от.) о Монголахъ 20
Ярмарка во время которой нарушенъ Гуннами договоръ ихъ съ Римлянами. 22

Феодосій Младшій отправляетъ Максимина къ Аттилѣ, злоумышляетъ на жизнь Аттилы . . . . . стр. 2. отр. 7 и 8
— — несправедливъ. . . . . стр. 74
— — опасается Зинона. . . . . стр. 76
Феодулъ, посланъ Феодосіемъ младшимъ къ Аттилѣ 24
Феофанъ, историкъ . . . . . пр. 33 и 96
Θῆκαι — не всегда значитъ *гробница* . . . . . 22. пр. 10
Фирсовъ писалъ о Стилихонѣ . . . . . пр. 73

ИЗДАНІЯ

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1. **Словарь Церковно-Славянскаго и Русскаго языка.** СПб. 1847, 4 тома въ 4°.
2. **Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря.** СПб. 1852. 1 т. 4°.
3. **Дополненіе къ Опыту Областнаго Великорусскаго Словаря**, сост. *А. Х. Востоковымъ*. СПб. 1858. 4°.
4. **Церковно-Славянскій Словарь** *А. Х. Востокова*. Т. I—II. 4°. СПб. 1861.
5. **Опытъ Общесравнительной Грамматики Русскаго языка.** СПб. 1852. 1 томъ. 8°. 2-е изд. 1853; 3-е изд. 1854.
6. **Отчеты Императорской Академіи Наукъ** по Отдѣленію Русскаго языка и Словесности за первое двадцатилѣтіе съ его учрежденія, составленные Академикомъ *П. А. Плетневымъ*. СПб. 1852. 1 томъ. 8°.
7. **Извѣстія** Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и словесности, издаваемыя подъ редакціей Академика *И. И. Срезневскаго* съ 1852 года. 4°. Томы I—IX: 1852—1861. Экземпляры перваго и втораго тома всѣ распроданы.
8. **Матеріалы** для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики Русскаго языка и другихъ Славянскихъ нарѣчій. Томы I—VI. СПб. 1854—1861. 4°.
9. **Историческія чтенія** о языкѣ и словесности въ засѣданіяхъ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ. Три книги. СПб. 1854—1857. 8°.
10. **Мнѣнія** о новомъ изданіи Словаря. СПб. 1854. Въ продажѣ уже нѣтъ.
11. **Ученыя Записки** Втораго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Редакторъ *И. И. Срезневскій*. Т. I—VII. Спб. 1854—1861.
12. **Санскрито-Русскій Словарь** *К. А. Коссовича*. Спб. 1855. 4°. Отпечатаны 1—2 тетради.
13. **Памятники Малорусскаго нарѣчія.** Спб. 1855. 8°.
14. **Словарь Малорусскаго нарѣчія**, сост. *А. Афанасьевымъ-Чужбинскимъ*. Спб. 1855. 4°. Тетрадь 1 я.
15. **Изслѣдованіе о лѣтописи Новгородской.** Составилъ *П. А. Лавровскій*. СПб. 1855. 8°.
16. **Память Графа** Сергія Семеновича **Уварова**, Президента Академіи Наукъ. *П. А. Плетнева*. СПб. 1855.
17. **Повѣсть о Царьградѣ.** Чтеніе *И. И. Срезневскаго*. Спб. 1855.
18. **Изслѣдованія и замѣчанія** о древнихъ памятникахъ Старославянской литературы. СПб. 1856. 8°.
19. **Царствованіе Екатерины I.** Соч. *К. И. Арсеньева*. СПб. 1856. 8°.
20. **Грамматика Русскаго языка.** Академика М. В. Ломоносова. 1755 г. Издана II-мъ Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ въ воспоминаніе столѣтія Русской грамматики. СПб. 1855. 8°.
21. **О древней Русской лѣтописи** какъ памятникѣ литературномъ. Соч. *М. И. Сухомлинова*. 1856. 8°.
22. **Памятники нарѣчія Залейскихъ Древлянъ и Глинянъ.** *А. Ѳ. Гильфердинга*. 1856. 8°.
23. **Отчеты II-му Отдѣленію Академіи** о филологическомъ путешествіи по западнымъ краямъ Россіи. Кандидата *С. П. Микуцкаго*. 1853—1856. 8°.
24. **Русскій библіографическій указатель** за 1855 годъ. 8°.
25. **Обзоръ Русской духовной литературы.** 862—1720. Сочиненіе преосвященнаго *Филарета*, епископа Харьковскаго. 1857. 8°.
26. **Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ Русскихъ.** Соч. *А. Пыпина*. 1857. 8°.
27. **Памятники и образцы народнаго языка и словесности.** Редакт. *И. И. Срезневскій*. 1852—1856. 4°.
28. **Древніе глаголическіе отрывки**, найденные въ Прагѣ. *И. И. Срезневскаго*. 1857. 8°.
29. **Хожденіе за три моря** Аѳанасія Никитина въ 1466—1472 гг. Чтеніе *И. И. Срезневскаго*. 1857. 8°.
30. **Обозрѣніе пергаменныхъ рукописей** Новгор. Софійской библіотеки. *И. К. Куприянова*. 1857. 8°.
31. **Высшія правительственныя лица времени царя Михаила Ѳеодоровича.** *П. И. Иванова*. Спб. 1857. 8°.
32. **Задонщина** в. к. Димитрія Ивановича и брата его Владиміра Андреевича. Чтеніе *И. И. Срезневскаго*. 1858. 8°.
33. **Описаніе рукоп. Воскрес. монастыря.** Арх. *Амфилохія*. 1859. 8°.
34. **О Славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и въ Испаніи.** *В. И. Ламанскаго*. 1859. 8°.
35. **Описаніе рукописей XV столѣтія Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.** Арх. *Варлаама*. 1859. 8°.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE
JUL
2974092

returned to
ne last date
is incurred
ne specified